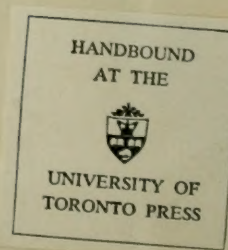

3 1761 07826481 9

HANDBOUND
AT THE
UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

A

А. Н. ПЫПИНЪ.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ДВИЖЕНІЯ

при

АЛЕКСАНДРѢ І.

ПРЕДИСЛОВІЕ И ПРИМѢЧАНІЯ
Н. К. ПИКСАНОВА.

Издательство „О Г Н И".
ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

А. Н. ПЫПИНЪ.

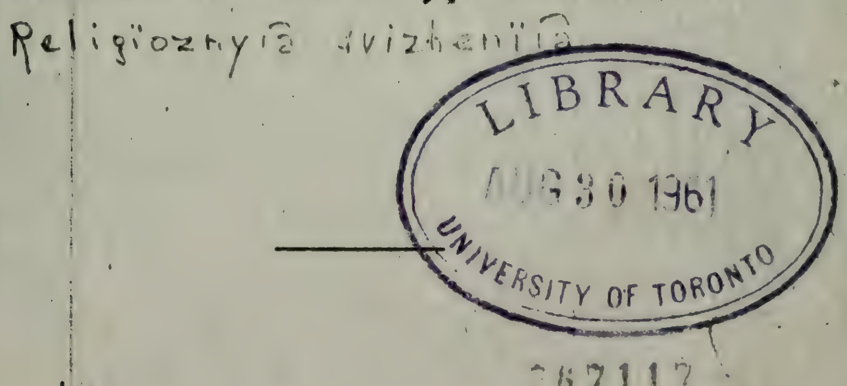
ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ

ПО ЭПОХѢ

АЛЕКСАНДРА I.

ТОМЪ I.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ДВИЖЕНІЯ.

1916.

А. Н. ПЫПИНЪ.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ДВИЖЕНІЯ

ПРИ

АЛЕКСАНДРѢ I.

ПРЕДИСЛОВІЕ И ПРИМѢЧАНІЯ
Н. К. ПИКСАНОВА.

Издательство „ОГНИ".
ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 22 марта 1916 г.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ составѣ обширнаго ученаго наслѣдія покойнаго академика Александра Николаевича Пыпина особое мѣсто занимаетъ его монографія: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Плодъ многолѣтнихъ изученій по обширнымъ и необслѣдованнымъ матеріаламъ и настойчивыхъ размышленій о связяхъ и смыслѣ явленій александровскаго времени, столь богатаго движеніемъ, эта книга при своемъ появленіи въ печати одинаково отвѣтила и нуждамъ русской исторической науки, и запросамъ образованныхъ читателей. Въ ряду другихъ работъ славнаго историка русской общественности она едва ли не самая стройная и гармоническая. Съ равнымъ и неослабнымъ вниманіемъ А. Н. Пыпинъ излагаетъ въ ней и личную характеристику императора Александра, и планы преобразованій какъ въ правительственной, такъ и въ общественной средѣ, и настроенія политическія и религіозныя, и литературное движеніе, и мѣры, принятыя въ пользу или ко вреду просвѣщенія. Въ самомъ характерѣ изложенія одинаково сказывается какъ склонность историка къ фактической точности и полнотѣ, такъ и живое общественное міросозерцаніе, оцѣнивающее явленія по ихъ относительной стоимости въ судьбахъ и успѣхахъ русскаго культурнаго развитія. Эти особенности моно-

графіи создали ей прочный и не слабѣющій успѣхъ въ обширномъ читательскомъ кругѣ, и за сорокъ пять лѣтъ своего существованія она успѣла сдѣлаться по-истинѣ классической книгой не только научнаго, но и воспитательнаго значенія.

Широкая извѣстность и высокая оцѣнка „Общественнаго движенія“ въ читательской средѣ склоняли, однако, многихъ къ ошибочному мнѣнію, что въ этомъ обширномъ сводѣ собраны всѣ разысканія Пыпина по Александровской эпохѣ. Въ дѣйствительности это далеко не такъ. Подготовляя къ печати „Общественное движеніе“, изслѣдователь такъ широко захватывалъ разнообразные матеріалы для изученія, что многимъ изъ нихъ не оказалось мѣста въ сжатомъ изложеніи монографіи. И послѣ обнародованія книги А. Н. Пыпинъ не переставалъ изучать эпоху Александра I—по новымъ открывавшимся документамъ или въ явленіяхъ, не затронутыхъ имъ раньше. Такъ возникъ кругъ спеціальныхъ экскурсовъ, иногда весьма обширныхъ. Статьи о Библейскомъ Обществѣ, напримѣръ, безъ преувеличенія можно назвать цѣлымъ изслѣдованіемъ. Эти отдѣльныя работы покойнаго академика, печатавшіяся въ „Вѣстникѣ Европы“ за старые годы, потомъ неизбѣжно забывались и выпадали не только изъ обычнаго круга образовательнаго чтенія, но иногда даже изъ кругозора спеціалистовъ-историковъ (какъ это случилось, напр., со статьей о „библейской сектѣ“). Между тѣмъ, онѣ написаны съ обычной для Пыпина основательностью и общедоступностью изложенія. Устойчивую цѣнность и неувядающую свѣжесть имъ придаетъ то обстоятельство, что въ ихъ основу положены или неизданные, или трудно доступные и рѣдкіе документы, при чемъ эти источники излага-

лись съ широкимъ знаніемъ всей литературы вопроса. Знатоки александровской эпохи высоко цѣнили эти работы Пыпина, и въ сочувственныхъ отзывахъ здѣсь сходились русскіе историки весьма разнообразныхъ направленій. Такъ, статьи о Библейскомъ Обществѣ признаются „прекрасными" и вел. кн. Николаемъ Михайловичемъ въ его монографіи объ императорѣ Александрѣ I, и свящ. Н. Стеллецкимъ въ изслѣдованіи о кн. А. Н. Голицынѣ. Самъ авторъ въ повторныхъ изданіяхъ „Общественнаго движенія" ссылается на свои статьи, какъ на необходимыя дополненія по тѣмъ вопросамъ, на разработкѣ коихъ онъ не могъ останавливаться въ этой монографіи. Печатаемые ниже, въ дополненіяхъ, письма свидѣтельствуютъ, что Пыпинъ хотѣлъ даже отдѣльно издать работу о Библейскомъ Обществѣ. Самому ему не удалось, однако, этого сдѣлать, и собраніе статей по Александровской эпохѣ до сего времени оставалось неудовлетворенной и настоятельной потребностью.

Осуществляемое въ настоящемъ двухтомномъ изданіи, это собраніе естественно распадается на двѣ группы—по своему преимущественному содержанію: первый томъ занятъ статьями о религіозныхъ движеніяхъ, второй посвященъ движеніямъ общественнымъ. Въ первую группу входятъ работы о Россійскомъ Библейскомъ Обществѣ, о г-жѣ Крюднеръ, о сношеніяхъ имп. Александра съ квакерами, о библейской сектѣ Котельникова. Самой обширной является работа о Библейскомъ Обществѣ. Авторъ скромно оговаривается, что располагалъ скудными матеріалами, не позволяющими разсказать полную исторію Общества. Однако, въ его распоряженіи оказался, прежде всего, такой обильный источникъ, какъ

„Отчеты" и „Извѣстія" Общества; Пыпинъ изучилъ этотъ сухой, но важный матеріалъ, не привлекавшій къ себѣ изслѣдователей ни до, ни послѣ него, и извлекъ оттуда много точныхъ цифровыхъ и характеристическихъ данныхъ. Къ нимъ онъ присоединилъ достовѣрныя показанія изъ англійскихъ мемуаровъ (Гендерсона и Пинкертона), а также изъ обильной русской мемуарной и эпистолярной литературы. Изложеніе обнаруживаетъ также, что Пыпинъ входилъ въ непосредственное изученіе и мистической литературы временъ Александра I; ему удалось воспользоваться и нѣкоторыми рукописными матеріалами. Въ результатѣ сложилось изслѣдованіе, не отмѣненное и донынѣ какимъ-либо новымъ аналогичнымъ. Обширная статья о баронессѣ Крюднеръ опирается на документы, собранные во французской монографіи Эйнара, при чемъ Пыпинъ даетъ этимъ матеріаламъ свое собственное истолкованіе и дополняетъ ихъ данными русской исторіографіи. Этюдъ о квакерахъ написанъ по англійскимъ источникамъ съ добавленіями изъ русскихъ, а очеркъ секты Котельникова весь построенъ на архивныхъ документахъ.

Всѣ перечисленныя работы написаны покойнымъ академикомъ на грани шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ научная разработка александровской эпохи, всегда пользовавшейся нарочитымъ вниманіемъ историковъ, продвинулась далеко впередъ; появилось много новыхъ изслѣдованій, еще болѣе опубликовано документальныхъ матеріаловъ. Если бы настоящее изданіе подготовлялось самимъ авторомъ, его заботливая и твердая рука, конечно, ввела бы въ текстъ рядъ дополненій

и передѣлокъ въ соотвѣтствіи съ новѣйшимъ движеніемъ науки. Этого не случилось, и работы А. Н. Пыпина вновь появляются въ печати въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ были опубликованы въ первый разъ. Все же было необходимо связать ихъ съ современной исторіографіей эпохи. Поэтому въ примѣчаніяхъ въ концѣ книги даны необходимыя библіографическія указанія на новѣйшую спеціальную литературу. Тамъ же мы приводимъ извлеченія изъ документа, опубликованнаго въ позднѣйшее время и примыкающаго непосредственно къ изложенію А. Н. Пыпина. Приложенъ также указатель именъ, облегчающій справки.

Н. Пиксановъ.

Петроградъ
18.III.1916.

РОССІЙСКОЕ
БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(„Вѣстникъ Европы" 1868, августъ сентябрь, ноябрь и декабрь).

РОССІЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.

1812—1826.

Россійское Библейское Общество представляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ русской общественной жизни временъ императора Александра I. Какъ и многое другое въ этой, еще столь недавней, жизни, исторія Библейскаго Общества почти неизвѣстна нынѣшнимъ поколѣніямъ. Если мы не ошибаемся, со времени своего окончательнаго закрытія, оно еще ни разу не останавливало на себѣ вниманія нашихъ историковъ: много, если ему посвящалось изрѣдка два-три слова или отрывочныхъ упоминанія; даже въ книгахъ, которыя довольно близко касались временъ и лицъ Библейскаго Общества, оно обходилось молчаніемъ. Исторія его не лишена, однако, большого интереса и наставительности. «Общество» во многихъ отношеніяхъ было характеристическимъ порожденіемъ своего времени, и историкъ этого времени необходимо долженъ дать мѣсто и объясненіе тому своеобразному и новому для русскихъ нравовъ движенію, какое выразилось въ быстромъ успѣхѣ «библейскаго дѣла»; съ другой стороны, наша общественная жизнь, какъ мы иногда ни радуемся ея быстрымъ успѣхамъ, движется все-таки не такъ быстро, чтобы въ судьбѣ «Общества» намъ не пришлось часто видѣть явленій, знакомыхъ намъ и по нашему собственному, современному опыту.

Русское Библейское Общество, по своей основной мысли, нисколько не было русское, и даже своимъ первымъ учрежденіемъ на нашей почвѣ не было обязано русской иниціативѣ. Но эта чужая иниціатива нашла, однако, себѣ опору въ условіяхъ русской жизни; такъ или иначе, Общество стало на ноги и начало дѣйствовать собственными средствами, стало существовать тѣми элементами, какіе доставляла русская жизнь, и приняло тотъ характеръ, какой могли дать ему нравы, степень развитія

и общественные наши порядки. Вступивши въ эту сферу, оно имѣло потомъ обширный успѣхъ, въ короткое время раскинулось по всей Россіи, европейской и азіатской, считало множество членовъ и филіальныхъ учрежденій, собирало большія пожертвованія, дѣлало массы изданій... Кончилось оно такъ же негаданно, какъ началось.

Первымъ источникомъ, изъ котораго вышло русское Общество, было знаменитое «Британское и Иностранное Библейское Общество» (British and Foreign Bible Society), основанное въ 1804 году и существующее, въ громадныхъ размѣрахъ средствъ и дѣятельности, до сихъ поръ. Основаніе Британскаго Общества, съ одной стороны, было явленіемъ чисто англійскимъ; но, съ другой, оно связано тѣсно съ цѣлыми европейскими отношеніями, которыя впослѣдствіи и сдѣлали возможнымъ большой его успѣхъ на европейскомъ континентѣ. Появленіе идеи о библейскомъ обществѣ, поставляющемъ себѣ главной и единственной цѣлью распространеніе Библіи повсюду, куда только можетъ достигнуть ревность общества, и притомъ Библіи чистой, безъ всякихъ примѣчаній и объясненій, которыя могли бы придать ей какую бы то ни было конфессіональную односторонность, слѣдовательно Библіи, которая могла бы быть принята всевозможными христіанскими исповѣданіями и вмѣстѣ могла служить для первой пропаганды христіанства между всякими иновѣрцами и язычниками, — появленіе такой идеи находится въ тѣсной связи съ тѣмъ оживленнымъ, часто бурнымъ и смутнымъ, нерѣдко энтузіастическимъ движеніемъ умовъ, какое отличаетъ европейскую жизнь конца прошлаго и начала нынѣшняго XIX-го столѣтія.

Французская революція вызывала въ Англіи особенно дѣятельную реакцію, еще во время совершенія самыхъ событій. Реакція эта была не только политической борьбой противъ Франціи, но и особеннымъ усиленіемъ идей, которыя отвергались скептицизмомъ и критикой XVIII-го столѣтія. Въ Англіи это возбужденіе умовъ, работавшее противъ идей революціи, поддерживалось, больше чѣмъ гдѣ-нибудь, различными мѣстными условіями самой англійской жизни, образованности и нравовъ. Къ срединѣ XVIII-го вѣка относится въ Англіи особенное развитіе религіозной экзальтаціи, которая составляла въ англійскомъ обществѣ противовѣсъ свободнымъ мыслителямъ и чистому деизму,

но, почти наравнѣ съ этими мыслителями, враждебно относилась къ догматизму и схоластикѣ англиканской оффиціальной церкви. Самымъ характернымъ выраженіемъ этой экзальтаціи былъ методизмъ, который считалъ себя истиннымъ выраженіемъ новозавѣтной религіи и былъ протестомъ противъ сухого формализма господствующей церкви,—и квакерство, начавшееся раньше, но теперь получившее новую силу и новыхъ послѣдователей. Событія содѣйствовали развитію религіознаго возбужденія, и послѣднее десятилѣтіе прошлаго (XVIII-го) вѣка, самый разгаръ революціи на континентѣ, ознаменовалось въ Англіи чрезвычайнымъ развитіемъ духа миссіонерства и евангельской пропаганды. Въ 1794 году въ Лондонѣ основалось миссіонерское общество, въ которомъ разнообразныя секты сошлись единодушно съ цѣлью проповѣдывать язычникамъ евангеліе. Въ 1796 году изъ Англіи уже отправлялся корабль съ 35 миссіонерами, которые должны были дѣйствовать на островахъ Тихаго океана. Вслѣдъ за первымъ англійскимъ обществомъ быстро послѣдовали другія: въ 1796 году—шотландское, въ 1797—голландское; въ 1800—большое церковное миссіонерское общество въ Лондонѣ. Въ первые годы нынѣшняго столѣтія движеніе перешло въ Америку, и тамъ точно также образовался цѣлый рядъ миссіонерскихъ обществъ: большое американское, общество баптистовъ, методистовъ, епископальное и т. д. Послѣ войнъ за освобожденіе, когда такая же религіозная экзальтація появилась и въ континентальной Европѣ, къ этому движенію примкнула и протестантская Германія, и миссіонерскія общества основались въ Базелѣ, Берлинѣ, Гамбургѣ, Дрезденѣ и пр. Въ этомъ движеніи было много искренняго одушевленія и самоотверженія; правда, въ своихъ позднѣйшихъ проявленіяхъ англо-американскія секты очень часто могли возбуждать къ себѣ антипатію своими крайними преувеличеніями или даже чистымъ лицемѣріемъ, но въ средѣ ихъ, особенно въ первое время, было много людей, истинно достойныхъ уваженія, людей, искренно убѣжденныхъ, глубоко безкорыстныхъ и самоотверженно преданныхъ человѣчеству. Назовемъ для примѣра знаменитаго методиста, имя котораго стало синонимомъ друга человѣчества, который содѣйствовалъ также и утвержденію библейскаго общества, — Вильберфорса. Миссіонерская дѣятельность уже съ самаго начала должна была вызвать новыя заботы: явились школы для образованія миссіонеровъ. Первая такая школа основалась въ Госпортѣ въ Англіи (1801); затѣмъ

послѣдовали другія школы въ Англіи и Америкѣ; далѣе въ Роттердамѣ, Базелѣ, Парижѣ, Берлинѣ и т. д. Съ миссіонерствомъ естественно соединялась филантропія, и проповѣдь освобожденія негровъ стала великой заслугой Вильберфорса; также естественно присоединилась къ этому забота о воспитаніи народныхъ массъ, забота, выраженіемъ и средствомъ которой стали, въ особенности, «школы взаимнаго обученія», главнымъ основателемъ которыхъ былъ квакеръ Джозефъ Ланкастеръ. Эти, такъ называемыя ланкастерскія школы, были по преимуществу школами для бѣдныхъ, по простотѣ и дешевизнѣ своего устройства, при которомъ одного учителя могло доставать на цѣлыя сотни учениковъ. По всему своему характеру ланкастерскія школы шли совершенно параллельно съ тѣмъ религіозно-филантропическимъ движеніемъ, о которомъ мы разсказываемъ, и распространялись онѣ везде, куда заходило это миссіонерство, филантропическія идеи и библейскія общества. Въ одно время или отчасти раньше Ланкастера метода взаимнаго обученія была употреблена Беллемъ, священникомъ англиканской церкви, и «Общество національныхъ школъ» въ Англіи воспользовалось услугами Белля для основанія народныхъ училищъ въ духѣ «высокой церкви», т. е. господствующаго англиканства; въ противоположность этому, школы квакера Ланкастера отличались именно тѣмъ, что это были по преимуществу «школы для всѣхъ» (schools for all), потому что онѣ открыты были для всякаго исповѣданія одинаково, въ нихъ всего скорѣе могъ найти себѣ мѣсто безпомощный бѣднякъ. Ланкастерскія школы опять обошли Европу и Америку...

Общій характеръ всѣхъ этихъ учрежденій былъ религіозный. Естественно, что при ихъ дѣятельности въ протестантской странѣ должна была очень скоро почувствоваться необходимость въ книгахъ священнаго писанія: эти книги нужны были и для народнаго воспитанія, которое стало задачей ревнителей религіознаго образованія, и для проповѣди христіанства, которую предпринимали миссіонеры. Эта необходимость въ первый разъ дала мысль объ основаніи особаго библейскаго общества и обезпечила этой мысли полный успѣхъ.

Первая мысль объ основаніи общества для систематическаго распространенія Библіи принадлежала нѣкоему Чарльзу. Это былъ англиканскій священникъ, который, по прямотѣ своей проповѣди, не нашелъ сочувствія у властей оффиціальной церкви,

а съ тѣмъ вмѣстѣ не нашелъ и прихода, и потому посвятилъ себя странствующей проповѣди между народомъ, въ селахъ и деревняхъ Уэльза. Здѣсь онъ нашелъ свою настоящую задачу и вмѣстѣ съ проповѣдью онъ соединилъ народное обученіе, посредствомъ такъ называемыхъ «переходящихъ школъ»: школа, т. е. учитель, оставался въ деревнѣ 9—12 мѣсяцевъ, пока не оканчивалъ своего первоначальнаго обученія, затѣмъ переходилъ въ другую деревню, потомъ въ третью и т. д., — система, которая была очень удобна въ гористомъ Уэльзѣ, гдѣ ученикамъ неудобно было посѣщать далеко разбросанныя школы.

Чарльзъ возъимѣлъ мысль, что для устраненія недостатка Библій, нужныхъ для проповѣди и школъ, могло бы основаться такое же общество, какъ существовавшее уже въ то время «Общество религіозныхъ трактатовъ», занимавшееся издаваніемъ богословско-нравоучительныхъ книжекъ для народнаго чтенія. Чарльзъ обратился къ одному изъ своихъ друзей, члену этого общества, былъ имъ представленъ обществу и энергически говорилъ въ его комитетѣ о своемъ Уэльзѣ, которому нужны были Библіи. Въ это время одинъ изъ секретарей «Общества трактатовъ», Джозефъ Гьюгсъ сказалъ слѣдующія слова: — «Конечно, можно составить общество съ этой цѣлью; но если это можно сдѣлать для Уэльза, то отчего нельзя было бы сдѣлать этого для всего королевства и для цѣлаго міра?» Съ этихъ словъ будущее «Библейское Общество» было рѣшено. Оно основалось 7 марта 1804 года подъ именемъ «Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества», съ одобренія лондонскаго епископа, который указалъ Обществу президента въ лордѣ Тейгнмутѣ.

Чарльзъ не участвовалъ въ самомъ образованіи Общества; онъ оставался въ Уэльзѣ съ своими школами и слушателями, но усердно содѣйствовалъ первымъ шагамъ новаго Общества, собирая пожертвованія, шедшія здѣсь изъ рукъ самаго низшаго класса въ народѣ. Ревностнѣйшими дѣятелями Общества стали: Джонъ Овенъ, англиканскій священникъ; докторъ Штейнкопфъ, нѣмецкій лютеранскій пасторъ; упомянутый Джозефъ Гьюгсъ, пасторъ баптистовъ. Можно сказать, что неутомимымъ усиліямъ этихъ трехъ людей Библейское Общество всего больше обязано было и своей первой организаціей и своимъ быстрымъ успѣхомъ. Но рядомъ съ ними слѣдуетъ назвать и ихъ энергическихъ сотрудниковъ: это были пасторы Патерсонъ, Гендерсонъ и Пин-

кертонъ, неутомимые агенты лондонскаго центра, которые странствовали по всей Европѣ, отъ Англіи до киргизскихъ степей и отъ Исландіи до Мальты, пропагандируя учрежденіе библейскихъ обществъ. Путь ихъ странствованій отмѣчался основаніемъ новыхъ обществъ и новыми библейскими предпріятіями. Эти имена остались и въ исторіи русскаго Общества.

Успѣхъ Общества былъ дѣйствительно быстрый: въ самое короткое время оно распространилось сначала въ самой Англіи, потомъ въ англійскихъ колоніяхъ, въ Америкѣ, и почти на всемъ европейскомъ материкѣ. Вскорѣ оно распространилось, въ видѣ самостоятельныхъ учрежденій или въ видѣ филіаціи Британскаго Общества, по всѣмъ частямъ свѣта.

Развитіе библейскихъ обществъ въ континентальной Европѣ совпадаетъ съ тѣмъ настроеніемъ умовъ, какое отличаетъ періодъ реставраціи. Движеніе, начавшееся въ Англіи, сливалось здѣсь съ общеевропейскимъ поворотомъ идей послѣ французской революціи и наполеоновскихъ войнъ. Это былъ тотъ странный періодъ времени, характеромъ котораго было общественное утомленіе и вмѣстѣ сознаніе неудовлетворительности существующихъ отношеній и смутное исканіе чего-то новаго, и который, вслѣдствіе того, создалъ безумную политическую реакцію и массу тайныхъ революціонныхъ обществъ, романтизмъ католическо-средневѣковой и романтизмъ Байрона, проповѣдь обскурантизма и демократическую проповѣдь о правахъ народовъ. Эти яркія противоположности отчаянно боролись между собою, потому что слишкомъ противорѣчили другъ другу въ своихъ крайнихъ выраженіяхъ, но тѣмъ не менѣе въ общественныхъ отношеніяхъ и въ самыхъ теоретическихъ понятіяхъ того времени было много оттѣнковъ, гдѣ противоположности смягчались и сглаживались, такъ что люди совершенно различныхъ мнѣній могли искренно соединяться для одного дѣла, и одна и та же доктрина могла приводить разныхъ людей къ весьма различнымъ практическимъ выводамъ и дѣятельности. Къ числу такихъ обоюдныхъ общественныхъ явленій принадлежало и то піэтистическое настроеніе, которое дало начало библейскимъ обществамъ и которое, съ одной стороны, было филантропически прогрессивно, съ другой черезъ мѣру податливо къ внушеніямъ реакціи. Мы нашли нужнымъ замѣтить это теперь же, потому что въ исторіи русскаго Библейскаго Общества мы встрѣчаемся

и съ этой чертой времени, которая, между прочимъ, и составила библейскимъ обществамъ, въ томъ числѣ и нашему, ихъ неопредѣленную, обоюдную репутацію.

Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ, дѣятельность библейскихъ обществъ въ Европѣ была особенно сильна и особенно замѣтно выдавалась въ общественной жизни. Но, если внутреннія отношенія европейскихъ націй способствовали распространенію этого учрежденія, то главнѣйшая роль, и въ началѣ и за это время и послѣ, принадлежала все-таки Британскому Обществу.

Въ самомъ дѣлѣ, весь планъ задуманнаго общества былъ специфически англійскій, въ Англіи оно всего больше было въ своей сферѣ, и потому всего больше могло вызвать столь обширную дѣятельность въ этомъ направленіи.

Мысль объ основаніи библейскаго общества прежде всего могла дѣйствительнымъ образомъ осуществиться только въ странѣ съ большой общественной и религіозной свободой, которая бы давала весь необходимый просторъ религіозному энтузіазму и практической предпріимчивости.

Когда первые организаторы Библейскаго Общества опредѣляли будущій планъ его дѣйствій, они имѣли уже въ прошедшемъ своей страны цѣлый рядъ попытокъ, шедшихъ къ той же цѣли, хотя слабо и недостаточно. Такимъ образомъ Библейскому Обществу предшествовали въ Англіи: общество для распространенія христіанскаго ученія, 1698; общество для распространенія евангелія внѣ Англіи, 1701; шотландское общество распространенія христіанскаго ученія, 1709; общество для распространенія религіозныхъ познаній между бѣдными, 1750; библейское общество для арміи и флота, 1780; общество для поддержки и поощренія воскресныхъ школъ, 1785 и т. п. Наконецъ, мы упоминали о миссіонерскихъ обществахъ, которыя открывались въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка.

Всѣ эти общества показываютъ, какъ давно въ англійской жизни религіозное движеніе совершалось средствами самого общества, какъ давно оно приходило къ практическому осуществленію и сколько простора жизнь могла здѣсь дать новымъ дѣятелямъ. Сила убѣжденія или энтузіазма, выроставшая въ такихъ условіяхъ, была такъ велика, что новые дѣятели, при самомъ началѣ своего предпріятія, не усумнились дать ему названіе «Британскаго и Иностраннаго» и предположить для него

размѣры дѣятельности, простирающіеся на всѣ христіанскіе народы.

Основатели Общества поставили себѣ цѣлью основать предпріятіе, которое было бы дѣломъ «націй», которое бы не ограничивалось Британіей, а поддерживалось «всѣми христіанами вообще», распространяло Библію между всѣми народами и для того нашло себѣ союзниковъ во всемъ мірѣ. Чтобы подобная идея могла возникнуть въ умахъ основателей Общества, не оставаясь одной притязательной фантазіей или благочестивой фразой, для этого, въ практическомъ отношеніи, нуженъ былъ тотъ обширный горизонтъ, какимъ въ особенности могли владѣть люди націи, раскинувшей свои владѣнія, свое племя и пункты опоры во всѣхъ странахъ земли. Въ отношеніи нравственно-религіозномъ, для этого нужна была извѣстная широта религіозныхъ воззрѣній и терпимости, которыхъ тогда мудрено было искать въ нѣмецкомъ протестантизмѣ, или слишкомъ отвлеченномъ, или слишкомъ узкомъ и исключительномъ, — и конечно всего меньше можно было бы искать въ обществахъ католическихъ, гдѣ самая Библія на народномъ языкѣ или была вещью неслыханной, или, если существовала, то была вещью до послѣдней степени запретной. Англійское Общество стояло въ этомъ отношеніи всего выгоднѣе; религіозный вопросъ развивался здѣсь съ большой свободой еще въ XVIII-мъ столѣтіи; съ одной стороны, борьба самихъ сектъ, съ другой — указанія религіознаго скептицизма и пропаганда «естественной религіи» произвели значительную степень взаимной терпимости, и основателямъ Британскаго Общества совершенно естественно представилась мысль о соединеніи всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ общей проповѣди чисто-евангельскаго ученія. Эта мысль — результатъ цѣлаго общественнаго развитія — возвышала лучшихъ приверженцевъ «библейскаго дѣла» надъ обыкновеннымъ сектаторскимъ піэтизмомъ (какого можно было бы ждать отъ методистовъ, баптистовъ, квакеровъ и т. д., которыхъ было много между этими приверженцами); отрѣшаясь отъ конфессіональной исключительности, они создавали себѣ особенное независимое положеніе, и, какъ миссіонеры, могли считать себя проводниками истинной религіи и піонерами цивилизаціи, и почерпать въ этомъ убѣжденіи новую энергію.

Для англійскихъ прозелитовъ «библейское дѣло» имѣло за себя и то освященіе, какое дается идеѣ мученичествомъ ея осно-

вателей и защитниковъ. Въ самой Англіи, переводъ Библіи, распространеніе ея въ націи на ея родномъ языкѣ, принадлежатъ къ эпохамъ ея религіознаго освобожденія: Библія на народномъ языкѣ была лозунгомъ и могущественнымъ орудіемъ англійской реформаціи. Освобожденіе отъ папы и католичества заявлялось потребностью изученія самихъ источниковъ христіанства, т. е. св. писанія безъ комментаріевъ папы и поддѣльныхъ декреталій. Англіи, въ лицѣ Виклефа, принадлежитъ первый сознательно предпринятый трудъ въ этомъ смыслѣ, еще въ концѣ XIV столѣтія. Виклефъ только случайно уцѣлѣлъ отъ костра. Впослѣдствіи католическое духовенство сожгло его кости, вырывши ихъ изъ могилы, и жгло его послѣдователей. Но дѣло не погибло, и въ началѣ XVI-го столѣтія, когда католическое изувѣрство было еще въ полной силѣ, въ Англіи явился новый проповѣдникъ реформы и—новый переводчикъ Библіи. Это былъ знаменитый въ исторіи англійской реформы, Вилльямъ Тиндаль, современникъ Лютера. Тиндаль развивался уже въ атмосферѣ реформы,—писаніе начали изучать въ его еврейскомъ и греческомъ подлинникѣ. Одичалое католическое духовенство, изображенное въ знаменитыхъ Litterae obscurorum virorum, говорило тогда своей послушной паствѣ: «недавно открыты два новые языка, греческій и еврейскій; народъ долженъ остерегаться ихъ, потому что отъ нихъ-то и идутъ всѣ ереси». Тиндаль и его друзья съ жаромъ изучали Новый Завѣтъ, только что изданный тогда въ греческомъ подлинникѣ Эразмомъ Роттердамскимъ, изучали съ опасностію жизни, потому что духовенство удвоивало шпіонство и усиливало инквизицію. Тиндаль доженъ былъ, наконецъ, бѣжать изъ Англіи; въ Германіи и Голландіи онъ совершилъ свой трудъ, переводъ Библіи, сдѣлалъ нѣсколько изданій св. писанія, проникшихъ въ Англію, и наконецъ кончилъ жизнь, всю отданную «библейскому дѣлу», на кострѣ, 1536 г. Англійская Библія, какую распространяетъ Библейское Общество, есть сводъ нѣсколькихъ разныхъ переводовъ, сдѣланный въ 1611 году 47-ю лучшими въ свое время знатоками дѣла; главная сущность этого сборнаго перевода принадлежитъ Тиндалю.

Наконецъ, въ Англіи подобное общество всего скорѣе могло найти прочныя матеріальныя средства. Общественная иниціатива нигдѣ въ Европѣ не имѣла, и до сихъ поръ не имѣетъ такой силы, какъ въ Англіи,—идетъ ли она на предпріятіе чисто про-

мышленное, или на безкорыстное служеніе идеѣ. Средства Общества постоянно возрастали, и употребленіе ихъ въ дѣло совершалось съ такимъ тактомъ и справедливостью, что Общество внушило къ себѣ сочувствіе и уже вскорѣ было въ состояніи располагать весьма значительными средствами: пожертвованія стекались въ него большими суммами. Оно оставалось вѣрно своей идеальной задачѣ—служить «націямъ» или всему человѣчеству, и оказывало дѣйствительно братскую помощь своимъ отраслямъ въ чужихъ странахъ, назначая значительныя денежныя суммы въ ихъ полное распоряженіе и само однако не получая отъ нихъ ничего. Мы увидимъ дальше, что русское Общество, въ первые годы своего существованія, получило изъ Лондона богатую поддержку для своей кассы... Національный интересъ дѣятелей Британскаго Общества состоялъ только въ сознаніи своего первенства въ «библейскомъ дѣлѣ», въ сознаніи нравственной заслуги, которая должна была быть приписана исключительно его труду и постоянству. Филіальныя учрежденія Общества, когда они основывались въ чужой странѣ, и находили возможность самостоятельнаго существованія, дѣлались совершенно независимыми отъ Британскаго Общества и сохраняли съ нимъ только чисто дружественныя отношенія,—и Британское Общество гордо сравнивало себя съ бананомъ, который можетъ пріютить въ своей тѣни цѣлыя сотни людей, и котораго вѣтви, упадая къ землѣ, пускаютъ въ ней корень и растутъ вновь, какъ особое дерево.

Мы не имѣли возможности передать здѣсь, даже вкратцѣ, исторіи Британскаго Общества, не лишенной своихъ замѣчательныхъ, высокихъ и трогательныхъ событій. Уже съ первыхъ годовъ его иностранная пропаганда увѣнчалась богатыми результатами: основывалось множество новыхъ обществъ, печаталось множество книгъ св. писанія на разныхъ языкахъ, дѣлались новые переводы, распространялись книги агентами общества и туземными ревнителями. Секретари Общества, Штейнкопфъ, Овенъ, Гьюгсъ, трудились неутомимо, вели громадную переписку съ своими сотрудниками и корреспондентами въ разныхъ концахъ свѣта, разсылали пособія. Агенты Общества предпринимали цѣлыя путешествія для основанія новыхъ обществъ, искали новой почвы, гдѣ было нужно «библейское дѣло», отыскивали переводчиковъ Библіи на тѣ языки, гдѣ она была еще совершенно неизвѣстна.

Исторія англійскаго Общества исполнена примѣрами такой неутомимой, смѣлой и безкорыстной дѣятельности, невольно внушающей къ себѣ уваженіе. Въ Остъ-Индіи, три баптистскіе миссіонера, прибывшіе туда въ послѣдніе годы прошлаго вѣка, предприняли переводъ св. писанія на туземные языки. Дѣло это началось по предложенію одного изъ нихъ,—знаменитаго потомъ библейскаго дѣятеля, Кэри;—это былъ человѣкъ бѣдный, жившій трудомъ своихъ рукъ, и первая складчина между баптистами дала для этого дѣла скромную сумму около 60 р. сер. Британское Общество поспѣшило къ нимъ на помощь и переслало въ распоряженіе Кэри и библейскихъ обществъ Индіи сумму около 1.430.000 р. сер. Кэри трудился въ Индіи сорокъ лѣтъ и къ концу своей жизни издалъ, съ своими сотрудниками, переводы св. писанія, въ цѣломъ или частями, почти на тридцати туземныхъ языкахъ.—Не такими большими суммами, но съ такою же внимательностью Общество помогало всякому подобному труду, если помощь его была нужна,—несмотря ни на національности, ни на исповѣданія: мы будемъ говорить дальше о его содѣйствіи русскому Обществу; точно также помогало оно нѣмецкимъ и французскимъ библейскимъ предпріятіямъ,—и при всей антипатіи къ католицизму давало деньги на библейскіе труды католиковъ.—Непосредственное миссіонерство его агентовъ и распространителей Библіи простиралось на самые отдаленные и недоступные края: англичанинъ отправлялся въ киргизскія степи и жилъ между ихъ обитателями, чтобы научиться языку; англичане жили между сибирскими бурятами; агенты англійскаго общества заѣхали даже въ Охотскъ и снабдили Библіей *каждый домъ* въ этомъ городѣ...

Этотъ духъ безкорыстной пропаганды, одушевлявшій дѣятелей Британскаго Библейскаго Общества, давалъ имъ большой нравственный авторитетъ и внушаетъ уваженіе къ нимъ, какъ людямъ глубокаго убѣжденія,—какъ бы мы ни смотрѣли на другія стороны ихъ мнѣній и дѣятельности. Чувство этихъ людей доходило до настоящаго энтузіазма, который дѣйствовалъ увлекающимъ образомъ,—примѣръ этого представляетъ, кажется, и дѣятельность агентовъ англійскаго Общества въ Россіи.

Въ 1854 г., Британское и Иностранное Библейское Общество праздновало свой 50-лѣтній юбилей. По счету его историковъ, до 1804 г, существовало всего 50 печатныхъ текстовъ св. писанія, и именно: 4 подлинныхъ текстовъ и переводовъ на мертвыхъ

языкахъ (еврейскій, греческій, латинскій, сирійскій); 32 перевода—на языкахъ Европы; 2—Африки; 9—Азіи; 3—Америки. Все число экземпляровъ, въ которыхъ до 1804 г. распространены были эти тексты, считали только до 4.000.000, или нѣсколько больше. За пятьдесятъ лѣтъ дѣятельности Британскаго Общества Библія существовала уже на 148 языкахъ и количество распространенныхъ имъ экземпляровъ дошло до огромной цифры 46.000.000.

Какихъ размѣровъ достигло Британское Библейское Общество въ настоящее время, объ этомъ можно судить по нѣсколькимъ цифрамъ изъ его отчета за прошлый, 1867 годъ. Въ этомъ одномъ году стараніями Общества распространено 2.400.000 экземпляровъ Библіи,—въ томъ числѣ на парижской выставкѣ 91.000 экз., напечатанныхъ на 170 языкахъ. Доходы Общества простирались до 186.000 фунт. ст.; почти на такую же сумму сдѣлано было расходовъ. Со времени своего основанія до настоящаго года Общество распространило больше *55.000.000* экземпляровъ св. писанія. Въ настоящее время [1868 г.] оно имѣетъ 9.916 побочныхъ отраслей, которыя разсылаютъ своихъ агентовъ во всѣ страны свѣта...

Въ самой внѣшней организаціи Общества была принята принципомъ та вѣротерпимость, въ духѣ которой совершалась вся дѣятельность Общества. Въ числѣ 36 членовъ комитета, управляющаго дѣлами Общества, должно быть 6 иностранцевъ, имѣющихъ пребываніе въ Лондонѣ, а изъ остальныхъ 15 выбирались изъ лицъ, принадлежащихъ англиканской церкви, и 15 изъ лицъ всякихъ другихъ христіанскихъ исповѣданій и англійскихъ диссентеровъ. Первыми секретарями комитета, какъ мы видѣли, были три духовныя лица, трехъ различныхъ протестантскихъ исповѣданій, но члены комитета были міряне и президенты также,—и это было совершенно естественно при томъ смыслѣ, въ какомъ Общество понимало свое предпріятіе: ему нужна была Библія, и трудиться для ея распространенія, конечно, могъ каждый, кто сочувствовалъ этому дѣлу; отстранивши совершенно вопросъ о различіи исповѣданій, Общество тѣмъ самымъ устраняло и чисто клерикальную исключительность. Но всякій пасторъ, который дѣлается членомъ Общества по подпискѣ, можетъ присутствовать и подавать голосъ въ собраніяхъ комитета. Сложность дѣла потребовала раздѣленія общаго комитета на нѣсколько отдѣленій,—какъ, напр., отдѣленіе для разсмотрѣ-

нія переводовъ, отдѣленіе для печати и переплета изданій, отдѣленіе, завѣдующее агентствомъ Общества и т. д.

Комитетъ ежегодно издавалъ подробные отчеты о своей дѣятельности. Эти «Annual Reports» составляютъ богатый источникъ для исторіи Общества. Изъ полныхъ отчетовъ дѣлались также краткія извлеченія (Summary, Brief View, или Compendium); для бо̀льшаго распространенія свѣдѣній о дѣятельности Общества стали потомъ издавать ежемѣсячныя извѣстія, корреспонденціи и т. под.

По мѣрѣ распространенія Общества, вездѣ, гдѣ оно находило достаточно новыхъ сотрудниковъ, основывались вспомогательныя общества (Auxiliary, и Branch-Society), внутреннее устройство которыхъ слѣдовало тѣмъ же правиламъ, какія приняты были въ устройствѣ лондонскаго комитета. То же начало коллективной дѣятельности распространено было на са̀мыя частныя развѣтвленія Общества, и такимъ образомъ основывались особыя общества или библейскія ассоціаціи рабочія, юношескія, школьныя, женскія (Mechanic-, Juvenile-, School-, Ladies- Bible-associations) и т. д. [1]).

Мы увидимъ дальше, что всѣ существенныя черты этого устройства приняты были и у насъ.

Въ такомъ видѣ началась и открылась дѣятельность Библейскаго Общества. Эта дѣятельность, при своемъ началѣ, возбудила большое сочувствіе въ самой Англіи и въ разныхъ странахъ Европы, но вмѣстѣ съ тѣмъ она пріобрѣла и ожесточенныхъ противниковъ. Мы упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ объ этомъ сочувствіи и враждѣ,—потому что русское Библейское Общество различнымъ образомъ связано было съ ходомъ библейскаго предпріятія въ Европѣ; и хотя судьба русскаго Общества была совершенно своеобразна и, вообще говоря, опредѣлилась своими, чисто русскими условіями, но въ томъ успѣхѣ, съ ка-

---

[1]) Для подробнаго изученія исторіи Общества главный источникъ составляютъ упомянутые «Annual Reports». Исторія первыхъ лѣтъ Общества, къ которымъ относится и бо̀льшая доля существованія русскаго Общества, разсказана въ книгѣ Овена, одного изъ первыхъ секретарей Общества (John Owen: History of the British and Foreign Bible Society, 3 vols. Lond. 1822). Обстоятельное описаніе организаціи и всѣхъ вѣтвей Общества, за то же время, представляетъ: Analysis of the System of the Bible Society throughout its various parts, including a Sketch of the origin and results of Auxiliary, and Branch-Societies, by C. S. Dudley. Lond. 1821.

кимъ оно началось, и въ тѣхъ преслѣдованіяхъ, подъ которыми оно пало, повторялись многіе мотивы, дѣйствовавшіе вообще на судьбу библейскаго предпріятія.

Возраженія и вражда противъ Библейскаго Общества выступили съ разныхъ сторонъ.

Нечего и говорить о томъ, что первымъ врагомъ распространенія Библіи являлась католическая церковь, въ которой чтеніе этой книги запрещено народу по принципу, давно вошедшему въ католическіе нравы. Этотъ принципъ особенно строго поддерживался въ средніе вѣка, когда римская церковь, запрещеніемъ Библіи, желала въ особенности укрѣпить свой авторитетъ и устранить возможность сомнѣній въ этомъ авторитетѣ. Когда Библейское Общество основалось, папская власть была въ трудныхъ обстоятельствахъ; но какъ скоро значеніе ея было возстановлено, папы не преминули повторить запрещеніе противъ Библіи, потому что Библейское Общество захватило въ кругъ своей пропаганды и страны католическія. Такимъ образомъ, Пій VII издалъ въ 1816 г. запрещеніе противъ польской Библіи, изданной русскимъ Библейскимъ Обществомъ, хотя первое изданіе этой Библіи сдѣлано было (въ концѣ XVI-го в.) съ разрѣшенія папы Климента VIII. Новое запрещеніе издано было Львомъ XII, въ 1824 г., и съ тѣхъ поръ запреты нѣсколько разъ повторяемы были папами до самаго Пія IX. Между тѣмъ, Библейское Общество нашло себѣ ревностныхъ приверженцевъ и въ католической средѣ, даже въ средѣ духовенства: средневѣковое запрещеніе теряло свою силу передъ новыми религіозными требованіями. Католическіе священники находили, что древніе отцы церкви не запрещали, а, напротивъ, поощряли чтеніе Библіи [1]). Въ комитетѣ русскаго Общества до конца его, въ числѣ вице-президентовъ оставался католическій митрополитъ; горячимъ прозелитомъ библейскаго дѣла былъ и тотъ католическій священникъ Госнеръ, который находился въ числѣ директоровъ русскаго Общества и, какъ увидимъ, игралъ въ его исторіи очень фатальную роль.

Общество имѣло враговъ и въ протестантскихъ странахъ, и въ самой Англіи. Въ этой послѣдней приверженцы Высокой

[1]) *Leander van-Ess,* Auszüge aus den heiligen Vätern über das nothwendige und nützliche Bibellesen. 2-te Aufl. Sulzbach 1816. Имя этого Леандра фанъ-Эсса мы еще встрѣтимъ дальше.

церкви въ особенности вооружались противъ всеобщей терпимости, которую Общество оказывало всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ и сектамъ одинаково. Объ этого рода обвиненіяхъ намъ также нечего говорить.

Но, кромѣ этихъ, чисто конфессіональныхъ обвиненій (съ которыми Обществу, конечно, нечего было дѣлать, потому что самый основной принципъ его былъ совершенно иного рода), противъ дѣятельности Общества высказывались другія, болѣе серьезныя возраженія, которыя опредѣлились ясно уже черезъ нѣсколько лѣтъ его существованія. Оппоненты говорили: что одного распространенія книгъ еще мало для нравственнаго воспитанія, какого хотятъ имъ достигнуть; что разсматриваемая какъ орудіе нравственно-религіознаго назиданія, Библія заключаетъ въ себѣ многое, что не имѣетъ къ этой цѣли близкаго отношенія, и что просто читатель не всегда можетъ достигнуть правильнаго ея пониманія, для полноты котораго нужно болѣе внимательное изученіе, что нельзя же перевести Библіи на всѣ существующіе языки, что для грубыхъ племенъ, которымъ Общество хочетъ дать прямо Библію, нужнѣе не книга, а наставникъ, тѣмъ больше, что грубые языки невѣжественныхъ племенъ еще должны быть значительно обработаны, чтобы переводъ Библіи былъ возможенъ. Наконецъ оппоненты сомнѣвались—не обманываются ли распространители Библіи относительно ея дѣйствія вообще?

Защитники библейскаго дѣла не признавали этихъ возраженій. Они утверждали, что дѣйствіе, оказываемое Библіей на массы, есть уже фактъ, для нихъ доказанный, и что она, по богатству и разнообразію своего содержанія, именно примѣняется ко всѣмъ положеніямъ жизни и доставляетъ богатый источникъ назиданія; что появленіе Библіи безъ всякихъ объясненій и примѣчаній именно доставляетъ пунктъ соединенія для различныхъ исповѣданій и партій, и общее дѣйствіе въ пользу распространенія Библіи уже возбудило дружелюбныя и человѣколюбивыя наклонности тамъ, гдѣ бы ихъ не было; что наставники, безъ сомнѣнія, необходимы, но объ учителяхъ для народа должно заботиться государство, о миссіонерахъ — церковь, а частное общество, какъ общество библейское, будетъ заботиться только о томъ, чтобы учители и миссіонеры имѣли главнѣйшее воспитательное средство, которое и есть Библія.

Такъ ставились возраженія и отвѣты. Объ нихъ, какъ вообще обо всемъ Библейскомъ Обществѣ, можно судить весьма

различно, смотря по точкѣ зрѣнія, на какую становится историкъ или критикъ. Въ данной формѣ этихъ возраженій и отвѣтовъ, на обѣихъ сторонахъ была своя доля правды. Библейское Общество, безъ сомнѣнія, было вправѣ основаться въ томъ видѣ, какъ оно основалось: Библія, конечно, нужна для христіанскихъ націй, и Общество распространяло ее, чтобы расширить средства, которыми масса можетъ пріобрѣсти извѣстную долю просвѣщенія и нравственной пищи; Библія нужна и для дикихъ народовъ; потому что, если для нихъ возможна цивилизація, эта цивилизація, въ нынѣшнемъ состояніи вещей, можетъ идти только путемъ христіанства, и, если дикари не понимаютъ ея въ настоящую минуту, она можетъ служить имъ впослѣдствіи. Какъ предпріятіе, созданное частной иниціативой, въ силу извѣстнаго глубокаго убѣжденія, Общество имѣло право выбрать себѣ ту опредѣленную программу, которая отвѣчала понятіямъ о предметѣ, раздѣляемымъ большимъ числомъ людей; въ этихъ понятіяхъ было много истинной человѣчности, въ дѣйствіяхъ Общества много самоотверженія и великодушія. Если другія условія жизни не всегда соотвѣтствуютъ его намѣреніямъ, напр. если простолюдинъ плохо понимаетъ данную ему Библію или даже понимаетъ ее совершенно превратно; если этого простолюдина вообще плохо учили и т. д., то въ этомъ едва ли виновато Общество, а не то положеніе вещей, которое отъ него совершенно не зависитъ.

Понятно, съ другой стороны, что вслѣдствіе этого самаго положенія вещей Библейское Общество и его дѣятельность могутъ казаться чѣмъ-то недоконченнымъ и недосказаннымъ, и роль его въ общественной жизни въ особенности могла подвергаться неблагопріятнымъ истолкованіямъ. Если и нельзя было винить Общество въ томъ, что обстоятельства соціальной жизни, напр. недостатокъ школъ, неразвитость массы, мѣшали успѣху библейскаго предпріятія и даже извращали его, то эти помѣхи всетаки существовали и возбуждаемая ими антипатія могла распространяться и на самыя библейскія общества. Это бывало въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда сами исполнители не умѣли сохранять должнаго безпристрастія къ своему дѣлу: чѣмъ больше они преувеличивали дѣйствіе Библіи, самой по себѣ, тѣмъ больше становилось недовѣріе людей противныхъ мнѣній. Въ самомъ дѣлѣ, этихъ преувеличеній со стороны дѣятелей библейскаго общества было очень много. Первые основатели Британскаго Общества поступили чрезвычайно благоразумно, поставивъ своимъ

принципомъ изданіе *Библій безъ всякихъ объясненій и примѣчаній*, устраненіе всякихъ *вѣроисповѣдныхъ отличій*, и веденіе дѣла *свѣтскими людьми*. Но, къ сожалѣнію, этотъ принципъ, именно долженствовавшій предохранить Общество отъ обычныхъ клерикальныхъ преувеличеній и нетерпимости, не сохранился отъ подобной же нетерпимости на практикѣ. Правда, само по себѣ Общество ничѣмъ не вмѣшивалось въ текущія дѣла и житейскія волненія, но были однако случаи, гдѣ его дѣятели выражали тотъ крайній піэтизмъ, который слишкомъ легко дѣлается враждебенъ общественному просвѣщенію, и (весьма естественно, впрочемъ) думали, что этотъ ихъ личный образъ мыслей есть непремѣнная принадлежность самого библейскаго дѣла. Когда такимъ образомъ они сами связывали двѣ эти вещи въ одно понятіе и въ одно дѣло, естественно, что и люди посторонніе стали связывать ихъ точно также. Когда Общество, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, говорило, что оно борется съ «ложной философіей», «порожденіемъ злого духа», и употребляло иногда принятую терминологію реакціи, то люди просвѣщенные, представители умственнаго движенія, противъ которыхъ направлялась такая терминологія, получали конечно право относить ихъ самихъ къ категоріи обскурантовъ и реакціонеровъ. Періодъ реставраціи, къ которому относится особенное распространеніе библейскихъ обществъ, былъ, какъ извѣстно, слишкомъ богатъ реакціоннымъ мракобѣсіемъ, и библейскія общества, къ сожалѣнію, не всегда умѣли опредѣлить своего отношенія къ этой реакціи, и потому часто не безъ основанія несутъ на себѣ обвиненія, падающія на нее.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что библейскія общества были вполнѣ солидарны съ реакціей. Сущность ихъ была вовсе не такова, и если, съ одной стороны, ихъ эксплуатировалъ реакціонный піэтизмъ, то съ другой они имѣли въ своей средѣ много истинно-религіозныхъ людей и истинныхъ друзей человѣчества. Такова была большая часть первыхъ организаторовъ общества въ Англіи и его агентовъ за границей. Но, какъ мы уже замѣчали, времена реставраціи были полны общественныхъ противорѣчій, которыя давали двойственный характеръ направленіямъ, учрежденіямъ и отдѣльнымъ личностямъ. Библейское Общество было также богато этими противорѣчіями.

Но, разсматриваемое въ цѣломъ, это общество имѣло, безъ сомнѣнія, свои великія заслуги. Религіозная терпимость, человѣко-

любивыя стремленія, и энергическіе безкорыстные труды его основателей внушаютъ къ себѣ глубокое уваженіе; ихъ дѣятельность въ средѣ простого народа, неразвитого или одичалаго отъ грубой жизни и угнетенія, и въ средѣ языческихъ народовъ, къ которымъ они являлись миссіонерами евангельской религіи, эта дѣятельность, безъ сомнѣнія, была заслугой въ дѣлѣ цивилизаціи и смягченія нравовъ. Сдѣланные ими переводы св. писанія часто бывали первыми книгами на языкѣ тѣхъ народовъ, для которыхъ они дѣлались; кромѣ нравственнаго вліянія, какое становилось возможно черезъ нихъ, эти переводы имѣли и свою косвенную пользу въ научномъ отношеніи, открывая новыя области изученія для этнографа и лингвиста...

Уже вскорѣ послѣ основанія Британскаго Общества дѣятельность его коснулась и Россіи. Въ первый разъ это произошло въ первые годы царствованія императора Александра, когда основана была миссіонерская колонія въ Каррасѣ, на Кавказской линіи, съ цѣлью обращенія кавказскихъ туземцевъ. Съ 1810 года Британское Общество начало свою дѣятельность и пріобрѣло агентовъ въ Финляндіи и Эстляндіи. Вскорѣ открыто было Библейское Общество въ Або; въ декабрѣ 1812 года подписанъ былъ императоромъ Александромъ актъ, давшій существованіе Библейскому Обществу въ Петербургѣ.

Полная критическая исторія русскаго Библейскаго Общества еще слишкомъ затруднительна въ настоящее время, и въ особенности для того, кому приходится основываться только на немногихъ данныхъ, доставляемыхъ печатной литературой, — какъ приходилось намъ. Нашъ очеркъ будетъ отрывоченъ и неполонъ; но мы хотѣли по крайней мѣрѣ напомнить объ этомъ любопытномъ явленіи нашего общественнаго развитія и вызвать изъ забвенія тѣ историческіе документы и личныя воспоминанія, которыя еще могутъ разъяснить многое въ судьбѣ Библейскаго Общества и которыя до сихъ поръ остаются недоступны для литературы. Мы упоминали о томъ, до какой степени Общество было забыто; самое имя его долго не произносилось послѣ его паденія, и до самаго послѣдняго времени обходилось молчаніемъ даже тамъ, гдѣ рѣчь касалась его очень близко [1]). Правда, те-

1) Напримѣръ. Въ книгѣ г. Чистовича объ исторіи петербургской академіи (1858), гдѣ внимательно пересчитываются труды академическихъ наставниковъ, даже особенные, не относившіеся прямо къ преподаванію, мы не находимъ ни слова о дѣятельности по Библ. Обществу такихъ

перь начинаютъ выплывать въ литературѣ свѣдѣнія, касающіяся его исторіи, но количество ихъ все еще крайне ограниченно. Главнымъ основаніемъ нашей работы были оффиціальные «Отчеты» самого Общества, сообщавшіе ежегодно свѣдѣнія о ходѣ его трудовъ и ихъ результатахъ. Такъ какъ само Общество пало прежде, чѣмъ успѣло свести свои итоги и сдѣлать общій обзоръ своей дѣятельности, то для насъ естественно являлась необходимость сначала сдѣлать вкратцѣ этотъ погодный обзоръ, который можетъ быть не лишнимъ для многихъ, тѣмъ больше, что самые «Отчеты» должны составлять теперь большую рѣдкость, судя по тому, что полнаго собранія ихъ мы не нашли даже въ библіотекахъ Публичной и Академіи Наукъ. Эта, хотя однообразная и слишкомъ переполненная цифрами, форма даетъ однако возможность прослѣдить хронологически исторію распространенія и работъ Общества, и вмѣстѣ дать запасъ оффиціально скрѣпленныхъ фактовъ, которые послужатъ намъ дальше для опредѣленія внутренняго характера Общества и его положенія въ тогдашней русской жизни. Для этихъ комментаріевъ къ излагаемымъ теперь источникамъ мы постараемся собрать и тѣ разбросанныя историческія объясненія, какія появлялись въ последнее время въ нашей исторической литературѣ.

I.

Основаніе Общества и внѣшняя дѣятельность его до удаленія кн. А. Н. Голицына (въ маѣ 1824).

Русское Библейское Общество возымѣло свое начало съ 6 декабря 1812 г. Въ этотъ день императоръ Александръ утвердилъ всеподданнѣйшій докладъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князя А. Н. Голицына, и представленный при этомъ докладѣ проектъ объ учрежденіи въ Петербургѣ библейскаго общества. Въ докладѣ побудительныя причины къ основанію общества и его цѣль объяснялись такимъ образомъ:

лицъ, какъ архим., впослѣдствіи митр. московскій Филаретъ, или протоіерей Павскій. Въ книгѣ г. Ѳеоктистова о Магницкомъ (1865) также не находимъ достаточно полнаго разсказа о подвигахъ этого дѣятеля въ средѣ Библ. Общества, котораго онъ былъ сначала фанатическимъ партизаномъ, а послѣ ожесточеннымъ врагомъ и предателемъ.

«Великобританское и Иностранное Библейское Общество,— говорилъ докладъ,—стараясь распространить на разныхъ языкахъ и въ различныхъ народахъ ученіе священнаго писанія, и будучи удостовѣрено, что въ Россійской имперіи много сыскаться можетъ человѣколюбивыхъ христіанъ, желающихъ споспѣшествовать временному и вѣчному блаженству своихъ ближнихъ, возложило на члена своего, пастора Патерсона, попеченіе объ образованіи въ С.-Петербургѣ библейскаго общества»,—если бы на это послѣдовало соизволеніе императора.

Общество это, по словамъ доклада, «должно имѣть *единственнымъ* предметомъ изданіе книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта на языкахъ *иностранныхъ*».

Пасторъ Патерсонъ сообщалъ многимъ порученіе, сдѣланное ему Великобританскимъ Обществомъ, и многія лица, «не сумнѣваясь въ значущей пользѣ, отъ таковаго учрежденія проистекать имѣющей, изъявили желаніе видѣть въ сей столицѣ библейское общество, и принять въ ономъ дѣятельное участіе». Ободренный такимъ расположеніемъ разныхъ лицъ къ общему благу, Патерсонъ внесъ къ кн. Голицыну проектъ основанія общества, чтобы онъ испросилъ высочайшее соизволеніе на открытіе общества. Кн. Голицынъ, — «*оставляя неприкосновеннымъ* изданіе книгъ св. писанія на славянскомъ языкѣ для исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру, принадлежащее въ особенности и исключительно вѣдомству святѣйшаго синода»,— находилъ проектъ Патерсона «дѣйствительно полезнымъ, какъ для распространенія въ Россіи чтенія Ветхаго и Новаго Завѣта на разныхъ другихъ языкахъ, между обитателями иностранныхъ исповѣданій, такъ и потому, что недостаточные люди могутъ покупать сію книгу за дешевую цѣну, а бѣдные будутъ получать ее безденежно», и такъ какъ еще прежде удостоилось высочайшаго утвержденія библейское общество въ Финляндіи, въ Або, то кн. Голицынъ представлялъ на усмотрѣніе императора объ учрежденіи подобнаго общества въ Петербургѣ, на правилахъ, изложенныхъ въ проектѣ.

Въ *Проектѣ* изложены сначала цѣль англійскаго общества, его быстрое распространеніе, благопріятствуемое обстоятельствами времени и доведшее его дѣятельность до предѣловъ Россіи.—Великобританское и Иностранное Библейское Общество,—говорится здѣсь,—составилось въ 1804 г., въ Лондонѣ, подъ покровительствомъ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ изъ духовенства и частныхъ

лицъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій съ одной, простой и великой цѣлью—распространенія св. писанія во всѣхъ языкахъ и народахъ. Кругъ дѣйствій его простирается не только на европейскіе народы, но и на отдаленнѣйшія страны, пребывающія во мракѣ невѣжества, и даже на будущія поколѣнія человѣчества. Эта цѣль произвела такое впечатлѣніе на умы, что общество быстро распространилось: въ самой Англіи основалось до ста обществъ, въ Соединенныхъ Штатахъ двадцать и т. д. За восемь лѣтъ своего существованія Общество издало уже цѣлыя Библіи или части ея на *двадцати-трехъ* европейскихъ языкахъ, *двадцати пяти* азіатскихъ и на *двухъ* американскихъ языкахъ; въ сложности оно заготовило болѣе 500,000 печатныхъ экземпляровъ. Это требовало, конечно, большихъ средствъ, но ревность членовъ Общества такова, что за прошедшій (1812) подписка въ пользу Британскаго Общества принесла до 43,500 фунтовъ стерл. Давно также Общество обратило вниманіе и на Русскую имперію. Изъ писемъ отъ многихъ лицъ въ Лифляндіи и Эстляндіи оно узнало, что въ этихъ провинціяхъ чувствовался большой недостатокъ въ книгахъ св. писанія, и оно тотчасъ опредѣлило сумму въ 1,200 фунт. стерл. на напечатаніе книгъ на этихъ языкахъ, и корреспонденты Общества въ Дерптѣ и Ригѣ уже открыли подписки и принимаютъ мѣры къ напечатанію Новаго Завѣта. Общество узнало также о недостаткѣ книгъ у нѣмецкихъ колонистовъ на Волгѣ, и немедленно послало имъ 1,100 экз. Библіи и Новаго Завѣта. Миссіонерамъ Общества на кавказской линіи поручено было перевесть Библію на турецкій языкъ; потомъ оно назначило 500 фунт. стерл. для напечатанія финской Библіи. Затѣмъ, въ Або основалось, съ высочайшаго утвержденія, Библейское Общество, которому и было оказано вниманіе русскимъ правительствомъ. Ободренное этимъ вниманіемъ правительства къ дѣлу распространенія св. писанія, Британское Общество одушевилось ревностнымъ желаніемъ снабжать обитателей Россіи книгами св. писанія. Такъ какъ это было бы невозможно безъ содѣйствія почитателей Библіи между самими русскими, то Общество увидѣло одинъ изъ существенныхъ способовъ къ этому въ учрежденіи библейскаго общества въ Петербургѣ, не сомнѣваясь, что здѣсь найдется не мало людей сочувствующихъ.

Религіозно-нравственное значеніе Библіи выражено въ «Проектѣ» такими словами:

«Опытъ научаетъ насъ, что повсюду, гдѣ священное писаніе всѣми читается, оное сильно способствуетъ къ преуспѣянію въ добродѣтеляхъ, направляетъ человѣческія страсти къ лучшей цѣли, и болѣе, нежели что другое, споспѣшествуетъ къ исправленію сердца. Мы видимъ также, что чтеніе священнаго писанія дѣйствуетъ на уменьшеніе пороковъ, на умѣреніе роскоши и на поощреніе къ промышленности. Подданные научаются въ Библіи познавать обязанности свои къ Богу, государю и ближнему, миръ и любовь царствуютъ тогда между вышшими и нижшими. Однимъ словомъ, щастіе каждаго человѣка въ особенности, и благоденствіе цѣлыхъ народовъ зависятъ отъ того, чтобы ученія священнаго писанія познаваемы и послѣдуемы были...

«....Когда у одинокаго человѣка нѣтъ Библіи—это уже весьма великій недостатокъ; но неимѣніе Библіи въ размножающемся семействѣ, въ коемъ родители изъ бѣдности и небреженія попускаютъ дѣтямъ своимъ возрастать въ невѣденіи и ненаказанности, такъ что они остаются неспособными образовать сердце свое и духъ религіею, есть важнѣйшій предметъ вниманія для друга человѣчества, который помышляетъ объ образованіи нравственныхъ свойствъ для предбудущихъ человѣческихъ поколѣній. Сей предметъ тѣмъ наипаче важенъ, что никакому сумнѣнію то не подвержено, въ коль бѣдственное состояніе впадаютъ всѣ несчастливцы, незнающіе Библіи, а слѣдственно и религіи, и пребываютъ такимъ образомъ невѣдущими, окаянными и неимущими никакого средства къ спасенію. Посему обязанностію всякаго христіанина, любящаго человѣчество, есть вникнуть въ толь ужасныя послѣдствія, и обмыслить съ надлежащимъ вниманіемъ плачевную участь тѣхъ, коихъ незнаніе откровеннаго слова Божія лишаетъ всякой основательной надежды на вѣчное блаженство, и содѣлываетъ ихъ неспособными вступить на путь, къ вѣчной жизни ведущій».

Поэтому Общество намѣревалось разъяснить простымъ людямъ великую важность Библіи, распространять чтеніе ея, убѣждать къ употребленію ея въ воспитаніи. Кто въ состояніи купить, будетъ получать ее по дешевой цѣнѣ; бѣдные будутъ получать ее даромъ; Общество внесетъ ее въ больницы и тюрьмы для страждущихъ и заключенныхъ. Наконецъ Общество будетъ имѣть цѣлью «исправленіе нравовъ» между азіятскими народами Русской имперіи и распространеніе между ними христіанства черезъ сообщеніе имъ книгъ св. писанія на ихъ языкахъ.

Общество питало надежду, что обыкновеніе читать Библію распространится и здѣсь, потому что вездѣ замѣчено было, что съ учрежденіемъ библейскихъ обществъ являлось всегда такое количество охотниковъ до Библіи, что общества, при всѣхъ стараніяхъ, не успѣваютъ удовлетворять потребности въ Библіи.

Наконецъ, самыя событія того времени вызывали эту работу.

«Всеобщія бѣдствія,—говорилось въ «Проектѣ»,—подъ коими стонаютъ нынѣ цѣлые народы, и кои распространились теперь (1812) и на здѣшнюю страну, тѣмъ паче призываютъ друзей человѣчества и христіанства напрягать всѣ силы свои къ облегченію страданій ближнихъ. Чѣмъ же можно лучше успѣвать въ семъ дѣлѣ, какъ сообщеніемъ книги, изъ которой всякому столь удобно почерпать настоящее и основательнѣйшее утѣшеніе въ горестяхъ? Лишившіеся временныхъ благъ при нынѣшнихъ безпокойствіяхъ, тѣ, коихъ временныя утѣхи погребены въ могилѣ, не должны нуждаться въ лучшихъ утѣшеніяхъ религіи для того токмо, что у нихъ не осталось способовъ къ покупкѣ себѣ и семейству своему Библіи. Хижина убогаго должна обогащена быть симъ многоцѣннымъ бисеромъ, дабы онъ, узря передъ собою сей даръ, уготованный ему Отцемъ Всемилосердымъ, при всѣхъ лишеніяхъ и тѣснотахъ жизни сея, утѣшился упованіемъ жизни вѣчныя и блаженныя».

За этимъ введеніемъ слѣдуютъ въ Проектѣ предположенныя правила, или уставъ Общества, въ четырнадцати пунктахъ. Основанія устава вѣрно слѣдовали принципамъ Британскаго Общества, но какъ въ предыдущемъ изложеніи, такъ и здѣсь, составители проекта еще не рѣшаются говорить прямо о библейской дѣятельности среди самого русскаго населенія. І-я статья предположеннаго устава говорила: «Единственнымъ предметомъ сего общества долженствуетъ быть способствованіе къ приведенію въ большее употребленіе священнаго писанія, безъ всякихъ на оное *примѣчаній* и *поясненій*»,—основное правило Британскаго Общества, принятое, какъ мы говорили, въ видахъ устраненія всякихъ конфессіональныхъ несогласій и споровъ[1]). Далѣе,

---

[1]) Въ дѣйствовавшихъ потомъ «Правилахъ Общества» эта статья изложена такъ: «Единственный предметъ Общества есть способствованіе къ приведенію въ Россіи въ большее употребленіе *библій*, или книгъ священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, *безъ всякихъ* на оное *примѣчаній и поясненій*».

II-я статья: «Общество составляется изъ лицъ всякаго вѣроисповѣданія, которыя только пожелаютъ принять участіе въ его трудахъ по внутреннему своему убѣжденію въ пользѣ распространенія св. писанія между всѣми состояніями, а въ особенности между бѣдными жителями государства» [1]). Въ III-й статьѣ говорилось: «Поелику въ обширной Россійской имперіи, сверхъ господствующаго грекороссійскаго, терпимы всѣ прочія христіанскія исповѣданія, коимъ послѣдующія различныя націи говорятъ каждая особеннымъ языкомъ: то посему *главное* попеченіе Общества ограничится тѣмъ, чтобы печатныя Библіи распространять *токмо между сими* разнородными обитателями государства на ихъ языкахъ; а сверхъ того, буде найдется возможность, стараться доводить Библію и до рукъ азіятскихъ въ Россіи народовъ, изъ магометанъ и язычниковъ, каждому равномѣрно на ихъ языкѣ», — въ самомъ проектѣ (а также и въ докладѣ кн. Голицына, какъ мы видѣли) было оговорено, что Обществу извѣстно, что печатаніе св. писанія на природномъ языкѣ принадлежитъ въ Россіи вѣдомству духовнаго начальства, и что поэтому оно и ограничивается распространеніемъ Библіи только между иностранцами и иновѣрцами. Когда при утвержденіи устава это усиленное уклоненіе отъ библейской дѣятельности между самимъ русскимъ населеніемъ оказалось ненужнымъ, это правило также получило другую редакцію [2]). Далѣе, средства, нужныя Обществу для покупки и печатанія Библіи на разныхъ языкахъ и для другихъ издержекъ, доставляются подпиской и единовременными приношеніями, — и жертвователи постоянные считаются членами Общества (IV). Дѣлами завѣдуетъ комитетъ

---

[1]) Въ утвержденныхъ «Правилахъ», такъ: «Общество состоитъ изъ особъ всякаго вѣроисповѣданія христіанскаго, всякаго званія и пола, кои, по внутреннему убѣжденію своему въ пользѣ онаго, желаютъ принять въ въ томъ участіе и ему содѣйствовать».

[2]) Оно было выражено въ дѣйствовавшихъ потомъ «Правилахъ» такъ: «Единственное попеченіе Общества обращается на то, чтобы обитателямъ Россійскаго государства доставлять библіи или книги священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта на разныхъ языкахъ, за самыя умѣренныя цѣны, а бѣднымъ и безъ всякой платы. Общество старается снабжать *всякое* христіанское вѣроисповѣданіе библіями тѣхъ самыхъ изданій, которыя какимъ почитаются исправнѣйшими. Оно старается, когда есть возможность, доводить библію и до рукъ азіятскихъ въ Россіи народовъ, изъ магометанъ и язычниковъ состоящихъ, каждому равномѣрно на его языкѣ».

изъ одного президента, двухъ или нѣсколькихъ вице-президентовъ, казначея, двухъ секретарей, и шести или больше директоровъ; для разрѣшенія дѣлъ достаточно можетъ быть и нѣсколькихъ директоровъ съ президентомъ или вице-президентомъ, и секретаремъ (V). Статьи VI—XIV опредѣляютъ подробности выбора должностныхъ лицъ комитета (изъ числа членовъ Общества) и порядка собраній. Часть должностныхъ лицъ, именно половина директоровъ, ежегодно мѣняется; каждогодно бываетъ «генеральное собраніе», гдѣ производятся новые выборы, просматриваются счеты и свидѣтельствуются дѣла; — весь отчетъ, вмѣстѣ со списками подписавшихся и благотворителей, печатается во всеобщее свѣдѣніе. Комитетъ можетъ собирать чрезвычайныя генеральныя собранія для умноженія членовъ Общества и его средствъ, для учрежденія частныхъ комитетовъ или отдѣленій и т. п. Затѣмъ опредѣляются обыкновенныя обязанности казначея, завѣдующаго суммами Общества, и секретарей, ведущихъ журналы собраній и вообще всю дѣловую переписку. XIV-я статья опредѣляетъ, что: «Всѣ должностныя лица въ Обществѣ служатъ безъ жалованья, и никто изъ получающихъ отъ Общества какое-либо жалованье не можетъ быть членомъ онаго, и не имѣетъ никакого голоса при собраніяхъ»,—правило, принятое также по примѣру Британскаго Общества. Всѣ эти послѣдніе пункты повторены въ дѣйствовавшихъ потомъ «Правилахъ» безъ всякихъ измѣненій.

Послѣ высочайшаго утвержденія Проекта, 11 января 1813 г. въ домѣ князя А. Н. Голицына происходило первое собраніе для открытія Общества и избранія комитета. Въ этомъ собраніи участвовали, кромѣ кн. Голицына, слѣдующія лица: митр. новгородскій и с.-петербургскій Амвросій; архіеп. минскій и литовскій Серафимъ (впослѣдствіи митр. с.-петербургскій); духовникъ имп. Александра, Криницкій; ректоръ петербургской духовной академіи, архим. Филаретъ (впослѣдствіи митр. московскій); митрополитъ римско-католической церкви въ Россіи, Сестренцевичъ-Богушъ; пасторъ англиканской церкви, Питтъ; пасторъ сарептскаго евангелическаго братскаго общества, Шейерль; голландскій пасторъ Янсенъ; далѣе: графъ В. П. Кочубей; министръ народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскій; сенаторы М. И. Донауровъ и В. С. Томара; шталмейст. Тутолминъ; мин. внутр. дѣлъ, Козодавлевъ; сенаторы К. И. Габлицъ и З. Я. Карнѣевъ; баронъ Б. И. Фитингофъ; гр. К. А. Ливенъ; гофмейст., кн. А. М. Голи-

цынъ; оберъ-прокуроръ, кн. Мещерскій; дѣйст. ст. совѣтники, С. С. Уваровъ, Н. Д. Жулковскій, С. С. Джунковскій и В. М. Поповъ; кол. совѣтн. Лѣнивцевъ и А. И. Тургеневъ; кн. И. С. Мещерскій; Я. Л. Лазаревъ; членъ сарептскаго евангелич. братскаго общества и его повѣренный въ Петербургѣ, Шмитъ; колл. асс. Невѣровскій и Ястребцовъ. Наконецъ, въ собраніи были члены и агенты Британскаго Библейскаго Общества Патерсонъ и Пинкертонъ.

По прочтеніи упомянутаго выше доклада и утвержденныхъ «Правилъ», собравшіеся приступили къ выборамъ членовъ Комитета, и избраны были слѣдующія лица, отчасти изъ лицъ, неприсутствовавшихъ въ собраніи, но которыхъ желаніе быть членами Общества было извѣстно:

Президентомъ—главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, кн. А. Н. Голицынъ.

Вице-президентами — гр. В. П. Кочубей, гр. А. К. Разумовскій, М. Ив. Донауровъ, оберъ-гофмейстеръ Р. А. Кошелевъ, О. П. Козодавлевъ и К. Ив. Габлицъ.

Директорами — генералъ-суперъ-интендентъ Рейнботъ, пасторъ Питтъ, кн. П. С. Мещерскій, гр. К. А. Ливенъ, баронъ Б. И. Фитингофъ, Н. И. Фусъ, Н. Д. Жулковскій, С. С. Джунковскій, А. А. Лѣнивцевъ и С. С. Уваровъ.

Секретарями—В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ.

Казначеемъ—Я. И. Шмитъ.

Такъ совершилось основаніе русскаго Библейскаго Общества.

Приступая къ обзору его дѣятельности, мы постараемся предварительно изложить чисто-фактическія подробности и нѣкоторыя подлинныя цитаты. Это изложеніе оффиціальныхъ отчетовъ, по необходимости отрывочное и сухое, казалось намъ однако нужнымъ; оно дастъ намъ возможность оцѣнить сущность дѣла, не отвлекаясь пока частными соображеніями о лицахъ и обстоятельствахъ; притомъ эти подробности никогда еще не были собраны.

Выбранный комитетъ въ самомъ первомъ собраніи ревностно принялся за трудъ и занялся пріисканіемъ средствъ для выполненія своей задачи. Цѣль Общества—состоявшая въ доставленіи Библіи всѣмъ обитателямъ государства, которые не въ состояніи сами пріобрѣсти ея — распадалась на нѣсколько частныхъ задачъ. Во-первыхъ, Общество поставило себѣ цѣлью «облегченіе способовъ къ полученію Библій, или книгъ ветхаго и но-

ваго завѣта, на *славянскомъ* языкѣ, издаваемыхъ отъ свят. синода». Во-вторыхъ,—изданіе и умноженіе этихъ книгъ на *другихъ языкахъ* для христіанъ иныхъ исповѣданій: нѣмцевъ, поляковъ, финляндцевъ, шведовъ, латышей, армянъ, грековъ и пр. Въ-третьихъ—доставленіе Библіи *бѣднымъ несчастливцамъ*, которые не имѣютъ возможности пріобрѣсти ея, но, можетъ быть, еще больше всѣхъ нуждаются въ ней, какъ напр., соотечественники, потерпѣвшіе въ послѣднюю (1812) войну разореніе отъ непріятеля; военноплѣнные непріятели, — которымъ Библія можетъ дать твердость духа въ несчастіи (когда имъ дана будетъ Библія, «они убѣдятся—говорили отчеты Общества—дѣйствительнѣйшимъ образомъ, что въ странѣ, въ коей они плѣнниками находятся, правила *истиннаго христіанства* и *гражданственности* извѣстны не по одному названію, но и исполняются на самомъ дѣлѣ, если дается для нихъ новое доказательство *великодушія* россіянъ и христіанскаго *человѣколюбія*»); далѣе заключенные въ тюрьмахъ, ссыльные, находящіеся въ больницахъ, богадѣльняхъ и въ домахъ исправленія, и наконецъ, всѣ страждущіе и бѣдствующіе. Въ-четвертыхъ, Общество имѣло въ виду надѣленіе книгами св. писанія многоразличныхъ народовъ Россіи изъ *магометанъ* и *язычниковъ*.

Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей комитетъ долженъ былъ, во-первыхъ, предпринять печатаніе Библій на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, на счетъ Общества, потому что такимъ образомъ книги могли обходиться дешевле, чѣмъ если бы покупать ихъ за границей; во-вторыхъ, покупать *славянскія* Библіи отъ синода, а также покупать иностранныя изданія на разныхъ языкахъ, когда нужное количество этихъ книгъ было не велико и не требовало цѣлаго изданія въ Россіи. Наконецъ, въ-третьихъ, дѣйствія комитета должны были состоять въ распродажѣ всѣхъ этихъ книгъ по возможно дешевой цѣнѣ, даже ниже цѣнъ, заплаченныхъ самимъ комитетомъ, или въ даровой раздачѣ тѣмъ, кто бы былъ не въ состояніи купить книгу. Денежные способы на все это должны были быть доставлены подпиской и единовременными пожертвованіями.

Комитетъ первый открылъ подписку въ первомъ же своемъ собраніи, и на этотъ разъ подписка составила 5,750 руб., единовременно и 4,800 ежегоднаго взноса. Нѣкоторые изъ членовъ внесли по 1,000 руб. единовременно и ежегодно; другіе по 500, по 300 и т. д. Патерсонъ внесъ 500 ф. стерл. (около 6,944

тогдашнихъ рублей), пожертвованныхъ Британскимъ Обществомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ открылъ черезъ газеты публичную подписку въ пользу Общества. Когда президентъ сдѣлалъ донесеніе императору Александру объ открытіи дѣйствій комитета, императоръ назначилъ Обществу съ своей стороны пожертвованіе въ 25,000 руб. единовременно и 10,000 ежегодно.

Начиная свою дѣятельность, комитетъ прежде всего озаботился сдѣлать публичное извѣщеніе объ открытіи Общества. Съ этой цѣлью издана была въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ брошюра о библейскихъ обществахъ вообще и объ открытіи такого Общества въ Петербургѣ; эта брошюра издана была также по-нѣмецки и по-польски. Затѣмъ комитетъ обратился къ начальникамъ губерній и къ главнѣйшимъ духовнымъ особамъ, и вообще къ значительнѣйшимъ лицамъ въ имперіи съ объясненіемъ цѣли Общества и съ приглашеніемъ содѣйствовать трудамъ его своимъ участіемъ.

Цѣль учрежденія возбудила такое сочувствіе въ публикѣ, что въ первомъ же (1813) году своего существованія Общество могло открыть, по 9-й статьѣ своего устава, шесть отдѣленій, именно: 10-го іюня *дерптское*, 16-го іюня *курляндское*, 23-го іюня *рижское*, 4-го іюля *московское* и также *ревельское* и, наконецъ, 30-го декабря *ярославское*. Въ московскомъ отдѣленіи, которому предстояло обнаружить особенно живую дѣятельность, вице-президентомъ выбранъ былъ управляющій московскимъ архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Ник. Ник. Бантышъ-Каменскій; въ числѣ директоровъ былъ вице-президентъ медико-хирургической академіи Всеволожскій, состоявшій при архивѣ извѣстный А. Ѳ. Малиновскій, управляющій московскимъ почтамтомъ Д. П. Руничъ, ректоръ московскаго университета Геймъ, городской голова купецъ Кожевниковъ; секретарями были Н. Д. Горчаковъ и Дм. Ник. Бантышъ-Каменскій. Остзейскія губерніи, какъ мы видѣли, еще нѣсколько прежде подготовлены были агентами Британскаго Общества.

Подписка шла весьма успѣшно, въ особенности въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Въ ней приняли участіе всѣ сословія, высшія и низшія, и не только русскіе, но также духовенство и населеніе другихъ исповѣданій. Въ теченіе 1813 года единовременные и годовые взносы по петербургскому комитету составили сумму до 76,000 руб. Въ московскомъ комитетѣ наиболѣе ревностнымъ дѣятелемъ общества былъ умершій въ томъ же

году вице-президентъ его Н. Н. Бантышъ-Каменскій, въ которомъ отчетъ восхваляетъ «ревность въ доставленіи спасительной пользы ближнимъ, дѣятельность и благоразумное распоряженіе въ приглашеніи ко вступленію въ члены и благотворители Библейскаго Общества многихъ достойнѣйшихъ особъ изъ духовенства и другихъ сословій»; черезъ одно его посредство поступило въ московское отдѣленіе до 40,000 рублей.

Британское Общество отнеслось съ величайшимъ сочувствіемъ къ дѣятельности русскаго, и заявило это сочувствіе пожертвованіемъ значительныхъ суммъ: кромѣ упомянутыхъ 500 ф. стерл., отъ него доставлено было впослѣдствіи еще 1,200 ф. ст. для размноженія книгъ св. писанія на эстскомъ и латышскомъ языкахъ, 500 ф. ст. для московскаго отдѣленія и въ началѣ 1814 года еще 1,000 ф. ст. для петербургскаго комитета,—кромѣ того, оно прислало множество экземпляровъ Библіи на разныхъ языкахъ. Общество получало и изъ другихъ источниковъ экземпляры Библіи и распредѣляло ихъ отчасти въ *библіотеку* комитета, гдѣ собирались изданія св. писанія на разныхъ языкахъ для образца и свѣдѣнія Обществу, отчасти въ *книгохранилище*, которое составляло собственно складъ для продажи и даровой раздачи.

Не останавливаясь на мелкихъ подробностяхъ, мы укажемъ только общія мѣры и круглыя годовыя цифры книжныхъ и денежныхъ оборотовъ Общества.

Чтобы удовлетворить первымъ потребностямъ въ Библіи, комитетъ сдѣлалъ закупки иностранныхъ Библій за границей, русской, т. е. славянской отъ св. синода, и продавалъ ихъ (вмѣстѣ съ полученными въ даръ) по возможно дешевой цѣнѣ или же разсылалъ и раздавалъ безденежно. Но въ первое же время Общество убѣдилось, что можетъ имѣть иностранныя Библіи дешевле, если будетъ печатать ихъ само, и такимъ образомъ уже теперь приступило къ собственнымъ изданіямъ. Такъ, вмѣстѣ съ абовскимъ финляндскимъ обществомъ, комитетъ приступилъ къ печатанію такъ называемымъ «прочнымъ наборомъ» *финской* Библіи—затѣмъ, такимъ же наборомъ, *нѣмецкой;* далѣе комитетъ сдѣлалъ изданіе Новаго Завѣта по-*армянски*, которое исполнено было содержателемъ армянской типографіи въ Петербургѣ, архидіакономъ армянскаго исповѣданія, Іосифомъ Іоаннесовымъ. Еще до основанія петербургскаго Общества, Британское Общество вошло въ сношенія съ сарепт-

скимъ братствомъ о переводѣ Новаго Завѣта на книжный языкъ *калмыцкій* или монгольскій. За этотъ переводъ взялся членъ сарептскаго общества Шмитъ, который, живя прежде нѣсколько лѣтъ между калмыками, вполнѣ изучилъ ихъ языкъ и въ состояніи былъ исполнить это дѣло. Этотъ Шмитъ (впослѣдствіи академикъ и извѣстный оріенталистъ) былъ теперь членомъ-казначеемъ петербургскаго комитета, и комитетъ взялъ на себя это изданіе. На калмыцкомъ языкѣ еще не печаталось ничего, и прежде всего нужно было заготовить шрифтъ. Далѣе, комитетъ обратилъ вниманіе на совершенный недостатокъ книгъ св. писанія на *польскомъ* языкѣ. На первый разъ комитетъ рѣшилъ напечатать по крайней мѣрѣ Новый Завѣтъ на польскомъ языкѣ, по тексту бреславскаго изданія 1771 года, въ переводѣ Якова Вуйка. Исправленіемъ корректуры пожелали заняться «нѣкоторые отцы-іезуиты» при петербургской римско-католической церкви, а главный надзоръ за изданіемъ взялъ на себя католическій митрополитъ Сестренцевичъ-Богушъ. Комитетъ рѣшилъ за тѣмъ сдѣлать также изданіе *французской* Библіи, для чего принятъ былъ въ основаніе переводъ де-Саси [1]). Наконецъ, все свое вниманіе комитетъ обратилъ на размноженіе экземпляровъ русской, т. е. *славянской* Библіи. Прежнія изданія ея, московской и кіевской печати, въ четырехъ и пяти книгахъ обходились очень дорого. Средствомъ удешевить изданіе оставалось сдѣлать его прочнымъ наборомъ, такъ, чтобы при новыхъ тисненіяхъ расходъ ограничивался только цѣной бумаги и печатанія, что значительно сократило бы издержки изданія; но для устройства прочнаго набора надобно было употребить нѣсколько лѣтъ, потому что требовалось отлить много новаго шрифта, и поэтому на первый разъ синодъ, по согласію съ комитетомъ, положилъ напечатать единовременно 5,000 экземпляровъ Библіи и 5,000 Новаго Завѣта, шрифтомъ московской Библіи 1778 года, въ большую осьмушку въ два столбца. Печатаніе должно было происходить подъ наблюденіемъ московскаго комитета. Между тѣмъ, комитетъ намѣревался принять

---

[1]) Де-Саси (Lemaistre de-Sacy), янсенистъ и директоръ знаменитаго Портъ-рояля, сдѣлалъ свой переводъ около 1666 г.; онъ трудился надъ этимъ переводомъ въ Бастильѣ, куда попалъ по обвиненію въ ереси. Британское Общество не принимало вообще переводовъ, обезображенныхъ католическими исправленіями; въ этомъ случаѣ ему послѣдовало и Общество русское.

мѣры къ заготовленію прочнаго набора, и, если будетъ возможно, то стереотипа, т. е. печатанія цѣльными металлическими досками, что было бы еще дешевле, прочнѣе и чище. Провинціальные комитеты дѣйствовали въ томъ же смыслѣ въ своей сферѣ, и, напр., остзейскія отдѣленія предприняли свои изданія для мѣстныхъ населеній, на латышскомъ языкѣ, и на дерптскомъ и ревельскомъ нарѣчіяхъ эстскаго языка.

Въ общихъ чертахъ дѣятельность Библейскаго Общества за первый годъ его существованія выражалась слѣдующими цифрами:

Приходъ его, по всѣмъ отдѣленіямъ, состоявшій изъ единовременныхъ пожертвованій и ежегодныхъ взносовъ, составлялъ 160,494 р. 20 к.

Расходъ, на покупку и выписку Библій, печатаніе изданій, изготовленіе шрифтовъ и проч. 39,961 р. 86 к.

Остатокъ къ слѣдующему году составлялъ 120,532 р. 34 к.

Продажа, разсылка и раздача книгъ представляетъ слѣдующіе размѣры. Продано: Библій и Новаго Завѣта на разныхъ языкахъ, всего до 850 экземпляровъ. Разослано и роздано: до 440 экземпляровъ. Кромѣ того, изъ запаса для военноплѣнныхъ и для бѣдныхъ англичанъ разослано и продано до 1,600 экземпляровъ.

Общая цифра экземпляровъ всѣхъ изданій, *предпринятыхъ* комитетомъ и разными отдѣленіями Общества на языкахъ русскомъ (т. е. славянскомъ), нѣмецкомъ, финскомъ, французскомъ, польскомъ, армянскомъ, калмыцкомъ (600 экземпл. Новаго Завѣта), на дерптскомъ и ревельскомъ нарѣчіяхъ эстскаго языка и на латышскомъ (14,000 экземпляровъ Новаго Завѣта), составляла:

Библіи . . . . 22.500 экземпл.
Новаго Завѣта . . . . 37,700 »

Такъ прошелъ первый годъ дѣятельности Общества. Цифры его денежныхъ и книжныхъ оборотовъ еще скромны; но въ послѣдующіе годы предпріятія его развиваются все въ болѣе и болѣе обширныхъ размѣрахъ; значительный успѣхъ представляетъ уже и слѣдующій годъ.

Въ 1814 году произошла прежде всего большая перемѣна въ самомъ составѣ комитета, о которой предварительно нужно одинъ разъ упомянуть. Въ началѣ онъ состоялъ, какъ мы видѣли, изъ исключительно свѣтскихъ лицъ; въ числѣ директо-

ровъ было два протестантскихъ духовныхъ лица, генералъ-суперъинтендентъ Рейнботъ и англійскій пасторъ Питтъ, но оба они умерли въ томъ же году. Въ новомъ комитетѣ прежніе члены остались, но къ нимъ присоединилось еще много новыхъ лицъ, совершенно обновившихъ характеръ комитета. Графъ К. А. Ливенъ, бывшій директоромъ, перешелъ теперь въ число вице-президентовъ, и, кромѣ того, выбрано было еще девять новыхъ вице-президентовъ, именно: Серапіонъ, митрополитъ кіевскій и галицкій; Амвросій, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій; Михаилъ, архіепископъ черниговскій; Серафимъ, архіепископъ тверской (впослѣдствіи митрополитъ московскій, а затѣмъ петербургскій); Іовъ, архіепископъ екатеринославскій, херсонскій и таврическій; архіепископъ Досиѳей; католическій митрополитъ Сестренцевичъ-Богушъ; Іоаннесъ, архіепископъ русскихъ армянъ, и одинъ свѣтскій вице-президентъ, В. С. Томара. Въ спискѣ директоровъ, кромѣ означенныхъ перемѣнъ, также явились новыя имена. Въ число директоровъ выбраны были: архимандритъ Филаретъ, въ то время ректоръ с.-петербургской духовной академіи (впослѣдствіи архіепископъ и митрополитъ московскій); прот. Музовскій; аббатъ Мангенъ; лютеранскій пасторъ Рейнботъ; Н. П. Свистуновъ и А. Ѳ. Лабзинъ.

Такимъ образомъ, въ комитетѣ получили важное значеніе духовныя лица, и съ тѣхъ поръ этотъ смѣшанный характеръ комитета остался до конца Общества. Въ комитетѣ постоянно были свѣтскія и духовныя лица; и если они были не въ равной численной пропорціи,—потому что свѣтскихъ лицъ въ общемъ составѣ постоянно было больше,—то духовныя лица большею частью были лица съ большимъ значеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видимъ, въ комитетѣ получили мѣсто и лица иностранныхъ исповѣданій, католическаго, лютеранскаго и армянскаго (впослѣдствіи также греко-уніатскаго). Большинство духовныхъ лицъ, вступившихъ въ комитетъ въ 1814 году, остались въ немъ до самаго конца Общества,—какъ наприм. Серафимъ, Филаретъ (оба или въ Петербургѣ, или въ Москвѣ) и другіе русскіе іерархи, также какъ Сестренцевичъ, Іоаннесъ, Рейнботъ, Мангенъ и т. д. Въ комитетъ вступилъ, наконецъ, и тотъ разрядъ людей, представителемъ котораго является здѣсь Лабзинъ.

Впослѣдствіи съ каждымъ годомъ составъ комитета отчасти мѣняется, хотя многіе изъ вице-президентовъ и директоровъ

оставались его членами неизмѣнно; съ теченіемъ времени комитетъ становился многочисленнѣе, но общій характеръ оставался тотъ же: въ немъ были первостепенные государственные люди, первостепенные русскіе іерархи, духовныя лица иностранныхъ исповѣданій, различные представители общества.

Секретарями комитета съ начала и до 1824 г. оставались одни и тѣ же лица, В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ, которые оба были близкими людьми и подчиненными князя Голицына.

Этотъ новый комитетъ, для большаго распространенія въ публикѣ свѣдѣній о цѣли Общества, издалъ новую брошюру, подъ заглавіемъ: «О цѣли Россійскаго Библейскаго Общества и средствахъ къ достиженію оной», въ числѣ 10,000 экземпляровъ, а потомъ еще 25,000 экземпляровъ, которые были распространены членами комитета и его корреспондентами.

Продолжая увеличивать свой запасъ книгъ св. писанія для продажи и раздачи, комитетъ, въ ожиданіи окончанія собственныхъ изданій, пріобрѣлъ *все* количество славянскихъ Библій, какое было возможно получить отъ синода, за оставленіемъ для собственнаго употребленія синодальному вѣдомству; продолжалъ выписывать иностранныя Библіи. При этомъ уже начало въ большомъ размѣрѣ выказываться содѣйствіе частныхъ лицъ. Книгопродавецъ Вейгеръ взялъ на себя безденежно выписку для общества 1200 экземпляровъ нѣмецкой Библіи. Особеннаго запаса потребовало греческое населеніе. Архіереи южныхъ губерній и другія лица того края, гдѣ въ особенности собрано греческое населеніе, еще съ 1813 года дѣятельно распространяли Библію, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала новая потребность въ ней. Желанія и требованія появились отъ анатольскихъ грековъ, когда они узнали о возможности имѣть Библію. Комитетъ выписалъ нѣсколько тысячъ греческой Библіи, изданія Британскаго Библейскаго Общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ его помощью намѣревался предпринять собственныя стереотипныя изданія св. писанія для грековъ. Онъ утвердился въ этомъ намѣреніи еще больше, когда получено было изъ Константинополя свѣдѣніе, что греческій патріархъ одобряетъ изданіе Новаго Завѣта, сдѣланное Британскимъ Обществомъ. Поэтому комитетъ думалъ, что его стереотипнымъ изданіемъ воспользуются не только русскіе греки, но и греки, живущіе въ Турціи и Азіи. «Кажется неоспоримо,— замѣчалъ комитетъ, — что Россія, на которую свѣтъ Евангелія изліялся изъ Греціи, обязана, съ своей стороны, взаимно слу-

жить нынѣ симъ единовѣрнымъ своимъ, доставленіемъ имъ книгъ Евангелія на ихъ языкѣ. Комитетъ и началъ уже *дѣйствіе свое въ пользу грековъ*, сочиненіемъ особаго къ нимъ *воззванія* на нынѣшнемъ греческомъ языкѣ, съ краткимъ изъясненіемъ въ ономъ цѣли библейскихъ обществъ; о чемъ многіе изъ обитающихъ въ Турціи грековъ желали вѣдать».

Распространеніе Библіи стало усиливаться, когда увеличились запасы Общества и распространились свѣдѣнія о возможности имѣть книгу. Запасы, назначаемые для продажи, расходились иногда въ нѣсколько часовъ. Общество выпустило армянское изданіе Новаго Завѣта. Финскій Новый Завѣтъ расходился съ такой быстротой, что комитетъ увидѣлъ, что сдѣланнаго изданія не достанетъ для удовлетворенія требованій. Общество разсылало само и по желанію своихъ корреспондентовъ книги греческія, нѣмецкія, французскія, польскія, татарскія; у него были уже дѣятельные корреспонденты и въ центрѣ Россіи, и на отдаленныхъ окраинахъ, въ Сибири и на югѣ. Ревностными сотрудниками являются, въ особенности, старшины шотландской колоніи въ Каррасѣ на кавказской линіи, распространявшіе книгу между разноплеменными народами Кавказа; русскіе ревнители подобнымъ образомъ дѣйствовали между татарскимъ населеніемъ въ Крыму.

Изданія также расширялись. Въ мартѣ 1815 г. кончено было въ Москвѣ изданіе славянскаго Новаго Завѣта; печатаніе Библіи продолжалось, и, наконецъ, приступлено было къ печатанію славянской библіи *стереотипомъ*. Пасторъ Патерсонъ, который вообще былъ ревностнѣйшимъ помощниковъ комитету, велъ сношенія съ Британскимъ Обществомъ и оказывалъ всевозможное содѣйствіе предпріятіямъ русскаго комитета, — и на этотъ разъ помогъ устроиться дѣлу. Съ его помощью приглашенъ былъ знающій мастеръ стереотипнаго дѣла Руттъ, сынъ главнаго содержателя стереотипнаго заведенія въ Лондонѣ, работавшаго для Британскаго Общества. Руттъ пріѣхалъ въ Россію и началъ свои работы съ приготовленія стереотипа Новаго Завѣта; наблюденіе за приличной и красивой вырѣзкой пунсоновъ для литеръ взялъ на себя архим. Филаретъ; печатаніе должно было происходить подъ распоряженіемъ св. синода.

Продолжались затѣмъ другія предпріятія Общества: печатаніе нѣмецкой и финской Библіи, польскаго Н. Завѣта, французской Библіи съ крайне рѣдкаго изданія Саси, армянской Библіи, Но-

ваго Завѣта на калмыцкомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ являлись и совсѣмъ новые планы. Именно, общество предприняло изданіе Новаго Завѣта на *персидскомъ* языкѣ, по переводу Генри Мартина, сообщенному въ Общество англійскимъ посломъ при персидскомъ дворѣ, сиръ Горъ-Узелеемъ, который, будучи проѣздомъ въ Петербургѣ, не только отдалъ Обществу этотъ переводъ для снятія копіи и печатанія, но и взялъ на себя трудъ надзора за исправностью изданія. Начато было изданіе Новаго Завѣта на *грузинскомъ* языкѣ. Католическій епископъ Самогитскій, князь Іосифъ Гедройцъ, доставилъ комитету въ рукописи переводъ Н. Завѣта на *литовско-самогитскій* языкъ, и желалъ имѣть отъ комитета разрѣшеніе для его напечатанія. Это разрѣшеніе было получено отъ митр. Сестренцевича-Богуша, и комитетъ, кромѣ того, предложилъ Гедройцу свое содѣйствіе при печатаніи книги.

Самый составъ Общества расширился въ 1814 г. и въ началѣ 1815 основаніемъ новыхъ отдѣленій: въ Каменцѣ-Подольскомъ, въ Ѳеодосіи, въ Аренсбургѣ на о. Эзелѣ и въ Воронежѣ.

Въ общихъ цифрахъ дѣятельность общества представляется за 1814 годъ въ такомъ видѣ:

Остатокъ суммы отъ перваго года, по всѣмъ комитетамъ и отдѣленіямъ, составлялъ	112,887 р. 91 к.
Приходъ пожертвованій, годовыхъ взносовъ и выручки отъ продажи книгъ . . .	312,301 р. 10½ к.
Расходы на покупку книгъ, на печатаніе, приготовленіе стереотипа и т. д.	167,910 р. 67½ к.
Остатокъ къ 1815 году	144,390 р. 43 к.

Количество проданныхъ и розданныхъ книгъ св. писанія представляло слѣдующія числа:

Продано	2,993 экз.
Разослано и роздано безденежно	1,280 »

Количество изданій, конченныхъ, продолжавшихся и начатыхъ вновь русскимъ Обществомъ, составляло уже слѣдующія обширныя цифры: по петербургскому комитету 59.100 экз.; по другимъ комитетамъ, въ сложности, 45,000,—слѣд. всего: 104,100 экземпляровъ.

Наконецъ, въ 1814 г. С.-Петербургское Общество, по высочайшему повелѣнію (4 сентября), стало называться *Россійскимъ* Библейскимъ Обществомъ; другимъ отдѣленіямъ, уже составив-

шимся или имѣющимъ составиться, велѣно было называться по тѣмъ губернскимъ или уѣзднымъ городамъ, гдѣ они будутъ находиться. Это повелѣніе какъ будто дало Обществу новую оффиціальную санкцію [1]), и съ тѣхъ поръ оно начинаетъ расширяться еще сильнѣе: въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ открывается все больше и больше новыхъ отдѣленій; мѣстныя власти и вліятельные люди начинаютъ считать обязанностью записываться въ члены Общества и участвовать въ мѣстныхъ комитетахъ...

Переходимъ къ отчету за *1815* годъ. «Въ генеральномъ собраніи», гдѣ данъ былъ этотъ отчетъ (15 іюня 1816), президентъ Общества, говоря о надеждахъ на его дальнѣйшіе успѣхи, указываетъ ближайшій и обильнѣйшій источникъ этихъ надеждъ въ особенномъ благоволеніи императора Александра. «Наипаче *со времени возращенія своего* въ нѣдра отечества, онъ участвуетъ въ дѣлѣ распространенія свящ. писанія *не однимъ своимъ именемъ* и щедротами, но и *ближайшимъ* вниманіемъ; не токмо одобряетъ все споспѣшествующее сему спасительному дѣлу, но и одушевляетъ дѣятельность Общества *внушеніями собственнаго сердца.* Онъ самъ *снимаетъ печать невразумительнаго нарѣчія*, заграждавшую донынѣ отъ многихъ изъ Россіянъ евангеліе Іисусово, и открываетъ сію книгу для самыхъ младенцовъ народа, отъ которыхъ не ея назначеніе, но единственно *мракъ временъ* закрылъ оную».

Мы скажемъ дальше, по какому поводу были сказаны эти слова. Въ той же рѣчи президентъ коснулся и другой стороны дѣла: къ своимъ пожеланіямъ Обществу онъ считалъ, «быть можетъ, нужнымъ» присоединить «въ разсужденіи *нѣкоторыхъ*» желаніе, чтобы имъ дано было «простое око» и чтобы дѣло Библ. Общества не казалось имъ мечтой. «Горестно мыслить,— говорилъ президентъ,—что есть еще люди, которымъ простота сего дѣла непонятна, и которые по сему, не мысля о спасительномъ употребленіи свящ. писанія, *примышляютъ* возможныя его *злоупотребленія*, и не желая примѣчать всѣмъ открытаго дѣйствованія Библейскаго Общества, ищутъ *сокрытыхъ цѣлей*, которыхъ оно, по существу своего устроенія, имѣть не можетъ». Президентъ надѣется, что время и провидѣніе наконецъ откроютъ имъ, что Богъ, который нѣкогда хотѣлъ спасти міръ, не

---

[1]) Въ томъ же году обществу дано было право пересылать свою переписку съ отдѣленіями и корреспондентами по почтѣ безденежно. Въ комитетѣ былъ представителемъ почтоваго вѣдомства Жулковскій.

познавшій его премудрости, и теперь могъ «повелѣть сѣять мертвыя письмена и хладные листы, чтобы отъ нихъ произрасли *Духъ* и *Жизнь*».

Такимъ образомъ уже въ это время заявлена была та оппозиція противъ Библейскаго Общества, которая успѣла впослѣдствіи, черезъ десять лѣтъ, достигнуть его закрытія.

Любопытнѣйшимъ обстоятельствомъ въ дѣятельности Общества за это время, обстоятельствомъ, на которое намекали приведенныя выше слова кн. Голицына, было возникновеніе мысли о *русскомъ переводѣ Библіи*. Едва ли можно сомнѣваться, что эта мысль представлялась первымъ членамъ Общества еще при самомъ его открытіи. Но они не высказывали ея прямо; предметъ казался слишкомъ новымъ и превышающимъ компетентность людей, собравшихся въ Обществѣ; при нашихъ нравахъ эта мысль могла показаться слишкомъ большой смѣлостью. При первомъ началѣ дѣла, эта мысль даже усиленно устраняется, такъ что становится очень странно, какимъ образомъ Общество, заботясь о доставленіи Библіи «на своемъ языкѣ» всякимъ иностранцамъ въ русской имперіи, нѣмцамъ и французамъ, латышамъ и татарамъ, не имѣетъ какъ будто и помышленія о томъ, что Библія «на своемъ языкѣ» была бы нужна и русскимъ людямъ, и даже имъ прежде всего. Очевидно, что тогда еще боялись заговаривать объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ присутствіе мысли о русской Библіи можно замѣтить и въ то время. Она очень естественно приходила въ голову, и въ первыхъ книжкахъ, изданныхъ для объясненія цѣли Общества и усиленно распространяемыхъ, повидимому, не безъ задней мысли упоминалось о томъ, что когда Британское Общество нашло обширный успѣхъ на континентѣ, то распространеніе Библіи нашло горячихъ ревнителей повсюду, не только у протестантовъ, но и въ средѣ самого католическаго духовенства (какъ извѣстно, издавна враждебнаго чтенію Библіи въ народѣ), и что даже папа далъ свое одобреніе переводу Библіи на итальянскій языкъ. Едва ли все это не было косвеннымъ намекомъ.

Теперь обстоятельства очень измѣнились: Библейское Общество успѣло установиться; въ его комитетѣ заняли мѣсто высшія духовныя лица, находившіяся въ Петербургѣ; издательскія предпріятія Общества, печатавшаго на разныхъ языкахъ книги Св. Писанія, еще сильнѣе указывали на отсутствіе русскихъ изданій, и вопросъ былъ наконецъ поставленъ прямо. Инициатива

его отдается самому императору Александру. По словамъ отчета, дѣло происходило такимъ образомъ.

Когда императоръ возвратился въ столицу, въ концѣ 1815 года, президентъ Общества поднесъ императору отъ имени комитета по экземпляру каждаго изъ напечатанныхъ Обществомъ изданій свящ. писанія на разныхъ языкахъ и другихъ изданныхъ имъ книгъ и отчетовъ. Императоръ выразилъ свое удовольствіе о дѣятельности Общества, и затѣмъ, «по собственному движенію сердца своего», велѣлъ президенту, чтобы онъ предложилъ св. синоду искреннее желаніе его величества — «доставить и Россіянамъ способъ читать слово Божіе на природномъ своемъ Россійскомъ языкѣ, яко вразумительнѣйшимъ для нихъ Славянскаго нарѣчія, на коемъ книги свящ. писанія у насъ издаются». Президентъ, который былъ вмѣстѣ и оберъ-прокуроромъ синода, предложилъ синоду мысли и волю государя 28 февраля 1816 г., въ формѣ, согласной съ его словами.

Предложеніе оберъ-прокурора излагало ихъ такъ:

«Его Императорское Величество, какъ внутреннимъ Божественнымъ достоинствомъ Священнаго Писанія такъ и самыми опытами убѣждаясь въ томъ, сколь полезно чтеніе онаго людямъ всякого званія, для преуспѣянія въ благочестіи и благонравіи, на коихъ зиждится истинное благо людей и народовъ; и по сему обращая вниманіе на дѣйствія Россійскаго Библейскаго Общества, *съ прискорбіемъ усматриваетъ*, что многіе изъ Россіянъ, по свойству полученнаго ими воспитанія, бывъ удалены отъ знанія древняго Славянскаго нарѣчія, *не безъ крайняго затрудненія* могутъ употреблять издаваемыя для нихъ на семъ единственно нарѣчіи священныя книги, такъ что нѣкоторые въ семъ случаѣ прибѣгаютъ къ пособію *иностранныхъ переводовъ*, а большая часть и *сего имѣть не можетъ*. Но какъ изъ отчета Россійскаго Библейскаго Общества за 1814 годъ Е. И. В-ву извѣстно, что въ подобныхъ изъясненныхъ здѣсь обстоятельствахъ, *въ церкви Греческой* патріаршею грамотою *одобрено* народу чтеніе Священнаго Писанія Новаго Завѣта на новѣйшемъ Греческомъ нарѣчіи, вмѣсто древняго: то Е. И. В-во находитъ соотвѣтственнымъ съ обстоятельствами, чтобъ и для Россійскаго народа, подъ смотрѣніемъ духовныхъ лицъ, сдѣлано было преложеніе Новаго Завѣта съ древняго Славянскаго на новое Россійское нарѣчіе, каковое преложеніе и можетъ быть издано для желающихъ отъ Россійскаго Библейскаго Общества

вмѣстѣ съ древнимъ Славянскимъ текстомъ, подобно какъ издано съ дозволенія Св. Синода посланіе къ Римлянамъ на Славянскомъ и Россійскомъ нарѣчіи совокупно. Само собою разумѣется, что церковное употребленіе Славянскаго текста долженствуетъ остаться неприкосновеннымъ».

Объ этомъ синодъ долженъ былъ войти въ разсужденіе и дать свое мнѣніе. Синодъ положилъ: поручить коммиссіи духовныхъ училищъ выбрать въ петербургской академіи людей, способныхъ къ этому важному труду, и возложить на нихъ этотъ переводъ; затѣмъ переведенное должно было вноситься въ Библейское Общество на разсмотрѣніе его членовъ изъ духовныхъ лицъ, послѣ одобренія которыхъ переводы могли быть издаваемы отъ Общества, *вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ.* Мнѣніе синода получило высочайшее утвержденіе и немедленно приступлено было къ исполненію. Петербургская академія принялась за этотъ трудъ подъ надзоромъ ректора, архим. Филарета (впослѣдствіи митр. московскаго)... Мы встрѣтимся съ этими трудами дальше.

Между тѣмъ дѣятельность Общества все возрастала. Британское Общество оказывало ему самую усердную поддержку, и вновь прислало весьма значительныя суммы въ распоряженіе петербургскаго комитета для его изданій, и, кромѣ того, отдѣльныя суммы для изданія Новаго Завѣта на молдавскомъ, самогитскомъ, калмыцкомъ языкахъ и т. д. Въ отчетѣ за 1815 г. вся сложность суммъ, доставленныхъ къ тому времени отъ британскаго Общества въ помощь русскому, высчитана уже въ 9,500 фунт. ст., или около 200,000 руб. на тогдашнія деньги. Кромѣ того, было выслано множество книгъ. Британское Обществт находилось въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ петербургскимъ комитетомъ, въ особенности черезъ пасторовъ Патерсона и Пинкертона, которые были ревностными работниками и посредниками.

Въ 1815 и въ началѣ 1816 г. вышло много начатыхъ прежде изданій: Библія славянская и нѣмецкая; Новый Завѣтъ, на языкахъ: славянскомъ (стереотипъ и обыкн. изданіе), грузинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, польскомъ, персидскомъ, дерптскомъ нарѣчіи эстскаго языка, латышскомъ, финскомъ, на ревельскомъ нарѣчіи эстскаго языка; евангеліе отъ Матѳея, на калмыцкомъ; отъ Луки, на татарскомъ. Всего вышло въ этомъ году 15 изданій на 12 языкахъ, въ числѣ 75,000 экз.

Стереотипная типографія, устроенная Патерсономъ и Руттомъ, въ первые полгода своего существованія приготовила изданіе Новаго Завѣта и больше половины Библіи на славянскомъ языкѣ. Печатаніе производилось подъ надзоромъ двухъ директоровъ комитета, архим. Филарета и архим. Иннокентія (ректора семинаріи, впослѣдствіи епископа пензенскаго), подъ главнымъ наблюденіемъ вице-презиндента Общества, архіеп. черниговскаго Михаила.

Затѣмъ комитетъ продолжалъ начатыя прежде и предпринятыя новыя изданія. Такъ, онъ рѣшилъ сдѣлать изданіе Новаго Завета на молдавскомъ языкѣ по одному изъ старыхъ изданій; наблюденіе за исправностію корректуры взялъ на себя выбранный потомъ въ вице-президенты Общества князь А. К. Ипсиланти (ум. въ іюнѣ 1816). Московскій комитетъ, послѣ изданія Новаго Завѣта на грузинскомъ языкѣ, предпринялъ печатаніе полной грузинской Библіи. Для грековъ дѣлалось стереотипное изданіе Новаго Завѣта. На татарскомъ языкѣ предпринято было изданіе Новаго Завѣта, которое на счетъ Общества должны были исполнить члены шотландской колоніи въ Каррасѣ.

Цифра экземпляровъ всѣхъ изданій, съ начала общества конченныхъ и изготовлявшихся (30 изданій на 16 языкахъ), возрасла до 157,100.

Говоря о продажѣ и раздачѣ книгъ, отчетъ указываетъ быстрое возрастаніе требованій и затрудненіе Общества удовлетворить имъ. Желаніе читать Библію распространяется вездѣ, куда только доходить слухъ о дѣйствіяхъ Библейскаго Общества. «Вообще нѣтъ края въ Россіи, откуда не слышались бы голоса, требующіе отъ Общества Библій. Отдѣленія Общества находятъ каждое надобность въ тысячи экземплярахъ». За Библіею обращаются люди всякаго возраста и сословія. Дѣйствія Общества распространялись уже и за предѣлы Россіи; оно разсылало книги для армянъ и грековъ въ Венецію, Константинополь, въ Малую Азію и пр. По сравненіи цифръ, въ 1815 г. было продано, разослано и роздано книгъ гораздо больше, чѣмъ въ оба предыдущіе года вмѣстѣ, именно, до 12,000 экз.

Движеніе суммъ, по всѣмъ комитетамъ и отдѣленіямъ Общества, представляло въ 1815 г. слѣдующія цифры:

Остатокъ отъ прошлого года	144,390 р. 43 к.
Приходъ годовой	311,009 » 85½ »
Итого, весь капиталъ .	455,400 р. 28½ к.

Расходъ годовой . . . . 185,520 р. 75½ к.
Остатокъ къ 1816-му г. . . . . 269,879 » 53 »

Въ этихъ суммахъ доля петербургскаго комитета составляла около 65%.

Филіація Общества продолжала усиливаться; въ теченіе года основались новыя отдѣленія въ Ѳеодосіи, Астрахани, Харьковѣ, Тулѣ, Симферополѣ и Одессѣ. Начали учреждаться такъ называемыя сотоварищества, содѣйствовавшія комитетамъ и отдѣленіямъ; такія сотоварищества открывались теперь въ Нахичевани, Таганрогѣ, Маріуполѣ.

Мы уже замѣчали не разъ, что русское Общество, т. е. петербургскій комитетъ его, находилось съ самаго начала въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Британскимъ, преимущественно черезъ упомянутыхъ агентовъ этого послѣдняго, Патерсона и Пинкертона. Изъ Лондона шли богатыя пожертвованія деньгами, а также книгами, и оказывалось всякое практическое содѣйствіе; секретари петербургскаго комитета правильно сообщали въ Лондонъ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ. Эта переписка находится между другой корреспонденціей Общества, изъ которой выдержки печатались обыкновенно въ прибавленіяхъ къ отчетамъ. Она исполнена, со стороны Британскаго Общества, заявленіями горячаго сочувствія къ усиліямъ и успѣхамъ общества въ Россіи и доставляетъ вообще любопытныя черты ихъ взаимныхъ отношеній, о которыхъ мы считаемъ не лишнимъ дать здѣсь же нѣкоторое понятіе.

Многоразличныя обстоятельства содѣйствовали этой симпатіи Британскаго Общества къ русскому. Политическія событія связывали двѣ націи въ тѣсный союзъ противъ Наполеона, и теперь довершались усилія, наполнявшія предыдущіе годы. Россія, игравшая въ лицѣ Александра такую сильную и блестящую роль въ этихъ событіяхъ, привлекала вниманіе Европы и открывала новыя, до тѣхъ поръ ей неизвѣстныя, стороны своего характера. Императоръ Александръ производилъ впечатлѣніе своей личностью вездѣ, гдѣ онъ тогда появлялся, и вліяніе этой личности не миновало Англіи. Въ 1814 г. Александръ посѣтилъ Лондонъ. Здѣсь ему представилась и депутація отъ Британскаго Библейскаго Общества. Секретарь его, Штейнкопфъ, описываетъ это представленіе въ письмѣ къ Пинкертону, отъ 1 Іюня 1814 года. Депутація, изъ президента Общества, нѣкоторыхъ епископовъ и государственныхъ людей, членовъ Общества, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый Вильберфорсъ, была у императора 20 іюня. Онъ возбудилъ въ ней, особенно въ нѣкоторыхъ

изъ ея членовъ, напр., въ самомъ секретарѣ Штейнкопфѣ, совершенный энтузіазмъ. Императоръ принялъ депутацію очень милостиво, сказалъ, что считаетъ Библейское Общество самымъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ, и что далъ уже свое согласіе на открытіе такого общества въ Россіи, «гдѣ оно нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо»—по множеству языческихъ народовъ, которые надобно обратить въ христіанство. Онъ, стоя среди депутаціи, расспрашивалъ о дѣйствіяхъ англійскаго Общества, его распространеніи и пр., и затѣмъ, прощаясь съ ней, обошелъ всѣхъ членовъ ея и пожалъ каждому руку. «Когда очередь дошла до лорда Гамбіера (извѣстнаго англійскаго адмирала, и вмѣстѣ ревностнаго приверженца Библейскаго Общества),—пишетъ Штейнкопфъ,— то сей храбрый мореходецъ взялъ обѣими руками поданную ему руку императора, и съ чувствомъ и радостными на глазахъ слезами пожалъ ее. Передъ Вильберфорсомъ, который малъ тѣломъ, но великъ духомъ и сердцемъ своимъ, остановился нѣсколько императоръ, желая какъ бы всмотрѣться въ того мужа, который столь неусыпно трудился въ пользу страждущаго человѣчества.» Когда императоръ подошелъ къ Штейнкопфу, секретарь Британскаго Общества высказалъ въ пламенномъ диѳирамбѣ свои чувства къ монарху, въ которомъ видѣлъ «орудіе Десницы Божіей къ освобожденію удрученнаго человѣчества» [1]). Понятно, что симпатіи переносились и на страну этого монарха, особенно, когда дѣло Общества принимало въ ней такой успѣшный ходъ. Но, впрочемъ, не одни политическія соображенія возбуждали это сочувствіе. Британское Общество было совершенно свободнымъ предпріятіемъ людей, проникнутыхъ извѣстными религіозно-филантропическими убѣжденіями, и успѣха этихъ же тенденцій въ русскомъ Обществѣ было совершенно достаточно для того, чтобъ возбудить въ этихъ людяхъ самую теплую симпатію къ трудамъ ихъ русскихъ товарищей. Полная свобода, съ которой эти люди могли дѣйствовать, благодаря англійскимъ учрежденіямъ и нравамъ, давала особенную энергію ихъ убѣжденію, и возводила его до энтузіазма, — тѣмъ больше, что многіе изъ первыхъ дѣятелей Британскаго Общества и безъ того уже были экзальтированные сектаторы. Жизнь давала полный просторъ для подобной дѣятельности, и членъ библейскаго общества точно такъ же вполнѣ отдавался своему убѣжденію, какъ

---

[1]) Второй Отчетъ. Приб. XVI.

могъ отдаваться ему въ Англiи всякiй общественный и политическiй дѣятель, или пропагандистъ секты, и т. д. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что такое же свободное убѣжденiе руководило дѣятелями Британскаго Общества и здѣсь, въ ихъ отношенiяхъ къ Россiи. Мы говоримъ это къ тому, что для нашей публики подобное безкорыстное служенiе своей мысли и убѣжденiю вообще мало понятно, и это самое сочувствiе энтузiастовъ Британскаго Общества къ русскому Обществу, переходившее даже въ сочувствiе къ русской нацiи, подверглось потомъ сомнѣнiямъ, перетолкованiямъ и тупой ненависти. Вѣроятно, оно не всегда хорошо было понимаемо и многими изъ тѣхъ, кому было адресовано... Письма президента и секретарей лондонскаго Общества въ петербургскiй комитетъ переполнены добрыми пожеланiями «русскимъ друзьямъ и сотрудникамъ», изъявленiями радости объ успѣхахъ дѣла, и вещественными доказательствами сочувствiя—въ видѣ присылки множества книгъ и упомянутыхъ крупныхъ денежныхъ суммъ. Не разъ въ ихъ письмахъ разсказывается о томъ, съ какимъ интересомъ читались въ собранiяхъ Британскаго Общества извѣстiя изъ Россiи: «Россiя, — пишетъ одинъ разъ Овенъ, — занимала столь много вниманiе наше во вчерашнемъ засѣданiи, что многiя другiя матерiи принуждены были мы оставить» [1]). И это правдоподобно,—потому что, въ самомъ дѣлѣ, въ Россiи Общество дѣйствовало (мы увидимъ дальше, почему и какъ) съ большей ревностью, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ, и успѣхъ его былъ, однако, очень неожиданный, потому что въ глазахъ англичанъ страна все еще казалась полудикой. Отъ 14 мая 1815, Штейнкопфъ пишетъ въ Петербургъ: «Когда читано было въ нашемъ комитетѣ и во многихъ генеральныхъ собранiяхъ увѣдомленiе о 400 крестьянахъ, приславшихъ деньги изъ одной деревни Воронежской губернiи: то сiе возбуждало во всѣхъ слушателяхъ чрезвычайное удовольствiе; но сiи чувства обратились въ *изумленiе* и *восторгъ*, когда представлено на видъ нашъ ожидаемое учрежденiе *козацкаго* библейскаго общества» [2]). Это казацкое общество было—предполагавшееся тогда, и потомъ устроенное Донское отдѣленiе Общества, въ Новочеркасскѣ. Въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ «козацкое библейское общество» въ 1815 году, когда съ именемъ казака соединялось

---

[1]) Отчетъ за 1815 г. Приб. LXXIV.
[2]) Тамъ же, XXIV.

понятіе о недавнихъ казацкихъ подвигахъ на полѣ брани и вовсе не мягкая репутація,—было достаточнымъ поводомъ къ изумленію для тогдашняго европейца, и къ восторгу—для члена библейскаго общества.

Сношенія русскаго Общества съ Британскимъ не ограничились, конечно, одной внѣшней и матеріальной стороной дѣла. Мудрено себѣ представить, чтобы связь, соединявшая ихъ въ распространеніи Библіи,—не сспровождалась и другими нравственными вліяніями. Въ своихъ письмахъ въ Петербургъ, члены британскаго комитета извѣщали русскихъ друзей о ходѣ всего дѣла и вводили ихъ въ подробности своихъ собственныхъ плановъ и стремленій, которые шли у нихъ рядомъ съ распространеніемъ Библіи. Въ письмахъ сообщалось о рѣчахъ, которыя говорились въ Британскомъ Обществѣ и объясняли смыслъ его дѣятельности, состоявшій въ христіанскомъ единствѣ, независимомъ отъ всякаго различія исповѣданій, въ стремленіи къ нравственно-религіозному воспитанію низшихъ классовъ общества и грубыхъ языческихъ племенъ, въ человѣколюбіи и благотворительности. Англійское Общество представляло Библію основнымъ орудіемъ христіанской цивилизаціи, понятіе о которой для многихъ въ средѣ русскаго общества должно было быть нѣкоторой новостью. Наконецъ, сообщенія англичанъ давали прямыя практическія указанія на то, какимъ образомъ дѣло, начатое распространеніемъ Библіи, можетъ или должно быть довершаемо въ практическомъ осуществленіи. Письма англійскихъ корреспондентовъ постоянно занимали видное мѣсто въ прибавленіяхъ къ отчетамъ петербургскаго комитета, особенно за это время, и составляли своего рода литературное вліяніе, безъ сомнѣнія, не лишенное своей силы и которое должно быть отмѣчено исторически. Петербургскіе англичане, Патерсонъ и Пинкертонъ, ревностные агенты лондонскаго Общества, давали, конечно, свои непосредственныя практическія указанія и служили проводниками этихъ вліяній.

Русскіе члены Общества и читатели познакомились здѣсь, конечно, въ первый разъ, со *школами для бѣдныхъ*, съ *воскресными школами* и т. д. Робертъ Стевенъ, директоръ Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества и лондонскаго Миссіонерскаго Общества, въ письмѣ къ Патерсону и Пинкертону (сент. 1815) пространно говоритъ о необходимости народной школы, объ ея устройствѣ въ Англіи, и т. д., кажется, именно вызванный на это упомянутыми лицами. Въ началѣ

письма онъ радуется успѣху Библіи въ Россіи, гдѣ власти свѣтскія и духовныя такъ горячо взялись за это дѣло, и замѣчаетъ: «я каждый день болѣе и болѣе удостовѣряюсь, что, послѣ любезнаго отечества нашего, Россіи предопредѣлено отъ Промысла Божія быть наибольшею благотворительницею на земли». Въ письмѣ описываются способы и пріемы, какіе употребляются англійскими обществами для ихъ христіанской пропаганды и народнаго обученія съ помощью *Библіи* и *школы*: какъ Общество само основываетъ школы, платитъ учителямъ, разсылаетъ своихъ «инспекторовъ» по странѣ, для выбора удобныхъ мѣстъ и для самаго устройства школъ; Стевенъ описываетъ «переходящія школы», употребляемыя въ шотландскихъ Highlands,—т. е. временныя школы, устраиваемыя по деревнямъ и, по обученіи всѣхъ желающихъ грамотѣ, переходяшія въ другое мѣсто [1]); рекомендуетъ для большихъ городовъ ланкастерскую методу, и т. д. Стевенъ ожидаетъ, что Библіей и школой могутъ быть достигнуты великіе результаты для народныхъ нравовъ и благосостоянія. «Колико честна, доброжелательна и безкорыстна есть религія Іисуса Христа!»—восклицаетъ онъ [2]), рисуя идеальную картину народнаго благополучія подъ ея вліяніемъ. Въ этой картинѣ оригинальнымъ образомъ соединяются съ идеальными и практическія соображенія (которыми, быть можетъ, онъ и желалъ дѣйствовать на разрядъ людей расчетливыхъ). «Есть ли бы я былъ богатый многоземельный *помѣщикъ*,—пишетъ Стевенъ,— то первое, что я сдѣлалъ бы, *собственно для умноженія моихъ доходовъ*, было бы, снабдить каждое семейство, на моихъ земляхъ живущее, познаніемъ свящ. писанія. Сіе вселило бы въ нихъ наклонность къ мирному и порядочному общежитію; желаніе семейственнаго благосостоянія сдѣлало бы ихъ трудолюбивыми, а трудолюбіе привлекло бы ихъ къ *лучшему удобренію земли*. Какое несравненное утѣшеніе было бы для меня видѣть порядочныя жилища.... чистоту.... пристойно одѣтыхъ крестьянъ, собирающихся по воскресеньямъ на моленіе въ церковь; здоровье и радость, блистающія на каждомъ лицѣ въ присутствіи помѣщика ихъ, который подавалъ бы собою примѣръ въ постоян-

---

[1]) Мы упоминали выше, что ревностнымъ партизаномъ этихъ школъ былъ тотъ странствующій пасторъ Чарльэъ, который далъ первый поводъ къ мысли о библейскомъ обществѣ.

[2]) Мы приводимъ его слова, какъ видитъ читатель, въ томъ славянорусскомъ одѣяніи, какое далъ имъ русскій переводъ въ нашемъ «Отчетѣ».

номъ хожденіи въ церковь». Но есть и болѣе чистыя побужденія,—говоритъ Стевенъ,—доставлять всѣмъ знаніе Св. Писанія: религія Христа «есть великое врачество для всѣхъ золъ, наслѣдованныхъ нами въ поврежденномъ естествѣ нашемъ; она научаетъ бѣднаго человѣка быть терпѣливымъ, воздержнымъ, трудолюбивымъ, довольнымъ и благополучнымъ, а богатаго смиреннымъ, благодарнымъ, доброжелательнымъ» [1]). Человѣкъ, настроенный менѣе идеально, и тогда, конечно, могъ бы замѣтить, что учрежденія «отдѣленія» или «сотоварищества» въ околодкѣ было бы еще мало для матеріальнаго и нравственнаго благополучія его жителей; но идеалы Стевена могли имѣть, однако, свою цѣну въ обществѣ, среди котораго совершались еще самыя дикія проявленія крѣпостного права; притомъ *обученіе* все-таки занимало въ его желаніяхъ существенное мѣсто.—Въ письмѣ нѣкоего Иннеса къ пастору Патерсону, изъ Шотландіи, въ октябрѣ 1815, изображаются *воскресныя школы,* производящія «чрезвычайное вліяніе на нравственность возрастающаго поколѣнія». «Особенно пріятно,—говоритъ онъ,—видѣть молодыхъ людей порядочнаго состоянія, употребляющихъ свое время и собственное стараніе для наученія дѣтей бѣдныхъ родителей... Если войдетъ однажды въ *обыкновеніе* для молодыхъ достаточнаго состоянія и хорошаго воспитанія людей обоего пола, *упражняться* въ свободное время *обученіемъ бѣдныхъ:* то коль *пріятная связь* произойдетъ отъ сего *между различными состояніями* въ обществѣ, и сколь быстры будутъ тогда успѣхи въ истинномъ просвѣщенія по всему свѣту! Въ Манчестерѣ нашелъ я въ одной школѣ не менѣе *тысячи* дѣтей...» [2]). Эти внушенія, какъ мы увидимъ дальше, не остались безъ нѣкотораго дѣйствія...

Возвращаемся къ нашему погодному изложенію.

Въ генеральномъ собраніи слѣдующаго года, президентъ въ своей рѣчи опять говоритъ: «Не безъ удивленія должно вспомянуть, что есть люди, и даже такіе, которые мнятся имѣть очи видѣти, кои въ толь *скоромъ теченіи Слова* не узнаютъ руки *Посылающаго Слово* и даже хотѣли бы преградить сіе быстрое теченіе воды животной». Несмотря на эту оппозицію, дѣла комитета и Общества шли, однако, въ *1816*-мъ году съ большимъ успѣхомъ.

---

[1]) Отчетъ за 1815 г. Приб. LXIV.
[2]) Тамъ же, LXXV.

Библейское Общество получило въ этомъ году въ даръ отъ императора каменный домъ въ Петербургѣ, на Екатерининскомъ каналѣ (близъ Лѣтняго сада). Расширеніе дѣлъ уже требовало новаго, достаточнаго помѣщенія. Въ этомъ домѣ помѣстилась стереотипная типографія со всѣми ея принадлежностями, «книгохранилище» Общества, книжная лавка, магазинъ для храненія бумаги, идущей на изданія. Домъ нужно было кромѣ того увеличить и передѣлать, и на это императоръ Александръ съ своей стороны пожертвовалъ 15,000 руб. Кромѣ того, императоръ показалъ другимъ образомъ свое особенное участіе къ дѣятельности Общества: узнавъ изъ доклада президента о распространеніи охоты къ чтенію св. писанія, онъ «положилъ глубоко въ сердцѣ своемъ намѣреніе, всѣми зависящими отъ него способами содѣйствовать къ утоленію сего духовнаго, и толико вожделѣннаго, глада между ввѣренными отъ Всевышняго промысла скипетру Его народами», и велѣлъ заявить свою *волю*, чтобы комитетъ Библейскаго Общества немедленно занялся усиленіемъ печатанія книгъ, соразмѣрно съ ощущаемой въ нихъ потребностью, и обѣщалъ свое содѣйствіе.

Число сотрудниковъ общества и жертвователей умножалось, занятія комитета усложнялись, а потому вмѣсто одного устроено было, изъ прежнихъ членовъ, два комитета, одинъ—*хозяйственный,* другой—*для дѣлъ печатныхъ*. Въ теченіи года начали свои дѣйствія вновь открытыя отдѣленія: Таврическое, въ Одессѣ, Кронштадтѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Вильнѣ, Пензѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Псковѣ, Костромѣ и Бѣлостокѣ; нѣсколько другихъ приготовлялись къ открытію. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ комитетовъ, именно московскій и остзейскіе, сами занимались изданіями; но другіе не печатали, а потому Общество рѣшило, чтобы они доставляли свои сборы, т. е. пожертвованія и выручку за книги, въ петербургскій комитетъ. Эта сумма показана въ 77,118 руб. Мѣстная дѣятельность провинціальныхъ комитетовъ чрезвычайно расширяла дѣйствія Общества: такъ комитеты Могилевскій и Витебскій работали для западнаго края между русскими, поляками, латышами; Ѳеодосійскій комитетъ завелъ сношенія съ Константинополемъ, островами Архипелага, съ Кандіей, приморскими городами Анатоліи, съ Мингреліей и Гуріей; Астраханскій дѣйствовалъ между армянами, татарами и персіянами и т. д. Увеличивалось и число «сотовариществъ», по уѣзднымъ городамъ, мѣстечкамъ и приходамъ; такъ нѣсколько сотовари-

ществъ было учреждено въ Тульской, Воронежской губ., при Дерптскомъ, Аренсбургскомъ, Рижскомъ, Астраханскомъ отдѣленіяхъ; въ другихъ мѣстахъ были заводимы корреспонденты. Подобныя сотоварищества, для болѣе удобнаго распространенія книгъ и сбора пожертвованій, предположено было учредить и въ Петербургѣ.

Дѣйствительный членъ Общества, въ то время жившій въ Россіи, англичанинъ Пинкертонъ совершилъ особое путешествіе съ цѣлью распространенія связей и дѣйствій Общества: черезъ Тулу и Воронежъ онъ объѣхалъ югъ Россіи, потомъ черезъ Бессарабію проѣхалъ въ Польшу и за границу. Въ Россіи, при его проѣздѣ, открыты были въ разныхъ мѣстахъ отдѣленія, найдены корреспонденты, указаны свѣдѣнія о томъ, гдѣ нужно содѣйствіе Общества, и т. д.

Британское Общество опять доставило богатые взносы: 2,000 фунт. ст., 7,500 руб. и 300 шведскихъ библій, — всего около 70,000 руб. на тогдашнія деньги. Кромѣ того, Британское Общество доставило русскому еще новаго сподвижника: это былъ ревностный библейскій агентъ Гендерсонъ, который пріобрѣлъ уже тогда извѣстность своей дѣятельностью въ Даніи, Исландіи и сѣверной Германіи; и теперь посвящалъ свои труды библейскому дѣлу въ Россіи. «Съ коликою благодарностію, — говоритъ отчетъ,—должно намъ взирать на всѣ сіи усердныя содѣйствія комитета Лондонскаго, и тѣхъ, кои по желанію его столь охотно повинуются для служенія въ семъ общемъ дѣлѣ, для пользы соотечественниковъ и ближнихъ нашихъ!»

Извѣстность русскаго Общества распространялась, такъ что многія иностранныя общества пожелали вступить съ нимъ въ сношенія для взаимнаго содѣйствія. Такимъ образомъ явились сношенія съ Шведскимъ библейскимъ обществомъ, Франкфуртскимъ, Датскимъ, съ Кенигсбергомъ, Гамбургомъ, съ обществомъ Польскимъ, Американскимъ, съ миссіонерскимъ обществомъ въ Серампорѣ.

Печатаніе изданій Общества, сообразно съ волей императора Александра, пошло въ усиленномъ размѣрѣ: сдѣлано было семь изданій Библіи и Н. Завѣта на четырехъ языкахъ (славянскомъ, финскомъ, французскомъ и литовско-самогитскомъ), въ числѣ 35,000 экз. и дѣлались большія приготовленія для новыхъ изданій. Изданіе славянской Библіи 1816, въ 8°, было первое стереотипное: первые 5,000 экз. вышли въ декабрѣ 1816, затѣмъ

въ апрѣлѣ 1817 другіе 5,000 экз., а третій заводъ приготовлялся къ сентябрю. Новый Завѣтъ былъ также изданъ стереотипомъ. Кромѣ того готовилась славянская стереотипная Библія въ 4⁰, также новое стереотипное изданіе Новаго Завѣта; кромѣ того приготовлялись изданія: нѣмецкой Библіи, польскаго Новаго Завѣта (стереот.), эстской и латышской Библіи (стереот.), эстскаго-дерптскаго нарѣчія—Новаго Завѣта (стереот.), затѣмъ книгъ молдавскихъ, грузинскихъ, греческихъ, кромѣ продолжавшихся прежнихъ изданій,—такъ что въ 1817 г. предполагалось окончить печатаніемъ и выпустить всего до 70,000 экз., а въ 1818 г. еще 105,000.

Далѣе предпринимались и продолжались переводы. Въ петербургской духовной академіи дѣлался русскій переводъ Новаго Завѣта; члены шотландской миссіи въ Каррасѣ готовили татарскій переводъ книгъ Ветхаго Завѣта, Хоринскіе буряты, познакомившись съ близкимъ для нихъ по языку, калмыцкимъ переводомъ Евангелія, сдѣлали складчину въ 11,480 руб., чтобы для нихъ могло быть сдѣлано изданіе Евангелія на ихъ собственномъ *бурятскомъ* языкѣ,—къ чему комитетъ и принималъ свои мѣры. Комитету присланъ былъ опытъ перевода Евангелія на *корельскій* языкъ, чѣмъ Общество также хотѣло воспользоваться. Предполагалось также изданіе на *армяно-турецкомъ* языкѣ, для армянъ, живущихъ въ Малой Азіи.

Вся численность изготовленныхъ и приготовлявшихся изданій составляла, въ 1816, за четыре года существованія общества—43 изданія, на 17 языкахъ въ числѣ 196,100 экз.

Продажа и раздача книгъ представляла въ сложности цифру, почти равнявшуюся всей сложности книгъ, распространенныхъ комитетомъ за первые три года, именно до 20,000 экз.

Общія суммы не сведены въ отчетѣ по всѣмъ комитетамъ и отдѣленіямъ: дѣятельность ихъ слишкомъ разбивается, и съ этихъ поръ комитетъ въ своихъ отчетахъ не приводитъ итоговъ, которые были-бы совершенно полны. Правда, обороты петербургскаго комитета, занимавшаго всетаки центральное мѣсто дѣятельности и главный исходный пунктъ изданій, были самые значительные и послѣ, но тѣмъ не менѣе они еще не представляютъ всего,—потому, что многія отдѣленія дѣйствовали отъ него независимо и дѣлали свои изданія, а другія, хотя и посылали свои сборы въ Петербургъ, но дѣлали также и свои издержки, не получавшія мѣста въ центральномъ отчетѣ.

Итакъ, по петербургскому комитету, цифры были слѣдующія:

Приходъ 1816 г., изъ единовременныхъ и годовыхъ пожертвованій, процентовъ и продажи книгъ	197,979 р. 70 к.
Остатокъ отъ 1815 г.	159,818 » 34 »
Всего	357,798 р. 4 к.
Расхода въ 1816 г.	227,770 » 73 »
Остатокъ къ 1817 г.	130,027 р. 31 к.

По московскому комитету приходъ составлялъ за 1816 г. — 98,716 р. 57 коп. По остальнымъ отдѣленіямъ суммы были болѣе или менѣе незначительны.

Обращаемся къ пятому отчету [1]), за *1817* годъ.

Кн. А. Н. Голицынъ, говоря въ своей рѣчи о расширеніи Общества, замѣчаетъ: «Едва остаются уже нѣкоторыя губерніи во всемъ пространствѣ Россіи, въ коихъ нѣтъ еще отдѣленій и сотовариществъ, но соучастники и сотрудники находятся почти вездѣ». Внѣшнія средства Общества усиливаются по прежнему. Императоръ Александръ снова заявилъ ему свое вниманіе: во время своего пребыванія въ Москвѣ, онъ подарилъ и московскому комитету обширный каменный домъ. Мѣстные комитеты дѣйствовали весьма успѣшно. Въ этомъ году сумма, доставленная ими въ Петербургъ, больше чѣмъ вдвое превышала прошлогоднюю [2]).

Новыя отдѣленія были открыты въ Рязани, Тобольскѣ, Саратовѣ, на Дону, въ Вяткѣ, Кіевѣ, Владимірѣ, Курскѣ, Орлѣ, въ Бессарабіи, отдѣленіе перново-феллинское, въ Тамбовѣ, Таганрогѣ, Симбирскѣ, Твери, Перми, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, въ Грузіи. Къ прежнимъ 25-ти отдѣленіямъ прибавилось теперь еще 19. Къ прежнимъ 22 сотовариществамъ присоединилось еще 57 новыхъ, большинство которыхъ принадлежало остзейскому краю.

Британское Общество снова прислало вкладъ въ 2,000 ф. ст., т. е. больше 40,000 руб. тогдашними деньгами.

Изданія продолжались съ прежней ревностью: славянская Библія, стереотипная, имѣла два новыя изданія; Новый Завѣтъ, стереотипомъ, три изданія. Всего же вышло изъ печати за этотъ годъ 12 изданій на 6 языкахъ, въ числѣ 58,000 экземпл.

---

[1]) Собранія Общества происходили обыкновенно въ маѣ или іюнѣ; на этотъ разъ общее собраніе происходило уже въ сентябрѣ 1818 г., и свѣдѣнія въ отчетѣ собраны по іюнь этого года.

[2]) Именно она доставила: 196,795 руб. асс.; 1,819 р. 40 к. сер.; 10 импеіаловъ, 80 полуимперіаловъ, 162 червонца.

Въ общемъ итогѣ съ начала Общества изготовлено было и готовилось 59 изданій, на 21 языкѣ, въ числѣ 270,600 экз.

Мы говорили выше, какія новыя работы представились комитету относительно переводовъ св. писанія. *Буряты*, о которыхъ мы упоминали, принялись переписывать калмыцкій переводъ Ев. отъ Матѳея своими буквами, а чтобы имѣть полный переводъ Евангелій, прислали въ Петербургъ двухъ зайсановъ, чтобы здѣсь, подъ руководствомъ Шмита, переводившаго другія Евангелія на калмыцкій языкъ, тѣмъ легче и вѣрнѣе переводить ихъ на монголо-бурятскій. «Они производятъ сіе — говоритъ отчетъ — съ такимъ понятіемъ и смысломъ, что возбуждаютъ удивленіе... Сіи буряты признали, что «рѣчи Іисусовы чрезвычайно хороши»... Притомъ извѣстно, что князи и ламы ихъ поручили имъ достать наивозможно подробнѣйшее свѣденіе о духѣ и разумѣ Евангелія». Повидимому, на нихъ дѣйствительно Евангеліе производило впечатлѣніе.

На *корельскій* переведено было Евангеліе отъ Матѳея двумя священниками тверской епархіи. Оба перевода (русскими буквами) поручено было сличить и провѣрить людямъ, знающимъ этотъ языкъ. Пересмотрѣны была два перевода *турецко-армянскихъ*, и одинъ изъ нихъ выбранъ, какъ лучшій по мнѣнію двухъ армянскихъ патріарховъ.

Фразеръ, членъ шотландской колоніи, предпринялъ *киргизскій* переводъ Евангелій, и уже приготовилъ переводъ Евангелія отъ Матѳея.

Въ курмышскомъ сотовариществѣ (Симбирской губ.) предпринятъ былъ *чувашскій* переводъ Евангелія, — русскими буквами. Въ Казани рѣшили стараться о переводѣ Новаго Завѣта на *черемисскій*, *чувашскій* и *мордовскій* языки.

Наконецъ, мы находимъ въ отчетѣ слѣдующее извѣстіе: «Митрополитъ Гавріилъ, экзархъ кишиневскій и хотинскій, вице-президентъ бессарабскаго отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества, писалъ сюда, что *болгары*, единовѣрный и сосѣдственный намъ народъ, крайнюю имѣетъ нужду въ слушаніи глаголовъ живота на *природномъ* языкѣ; ибо *на славянскомъ не понимаетъ*». Поэтому онъ взялся «узнать, находится ли на семъ языкѣ готовый переводъ книгъ священнаго писанія, и буде таковаго нѣтъ, то постарается пріискать способнаго :- тому переводчика». Кажется, что экзархъ и комитетъ въ это время какъ будто еще не имѣли яснаго представленія о томъ, что

этотъ «единовѣрный и *сосѣдственный*» народъ есть тотъ самый, которому и принадлежалъ первый славянскій переводъ писанія.

Продажа и раздача книгъ простиралась въ 1817 году на 28,957 экземпл.

Движеніе суммъ по петербургскому [1]) комитету:

Остатокъ отъ 1816 г.	130,028 р. 31 к.
Приходъ въ 1817 г.	316,167 » 74 »
Расходъ » »	357,940 » 84 »
Остатокъ къ 1818 г.	88,254 » 21 »

Въ 1818-мъ году внѣшнее расширеніе Общества продолжалось открытіемъ новыхъ отдѣленій и сотовариществъ. Первыхъ было открыто пять; ижевское (Вятской губерніи, на ижевскомъ заводѣ), полтавское, кавказское (въ Георгіевскѣ), архангельское и черниговское. Сотовариществъ открыто было 43, въ разныхъ концахъ Россіи, и кромѣ того въ Одессѣ учредилось «дѣтское библейское сотоварищество» изъ воспитанниковъ Ришельевскаго лицея,—о которомъ мы скажемъ дальше [2]).

Петербургскій комитетъ продолжалъ свои сношенія съ библейскими обществами въ разныхъ краяхъ Европы. Англичанинъ Пинкертонъ, въ предыдущемъ году объѣхавшій южную Россію и путешествовавшій въ Германіи съ цѣлью распространенія библейскихъ обществъ, чего и достигалъ съ большимъ успѣхомъ,—теперь предпринялъ новое путешествіе черезъ разныя европейскія государства, а потомъ, черезъ Италію и Мальту, въ Грецію, Архипелагъ и Константинополь. Вездѣ онъ или распространялъ свѣдѣнія о библейскихъ обществахъ и ихъ дѣятельности, или даже основывалъ ихъ, какъ въ Мальтѣ, въ Корфу, или искалъ новыхъ путей для библейской пропаганды, заботился о новыхъ переводахъ св. писанія и т. д. Главными центрами, на которыхъ опиралась его дѣйствительно замѣчательная дѣятельность, были Лондонъ и Петербургъ.

Изданія опять совершались въ обширныхъ размѣрахъ: стереотипная Библія въ 8° дошла до седьмого изданія; вышло изданіе

---

[1]) По московскому комитету сумма всего прихода составляла 86,807 руб. 45 коп., изъ которыхъ впрочемъ около 56,000 осталось отъ предыдущаго года. Въ цифрѣ прихода петербургскаго комитета включаются и сборы, доставлявшіеся (какъ это упомянуто) *провинціальными* отдѣленіями; эти сборы составляютъ обыкновенно *бóльшую* долю въ цифрѣ прихода.

[2]) Для сбора повсюду денежныхъ приношеній заведены были теперь особыя кружки «на размноженіе книгъ Священнаго Писанія».

славянской Библіи въ 8° со сводами подобныхъ мѣстъ; стереотипный Новый Завѣтъ славянскій дошелъ до восьми изданій. Новый Завѣтъ, или нѣкоторыя части Новаго и Ветхаго Завѣта, вышли на нѣмецкомъ, грузинскомъ, турецко-армянскомъ, польскомъ, латышскомъ, татарскомъ, на оренбургско-татарскомъ. Наконецъ, въ этомъ году явилось впервые Евангеліе, четырехъ евангелистовъ, *на русскомъ* языкѣ съ *славянскимъ* текстомъ (обычный заводъ, въ 5.000 экземпляровъ).

«Появленіемъ сего изданія,—говоритъ отчетъ, — удовлетворяется желаніе нашихъ соотечественниковъ въ полной мѣрѣ, и мысль о томъ благочестивѣйшаго Монарха нашего, приведенная нынѣ въ дѣйствіе, нельзя не признать указаніемъ самаго Промысла небеснаго. Отзывы радостные о полученіи сихъ экземпляровъ на природномъ языкѣ, и многочисленныя требованія о присылкѣ оныхъ во всѣ мѣста Россіи, свидѣтельствуютъ то несомнительнымъ образомъ».

Всего, въ теченіе года, вышло изъ печати 17 изданій, на 9 языкахъ, въ числѣ 77.000 экз. Въ общей сложности, съ начала Общества, отпечатано было 53 изданія, на 19 языкахъ въ числѣ, 252.100, а вмѣстѣ съ готовившимся, было: 79 изданій, на 25 языкахъ, въ числѣ 371.600 экз.

Самую бо́льшую заслугу въ дѣлѣ печатанія этой массы изданій отчетъ положительно приписываетъ неутомимой дѣятельности Патерсона, который вполнѣ посвятилъ себя этому дѣлу. «Постоянные труды въ управленіи симъ дѣломъ г. Патерсона суть *превыше всякаго воздаянія* со стороны человѣковъ».

Переводы совершались все въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, и президентъ, въ своей рѣчи въ собраніи Общества, особенно указывалъ на эту сторону его трудовъ, которая теперь получила большое развитіе. Русскій переводъ четырехъ евангелистовъ былъ уже изданъ; затѣмъ приготовлены были къ печати Дѣянія апостольскія, затѣмъ должны были приступить къ Посланіямъ. На чувашскій и черемисскій языкъ была уже переведена большая часть Новаго Завѣта (въ Казани и Симбирскѣ), и переводъ долженъ былъ печататься въ Казани подъ надзоромъ архіеп. казанскаго Амвросія. Тотъ же Амвросій и еп. пензенскій Иннокентій предложили сдѣлать переводъ евангелія на мордовскій, что̀ должны были сдѣлать священники этихъ епархій, знающіе языкъ. Въ тобольскомъ отдѣленіи Общества приготовлялись, также священниками, переводы на *остяцкій*, *вогульскій* и *самоѣдскій*;

то же тобольское отдѣленіе заботилось также о переводахъ на тунгузскій, чапогирскій, на сибирское нарѣчіе татарскаго языка и др.; наконецъ, былъ предпринятъ переводъ Новаго Завѣта на *сербскій* языкъ, «для пользы единоплеменнаго и единовѣрнаго намъ народа сербскаго». За этотъ трудъ взялся тогда извѣстный Вукъ Караджичъ, который въ 1819 и 1820 гг., бывши въ Россіи, былъ знакомъ съ членами нашего Общества.

Продажа книгъ постоянно усиливалась, такъ что за 1818 г. она дошла до 49,526 экз.; кромѣ того, роздано безденежно 1.576 экз.

Движеніе суммъ по петербургскому [1]) комитету составляло:

Остатокъ отъ 1817 г.	88,254 р.	21 к.
Приходъ въ 1818 г.	389,890 »	77 »
Расходъ » »	361,008 »	25 »
Остатокъ къ 1819 г.	117,136 »	73 »

Въ слѣдующемъ *1819* году шелъ седьмой годъ дѣятельности русскаго Библейскаго Общества, и президентъ, открывая собраніе 28 Іюля 1820 года, представлялъ уже картину обширной дѣятельности Общества, которое распространяло Библію отъ Балтійскаго моря до Камчатки и Сѣверной Америки, и съ другой стороны, до странъ около Каспійскаго и Чернаго моря.

Въ этомъ году открылось еще четыре новыхъ отдѣленія: смоленское, калужское, иркутское и волынское (въ г. Острогѣ), и 19 сотовариществъ. Всего было теперь 53 отдѣленія и 143 сотоварищества.

Число изданій было опять значительно: стереотипная славянская Библія въ 8° дошла до девятаго изданія; Библія въ 4° до третьяго; славянскій Н. Завѣтъ, стереотипный, до 10-го изданія; книга Евангелій, на слав. и русскомъ языкахъ, дошла до 3-го изданія, и при послѣднемъ были уже напечатаны Дѣянія апостольскія. Затѣмъ вышла Библія на молдавскомъ языкѣ, и сдѣланы были изданія Н. Завѣта и отдѣльныхъ его частей на языкахъ нѣмецкомъ, монголо-бурятскомъ, калмыцкомъ, корельскомъ, латышскомъ (въ Митавѣ), книга Бытія на еврейско-татарскомъ яз. и Н. Завѣтъ на оренбургскомъ татарскомъ нарѣчіи (въ Астрахани).

Вся цифра конченныхъ и предпринятыхъ изданій составляла 41 изданіе на 26-ти языкахъ, въ числѣ 411,100 экз.

---

[1]) Въ московскомъ комитетѣ приходъ составлялъ 101,953 р. 91 к., въ которомъ впрочемъ около 47,000 было остаткомъ отъ прошлаго года.

Предпринятые переводы продолжались, и также предполагались новые. На русскій языкъ переводились теперь Апостольскія Посланія. Отчетъ снова говоритъ о томъ, съ какой радостью принимались русскія изданія новозавѣтныхъ книгъ и какихъ благодѣтельныхъ плодовъ надобно ожидать отъ ихъ распространенія. «По истинѣ можно сказать, что дѣло перевода сего есть *величайшее благодѣяніе* для Россійскаго народа, издревле наклоннаго ко благочестію и всегда жаждущаго просвѣщенія духовнаго, божественнаго. Совершеніе труда сего пребудетъ навсегда *перломъ многоцѣннымъ* въ вѣнцѣ благодѣтельнаго, благочестиваго и возлюбленнаго Монарха нашего», и проч.

Труды мѣстныхъ отдѣленій шли очень успѣшно; на чувашскій языкъ вереведенъ былъ уже весь Н. Завѣтъ, который и начатъ былъ печатаніемъ въ Казани. Курмышское сотоварищество сообщало, что «добрые чуваши, въ языческомъ суевѣріи утопавшіе и не слыхавшіе доселѣ слова закона Божія, начинаютъ внимать оправданію и судьбамъ божіимъ на собственномъ своемъ языкѣ, и многіе изъ нихъ пожелали обучать дѣтей своихъ грамотѣ» и пр. Сотоварищество, узнавъ объ этомъ хорошемъ расположеніи ихъ, и узнавъ, что одинъ изъ его сочленовъ брался обучать чувашъ даромъ, положило выстроить на свой счетъ школу въ одномъ изъ чувашскихъ селеній, и уже приступило къ дѣлу.

На черемисскій яз. Н. Завѣтъ былъ переведенъ почти вполнѣ; на мордовскій переведены четыре Евангелія; нѣкоторыя части Н. Завѣта были переведены также на остяцкій и вогульскій; Шмитъ перевелъ еще одну часть Н. Завѣта (Евангеліе отъ Іоанна) на калмыцкій. Мы упомянули выше о путешествіи Пинкертона въ Грецію и Турцію; онъ провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ (1819 г.), устраивая новыя общества,—напр., въ Корфу, Кефалоніи, Аѳинахъ, заботился о новыхъ переводахъ и изданіяхъ, напр., албанскомъ переводѣ, изданіи турецкаго Н. Завѣта греческими буквами (имѣть такое изданіе желалъ патріархъ Іерусалимскій), и успѣлъ заинтересовать библейскими обществами восточныхъ іерарховъ и т. п. Пинкертонъ былъ въ сношеніяхъ и съ извѣстнымъ славистомъ Копитаромъ [1]) относительно сербскаго перевода, который изготовлялся, какъ мы упоминали, Вукомъ Караджичемъ, съ участіемъ и подъ наблюденіемъ Копитара... Пинкертонъ заботился наконецъ и о переводѣ священнаго пи-

---

[1]) Отчетъ называетъ его «Купитаромъ».

санія для *болгаръ*, о которыхъ у насъ имѣли тогда еще очень не ясныя понятія. Въ прибавленіяхъ къ отчету 1819 помѣщенъ замѣчательный рядъ писемъ этого ревностнаго распространителя библейскаго дѣла; мы приведемъ здѣсь небольшой отрывокъ.

«Булгарскій языкъ,—пишетъ Пинкертонъ изъ Константинополя,—есть одинъ изъ славянскихъ діалектовъ, для котораго мы донынѣ не могли еще ничего сдѣлать по желанію нашему. Я представилъ и сей предметъ во всемъ его пространствѣ патріарху [1]). Онъ не только согласился охотно на предложенія мои, но далъ мнѣ къ архіепископу булгарскому, живущему въ Турновѣ (Терновѣ) письмо, въ которомъ проситъ его выбрать одного или двухъ человѣкъ, способныхъ къ производству сего дѣла, и назначилъ самъ одного архимандрита, по имени Ѳеодосія, въ Быстрицкомъ монастырѣ, близъ Букареста, какъ наиспособнѣйшаго для того. Архіепископъ или митрополитъ кесарійскій былъ свидѣтелемъ послѣдняго свиданія моего съ патріархомъ, и входилъ съ большимъ участіемъ въ сіе дѣло. Онъ есть первая особа послѣ патріарха».

Такимъ образомъ, англичанинъ, «иностранный агентъ Британскаго Общества», является здѣсь дѣятелемъ славянскаго возрожденія. Съ своей религіозно-филантропической точки зрѣнія онъ указываетъ новую цѣль для русскаго Библ. Общества на православномъ Востокѣ.

«Итакъ—говоритъ онъ—предметъ Россійскаго Библ. Общества не ограничивается одною греческою церковію въ Россіи, но простирается и будетъ распростираться на всѣ народы и племена, принадлежащія къ сему исповѣданію. Здѣшніе единовѣрцы ваши стали также слѣдовать похвальному примѣру вашему, и соединились съ вами для споспѣшествованія славнѣйшему изъ всѣхъ человѣческихъ предпріятій. Хлѣбъ и вода жизни вскорѣ будутъ свободно раздаваемы всѣмъ народамъ греческимъ, албанскимъ, сирійскимъ, еѳіопскимъ, арабскимъ и славянскаго происхожденія, принадлежащимъ къ восточной церкви». (1819, приб. XXVIII).

Возвращаемся къ отчету.

Продажа книгъ представляла опять быстро возрастающія цифры. Относительно продажи русскихъ переводовъ Н. Завѣта,

---

[1]) Это былъ извѣстный патріархъ Григорій, пострадавшій впослѣдствіи въ Константинополѣ въ началѣ греческаго возстанія.

отчетъ говоритъ: «Отпечатанные понынѣ тремя изданіями 30.000 экз. сего перевода подобны были только одному лучу, блеснувшему по всему пространству земли обитаемому русскимъ племенемъ. Экземпляры сіи едва успѣвали выходить изъ печати и переплета, какъ и распредѣляемы по самому малому токмо числу для разсылки въ разныя мѣста, къ равному всѣхъ удовлетворенію. Но, по мѣрѣ разсылки сихъ книгъ, желаніе имѣть оныя тѣмъ паче возрастаетъ: отовсюду требуютъ ихъ многими сотнями и тысячами». Поэтому, комитетъ рѣшилъ приступить къ изготовленію *стереотипнаго* печатанія русскаго Новаго Завѣта. Между прочимъ, «по признанной надобности въ снабженіи славянскими Новыми Завѣтами *чиновъ арміи*, государь императоръ повелѣлъ пріобрѣсть отъ Общества оныхъ по цѣнѣ всего на 25.000 рублей». Далѣе: «Нѣкоторыми комитетами отдѣленій книги священнаго писанія доставляются юношеству въ видѣ подарковъ для наградъ за *благонравіе* и *прилѣжаніе* по училищамъ, гдѣ *ежедневное чтеніе* священнаго писанія введено въ непремѣнное правило».

Продажа и разсылка книгъ для продажи по отдѣленіямъ составила въ этомъ году цифру въ 66,287 экз., а роздано и разослано даромъ 2.252 экз.

Состояніе денежной кассы въ петербургскомъ комитетѣ [1]) было слѣдующее:

Остатокъ отъ 1818 г.	117.136 р. 73 к.
Приходъ въ 1819 »	386.363 » 72 »
Расходъ » » »	467.681 » 52 »
Остатокъ къ 1820 »	35.818 » 93 »

Общую цифру всѣхъ экземпляровъ, приведенныхъ въ употребленіе съ начала Общества, отчетъ представляетъ такъ:

	въ продажу	даромъ	всего.
Въ первыя шесть лѣтъ	109.428	10.677	120.105
» 1819 году	66.287	2.252	68.539
	175.715	12.929	188.644

А если прибавить къ этому экз. изданій, которыя дѣлались и распространялись самими отдѣленіями, то итогъ восходитъ до цифры около 275.000.

Въ *1820* году [2]) Общество уже находилось, кажется, въ тѣхъ

[1]) Въ московскомъ комитетѣ приходъ составлялъ 55.681 р. 65 к. (остатокъ отъ прошлаго года былъ до 8.000).

[2]) Отчетъ простирается собственно опять по іюнь слѣдующаго 1821 г.

размѣрахъ, которые были высшей нормой его распространенія: цифры ближайшихъ годовъ, предыдущихъ и послѣдующихъ, не представляютъ значительныхъ колебаній.

Число отдѣленій Общества увеличилось на этотъ разъ только двумя: въ Вологдѣ и Новгородѣ; новыхъ сотовариществъ открылось 34. Всего отдѣленій было теперь 55, и сотовариществъ 177.

Отчетъ, говоря о жертвованіяхъ въ пользу Общества приводитъ примѣры особенной ревности къ библейскому дѣлу: этимъ усердіемъ отличались не только христіане, но и иновѣрцы, напр. бухарцы, татары; даже султаны киргизскаго народа участвовали въ пожертвованіяхъ; при учрежденіи якутскаго сотоварищества значительную сумму представили якуты; въ Бердичевѣ между жертвователями оказалось много евреевъ и т. п. Для распространенія извѣстности Общества и увеличенія взносовъ и особенно «для приглашенія къ чтенію Библіи», комитетъ издалъ особое «Воззваніе», которое и было разослано въ 80.000 экземпляровъ, и кромѣ того переведено на употребительнѣйшіе въ Россіи языки: нѣмецкій, французскій, эстскій, польскій, молдавскій, армянскій, грузинскій и ново-греческій. Дѣятельность отдѣленій шла съ большимъ успѣхомъ во всѣхъ краяхъ Россіи: книги распространялись большими массами, и вмѣстѣ собирались значительные взносы. Отчетъ приводитъ много примѣровъ ревности: одинъ жертвователь вноситъ деньги, чтобы на ихъ проценты выдавались книги неимущимъ; другой совершенно скрытно кладетъ въ кружку Библ. Общества 500 руб. золотомъ; бѣдная женщина, при чтеніи упомянутаго «Воззванія», даетъ свой единственный рубль; «юные воспитанники семинаріи и малолѣтные ученики нижнихъ духовныхъ училищъ» (т. е. бурсаки) составляютъ складчины. Дѣятельными корреспондентами общества являются во многихъ мѣстахъ земскіе исправники и городничіе... Одинъ изъ членовъ комитета, Жулковскій, по особому усердію къ дѣлу Общества, вступилъ въ сношенія съ чиновниками почтоваго вѣдомства въ разныхъ мѣстахъ Россіи и нашелъ дѣятельныхъ пропагандистовъ между почтовыми экспедиторами. Благочестивыя письма этихъ экспедиторовъ печатались въ «прибавленіяхъ» къ отчетамъ...

Любопытныя свѣдѣнія были сообщены комитету изъ восточной Сибири. Изъ Охотска писали, что «тамъ нѣтъ ни одного дома, въ которомъ не было бы уже Библіи. Число домовъ тамъ,

конечно, не велико; но они всѣ снабжены *англичаниномъ* Гордономъ, который, во время своего пребыванія въ томъ городѣ, выписалъ Библіи изъ Иркутска, и всѣхъ надѣлилъ оными». Запасъ экземпляровъ былъ отправленъ и въ Камчатку. Относительно бурятъ замѣчали: «есть надежда, что переводъ свящ. писанія на монголо-бурятскій языкъ будетъ расходиться съ великимъ успѣхомъ, независимо отъ *попеченій англичанъ*, между бурятами живущихъ, кои *трудятся* также *неослабно*» (1820, приб. III).

Изъ изданій этого года, особенно любопытны появившіяся теперь Евангелія (четырехъ евангелистовъ) на черемисскомъ, мордовскомъ и чувашскомъ языкахъ, и Дѣянія апостольскія на монгольскомъ и калмыцкомъ языкѣ. Всего въ этомъ году было сдѣлано семнадцать изданій, на девяти языкахъ, въ числѣ 61.000 экземпляровъ.

Съ начала Общества окончено было 88 изданій, на 25 языкахъ, въ числѣ 371.600 экз.; а всего съ предпринятымъ вновь было 109 изданій, на 27 языкахъ, въ числѣ 464.600 экз.

Новые переводы св. писанія находились въ слѣдующемъ положеніи:

Русскій переводъ всего Н. Завѣта приходилъ къ концу. Книги В. Завѣта переводились въ московской и кіевской духовныхъ академіяхъ; эти переводы, по мѣрѣ изготовленія доставляемы были въ Петербургъ для совокупнаго изданія съ прочими частями Библіи. Книга Псалмовъ была уже переведена на русскій языкъ, и на изданіе ея послѣдовало высочайшее разрѣшеніе.

Мы упоминали выше о поискахъ Пинкертона относительно *болгарскаго* перевода. Отчетъ упоминаетъ, что переводчикъ, найденный при содѣйствіи покойнаго патріарха Григорія, настоятель Быстрицкаго монастыря въ Валахіи, архим. Ѳеодосій, занялся съ особой ревностью этимъ дѣломъ; и комитетъ получилъ извѣстіе, что переводъ уже оконченъ, и намѣревался «учинить надлежащія сношенія съ начальствующимъ духовенствомъ болгарскаго народа, для доставленія оному сей божественной книги на природномъ для него языкѣ». *Сербскій* переводъ Вука Стефановича также былъ конченъ, и комитетъ ждалъ присылки его «съ одобреніемъ отъ сербскаго начальствующаго духовенства».

О напечатаніи Евангелій на чувашскомъ, черемисскомъ и мор-

довскомъ языкахъ было упомянуто выше; переводъ другихъ частей Н. Завѣта также былъ приведенъ къ концу.

Въ Туруханскѣ, Тобольской губерніи, приготовленъ былъ переводъ Евангелія отъ Матѳея для тазовскихъ *остяковъ*. Онъ читанъ былъ самимъ остякамъ, и они нашли его совершенно понятнымъ.

Въ тобольскомъ отдѣленіи сдѣланъ опытъ перевода на *киргизскій* яз.; въ вятскомъ начатъ переводъ Евангелія на *вотяцкій* языкъ. Тобольскій комитетъ извѣщалъ, что пелымскимъ вогуламъ читанъ былъ переводъ Евангелія на ихъ языкъ, и оказался имъ совершенно понятенъ; поэтому одинъ изъ директоровъ взялъ на себя отпечатать этотъ переводъ на свой счетъ въ губернской типографіи въ числѣ 1,200 экз.

Распространеніе книгъ было и на этотъ разъ очень велико. Оно усиливалось и волей самого императора; мы упоминали выше о томъ, что, по его приказанію, взято было для арміи книгъ на 25.000 руб. Теперь, по его же волѣ, сдѣлано было распоряженіе и по духовному вѣдомству относительно снабженія книгами св. писанія всѣхъ монастырей, церквей и священнослужителей, гдѣ былъ въ нихъ недостатокъ. Комитетъ разослалъ почти во всѣ епархіи славянскія изданія Библіи и Новаго Завѣта, въ сложности больше 15.000 экземпляровъ.

Вообще, собственно изъ петербургскаго склада разослано и продано было 70.455 экз., и кромѣ того, роздано и разослано даромъ 2.753.

Состояніе кассы:

Остатокъ отъ 1819 г.	35.818 р.	93 к.
Приходъ въ 1820 »	390.805 »	74 »
Расходъ » »	366.095 »	48 »
Остатокъ къ 1821 »	60.529 »	19 »

Въ 1821 году не происходило обычнаго общаго собранія «по стеченію различныхъ обстоятельствъ, удержавшихъ отъ того, и по отсутствію изъ Петербурга лицъ, наиболѣе участвующихъ въ производствѣ библейскаго дѣла». На слѣдующій годъ общее собраніе происходило 26 іюня 1822, по обыкновенію въ большой залѣ Таврическаго дворца, при особенно-многочисленномъ стеченіи посѣтителей. Комитетъ представлялъ свой отчетъ за *1821* годъ. Собраніе было открыто обычной рѣчью президента.

«Минувшій годъ,—говорилъ онъ между прочимъ,—былъ примѣчателенъ не столько по числу разосланныхъ въ государствѣ

экземпляровъ книгъ св. писанія, какъ по совершенію *великихъ* къ тому *способовъ*, возбужденію новой ревности къ дѣлу библейскому въ отдѣленіяхъ Общества, принятію новыхъ сильнѣйшихъ мѣръ повсюду, къ приглашенію соучастниковъ въ ономъ приношеніями и пріобрѣтеніемъ книгъ Слова Божія. Приведеніе къ концу преложенія на нашъ отечественный, россійскій языкъ Новаго Завѣта и Псалтири, и принятыя *чрезвычайныя средства* къ снабженію сими толь давно желаемыми книгами любителей Слова Божія и ищущихъ онаго, есть уже само по себѣ событіе, составляющее эпоху въ исторіи Россійскаго Библейскаго Общества».

Президентъ извѣщалъ, что три члена этого Общества совершили въ истекшемъ году особое путешествіе для посѣщенія и обозрѣнія почти половины отдѣленій его въ Россіи, и что это путешествіе послужило во многомъ къ особеннымъ успѣхамъ библейскаго дѣла.

И на этотъ разъ президентъ опять нашелъ нужнымъ возвратиться къ порицателямъ Библейскаго Общества. Библейское дѣло,—говорилъ онъ,—и не можетъ ожидать себѣ ничего кромѣ успѣховъ и торжества, такъ какъ оно есть дѣло Господне:—что оно таково, въ этомъ ручается чистота и простота его цѣли. «Одинъ *врагъ рода человѣческаго* могъ увѣрить нѣкоторыхъ въ противномъ: но главное стремленіе въ дѣйствіяхъ его (т. е. этого врага), клонится всегда поселять раздѣленіе между человѣкъ, и воцарять ложь вмѣсто истины. Библейское же Общество, напротивъ того, имѣетъ то неоцѣненное свойство, что въ немъ соединяются всѣ исповѣданія христіанскія во едино; ибо св. писаніе есть основаніемъ для каждаго. Къ тому Общество сіе, не занимаясь ничѣмъ инымъ, кромѣ размноженія между человѣками чтенія книгъ св. писанія, размножаетъ между ними токмо истину. И когда царство тьмы, или лучше сказать, тотъ же врагъ человѣковъ, ищетъ тонкими спорами и хитросплетенными истолкованіями затмить истину, Библейское Общество, по точному правилу устава своего не дѣлаетъ и не издаетъ никакихъ толкованій на св. писаніе, приводя книги онаго въ употребленіе *безъ примѣчаній и поясненій*. Посему, истина Божія въ словѣ Господнемъ исходитъ изъ рукъ Общества сего во всей ея чистотѣ. Итакъ, токмо *незнающіе* Слова Божія и *враждующіе* противъ него, могутъ быть *противниками* Общества Библейскаго, которое, предлагая всѣмъ слово сіе, творитъ явно дѣло Божіе».

Такимъ образомъ, президентъ дѣлалъ членовъ Общества исполнителями божественнаго дѣла, а противниковъ его—слугами врага человѣческаго рода. Возводить въ такую степень личныя мнѣнія и дѣйствія—есть вообще дѣло опасное, и мы увидимъ, что аргументъ впослѣдствіи обращенъ былъ, пожалуй, столько же доказательно, противъ самого Библейскаго Общества: само Общество отнесено было потомъ къ этому же «царству тьмы», а его приверженцы къ слугамъ врага рода человѣческаго...

Послѣ рѣчи президента началось чтеніе отчета о дѣйствіяхъ Общества, расширеніе которыхъ указывало «явное благословеніе свыше, на дѣлѣ семъ почіющее», и которыя назывались «чудесами Бога Спасителя нашего въ библейскомъ дѣлѣ».

Обращаемся къ фактамъ.

Число отдѣленій умножилось двумя въ Сарептѣ и на Молочныхъ-Водахъ, въ извѣстныхъ колоніяхъ менонитовъ, которые еще прежде оказались, какъ и слѣдовало ждать, усердными читателями Библіи. Сотовариществъ открыто было вновь 33. Всего же отдѣленій было теперь 57, а сотовариществъ 210. «Посему 267 таковыхъ соединенныхъ мѣстъ содѣйствуютъ комитету здѣшнему въ общемъ дѣлѣ раздаванія книгъ Слова Божія, не считая множества корреспондентовъ, лично принявшихъ на себя сей спасительный трудъ по разнымъ мѣстамъ Россіи». Эти соединенныя мѣста употребляли различныя средства для расширенія своихъ дѣйствій, распространяли «Воззваніе», собирали подписки заводили корреспондентовъ, и т. д. Провинціи въ ревности не уступали столицамъ. Почти всюду были теперь библейскіе комитеты, въ которыхъ соединялись губернскія и уѣздныя власти, и всѣ принимали свои мѣры... Вятскій комитетъ «обратилъ благодѣтельное вниманіе свое на обучающееся юношество»; въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ при экзаменахъ отличившимся ученикамъ раздавались въ награду книги св. писанія: «въ каждомъ выданномъ имъ экземплярѣ, на оборотѣ верхней доски переплета, вклеенъ печатный листокъ, за подписаніемъ вице президента комитета, въ коемъ сверхъ *имени ученика*, находится изреченіе изъ Второзаконія...»; гражданскіе губернаторы разсылали книги для продажи къ земскимъ исправникамъ; одинъ генералъ-майоръ «взялъ на себя ознакомливать воинскихъ чиновъ съ цѣлью и пользою библейскаго общества, приглашая и къ соучастію въ ономъ, покупкою книгъ, или приношеніями»;

при пензенской гимназіи было открыто сотоварищество, и постановлено было, между прочимъ, правиломъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ пензенской дирекціи выдавать въ награду ученикамъ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, и при переводахъ на иностранные языки употреблять также св. писаніе... Петербургскій комитетъ вновь приглашалъ отдѣленія Общества «къ употребленію дѣятельнѣйшихъ средствъ на подкрѣпленіе дѣла библейскаго».

Путешествіе, о которомъ упомянуто было выше, сдѣлано было членами общества, пасторами Патерсономъ и Гендерсономъ, вмѣстѣ съ Н. И. Сѣровымъ, который былъ за это время въ въ числѣ помощниковъ секретарей Общества [1],—для посѣщенія провинціальныхъ комитетовъ. Цѣлью путешествія было облегчить ходъ дѣлъ, ввести больше единообразія и правильности, устранить затрудненія въ сношеніяхъ, доставленіи книгъ и т. п. Они посѣтили 24 отдѣленія общества и, по словамъ отчета, «послѣдствія таковыхъ посѣщеній ихъ были благословенны». Мы не разъ упоминали выше о трудахъ Патерсона. Отчетъ и на этотъ разъ не находитъ словъ для восхваленія его заслугъ. На немъ до сихъ поръ лежала вся книгопечатная часть, которая, при обширности и разнообразіи издательскихъ предпріятій Общества, дѣйствительно должна была доставлять не мало труда и хлопотъ. Теперь общество въ помощь ему пригласило пастора Гендерсона, другого «иностраннаго агента» Британскаго Общества, жившаго тогда въ Россіи; Гендерсонъ взялъ на себя наблюденіе за всѣми переводами и изданіями Общества на восточныхъ языкахъ.

Иностранныя сношенія Общества продолжались, и въ особенности съ Британскимъ и Иностраннымъ Обществомъ, которое снова прислало въ распоряженіе петербургскаго комитета большую сумму въ 2,000 фунт. ст., или около 50,000 на тогдашнія деньги. Общество получало изъявленія сочувствія изъ разныхъ концовъ Европы, отъ различныхъ нѣмецкихъ библейскихъ обществъ, изъ Швейцаріи, Даніи, Парижа. Отчетъ разсказы-

---

[1]) Выше было упомянуто, что секретарями были съ самаго начала общества В. М. Поповъ, д. ст. сов. и директоръ департ. нар. просв., и А. И. Тургеневъ; къ нимъ послѣ присоединился П. П. Пезаровіусъ. Помощниками секретарей были теперь: Н. И. Сѣровъ (съ 1817 г.), К. К. фонъ-Поль (съ 1821 г.) и Ѳ. И. Прянишниковъ (съ 1822 года).

ваетъ, наконецъ, что отаитскій король Помарра [1]) былъ крайне обрадованъ прибытіемъ, въ 1820 г., русскихъ кораблей, и зная, что въ Россіи есть библейское общество, вручилъ экземпляръ Евангелія отъ Матѳея, на отаитскомъ языкѣ, профессору казанскаго университета, Симонову, находившемуся въ экспедиціи, для доставленія президенту русскаго общества, въ знакъ усердія короля къ этому святому дѣлу.

Изданія Общества размножались по прежнему. Славянская стереотипная Библія въ 8⁰ имѣла уже тринадцатое изданіе; стереотипная Библія въ 4⁰—седьмое изданіе. Стереотипный Новый Завѣтъ, на славянскомъ языкѣ, имѣлъ двѣнадцатое изданіе. Затѣмъ Общество совершило, наконецъ, *полное* изданіе Новаго Завѣта на *русскомъ* языкѣ (напечат. вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ). Оно сдѣлано было въ большихъ размѣрахъ: кромѣ 20,000 экз. отдѣльныхъ частей Новаго Завѣта на русскомъ и славянскомъ языкахъ, въ Петербургѣ сдѣлано было два полныхъ изданія въ числѣ 25,000 экз., изданіе въ Москвѣ въ 5,000 экз.,—всего 50,000 экземпляровъ въ теченіе года. Въ Петербургѣ кончено было также и другое важное дѣло—первое изданіе Псалтири на русскомъ языкѣ (въ числѣ 15,000 экз.). Наконецъ, вышли греческая, нѣмецкая и польская Библіи, и части Н. Завѣта на монгольскомъ, калмыцкомъ и чувашскомъ. Мы видѣли прежде, что изданіе польской Библіи съ самаго начала было заботой комитета, и отчетъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ совершеніе этого дѣла, потому что старая польская Библія стала почти ненаходимой библіографической рѣдкостью, и распространеніе Библіи на польскомъ языкѣ представляло особый интересъ, въ виду обычнаго католическаго взгляда на этотъ предметъ. Всего въ 1821 г. сдѣлано было 16 изданій на 8-ми языкахъ, въ числѣ 111,000 экз. Въ печати находилось еще 6 изданій на 5 языкахъ, въ числѣ 30,000 экз.; и вновь предположено 19 изданій на 7 языкахъ, въ числѣ 138,000.

Въ общемъ счетѣ, *за девять лѣтъ*, издательская дѣятельность Библейскаго Общества представляла слѣдующія цифры:

Отпечатано было: 104 изданія на 26 языкахъ, въ числѣ 507,600 экз.

---

[1]) Помаре; онъ былъ обращенъ въ христіанство англійскими миссіонерами.

А вмѣстѣ съ тѣми, которыя или уже печатались, или приготовлялись къ печати,—129 изданій на 29 языкахъ въ числѣ 675,600 экз.

Эти двадцать девять языковъ были слѣдующіе: славянскій, русскій, еврейскій, эллино-греческій (т. е. старый греческій), греческій новѣйшій, нѣмецкій, французскій, польскій, финскій, эстскій дерптскаго нарѣчія, эстскій ревельскаго нарѣчія, латышскій, грузинскій, армянскій, турецко-армянскій, самогитскій, корельскій, черемисскій, чувашскій, мордовскій, молдавскій, болгарскій, зырянскій, персидскій, калмыцкій, монголо-бурятскій, татаро-турецкій, татарскій оренбургскаго нарѣчія и еврейско-татарскій.

Переводная дѣятельность не останавливалась. Отчетъ замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ стало распространяться чтеніе св. писанія, ревнители особенно стараются доставить это чтеніе и народамъ иноязычнымъ и предлагаютъ Обществу о новыхъ переводахъ. «И радостное изумленіе, съ каковымъ оные народы получаютъ сіи, неизвѣстныя имъ дотолѣ, вѣщанія божественной истины, впечатлѣнія, произведенныя на нихъ чтеніемъ оныхъ, побуждаетъ комитетъ принимать каждое подобное предложеніе о переводѣ книгъ библейскихъ на новый языкъ, какъ бы за указаніе самого Промысла...».

Положеніе переводнаго дѣла было слѣдующее. На русскій языкъ переводились книги Ветхаго Завѣта. Болгарскій переводъ Новаго Завѣта былъ оконченъ и предположенъ къ печатанію. Опредѣлено было напечатать также конченный переводъ Евангелія отъ Матѳея на зырянскій языкъ. Продолжались переводы Евангелія и другихъ частей с. писанія на калмыцкій, монгольскій, вотяцкій, вогульскій—пелымскаго нарѣчія, остякскій—нарѣчій березовскаго и тазовскаго, татаро-турецкій и чистый татарскій. Наконецъ, одинъ еврей, по словамъ отчета, глубокій знатокъ древняго еврейскаго языка, предпринялъ перевести Новый Завѣтъ на древне-еврейскій языкъ; священникъ Павскій и англичанинъ, пасторъ Гендерсонъ, сличали этотъ переводъ съ греческими подлинниками, для удостовѣренія въ точности еврейскаго переложенія.

Распространеніе книгъ представляетъ за этотъ годъ слѣдующія цифры: разослано для продажи и раздачи и продано 44,646 экз., и роздано даромъ 2,146 экз.

Кромѣ тѣхъ 29 языковъ, на которыхъ русское Библейское Общество само дѣлало изданія, оно имѣло въ своемъ книгохра-

нилищѣ и распространяло книги св. писанія иностранныхъ изданій, еще на 14 языкахъ. Это были: англійскій, шведскій, голландскій, датскій, лапландскій, еврейско-нѣмецкій, еврейско-польскій, испанскій, португальскій, итальянскій, латинскій, санскритскій, арабскій, китайскій. Такимъ образомъ, общество распространяло книги св. писанія всего на 43 языкахъ.

Состояніе денежной кассы было слѣдующее:

Остатокъ отъ 1820 г.	60,529 р.	19 к.	
Приходъ въ 1821 г.	330,684 »	74 »	[1]
Расходъ	361,852 »	42 »	[2]

А въ сложности за девять лѣтъ существованія Общества, общее движеніе суммъ представляло:

Приходъ въ	2,469,353 р.	22 к.
Расходъ въ	2,439,991 »	71 »
Затѣмъ остатокъ къ 1822 г. былъ . . .	29,361 »	51 »

Распространеніе книгъ св. писанія за девять лѣтъ существованія Общества выражалось слѣдующими цифрами:

Продано было	290,816 экз.
Роздано безденежно	17,828 »
Всего	308,646 »

Но особеннымъ торжествомъ этого года Общество, какъ и естественно, считало первое *полное изданіе русскаго Новаго Завѣта* и *Псалтири*. «Коль великая благодать для милліоновъ единоплеменниковъ нашихъ,—говоритъ отчетъ,—что отнынѣ возмогутъ они въ сихъ двухъ священныхъ книгахъ на природномъ своемъ языкѣ, читать глаголы спасенія и жизни вѣчной! Съ коликимъ гладомъ духовнымъ ожидали многія тысячи душъ

---

[1]) Подробности статей прихода:

Приношеній единовременныхъ и ежегодныхъ .	165,857 р.	98 к.
За проданныя книги	159,582 »	74 »
Проценты съ суммъ	5,244 »	2 »

[2]) Въ подробностяхъ расхода главныя статьи были:

На покупку бумаги для печатанія книгъ . .	110,496 р.	
Печатаніе	67,833 »	37 к.
Переплетеніе	99,539 »	80 »

Въ числѣ расходовъ упомянуто и «вспоможеніе г. фанъ-Эссу». Леандръ фанъ-Эссъ, имя котораго намъ уже встрѣтилось выше, былъ дѣятель библейскихъ обществъ въ католической Германіи.

изданія сихъ книгъ, дабы тѣмъ съ вящшимъ уразумѣніемъ питать себя божественными истинами, въ нихъ заключающимися. Удовлетворяя *всеобщему нетерпѣливому желанію*, комитетъ предпринялъ размноженіе изданій сихъ двухъ книгъ въ *толь знатномъ числѣ* экземпляровъ, какъ только *возможно*. Изданіемъ ихъ исполнилось и благочестивое желаніе государя императора, по собственному побужденію котораго предпринято преложеніе книгъ библейскихъ на русскій языкъ, для душевной пользы соотечественниковъ нашихъ. Благо тому, кто даетъ себя употреблять орудіемъ Десницѣ Господней, дляназиданія царствія Христова на земли!...».

Наше изложеніе было доведено, какъ припомнитъ читатель, почти до половины 1822 года. Съ концомъ этого года истекало десятилѣтіе со времени учрежденія Общества, и комитетъ, въ своемъ послѣдующемъ изданіи: «Извѣстія о Библ. Обществахъ» (мы скажемъ о немъ дальше), напечаталъ «Обозрѣніе дѣйствій Россійскаго Библейскаго Общества, съ учрежденія его по 1823 годъ», гдѣ собраны были важнѣйшія цифры о движеніи библейскаго дѣла за *десятилѣтнюю* сложность по 1 января *1823* года, которыя мы и передадимъ здѣсь вкратцѣ [1]).

Во-первыхъ, помѣщена здѣсь вѣдомость *числа* книгъ св. писанія, какъ *напечатанныхъ* самимъ Обществомъ, такъ и *пріобрѣтенныхъ* имъ покупкой изъ чужихъ рукъ,—съ обозначеніемъ языковъ и нарѣчій. Вѣдомость заключаетъ въ себѣ три разряда книгъ: 1) Книги св. писанія, напечатанныя Обществомъ въ Россіи, по текстамъ, уже прежде существовавшимъ. Сюда относится 14 языковъ и нарѣчій: славянскій, армянскій, греческій новый, греческій старый, грузинскій, латышскій, молдавскій, нѣмецкій, персидскій, польскій, финскій, французскій, эстскій ревельскаго нарѣчія и эстскій дерптскаго нарѣчія. 2) Изданія переводовъ, составленныхъ попеченіемъ самого Общества и имъ напечатанныхъ. Сюда принадлежатъ изданія на слѣдующихъ 12 языкахъ: русскій [2]), калмыцкій, корельскій, монгольскій, мордовскій, самогит-

---

[1]) У насъ не было въ рукахъ отчета за 1822 годъ. Онъ обозначенъ, какъ существующій, въ составленной Анастасевичемъ «Росписи» Смирдина (№ 2781); но мы не нашли его ни въ бывшей библіотекѣ Смирдина, ни въ Академической, ни въ Публичной библіотекѣ. Мы имѣли только отчетъ московскаго комитета за 1822 г.

[2]) Изданія дѣлались на русскомъ языкѣ вмѣстѣ съ славянскимъ, и на одномъ русскомъ языкѣ.

скій, турецко-армянскій, татарскій, татаро-турецкій, татарско-оренбургскій, черемисскій, чувашскій. Наконецъ, 3) книги, купленныя за границей или полученныя въ даръ, на слѣдующихъ 15 языкахъ: англійскій, арабскій, голландскій, датскій, еврейскій, еврейско-нѣмецкій, еврейско-польскій, испанскій, итальянскій, китайскій, лапландскій, латинскій, португальскій, санскритскій, шведскій. Всего къ 1-му января 1823 г. общество пріобрѣло или напечатало само изданія на 41 языкѣ [1]), а общее число экземпляровъ было:

Библій	184,851
Н. Завѣта	315,928
Отдѣльныхъ частей св. писанія	204,052
Всего	704,831 экз., —

на сумму 2,695,221 р. 35 к.

Изъ этихъ 704,831 экз. напечатано было:

въ Петербургѣ		513,486
» Астрахани	на счетъ Петерб. комитета	22,000
» Казани		5,000
» Вильнѣ		5,000
» Москвѣ, на счетъ моск. комитета		62,000
» остзейскихъ провинціяхъ, на счетъ мѣстныхъ комитетовъ		48,000
Куплено отъ св. синода		1,042
Пріобрѣтено изъ чужихъ краевъ		48,303

Другая таблица даетъ понятіе о сравнительномъ успѣхѣ распространенія св. писанія въ первые десять лѣтъ. Это—цифры экземпляровъ, находившихся въ приходѣ и расходѣ собственно по *петербургскому книгохранилищу* Общества. Эти цифры, замѣтимъ опять, не представляютъ всего количества книгъ, пріобрѣтенныхъ или изданныхъ и распространенныхъ цѣлымъ Обществомъ, потому что сюда не входятъ дѣйствія отдѣльныхъ комитетовъ, дѣлавшихъ и распространявшихъ изданія самостоятельно,—или входятъ только въ той мѣрѣ, въ какой ихъ изданія проходили черезъ руки петербургскаго комитета. Итакъ, цифры по петербургскому книгохранилищу были слѣдующія:

---

[1]) Разница съ указанной выше цифрой *43* происходитъ отъ того, что эта послѣдняя заключала и изданія, еще не вышедшія, но только готовившіяся. Въ послѣдней категоріи прибавляется языкъ еврейскій.

	Приходъ.			Расходъ.		
	Экземпл.	На сумму руб.	коп.	Экземпл.	На сумму руб.	коп.
Въ 1813 . .	5,295	21,960	30	3,700	14,498	25
» 1814 . .	12,583	48,981	50	4,773	23,098	90
» 1815 . .	10,620	41,079	40	11,351	40,938	80
» 1816 . .	21,319	88,438	10	19,384	76,632	70
» 1817 . .	35,661	175,508	20	28,991	141,364	—
» 1818 . .	57,277	287,766	80	51,098	245,384	95
» 1819 . .	72,848	389,695	80	68,464	358,106	15
» 1820 . .	80,362	366,311	-	77,837	373,091	20
» 1821 . .	83,858	401,232	15	46,792	231,113	70
» 1822 . .	176,313	379,331	10	115,214	328,979	10
Всего . . .	556,136	2,200,304	35	427,704	1,883,207	75

Изъ суммы расхода безденежно роздано было до 29,000 экземпл., на сумму 100,000 р. слишкомъ.

Такіе размѣры дѣла, съ одной стороны, казались самому комитету довольно значительными—«судя по времени, въ которое то все произведено, и по затрудненіямъ, съ такимъ дѣломъ сопряженнымъ; ибо сколько все то требовало совѣщаній, сношеній и переписокъ, присмотра и попечительности, поощреній и приглашеній къ содѣйствіямъ, изъясненія цѣли и пользы сего дѣла, приведенія въ извѣстность и прочее; сіе все представить себѣ можно токмо по собственной въ подобномъ дѣлѣ опытности». Это было совершенно вѣрно. Но, съ другой стороны, комитетъ и не преувеличивалъ размѣра достигнутыхъ результатовъ и находилъ, что еще они слишкомъ невелики для всѣхъ милліоновъ, населяющихъ русское государство. Притомъ, изъ полумилліона экземпляровъ, разосланныхъ комитетомъ, еще многіе лежатъ въ книгохранилищахъ отдѣленій и сотовариществъ. Дѣло, конечно, идетъ, и комитетъ ежедневно получаетъ извѣстія отъ своихъ сотрудниковъ о распространеніи книгъ, но—«нужны еще въ десять кратъ усиленныя дѣйствія всѣхъ и каждаго изъ комитетовъ, отдѣленій и сотовариществъ и частно трудящихся въ семъ дѣлѣ, для успѣшнѣйшаго соотвѣтствія великому предпріятію, безъ сомнѣнія полезному и необходимому, взятому на себя Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ, чтобы довести слово Божіе до рукъ всѣхъ нуждающихся въ ономъ».

Въ третьихъ, въ обозрѣніи десятилѣтней дѣятельности Библейскаго Общества, приведена сравнительная таблица денежныхъ суммъ прихода и расхода.

По комитету *петербургскому* эти цифры были слѣдующія:

	Приходъ.		Расходъ.	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Въ 1813 . . .	81,305	80	33,271	92
» 1814 . . .	139,869	90	121,217	17
» 1815 . . .	236,285	11	126,897	90
» 1816 . . .	186,733	27	222,370	78
» 1817 . . .	316,167	74	357,940	84
» 1818 . . .	379,481	77	356,008	25
» 1819 . . .	386,363	72	467,681	52
» 1820 . . .	385,805	74	366,095	48
» 1821 . . .	330,684	74	360,852	42
» 1822 . . .	373,595	41	380,259	89
Всего . .	2,816,293	20	2,792,596	17

Въ остаткѣ къ 1-му января 1823—23,697 р. 3 к.

По московскому и шести комитетамъ общіе итоги за десять лѣтъ были слѣдующіе:

	Приходъ.		Расходъ.		Остатокъ.	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
По ком. Моск.	384,588	99	366,105	74	18,483	25
По ком. Остзейск. . . .	221,056	24	180,935	74	40,120	50
Общая сумма по всѣмъ комитетамъ, за десять лѣтъ .	3,421,938	43	3,339,637	65	82,300	78

Въ суммѣ прихода вспоможенія Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества составляли сумму въ 16,833 фунта ст., или 354,200 руб. тогдашними деньгами.

Наконецъ, комитетъ Россійскаго Библейскаго Общества имѣлъ къ концу 1822 г. матеріаловъ для книгопечатанія на 166,507 р. 26 коп.; и запасъ своихъ изданій и бумаги для печатанія на 1.363,484 р. 58 к.

Число отдѣленій общества простиралось къ концу десятаго года его существованія до 57, сотовариществъ—232, всего 289 сотрудническихъ комитетовъ.

Остановимся здѣсь еще на спеціальномъ отчетѣ московскаго отдѣленія,—тѣмъ больше, что намъ не случалось говорить о немъ подробнѣе. Мы упоминали выше, что отдѣленія Общества

устраивались вообще въ томъ же порядкѣ, какъ былъ устроенъ петербургскій комитетъ. Московскій комитетъ составлялся изъ нѣсколькихъ вице-президентовъ (общимъ президентомъ оставался кн. А. Н. Голицынъ), въ которые выбирались обыкновенно высшія духовныя и свѣтскія власти, и изъ большого числа директоровъ, выбиравшихся также изъ числа болѣе или менѣе значительныхъ, или чѣмъ-либо полезныхъ и нужныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; наконецъ, также были секретари и казначей. Большей частью въ комитетѣ оставались одни и тѣ же лица. Такимъ образомъ, въ 1822 и потомъ въ 1823 г. вице-президентами московскаго отдѣленія оставались: Филаретъ, архіеп. московскій, Аѳанасій, московскій викарій; московскій военный губернаторъ, кн. Д. В. Голицынъ, и генералъ отъ инф. и московскій предводитель дворянства П. Х. Обольяниновъ. Въ числѣ директоровъ замѣтимъ долго остававшихся въ комитетѣ кн. А. П. Оболенскаго, А. Ѳ. Малиновскаго, А. А. Прокоповича-Антонскаго; постоянными секретарями комитета были Н. Д. Горчаковъ и П. М. Азанчевскій.

Въ отчетѣ московскаго комитета за 1822 г. повторяются въ томъ же тонѣ общія мысли о пользѣ, приносимой Библейскимъ Обществомъ, радость объ успѣхѣ его предпріятій и благословеніи Промысла, которое доказывается этимъ успѣхомъ, и т. д.; затѣмъ перечисляются частныя дѣйствія московскаго комитета, состоявшія отчасти въ особенномъ содѣйствіи петербургскому комитету по распространенію и разсылкѣ книгъ, отчасти въ собственныхъ изданіяхъ. Мы упоминали о нихъ прежде. Всего съ самаго начала московскій комитетъ напечаталъ, какъ мы видѣли, 62,000 экз., а вся сложность его трудовъ, вмѣстѣ съ готовившимся, составляла теперь тринадцать изданій на пяти языкахъ, въ числѣ 67,000 экз.

Московскій отчетъ точно такъ же, какъ петербургскій, «достопамятнѣйшимъ событіемъ» считаетъ изданіе Новаго Завѣта и Псалтири на русскомъ языкѣ. «Переводъ сей,—говоритъ московскій отчетъ за 1822 г. (повторяя или перифразируя слова петербургскаго; сравн. выше),—есть *величайшее благодѣяніе для народа Російскаго*, издревле наклоннаго къ благочестію и всегда жаждущаго просвѣщенія духовнаго. Многія тысячи соотечественниковъ нашихъ съ нетерпѣніемъ ожидали изданія сихъ книгъ, дабы тѣмъ съ большимъ уразумѣніемъ питать себя божественными истинами, въ нихъ заключающимися. Совершеніемъ

сего труда исполнилось и благочестивое желаніе государя императора», и т. д.

Отпечатавъ греческую Библію, московскій комитетъ послалъ 500 экз. ея въ даръ Британскому и Иностранному Библейскому Обществу, съ которымъ также имѣлъ прямыя сношенія. Въ своихъ письмахъ британскій комитетъ выражалъ увѣренность въ дальнѣйшихъ, еще большихъ, успѣхахъ библейскаго дѣла въ Россіи...

Далѣе, комитетъ указываетъ на свои труды по изданію польской Библіи. Оно дало ему возможность содѣйствовать крайнему оскудѣнію книгъ св. писанія у польскаго народа. «Въ теченіе 220 лѣтъ для 10 милліоновъ католиковъ, говорящихъ польскимъ языкомъ, напечатано только три изданія польской Библіи перевода Іакова Вуйка, составляющія не болѣе 3,000 экземпляровъ, и у ста тысячъ семействъ въ Польшѣ и Галиціи едва ли находилась Библія. При такомъ оскудѣніи у народа, съ нами единоплеменнаго, въ средствахъ къ чтенію слова Божія, Общество... поспѣшило напечатать три изданія польскаго Новаго Завѣта, а затѣмъ и полную Библію».

Наконецъ, и въ московскомъ отчетѣ мы встрѣчаемся съ той же темой, которая уже не разъ повторялась въ отчетахъ Общества, а теперь становилась въ нихъ особенно замѣтна. Это—указанія на чье-то противоборство и препятствія, поставляемыя спасительному дѣлу. Изъ упомянутыхъ выше писемъ британскаго комитета московскій отчетъ приводитъ, конечно не случайно, такую выписку: «чѣмъ ощутительнѣе дѣлаются послѣдствія распространенія спасительнаго слова Божія обращеніемъ многихъ отъ путей заблужденія, тѣмъ болѣе усматриваемъ, какъ *силы тьмы*, страхомъ возмущаемыя, стараются воспользоваться всѣми орудіями, дабы побороть сіе благое дѣло; но все сіе должно споспѣшествовать успѣхамъ благовѣствованія спасительнаго евангельскаго ученія».

Этого предмета коснулся теперь и московскій викарій Аѳанасій, въ своей рѣчи въ генеральномъ собраніи московскаго отдѣленія (въ началѣ 1823 года). Указавъ на поразительные успѣхи русскаго Общества, и упомянувъ, что греческая Библія, изданная трудами московскаго отдѣленія, требуется въ самой Палестинѣ, въ той самой странѣ, «изъ которой во весь міръ вышло живое слово Божіе», ораторъ продолжалъ:

«При всемъ томъ, вѣроятно, есть еще люди, которые, не

примѣчая дивныхъ дѣлъ божіихъ, совершающихся на лицѣ всея земли во дни наши, недоумѣваютъ и о дѣлѣ повсемѣстнаго распространенія священныхъ книгъ,—опасаются, чтобы Библія, сіе небесное сокровище, переходя въ народныя руки, не потеряла существенной цѣны своей; чтобы содержащееся въ ней, а особенно въ Ветхомъ Завѣтѣ, многое, для многихъ не вразумительное и съ нынѣшними нравами несогласное, не послужило соблазномъ для неопытныхъ...

«Опасеніе благонамѣренное,—по крайней мѣрѣ, мы *охотно вѣримъ*, что оно *благонамѣренно*;—впрочемъ едва ли не чрезъ мѣру боязливое. Не удивительно, естьли при чтеніи св. писанія могутъ иногда соблазняться тѣ, которыхъ воображеніе уже нечисто и сердце готово послѣдовать мечтаніямъ таковаго воображенія; или тѣ, которые читаютъ оное для одного любопытства, или по другимъ еще менѣе извинительнымъ побужденіямъ»... Но тотъ, кто будетъ приступать къ чтенію Библіи съ чистымъ сердцемъ, тотъ найдетъ въ ней наставленіе для себя, а непонятное или кажущееся страннымъ отложитъ до тѣхъ поръ, пока вразумится самъ или получитъ вразумленіе отъ знающихъ. Наконецъ, ораторъ указывалъ, что вообще не довольно распространять Библію или имѣть ее, что она не принесетъ пользы, если имѣющіе будутъ употреблять ее «нечистыми руками и не искреннимъ сердцемъ», но что «слово божіе, для читающихъ и поучающихся въ ономъ со смиреніемъ духа, въ чистотѣ и простотѣ сердца, есть неисчерпаемый источникъ всякія истины, надежный вождь въ таинственныхъ путяхъ благодати, небесный свѣтъ, просвѣщающій тьму души нашея, божественная сила, укрѣпляющая слабую вѣру нашу, непреложный путь, ведущій къ настоящему и грядущему блаженству», и т. д.

За слѣдующій 1823 годъ комитетъ не издавалъ, какъ прежде, отдѣльнаго отчета. Вмѣсто отчетовъ должно было служить упомянутое изданіе: «Извѣстія о Библейскихъ Обществахъ», которое начало выходить съ января 1824 года. Цѣль изданія объяснялась въ первой вводной статьѣ: «О пользѣ и необходимости чтенія слова Божія и объ учрежденіи Россійскаго Библейскаго Общества», такимъ образомъ: «Всѣ дѣйствія сего благотворнаго и благонамѣреннаго Общества,—говорится здѣсь,—были доселѣ всегда сообщаемы къ общему свѣдѣнію, посредствомъ газетъ, или временно издаваемыхъ объявленій, и ежегодныхъ отчетовъ;

а для комитетовъ отдѣленій Общества и корреспондентовъ онаго доставлялись печатныя выписки изъ журналовъ каждаго засѣданія комитета санктпетербургскаго. Но въ послѣдствіи времени найдено, что сего *весьма недостаточно* для приведенія въ желаемую извѣстность всѣхъ дѣйствій общества, съ великою пользою, отъ сего учрежденія проистекающею, и даже съ самою цѣлію онаго». Поэтому испрошено было высочайшее соизволеніе на изданіе этого журнала, которое приняли на себя члены комитета.

Такимъ образомъ, Общество надѣялось еще на большее распространеніе своей дѣятельности. Между тѣмъ, этотъ 1824 годъ былъ, собственно, концомъ этой дѣятельности: дни общества были сочтены...

Въ одной изъ первыхъ книжекъ «Извѣстій» мы находимъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ комитета за *1823* годъ. Эти свѣдѣнія, очень краткія, представляютъ дѣла Общества въ такомъ видѣ:

Сумма прихода, съ остаткомъ отъ 1822 года, составляла 289,338 р. 17 к.; расходъ—230,378 р. 81 к., гдѣ главныя статьи издержекъ были на покупку бумаги для изданій, на печать, заготовленіе стереотипныхъ досокъ и переводы, и на переплетеніе книгъ. Въ остаткѣ къ 1824 г. было 58,959 р. 36 к. [1]).

Приведено въ употребленіе Библій, Н. Завѣтовъ и отдѣльныхъ частей св. писанія всего 20,405 экз., въ томъ числѣ роздано безденежно 1,143.

Изданія сдѣланы были въ этомъ году въ Петербургѣ: на славянскомъ, на славянскомъ вмѣстѣ съ русскимъ и на одномъ русскомъ языкѣ (Н. Завѣтъ и Псалтирь), на болгарскомъ (Ев. отъ Матѳея), зырянскомъ (тоже) и финскомъ, всего въ числѣ 74,550 экз. Кромѣ того, въ Москвѣ напечатано было 15,000 экз. славянскихъ и русскихъ изданій св. писанія.

Переводные труды находились къ концу 1823 года [2]) въ слѣдующемъ видѣ: одно изъ главнѣйшихъ предпріятій, на которомъ сосредоточивался всего больше интересъ Общества,—русскій переводъ Библіи,—доведенъ былъ до 12-й главы книги Числъ. По изготовленіи всѣхъ пяти книгъ Моисеевыхъ, должно было начаться печатаніе *русской Библіи*, на что уже и послѣдовало высочайшее соизволеніе. Мѣстные комитеты ревностно

---

[1]) Цифры, въ 11-лѣтней сложности, по петерб. комитету были слѣдующія: приходъ—3,081,934 р. 34 к., расходъ—3,022,974 р. 98 к.

[2]) См. Спб. Вѣд. 1823 г. № 102.

продолжали свои заботы о переводахъ св. писанія на языки различныхъ инородцевъ. Такъ, вятскій комитетъ доставилъ переводъ Евангелій отъ Матѳея и Марка на *вотяцкій* языкъ; переводъ приготовленъ былъ соединенными усиліями нѣсколькихъ мѣстныхъ священниковъ, и комитетъ петербургскій, поручивъ, по обычаю, знающимъ людямъ просмотрѣть сдѣланный переводъ и убѣдившись въ его точности, рѣшилъ произвести изданіе въ Вяткѣ. Пермское отдѣленіе доставило въ Общество переводъ Евангелія отъ Матѳея на *пермяцкій* языкъ, и комитетъ отдалъ его на разсмотрѣніе лицамъ знающимъ этотъ языкъ.

Въ 1824 году оставались еще въ печати въ Петербургѣ: изданія Библіи и Н. Завѣта на славянскомъ и русскомъ (вмѣстѣ и отдѣльно); Библіи на латышскомъ и нѣмецкомъ; Н. Завѣта на сербскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, черемисскомъ и мордовскомъ. Въ Москвѣ печаталась грузинская Псалтирь; въ Митавѣ—латышскій Н. Завѣтъ, въ Астрахани—Библія на татаро-турецкомъ языкѣ. Всего приготовлялось 59,200 экз. новыхъ изданій.

Цифра распространенныхъ комитетомъ изданій, въ 11-лѣтней сложности, составляла 448,109 экз., на сумму 1,896,058 р. 85 коп.

Мы остановимся еще на отчетѣ московскаго отдѣленія за тотъ же 1823 годъ, читанномъ на генеральномъ собраніи московскаго отдѣленія, 23 марта 1824. Мы не будемъ останавливаться на цифрахъ его доходовъ, расходовъ и продажи книгъ; замѣтимъ только цифру изданій, которая возросла теперь до 79,500 экз. Дѣятельность комитета шла усиленно: въ уѣздныхъ городахъ усердно дѣйствовали корреспонденты, которые, «возбуждая въ жителяхъ городскихъ и между поселянами въ уѣздахъ желаніе къ чтенію книгъ св. писанія», доставляли имъ возможность имѣть ихъ съ платою или безплатно. Кромѣ того, разослано было 2,000 экз. «Воззванія», приглашавшаго къ чтенію Библіи. Дѣйствіе «Воззванія» бывало таково: «Нѣкоторые изъ крестьянъ, коимъ розданы сіи книжки, *признавались*, что, прочитавъ ихъ, они были въ сильномъ *безпокойствѣ*, и для чтенія своего спѣшили имѣть книги Новаго Завѣта на *Русскомъ* языкѣ». Отъ крестьянъ, въ которыхъ возбуждалось подобное «безпокойство», шли пожертвованія на «книги божественныя», на «имя Господне», на «спасеніе души» и т. п. Но особенно любопытной подробностью московскаго отчета была рѣчь, произ-

несенная въ томъ же генеральномъ собранiи 23 марта однимъ изъ вице-президентовъ, архiеп. Филаретомъ. Мы передадимъ ее вкратцѣ.

Ораторъ началъ съ того, что, послѣ многихъ прежнихъ отчетовъ, содержанiе новаго отчета должно быть болѣе или менѣе извѣстно впередъ слушателямъ: дѣло, продолжающееся на однихъ правилахъ, можетъ потерять свою новизну: еще сотрудники, еще пособiя и изданiя,—вотъ обыкновенное содержанiе отчетовъ.—Но отъ Общества могутъ потребовать отчета *нравственнаго*, потому что и самая цѣль Общества есть, конечно, цѣль нравственная, хотя, впрочемъ, такому требованiю едва ли бы взялось отвѣчать комитетское счетоводство.

«Что же дѣлать?—спрашиваетъ онъ.—Когда уже случилось встрѣтиться съ сею мыслiю: не станемъ отступать малодушно назадъ; испытаемъ развѣдаться съ требованiемъ отъ Библейскаго Общества нравственнаго отчета.

«На это требованiе,—продолжалъ онъ,—можно отвѣчать во-первыхъ, что существенный плодъ, приносимый Библейскимъ Обществомъ, долженъ, конечно, рождаться въ сердцахъ, которыя знаетъ одинъ Сердцевѣдецъ; и потому Обществу не стыдно будетъ признаться, что оно не можетъ дать въ этомъ отчета. Впрочемъ, самое желанiе читать Библiю, распространяющееся все сильнѣе, могло бы служить нѣкоторымъ указанiемъ успѣха.

«Во-вторыхъ, можно сказать, что такой отчетъ получатъ со временемъ потомки: кто посѣялъ сѣмя весной, можетъ только осенью ожидать плода, а посадившiй дерево ждетъ много лѣтъ; сѣющiй Слово Божiе сѣетъ для вѣчности, и не поздно будетъ, если всходъ посѣяннаго окажется только во второмъ родѣ.

«Въ-третьихъ,—говорилъ Филаретъ,—если бы кто захотѣлъ настоятельно потребовать, чтобы ему показали, какое примѣтное дѣйствiе произведено усилiями здѣшняго Библейскаго Общества въ тѣхъ наипаче людяхъ, которые *болѣе близки*, и по нѣкоторому предварительному образованiю болѣе кажутся способными къ принятiю отъ онаго желаемыхъ впечатлѣнiй: да будетъ намъ позволено, сей настоятельности противуположить нѣкоторую смѣлость и просить вопрошающихъ, чтобы они размыслили, *кто кому* болѣе *обязанъ* въ семъ случаѣ *отчетомъ*: Общество ли людямъ, для которыхъ и между которыми оно дѣйствуетъ, или, напротивъ, они Обществу?.. Когда Библiйское Общество, съ своей стороны, повсюду предлагаетъ священныя книги...

должно ли оно еще отвѣтствовать, довольно или недовольно пользуются сею здравою и спасительною пищею? Не болѣе ли напротивъ *оно* въ правѣ, послѣ десяти своихъ отчетовъ, хотя однажды предложить тѣмъ, для которыхъ оно трудится, чтобъ и они подумали, не обязаны ли отчетомъ, естьли не Обществу, по крайней мѣрѣ себѣ самимъ, въ томъ, какъ пользовались доброжелательными для нихъ усиліями Общества?

«Какъ теперь опять дошло до требованія отчета, который трудно взять,—продолжалъ онъ:—то для образца посмотримъ, какъ въ подобномъ случаѣ одинъ изъ богатыхъ раздаятелей хлѣба животнаго считался съ тѣми, которые отъ него принимали».

И онъ проводитъ сильное обличеніе Златоуста противъ его современниковъ, не слушавшихъ писанія и предававшихся соблазнамъ жизни. Наконецъ, въ заключеніе, Филаретъ указываетъ на тотъ отчетъ, котораго потребуетъ само Слово Божіе. Какой мы дадимъ отчетъ,—говоритъ онъ,—если Оно нѣкогда скажетъ намъ: несмотря на ваше недостоинство, «по милосердію къ вамъ, Я странствовало по вашимъ городамъ и селамъ, ища васъ; почто вы Меня или не принимали, или не довольно искренно принимали? Почто не учились отъ Меня мыслить, чувствовать, дѣйствовать, жить, умирать и возставать въ воскресеніе жизни?»

Это былъ, какъ видитъ читатель, довольно энергическій отвѣтъ, въ духѣ Библейскаго Общества, тѣмъ, кто требовалъ отъ него нравственнаго отчета и—кто противъ него возставалъ.—Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, извѣстій о томъ, какія ближайшія обстоятельства внушили Филарету эти слова,—но слова, очевидно, не были случайны и, по всей вѣроятности, были косвеннымъ отвѣтомъ на разныя толкованія, какимъ подвергались дѣйствія Общества;—въ виду обвиненій и враждебныхъ интригъ, можно было заговорить о нравственномъ отчетѣ и перенести его на самое общество, т. е. публику...

Намъ остается досказать немногое объ оффиціальной дѣятельности Библейскаго Общества.

Въ февральской книжкѣ «Извѣстій» 1824 г., петербургскій комитетъ объявлялъ объ окончаніи новаго изданія Н. Завѣта въ 12° на *одномъ русскомъ* языкѣ и при этомъ случаѣ сообщалъ исторію этого перевода. Она начинается, какъ мы видѣли за восемь лѣтъ предъ тѣмъ, съ повелѣнія самого императора Александра. Съ тѣхъ поръ комитетъ издалъ больше ста тысячъ экз.

Н. Завѣта на славянскомъ и русскомъ языкахъ (вмѣстѣ); но, по мѣрѣ распространенія этого изданія, многіе начали выражать желаніе имѣть Н. Завѣтъ на одномъ русскомъ языкѣ. Въ пользу этого желанія комитетъ выставлялъ слѣдующія основанія:

Во-первыхъ, для славянскаго чтенія можно было имѣть отдѣльно книгу на одномъ славянскомъ языкѣ, а для русскаго—на одномъ русскомъ.

Во вторыхъ, двойное изданіе выходитъ вдвое толще, тяжеле, неудобно въ пересылкѣ и вдвое дороже.

Въ третьихъ, многіе изъ военныхъ нижнихъ чиновъ нерѣдко изъявляли сожалѣніе, что величина книги затрудняетъ ихъ въ переходахъ и не дозволяетъ имѣть ее всегда при себѣ.

Въ четвертыхъ, тѣ же причины заставляли желать русскаго изданія и для употребленія въ училищахъ, гдѣ «Н. Завѣтъ есть безъ сомнѣнія общеполезнѣйшая книга», которая, кромѣ религіознаго, даетъ и всякое нравственное назиданіе.

По этимъ основаніямъ (т. е. по соображеніямъ толщины, тяжести, цѣны книгъ), президентъ Общества испрашивалъ высочайшее соизволеніе на это изданіе, и, по полученіи его, комитетъ въ восемь мѣсяцевъ успѣлъ заготовить стереотипныя доски и напечатать съ нихъ 20,000 экз. русскаго Н. Завѣта. «Государь Императоръ благоволилъ принять съ особливымъ удовольствіемъ поднесенные Его Величеству отъ лица комитета Росс. Библ. Общества экземпляры сего изданія»...

Въ заключеніе, комитетъ счелъ нужной оговорку относительно славянскаго изданія: новое изданіе,—говорилъ онъ,—«не прекращаетъ нимало употребленія сей книги на обоихъ языкахъ, славянскомъ и русскомъ, для тѣхъ, кто пожелаетъ имѣть оную»; комитетъ намѣревался и впредь печатать по-прежнему изданія Н. Завѣта на обоихъ языкахъ,—«ибо во многихъ другихъ случаяхъ, чтеніе сей книги, столь необходимой для каждаго христіанина, весьма полезно, имѣя предъ глазами своими, какъ текстъ оной древній *славянскій*, употребляемый въ церквахъ при божественной службѣ, достопочтенный по древности своей и по близости къ подлинному греческому, такъ и вновь составленный, съ толикимъ раченіемъ и точностію, переводъ на *россійскій*, нынѣ употребительный и общепонятный языкъ, переводъ, принятый повсюду съ радостію и довѣренностію къ производившимъ оный духовнымъ особамъ, и съ благодареніемъ къ Господу Богу»...

Всѣ эти оговорки, столь подробныя и уважительныя, все-таки не договариваютъ дѣла вполнѣ и, очевидно, борятся противъ какихъ-то мнѣній, неблагопріятныхъ этому роду изданій. Мы увидимъ дальше, что самый переводъ св. писанія на русскій языкъ представлялся противникамъ Библ. Общества нарушеніемъ православія...

Между тѣмъ, комитетъ предпринималъ новые труды и изданія. Онъ рѣшилъ, напр., сдѣлать изданіе Н. Завѣта на *осетинскомъ* языкѣ: переводъ доставленъ былъ осетинскимъ дворяниномъ Ялгузидзе, который перевелъ уже на осетинскій литургію и другія церковныя книги. Переводъ его былъ пересмотрѣнъ и, съ благословеніемъ синода, долженъ былъ печататься въ Москвѣ, подъ надзоромъ тамошняго комитета. Тобольское отдѣленіе приготовляло *киргизскій* переводъ Н. Завѣта. Члены шотландской колоніи (въ астраханскомъ отдѣленіи), вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ прибывшихъ въ Россію евангелическихъ пасторовъ, воспитанниковъ базельскаго (миссіонерскаго) института, нашли возможнымъ пересмотрѣть персидское изданіе Новаго Завѣта и вновь исправить его. Въ этомъ трудѣ имъ содѣйствовало какъ собственное знаніе персидскаго языка, такъ и содѣйствіе ученыхъ персіянъ, между которыми они особенно указывали «обращеннаго въ христіанство извѣстнаго Магомета Али, при крещеніи названнаго Александромъ Казинбеемъ». Это—извѣстный ученый, А. К. Казембекъ, впослѣдствіи профессоръ восточныхъ языковъ въ казанскомъ, а теперь въ петербургскомъ университетѣ. Комитетъ рѣшилъ напечатать и это исправленное изданіе, «получивъ достаточное удостовѣреніе въ надежности и основательности сдѣланнаго исправленія».

Въ Оренбургѣ открывалось новое, 58-е, отдѣленіе Общества.

Въ комитетъ поступило наконецъ и изданіе разныхъ частей св. писанія для *слѣпыхъ*, напечатанное извѣстнымъ образомъ, выпуклыми буквами. Это изданіе приготовила одна слѣпая дѣвица Анна Измайлова, которая выучилась этому печатанью въ петербургскомъ институтѣ слѣпыхъ. Она прислала 59 книгъ такого рода...

Въ іюльской книжкѣ «Извѣстій» [1]), на первой страницѣ помѣщенъ былъ Высочайшій рескриптъ на имя князя Голицына, дан-

[1]) Цензурная помѣта—22 іюня.

ный 17 мая 1824, на Каменномъ островѣ. Въ рескриптѣ говорилось, что императоръ, внявъ причинамъ, представленнымъ княземъ Голицынымъ, изъявлялъ согласіе на сложеніе имъ съ себя званія президента Россійскаго Библейскаго Общества и затѣмъ считалъ приличнымъ быть предсѣдателемъ его старшему вице-президенту, митрополиту Серафиму. Голицыну повелѣвалось объявить объ этомъ комитету Общества, также какъ и объ увольненіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Попова отъ званія секретаря Общества, по его желанію. Доклады по дѣламъ общества должны были вноситься черезъ посредство князя Голицына.

29 мая комитетъ Общества собрался подъ предсѣдательствомъ митрополита Серафима. По выслушаніи Высочайшаго рескрипта, члены комитета привѣтствовали новаго предсѣдателя, который отвѣчалъ на привѣтствіе желаніемъ: «Дабы Господь ниспослалъ божественное благословеніе Свое на общіе труды ихъ, къ общей благой цѣли клонящіеся, и подкрѣпилъ бы труды сіи всемогущимъ Своимъ содѣйствіемъ».

Удаленіе князя Голицына отъ президентства въ Библейскомъ комитетѣ было предисловіемъ къ близкому паденію всего Общества. Передъ тѣмъ, 15-го мая, князь Голицынъ пересталъ быть и министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Ему предоставлено было почтовое вѣдомство. Смѣна князя Голицына была смѣной всѣхъ взглядовъ правительства на дѣятельность Библейскаго Общества. Правда, оно пока еще не было уничтожено, но всякія надежды на его дальнѣйшее существованіе были потеряны. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ новый президентъ уже докладывалъ императору Александру о вредѣ Библейскаго Общества и необходимости его закрытія.

Послѣ удаленія князя Голицына, Библейское общество существовало, больше номинально, чѣмъ на дѣлѣ, еще около двухъ лѣтъ. Это было время его агоніи. Прежде чѣмъ разсказывать эти послѣднія событія, мы должны еще остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ исторіи Общества, на его внутреннемъ характерѣ, его положеніи въ общественной жизни. Это дастъ намъ возможность объяснить себѣ то ожесточенное преслѣдованіе, которое повело къ его окончательному закрытію въ началѣ 1826 года.

II.

Внутренній характеръ Общества, его составъ и тенденціи. — Свойство англійскихъ вліяній.—Дѣйствія Общества: вѣротерпимость, филантропія, ланкастерскія школы, «религіозные трактаты»; значеніе библейскихъ изданій Общества.—Вліяніе нравовъ и «почвы».—Офиціальная натянутость библейскаго дѣла; распространеніе піэтизма; мистическія крайности; обскурантизмъ.

Судьба русскаго Библейскаго Общества есть судьба многихъ начинаній въ русской общественной жизни; начало его было несмѣло, даже черезъ мѣру осторожно и окружено всякими оговорками; Общество укрѣпляется только получивъ оффиціальную санкцію,—въ силу которой оно потомъ быстро распространяется, такъ что охватываетъ положительно всѣ края имперіи и вездѣ имѣетъ своихъ членовъ, благотворителей и сотоварищей; затѣмъ оно вдругъ рушится, хотя мы напрасно ищемъ причины паденія въ его собственныхъ дѣйствіяхъ, потому что ничего новаго въ немъ не произошло, и оно падаетъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ еще незадолго передъ тѣмъ оно ободрялось и поощрялось высшими властями; причина закрытія отыскивается въ обстоятельствахъ, постороннихъ его сущности; въ концѣ, осужденіе падаетъ на все цѣликомъ, не разбирая правыхъ и виноватыхъ... А правые, конечно, были; это были люди, въ которыхъ жила лучшая, просвѣтительно-человѣколюбивая сторона библейской дѣятельности, и съ этимъ внезапнымъ, нежданнымъ упраздненіемъ всѣхъ ихъ надеждъ и стремленій, упразднялся, конечно, одинъ изъ шансовъ правильнаго послѣдовательнаго развитія общественныхъ понятій, которое могло бы нѣкогда принести благотворный результатъ, потому что, проведши общественную мысль черезъ извѣстныя усилія, борьбу убѣжденій, даже (всегда неизбѣжныя) ошибки, могло бы дать ей наконецъ какую-нибудь устойчивость и самостоятельность. Такой ходъ исторіи Библейскаго Общества, очевидно, совершенно соотвѣтствуетъ всему характеру нашей жизни, въ которой общественная дѣятельность во времена императора Александра еще дѣлала свои первые шаги и была потому легко открыта всѣмъ случайностямъ...

Въ частности, исторія Библейскаго Общества представляетъ одно изъ самыхъ характеристическихъ явленій *второй половины* царствованія императора Александра, какъ извѣстно, отличав-

шейся своими особенными чертами и очень непохожей на первую: это было время торжества надъ Наполеономъ и новой политики, наставшей теперь послѣ Священнаго Союза и вѣнскаго конгресса, когда въ обществахъ Европы происходило однако свое неопредѣленное броженіе, остатокъ и продолженіе революціонныхъ потрясеній,—время мистическихъ увлеченій самого императора, и время сильной реакціи... Всѣ эти событія прямо или посредственно отражались и на русской жизни, и исторія Библейскаго Общества, въ особенности, богата подобными чертами времени. Библейское Общество, которое и появилось у насъ по чужой инициативѣ, представляетъ очень часто факты непосредственныхъ европейскихъ вліяній, но при всемъ томъ въ его дѣйствіяхъ и въ цѣломъ его характерѣ столько чисто-русскихъ свойствъ и пріемовъ, что намъ не трудно узнавать, въ его русскихъ руководителяхъ, своихъ соотечественниковъ.

По объясненнымъ прежде причинамъ, нашъ очеркъ не имѣетъ притязанія на какую-нибудь полноту, мы соберемъ только главныя черты, и неполнота изложенія нашего сама указываетъ, гдѣ нужны еще историческія разъясненія, которыхъ надобно ждать отъ публикаціи документовъ, относящихся къ исторіи Общества, и отъ разъясненій его современниковъ.

Мы довели изложеніе внѣшней дѣятельности Общества до 1824 года. Паденіе Общества, начавшееся съ удаленіемъ кн. Голицына, было отчасти слѣдствіемъ грязныхъ личныхъ интригъ, отчасти результатомъ столкновенія двухъ различныхъ взглядовъ, господствовавшихъ въ разныхъ кругахъ общества,—двухъ «направленій», объемъ которыхъ выходилъ, конечно, за предѣлы самого библейскаго вопроса. Библейское Общество еще до 1824 г., а съ этого года въ особенности, стало предметомъ ожесточенныхъ инкриминацій со стороны людей, выдававшихъ себя и считавшихся пламенными сынами отечества и защитниками вѣры,— чѣмъ однако считали себя и библейскіе дѣятели. То, что, по словамъ ревнителей Библейскаго Общества, было «явнымъ свидѣтельствомъ милости Промысла» и «истиннымъ благодѣяніемъ для русскаго народа», врагами его выдавалось теперь за покушеніе противъ религіи и революціонный подкопъ подъ самыя основанія государственнаго порядка. Чтобы оріентироваться въ этихъ противорѣчіяхъ, мы предварительно должны составить себѣ понятіе

о самой сущности дѣла и войти для того въ нѣкоторыя подробности объ устройствѣ и характерѣ русскаго Библейскаго Общества. Мы остановимся поэтому на его отношеніяхъ къ Британскому Обществу, его личномъ составѣ, способахъ распространенія, различныхъ тенденціяхъ, въ какихъ совершалась библейская дѣятельность и т. д.

Въ «Библейскомъ Обществѣ» къ нашей жизни прививалось учрежденіе, созданное чужими нравами и чужой образованностью,—какъ это случалось у насъ множество разъ прежде и послѣ. При такихъ прививкахъ европейскія идеи въ нашей жизни всегда извѣстнымъ образомъ измѣнялись по требованіямъ домашнихъ условій: онѣ всего чаще суживались и укорачивались, когда это были идеи просвѣтительныя, потому что для должнаго ихъ примѣненія у насъ не оказывалось достаточно образованности, и нововведеніе затруднялось враждой со стороны людей стараго вѣка. На этотъ разъ прививка сопровождалась также своими изъянами и странностями, и ихъ было тѣмъ больше, что теперь шло дѣло объ учрежденіи чисто общественномъ, и усвоеніе чужой идеи должно было совершаться не административнымъ порядкомъ, а дѣятельностью частныхъ лицъ. Правда, Общество могло и осуществиться только съ высочайшаго соизволенія, все время было подъ непосредственнымъ вліяніемъ власти, постоянно привлекало вниманіе самого императора, но дѣятельность его тѣмъ не менѣе считалась не отправленіемъ оффиціальнаго вѣдомства, а добровольнымъ дѣломъ частныхъ лицъ, дѣломъ общества... Но элементы общественной дѣятельности были однако такъ слабы въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, что трудно было ожидать, чтобы учрежденіе, какъ Библейское Общество, основанное англійской общественной и религіозной свободой и вѣротерпимостью, могло сохранить эти свойства на русской почвѣ, могло здѣсь существовать сохранно и безбоязненно, какъ тамъ, и принести тѣ же плоды... Результатъ показалъ, что это дѣйствительно было невозможно.

Первая разница была въ разницѣ этихъ главныхъ основаній: Британское Общество имѣло свою опору въ свободѣ общественныхъ учрежденій; у насъ оно было дѣломъ административнаго дозволенія, которое могло быть дано и отнято, когда въ самыхъ *русскихъ* нравахъ и привычкахъ дѣятельность этого рода еще не успѣла пріобрѣсти себѣ права на существованіе... До *иностранцевъ*, живущихъ въ Россіи, это не касалось; и послѣ

того, какъ въ 1826 г. русское Общество было окончательно закрыто и истреблялась всякая память о немъ, въ 1831 г. открыто было вновь Библейское Общество протестантское, которому разрѣшено было воспользоваться частью наслѣдства отъ бывшаго русскаго Общества (въ изданіяхъ и отчасти въ суммахъ), президентомъ котораго могъ сдѣлаться бывшій вице-президентъ прежняго русскаго Общества (кн. К. А. Ливенъ, тогда министръ народнаго просвѣщенія), и которое существуетъ до сихъ поръ...

Русская жизнь до тѣхъ поръ не представляла, кажется, никакихъ примѣровъ общественной дѣятельности подобнаго рода, и это едва ли не былъ первый случай соединенія частныхъ усилій въ обширномъ предпріятіи на общую пользу. До царствованія императора Александра можно указать нѣчто подобное развѣ въ учрежденіи Вольнаго Экономическаго Общества. Потребность, однако же, была, и однимъ изъ доказательствъ ея существованія должно считаться распространеніе масонскихъ ложъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, выражавшее собой именно такую попытку общественнаго самосознанія. Въ началѣ царствованія императора Александра, когда, по словамъ современниковъ, «всѣ почувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе» [1]), эта потребность стала чувствоваться сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и къ этому времени дѣйствительно относится множество и правительственныхъ учрежденій на общую пользу, и замѣчательныхъ частныхъ пожертвованій на университеты, училища и т. п., и, наконецъ, разнообразныхъ «обществъ»... Послѣ 1801 года, который произвелъ въ русской жизни такое благотворное движеніе, въ другой разъ оно дано было 1812-мъ годомъ. Онъ до высшей степени возбудилъ чувство общей безопасности и патріотическій энтузіазмъ; это возбужденіе еще нѣсколько лѣтъ питалось чрезвычайными событіями, сильно дѣйствовало на умы и усиливало потребность въ общественной дѣятельности,—въ томъ или другомъ смыслѣ... Для иностранныхъ агентовъ Британскаго Общества, конечно, не могло быть удобнѣе минуты основать въ Россіи Библейское Общество, какъ именно конецъ 1812 года. Проектъ Общества былъ утвержденъ; въ сентябрѣ 1814 года Общество изъ частнаго петербургскаго сдѣлалось «Россійскимъ», и получило полный

---

[1]) Записки Вигеля I, 189.

просторъ. Но какъ ни было благопріятно время, какъ ни сильно возбуждены были нравственные интересы въ образованной части публики, самые нравы не могли передѣлаться такъ скоро, чтобы дѣятельность русскаго Общества могла итти въ томъ же смыслѣ, какъ шло это дѣло въ Англіи. Общество должно было дѣйствовать именно въ большинствѣ, но не только въ этомъ большинствѣ, но и въ самомъ образованномъ классѣ еще нужно было возбуждать тѣ интересы, какими проникались основатели русскаго Общества, и даже послѣ, когда, наконецъ, оно установилось, его члены и благотворители не знали иногда, что дѣлать съ ихъ новыми понятіями, какъ выражать ихъ или сообразно съ ними дѣйствовать... Мы увидимъ дальше, къ чему приводило такое положеніе вещей: основателями библейскихъ комитетовъ въ губерніяхъ дѣлались начальники губерній, а агентами и распространителями Библіи въ народѣ дѣлались становые пристава и земскіе исправники...

Какъ ни было благопріятно время, какъ, повидимому, ни близка была идея Общества къ пониманію благочестиво настроенной массы, но очевидно, что первымъ условіемъ его существованія и успѣха было участіе къ нему самого императора. Это одно давало полный просторъ для дѣйствій комитета, и вызвало ту предупредительность, которая сильно помогала Обществу въ административныхъ вѣдомствахъ и въ частныхъ людяхъ. Какъ скоро это участіе императора стало извѣстно, число ревнителей чрезвычайно увеличилось: понятно, что значительное число ихъ было привлечено именно только этимъ обстоятельствомъ... Въ отчетахъ всегда съ особеннымъ удареніемъ говорится о вниманіи императора Александра, и знаки этого вниманія были, дѣйствительно, главной опорой Общества. Императоръ поддерживалъ всѣ мѣры комитета, даже самъ настаивалъ на возможно-быстромъ распространеніи книгъ св. писанія, приказывая дѣлать большія закупки книгъ для арміи, разсылать въ достаточномъ количествѣ по епархіямъ; жертвовалъ для Общества значительныя суммы денегъ, дарилъ ему дома въ Петербургѣ и Москвѣ. Отчеты приписываютъ ему самую иниціативу русскаго перевода св. писанія. Въ 1816 году онъ высказалъ свои мысли объ этомъ предметѣ въ средѣ самаго Общества, во время посѣщенія Москвы.

«Двадцать седьмое число августа прошедшаго 1816 года,— разсказываютъ отчеты, — пребудетъ вѣчно достопамятнымъ въ

лѣтописяхъ московскаго отдѣленія. Его императорское величество, во время пребыванія своего въ Москвѣ, удостоить изволилъ высочайшаго своего благоволенія членовъ комитета московскаго, которые представлены были его величеству въ Кремлевскомъ дворцѣ преосв. своимъ вице-президентомъ [1]). Поднесенные при семъ случаѣ Государю Императору экземпляры каждаго изъ отпечатанныхъ на счетъ московскаго Общества изданій книгъ св. писанія, также отчеты комитета и книжка объ открытіи онаго, приняты были его императорскимъ величествомъ съ отличнымъ благоволеніемъ, и его величество, изъявивъ совершенное удовольствіе въ отношеніи къ трудамъ и успѣхамъ Общества, соизволилъ изъясниться при семъ случаѣ, что открытіе Библейскихъ Обществъ въ Россіи, во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ и другихъ частяхъ свѣта, величайшіе успѣхи сихъ Обществъ въ распространеніи Слова Божія не только между христіанами, но даже между идолопоклонниками и магометанами, признаетъ онъ особенною милостію и благословеніемъ Божіимъ къ роду человѣческому, а потому соизволилъ воспріять на себя званіе члена Россійскаго Библейскаго Общества и покровительствуетъ оному щедрыми благотвореніями, дабы благодатный свѣтъ откровенія распространить въ предѣлахъ Россіи, между народами, скипетру его подвластными» [2]). Много лѣтъ спустя, Пинкертонъ, упоминая въ своей книгѣ о религіозномъ движеніи въ Россіи, говоритъ: «но главнымъ источникомъ всѣхъ этихъ христіанскихъ и человѣколюбивыхъ трудовъ былъ, безъ сомнѣнія, императоръ; потому что въ такой странѣ какъ Россія, ничто въ подобномъ родѣ не могло бы совершаться безъ одобренія власти» [3]). Одинъ компетентный свидѣтель тѣхъ временъ изображаетъ самое Общество, какъ результатъ личнаго настроенія и личныхъ желаній императора Александра [4]).

Таково было, слѣдовательно, первое условіе, подъ которымъ дѣйствовало Общество. Основавшись такимъ образомъ, Общество конечно не удовольствовалось одной медленной пропагандой своей идеи; оно имѣло прямое покровительство и широко воспользовалось имъ, и если это покровительство изба-

---

[1]) Архіеп. Августинъ.

[2]) Отч. 1816, стр. 99—100.

[3]) Russia, p. 360.

[4]) Ср. La Russie et les Jésuites de 1772 à 1820, par Henri Lutteroth (Н. Тургеневъ). Paris, 1845, p. 48 и слѣд.

вило его отъ многихъ затрудненій, то, съ другой стороны, оно позволяло ему и существовать только до тѣхъ поръ, пока покровительство продолжалось. Съ прекращеніемъ покровительства, Общество не просто предоставлялось самому себѣ, оно теряло всѣ гражданскія права: при первомъ поводѣ оно закрывалось совсѣмъ...

При такомъ положеніи вещей самый успѣхъ Общества, указанный нами въ цифрахъ отчетовъ, невольно вызываетъ сомнѣніе. Потому что, если, съ одной стороны, были въ Обществѣ люди, очевидно убѣжденные и искренно преданные дѣлу, то съ другой было много такихъ, которые были привлечены къ нему совсѣмъ иными побужденіями, — которые бросились исполнять то, что было на ту пору пріятно предержащимъ властямъ: теперь они становились внезапно благочестивы и открывали отдѣленія и сотоварищества,—черезъ годъ они же отбирали Библіи...

Обратимся къ тѣмъ вліяніямъ, какія исходили изъ Британскаго Общества.

Мы уже говорили отчасти объ его отношеніяхъ къ русскому Обществу и свойствѣ его вліяній; но считаемъ не лишнимъ возвратиться еще разъ къ этому предмету, такъ какъ эти вліянія играютъ важную роль въ дѣйствіяхъ нашего Общества, и притомъ Британское Общество впослѣдствіи несло свою долю инкриминаціи со стороны обвинителей нашего Общества,—и намъ необходимо составить себѣ понятіе о вѣроподобности этихъ обвиненій.

Тотъ основной характеръ воззрѣній и дѣйствій, который приняло при своемъ основаніи Британское Общество, выражается и во всѣхъ его отношеніяхъ къ русскому. Это были религіозно-человѣколюбивыя стремленія, соединенныя съ трудами на пользу просвѣщенія народныхъ массъ и съ полной вѣротерпимостью. Разсматривая всѣ отношенія Британскаго Общества къ русскому комитету, читая его переписку, слѣдя за дѣйствіями его агентовъ въ Россіи, нельзя не почувствовать уваженія къ той силѣ убѣжденія, къ той энергіи и безкорыстію, съ какими оно приносило свое нравственное и матеріальное содѣйствіе на пользу библейскаго дѣла въ Россіи.

Мы приводили примѣры того, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчало Британское Общество успѣхи библейской дѣятельности въ Россіи. Письма президечта и секретарей Британскаго Общества

къ англійскимъ агентамъ, къ президенту и секретарямъ Библейскаго Общества въ Петербургѣ, переполнены этимъ горячимъ сочувствіемъ, искренность котораго доказывается всѣмъ характеромъ этихъ лицъ: Овенъ, Штейнкопфъ, Гьюгсъ и самъ президентъ были пламенные энтузіасты библейскаго дѣла, и ихъ слова были, конечно, вѣрнымъ выраженіемъ ихъ мысли. Успѣхи русскаго Общества въ особенности радовали ихъ, потому что (при упомянутыхъ выше условіяхъ) оно распространялось быстрѣе и шире, чѣмъ гдѣ бы то ни было тогда, кромѣ самой Англіи. Отчеты русскаго комитета постоянно производили впечатлѣніе въ собраніяхъ Британскаго Общества.

...«Предъ самымъ засѣданіемъ (Брит. комитета), — пишетъ Штейнкопфъ въ Петербургъ, къ Пинкертону и Гендерсону, въ Іюлѣ 1817 г.,—получено было ваше письмо, содержащее въ себѣ описаніе генеральнаго собранія Россійскаго Библейскаго Общества, и было прочтено предъ всѣмъ засѣданіемъ. *Невозможно изобразить* впечатлѣнія, каковое произвело письмо сіе. Каждая строка, казалось, возбуждала къ новому живѣйшему соучастію. Многіе изъ членовъ, не въ силахъ будучи удерживать чувствъ своихъ, прерывали неоднократно чтеніе своими восторгами. «Слышите ли? слышите ли?» восклицали одни; «слава Богу!» произносили другіе.... Иные проливали слезы.... Почтенный пасторъ, г. Масонъ, секретарь Американскаго Библейскаго Общества, былъ также въ семъ засѣданіи. Вся душа его устремлена была во вниманіе на читаемое. По окончаніи же, всѣ въ одинъ голосъ сказали: «надобно напечатать это письмо». Такъ положено; и чрезъ нѣсколько недѣль разойдется оно по всей Великобританіи; и г. Масонъ беретъ съ собою большое число экземпляровъ въ Америку» [1]). Мы повѣримъ всей искренности этихъ восторговъ, когда вспомнимъ, что засѣданіе состояло изъ ревностныхъ приверженцевъ Библіи. И эти восторги не оставались фразой; каждый разъ они сопровождались новыми приношеніями въ пользу библейскаго дѣла въ Россіи. Эти приношенія въ очень немногіе годы дошли до весьма крупной суммы.

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ отчетовъ, петербургскій комитетъ, упоминая объ одномъ изъ такихъ англійскихъ пособій, говорилъ, что «принялъ сіе новое вспомоществованіе (въ 2,000 ф. ст., или 50,000 руб.) отъ содружественнаго ему лон-

---

[1]) Отч. 1817, Приб. XIII.

донскаго комитета, съ тѣмъ вящшимъ удовольствіемъ, что въ ономъ видитъ подтвержденіе святости дѣла, занимающаго оба комитета, которые, одушевляясь совокупно духомъ любви христіанской, желаютъ успѣховъ Слова Божія между *всѣми человѣками, повсюду*, гдѣ бы они ни обрѣтались, и потому не полагаютъ *никакого раздѣленія* между собою. Тотъ же духъ, который въ первыя времена христіанства содѣлывалъ между многими вѣрующими «сердце едино» и «душу едину», такъ что и имущество было общее у нихъ, производитъ и нынѣ подобныя дѣйствія между ревнителями распространенія Слова Божія» [1]).

Русскій комитетъ сдѣлалъ немного, что давало бы ему право относить подобныя выраженія къ себѣ; но объ Обществѣ Британскомъ эти выраженія были очень возможны, и дѣйствительно даютъ понятіе о духѣ безкорыстнаго человѣколюбія, въ которомъ онъ дѣйствовалъ.... Русскій комитетъ, по крайней мѣрѣ, старался подражать ему.

Этотъ общій характеръ одушевлялъ вообще всѣ дѣйствія Британскаго Общества относительно Россіи, и придаетъ его вліяніямъ истинно-цивилизующее значеніе. Мы убѣдимся въ этомъ, взглянувъ на нѣкоторыя частности.

Поднимая у насъ вопросъ о распространеніи Библіи на народныхъ языкахъ, Британское Общество несомнѣнно поднимало вопросъ великой важности. Онъ, конечно, долженъ выступить на общественную сцену, если только будетъ считаться сколько-нибудь нужнымъ образованіе народа, который у насъ и до сей поры обрѣтается въ крайнемъ невѣжествѣ,— между прочимъ и невѣжествѣ религіозномъ, какъ бы ни было велико въ народѣ обычное обрядовое благочестіе.— Вопросъ о чтеніи Библіи, конечно, не стоялъ въ нашей церковной жизни такъ, какъ онъ былъ поставленъ въ католицизмѣ. Но тѣмъ не менѣе, Британское Общество и вносило къ намъ новую мысль, потому что указывало на потребность въ Библіи на *народномъ* языкѣ; объ этомъ у насъ еще никто не думалъ, по крайней мѣрѣ такъ ясно и опредѣленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ идеяхъ Общества переводъ Библіи на народный языкъ означалъ, что источники религіи должны быть открыты равно для всѣхъ и религіозное образованіе должно стать общимъ достояніемъ, безъ различія кастъ и сословій.... Эта мысль могла имѣть

---

[1]) Отч. за 1821 г., стр. 30.

много серьезнаго значенія въ тѣхъ обществахъ, гдѣ для массы христіанское образованіе сводилось почти только къ одному внѣшнему обряду и, слѣдовательно, почти не существовало. Заговорить о Библіи на народномъ языкѣ, значило—напомнить обществу объ его религіи, и показать, къ чему оно, по меньшей мѣрѣ, должно быть обязано, если понимаетъ религію сколько-нибудь серьезно.

Для этого религіознаго образованія народовъ, въ идеяхъ Британскаго Общества должна была служить главнымъ образомъ Библія, т. е. самые источники откровенной религіи, одинаково принимаемые всѣми исповѣданіями. Поэтому основнымъ принципомъ его стала полная вѣротерпимость: Британское Общество помогало одинаково всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, не дѣлая между ними никакого различія, — оно не желало только дѣлать уступокъ тѣмъ конфессіональнымъ притязаніямъ, которыя покушались на самый смыслъ и текстъ Библіи [1],—и поэтому издавало свои Библіи безъ всякихъ примѣчаній и объясненій... Эта *вѣротерпимость* входила теперь новымъ элементомъ въ понятія русскаго общества, и не только въ мірской его части, но, что особенно важно, въ его духовномъ сословіи, крайне исключительномъ издавна и даже наканунѣ своего участія въ Библейскомъ Обществѣ. Въ главномъ комитетѣ русскаго Общества, на ряду съ представителями православной іерархіи, сидѣли духовныя лица исповѣданій католическаго, протестантскаго, армянскаго и греко-уніатскаго. Въ трудахъ по изданіямъ одно время приняли участіе даже «отцы-іезуиты».

Британское Общество не довольствовалось однимъ печатаніемъ книгъ; при распространеніи Библіи имъ руководили вмѣстѣ и *филантропическія* побужденія: значительное количество книгъ раздавалось неимущимъ даромъ; оно доставляло Библіи въ заведенія для бѣдныхъ и въ мѣста содержанія заключенныхъ. Съ другой стороны, для того, чтобы Библія могла быть читана народомъ, нужно было позаботиться о *школахъ*, и эта забота была также близка Британскому Обществу. Такъ, одинъ изъ первыхъ людей, возымѣвшихъ мысль о Библейскомъ Обществѣ, Чарльзъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ Библіи, дѣятельно работалъ и для школы. Конечно, заведеніе школы не входило прямо

---

[1]) Хотя, впрочемъ, оно издавало и католическіе переводы Библіи, или оказывало пособіе ихъ изданію.

въ кругъ дѣйствій Общества, тѣмъ болѣе, что въ Англіи этотъ трудъ нашелъ много своихъ усердныхъ исполнителей; но мысль о школѣ постоянно соединялась съ мыслью о Библіи, и дѣятели Британскаго Общества, въ своихъ сношеніяхъ съ русскими, указывали на эту необходимость, рекомендовали имъ ланкастерскія школы, описывали воскресныя и переходящія школы, существовавшія въ Англіи, и мы увидимъ, что въ числѣ приверженцевъ и распространителей ланкастерской методы у насъ члены Библейскаго Общества играли не малую, если не главную роль.

Далѣе, существеннымъ принципомъ «Британскаго и *Иностраннаго* Общества» было распространеніе Библіи на языкахъ всѣхъ народовъ вообще, имѣющихъ нужду въ Библіи, не только народовъ, живущихъ въ государствѣ, но и всякихъ другихъ. Такимъ образомъ, труды Общества должны были принять характеръ *миссіонерскій*, потому что многимъ чужимъ народамъ приходилось доставлять Библію въ первый разъ: сдѣлать переводъ ея и принести къ нимъ этотъ переводъ. Естественно, что въ категоріи чужихъ народовъ всего скорѣе представлялись вниманію народы, болѣе близкіе и болѣе нуждавшіеся въ религіозномъ воспитаніи; для англичанъ это были языческія племена Индіи и колоній; для русскихъ — это были, во-первыхъ, многочисленные *инородцы,* жившіе въ предѣлахъ имперіи и остававшіеся не только магометанами, но даже язычниками, и во-вторыхъ, народы *единовѣрные*, но лишенные средствъ доставить себѣ сами это духовное образованіе, потому что были подавлены гнетомъ чужого владычества. Британское Общество указывало нашему и на тѣхъ, и на другихъ; и мало того, оно своими собственными трудами предупредило русскихъ въ исполненіи этой цѣли. Такъ, еще за нѣсколько лѣтъ до открытія Библейскаго Общества въ Россіи, на кавказской линіи, въ Каррасѣ, основалась шотландская колонія, имѣвшая въ виду миссіонерскую дѣятельность между туземнымъ татарскимъ и инымъ не русскимъ населеніемъ. Странствующіе агенты Британскаго Общества жили между бурятами и свою практику распространяли до Охотска. То же было и въ другомъ направленіи. Мы упоминали выше о странствованіяхъ Пинкертона. Ему главнымъ образомъ принадлежитъ устройство библейскихъ обществъ въ Греціи, утвержденіе библейскихъ сношеній русскаго Общества съ греческими населеніями Турецкой имперіи, и, наконецъ,

мысль о содѣйствіи религіозному образованію въ болгарскомъ населеніи. Пинкертонъ, во время своего пребыванія въ Константинополѣ, заботился о пріисканіи переводчика св. писанія на болгарскій языкъ. Англійскимъ агентамъ принадлежитъ, кажется, и мысль о сербскомъ переводѣ, который взялъ тогда на себя извѣстный Вукъ Караджичъ [1]).

Всѣ эти возбужденія были больше или меньше новы для людей русскаго Общества, и библейская дѣятельность, своими ближайшими подробностями, открывала имъ новыя перспективы нравственныхъ интересовъ. Само Британское Общество представляло примѣръ неутомимыхъ стремленій къ разъ поставленной цѣли, и это могло дѣйствовать тѣмъ больше на русскихъ библейскихъ ревнителей, что живые примѣры были постоянно на глазахъ русскаго комитета. Это были не разъ упомянутые агенты Британскаго Общества, прожившіе тогда много лѣтъ въ Россіи на служеніи библейскимъ интересамъ — Патерсонъ, Пинкертонъ и Гендерсонъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно только очень немногіе изъ самихъ русскихъ столько трудились для библей-

---

[1]) Судьба этого перевода была довольно несчастная. Вукъ Караджичъ былъ въ Россіи въ 1819–1820 годахъ; въ Петербургѣ онъ познакомился и съ Библейскимъ Обществомъ, которое поручило переводъ Н. Завѣта ему, какъ «извѣстному сербскому литератору». Караджичъ принялся за работу, въ которой пользовался также содѣйствіемъ извѣстнаго слависта Копитара. Но, когда онъ представилъ свой переводъ, Библейское Общество поручило пересмотръ его нѣкоему Аѳанасію Стойковичу, тогдашнему профессору въ харьковскомъ университетѣ, родомъ сербу. Но Стоковичъ былъ сербъ старой литературной школы, не знавшей чистаго народнаго языка, введеніе котораго въ сербскую литературу было задачей всей дѣятельности Караджича. Переводъ Вука показался Стойковичу недостаточно возвышеннымъ, даже низкимъ и площаднымъ; онъ взялся передѣлать его по-своему, и дѣйствительно передѣлалъ: отъ Вукова перевода остались едва замѣтные слѣды, и народный его языкъ Стойковичъ замѣнилъ множествомъ славяно-русскихъ словъ и оборотовъ, — такъ что для серба онъ требовалъ новаго перевода. Библейское Общество напечатало этотъ переводъ; и Вуку, въ огражденіе своего дѣла, осталось представить образчики своего собственнаго труда; онъ и издалъ эти образчики («Огледи светога писма на српском језику») въ то же время. Впослѣдствіи, Вукъ еще разъ пересмотрѣлъ и исправилъ свой переводъ и издалъ его вполнѣ въ 1847 году. Британское Общество, убѣдившись, что это и есть дѣйствительный сербскій переводъ, пріобрѣло у Вука право изданія. Ср. *Шафарика*, Gesch. der südslav. Literatur, III, 455—456; *E. Henderson*, Biblical researches and travels in Russia, p. 262.

скаго дѣла въ Россіи, какъ эти три иностранца. Мы видѣли, съ какимъ великимъ уваженіемъ комитетъ русскаго Общества признавалъ всегда труды перваго изъ нихъ, и они вполнѣ заслуживали такого уваженія: ему принадлежала первая иниціатива, на немъ лежали труды организаціи, завѣдываніе складами книгохранилища, устройство стереотипной типографіи, трудъ надъ самыми изданіями, переписка съ Британскимъ Обществомъ и т. д. Очевидно, что этотъ человѣкъ не отказывался ни отъ какой работы на пользу дѣла. Мы упоминали о путешествіяхъ Пинкертона и Гендерсона внутри и внѣ Россіи; и тотъ, и другой отдавались дѣлу русскаго Библейскаго Общества, какъ своему собственному,—безъ всякихъ секторскихъ тенденцій (въ какихъ послѣ хотѣли ихъ обвинить), а, напротивъ, въ духѣ полной вѣротерпимости и, наконецъ, съ искренней любовью въ той націи, среди которой они дѣйствовали. Впослѣдствіи, когда русское Библейское Общество уже не существовало, они оставили память своей дѣятельности въ Россіи въ своихъ книгахъ; эти книги — описаніе ихъ путешествій по Россіи съ библейскими цѣлями — послужатъ для историковъ Библейскаго Общества свидѣтельствомъ ихъ безкорыстной ревности и той привязанности къ самому народу, которой не охладило и прискорбное для нихъ паденіе самаго дѣла [1]).

Въ такомъ духѣ совершались вліянія, которыя исходили отъ Британскаго Общества. Правда, этимъ вліяніямъ можно приписать и нѣкоторыя несовсѣмъ благопріятныя послѣдствія, оказавшіяся въ средѣ русскаго Общества и состоявшія въ піэтистиче-

---

[1]) Книга Гендерсона вышла въ самый годъ закрытія русскаго Общества; она называется «Biblical Researsches and Travels in Russia; including a tour in the Crimea, and the passage of the Caucasus: with observations on the state of the rabbinical and Karaite Jews, and the Mohammedan and Pagan tribes, inhabiting the southern provinces of the Russian Empire. With maps and plates». By *E. Henderson*, London, MDCCCXXVI, 538 стр. Гендерсонъ написалъ также нѣсколько другихъ сочиненій, относящихся къ библейской археологіи и къ библейской его дѣятельности, между прочимъ, книгу о пребываніи своемъ въ Исландіи. Пинкертону принадлежитъ, во-первыхъ, книга «О настоящемъ состояніи греческой церкви въ Россіи», и потомъ другое сочинеціе, которымъ мы пользовались,—«Russia: or, Miscellaneous observations on the past and present state of that country and its inhabitants. Compiled from notes made on the spot, during travels, at different times, in the service of the Bible Society, and a residence of many years in that country». By *Robert Pinkerton*, London, MDCCCXXXIII, 486 стр.

скихъ крайностяхъ, — но принадлежитъ ли вина этихъ послѣдствій Британскому Обществу, это еще вопросъ, и со всѣмъ тѣмъ, какъ бы строго мы ни судили о нихъ, нельзя не признать, что вообще британскія вліянія были вліянія благотворныя, исходившія изъ хорошаго источника, и, несомнѣнно, цивилизующія для такого общества, каково было тогда русское.

Понятно, что результаты, вышедшіе изъ этого, въ большой мѣрѣ, если не исключительно, зависѣли уже отъ русской «почвы»; къ этимъ результатамъ, т. е. къ опредѣленію характера дѣйствій русскаго Общества, мы теперь и перейдемъ.

Прежде всего, кто были исполнители?

Ихъ имена любопытны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что въ ихъ средѣ мы должны искать тѣхъ враговъ порядка, будто бы распространявшихъ вредныя мысли, ради которыхъ Общество немного лѣтъ спустя было закрыто.

Но мы напрасно стали бы искать этихъ враговъ порядка между лицами, которымъ принадлежало главное вліяніе на дѣла, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ Общества,—и хотя въ средѣ петербургскаго комитета были, дѣйствительно, лица сомнительнаго нравственнаго достоинства, но это были люди, которымъ или вовсе не приписывалось вредныхъ замысловъ врагами Общества (иные изъ нихъ успѣли перебѣжать заранѣе въ другой лагерь, и были тамъ друзьями), или же они вовсе не были такъ страшны для общественнаго спокойствія....

Выше былъ указанъ составъ петербургскаго комитета (которому и принадлежало главное веденіе дѣла) за первые два года. Составленный первоначально изъ свѣтскихъ лицъ, именно, изъ нѣсколькихъ, между прочимъ, первостепенныхъ, сановниковъ, комитетъ уже въ 1814-мъ году увеличился выборомъ многихъ духовныхъ лицъ, различныхъ вѣроисповѣданій. Въ слѣдующіе годы выборы приводили въ комитетъ новыхъ людей, выбиравшихся по тому же принципу: обыкновенно это были православные и иновѣрцы, лица свѣтскія и духовныя, люди чиновные и купцы. Лица, разъ вступившія въ комитетъ, въ качествѣ вице-президента или директора, обыкновенно оставались въ немъ постоянно; предполагалось, что дѣло соотвѣтствовало ихъ взглядамъ на вещи—ихъ вычеркивала изъ списка только смерть. Только немногіе выходили изъ комитета: или люди, мало нужные для

дѣла, которыхъ, для нѣкотораго обновленія комитета, должны были смѣнять другіе, или же люди, въ которыхъ можно предположить причину выхода тенденціозную, какъ, напр., у С. С. Уварова (онъ былъ директоромъ комитета только первые три года, 1813—15). Но Уваровъ едва ли не былъ единственнымъ примѣромъ этого рода.

Такимъ образомъ, въ спискѣ вице-президентовъ, начиная съ первыхъ годовъ (или со времени избранія) и до конца, мы встрѣчаемъ людей, какъ гр. В. П. Кочубей, гр. А. К. Разумовскій (до 1816 министръ нар. просвѣщенія), О. П. Козодавлевъ, Р. А. Кошелевъ, гр. К. А. Ливенъ (въ 1813 директоръ, потомъ вице-президентъ), З. Я. Карнѣевъ (въ 1815 г.); какъ митрополиты Серапіонъ, Амвросій; архіеп. (потомъ митр.) Михаилъ и Серафимъ; католическое исповѣданіе представлялъ митр. Сестренцевичъ-Богушъ; армянское—архіеп. Іоаннесъ. Въ 1818 году вступилъ въ число вице-президентовъ епископъ (впослѣдствіи архіеп. и митр.) Филаретъ, до того бывшій директоромъ комитета, и уніатскій митр. Іосафатъ Булгакъ; затѣмъ въ слѣдующіе годы митр. Варлаамъ и новые архіепископы и епископы Симеонъ, Іона, Григорій, — евангелическій епископъ Сигнеусъ; изъ свѣтскихъ лицъ М. Л. Магницкій, съ 1819, какъ вице-президентъ провинціальнаго отдѣленія, жившій въ Петербургѣ; гр. М. А. Милорадовичъ; М. М. Сперанскій (съ 1822) и др.

Въ томъ же родѣ составлялся и списокъ директоровъ, гдѣ мы находимъ людей съ менѣе важнымъ общественнымъ положеніемъ. Съ 1814 года вступили въ число директоровъ архимандритъ Филаретъ, съ самаго начала одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ комитета, съ 1818 г. вступившій въ число вице-президентовъ [1]); далѣе аббатъ Мангень, пасторъ Рейнботъ, извѣстный мистикъ А. Ѳ. Лабзинъ; затѣмъ въ слѣдующіе годы—арх. Иннокентій, свящ. Павскій (съ 1817); свящ. А. Маловъ, пасторы Фольбортъ и Янъ; католическій патеръ Госнеръ (съ 1820 г.); изъ свѣтскихъ лицъ: Поміанъ Пезаровіусъ, бывшій вмѣстѣ и секретаремъ комитета (съ 1817); съ 1819 г. Д. П. Руничъ, до

[1]) Филаретъ уже рано былъ въ дружескихъ связяхъ съ кн. Голицынымъ. Съ 1812 г. онъ былъ ректоромъ и профессоромъ петерб. дух. академіи; съ 1817 членомъ главнаго правленія училищъ (до 1822) и тогда же посвященъ въ епископа; съ 1819 былъ архіепископомъ тверскимъ; съ 1820 арх. ярославскимъ; съ 1821 архіеп. московской епархіи; въ санъ митрополита возведенъ въ августѣ 1826.

того времени находившійся директоромъ въ московскомъ комитетѣ.

Наконецъ, президентомъ цѣлаго Общества былъ кн. А. Н. Голицынъ, одинъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ людей императора Александра, еще до основанія Библейскаго Общества предавшійся религіознымъ стремленіямъ и мистицизму. Въ Библейскомъ Обществѣ онъ былъ дѣйствительнымъ главой всѣхъ предпріятій, которыя въ немъ находили своего представителя передъ властью; на помощь библейскому дѣлу онъ распоряжался огромнымъ вліяніемъ и сильными административными средствами.

Понятно, что подобный составъ комитета ручался за полную благонамѣренность Общества. Безсмысленно было бы думать, чтобы на глазахъ или даже подъ руководствомъ упомянутыхъ сановниковъ и іерарховъ могли совершаться какіе-нибудь систематическіе вредные умыслы, какъ увѣряли враги Общества, дикіе фанатики и интриганы, и простодушные люди, бывшіе ихъ орудіемъ. Князь А. Н. Голицынъ былъ, конечно, не менѣе благонамѣренъ, въ смыслѣ преданности императору Александру, чѣмъ графъ Аракчеевъ или А. С. Шишковъ, и большинство библейскихъ дѣятелей точно также мудрено было бы обвинить въ какой-нибудь политической неблагонадежности или вольнодумствѣ.... На нихъ, напротивъ, ложится обвиненіе совсѣмъ иного рода, — и почти то же, какое падаетъ на тѣхъ противниковъ ихъ, которые были причиной паденія Общества: и многіе друзья, и эти противники Общества были одинаковые обскуранты.

Едва ли можно сомнѣваться, что въ комитетѣ были люди, дѣйствовавшіе съ искреннимъ убѣжденіемъ и желаніемъ пользы. Конечно, теперь [1868], когда намъ еще такъ мало извѣстны подробности тогдашнихъ событій, еще трудно опредѣлить степень этой искренности въ различныхъ дѣятеляхъ Библейскаго Общества; но нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, не на однихъ словахъ принимали правила вѣротерпимости и человѣколюбія, которыя старалось внушать Британское Общество. По крайней мѣрѣ, комитетъ дѣйствительно соединилъ въ себѣ элементы, которые еще никогда до тѣхъ поръ не были соединимы въ русской жизни: мы говоримъ о религіозной терпимости, соединившей въ одномъ, *религіозномъ*, дѣлѣ православныхъ іерарховъ съ иновѣрнымъ духовенствомъ. Эти православные іерархи, на-

ходившіеся въ комитетѣ, были лица такого духовнаго авторитета, что выше его тогда не было другого; замѣтимъ, что къ именамъ этихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ нужно присоединить еще много другихъ первостепенныхъ духовныхъ лицъ, работавшихъ для библейскаго дѣла во всѣхъ провинціальныхъ отдѣленіяхъ Общества. Особенная воля императора Александра, конечно, внушала имъ усердіе къ библейскому дѣлу; но, во всякомъ случаѣ, имѣли здѣсь свою долю религіозныя увлеченія, открывавшія путь внушеніямъ Британскаго Общества. Изъ свѣтскихъ лицъ многія извѣстны были искреннимъ благочестіемъ, какъ гр. Ливенъ, Габлицъ, даже Сперанскій и др.

Эти увлеченія, забывавшія о вѣроисповѣдныхъ различіяхъ, были, съ другой стороны, тѣмъ возможнѣе, что въ средѣ комитета мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ людей, воспитанныхъ еще въ старомъ масонскомъ мистицизмѣ, и людей Дружескаго Общества. Такъ, къ нимъ принадлежали прежде всего два митрополита: Михаилъ (ум. 1821) и Серафимъ (хотя, правда, послѣдній, по общимъ отзывамъ, не отличался силой ума и опредѣленностью взглядовъ, и едва ли сберегъ идеи Дружескаго Общества); далѣе, это были Р. А. Кошелевъ, старый масонъ, который поучался еще у самого Сенъ-Мартена; З. Я. Карнѣевъ, бывшій въ свое время главой ложи «теоретическаго градуса», уцѣлѣвшій при Екатеринѣ и покровительствуемый Павломъ; А. Ѳ. Лабзинъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника», представлявшій въ литературѣ какъ будто продолженіе розенкрейцерства; Лѣнивцевъ, изъ числа «теоретическихъ братьевъ», возведенныхъ въ эту степень еще въ блестящія новиковскія времена, потомъ послѣдователь польскаго мистика и пророка Грабянки. Къ этой же мистической категоріи принадлежалъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, ревностно содѣйствовавшій основанію московскаго отдѣленія Общества. А. И. Тургеневъ, секретарь Общества съ его начала и до паденія кн. Голицына, менѣе удобно можетъ быть отнесенъ къ этой категоріи, но повидимому, въ немъ оставались, до нѣкоторой степени, отголоски тѣхъ же вліяній: отецъ его, И. П. Тургеневъ, былъ однимъ изъ главныхъ членовъ новиковскаго кружка и типографической компаніи. Первымъ секретаремъ библейскаго комитета, съ начала Общества и до отставки кн. Голицына, былъ В. М. Поповъ, одинъ изъ самыхъ крайнихъ мистиковъ, имя котораго было замѣшано въ процессъ Госнера, послужившій однимъ изъ предлоговъ для уголовныхъ нападеній на Общество.

Такимъ образомъ, въ составѣ комитета были представители Іерархіи, присутствіе которыхъ могло ручаться за достаточное православіе въ собственныхъ дѣйствіяхъ самого Общества; ближайшіе представители власти, присутствіе которыхъ могло ручаться, что Общество не впадетъ въ противозаконный способъ дѣйствій; были люди съ искренними религіозными убѣжденіями, но также и люди съ мистическимъ фанатизмомъ или съ крайнимъ лицемѣрнымъ изувѣрствомъ, какъ Магницкій.... Комитетъ, естественно, привлекалъ изъ общества людей съ религіознымъ настроеніемъ, какого требовалъ самый характеръ дѣла; и потому нечего, конечно, ожидать въ числѣ членовъ комитета, или особенныхъ его друзей, лицъ чисто свѣтскаго образованія и дѣятелей тогдашней литературы. Почти единственный человѣкъ этого послѣдняго разряда былъ Уваровъ, но, какъ мы видѣли, онъ оставался въ комитетѣ недолго [1]).

При началѣ, дѣла, комитетъ, очевидно старался дѣйствовать такъ, какъ внушали принципы Британскаго Общества; повидимому, онъ находился еще подъ свѣжими вліяніями этого Общества,--по крайней мѣрѣ въ первые годы онъ остался въ предѣлахъ умѣренности и не допускалъ еще дѣйствовать тѣмъ мрачнымъ наклонностямъ, которыя обнаруживаются въ его отдѣльныхъ членахъ впослѣдствіи. Тѣ идеи вѣротерпимости, религіознаго просвѣщенія и человѣколюбія, которыя всего лучше соотвѣтствовали библейской дѣятельности Общества, находятъ послѣдователей и въ членахъ русскаго комитета. Англійская программа исполнялась въ самыхъ внѣшнихъ пріемахъ.

Относительно главной своей цѣли—изданія и распространенія книгъ св. писанія — Общество успѣло сдѣлать очень много: оно достигло рѣшенія важнаго вопроса о переводѣ Библій на русскій языкъ, и успѣло въ большомъ числѣ экземпляровъ распространить русскій Н. Завѣтъ. По примѣру Британскаго, русское Общество съ большой ревностью заботилось въ то же время о переводахъ писанія на языки многоразличныхъ инородцевъ имперіи, и, наконецъ, даже о переводахъ, которые бы служили не столько внутри, сколько внѣ русскихъ предѣловъ, какъ переводы армянскій, болгарскій, сербскій, изданія на греческомъ языкѣ и т. д.

[1]) Вскорѣ въ комитетѣ заняли мѣсто Магницкій и Руничъ; и вѣроятно выходъ Уварова имѣлъ свою причину въ томъ, что въ комитетѣ уже начали обнаруживаться предвѣстія того элемента, который представляли собой въ особенности эти двѣ личности.

Внѣшняя организація Общества устроена была также по англійскому образцу: отъ центральнаго петербургскаго комитета основались мѣстныя отдѣленія, комитеты и сотоварищества, заводимы были «корреспонденты» и «коллекторы»; комитеты устраивали ежегодныя собранія или «акты», на которыхъ говорились рѣчи и совершались приличныя случаю духовныя торжества. Дѣйствіямъ комитета давалась публичность печатаніемъ отчетовъ, корреспонденцій, извѣстій, воззваній и т. п. Наконецъ, по примѣру англійскаго Общества, устроивались путешествія агентовъ комитета для обзора дѣятельности частныхъ комитетовъ и для новой пропаганды; таковы были два путешествія Пинкертона (въ 1816 и 1822), и въ особенности путешествіе Патерсона и Гендерсона, съ помощникомъ секретаря петерб. комитета Сѣровымъ, въ 1821 году[1]); они объѣхали почти всю среднюю и южную Россію, посѣщая отдѣленія Общества, освѣдомляясь объ ихъ дѣятельности, оказывая имъ нужное содѣйствіе и т. д.

Правило вѣротерпимости, принятое въ Британскомъ Обществѣ и въ нашемъ Обществѣ выполнялось въ самомъ составѣ комитета, въ которомъ, во все время существованія Общества, соединены были свѣтскія и духовныя лица различныхъ исповѣданій.

Библейская религіозность, возбужденная Британскимъ Обществомъ, обращаясь къ источникамъ христіанства, устраняла сама по себѣ вѣроисповѣдные споры и несогласія, и мы увидимъ дальше, что этотъ библейскій интересъ обновилъ въ нашемъ обществѣ тѣ стремленія, которымъ предавались мистики XVIII-го вѣка. Рѣчь шла уже не о томъ или другомъ исповѣданіи, а гораздо больше—о достиженіи высшей религіозности, объ основаніи «внутренней» церкви, о непосредственномъ сліяніи съ божественнымъ духомъ... То, что только общимъ образомъ указывалось Британскимъ Обществомъ, развилось подъ вліяніемъ всѣхъ обстоятельствъ времени: Библейскимъ Обществомъ овладѣла мистика, элементы которой и независимо отъ того проникали въ тогдашнюю европейскую литературу и жизнь, и изъ нихъ проникали къ намъ.

---

[1]) Они сдѣлали тогда путь изъ Петербурга, черезъ Новгородъ и Тверь, въ Москву, потомъ въ Калугу, Тулу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Черниговъ, Кіевъ, Острогъ, Каменецъ-Подольскъ, Кишиневъ, Одессу, Херсонъ, Крымъ, Таганрогъ, Новочеркасскъ, Воронежъ, Рязань, Москву и т. д.

Мы скажемъ дальше подробнѣе объ этомъ распространеніи мистицизма, а теперь замѣтимъ только, что въ первоначальныхъ вліяніяхъ Британскаго Общества было, безъ сомнѣнія, много благотворнаго и цивилизующаго: библейскій комитетъ изъ разновѣрныхъ представителей былъ нѣчто совершенно невиданное въ русской жизни, — отказываясь отъ той нетерпимости, которая налегла съ среднихъ вѣковъ на народныя понятія и, конечно, была однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій для успѣховъ цивилизаціи, Библейское Общество, конечно, дѣйствовало въ смыслѣ этой цивилизаціи. Правда, примѣненія, которыя сдѣланы были имъ впослѣдствіи изъ этого принципа, были часто слишкомъ странны и даже превратны, но основа, положенная Британскимъ Обществомъ, едва ли была въ этомъ виновата.

Религіозное возбужденіе забывало религіозную и племенную вражду, и многія дѣйствія комитета показались бы очень странными въ другое время, напр., въ наше. Петербургскій комитетъ поощряетъ библейскихъ дѣятелей за границей, какъ, напримѣръ, Леандра фанъ-Эсса и Госнера, и поддерживаетъ ихъ даже наперекоръ мѣстнымъ католическимъ властямъ. Московскій комитетъ радуется, что могъ оказать услугу своимъ соотечественникамъ полякамъ, напечатавши для нихъ большой запасъ польской Библіи и Н. Завѣта.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что этотъ принципъ вѣротерпимости внушалъ въ кругѣ приверженцевъ Библейскаго Общества и большую терпимость къ расколу. До тѣхъ временъ обычное отношеніе къ расколу въ духовенствѣ было или питиримовское ожесточеніе, или полное равнодушіе и пренебреженіе. Основаніе единовѣрія при митр. Платонѣ было важнымъ нововведеніемъ: теперь, въ Библейскомъ Обществѣ, отдѣльныя лица (по крайней мѣрѣ), кажется, сдѣлали еще шагъ впередъ.

Это было, конечно, совершенно послѣдовательно и, во всякомъ случаѣ, было успѣхомъ относительно прежнихъ порядковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если наши библейскіе дѣятели соглашались видѣть такихъ же равноправныхъ христіанъ въ католикахъ и уніатахъ, протестантахъ и армянахъ, медотистахъ и квакерахъ, и всякихъ другихъ иностранныхъ диссентерахъ, то естественно было взглянуть болѣе мирнымъ образомъ и на нашихъ собственныхъ диссентеровъ. Иностранные агенты Британскаго

Общества, дѣйствовавшіе тогда въ Россіи, такъ дѣйствительно и смотрѣли на нашихъ раскольниковъ; одинъ изъ этихъ агентовъ, Пинкертонъ, очень интересовался расколомъ (онъ зналъ по-русски) и посвятилъ ему много страницъ въ своихъ книгахъ о Россіи и русской церкви [1]). Изъ русскихъ сектъ его интересовали всего больше духоборцы, которые возбуждали въ немъ особенную симпатію характеромъ своихъ религіозныхъ воззрѣній и въ которыхъ онъ находилъ сходство съ «Обществомъ Друзей», т. е. съ квакерами. Подобное отношеніе къ расколу было, однимъ словомъ, совершенно не похоже на то, что представляли тогда обычные русскіе нравы [2]), и, при тогдашнемъ броженіи религіозныхъ идей, такіе взгляды легко прививались и у русскихъ друзей британскихъ проповѣдниковъ чистой Библіи. Пинкертонъ встрѣтилъ духоборца «въ домѣ русскаго знатнаго человѣка», и, вѣроятно, духоборецъ попалъ туда не случайно. Какъ извѣстно, терпимость къ расколу стала въ то время проникать иногда и въ правительственныя мѣры.... Въ біографіи митр. Филарета, изданной г. Сушковымъ, отмѣчены факты, показывающіе, повидимому, что митрополитъ и въ позднѣйшую эпоху своей жизни сохранялъ иногда взгляды временъ Библейскаго Общества и относился къ расколу съ снисходительностью, которая не была вообще въ привычкахъ нашей іерархіи. Въ самомъ расколѣ должны были почувствоваться эти новыя черты времени, и смягчаться старая вражда къ господствующей церкви. Привыкши прежде чуждаться всего, что только исходило отъ этой церкви и отъ образованныхъ классовъ общества, теперь они, повидимому, интересовались дѣйствіями Библейскаго Общества, и не остались чужды библейскому движенію.

---

[1]) Напр., Russia, стр. 165 и слѣд.

[2]) Вотъ, для образчика, одинъ изъ отзывовъ Пинкертона:

«Въ мартѣ 1822 я встрѣтился съ однимъ чрезвычайно интереснымъ духовнымъ христіаниномъ (Spiritual Christian, т. е. духоборцемъ), священникомъ одного изъ ихъ собраній въ Петербургѣ, и имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ въ домѣ одного знатнаго русскаго... Я говорилъ съ нимъ почти три часа о главнѣйшихъ ученіяхъ Евангелія, и нашелъ его вообще очень здравомыслящимъ (very sound). Его знанія были заимствованы исключительно изъ Слова Божія, котораго онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ знатоковъ (most prowerful quoters), съ какими только мнѣ случалось говорить. Его понятія о вѣрѣ и жизни (practice) христіанина, извлеченныя изъ этого источника, были удивительно простыя и гармоническія (beautifully simple and harmonious), и проч. Russia, стр. 185 и слѣд.

Отчеты Общества обращают внимание на эти факты и мы не находим, напр., основанія сомнѣваться въ извѣстіяхъ богородскаго корреспондента московскаго комитета, который увѣдомлялъ (въ первой половинѣ 1824 г.), что «изъ числа экземпляровъ Новаго Завѣта на одномъ русскомъ языкѣ, большая часть раскуплена старообрядцами, которые съ великимъ вниманіемъ и радостію читаютъ сію божественную и душеспасительную книгу на природномъ своемъ языкѣ» [1]).

Рядомъ съ библейской дѣятельностью, въ нашемъ Обществѣ высказалось и то филантропическое направленіе, какое отличало его первообразъ. Это опять совпадало съ характеромъ времени. Императоръ Александръ, въ самомъ началѣ своего царствованія, возбудилъ въ обществѣ стремленія къ общей пользѣ и благотворенію; университеты, лицеи, благотворительныя учрежденія основывались не только средствами казны, но и богатыми пожертвованіями частныхъ лицъ. Общество радовалось тогда ожидаемому счастливому правленію и стремилось содѣйствовать благимъ намѣреніямъ правительства. Послѣ 1812 года филантропія явилась естественнымъ слѣдствіемъ страшнаго потрясенія, вынесеннаго народомъ. Частныя филантропическія общества уже съ этого времени содѣйствовали правительству въ пособіи потерпѣвшимъ отъ войны, и Библейское Общество различнымъ образомъ связано было съ этимъ филантропическимъ движеніемъ. Его президентъ, кн. Голицынъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ «главнымъ попечителемъ» основаннаго тогда Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Онъ же былъ первымъ «попечителемъ» открывшагося въ 1816 году Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, въ которомъ собралось преимущественно молодое литературное поколѣніе: это общество издавало свой журналъ [2]) и деньги, выручаемыя изданіемъ, назначало на «постоянныя и временныя пособія неимущимъ ученымъ и учащимся», и т. п. Имя кн. Голицына, главной опоры Библейскаго Общества, встрѣчается почти всегда тамъ, гдѣ шло

[1]) Извѣстія о Библейскихъ Обществахъ 1824, сент., стр. 361. Противъ этого извѣстія потомъ, какъ увидимъ, свирѣпствовалъ Шишковъ.

[2]) «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» или «Труды В. Общества» и пр., съ 1818 по ноябрь 1825 г. По характеру своихъ тенденцій, по связямъ съ масонскими ложами и по лицамъ, его составлявшимъ, это Общество, повидимому, было какъ бы посредствующимъ звеномъ между Библейскимъ Обществомъ и либеральными стремленіями молодого поколѣнія.

дѣло о подобныхъ предпріятіяхъ общественной благотворительности. Въ 1821 году, онъ, съ высочайшаго соизволенія, предпринялъ подписку въ пользу «обитателей Греціи», оставлявшихъ тогда Грецію, обнятую возстаніемъ и войной, и приходившихъ толпами въ Россію. Въ своемъ воззваніи, на манеръ библейскихъ воззваній, онъ обращался къ духовнымъ властямъ православнымъ, католическимъ, уніатскимъ и армянскимъ, призывая ихъ открывать подписки для облегченія участи бѣдствующихъ единовѣрцевъ [1]). Въ 1823 г. кн. Голицынъ предпринималъ благотворительный сборъ въ пользу бѣлорусскихъ губерній, терпѣвшихъ отъ неурожая и т. д. Само Библейское Общество снабжало тюрьмы и богадѣльни книгами св. писанія... Имена другихъ членовъ Общества также связаны съ филантропическими предпріятіями: Тургеневъ участвовалъ въ управленіи дѣлами Женскаго Благотворительнаго Общества, основавшагося послѣ 1812 г.; извѣстный мистикъ Пезаровіусъ, секретарь и директоръ библейскаго комитета, въ 1813 г. основалъ «Русскій Инвалидъ», вся выручка котораго, за покрытіемъ издержекъ изданія, должна была итти въ пользу инвалидовъ, и уже въ 1815 г. представилъ 395,000 руб. асс., которыя положили начало инвалидному капиталу, возросшему потомъ до многихъ милліоновъ [2]).

Благотворительныя стремленія примѣнялись и въ другомъ направленіи,—въ распространеніи ланкастерскихъ школъ, которыя, какъ выше упомянуто, прямо рекомендовались членами Британскаго Общества. Ланкастерскія школы обращали на себя вниманіе, какъ новѣйшее изобрѣтеніе педагогіи, удобное въ особенности въ школахъ для бѣдныхъ. Въ 1816 г. министерство народнаго просвѣщенія послало за-границу четырехъ студентовъ Главнаго Педагогическаго института, которые, изучивъ методу взаимнаго обученія, вернулись въ 1819 году; съ этого времени начинается систематическое распространеніе ланкастерской методы въ училищахъ министерства и другихъ школахъ. Въ нѣкоторыхъ военныхъ училищахъ ланкастерова метода принята была еще съ 1817 года... Кн. Голицынъ и Библейское Общество, повидимому, принимали особенное участіе въ ея распространеніи. Въ январѣ 1819 г. утверждено было особое «С.-Петербургское Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго

---

[1]) Со второй половины 1821 г. до первыхъ мѣсяцевъ 1823 г. собранная сумма показана въ 1,090,000 руб. См. Спб. Вѣдом. 1823, № 25.

[2]) Зап. Панаева, «В. Евр.», 1867, IV, стр. 108.

обученія», и въ то же время открыта была ланкастерская школа, имѣвшая въ теченіе своего существованія большой успѣхъ и очень много учениковъ [1]). Другая школа, для безденежнаго обученія бѣдныхъ дѣтей иностранцевъ, учреждена была въ 1821 г. по плану иностранца Веннинга, получившему высочайшее утвержденіе по докладу кн. Голицына. Въ школѣ Веннинга главнымъ смотрителемъ былъ членъ Великобританскаго Миссіонерскаго Общества Нилль; самъ Веннингъ былъ, вѣроятно, тотъ самый, который съ 1819 года находился въ числѣ директоровъ петербургскаго комитета Библейскаго Общества. Въ 1822 г., по докладу кн. Голицына, получено было высочайшее соизволеніе на открытіе ланкастерской школы, устроенной англичаниномъ Гердомъ для бѣдныхъ русскихъ мальчиковъ. Какъ упомянутый Нилль и его помощникъ, такъ и Гердъ получили, по высочайшему повелѣнію, казенное жалованье, и школамъ ихъ выдавались значительныя пособія. Для бѣдныхъ дѣвочекъ открыта была въ Петербургѣ, въ 1821 г., ланкастерская школа англичанкой Саррой Кильгамъ. Въ то же время ланкастерскія школы открывались въ большомъ числѣ по провинціальнымъ городамъ... При главномъ правленіи училищъ кн. Голицынъ учредилъ особый комитетъ для составленія учебныхъ пособій по ланкастерской методѣ и для управленія всѣмъ, относящимся къ училищамъ взаимнаго обученія. Этотъ комитетъ составленъ былъ изъ Магницкаго и Рунича, въ то время партизановъ Библейскаго Общества, и Мартынова, и началъ дѣйствовать съ іюня 1820. Еще до основанія комитета, въ 1819 г., при главномъ правленіи училищъ напечатаны были, между прочимъ, таблицы чтенія изъ св. писанія, составленныя по ланкастеровой методѣ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Библейскаго Общества, Филаретомъ...

Далѣе. Общество наше уже вскорѣ произвело и свою собственную литературу. Распространеніе библейскихъ обществъ сопровождалось обыкновенно и учрежденіемъ обществъ для изданія религіозныхъ сочиненій. Первообразомъ ихъ было англійское общество этого рода, Religions Tracts Society, существовавшее еще раньше библейскаго. У насъ не было основано для этой цѣли особеннаго формальнаго общества, но изданіе религіозныхъ книгъ и брошюрокъ для назидательнаго популярнаго

---

[1]) Она закрылась въ 1827.

чтенія уже съ первыхъ годовъ стало предметомъ систематической заботы у людей, стоявшихъ близко къ библейскому дѣлу. Трудами этого рода въ особенности извѣстна кн. Софья Серг. Мещерская [1]), стоявшая въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Александру.

Княгиня Мещерская, — разсказываетъ о ней Пинкертонъ, — еще до основанія Библейскаго Общества ревностно предалась дѣламъ благочестія и человѣколюбія. Въ 1811 году она была въ числѣ первыхъ людей, поддерживавшихъ Пинкертона въ его стараніяхъ устроить библейское общество въ Москвѣ, что осуществилось въ 1813. Кн. Мещерская пріѣхала въ Москву вмѣстѣ съ Пинкертономъ, и всѣмъ своимъ вліяніемъ поддерживала въ кругу возвращавшейся аристократіи мысль объ этомъ учрежденіи. Она принимала потомъ живой интересъ въ дѣятельности Общества, съ членами котораго была въ дружескихъ сношеніяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, она была однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ попечительнаго общества о тюрьмахъ; по примѣру извѣстной г-жи Фрей по нѣскольку разъ въ недѣлю читала и объясняла заключеннымъ св. писаніе; посѣщала больницы и благотворительныя учрежденія и т. д. Еще съ 1813 года она занялась изданіемъ упомянутыхъ назидательныхъ книгъ, предназначавшихся одинаково для читателей изъ всѣхъ классовъ. Первымъ ея трудомъ въ этомъ родѣ было, по указанію Пинкертона, воззваніе «къ страждущимъ», изданное тотчасъ послѣ того, какъ французы оставили Москву [2]). Съ этихъ поръ и до того времени, когда Пинкертонъ оставилъ Россію, княгиня Мещерская издала 93 книги и брошюры, въ числѣ болѣе 400,000 экземпляровъ; всѣ вмѣстѣ эти изданія составляли до 18 томовъ; книжки продавались по дешевымъ цѣнамъ или раздавались даромъ. Почти весь матеріалъ этихъ изданій заимствованъ былъ изъ англійской литературы и изъ изданій англійскаго Общества трактатовъ. Самыми значительными въ числѣ ихъ были: проповѣди Уокера (Walker of Truro), «Христіанскія Изысканія» Буканана и собственные труды княгини Мещерской: «Разговоры матери съ дѣтьми о духовныхъ предметахъ» и составленная ею

---

[1]) Слѣдующія дальше указанія находятся у Пинкертона, Russia, стр. 357 и слѣд.

[2]) Изданіе, о которомъ упоминаетъ Пинкертонъ, есть, конечно, брошюра: «Къ страждущимъ», Спб. 1813; потомъ еще изданія 1813, 1817, 1819. (Смирд. № 982).

книга о протестантскихъ миссіяхъ къ язычникамъ. Остальное составляли: трактаты Ричмонда (Legh Richmond), — книжка Аддисона о христіанствѣ,—выборъ изъ трактатовъ Ганны Моръ (плодовитой англійской писательницы конца прошлаго [XVIII-го] и начала нынѣшняго [XIX-го] столѣтій, знаменитой, кромѣ того, по своей религіозно-филантропической и образовательной дѣятельности на пользу низшихъ классовъ, и вмѣстѣ ревностной сотрудницы Британскаго Общества), -- главныя изданія лондонскаго Tracts Society,—нѣсколько книжекъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго,—двѣ книжки самого Пинкертона, — наконецъ выборъ, изъ сочиненій Тихона Задонскаго и митрополита Михаила [1]). Пинкертонъ оказывалъ кн. Мещерской постоянное содѣйствіе въ изготовленіи этихъ изданій, самая мысль которыхъ, вѣроятно, возникла подъ его вліяніемъ. Издержки изданія княгиня Мещерская долго несла одна; и хотя распространеніе книгъ, которому содѣйствовали многія лица изъ высшаго духовенства, приносило выручку, но она истратила больше 10,000 руб. на эти изданія. Наконецъ, императоръ Александръ также выразилъ желаніе частнымъ образомъ содѣйствовать этому дѣлу, и въ разное время употребилъ на него 12,000 руб. Впослѣдствіи княгиня Мещерская удалилась въ свое помѣстье, и дѣло изданія этихъ трактатовъ перешло въ руки ея благочестивыхъ друзей, и, наприм., въ 1832 они издали 120,000 экземпляровъ такихъ книжекъ.

Пинкертонъ, который въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, высказывалъ также и мнѣнія своихъ русскихъ друзей, придавалъ этимъ изданіямъ княгини Мещерской большую важность для религіознаго воспитанія русскаго общества. «Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ онъ,—эти изданія составили въ Россіи новую эру от-

---

[1]) «Христіанинъ» (и пр.), Самуила Валкера; переводъ съ англійскаго. Спб. 1815 (Смирд. № 757).

— «Христіанскія изысканія въ Азіи», и проч., соч. Клавдія Буканана; пер. съ англ. Спб. 1815 (Смирд. № 818).

— «Разговоры» и проч. ibid. 1817 (Смирд. № 995),

— Книжка о миссіяхъ, составленная кн. Мещерской, есть вѣроятно: «Извѣстія о распространеніи христіанства между языч. народами и магометанами во всѣхъ частяхъ свѣта». Спб. 1817 (Смирд. № 918).

— «Историческія доказательства божественности Іисуса Христа», соч. Адиссона; пер. съ англ. Спб., два изданія, 1817, 1819. (Смирд. № 778) и др.

Къ этимъ изданіямъ, вѣроятно, принадлежатъ также многія изъ книжекъ, означенныхъ у Смирдина № 969—1005. Ср. «Р. Архивъ», 1868, ст. 1113.

носительно религіозныхъ книгъ, потому что главнѣйшія догматическія и религіозныя книги у русскихъ всѣ написаны по-славянски; такъ что, когда эти трактаты появились на новѣйшемъ русскомъ языкѣ, и притомъ написаны были въ простомъ и изящномъ стилѣ, вмѣсто тяжелой схоластической манеры церковныхъ сочиненій, религія какъ будто облеклась въ болѣе привлекательную одежду, была приближена и сдѣлана болѣе понятною читателямъ изъ всѣхъ классовъ. И только съ тѣхъ поръ, какъ появились эти книжки, Новый Завѣтъ снялъ съ себя густое древне-славянское покрывало десятаго вѣка, и Христосъ и апостолы могли говорить къ русской націи на ея новѣйшемъ языкѣ» [1]). Дѣйствительно, какъ бы мы ни думали вообще о цѣнности «трактатовъ» для религіознаго воспитанія, едва ли сомнительно, что въ нашей литературѣ они опять были нѣчто новое и имѣли свое значеніе, какъ попытка говорить о религіозной морали на обыкновенномъ языкѣ общества, въ знакомыхъ образахъ его дѣйствительной жизни, — взамѣнъ искусственно-схоластическаго стиля, который составлялъ почти неизбѣжную принадлежность этого отдѣла литературы....

Въ появленіи на русскомъ языкѣ обширнаго количества этихъ «трактатовъ» опять выражается та солидарность съ дѣйствіями европейскихъ обществъ, какую мы имѣли вообще случай указывать между ними и русскимъ Б. Обществомъ. Наше Общество слѣдило за тѣмъ, что дѣлалось въ другихъ странахъ, дѣлало пособія иностраннымъ библейскимъ дѣятелямъ, даже вызывало ихъ въ Россію; наконецъ, ихъ сочиненія являлись и на русскомъ языкѣ. Такъ, оно поддерживало не разъ упомянутаго фанъ-Эсса, работавшаго для распространенія Библіи между католиками, въ южной Германіи. Наше Общество, вслѣдъ за Британскимъ, слѣдило за его трудами, печатало его воззванія и оказало ему содѣйствіе при изданіи сдѣланнаго имъ перевода Новаго Завѣта [2]). Наконецъ, были переведены и изданныя имъ книжки [3]).

---

[1]) Russia, p. 359—360.

[2]) Выписка изъ его «Окружнаго письма ко всѣмъ Библейскимъ Обществамъ» и проч., въ Отч. 1818, приб. XIV. См. также Отч. 1820, приб. XXII. Его благодарственное письмо въ русское Общество, въ Отч. 1821, приб. XVI, и др.

[3]) Выписка изъ писаній св. церковно-учителей и другихъ писателей, о необходимости и пользѣ чтенія св. писанія; издалъ Леандръ фанъ-Эссъ; перев. съ нѣм. Спб., въ типогр. Греча, 1817 (Смирд. № 911).

Два другіе католика, пасторы Линдль и Госнеръ, дѣйствовавшіе въ томъ же смыслѣ въ южной Германіи, вызваны были около 1820 г. въ Петербургъ, и опять на русскомъ языкѣ появились и ихъ сочиненія. Такъ, переведены были проповѣди Линдля; и секретарь Библейскаго Общества В. М. Поповъ перевелъ книгу Госнера, изданіе которой было остановлено въ 1824 г. и подверглось судебному преслѣдованію, косвенно осуждавшему само Библейское Общество [1]).

Не знаемъ, насколько появленіе упомянутыхъ изданій княгини Мещерской могло содѣйствовать появленію русскаго перевода Новаго Завѣта,--какъ, повидимому, хочетъ сказать это Пинкертонъ,—но стремленіе вывести религіозные предметы изъ старой схоластической сферы въ кругъ болѣе живой литературы и одѣть ихъ въ болѣе легкую форму, несомнѣнно совпадаетъ съ тѣми стремленіями, какія принесены были къ намъ Библейскимъ Обществомъ и какія внушались другими параллельными вліяніями европейскаго религіознаго движенія.

Однимъ изъ любопытныхъ примѣровъ этого стремленія было первоначальное изданіе Филаретова Катихизиса (Спб. 1823). Оно отличается отъ послѣдующихъ тѣмъ, что въ немъ десять заповѣдей, символъ вѣры и всѣ тексты св. писанія изложены были на русскомъ языкѣ и, кромѣ того, въ началѣ помѣщена статья о естественномъ познаніи Бога изъ видимой природы. Это было большимъ нововведеніемъ въ нашихъ нравахъ, потому что церковный языкъ считался вообще непремѣнной принадлежностью въ подобныхъ случаяхъ. Конечно, это нововведеніе было довольно естественно, когда Новый Завѣтъ и Псалтирь были уже

— «О томъ, что была Библія у первыхъ христіанъ, съ какимъ расположеніемъ духа и съ какимъ намѣреніемъ они ее читали»; соч. Леандра фанъ-Эсса; переводъ съ нѣм. ibid. 1818 (Смирд. № 989).

[1]) Линдль прибылъ въ Петербургъ въ 1819 году и оставался здѣсь до 1820 года. Тогда же явились и переводы его проповѣдей:

— «Три проповѣди Игнатія Линдля, произнесенныя въ Германіи»; перев. съ нѣм. Спб. 1820. (Смирд. № 627).

— «Проповѣдь, говоренная И. Линделемъ, во второе воскресеніе по Пасхѣ 1820 г.»; перев. съ нѣм. Спб. 1821 (Смирд. № 616).

Госнеру, кромѣ книги, переведенной Поповымъ, принадлежитъ также, если не ошибаемся, извѣстная по нелѣпой грубости своихъ піэтистическихъ наставленій книжка: «Сердце человѣческое есть храмъ Божій или жилище сатаны» и пр., съ соотвѣтственными картинками, изображающими это сердце въ томъ и другомъ видѣ (1-е изданіе ея было, вѣроятно, Спб. 1822, указанное у Смирд. № 964).

изданы на русскомъ языкѣ, и библейское дѣло еще пользовалось успѣхомъ: «Катихизисъ» не только получилъ одобреніе св. синода, но Филаретъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго при рескриптѣ (отъ 2-го Іюня 1823), «за назидательные труды въ поученіе паствѣ и начертаніе по духу православной восточной церкви и въ разумѣ евангельской истины катихизиса, одобреннаго св. синодомъ» [1]). До какой степени, однако, это нововведеніе было непривычно и даже ненавистно для ревнителей старыхъ обычаевъ, можно судить по тѣмъ ожесточеннымъ обвиненіямъ, которыя потомъ подняты были противъ этого изданія, какъ и вообще противъ дѣйствій Библейскаго Общества.

Наконецъ, къ Библейскому Обществу примкнула извѣстнымъ образомъ и та литература, которая была собственно продолженіемъ масонской мистики. Это—«Сіонскій вѣстникъ» Лабзина, «Другъ юношества» Невзорова и масса переводовъ изъ Юнга, Штиллинга, Эккартсгаузена, новѣйшихъ мистическихъ авторитетовъ, рядомъ съ которыми были обновлены и старые: вновь появились Іоаннъ Масонъ и Арндтъ, Ѳома Кемпійскій, Таулеръ, г-жа Гюйонъ, «Таинство Креста», «Божественная Философія», «Гармонія міра» и т. д. Мы упомянемъ дальше, какимъ образомъ развитіе мистицизма въ средѣ Библейскаго Общества жалкимъ образомъ извратило его основную цѣль и произвело солидарность съ необузданной мистикой Лабзина и компаніи.

Такимъ образомъ, Библейское Общество—по главнымъ основаніямъ своей задачи—заключало въ себѣ возможность полезнаго общественнаго вліянія, потому что возбуждало потребность въ извѣстномъ сознательномъ убѣжденіи. Дѣйствія Общества проникали въ слои жизни, до которыхъ рѣдко касались какія-нибудь подобныя вліянія; и для людей, не задававшихъ себѣ никакихъ вопросовъ, проводившихъ жизнь по принятому обычаю и переставшихъ что-нибудь думать о ней, такое возбужденіе религіозно-нравственныхъ вопросовъ, все-таки, могло быть шагомъ впередъ, какъ пробужденіе изъ нравственной спячки... Что Общество попадало на подобную потребность, можно судить по самому его успѣху, особенно за то первое время, когда

---

[1]) О Катихизисѣ см. книгу Сушкова, стр. 102—103, 115—118; тамъ же сдѣлана выписка, изъ прежняго изданіа Катихизиса, о естественномъ богопознаніи.

Общество еще только начинало свою дѣятельность и когда участвовать въ немъ еще не значило только исполнить приказаніе начальства или подслуживаться ему. Трудно, конечно, навѣрное судить о голыхъ фактахъ, сообщаемыхъ отчетами, но въ числѣ ихъ были, кажется, такіе, значеніе которыхъ несомнительно. Пожертвованія въ Общество начали стекаться въ значительномъ изобиліи, и въ спискахъ жертвователей, которые печатались сначала цѣликомъ, мы видимъ множество людей изъ такъ называемаго простого народа. Эти жертвованія были, конечно, искренни. Въ 1814 году крестьяне села Новой Чиголки, Воронежской губерніи, прислали въ Общество собранную ими складчину въ 370 руб.,—фактъ, возбудившій удивленіе въ Британскомъ Обществѣ. Въ 1815, крестьяне села Верхотишанки, той же губерніи, прислали складчину въ 109 руб.; изъ Владимірской губерніи прислана была такая же крестьянская складчина въ 70 руб. и т. д. Общество давало какую-нибудь пищу заброшеннымъ нравственнымъ интересамъ народной массы, и въ этомъ смыслѣ представляло свои сочувственныя стороны для людей образованныхъ и съ либеральнымъ взглядомъ на вещи; по крайней мѣрѣ, въ средѣ его членовъ были и люди этого рода, ожидавшіе отъ библейской дѣятельности пользы народному просвѣщенію.

Однимъ словомъ, Общество, въ той формѣ, въ какой передано было къ намъ первоначально изъ англійскаго источника, представляло возможность приносить пользу, потому что въ основной его идеѣ лежало извѣстное просвѣщеніе и филантропія относительно невѣжественныхъ и заброшенныхъ классовъ. Непосредственный результатъ библейской дѣятельности—новыя изданія Библіи, и въ особенности изданія на русскомъ языкѣ и переводы на различныя инородческія нарѣчія, во всякомъ случаѣ, были явленіемъ высокой важности въ исторіи русскаго образованія. Переводъ Библіи на живой языкъ народа составлялъ вообще важный моментъ въ историческомъ развитіи европейскихъ народовъ; это не одинъ разъ было симптомомъ оживленія самой народной мысли и успѣхомъ въ религіозномъ развитіи, потому что такой переводъ, обыкновенно, въ первый разъ дѣлалъ источники религіи доступными для всѣхъ, желающихъ изучать ихъ и въ нихъ углубляться. Католицизмъ не даромъ боялся распространенія Библіи въ народѣ, потому что этого одного было достаточно, чтобы подорвать кредитъ средне-

вѣковыхъ притязаній его властолюбія, его схоластической теологіи и казуистики... Такъ стоялъ библейскій вопросъ въ Европѣ, и потому онъ почти вездѣ рѣшался только послѣ тяжкой борьбы, цѣной страшныхъ преслѣдованій со стороны католицизма. Въ нашей церкви вопросъ стоялъ иначе; у православныхъ славянскихъ племенъ съ самаго начала св. писаніе явилось на языкѣ самого народа и старанія римскаго двора остановить распространеніе священныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ остались безуспѣшны. Для русскаго племени языкъ, на который переведено было св. писаніе, былъ если не родной, то близко родственный и почти вполнѣ понятный. Тѣмъ не менѣе, съ теченіемъ вѣковъ, положеніе дѣла измѣнилось: развитіе живого народнаго языка больше и больше удаляло его отъ болгарскаго нарѣчія, съ которымъ онъ былъ еще близокъ во время совершенія перевода,—и дѣлало книги св. писанія непонятными для народа; исторія раскола показываетъ уже, къ какимъ превратнымъ толкованіямъ приходили, вслѣдствіе того, даже оффиціальные исправители книгъ до Никона; никоновское исправленіе отторгало отъ церкви цѣлую огромную массу людей, для большинства которыхъ религія превращалась въ слѣпое уваженіе къ непонимаемой буквѣ. Милліоны раскольниковъ въ теченіе столѣтій упорно остались при своемъ; для остальной массы народа, не имѣвшей никакого обученія, продолжалось то же неудовлетворительное положеніе вопроса,—языкъ писанія все больше удалялся отъ языка жизни, и трудность являлась не только для низшихъ классовъ, но и для людей образованныхъ, потому что наконецъ полное пониманіе языка писаній становилось возможно только при особенномъ изученіи.

Въ Библейскомъ Обществѣ, вѣроятно, уже рано явилось сознаніе этой трудности дѣла и мысль о необходимости русскаго перевода св. писанія. Высказать эту мысль было не легко, еще труднѣе было бы выполнить ее. Долговременная традиція дѣлала текстъ писаній какъ бы неприкосновеннымъ, и хотя еще сама древняя Русь, при всей своей исключительности, считала возможнымъ *исправленіе* св. книгъ (конечно, съ цѣлью сдѣлать ихъ болѣе вразумительными), но теперь снова стали думать, что текстъ писаній не допускаетъ никакого иного изложенія или перевода. Вопросъ разрѣшенъ былъ личной волей императора Александра, и, опираясь на нее, Библейское Общество могло признать, что «многіе изъ россіянъ не безъ крайняго

затрудненія» могутъ пользоваться славянскими изданіями св. писанія, и вѣроятно съ большой радостью дѣлало въ 1816 году свое заявленіе, что императоръ Александръ «самъ *снимаетъ печать невразумительнаго нарѣчія*, заграждавшую до нынѣ отъ многихъ изъ россіянъ евангеліе Іисусово, и *открываетъ* сію книгу для самыхъ младенцевъ народа, отъ которыхъ *не ея назначеніе*, но единственно *мракъ временъ* закрылъ оную». Мы приводили выше восторженныя восклицанія отчетовъ Общества при появленіи первыхъ переводовъ св. писанія на русскій языкъ, и это въ самомъ дѣлѣ было событіемъ, которому можно было придавать важность не только съ точки зрѣнія членовъ Библейскаго Общества. Появленіе этихъ переводовъ было первымъ признаніемъ потребностей религіознаго образованія, оказавшихся уже цѣлые вѣка тому назадъ и остававшихся неудовлетворенными; труды Общества были первой попыткой удовлетворить ихъ. Мы оцѣнимъ эту попытку еще больше, когда вспомнимъ, что русская нація и до настоящей минуты не имѣетъ полной Библіи на своемъ языкѣ...

Другимъ цѣннымъ трудомъ Общества были новые переводы отдѣльныхъ частей св. писанія, въ особенности Евангелій, на языки различныхъ инородцевъ имперіи и сосѣднихъ азіатскихъ племенъ, до которыхъ христіанство или еще не доходило вовсе, или которыхъ оно касалось только внѣшнимъ формальнымъ образомъ. Здѣсь представлялся опять серьезный интересъ образованія и цивилизаціи. Если Россіи дѣйствительно предстояла (какъ обыкновенно думаютъ и говорятъ) миссія на Востокѣ, пріобрѣтеніе для цивилизаціи полуварварскихъ азіатскихъ племенъ, до тѣхъ поръ ей чуждыхъ, то введеніе христіанства составляетъ, вѣроятно, неизбѣжную ступень, черезъ которую должны пройти эти народы; такимъ образомъ введеніе христіанства между этими племенами становится дѣломъ цивилизаціи, и мало того, — дѣломъ политической необходимости. Относительно инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ самой имперіи, забота объ ихъ возможномъ просвѣщеніи становилась и вопросомъ національнаго достоинства. Въ такомъ видѣ представляется предпріятіе, за которое бралось Библейское Общество. Дѣло было громадно, потому что, хотя исторія русской церкви разсказываетъ о многочисленныхъ трудахъ русскихъ подвижниковъ по обращенію инородцевъ, но обращеніе очень часто было слишкомъ поверхностно и непрочно, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, для

прочности не доставало понятныхъ инородцамъ книгъ и не доставало школъ, гдѣ бы они могли выучиться читать эти книги. Общество думало о томъ и о другомъ, и мы пересчитали въ предыдущей статьѣ переводы св. писанія, которые были или исполнены или предприняты.

Этотъ вопросъ, опять, съ тѣхъ поръ еще далеко не рѣшенъ, и какъ велики еще задачи, которыя надо здѣсь рѣшить и какъ много еще нужно дѣлать, — это достаточно извѣстно, и еще разъ въ послѣднее время указывалось дѣлами нынѣшняго Миссіонерскаго Общества...

Для обстоятельной оцѣнки трудовъ Библ. Общества необходимо было бы опредѣлить достоинство переводовъ, имъ совершенныхъ; но подобная оцѣнка не въ нашей возможности,— это дѣло спеціалистовъ по тѣмъ языкамъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Мы предоставляемъ спеціалистамъ и оцѣнку русскаго перевода Новаго Завѣта, Псалтири и первыхъ 8-ми книгъ Ветхаго Завѣта, напечатанныхъ Библейскимъ Обществомъ. Но, если (какъ вѣроятно) въ этихъ трудахъ есть свои недостатки, это не уменьшаетъ значенія предпріятія, которое останется заслугой Библейскаго Общества.

Къ великому сожалѣнію, однако, Библейское Общество не удержалось на той чертѣ, гдѣ бы оно могло возбуждать нашу симпатію и выдержать критическій судъ; оно перешло эту черту, и память его не осталась чистой отъ порицаній, совершенно справедливыхъ. Замѣтимъ только, что осужденіе, которое должна произнести надъ нимъ исторія, вовсе не такъ рѣшительно, какъ то осужденіе, которое стало причиной его закрытія; и осужденіе исторіи падаетъ не совсѣмъ на тѣ пункты, за которые оно подвергалось ожесточеннымъ обвиненіямъ; въ концѣ концовъ это осужденіе, кажется, падаетъ одинаково и на Общество, и на его противниковъ.

Многое, что можетъ непріятно поражать насъ въ дѣйствіяхъ Библейскаго Общества, принадлежало не столько самимъ его дѣятелямъ, или не только имъ однимъ, сколько цѣлому характеру жизни и нравовъ. Вліяніе этихъ нравовъ мы замѣчаемъ съ самыхъ первыхъ шаговъ и до послѣднихъ минутъ существованія Общества, и здѣсь мы должны искать объясненія для тѣхъ странностей, преувеличеній и даже нелѣпостей, которыя поражаютъ иногда въ этой исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ: въ среду русской жизни, совершающейся на чисто патріархальныхъ началахъ, вводится учрежденіе, выросшее въ странѣ съ высокимъ политическимъ развитіемъ и общественной свободой. Изъ одного этого намъ понятно теперь, что учрежденіе это не могло существовать въ русской жизни такъ, какъ существовало въ англійской, что оно или должно было отклониться отъ своей цѣли и смысла на другія дороги, или не могло удержаться вовсе. Между тѣмъ, и руководители Британскаго Общества (кажется), и дѣятели русскаго думали, что составляютъ одно нравственное цѣлое, дѣлаютъ одно дѣло, какъ товарищи. Они, конечно, жестоко ошибались, и послѣдніе должны были поплатиться за ошибку. На дѣлѣ съ самыхъ первыхъ дѣйствій русскаго Общества, между нимъ и его прототипомъ оказывается совершенная, радикальная разница. И какъ русскіе ни старались подражать во всемъ своимъ англійскимъ друзьямъ, они по неволѣ чувствовали себя и должны были дѣйствовать иначе.

Прежде всего, наше Общество не имѣло той свободной иниціативы, какая создала Британское Общество,—и оно могло существовать только при благосклонности власти (которая въ Англіи вовсе и не вмѣшивалась). Вмѣстѣ съ тѣмъ, русскіе нравы были такъ мало привычны къ открытой общественной дѣятельности, что вмѣшательство власти становилось для руководителей дѣла почти необходимостью, — безъ этого вмѣшательства они были какъ будто совсѣмъ безсильны и не могли ожидать себѣ никакой опоры отъ общества [1]). Такимъ образомъ, когда основывалось Британское Общество, оно прямо обратилось къ самой публикѣ и привлекло къ себѣ ту часть ея, которая ему сочувствовала; у него явились добровольные и, тѣмъ самымъ, прочные и надежные сотрудники и приверженцы, которые дали ему средства и стали его опорой. Въ англійской публикѣ нашлись и другіе люди, которые враждебно взглянули на начинанія Библейскаго Общества: они тогда же заявили свою оппозицію, и Общество при самомъ началѣ знало, съ кѣмъ и изъ-за чего ему слѣдуетъ считаться. Но затѣмъ обѣ противныя стороны стояли въ предѣлахъ и подъ покровительствомъ закона: правительство и не думало вмѣшиваться и брать чью-нибудь сторону,—время

---

[1]) Мы сейчасъ указывали такой примѣръ въ вопросѣ о русскомъ переводѣ Библіи.

должно было разъяснить отношенія, и дѣйствительно ихъ разъяснило, и Общество спокойно существовало и существуетъ по сію минуту. У насъ дѣло становилось совершенно иначе. Общество подобнаго рода могло существовать только при оффиціальной санкціи, потому что у насъ не было ни свободы собраній, ни свободы вѣроисповѣдной; и въ настоящемъ случаѣ эта санкція требовалась тѣмъ больше, что вмѣшательство частныхъ и свѣтскихъ лицъ въ религіозные вопросы было дѣломъ совершенно неслыханнымъ... Поэтому, на первыхъ порахъ, Общество дѣйствовало крайне осторожно, даже робко. Но случилось, что власть не только разрѣшила существованіе Общества, но вскорѣ и сама очень заинтересовалась имъ; это обезпечило ему блестящій успѣхъ. Успѣхъ былъ, однако, до значительной степени фиктивный, потому что именно этотъ интересъ власти къ дѣлу Общества привлекъ въ это послѣднее массу людей, которые безъ того едва ли бы стали много думать о Библіи и о христіанской любви.—Какъ скоро власть стала относиться къ Обществу иначе, въ ту же минуту упалъ и весь авторитетъ, какой былъ этимъ путемъ пріобрѣтенъ, и само Общество стало какъ бы внѣ закона. Тогда произошло то странное и прискорбно-соблазнительное явленіе, что тѣ же самыя вещи, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ публично называемы были дѣйствіемъ Божественной Десницы, знакомъ особенной милости Провидѣнія, благословеніемъ для всего русскаго народа,— стали вдругъ называться крайнимъ вредомъ и подкапываніемъ церкви и государства... Средствомъ дѣйствій противъ Общества никогда не былъ открытый споръ и борьба равноправныхъ мнѣній, а только закулисная темная интрига и гнусная или глупая клевета передъ той властью, отъ которой зависѣло существованіе Общества.—Какъ это случилось, мы увидимъ дальше.

Въ самомъ дѣлѣ, Обществу мудрено было не сохранить тѣхъ же нравовъ, какіе господствовали вообще. Первые приверженцы библейскаго дѣла нашлись между первостепенными сановниками; они естественно стали дѣйствовать такъ, какъ привыкли дѣйствовать въ своемъ оффиціальномъ значеніи. Общество должно было разсчитывать на участіе публики, и чтобы объяснить этой публикѣ цѣль Общества и пригласить ее къ пожертвованіямъ, комитетъ нашелъ самымъ удобнымъ подѣйствовать на нее черезъ «начальствующихъ особъ, свѣтскихъ и духовныхъ». Приглашеніе, полученное «начальствующими особами» въ провин-

ціяхъ, подписано было главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій, лицомъ сильнымъ, пользовавшимся большимъ довѣріемъ императора; далѣе, «начальствующимъ особамъ» было извѣстно изъ писемъ, газетъ или изъ самыхъ сообщеній, что въ комитетѣ Общества находятся также министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ народнаго просвѣщенія, другія важныя лица, оберъ-гофмейстеры, сенаторы, а вскорѣ и первостепенныя духовныя лица, и этого было довольно, чтобы комитетъ Библейскаго Общества съ первыхъ минутъ сталъ въ ихъ глазахъ особымъ «вѣдомствомъ», очень сильнымъ по лицамъ, его составляющимъ, и особенно по милостивому расположенію и участію самого императора, которое также вскорѣ сдѣлалось извѣстно. Воззваніе къ библейскому дѣлу принимало видъ административнаго циркуляра.

Понятно, что циркуляръ былъ исполненъ, и распоряженію данъ должный ходъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что именно такъ должны были подѣйствовать первыя обращенія библейскаго комитета къ публикѣ. Правда, дѣло было добровольное и цѣль слишкомъ далекая отъ житейскихъ разсчетовъ: правда и то, что было, безъ сомнѣнія, и много примѣровъ искренняго сочувствія къ предпріятію,—но, тѣмъ не менѣе, дѣло получило въ этомъ видѣ нѣсколько странный оборотъ, который и отразился потомъ своеобразными послѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ первые годы Библейскаго Общества нельзя не замѣтить, что въ заявленіяхъ сочувствія, содѣйствія, въ пожертвованіяхъ и письмахъ является нѣчто слишкомъ искусственное, натянутое и явно фальшивое. Корреспонденты Общества спѣшили заговорить тѣмъ церковно-книжнымъ языкомъ, какимъ заговорило само Общество, и сразу попали въ реторику, чтеніе которой мало возбуждаетъ сочувствія. Примѣровъ, къ сожалѣнію, представляютъ слишкомъ много самые отчеты Общества. Мы готовы отчасти объяснить эту фальшивость тона новостью предмета, неумѣньемъ выражаться, или простодушіемъ корреспондентовъ; но едва ли можно отвергать, что способъ дѣйствій комитета или «начальствующихъ особъ» и нравы самой публики вызвали много лицемѣрія... Многочисленныя корреспонденціи, напечатанныя комитетомъ въ прибавленіяхъ къ его отчетамъ, переполнены благочестивой реторикой: какъ только комитетъ началъ указывать на получаемыя имъ письма, онъ былъ, вѣроятно, засыпанъ посланіями, гдѣ писавшіе,

заявляя о своемъ сочувствіи дѣлу, заявляли кстати и о собственныхъ добродѣтеляхъ. Одинъ, прося прислать ему книгу, извѣщаетъ, что онъ вообще услаждается чтеніемъ священныхъ книгъ; другой сообщаетъ, что онъ хочетъ сдѣлать доброе дѣло — подарить книгу неимущимъ или сиротамъ; всѣ выражаются фигурнымъ славянскимъ языкомъ, и, кто можетъ, приводитъ тексты... Нѣкоторая дѣвица, прося прислать ей книгу, выражалась такимъ образомъ (1814): «не рясны златыми украшать бренность, а душу святыми истинами желаю. Прошу почтенное Общество, не лишить изліянія въ душу мою воды живыя отъ источника благочестивыя вѣры» и т. д. (!!) Публичное заявленіе своего благочестія и реторическое славословіе въ письмахъ находили себѣ поощреніе: комитетъ упоминалъ о нихъ въ своихъ отчетахъ или печаталъ ихъ цѣликомъ. Въ 1819 году отчетъ упоминаетъ такой фактъ: въ Тобольскій комитетъ—«недавно прислана была просьба отъ *бухарца* Кульмаметскихъ юртъ, Сангея Апсалова, который просилъ себѣ Библіи, и между прочимъ писалъ, что онъ чувствуетъ *душевную жажду* отъ *суетнаго житія*, и *пустоту въ сердцѣ* (*!!*) отъ недостатка внутренняго духовнаго просвѣщенія, свѣтомъ коего озаряются и просвѣщаются воспитанники Слова Божія и исполнители онаго, христіане [1])». Какъ могло произойти у бухарца такое посланіе, мы не понимаемъ.

Что «начальствующія особы» считали мѣропріятіе почти обязательнымъ, особенно въ послѣдующіе годы, это обнаруживается всѣмъ характеромъ провинціальныхъ отдѣленій. Когда губернск я власти поняли, что устройство въ губерніи библейскихъ отдѣленій, сотовариществъ и т. п. нравится петербургскому начальству, то въ нѣсколько лѣтъ отдѣленія Общества открыты были во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ. Вездѣ они открывались однимъ и тѣмъ же порядкомъ, состояли изъ однихъ и тѣхъ же лицъ: губернскія власти, мѣстный архіерей, гражданскій губернаторъ или вице-губернаторъ, ректоръ семинаріи, предводитель дворянства, соборный протоіерей, губернскій прокуроръ, директоръ училищъ, губернскій казначей, почтмейстеръ, непремѣнно выбирали другъ друга въ комитетъ, и каждый по своему вѣдомству дѣлалъ надлежащія распоряженія. Нечего и говорить, что ихъ приглашенія къ библейскому дѣлу

---

[1]) Отч. за 1819, стр. 21.

принимались ихъ подчиненными съ такимъ усердіемъ, какого только можно было желать. Во всѣхъ внезапно обнаружилась ревность къ Слову Божію и стремленіе просвѣщать «сѣдящихъ въ сѣни смертнѣй», — какъ всѣ стали теперь выражаться. Подобный ходъ дѣла совершенно ясенъ изъ корреспонденцій, напечатанныхъ самимъ комитетомъ. Одинъ губернскій предводитель дворянства пишетъ въ комитетъ, что вслѣдствіе успѣшнаго распространенія Библейскаго Общества, онъ, «по долгу званія своего», нашелъ нужнымъ учредить отдѣленіе въ своей губерніи [1]). Провинціальныя отдѣленія употребляли для библейскаго дѣла расторопность капитанъ-исправниковъ; ар' 'реи дѣйствовали черезъ благочинныхъ [2]), вообще всѣ начальства черезъ своихъ подчиненныхъ. Когда одно отдѣленіе обдумывало способы своей дѣятельности, оно прямо нашло нужнымъ обратиться: «а) съ духовной стороны—къ настоятелямъ монастырей и благочиннымъ; б) съ свѣтской стороны—къ гг. дворянскимъ предводителямъ, для дворянства; гг. городничимъ и градскимъ головамъ, для градскихъ жителей; къ гг. капитанъ-исправникамъ, для жителей сельскихъ»; комитетъ имъ «преподавалъ совѣты», и подчиненнымъ просто «ставилось въ обязанность» имѣть самимъ книги, собирать пожертвованія и т. п. [3]) Такимъ образомъ, дѣло личнаго убѣжденія и добровольнаго выбора становилось исполненіемъ приказа,—и такихъ случаевъ было, конечно, множество. Такой порядокъ могъ господствовать тѣмъ болѣе, что примѣръ подавали сами высшія инстанціи: по епархіямъ, вслѣдствіе высшихъ распоряженій, обязательно разсылались книги; для арміи дѣлались закупки по особымъ приказаніямъ; директоръ комитета, и вмѣстѣ директоръ почтоваго департамента, Жулковскій находилъ удобнымъ «относиться къ начальствующимъ почтовыми мѣстами» (т. е. къ его прямымъ подчиненнымъ въ провинціи) и т. д. Результаты были самые дѣйствительные: губернаторы начали говорить рѣчи въ собраніяхъ своихъ губернскихъ отдѣленій, — совершенно похожія на проповѣди, съ текстами и славянско-церковнымъ слогомъ; почтовые экспедиторы съ успѣхомъ распространяли св. писаніе, и доносили о томъ

---

[1]) Приб. къ Отч. 1816, LXXII.

[2]) Ср. тамъ же, XLVI: «Здѣшней епархіи благочинные, *исполняя волю* архипастыря, тщательно содѣйствуютъ намѣренію здѣшняго комитета, въ *назначенныхъ имъ* порученіяхъ».

[3]) Изв. о Библ. Общ. 1824, стр. 297—298.

директору почтоваго департамента въ благочестивыхъ письмахъ, переполненныхъ текстами; командиры полковъ брались объяснять воинскимъ чинамъ цѣль Библейскаго Общества и спасительное дѣйствіе слова Божія. У одного исполнительнаго командира дивизія доставила въ годъ до 7,000 руб. пожертвованій въ Библейское Общество; нижніе чины одной артиллерійской бригады, стоявшей въ провинціи, прислали въ провинціальный комитетъ письмо, «исполненное самыхъ благоговѣйныхъ чувствованій», и изъявляли готовность *каждый* вносить въ кассу Библейскаго Общества по 50 коп. въ треть года (изъ солдатскаго жалованья!), и т. д., и т. д. [1]).

Наконецъ, даже тѣ самые люди, которыхъ еще слѣдовало обращать въ христіанство, обнаруживаютъ изумительную податливость, пишутъ не хуже православныхъ корреспондентовъ, и развѣ только откровеннѣе выражаются о сущности дѣла. Напримѣръ: калмыцкій князь Тюмень (калмыковъ въ особенности хотѣли обратить въ христіанство) пишетъ къ президенту Общества (въ 1815 г.), что «соотвѣтствуя *приказанію*» его, онъ, Тюмень, читаетъ присланную ему книгу (монгольскій переводъ Евангелія) и намѣревается *«заставить»* читать ее всенародно передъ его подданными [2]). Эти странныя корреспон-

[1]) Отч. 1820, стр. 5, 13; Приб. IX; Извѣст. 1824, стр. 114—117 и др.

[2]) Отч. 1815, Приб. XC. Читателю, можетъ быть, не безъинтересно будетъ познакомиться съ мѣстнымъ колоритомъ калмыцкаго посланія.— Выписавши титулъ кн. Голицына, калмыцкій князь говоритъ:

«Писанное ко мнѣ прошлаго деревяннаго свинаго года (Модюнъ Гошай Джихъ) 1-го числа мышьяго мѣсяца, письмо ваше, съ приложеніемъ въ переводѣ на нашъ монгольскій языкъ Исторіи милосердаго Бога Іисуса Христа, въ двухъ экземплярахъ, одного въ желтомъ, а другого въ красномъ переплетѣ, я къ удовольствію моему получилъ 19 числа перваго тигрова мѣсяца (тереонъ барсъ сарранъ), и читаю оную. Вы препоручаете мнѣ, во-первыхъ, содержащееся въ сей книгѣ слово Божіе читать самому для моего собственнаго спасенія, а также подвластнымъ мнѣ доставить случай слышать и поучаться изъ сей книги», etc.

«Соотвѣтствуя первому приказанію вашему, не только я читаю Слово и ученіе всемилосердаго Бога Іисуса Христа; но доставилъ и нашему ламѣ одинъ экземпляръ, который онъ также читаетъ съ духовенствомъ. Что касается до прочихъ подданныхъ моихъ, то я желалъ бы еще нынѣшнею же зимою собрать ихъ и заставить предъ ними читать сію книгу всенародно; но сіе неудобно теперь по причинѣ суроваго времени годоваго. А какъ въ маѣ мѣсяцѣ между 8 и 15 числомъ знатнѣйшіе изъ моего народа стекутся на богослужебный (т. е. *калмыцкій*) праздникъ и соберутся для моленія: то я и велю въ то время читать книгу сію предъ

денціи доходили до того, что, какъ мы видѣли, бухарецъ Апсаловъ нашелъ нужнымъ извѣщать Библейское Общество о своей душевной жаждѣ отъ суетнаго житія и о пустотѣ въ своемъ сердцѣ...

Пропаганда дѣятелей Библейскаго Общества распространилась, наконецъ, на учебныя заведенія и на дѣтей... Первую мысль заводчикамъ «дѣтскихъ сотовариществъ» у насъ дали, конечно, англійскія juvenile и school-associations. Не знаемъ, въ какой формѣ и въ какомъ тонѣ существовали эти ассоціаціи въ Англіи; но у насъ онѣ имѣли очень странный видъ. Распространяются онѣ въ особенности съ 1818—1819 г., когда сталъ заявлять свою ревность Магницкій. Извѣстно, до какихъ невозможныхъ крайностей довелъ онъ свое библейское усердіе въ подчиненномъ ему Казанскомъ университетѣ и округѣ. Въ Казанскомъ университетѣ, не покупая почти никакихъ книгъ для его библіотеки, Магницкій пріобрѣлъ, однако, для университета на 10,000 руб. Библій и Н. Завѣтовъ; каждый студентъ обязанъ былъ имѣть эти изданія; въ училищахъ безпрерывно происходили сборы пожертвованій въ пользу Библейскаго Общества [1]). Въ учебныхъ заведеніяхъ его округа и въ другихъ округахъ повторялось то же усиленное ревнованіе. Директоры училищъ знали, конечно, вкусы своего министра и министерства, поэтому почти всегда бывали членами мѣстныхъ библейскихъ комитетовъ, и очень легко могли вводить въ училищахъ соотвѣтственныя мѣры: училища выдавали въ награду за прилежаніе книги св. писанія, вводили ежедневное его чтеніе въ классахъ, или употребленіе его учениками для переводовъ; выше было также упомянуто, до какой тонкости довели это вятскія училища, гражданскія и духовныя .. Наконецъ, стали учреждаться формальныя дѣтскія Библейскія Общества. Первымъ образчикомъ подобнаго общества было, кажется, «Дѣтское Библейское Сотоварищество», учредившееся въ Одессѣ изъ воспитанниковъ Ришельевскаго лицея, и открытое торжественно 27 декабря 1818. «Отчетъ» Общества съ восторгомъ упоминаетъ объ этомъ событіи... «Торжество открытія сего сотоварищества было восхитительно, не только для членовъ одесскаго комитета, но и

всѣмъ благочестивымъ (т. е. по *калмыцкой* вѣрѣ) собраніемъ, и тѣмъ потщусь исполнить приказаніе ваше», etc.

Посланіе, кажется, достаточно говоритъ за себя.

[1]) *Ѳеоктистовъ*, Магницкій, стр. 130.

вообще для посѣтителей, при томъ находившихся, и въ особенности для родителей и родственниковъ. Всѣ приняли искреннѣйшее соучастіе въ семъ новомъ соединеніи возрастающаго поколѣнія, проникнутаго и воспламененнаго истинами Евангелія и любовію къ Господу и Спасителю нашему Іисусу Христу, пріуготовляемаго въ семъ юномъ возрастѣ къ желанію общей пользы и трудамъ для оной. Какое новое и вѣрное свидѣтельство силы Слова Божія, совершающей хвалу Господу посредствомъ сихъ дѣтей»! [1]). Въ прибавленіяхъ напечатанъ и самый «актъ» торжественнаго открытія сотоварищества, который, для образчика, мы предложимъ любопытному читателю въ выноскѣ [2]).

---

[1]) Отч. 1818, стр. 11—12.

[2]) Открытіе совершилось такимъ порядкомъ:

«Въ 9 часовъ съ половиною поутру, дѣти, обучающіеся во внѣшнихъ классахъ Ришельевскаго лицея, собрались въ одесскую соборную церковь, изъ коей, по выслушаніи божественной литургіи, въ сопровожденіи родственниковъ и учителей, отправились въ залу лицея, гдѣ ожидали ихъ члены комитета одесскаго отдѣленія.

«По прибытіи въ залу, пѣвчіе воспѣли концертъ: *Небеса повѣдаютъ славу Божію.* Пс. XVIII. Между тѣмъ члены комитета заняли свои мѣста. Послѣ сего, секретарь комитета, изъяснивъ причину собранія, читалъ письмо отъ дѣтей къ вице-президенту комитета, при которомъ они, отъ избытка любви своей къ Господу Іисусу Христу, представили собранные въ кругу своемъ 113 рублей, на распространеніе книгъ Слова Божія, и, не ограничась симъ приношеніемъ, изъявили желаніе составить сотоварищество одесскаго отдѣленія. За симъ были слушаны два отношенія, одно отъ комитета Россійскаго Библейскаго Общества, который, изъявляя живѣйшее участіе въ благочестивомъ подвигѣ дѣтей, поручаетъ комитету одесскому утвердить существованіе сего сотоварищества, и, принявъ его подъ особенное свое покровительство, преподать юнымъ сотрудникамъ въ дѣлѣ Общества надлежащее руководство; другое отъ г. президента Россійскаго Библейскаго Общества князя Александра Николаевича Голицына, къ вице-президенту комитета (т. е. одесскаго) и законоучителю воспитанниковъ лицея, отцу архимандриту Ѳеофилу, исполненное благосклонной признательности къ благочестивымъ трудамъ его. Послѣ того сей ревнитель Слова Божія (т. е. архим. Ѳеофилъ) произнесъ приличную на сей случай рѣчь, за которою читанъ былъ списокъ членовъ, избранныхъ къ составленію дѣтскаго комитета; пѣвчіе же въ сіе время снова воспѣли: *Слава въ вышнихъ Богу!* Потомъ прочтены были правила для дѣтскаго сотоварищества. Въ заключеніе всего, совершено благодарственное молебствіе Спасителю, явившему новое доказательство, какъ упраздняется премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ вѣка сего, и провозглашено многолѣтіе Е. И. В-ву, яко августѣйшему покровителю Библейскихъ Обществъ.

«Члены Общества, родственники дѣтей и они сами, были въ неопи-

Одесскій пасторъ Беттигеръ отписалъ объ этомъ событіи въ Базель, и комитетъ базельскаго библейскаго общества съ своей стороны въ восторгѣ отъ дѣтскаго сотоварищества. О томъ же узнаетъ нѣкій Золотницкій. Онъ вычиталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о «Великомъ подвигѣ» воспитанниковъ Ришельевскаго лицея, и тотчасъ пишетъ въ одесскій комитетъ, изъявляя свою радость и желаніе быть членомъ «сего ангелообразнаго комитета» (!!); и «желая,—пишетъ онъ,—*дѣломъ* доказать сердечную мою радость симъ юнымъ отраслямъ, коимъ, по ветхости дней моихъ, я начинаю уже уподобляться, не въ ангельской ихъ невинности, но въ простотѣ сердца, препровождаю при семъ пять рублей» [1]). Простота дѣйствительно дѣтская... Вся эта исторія и корреспонденція печаталась въ отчетахъ Общества и, конечно, это могло быть читано и самими дѣтьми. Непонятно, какимъ образомъ никому изъ людей, придумавшихъ устройство сотоварищества (сами дѣти, конечно, не могли устроить всего этого), не приходило въ голову, какъ все это было странно и какъ даже непозволительно это было относительно самихъ дѣтей. Дѣти могли быть благочестивы, но, конечно, не въ дѣтскихъ понятіяхъ и не въ дѣтской природѣ было дѣлаться прозелитами, какими ихъ выставляли: нужно было или фанатизировать дѣтей, или обманывать ихъ и играть ими...

Въ нѣсколько иномъ родѣ было, кажется, сотоварищество, устроенное въ началѣ 1821 г. между учениками и студентами Харьковскаго университета, подъ вліяніемъ тогдашняго попечителя харьковскаго округа, З. Я. Карнѣева. Сотоварищество харьковскаго отдѣленія, по словамъ его, желало, «по мѣрѣ силъ и способовъ своихъ, не только способствовать ему (Отдѣленію) къ достиженію его цѣли, взносомъ жертвуемыхъ суммъ, но, *само составляя нѣчто цѣлое*, одушевлять духомъ любви къ Слову Божію всѣхъ сочленовъ своихъ» и проч. Здѣсь были болѣе взрослые люди, чѣмъ въ лицеѣ, и въ ихъ собраніяхъ читались, между прочимъ, собственные труды студентовъ о ре-

---

санномъ восторгѣ. На глазахъ первыхъ блистали слезы сердечнаго умиленія; а на лицахъ послѣднихъ изображалась та небесная радость, коею одушевлялись нѣкогда еврейскія дѣти, взывавшія: Осанна сыну Давидову! Осанна!»

Отч. 1818, Приб. XXII.

[1]) Отч. 1819, Приб. II.

лигіозныхъ предметахъ [1]). Карнѣевъ былъ въ старыя времена однимъ изъ усерднѣйшихъ послѣдователей новиковской школы, и собранія студентовъ едва ли не напоминали ему собраній «теоретическаго градуса», въ которыхъ онъ игралъ нѣкогда руководящую роль [2])...

Въ отчетахъ Общества напечатана также рѣчь архимандрита Өеофана при открытіи такого же сотоварищества при Казанскомъ университетѣ, 12 марта 1820. Сотоварищество открыто было вскорѣ послѣ того, какъ университетъ получилъ знаменитыя «инструкціи», составленныя Магницкимъ, и рѣчь написана, конечно, въ томъ же самомъ смыслѣ. «Въ нашемъ благочестивомъ обществѣ, — говоритъ Өеофанъ, — въ коемъ самые помазанники Божіи вѣнчанныя главы свои благоговѣйно преклоняютъ къ подножію креста Христова, и за первую вмѣняютъ себѣ честь подавать примѣръ истиннаго благочестія людямъ и народу, духъ злобы поднебесныя, не имѣя дерзости возставать видимо противу Слова Божія, и гнать явно исповѣдниковъ его, продолжаетъ, впрочемъ, тайно, но тѣмъ не менѣе опасно, распространять свои пагубныя мудрованія. Есть и теперь люди, кои, по внушенію его, не увѣрены еще въ пользѣ и необходимости введенія сего свѣта въ мѣсто сіе. Они признаютъ его здѣсь ненужнымъ, или излишнимъ, не смѣя сказать болѣе. Но это *послѣднія усилія врага*: время наступаетъ,

---

[1]) Напримѣръ, собраніе, на которомъ присутствовали путешествовавшіе тогда Патерсонъ, Гендерсонъ и Сѣровъ, происходило такъ: «Достопочтенный попечитель открылъ собраніе изъявленіемъ удовольствія своего студентамъ за похвальное и полезное ихъ намѣреніе, и пожелалъ быть въ числѣ членовъ сотоварищества ихъ; потомъ одинъ изъ студентовъ читалъ рѣчь, въ которой изъяснены были чувства студентовъ относительно предпріемлемаго ими дѣла, о божественности Библіи и о необходимости соединенія тѣлеснаго обученія (!) съ евангельскимъ просвѣщеніемъ, безъ котораго не можетъ существовать истинное просвѣщеніе; а въ заключеніе собранія читано было однимъ изъ студентовъ же весьма хорошее изложеніе 65 псалма». Отч. 1821, приб. XI, стр. 69. Ср. также Отч. 1820, приб. XIV. Henderson, Bibl. Researches p. 161—162.

[2]) Въ Публичной Библіотекѣ находятся, между прочимъ, два тома «Разсужденій», 1789 и 1791 г. (III. F. № 47—48); это сборники статей, представляющихъ собой такъ называемыя «работы» теоретическаго градуса. Эти работы происходили подъ управленіемъ З. Я. Карнѣева, начальствовавшаго тогда надъ ложей теоретической степени розенкрейцерства въ Орлѣ. Разсужденія студентовъ въ харьковскомъ библейскомъ сотовариществѣ 1821 г., очевидно, сродни «разсужденіямъ» 1789—91 года.

когда Господь духомъ устъ своихъ *убіетъ* сего нечестиваго духа». [1]) Въ переводѣ на практическій языкъ, эти слова предвѣщали ожидаемое торжество Магницкаго надъ его противниками,—въ которомъ онъ тогда, кажется, не сомнѣвался...

Мы скажемъ дальше объ этой системѣ обскурантизма, свившей себѣ гнѣздо въ Библейскомъ Обществѣ, а теперь приведемъ еще нѣкоторыя подробности.

При томъ оффиціально-чиновническомъ характерѣ, который все больше и больше стали принимать библейскія общества, трудно было вообще ожидать здраваго способа дѣйствій и простого отношенія къ дѣлу. Стремясь подражать англичанамъ, наши библейскіе дѣятели также думали заняться миссіонерствомъ; были въ этомъ родѣ сдѣланы полезныя работы,—какими надобно назвать священническіе переводы Новаго Завѣта на нарѣчія инородцевъ восточной Россіи и Сибири; но затѣмъ миссіонерство нерѣдко принимало самый странный видъ. Мы видѣли, что калмыцкій князь Тюмень понималъ (конечно, не безъ своихъ основаній) присланныя ему увѣщанія за *приказъ*. Корреспонденты Общества считали нужнымъ извѣщать петербургскій комитетъ о ходѣ дѣлъ, и астраханскій корреспондентъ замѣчаетъ (въ 1816) о тѣхъ же калмыкахъ: «многіе калмыки, *вѣроятно*, по простотѣ понятій и невѣжеству (!!), не совсѣмъ охотно пользуются симъ даромъ всеблагаго Бога»—т. е. присланной книгой. Очевидно, корреспондентъ (ректоръ астраханской семинаріи) имѣлъ самыя смутныя понятія о миссіонерскомъ дѣлѣ: онъ какъ будто не разумѣетъ, что дать книгу людямъ, которые еще кланяются своимъ бурханамъ, вовсе не значило обратить ихъ въ христіанство; что если такой калмыкъ и бралъ книгу по *приказу*, то онъ могъ просто положить ее въ сторону, или, если бы даже заинтересовался ею, могъ ничего не понять въ ней безъ объясненія... Рядомъ съ этимъ, въ 1817 г., о тѣхъ же калмыкахъ говоритъ англичанинъ Фразеръ, изъ шотландской колоніи, и говоритъ совершенно разсудительно. Онъ отправился въ кочевье самъ, жилъ съ калмыками и правдиво разсказываетъ о своихъ испытаніяхъ: онъ бралъ на себя дѣйствительный трудъ, видѣлъ степень развитія народа и его нравы, и сомнѣваясь въ успѣхѣ, имѣлъ очень ясное понятіе о томъ, почему калмыки «не пользуются даромъ».

---

[1]) Отч. 1820, Приб. II.

Часто не знаешь, что видѣть въ различныхъ фактахъ, собранныхъ въ самыхъ отчетахъ Общества: крайнюю ли наивность увлекавшихся членовъ комитета, или—непозволительное ханжество и лицемѣріе. Реторика, напыщенныя фразы дѣлаютъ подъ конецъ почти невыносимымъ чтеніе отчетовъ и особенно ихъ прибавленій, наполненныхъ корреспонденціей. И это въ особенности бросается иногда въ глаза, когда рядомъ съ посланіями русскими стоятъ письма Британскаго Общества, гдѣ, при благочестіи и даже сильномъ піэтизмѣ, бывало практическое содержаніе и здравый смыслъ... Одинъ изъ самыхъ антипатичныхъ образчиковъ поддѣльнаго сантиментальнаго піэтизма есть, кажется, помѣщенное въ одномъ изъ отчетовъ *письмо* одного *мальчика* изъ Сѣвска. Письмо, очевидно, писано не самимъ мальчикомъ, и ему придана фальшивая народность того времени въ стилѣ «Фрола Силина» и «Бѣдной Лизы» [1]).

Нѣтъ надобности говорить, что въ Британскомъ Обществѣ не было ничего подобнаго этой казенной, канцелярской пропагандѣ, и что она вполнѣ была произведеніемъ нашихъ нравовъ. Британское Общество было и осталось дѣломъ частныхъ лицъ съ своими убѣжденіями, дѣйствовавшихъ на тѣхъ же правахъ, какія были доступны всѣмъ, между прочимъ, и ихъ противникамъ. Религіозная пропаганда того разряда, какой мы видимъ потомъ въ библейскихъ обществахъ, существовала и до нихъ, въ формѣ методизма, квакерства, миссіонерскихъ обществъ разнаго рода. Наша общественная жизнь дала для этого учрежденія совсѣмъ иныя условія: такъ называемая самодѣятельность общества была въ состояніи младенчества; надъ всѣми отраслями общественныхъ интересовъ стояла административная опека и чиновническій авторитетъ, и оттого, когда общество, такъ или иначе, вызвано было къ библейской дѣятельности, мы и видимъ такое странное явленіе, какъ чиновническое, почти полицейское распространеніе Библіи. Административныя власти, крупныя и мелкія, вмѣшались въ дѣло совершенно естественно, потому что онѣ и вообще заправляли всевозможными общественными отправленіями. Отсюда тѣ странности и нелѣпости, которыя мы указывали... Но какъ это ни способствовало лицемѣрію, и какъ

---

[1]) См. Отч. 1819, Приб. XVIII. Письмо сочинено, конечно, въ Сѣвскѣ,—но въ Петербургѣ надо было бы по крайней мѣрѣ понять, что это подлогъ.

это ни спутываетъ наши сужденія о дѣйствительныхъ результатахъ библейской пропаганды, ихъ нельзя, однако, не оцѣнять довольно высоко. Масса общества и не ожидала другого способа дѣйствій, и многіе, слѣдовательно, могли искренно принимать «воззванія» и увлекаться ими. Такъ увлекались прежде всего многіе изъ членовъ библейскихъ комитетовъ, личный характеръ которыхъ извѣстенъ независимо отъ того, и которые остались вѣрны себѣ и послѣ, когда Библейское Общество уже не существовало. Искреннее увлеченіе проникало даже и въ простонародную сферу; объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ то «чувство безпокойства», которое, какъ упоминаютъ невзначай отчеты Общества, овладѣвало многими въ народѣ при слушаніи его піэтическихъ воззваній. Въ самомъ дѣлѣ, это «безпокойство»,—отъ почувствованной, но еще не удовлетворенной потребности въ сознательной религіи—должно было явиться первымъ послѣдствіемъ подобныхъ внушеній. Въ народѣ библейская пропаганда должна была дѣйствовать такъ именно на людей, которые въ другое время уходили, изъ-за тѣхъ же религіозныхъ потребностей, въ расколъ...

Къ сожалѣнію, религіозный интересъ—искренній или фальшивый,—дѣйствовавшій въ библейскихъ обществахъ, не удержался въ здравыхъ предѣлахъ. Время Библейскаго Общества стало временемъ крайней мистики и піэтизма. Теперь еще далеко не собраны факты для исторіи этого общественнаго направленія второй половины царствованія императора Александра, и мы упомянемъ только немногое. Въ ряду фактовъ этого рода, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ судьбѣ Библейскаго Общества, одинъ изъ главныхъ и любопытнѣйшихъ есть душевное настроеніе самого императора,—въ которомъ съ 1812 г. совершается сильный переломъ, впослѣдствіи наполняющій всю его нравственную и политическую жизнь борьбой двухъ элементовъ—прежнихъ, замѣчательно либеральныхъ и великодушныхъ идей и стремленій, съ новыми вліяніями, мистическими и реакціонными.

Мы не можемъ имѣть здѣсь въ виду сколько-нибудь полныхъ указаній объ этой внутренней жизни императора Александра: намъ достаточно нѣсколько фактовъ, которые способны харак-

теризовать его личное настроеніе [1]). Во время событій 1812 года стремленіе къ религіозному успокоенію явилось въ первый разъ съ извѣстной силой въ императорѣ Александрѣ, и въ послѣдовавшіе затѣмъ годы пріобрѣло чрезвычайное развитіе. Оно отразилось всего сильнѣе и знаменательнѣе въ актѣ Священнаго Союза. Самыя разнообразныя религіозныя возбужденія окружаютъ въ это время императора, который, отдаваясь своему чувству, подчинился вліяніямъ религіозной экзальтаціи, овладѣвавшей умами въ Европѣ и, наконецъ, открыто перенесъ свои личныя идеально-піэтистическія воззрѣнія въ политическій манифестъ, который задуманъ былъ, безъ сомнѣнія, съ искренними благородными побужденіями, но уже вскорѣ подвергся самой печальной эксплуатаціи въ смыслѣ крайней реакціи и обскурантизма. Лица, съ которыми встрѣчался и сближался тогда императоръ Александръ въ своемъ мистическомъ настроеніи, прямо или косвенно дѣйствовали и на характеръ нашего Библейскаго Общества. Самое извѣстное изъ этихъ лицъ была г-жа Крюднеръ, игравшая тогда въ извѣстной части общества роль, чрезвычайно своеобразную: сошедшись съ южно-германскими піэтистами и мистиками, она сама, незадолго до своей встрѣчи съ императоромъ Александромъ (въ 1815 г.), стала проповѣдывать нѣчто въ родѣ первобытнаго христіанства и аскетической филантропіи, бросилась въ ревностный прозелитизмъ и, для дружескаго круга, даже предсказывала будущее. Такъ, напримѣръ, она «предсказывала» возвращеніе Наполеона съ Эльбы въ то время, когда побѣдители торжествовали на вѣнскомъ конгрессѣ. Предсказанія, конечно, были весьма темныя и широкія, но очень многіе приняли ихъ за дѣйствительныя пророчества, сама она—больше всѣхъ, и это придало еще больше интереса проповѣдницѣ христіанства, явившейся притомъ изъ аристократическаго круга. Съ теченіемъ времени она все больше и больше убѣждалась въ своемъ посланничествѣ, и, какъ ни слаба была ея теологія, которой не берутся защищать даже ея пламенные поклонники, г-жа Крюднеръ пріобрѣла много приверженцевъ, которыхъ увлекала своимъ свѣтскимъ даромъ

[1]) Въ числѣ разсказовъ объ этихъ событіяхъ, одинъ изъ любопытнѣйшихъ находится въ «Vie de madame de Krudener, par Ch. Eynard», Paris, 1849, t. I. p. 323—342 и большая доля II-го тома. Авторъ пользовался многими компетентными источниками, между прочимъ, указаніями русскихъ свидѣтелей тогдашнихъ событій.

слова, примѣненнымъ теперь къ евангельской проповѣди смиренія и униженія. Она явилась въ первый разъ къ императору (въ 1815 г.), въ Гейльброннѣ, на пути его изъ Вѣны къ дѣйствующей арміи, и въ тогдашнемъ его тревожномъ настроеніи произвела на него сильное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе усилилось во время пребыванія императора въ Парижѣ послѣ окончательнаго низложенія Наполеона: императоръ проводилъ вечера у г-жи Крюднеръ, и религіозная мечтательность его въ это время достигла высокой степени...

Но начало ея относится еще къ предыдущимъ годамъ. Еще до этого времени онъ искалъ людей, особенно извѣстныхъ своей вѣрой и благочестіемъ, и охотно вступалъ съ ними въ бесѣды. Мы видѣли, что въ 1814 г. императоръ Александръ принималъ депутацію Британскаго Библейскаго Общества и выражалъ свое сочувствіе къ его дѣятельности. Въ это же пребываніе его въ Лондонѣ онъ принималъ депутацію квакеровъ и имѣлъ съ ними длинный разговоръ: это были Стефенъ Грелье, Джемсъ Вилькинсонъ и Вильямъ Алленъ, которые излагали ему свои идеи о непосредственномъ вліяніи святого Духа... Вильямъ Алленъ сохранилъ разсказъ объ этомъ свиданіи [1]). Въ томъ же году кн. Голицынъ (повидимому, служившій только исполнителемъ даннаго ему порученія) прислалъ значительный денежный подарокъ знаменитому мистику Юнгу Штиллингу [2]), который, между прочимъ, содѣйствовалъ піэтистическому образованію самой г-жи Крюднеръ и имѣлъ ревностныхъ почитателей въ средѣ нашихъ мистиковъ.

Въ 1818—1819 г. упомянутый Грелье былъ въ Россіи. Онъ опять видѣлся съ государемъ,—какъ разсказываетъ въ своемъ «Дневникѣ»,—два или три раза молился съ нимъ молчаливой молитвой съ колѣнопреклоненіемъ, въ чаяніи сошествія на обоихъ св. Духа [3]).

Мы удовольствуемся пока этими примѣрами, которые достаточно характеризуютъ свойства религіозности, овладѣвавшей теперь императоромъ Александромъ. Въ мысляхъ императора носилась перспектива новаго порядка вещей, который долженъ былъ состоять въ господствѣ христіанско-патріархальнаго пра-

---

[1]) Ch. Eynard, Vie de madame de Krudener, t. I. p. 335.

[2]) Тамъ же, I, p. 304.

[3]) См. Сушкова, Записки о жизни Филарета, М. 1868, стр. 104, 266, Приложеніе, стр. 105—106.

вленія народами. Къ этому періоду, именно ко времени, непосредственно слѣдовавшему за объявленіемъ акта Священнаго Союза, относится и усиленное вниманіе императора къ русскому Библейскому Обществу. Онъ вызываетъ его на новые труды, самъ лично усиливаетъ его дѣятельность, участвуетъ въ распространеніи книгъ св. писанія, содѣйствуетъ княгинѣ Мещерской, наконецъ, требуетъ перевода Библіи на русскій языкъ...

Понятно, какое вліяніе должно было произвести это личное настроеніе императора Александра, когда онъ рѣшился производить его на дѣлѣ, и когда Библейское Общество представлялось для этого удобнымъ орудіемъ.

Личные взгляды и воля императора произвели сильное дѣйствіе на умы уже тѣмъ, что открывали новымъ религіознымъ вкусамъ путь въ общество, въ которомъ и прежде и послѣ, они вовсе не имѣли права гражданства. Вниманіе императора къ Юнгу Штиллингу, къ г-жѣ Крюднеръ, къ Стефану Грелье доставило имъ и въ обществѣ друзей и практику, такъ что люди стараго вѣка, вовсе не привычные къ какой-нибудь религіозной свободѣ, подняли, наконецъ, въ своихъ кругахъ тревогу о нарушеніи стараго благочестія... Г-жа Крюднеръ съ 1815 года находитъ больше и больше почитателей въ высшемъ русскомъ обществѣ, вступаетъ въ сношенія съ кн. Голицынымъ и съ членами библійскаго общества, въ комитетѣ котораго, съ самаго его основанія, находился неизмѣнно ея братъ, баронъ Б. И. Фитингофъ. Ея экзальтація часто именно совпадала съ тѣмъ настроеніемъ, какое библейскія общества принимали болѣе или менѣе повсюду въ континентальной Европѣ: однимъ изъ ближайшихъ ея друзей былъ пасторъ Оберлинъ (въ Ban de la Roche, въ Эльзасѣ), одинъ изъ первыхъ и наиболѣе энтузіастическихъ корреспондентовъ Британскаго Общества на континентѣ... Для квакера Грелье, во время его путешествія по Россіи, также открывалась своего рода пропаганда. Въ Петербургѣ онъ познакомился съ кн. А. Н. Голицынымъ, съ митрополитомъ Михаиломъ, еписк. Филаретомъ, съ упомянутой выше кн. Соф. Серг. Мещерской и со многими другими лицами, духовными и свѣтскими. Кн. Голицынъ, съ однимъ молодымъ секретаремъ своимъ, молился также съ Грелье квакерской молитвой, ожидая сошествія святого Духа. Въ Новороссійскомъ краѣ Грелье раздавалъ Библіи, интересовался меннонитами и молоканами; въ Одессѣ онъ свелъ знакомство съ попечителемъ колоній южнаго края,

генераломъ И. М. Инзовымъ, который былъ усерднымъ дѣятелемъ мѣстнаго библейскаго комитета... Въ дневникѣ Грелье подробно описаны его посѣщенія къ митр. Михаилу и бесѣды его съ викаріемъ Филаретомъ, которыя доставили квакеру большое удовольствіе. На прощаньѣ, Филаретъ снабдилъ Грелье и его товарища рекомендательными письмами къ лицамъ, «извѣстнымъ ему своей духовностью», которыхъ квакеры намѣревались посѣтить по дорогѣ своей въ Одессу [1]). Эти лица, извѣстныя своею духовностью, были, конечно, члены и корреспонденты Библейскаго Общества, какъ и названный сейчасъ генералъ Инзовъ.

Такимъ образомъ, наши библейскіе дѣятели непосредственно сближались съ европейскими піэтистами и, конечно, заимствовались отъ нихъ новыми теоретическими и практическими пріемами мистицизма, примѣняя ихъ потомъ на свой ладъ. Иногда это сходилось прямо съ ихъ дѣлами по Обществу. Мы говорили выше, что, по примѣру Британскаго, русскій комитетъ старался поддерживать библейскую дѣятельность и въ другихъ странахъ, напр. въ Германіи (гдѣ, кажется, библейское дѣло могло бы обойтись и безъ русской поддержки). Такъ, нашъ комитетъ оказывалъ вниманіе Леандру фанъ-Эссу и помогалъ его библейской дѣятельности въ католической Германіи. Еще большее вниманіе оказано было римско-католическому священнику Госнеру, дѣйствовавшему въ Баваріи [2]). На Госнерѣ Библейское Общество скомпрометировалось.

Іоганнъ Госнеръ (род. 1773, ум. 1858 г.) былъ опять не только библейскій ревнитель, но и особенно восторженный мистикъ, почти сектаторъ.

Въ Германіи еще съ прошлаго столѣтія явилась особая группа экзальтированныхъ піэтистовъ, которые назывались «пробужденными» (Erweckten). Это были ученики извѣстнаго графа Цинцендорфа († 1760), которому принадлежало помѣстье Геррнгутъ (въ Силезіи), гдѣ онъ далъ пріютъ моравскимъ братьямъ, получившимъ отсюда названіе геррнгутеровъ. Это «пробужденіе»

---

[1]) Сушк., стр. 266—269. Въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», который издаваемъ былъ упомянутымъ выше «Вольнымъ Обществомъ любителей» etc., за это же время помѣщена была особая статья о квакерахъ, гдѣ эта секта описывается съ особеннымъ сочувствіемъ.

[2]) Johannes Gossner. Von v. Bethmann-Hollweg. Berl. 1858 (изъ Deutsche Zeitschrift für christl. Wissenschaft und chr. Leben).

(подразумѣвается—къ новой, возвышенной, внутренней религіозности) нашло тогда немало послѣдователей даже между аристократическими фамиліями въ Германіи. Въ концѣ прошлаго [XVIII-го] и въ началѣ нынѣшняго [XIX-го] столѣтія новые «пробужденные» явились въ южной Германіи, особенно въ Баваріи. Здѣсь «пробужденіе» овладѣвало низшимъ классомъ народа: простые люди «наполнялись духомъ» и получали высшее религіозное прозрѣніе. «Пробужденіе» было вообще одно изъ тѣхъ экзальтированныхъ сектаторскихъ движеній, которыя очѣнь часто единственнымъ своимъ поводомъ имѣютъ формализмъ и сухость оффиціальной церкви, слишкомъ небрегущей нравственными потребностями массы. Оффиціальное католичество возстало противъ «пробужденныхъ»; ихъ главный руководитель, Мартинъ Боосъ, былъ преслѣдуемъ инквизиціей и полиціей, былъ заключаемъ въ тюрьму, но дѣло продолжалось. У Бооса явились ревностные помощники, число послѣдователей умножалось и средоточіемъ «пробужденныхъ» сталъ, наконецъ, пасторъ Госнеръ, дѣйствовавшій въ Мюнхенѣ. Его проповѣди привлекали толпу слушателей, и кругъ дѣятельности его расширялся, въ особенности съ учрежденіемъ библейскихъ обществъ. Госнеръ сдѣлалъ новый переводъ Новаго Завѣта, по отзывамъ протестантовъ, замѣчательно близкій къ подлиннику. Переводъ Госнера, съ помощью иностранныхъ библейскихъ обществъ, былъ распространенъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ; британскій библейскій комитетъ доставилъ Госнеру значительную денежную поддержку. Еще раньше, кажется, у него завязывались другія отношенія. Онъ вступилъ въ сношенія съ благочестивыми кружками евангелической церкви въ Нюрнбергѣ, Базелѣ, Геррнгутѣ; въ Базелѣ было тогда библейское общество, потомъ основалось «Общество религіозныхъ трактатовъ», отчасти подъ вліяніемъ г-жи Крюднеръ, которая имѣла здѣсь самыхъ усердныхъ друзей [1]). Проповѣдь Госнера уже теперь выходила за предѣлы чистаго католицизма, какъ было, впрочемъ, вообще у «пробужденныхъ»; онъ еще не думалъ отдѣляться отъ церкви, но стремленія его одухотворить догматы религіи давали его мнѣніямъ протестантскій оттѣнокъ, и протестантскіе піэтисты возбуждали всю его симпатію; сочиненія графа Цинцендорфа принадлежали къ его любимому чтенію, въ его мысляхъ бродилъ планъ основать въ средѣ католиче-

---

[1]) Ch. Eynard, II, 110 [ср. ниже, ст. о г-жѣ Крюднеръ].

ской церкви живую «братскую общину», на подобіе геррнгутерской.

Возстановленіе папской власти, послѣ паденія Наполеона, и возобновленіе іезуитскаго ордена, естественно отозвались для «пробужденныхъ» новыми преслѣдованіями. Въ 1817 г. въ Баваріи шли переговоры о конкордатѣ, въ Мюнхенѣ ожидали папскаго нунція; власти рѣшили искоренить секту, и Госнера потребовали къ отвѣту. Онъ высказался откровенно и былъ лишенъ правительствомъ своего мѣста; товарищъ его, другой пасторъ, Линдль, нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ провести въ заключеніи и переведенъ былъ въ другое мѣсто. Госнеръ еще нѣсколько времени оставался съ своей мюнхенской паствой, но, наконецъ, ему невозможно было держаться дольше и онъ удалился въ рейнскія провинціи, которыя достались послѣ вѣнскаго конгресса Пруссіи. Для католическаго населенія этихъ провинцій прусское правительство вызвало сначала Мартина Бооса, потомъ Госнера (1819), который занялъ оставленное Боосомъ по болѣзни мѣсто профессора въ дюссельдорфской гимназіи и городского священника. Госнеръ продолжалъ здѣсь съ большимъ успѣхомъ свою проповѣдь, которая и здѣсь опять навлекла на него ненависть ортодоксальныхъ католиковъ и іезуитовъ.

Линдль также вскорѣ оставилъ Баварію, гдѣ преслѣдованіе католическихъ властей грозило ему тюрьмой. Въ это время онъ получилъ призывъ въ Петербургъ, куда и отправился въ октябрѣ 1819 г. Въ Петербургѣ онъ, какъ разсказываютъ, нашелъ самый благосклонный пріемъ не только у князя Голицына, но у самого императора. Онъ получилъ мѣсто проповѣдника при мальтійской церкви, гдѣ собирались къ нему слушатели всякихъ исповѣданій [1])... Но Линдль недолго оставался въ Петербургѣ; весной слѣдующаго года онъ получилъ мѣсто въ Одессѣ, съ правами католическаго епископа [2]). На его мѣсто въ Петербургѣ

---

[1]) Біографія Госнера, изъ которой мы беремъ эти указанія, разсказываетъ слѣдующее:

«Am 17 October 1819 hielt er (Lindl) seine Abschiedspredigt und reiste am 18 nach Petersburg ab, wo er aufs Freundlichste und Ehrenvollste aufgenommen wurde. Fürst Gallizin, der Kaiser selbst empfing ihn und *bat ihn knieend um seinen Segen*. Von so hoher Gunst musste selbst der katholische Mitropolitan sich beugen» etc. Насколько вѣрны эти подробности—мы пока не знаемъ.

[2]) Это было почетное удаленіе вслѣдствіе столкновенія съ православными интересами. О такихъ столкновеніяхъ мы еще упомянемъ ниже.

призванъ былъ тогда же Госнеръ. Имя Госнера уже задолго передъ тѣмъ упоминается въ отчетахъ нашего Общества, какъ имя ревностнаго библейскаго дѣятеля. Членъ британскаго комитета Штейнкопфъ, въ письмѣ къ Пинкертону (сентябрь 1817 г.), называлъ его «неустрашимымъ и неутомимымъ сѣятелемъ Слова Божія», и лондонскій комитетъ назначилъ ему, какъ упомянуто выше, пособіе—въ 500 ф. стерл. [1]). Впослѣдствіи, русскій комитетъ, конечно по этимъ (и другимъ подобнымъ) рекомендаціямъ, и самъ вступилъ съ Госнеромъ въ сношенія, результатомъ которыхъ и было приглашеніе его въ Петербургъ.

Въ іюлѣ 1820 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и въ первыхъ письмахъ къ друзьямъ не могъ нахвалиться теплымъ пріемомъ, какой онъ здѣсь нашелъ. Князь Голицынъ и ему оказывалъ большое вниманіе, и Госнеръ еще въ томъ же году выбранъ былъ въ число директоровъ петербургскаго комитета Библейскаго Общества [2]). Сколько можно судить по немногимъ разсказамъ объ этихъ обстоятельствахъ, Госнеръ, какъ проповѣдникъ, имѣлъ большой успѣхъ не только между своей ближайшей паствой, но и между нѣмецкими протестантами и русскими искателями мистической религіозности. Госнеръ пробылъ въ Петербургѣ четыре года; въ 1824 году онъ былъ высланъ

---

[1]) Отч. 1817, Приб. XVIII.

[2]) «So kalt hier das Klima,—писалъ Госнеръ изъ Петербурга,—so warm fühlen die Herzen. Der Minister, Fürst Gallizin, ist ein lieber, vortrefflicher Mann, und so sind noch viele Grosse sehr klein (т. е. въ христіанскомъ смыслѣ смиренны) und demüthig und hungrig und durstig nach Gerechtigkeit». Біографъ говоритъ дальше о прибытіи Госнера въ Петербургъ и успѣхахъ его проповѣди: «Der Herr hatte ihm *die Thüre weit aufgethan,* alle hemmenden Schranken fielen, der *Kaiser selbst* hatte ihm einen grossen Saal einrichten lassen, der an 2000 Menschen fasste und wo er vor Personen jeglichen Standes und Bekenntnisses Zeugniss ablegte von dem Heil in Christo. Der *engere Kreis* der Freunde verharrte Tag und Nacht mit ihm im Gebet, und der Herr blieb auch diesmal die Antwort nicht schuldig. Ströme seines Geistes kamen herab und *erweckten* Tausende zu einem tiefen, innigen Glaubensleben» etc. Къ этому тѣсному кружку принадлежалъ, вѣроятно, и секретарь Библейскаго Общества, В. М. Поповъ, переводчикъ книги Госнера, о которой мы будемъ говорить дальше.

Панаевъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ: «Пріемъ, оказанный Госнеру, былъ еще благосклоннѣе (чѣмъ пріемъ Линдля), а краснорѣчіе его блистательнѣе, такъ что жители столицы всѣхъ вѣроисповѣданій, *не исключая и православнаго*, толпами сбирались по вечерамъ въ католическую церковь слушать его проповѣди». «Вѣстн. Евр.», 1867 г., IV, стр. 83.

за-границу,—на этомъ такъ называемомъ «госнеровскомъ дѣлѣ» мы остановимся дальше...

Указанные нами факты обозначаютъ свойство религіозныхъ тенденцій, овладѣвавшихъ Библейскимъ Обществомъ, члены котораго были самыми искателями всякой мистики. Успѣхъ этой послѣдней, какъ мы уже замѣчали, былъ тѣмъ возможнѣе, что въ обществѣ еще продолжались вліянія стараго масонскаго мистицизма XVIII вѣка. Еще живы были Новиковъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Поздѣевъ, кн. Репнинъ, Кошелевъ и др. Почти всѣ они вынесли тяжелое давленіе враждебныхъ обстоятельствъ и пріобрѣли мрачное упорство понятій, обыкновенное слѣдствіе преслѣдованій. Нѣкоторые изъ нихъ, или ихъ ученики, приняли прямое участіе въ библейскомъ дѣлѣ; тѣ, которые не принимали этого участія, все-таки дѣйствовали для него своимъ личнымъ вліяніемъ. Ихъ мистицизмъ превращался въ аскетическую суровость, въ подозрительное недовѣріе къ новымъ движеніямъ въ литературѣ и обществѣ и въ самое ребяческое легковѣріе ко всему, что казалось имъ выполненіемъ ихъ маго-кабалистическихъ теорій. Въ тѣхъ нововведеніяхъ, которыя прорывались въ жизнь, они видѣли одну гибель и козни вѣчнаго врага человѣчества: въ новыхъ литературныхъ идеяхъ имъ мерещилось то «иллюминатство», которымъ нѣкогда напугали ихъ берлинскіе наставники; они не любили университетовъ, противъ которыхъ вооружали ихъ старые алхимическіе авторитеты и на которые начала теперь доносить пошлая толпа обскурантовъ реставраціи. Въ своихъ взглядахъ на вещи эти старые мистики сошлись теперь съ графомъ Жозефомъ де-Местромъ, который также не любилъ науки и также находилъ нужнымъ искоренить «лжеименный разумъ». Наконецъ, высшимъ пунктомъ ихъ желаній было стремленіе къ надзвѣзднымъ областямъ, которыя такъ подробно описывались въ ихъ книгахъ. Мистическое истолкованіе Библіи уже издавна было предметомъ ихъ величайшаго любопытства и стараній.

Характеристическимъ представителемъ ихъ школы былъ теперь Лабзинъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника», начатаго имъ въ первые годы царствованія императора Александра и вскорѣ запрещеннаго, потомъ начатаго вновь и опять запрещеннаго. Старыя масонскія преданія Лабзинъ подновлялъ послѣдними изобрѣтеніями мистицизма, преимущественно Юнгомъ Штиллингомъ и Эккартсгаузеномъ. Его журналъ въ особенности можетъ

считаться выраженіемъ тенденцій, которыми отличались послѣ всѣ ревностные члены Библейскаго Общества. Лабзинъ, какъ и его наставники, вообще не удовлетворялся обычнымъ церковнымъ порядкомъ: этотъ порядокъ казался ему слишкомъ сухимъ и недѣятельнымъ, и его собственные вкусы клонились въ ту сторону, куда вели тогдашніе фантазеры и фанатики. Его новѣйшій мистицизмъ доставилъ ему друзей и въ той части духовенства, которая пристала къ Библейскому Обществу съ надеждами и ожиданіями. Лабзинъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ библейскаго комитета, и въ числѣ людей, стоявшихъ съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, былъ Филаретъ, который въ эту пору своей жизни отдалъ не малую дань тогдашнему мистицизму [1]).

Наконецъ, еще въ первой половинѣ царствованія императора Александра возобновились и органы масонства—ложи, особенное распространеніе которыхъ опять совпадаетъ съ наиболѣе оживленными годами Библейскаго Общества. Дѣятельность этихъ ложъ до сихъ поръ [1868] еще мало извѣстна и мы затрудняемся опредѣлить направленія, получавшія въ нихъ мѣсто. Повидимому, здѣсь соединялись весьма различныя тенденціи, и въ масонскихъ ложахъ того времени жило какъ старое розенкрейцерство и библейскій мистицизмъ, такъ и тенденціи новаго политическаго либерализма,—это послѣднее, конечно, только въ отдѣльныхъ случаяхъ и отдѣльныхъ личностяхъ, потому что люди радикальныхъ наклонностей выдѣлились тогда, какъ извѣстно, въ особые кружки и общества, изъ которыхъ вышли потомъ такъ называемые декабристы. Но масонство и теперь сохраняло многое изъ прежняго характера и давало новыхъ послѣдователей піэтизму.

Когда піэтистическія наклонности библейскихъ дѣятелей получили достаточное развитіе и силу, онѣ естественно должны были найти себѣ и извѣстное практическое выраженіе. Піэтистамъ

---

[1]) Сушковъ, стр. 258. «Встрѣчи, знакомство, связи съ такъ называемыми мистиками имѣли на него (Филарета), хотя не безусловное и не продолжительное, вліяніе. Кн. Голицынъ, Лабзинъ, Серафимъ и Михаилъ навели его вниманіе на труды восторженнаго Сведенборга, на гаданія Эккартсгаузена, на мечтанія поэтическія Юнга Штиллинга и госпожи Гіонъ. Была пора довѣрчивости и увлеченій» и проч. Г. Сушковъ можетъ быть слишкомъ стѣсняетъ періодъ мистическихъ воззрѣній Филарета; потому что, въ нѣсколько иной формѣ, они продолжались и послѣ, какъ видно изъ самой книги Сушкова.

недостаточно казалось обыкновенныхъ формъ благочестія, и они усвоиваютъ себѣ различные пріемы піэтизма, какіе находили у своихъ иностранныхъ друзей и наставниковъ. Самъ императоръ Александръ, какъ разсказываютъ, молился съ квакеромъ Грелье; еще прежде онъ участвовалъ въ моленіяхъ г-жи Крюднеръ, въ которыхъ было нѣчто похожее на методизмъ. Князь Голицынъ, повидимому особенно стремился къ изысканной религіозности и также совершалъ квакерскія моленія въ ожиданіи осѣненія святымъ Духомъ [1]). Князь Ливенъ, одинъ изъ вице-президентовъ комитета, былъ настоящій геррнгутеръ [2]). Баронъ Б. И. Фитингофъ, братъ г-жи Крюднеръ, также вице-президентъ петербургскаго комитета, сочувствовалъ религіознымъ идеямъ своей сестры и участвовалъ въ ея особеннаго рода молитвахъ [3]). Госнеръ и Линдль привлекали къ себѣ и русскихъ слушателей; методисты и квакеры дѣлались предметомъ особеннаго вниманія и удивленія. Это былъ піэтизмъ европейскій. Но вмѣстѣ съ нимъ были въ Библейскомъ Обществѣ образчики своего, болѣе домашняго піэтизма. Такъ, Вигель разсказываетъ о Бантышъ-Каменскомъ,—котораго мы упоминали, какъ одного изъ главныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ учрежденію Библейскаго Общества въ Москвѣ, и который лично собралъ для него большую сумму пожертвованій,—черты, которыя, въ менѣе сильной степени, могутъ быть характеристичны

---

[1]) Зап. Вигеля, III, ч. VI, 38. «Онъ (кн. Голицынъ) посѣщалъ богослуженія различныхъ раскольничьихъ сектъ, находившихся въ Петербургѣ, и одной изъ нихъ умѣлъ выпросить помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ». Это—общество Татариновой, помѣщавшееся въ Инженерномъ замкѣ.

[2]) Зап. Вигеля, III, ч. VII, 140—141. «На лицѣ его (К. А. Ливена) было написано благодушіе, изображающее совершенно спокойное состояніе духа, плодъ истинно христіанскихъ чувствованій, коими былъ онъ проникнутъ... Онъ принадлежалъ къ сектѣ геррнгутеровъ или моравскихъ братій, германскихъ староверовъ... Въ остзейскихъ губерніяхъ дворянство его ненавидѣло за быстрое распространеніе сей секты между жителями; въ короткое время число сектаторовъ его стараніями отъ трехъ тысячъ возросло до сорока... Случалось иногда, что присланный откуда-нибудь чиновникъ, съ важнымъ порученіемъ, застанетъ его въ залѣ, громко распѣвающаго псалмы передъ налоемъ. Онъ обернется къ нему, выслушаетъ его, но, не отвѣчая ему, продолжаетъ свою литургію. Уже по окончаніи ея примется за дѣло».

[3]) «Mon frère est arrivé,—говоритъ г-жа Крюднеръ въ одномъ письмѣ (около 1818 г.): sa piété est vraie et active... Nous priâmes l'autre jour ensemble, en larmes et prières ferventes. Eynard, II, 307.

для многихъ другихъ библейскихъ дѣятелей. Воспитанный въ славяно-греко-латинской академіи, Бантышъ-Каменскій еще съ молода удаленъ былъ отъ общественной жизни физическимъ недостаткомъ (глухотой) и склонностью къ кабинетнымъ занятіямъ, и сталъ суровъ и нелюдимъ. «Лицо примѣчательное,—говоритъ Вигель,—которое рѣшительно не принадлежало ни къ одному изъ двухъ состояній; это былъ старый семинаристъ, бѣлый монахъ, свѣтскій архіерей. Со всѣми преосвященными велъ онъ обширную и частую переписку, и былъ совѣтникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ; онъ умственно жилъ въ духовномъ мірѣ семъ, и, такъ сказать, былъ цѣпью его съ грѣшнымъ нашимъ свѣтомъ...» [1]).

Такихъ свѣтскихъ архіереевъ, или по крайней мѣрѣ іеромонаховъ, было много въ Библейскомъ Обществѣ; эти свѣтскіе іеромонахи принимали на себя тонъ благочестія и подвижничества, подобающій ихъ значенію, и мы упоминали выше, что корреспонденты общества съ самаго начала стали даже писать не иначе, какъ въ церковномъ стилѣ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ существованія Общества, его дѣятели составили особый общественный слой съ своими типическими примѣтами.

Наконецъ, для этихъ дѣятелей потребовалось высшее піэтистическое возбужденіе, которое удовлетворило бы ихъ экзальтаціи, и это возбужденіе доставлено было извѣстнымъ обществомъ Татариновой. Объ этомъ Обществѣ въ послѣднее время явилось довольно много разсказовъ въ нашей литературѣ, намъ нѣтъ надобности повторять ихъ: достаточно сказать, что собраніе общества было странной религіозной оргіей, напоминающей шамановъ, хлыстовъ и т. п. [2]), и для насъ важно упомянуть только

[1]) Записки, I, ч. I, 171.

[2]) Зап. Вигеля, III, ч. VI, стр. 38—39. «... Верховная жрица, нѣкая госпожа Татаринова, посреди залы садилась въ кресла, мужчины садились вдоль по стѣнамъ, женщины становились передъ нею, ожидая отъ нея знака; когда она подавала его, женщины начинали вертѣться, мужчины пѣть, подъ тактъ ударяя себя въ колѣна, сперва тихо и плавно, а потомъ все громче и быстрѣе... Въ изнеможеніи, въ изступленіи, тѣмъ и другимъ начинало что-то чудиться. Тогда изъ среды ихъ выступали вдохновенные, иногда мужикъ, иногда простая дѣвка, и начинали импровизировать нѣчто ни на что непохожее. Наконецъ, едва передвигая ноги, всѣ спѣшили къ трапезѣ, отъ которой нерѣдко вкушалъ самъ министръ духовныхъ дѣлъ» и т. д.

Ср. также *Сушкова,* Зап. о жизни митрополита Филарета, стр. 75—78; Записки *Панаева.* «В. Европы», 1867, IV, стр. 85.

тотъ фактъ, что наиболѣе ревностные друзья Татариновой и участники ея изувѣрныхъ вакханалій нашлись именно между членами Библейскаго Общества. Главнѣйшіе изъ этихъ друзей были: Лабзинъ и В. М. Поповъ, одинъ—директоръ, другой—секретарь Библейскаго Общества; кромѣ того, были здѣсь Ѳ. И. Пряничниковъ, Ю. Н. Бартеневъ; бывалъ здѣсь и кн. Голицынъ, президентъ Библейскаго Общества. Любопытно, наконецъ, какъ императоръ Александръ отзывался объ одномъ изъ членовъ секты, А. Г. Милорадовичѣ, въ письмѣ къ его отцу (въ 1818 году), который встревожился участіемъ сына въ этихъ собраніяхъ. Похваливъ его ревность къ службѣ (въ Семеновскомъ полку) и нравственность, императоръ писалъ: «Я старался проникнуть его связи и, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ [1]), нашелъ, что тутъ ничего такого нѣтъ, чтобы отводило отъ религіи; *напротивъ*, онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности» [2]).

Со всѣми этими религіозными увлеченіями и блужданіями еще можно было бы мириться, если бы они остались дѣломъ частнаго личнаго мнѣнія; ихъ можно было нѣсколько извинить въ обществѣ, которое въ первый разъ попадало на дорогу религіознаго броженія и не умѣло справиться съ новыми предметами; но самое дурное и зловредное было здѣсь то, что этотъ піэтизмъ и мистика, терявшіе всякую мѣру, превращались въ открытый, наглый и злостный *обскурантизмъ*, безраздѣльно господствовавшій въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ годовъ правленія императора Александра. Библейскому Обществу печальная судьба привела быть главнымъ соединеніемъ людей подобныхъ тенденцій, и, хотя собственная дѣятельность Общества, состоявшая въ изданіи и распространенія книгъ, вовсе не предполагала необходимо этихъ тенденцій и могла бы остаться чистой отъ этой грязи, но присутствіе злѣйшихъ обскурантовъ именно въ средѣ Библейскаго Общества, поставило ихъ въ естественную связь, и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ набросило на все Общество незавидную репутацію этихъ лицъ. Когда обскуранты перешли мѣру и новое наступившее

[1]) Полученнымъ, вѣроятно, черезъ того же кн. Голицына.
[2]) «Р. Архивъ», 1864, 2-е изд., ст. 784.

правительство рѣшилось положить конецъ ихъ дѣяніямъ,—для этого найдено было нужнымъ закрыть само Библейское Общество, и въ понятіяхъ времени это казалось послѣдовательнымъ... Закрытіе Общества, конечно, не рѣшило коренного вопроса, который былъ замѣшанъ въ его существованіи: его лучшія стороны были уничтожены; его обскурантизмъ уничтоженъ не былъ,—онъ тотчасъ воротился въ нѣсколько иныхъ формахъ...

Откуда явился этотъ обскурантизмъ?

Онъ всегда бываетъ естественнымъ спутникомъ необузданной мистики, и слабость общественнаго образованія въ особенности способна давать ему силу. Въ тогдашнихъ условіяхъ господству его способствовали вообще реакціонный характеръ времени и личные взгляды самого императора. Библейское Общество втягивалось въ обскурантизмъ мало-по-малу.

Въ русскомъ Обществѣ всего болѣе должны были, конечно, отразиться тѣ изъ идей Британскаго Общества, которыя больше соотвѣтствовали степени развитія общественнаго ума. У насъ не столько получила силу филантропическая забота о низшихъ классахъ, или стремленіе къ народному образованію, или миссіонерство между языческими и магометанскими инородцами,— сколько піэтизмъ. Для своего развитія піэтизмъ вообще не требуетъ особаго ума или образованности (въ отдѣльномъ человѣкѣ или въ обществѣ—все равно), и даже бываетъ обыкновенно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ихъ меньше; поэтому онъ распространялся такъ сильно у насъ. Общество не было привычно къ строгой мысли, и піэтизмъ еще облегчалъ его въ этомъ отношеніи, потому что, превознося силу вѣры, онъ усиленно унижалъ «тщету знанія» и «лжеименный разумъ». Филиппики нашихъ библейскихъ ревнителей противъ этого бѣднаго «лжеименнаго разума» были тѣмъ забавнѣе, что эти ревнители, въ сущности, были очень мало знакомы съ тѣмъ, что собственно тогда говорилъ и дѣлалъ этотъ разумъ... Они, конечно, не могли скрыть своего незнанія отъ самихъ себя, и вопли противъ разума служили какъ будто нѣкоторымъ извиненіемъ ихъ невѣжества: если этотъ разумъ, т. е. тогдашняя наука, есть лжеименный, то къ чему же и трудиться надъ тѣмъ, что онъ выдумываетъ? Наши ревнители обыкновенно и не трудились...

Имъ казалось, что такъ же думаютъ и въ Европѣ. Были, конечно, и въ Европѣ обскуранты подобнаго сорта, какъ другъ

Іезуитовъ, графъ де-Местръ, бесѣдами котораго услаждался гр. Разумовскій,—до Голицына, министръ народнаго просвѣщенія и вице-президентъ Библейскаго Общества;—но вообще уровень европейскаго образованія былъ такъ высокъ, что не могъ допустить надолго господства такихъ дикихъ крайностей, какія потомъ обильно процвѣли у насъ. Членамъ нашего Библейскаго Общества могло казаться, напримѣръ, что въ борьбѣ противъ разума съ ними согласно и Британское Общество. И дѣйствительно, оно не было свободно отъ піэтизма, и въ отдѣльныхъ случаяхъ его корреспонденціи заключали въ себѣ фразы, которыя можно было толковать въ подобномъ смыслѣ. Наши ревнители не замѣчали только, что за этими нѣсколькими фразами идетъ, однако, нѣчто другое, идетъ энергическій трудъ, прямая практическая дѣятельность, школьная, миссіонерская, филантропическая,—такъ что и фразы говорили въ сущности не то, что вычитывали въ нихъ наши «свѣтскіе архіереи».

Напримѣръ. Въ корреспонденціи 1816 года, въ одномъ письмѣ Штейнкопфа, мы читаемъ о «новыхъ опроверженіяхъ противъ Библейскаго Общества» и новыхъ противникахъ, нападающихъ на Общество. «Я не удивляюсь,—говоритъ Штейнкопфъ,—что число ихъ возрастаетъ; ибо дѣйствительно торжество библейскаго дѣла въ разныхъ странахъ свѣта столь велико, что *владычество грѣха и заблужденія* сотрясается уже въ основаніи своемъ, и *царство Христово* возстаетъ на его развалинахъ. Мы быстро подвигаемся къ тому преславному періоду времени, которое предвозвѣщено пророчествами, и столь долго и нетерпѣливо ожидаемо было благомыслящими людьми во всѣхъ вѣкахъ. Но и *сопостатъ нашъ* не перестанетъ напрягать силы свои для обороны твердыни своей, изъ которой онъ угрожается теперь быть изгнаннымъ» [1].

Эта тема множество разъ повторена была нашими библейскими дѣятелями; но въ сущности она имѣла одинъ смыслъ, сказанная Штейнкопфомъ, и другой—сказанная, напр., Лабзинымъ, Руничемъ или архим. Ѳеофаномъ: первый былъ все-таки образованнѣе послѣднихъ, и борьба съ «сопостатомъ» была у нихъ разная...

Въ томъ же 1816 г. президентъ Британскаго Общества пишетъ къ кн. Голицыну: «намъ остается только молить Бога,

---

[1]) Отч. 1816, Приб. XXV.

чтобы сей истинный духъ вѣры день со дня болѣе утверждался и распространялся, чтобы духовное *царствіе Божіе* преуспѣвало чрезъ сіяніе святого слова Его, и чтобы подъ вліяніемъ онаго *міръ*, столь долгое время являвшій ужасное зрѣлище неустройства и разврата, возмогъ отнынѣ начать новый періодъ *благоденствія* и *общественнаго порядка*, чтобы *тишина* и *дружелюбіе* поселилось между всѣми народами» [1]). Не трудно видѣть, что этотъ идеалъ тишины и дружелюбія, благоденствія и порядка вовсе не былъ похожъ на то, къ чему стремились наши доморощенные обличители «горделивыхъ мнимо просвѣщенныхъ», «ученія и мудрости бѣсовской» и т. п. Мы безпрестанно находимъ эти мысли и выраженія въ рѣчахъ князя Голицына, Серафима, Магницкаго и множества другихъ предводителей библейскаго дѣла и т. д., и припомнимъ, что въ категорію «горделивыхъ мнимо просвѣщенныхъ» попадали, въ глазахъ библейскихъ прозелитовъ, такіе люди, какъ Уваровъ и Карамзинъ...

Это мракобѣсіе, какъ мы замѣтили, естественно выходило изъ того піэтизма, который съ самаго начала овладѣвалъ Библейскимъ Обществомъ. Мистики вообще воображаютъ себя единственными и особенно уполномоченными хранителями высшей истины и оттого отличаются обыкновенно крайней нетерпимостью. Свѣтское, скептическое знаніе составляетъ для нихъ предметъ крайняго отвращенія и ненависти, и мракобѣсіе бываетъ тѣмъ сильнѣе и безсмысленнѣе, чѣмъ грубѣе піэтизмъ и чѣмъ ограниченнѣе собственное образованіе,—а у нашихъ піэтистовъ образованіе вообще было весьма поверхностно. Припомнимъ изъ біографіи Магницкаго, въ какое глупое положеніе становился цѣлый университетъ, затѣвавшій обличать «мнимое просвѣщеніе» по программѣ своего попечителя...

Итакъ, если обскурантизмъ долженъ былъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ усиливались піэтистическія тенденціи, то теперь для этого наступало замѣчательно благопріятное время. Извѣстно, какимъ образомъ Священный Союзъ сталъ оффиціальнымъ фундаментомъ для реакціи; какимъ образомъ европейскія волненія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ постоянно представляемы были императору и, наконецъ, приняты имъ какъ именно тотъ врагъ, съ которымъ онъ обязалъ себя бо-

---

[1]) Тамъ же, Приб. XLI.

роться всѣми силами—нравственными и военными. При такомъ положенiи вещей, въ общественной жизни понятнымъ образомъ отступили на заднiй планъ прежнiя, либеральныя и просвѣтительныя тенденцiи, и мѣсто ихъ занялъ пiэтистическiй консерватизмъ и «сервилизмъ», какъ называлъ это Карамзинъ. Кн. Голицынъ, предсѣдательствующiй въ Библейскомъ Обществѣ, управляющiй народнымъ просвѣщенiемъ и духовными дѣлами, молящiйся съ квакерами, бывающiй въ собранiяхъ Татариновой, гнетущiй и преслѣдующiй литературу, превращающiй университеты въ какiя-то казармы пiэтизма,—былъ однимъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ императора, однимъ изъ сильнѣйшихъ людей въ государствѣ и былъ чрезвычайно характеристическимъ представителемъ всей системы... Для честолюбивыхъ интригановъ въ это время всего выгоднѣе было надѣть на себя маску благочестиваго смиренiя, выставить себя бойцомъ противъ разрушительныхъ «адскихъ» силъ и т. п., и эта маска давала имъ полный успѣхъ. Таковъ былъ Магницкiй. Онъ думалъ, что совершенно понялъ характеръ времени, и наглымъ образомъ эксплуатировалъ кн. Голицына, который легко ему подчинился. Магницкiй сыпалъ звонкими фразами въ духѣ времени, говоря безпрестанно о небѣ и объ адѣ, о спасенiи и гибели, о Богѣ и о князѣ тьмы: къ служителямъ Бога онъ относилъ самого себя и своихъ покровителей, къ служителямъ князя тьмы онъ безцеремонно причислялъ всѣхъ и все, что ему было непрiятно и мѣшало,—и пугалъ всѣхъ этимъ благочестиво-легковѣрныхъ людей. Въ министерствѣ онъ сталъ правой рукой кн. Голицына, или даже просто распоряжался имъ, какъ хотѣлъ; въ Библейскомъ Обществѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ гнусныхъ ханжей и обскурантовъ, сдѣлавшихъ все Общество ненавистнымъ для порядочныхъ людей...

Личность самого кн. Голицына еще ждетъ своего историческаго опредѣленiя; не знаемъ, насколько ясны были его представленiя о томъ, какое дѣло онъ дѣлалъ; несомнѣнно только, что въ устроенной имъ самимъ его обстановкѣ, если и были люди искреннiе, то все-таки на большую долю это были вредные фанатики; а затѣмъ были и самые отвратительные интриганы и обманщики, надѣлавшiе подъ его руководствомъ много вреда. Легкость свѣтскаго образованiя не позволяла кн. Голицыну понять окружающихъ обстоятельствъ и свою собственную задачу, какъ въ министерствѣ, такъ и въ Библейскомъ Обще-

ствѣ. Министръ просвѣщенія сталъ врагомъ и гонителемъ просвѣщенія.

И въ томъ, и въ другомъ въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ были одни и тѣ же люди. Самъ министръ былъ президентомъ Общества; секретарями библейскаго комитета были ближайшіе чиновники министра, директоры департаментовъ—Поповъ и Тургеневъ; попечители университетовъ и ученыхъ округовъ, гр. К. А. Ливенъ (въ Дерптѣ), З. Я. Карнѣевъ (въ Харьковѣ), М. Л. Магницкій (въ Казани), впослѣдствіи Руничъ (въ Петербургѣ), кн. А. П. Оболенскій (въ Москвѣ) были вице-президенты или директоры библейскихъ комитетовъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ (въ качествѣ членовъ главнаго правленія училищъ, попечители могли проживать въ Петербургѣ); другіе члены правленія училищъ и ученаго комитета, Н. И. Фусъ, Адеркасъ, И. И. Мартыновъ, А. С. Стурдза, были членами библейскаго комитета или, по крайней мѣрѣ, ревностными «благотворителями» или приверженцами тѣхъ же идей. Библейское Общество почти отождествлялось съ министерствомъ; и понятно само собою, что надо было сдѣлаться ревностнѣйшимъ библейскимъ дѣятелемъ, чтобы получить роль въ министерствѣ или вообще въ той сферѣ, которая находилась подъ вліяніемъ кн. Голицына.

Магницкій воспользовался европейскими происшествіями въ 1819 году, чтобы еще больше напугать правительство и доказывать необходимость предлагаемой имъ системы [1]). Но мнѣнія свои въ этомъ смыслѣ онъ началъ излагать еще раньше, что и доставило ему расположеніе кн. Голицына и мѣсто въ министерствѣ. Магницкій, конечно, скоро сообразилъ, что ему надо сдѣлаться библейскимъ дѣятелемъ. Въ 1817 г., когда онъ былъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, начались приготовленія къ основанію здѣсь библейскаго отдѣленія, которое и было открыто 1 января 1818 г. При открытіи его, Магницкій сказалъ рѣчь, въ высшей степени характеристичную, какъ образчикъ той системы, которую онъ проповѣдовалъ впослѣдствіи и осуществлялъ на практикѣ въ несчастномъ Казанскомъ университетѣ. Мы считаемъ не лишнимъ привести изъ нея нѣсколько отрывковъ [2]).

---

[1]) См. объ этомъ годѣ въ «Р. Арх.» 1867 г., ст. 861—878.

[2]) Тѣмъ больше, что біографъ Магницкаго не воспользовался ею. Другія свѣдѣнія о библейской дѣятельности Магницкаго см. въ статьѣ г. Попова о Казанскомъ обществѣ любителей отеч. словесности («Р. Вѣстн.» 1859 г., т. XXIII) и въ книгѣ г. Ѳеоктистова.

Вся рѣчь построена на противоположенiи «политики мiра сего» и «видовъ Провидѣнiя», которые,—надобно было предполагать,—были ему совершенно извѣстны; къ этому Магницкiй сводитъ всю исторiю мiра и всю современную исторiю и проповѣдуетъ борьбу противъ «духа тьмы», подлаживаясь, конечно, подъ «актъ Священнаго Союза», которымъ онъ всегда нагло закрывался. По всегдашнему обыкновенiю Магницкаго, рѣчь написана съ напыщеннымъ драматизмомъ, которымъ онъ надѣялся достигать эффекта, и въ извѣстной публикѣ, кажется, достигалъ его. Читая эту рѣчь теперь, удивляешься только, какимъ образомъ эта пошлая ложь и отвратительно лицемѣрная риторика могла кого-нибудь обманывать?—Впрочемъ, подобная литература, въ немного только иной формѣ, существовала и послѣ, и до нашихъ дней; Магницкiй есть, конечно, первый родоначальникъ этой позднѣйшей и нынѣшней литературы лицемѣрiя и доноса.

Призвавъ Божiе благословенiе на начинаемое «святое и великое дѣло», Магницкiй прямо приступаетъ къ предмету.

«Всѣ царства и народы земные, очевидно, движутся двумя силами: политикой мiра сего, и тѣмъ, что въ обществѣ называется,—судьба, то-есть, видами Провидѣнiя. Глава политики мiра сего есть князь его. Глава Провидѣнiя небеснаго—Господь нашъ Iисусъ Христосъ. По первой, народы земные отъ поклоненiя Богу истинному, пришли къ идолопоклонству: воскурились фимiамы въ капищахъ; на жертвенникахъ пролилась кровь человѣческая. Идолы, духами тьмы одушевленные (!), стали прорицать будущее (!). Послѣ многихъ народовъ, истребленныхъ и возникшихъ, толпа разбойниковъ [1]) основала обширнѣйшую въ свѣтѣ идолопоклонническую имперiю. Торжество князя тьмы казалось совершеннымъ. Вся извѣстная вселенная ему поклонялась. По видамъ Провидѣнiя небеснаго, въ уголку мiра, въ одной изъ отдаленнѣйшихъ провинцiй римской имперiи, горѣло всесожженiе на алтарѣ истиннаго Бога, окруженное малочисленнымъ, непросвѣщеннымъ народомъ.

«Дотолѣ ходъ Провидѣнiя состоялъ въ томъ, чтобы огонь чистой вѣры въ истиннаго Бога теплился, не угасая, посреди бурь, княземъ тьмы воздвигаемыхъ, покуда не придетъ время обратиться ему въ пламень и объять вселенную.

---

[1]) Т. е. римляне.

«Движеніе свѣтилъ небесныхъ показало великую сію годину....

«Совершается Рождество Іисуса Христа.

«Глава политики міра сего, не понимавшій, какъ видно, дотолѣ сего таинства, узналъ его; всѣ силы ада устремились на истребленіе Божественнаго Младенца. Но воинства небесныя не подвигались на Его огражденіе: старецъ и младая матерь защитили Его одни отъ соединенныхъ силъ земли и ада — уединеніемъ. Посягнувшій на убійство Его — живой пожирается червями».

Дальше съ такой же фантазіей изображается проповѣдь Іисуса Христа и противодѣйствіе ей со стороны князя тьмы,— съ явными намеками и параллелями. — Проповѣдь ученія начинается, но его окружаютъ трудности:

«...Какъ понять его (ученіе)? Оно отвратно уму, ибо совершенно ему противоположно (!) и требуетъ отъ него одной покорности и молчанія. Оно противно страстямъ, ибо требуетъ ихъ умерщвленія, и не того совершенства, котораго требовала *философія*, не той пышной добродѣтели, за которую такъ щедро вознаграждала она самолюбіе; оно требуетъ смерти сего самолюбія, требуетъ въ жертву всѣхъ благороднѣйшихъ чувствъ сердца, и обѣщаетъ за то что же?—гоненія, презрѣніе, ненависть отъ людей и казни. Какъ понять и полюбить такое ученіе?

«Правда, что чудеса подкрѣпляютъ его. Законы природы измѣняются по гласу Учителя. Но что до того? Князь тьмы берется и умѣетъ разъяснить все сіе по своему: ученіе найдено противнымъ разуму, а чудеса Учителя приписаны тому, что Онъ бѣса имѣетъ. Но какъ, въ то же время, Онъ называетъ себя Сыномъ Божіимъ и Царемъ, то признанъ общественному порядку опаснымъ и опредѣленъ на казнь. Нѣсколько разъ посягаютъ сіе исполнить; но часъ еще не пришелъ».

Наконецъ, время пришло: «въ часъ тьмы настало время минутнаго торжества князя тьмы». Но страданіе и смерть Христа совершились. Ученики его, двѣнадцать простолюдиновъ, идутъ на проповѣдь, и римскіе императоры испугались; начались гоненія, но казни только умножили число христіанъ.

«Такъ восторжествовало тогда Провидѣніе небесное, средствами тихими, простыми и таинственными, надъ политикою ада».

Царство князя тьмы поколебалось; идолы умолкли и пали. Свѣтъ Христовъ озарилъ, мало-по-малу, всю вселенную. «Политика князя тьмы, не могшаго уничтожить открыто преобладанія Искупителя, измѣнилась въ дѣйствіяхъ своихъ; но не въ предметѣ». Начались ереси и раздѣленія въ самой церкви.

«Но для князя тьмы сего не довольно. Нужно, чтобъ было поклоненіе ему въ видѣ какихъ-либо идоловъ. Наружныхъ возстановить было уже невозможно: просвѣщенные народы не стали бы имъ поклоняться. Выдуманъ новый идолъ—*разумъ человѣческій*. Богословія сего идола—*философія*. Жрецы его—*славнѣйшіе писатели разныхъ вѣковъ и странъ* [1]). Началось поклоненіе идолу разума. Мракъ философіи затемнилъ опять свѣтъ Христовъ. Просвѣщеннѣйшій изъ народовъ сбросилъ съ себя златыя цѣпи гражданскаго порядка; опрокинулъ алтари Христовы; воздвигнулъ капища нравственныя идоламъ, и какъ потокъ, надутый всѣми мерзостями злочестія и разврата, выступилъ изъ береговъ своихъ, и не разъ угрожалъ затопить всю христіанскую Европу. Волканъ революціи выбросилъ изъ себя истиннаго сподвижника князя міра сего — сподвижника, доселѣ невиданнаго: безбоженъ—онъ возстановляетъ религію; возстановивъ ее, онъ оскверняетъ алтари и разрушаетъ ея храмы; въ буйствѣ и безуміи своемъ мечтаетъ о покореніи вселенной, и все ему благопріятствуетъ. Падаютъ троны, покоряются народы...»

Это, конечно, Наполеонъ.

«На краю порабощенной Европы остается одна Россія. Въ расчетахъ *земной политики*, и она должна покориться соединеннымъ силамъ двадцати народовъ. Войско, ее защищающее, отступаетъ: взята Москва. Всѣ вѣроятія земныя были, что и Россія, подобно другимъ, купитъ постыдный миръ пожертвованіемъ силы и славы своей, и, наконецъ, падетъ подъ иго сподвижника князя тьмы. Все такъ казалось; но не такъ быть долженствовало по *планамъ Провидѣнія* Царя небеснаго...»

Россія одерживаетъ побѣду,—торжество было ея предназначеніемъ.

«Врагъ выгнанъ. Предѣлы святой Руси очищены отъ богомерзкаго его присутствія. Но сего не довольно. Въ *видахъ Провидѣнія* Парижъ долженъ пасть къ ногамъ крестнаго Рыцаря,

---

[1]) Курсивы въ подлинникѣ.

который на торжищѣ его водрузитъ крестъ Христовъ, и заставя преклонить предъ нимъ колѣна тѣхъ самыхъ, кои поругались ему посреди разрушенныхъ и оскверненныхъ храмовъ нашихъ, отмститъ за оскорбленіе Москвы христіанскимъ милосердіемъ. Онъ, вмѣсто присвоенія себѣ всей славы великихъ событій, исповѣдуетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, что былъ единымъ исполнителемъ воли Того, за чье Царство ратоборствуетъ, и всѣ неслыханные дотолѣ сіи подвиги заключилъ вѣчнымъ союзомъ царей, посвящающихъ себя служенію царства Божія.

«Не очевидно ли изъ сихъ великихъ, быстро и токмо мимоходомъ мною пробѣгаемыхъ событій, что на земли царство тьмы борется непрестанно съ царствомъ свѣта; что борьба сія непрестанно увеличивается, измѣняясь только въ видахъ своихъ... Не одна война составляетъ борьбу царства тьмы съ царствомъ свѣта. Князь міра сего и идолопоклонствомъ, и развращеніемъ нравовъ, и *философіею*, на распространеніе своего владычества дѣйствуетъ...»

Князь тьмы не дремлетъ и нынѣ... [1]).

Такимъ образомъ представлена была исторія борьбы свѣта съ тьмою отъ начала міра и до открытія симбирскаго отдѣленія Библейскаго Общества: «великій ратоборецъ царства свѣта, вложивъ обвитый лаврами мечъ въ ножны, воюетъ мечемъ Слова Божія», то-есть, «примѣромъ благочестія и распространеніемъ благовѣстія книгъ священныхъ», и т. д.

Итакъ, Магницкій ставилъ дѣятельность библейскихъ обществъ исполненіемъ той программы, которая принята была союзомъ царей противъ князя тьмы. Свои правила онъ приложилъ къ дѣлу сначала основаніемъ симбирскаго библейскаго отдѣленія, потомъ знаменитой ревизіей Казанскаго университета. Сдѣлавшись потомъ попечителемъ этого университета и членомъ главнаго правленія училищъ, Магницкій сталъ дѣйствовать шире и задумывалъ планы смѣлѣе; въ 1821 году, по его инстигаціямъ, устроена извѣстная возмутительная исторія съ Петербургскимъ университетомъ, въ которой Руничъ былъ, конечно, только его усерднымъ орудіемъ. Смыслъ этой исторіи, кажется, ясенъ: Магницкому мѣшали не Германъ или Раупахъ; они пригодились ему какъ аргументы, чтобы доказать распространеніе гибельнаго вольнодумства, слѣдовательно, свергнуть Уварова, въ которомъ онъ

---

[1]) Отч. 1817 г., Приб. XXVIII.

видѣлъ опаснаго противника своимъ планамъ. Планы состояли въ распространеніи его системы изувѣрства и обскурантизма на всѣ остальные университеты, послѣ чего онъ надѣялся, конечно, стать во главѣ управленія, устроеннаго по его мысли. Судя по разсказамъ, его планы на этомъ не кончились: разсказываютъ, что въ нашихъ архивахъ долженъ существовать документъ, заключающій въ себѣ проектъ Магницкаго о цѣлой государственной системѣ управленія, строго основанной на его принципахъ: все государство должно было управляться такъ, какъ онъ правилъ Казанскимъ университетомъ...

Впрочемъ, характеръ его взглядовъ достаточно ясенъ и изъ тѣхъ документовъ, какіе извѣстны [1]).

Во всемъ этомъ способѣ представлять вещи, сыпать эффектными и шумящими фразами, пугать революціей и дьяволомъ, Магницкій чрезвычайно напоминаетъ одного знаменитаго писателя по этой части—графа Жозефа де-Местра, ревностнаго и вѣрнаго друга іезуитовъ. Это была одна и та же іезуитская система, которая, въ концѣ концовъ, желала возвращенія настоящей инквизиціи; графъ Жозефъ де-Местръ—въ своихъ размышленіяхъ о правленіи народами—пришелъ къ извѣстной апотеозѣ палача, въ которомъ онъ прямо видѣлъ главнѣйшую основу общества; Магницкій, въ гнусномъ каламбурѣ, выражалъ желаніе *иллюминовать* какого-то писателя, который показался ему иллюминатомъ. Теперь невозможно читать безъ отвращенія эти вопли обезумѣвшихъ отъ мракобѣсія фанатиковъ, и безъ глубокаго сожалѣнія подумать о тѣхъ людяхъ, въ рукахъ которыхъ было обширное вліяніе на общественныя дѣла и которые руководились подобными наставленіями, не сознавая, что творятъ... Обществу и цѣлой націи приходилось платиться новымъ распространеніемъ невѣжества.

Мы привели рѣчь Магницкаго, какъ одинъ изъ характерныхъ образчиковъ теоретическихъ положеній обскурантизма, который сталъ властвовать въ послѣдніе годы императора Александра. Само собою разумѣется, что мы могли бы привести еще множество подобныхъ цитатъ. Изъ нихъ мы выберемъ еще одну,—изъ рѣчи одного лица, которое впослѣдствіи дало врагамъ Об-

---

[1]) См., кромѣ книги г. Ѳеоктистова, „Матеріалы для ист. образованія въ Россіи въ царствованіе императ. Александра I», г. Сухомлинова; различные документы въ «Р. Архивѣ» и проч.

щества свой влiятельный голосъ,—хотя теперь возлагало на дѣятельность Общества тѣ же самыя надежды, какъ и всѣ его приверженцы, и выражало тѣ же наклонности къ обскурантизму, какiя отличали самыхъ фанатическихъ изъ этихъ приверженцевъ.

Въ этой рѣчи, произнесенной въ генеральномъ собранiи московскаго общества, изображается, по обыкновенiю, спасительное дѣйствiе Слова Божiя, и «неимовѣрное распространенiе библейскими обществами книгъ св. писанiя» между народами названо прямо исполненiемъ пророчества [1]). Затѣмъ ораторъ продолжаетъ:

«Между тѣмъ и врагъ рода человѣческаго не дремлетъ; и онъ также отъ самаго начала вѣка началъ сѣять злыя и горькiя слова своего сѣмена, сперва самъ собою *во образѣ змiя*, а потомъ чрезъ подобныхъ себѣ рабовъ и служителей своихъ, чрезъ коихъ и нынѣ неутомимо продолжаетъ сѣять оныя, на селѣ мiра сего... Онъ сѣетъ повсюду вольнодумство, невѣрiе, ереси, развратъ; и дабы тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе успѣть въ предпрiятiи своемъ, онъ адскую сiю тьму свою выдаетъ за *просвѣщенiе* ума, за высокую доблесть духа. И какой же видимъ мы плодъ отъ сего ученiя его, отъ сего *просвѣщенiя?* Мы видимъ самовольство, непокоренiе власти, самимъ Богомъ для блага обществъ установленной; видимъ крамолы, бунты, междоусобiя, убiйства, кровь, слезы рѣками текущiя; все сiе видимъ мы здѣсь на земли; а тамъ, въ вѣчности?—тамъ уготовляется рабамъ и послѣдователямъ его (т. е. просвѣщенiя) *червь неумирающiй*, *огнь не угасающiй, плачь и скрежетъ зубомъ*:—таковъ есть плодъ *ученiя и мудрости бѣсовскiя*!» [2]) (!!).

Настоящее ученiе и просвѣщенiе въ этомъ вкусѣ было опять то, какое вводилъ Магницкiй.

Замѣтимъ еще одну черту этого обскурантизма. Онъ питалъ какую-то надежду на скорое окончательное господство своихъ идей и, слѣдовательно, на совершенную гибель просвѣщенiя. Магницкiй, въ своей рѣчи, рекомендуя чтенiе писанiя, какъ орудiе борьбы противъ духа тьмы, восклицаетъ:

---

[1]) «Нынѣ-то исполнилось оное пророчество: *не имать научити кiиждо искренняго своего, и кiиждо брата своего, глаголя, познай Господа, яко вси увѣдятъ Мя отъ мала даже и до велика ихъ*».

[2]) Рѣчь преосвящ. Серафима, митрополита московскаго и коломенскаго,—Отч. 1820, Приб. I.

«Посему раздавать книги св. писанія, сей ковчегъ премудрости и благодати божественной, значитъ, содѣйствуя высокому предопредѣленію правительства нашего, столь видимо особеннымъ благословеніемъ Божіимъ осѣняемаго, набирать воинство подъ знамена Креста, и къ великому *дню рѣшительнаго сраженія* царства тьмы съ царствомъ Свѣта, раздавать тотъ мечь, обоюду острый, которымъ долженъ быть пораженъ *навсегда* древній змій» [1]).

Архимандритъ Өеофанъ, въ рѣчи, произнесенной при открытіи библейскаго сотоварищества въ Казанскомъ университетѣ (вскорѣ послѣ полученія знаменитыхъ инструкцій ректору и директору университета), возбуждалъ членовъ новаго сотоварищества содѣйствовать «спасительнымъ успѣхамъ священнаго дѣла Библейскаго», и также счелъ нужнымъ вооружиться противъ «духа злобы поднебесныя» и его пагубныхъ мудрованій и внушеній:

«Есть и теперь люди, кои, по внушенію его, не увѣрены еще въ пользѣ и необходимости сего свѣта (библейской дѣятельности) въ мѣсто сіе. Они признаютъ его здѣсь ненужнымъ, или излишнимъ, не смѣя сказать болѣе. Но это *послѣднія усилія врага:* время наступаетъ, когда Господь духомъ устъ своихъ *убіетъ* сего нечестиваго духа [2])».

Въ то же время митрополитъ Серафимъ говорилъ въ Москвѣ, что врагъ рода человѣческаго въ послѣднее время сѣетъ злыя сѣмена свои «съ большею, нежели когда-либо прежде, злобою и неистовствомъ: ибо *предвидитъ,* что конецъ темному царству его приближается и есть уже *при дверехъ*», и проч. [3]).

Чего они собственно ожидали? Одни, какъ Өеофанъ, конечно, всего скорѣе повторяли безсознательно чужія слова. Но Магницкій могъ имѣть въ виду болѣе опредѣленныя надежды; съ самаго начала, когда онъ выбралъ библейскую дорогу, онъ питалъ честолюбивые замыслы основать на этой дорогѣ свою карьеру, и пораженіе древняго змія было для него—утвержденіе той правительственной системы, въ которой онъ разсчитывалъ играть заправляющую роль...

---

[1]) Отч. 1817, Приб. XXVIII, стр. 83.
[2]) Отч. 1820, Приб. II, стр. 11.
[3]) Тамъ же, Приб. I, стр. 8.

Но въ подобныхъ ожиданіяхъ торжества надъ древнимъ зміемъ, раздѣлявшихся и многими другими, безъ сомнѣнія, были также и мотивы другого рода... Піэтистическое движеніе, въ которомъ библейскія общества были только однимъ симптомомъ, нерѣдко до крайней степени возбуждало фантазію, и его партизаны ожидали чего-то въ родѣ второго пришествія. Такой фантазіей преисполнены были желанія г-жи Крюднеръ, которая можетъ доставить намъ тѣмъ болѣе близкій примѣръ, что въ ней особенно рѣзко выдавались странныя увлеченія, овладѣвавшія извѣстной долей библейскихъ дѣятелей, съ которыми она различнымъ образомъ была связана. Г-жа Крюднеръ, какъ мы замѣчали, уже издавна занималась прорицательствомъ. Ей представлялось, что она возвращаетъ на землѣ первобытную церковь, которая со временемъ водворится между всѣми народами. Себѣ она присвоивала роль предвозвѣстницы, и время утвержденія новой, первобытно христіанской церкви казалось ей очень близкимъ. Предсказанія ея говорили о близкомъ крушеніи всего ложнаго порядка вещей. Еще въ 1814—15 году она писала: «Une grande époque approche. *Tout* va être renversé, *écoles*, sciences humaines, états, trônes. Les enfants de Dieu vont être rassemblés», и проч. Тогда это привязывалось какъ-то къ возобновленію наполеоновскихъ войнъ. Послѣ второй реставраціи она опять, однако, продолжала зловѣщія предсказанія. Въ 1817 г., въ манифестѣ, которымъ г-жа Крюднеръ оправдывала свою пропаганду въ южной Германіи и Швейцаріи, она говоритъ, что пришло время возрожденія, что Господь долготерпѣливъ и еще жалѣетъ слѣпцовъ, но что и его терпѣніе утомилось: «Онъ долготерпѣливъ, потому что онъ вѣченъ, говоритъ святой Августинъ; но, наконецъ, онъ утомляется, и дерзновенный, который противится ему, будетъ *сметенъ съ земли;* вихрь разрушенія унесетъ его на страшный судъ. Пришло также время, когда *царства земныя возопіютъ*, и имъ будутъ отвѣчать только *бури*»... Дальше: «Всѣ *правительства* должны подумать о томъ, что я говорю. Это — древняя *борьба тьмы противъ свѣта*. Государи и правители бываютъ только рабами этой силы, если Христосъ не будетъ для нихъ царемъ и избавителемъ, и Евангеліе—ихъ закономъ, Его жизнь—примѣромъ... Горе государствамъ, которыя не живутъ имъ! *Скоро раздастся шумъ ихъ паденія!*» Тогдашнее время представлялось ей полнымъ страшной опасности: «мы живемъ въ такое время, когда *адъ*

имѣетъ больше миссіонеровъ, чѣмъ небо. Господу нужно выбрать себѣ народъ, который бы проповѣдовалъ покаяніе и возвѣщалъ казни, какія постигнутъ тѣхъ, кто не покорится!» Ей представлялось, наконецъ, что утвержденіе царства Христова воспослѣдуетъ послѣ страшной борьбы и битвы: «Въ наше время (говорила она въ 1817 году) это бѣгство изъ истинной церкви Христовой дошло до крайняго предѣла; теперь неизбѣжно произойдетъ битва, страшная *битва невѣрія противъ вѣры*, ложныхъ христіанъ противъ истинныхъ поклонниковъ Христа... Французская революція была только предисловіемъ къ этой битвѣ»... Въ 1818 г., когда она возвратилась въ Россію, она опять предвѣщала: «Востокъ открывается, приближаются бѣдствія, которыя падутъ на Европу» и т. д. [1]).

Читая эти вещи, нельзя не видѣть сходства этихъ предвѣщаній съ тѣмъ, что говорили Серафимъ и Магницкій: здѣсь былъ, очевидно, свой общій мотивъ... Въ той масонско-мистической, библейско-піэтистической литературѣ, которая чрезвычайно размножилась у насъ въ эпоху процвѣтанія Библейскаго Общества, мы не разъ встрѣтимся съ подобными тайными ожиданіями перерожденія міра, какія мы здѣсь видимъ. Библейскіе мистики ждали, что общество и государство возродятся, что лживый разумъ и созданное имъ просвѣщеніе падутъ передъ силой этого религіознаго возрожденія, и на землѣ водворится первобытная христіанская церковь. Г-жѣ Крюднеръ это время казалось даже очень близкимъ, какъ, вѣроятно, казалось и многимъ другимъ. Понятно, что съ такими идеями библейскіе мистики становились часто тѣмъ, что называютъ теперь «отрицателями»: съ своей точки зрѣнія они отвергали существующій порядокъ, и тѣ враги Библейскаго Общества, которые вооружались противъ него по чисто консервативнымъ основаніямъ, указывали въ подобныхъ откровеніяхъ прямо революціонные замыслы. Библейскіе мистики не довольствовались традиціонной церковію: она давала слишкомъ мало пищи возбужденной религіозности и разгоряченной фантазіи; они искали внутренней церкви, стремились къ высшимъ религіознымъ состояніямъ, чудесамъ, видѣніямъ, сошествіямъ св. Духа... Они пытались отчасти переводить въ жизнь правила дѣятельной христіанской любви, думали достигать этого своей филантропіей, и опять

---

[1]) Eynard. I, стр. 306; II, стр. 200, 211, 260, 287, 307.

возставали противъ существующихъ нравовъ. Ожиданія возрожденія и пришествія Христовой церкви выражаемы были иногда въ рѣзкихъ фразахъ, и людямъ стараго вѣка казалось, что эти фразы говорятъ о революціи.

Для обыкновенныхъ здравомыслящихъ людей все это должно было представляться просто дикимъ, необузданнымъ обскурантизмомъ, потому что библейскіе мистики, приготовляя свою новую церковь, свирѣпствовали противъ образованія, въ которомъ видѣли главную препону къ достиженію своихъ цѣлей, преслѣдовали литературу,—это было удобно потому, что цензурная власть была въ ихъ рукахъ,—и, наконецъ, дали своему мракобѣсію такіе размѣры, что оно начинало тревожить людей самыхъ мирныхъ и возбуждать противъ себя другого рода фанатиковъ.

Отсюда двоякое столкновеніе, въ которое пришло Библейское Общество съ двумя разными направленіями и элементами общественныхъ понятій: съ взглядами крайнихъ консерваторовъ, возставшихъ противъ него въ защиту православія, и съ мнѣніями образованныхъ людей, которымъ его тенденціи справедливо представлялись распространеніемъ грубѣйшаго невѣжества и фанатическаго изувѣрства.

На этихъ отношеніяхъ мы остановимся въ слѣдующей статьѣ.

III.

Отношеніе образованныхъ людей и литературы къ библейской мистикѣ и обскурантизму: мнѣнія Уварова, Паррота, Карамзина.—Отношенія духовенства къ библейскому дѣлу: два противоположные взгляда и двѣ партіи; неудовольствія противъ кн. Голицына; его гоненія на приверженцевъ старины.—Интрига противъ кн. Голицына и союзъ противъ Библейскаго Общества.—Разсказы о паденіи кн. Голицына.—Гр. Аракчеевъ, Шишковъ, митр. Серафимъ, архиман. Фотій.—Госнеровское дѣло.

Перечисляя обстоятельства, въ которыхъ совершалась у насъ библейская дѣятельность и складывался самый ея характеръ, мы должны упомянуть еще одно обстоятельство, одно изъ худшихъ и опять принадлежавшее чисто самой русской жизни. Это было совершенное *отсутствіе и невозможность критики.* Какъ скоро за Обществомъ утвердился оффиціальный авторитетъ, то общественному мнѣнію, или мыслящимъ людямъ, какого бы то ни было оттѣнка понятій, уже не было возможности высказаться объ его

дѣятельности,—если ихъ сужденія не сходились съ тѣмъ, что говорило о себѣ само Библейское Общество. Это отсутствіе гласной критики, столь обычное въ нашей жизни и литературѣ, и здѣсь принесло тѣ же плоды, какіе приноситъ всегда. Библейская дѣятельность шла безъ всякихъ обсужденій и возраженій; ея недостатки и ошибки оставались не указанными; ея противники должны были молчать, и потому ихъ неудовольствіе и могло, наконецъ, возрасти до такой степени, что превратилось въ озлобленную вражду, не гнушавшуюся никакими средствами, и самимъ властямъ приходилось прекращать то, что недавно называлось «видимымъ благословеніемъ Промысла». Накопилось только лицемѣріе и оффиціальная ложь... непривычка слышать свободныя сужденія и правду.

Возражать противъ дѣятельности Общества было трудно при господствовавшихъ нравахъ: высшая власть все покрывала своимъ сочувствіемъ; притомъ цензура была именно въ рукахъ князя Голицына. Обскурантизмъ библейскихъ дѣятелей легъ тяжелымъ камнемъ на литературу и науку.

Сдѣлаемъ, впрочемъ, одинъ разъ оговорку. Понятно, что не все Общество цѣликомъ отличалось этой тенденціей въ такихъ формахъ, какія мы указывали въ Магницкомъ. Даже въ пору сильнѣйшаго вліянія его дикаго мракобѣсія, онъ былъ непріятенъ самимъ членамъ министерства и Общества, напр., гр. Ливену—несмотря на весь его методизмъ, или Фусу—несмотря на всю его чрезмѣрную академическую осторожность. А. И. Тургеневъ, вообще, кажется, лавировавшій между противоположностями тогдашнихъ мнѣній, до самаго паденія кн. Голицына и своего собственнаго, оставался въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ и членами Арзамаса, очень непохожими на ту компанію, среди которой онъ занимался библейской пропагандой. Такихъ примѣровъ было, конечно, много: личные характеры, извѣстная порядочность, большая степень образованія дѣлали въ этомъ пунктѣ большую разницу между различными членами Библейскаго Общества и не допускали общей солидарности. Чтобы взять частный образчикъ,—извѣстно, наприм., какія добродушныя отношенія существовали между Пушкинымъ и И. Н. Инзовымъ, генераломъ и библейскимъ дѣятелемъ, къ которому онъ присланъ былъ подъ надзоръ, и какъ, съ другой стороны, смотрѣлъ на него Адеркасъ, псковской губернаторъ и библейскій дѣятель, у котораго онъ былъ подъ надзоромъ послѣ.

Въ самомъ Библейскомъ Обществѣ, въ его основной мысли, какъ мы видѣли, было много идей дѣйствительно благотворныхъ и просвѣтительныхъ, и эта сторона его дѣятельности не могла не возбуждать тогда сочувствія въ людяхъ образованныхъ, хотя бы сами они были очень далеки отъ мистическихъ воззрѣній и не отличались особымъ религіознымъ жаромъ. Эта лучшая сторона Общества, конечно, и не могла встрѣтить никакой вражды въ образованныхъ людяхъ того времени, но она была не единственная, и рядомъ съ ней Общество обнаружило свойства совсѣмъ иного рода, или, иначе сказать, основную просвѣтительную идею Общество стало часто выражать и примѣнять такими странными способами, и присоединять къ ней такія дикія добавленія, которыя должны были оттолкнуть отъ него людей порядочныхъ.

Главнѣйшіе дѣятели, дававшіе тонъ и правившіе въ министерствѣ и въ цензурѣ—кн. Голицынъ, Магницкій, Руничъ, Лабзинъ и проч., были именно таковы, что время ихъ вліянія было истиннымъ бѣдствіемъ для науки и литературы. Гоненіе, воздвигнутое противъ Германа, Арсеньева, Галича, Раупаха, и еще раньше, гоненіе противъ Куницына, достаточно характеризуютъ отношеніе библейскихъ дѣятелей къ университетамъ и литературѣ, въ которой упомянутые профессоры были представителями серьезнаго научнаго труда и благороднаго интереса къ общественному благу. Эти преслѣдованія, дошедшія до самой безобразной наглости и крайняго безстыдства, были одною изъ самыхъ печальныхъ невзгодъ, какія случалось и случается выносить русскому просвѣщенію, едва становящемуся на ноги, и они, конечно, надломили не мало силъ и уничтожили не мало благихъ начинаній, которыя могли бы быть благотворны для дѣла русскаго образованія.

Время съ 1819 года (или еще раньше) и до 1824 года—высшій пунктъ развитія библейскихъ обществъ, было и временемъ несноснѣйшей цензуры, въ царствованіе императора Александра. Въ настоящую минуту [1868] мы имѣемъ еще не много свѣдѣній о цензурныхъ порядкахъ этого времени: изуродованныя книги молчатъ о томъ, какъ ихъ уродовали, но частныя подробности, въ мемуарахъ и письмахъ того времени, теперь напечатанныхъ, даютъ уже нѣкоторое понятіе о свирѣпствахъ цензуры. Не только Пушкинъ приходилъ отъ нея въ отчаяніе; но и совсѣмъ умѣренные писатели, какъ Жуковскій, кн. Вяземскій, Дмитріевъ,

Карамзинъ, самъ А. И. Тургеневъ,—находили, что литература становится невозможна, и жаловались съ одной стороны на крайнюю подозрительность и суровость цензурной полиціи, съ другой—на несказанное тупоуміе нѣкоторыхъ ея исполнителей. Цензура временъ кн. Голицына заставляла многихъ радоваться назначенію Шишкова въ министерство: Шишкова считали либеральнымъ!! Въ самомъ дѣлѣ, онъ, по крайней мѣрѣ, былъ безхитростенъ... Съ самимъ кн. А. Н. Голицынымъ Карамзинъ былъ, кажется, въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ съ человѣкомъ, по его мнѣнію, добрымъ и искреннимъ, но въ то время думали, однако, что тогдашнія журнальныя вылазки противъ Карамзина дѣлались не безъ тайныхъ желаній и внушеній князя Голицына; кореннымъ обскурантамъ Карамзинъ былъ непріятенъ. Дмитріевъ, упоминая въ своихъ запискахъ объ этихъ нападеніяхъ на Карамзина (особенно въ московскомъ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Казанскомъ Вѣстникѣ»), дѣлаетъ негодующее замѣчаніе: «Со временемъ выйдетъ и у насъ исторія нашей словесности: пускай же авторъ ея знаетъ, что въ это время министромъ просвѣщенія былъ князь *А. Н. Голицынъ*, попечителемъ въ Московскомъ университетѣ князь *Оболенскій*, а въ Казанскомъ *Магницкій*; ректорами—въ первомъ *Прокоповичъ-Антонскій*, а во второмъ *Никольскій*» [1]). Дмитріевъ передавалъ имена этихъ людей на осужденіе потомства.

Это негодованіе Дмитріева даетъ понятіе о томъ, какъ должны были смотрѣть на библейскихъ дѣятелей разсудительные люди даже самаго умѣреннаго разряда, каковъ былъ Дмитріевъ...

Какъ цензура ни давила свободной мысли въ литературѣ, образованные люди общества высказывали, однако, свою оппозицію--тѣми путями, какіе для нихъ оставались. Негодованіе выростало по мѣрѣ безобразій обскурантизма и еще съ тѣхъ поръ заклеймило многія имена, на которыхъ исторія, конечно, и оставитъ это клеймо. Такое негодованіе должны были чувствовать всѣ, кѣмъ не овладѣвала мистика и въ комъ сохранялся здравый смыслъ. Разсудительные люди понимали весь страшный вредъ, какимъ грозила владычествовавшая система обскурантизма, возмущались презрѣннымъ способомъ его дѣйствій, и, сколько могли, заявляли объ этомъ... Когда произошло знаменитое скандальное нашествіе обскурантовъ на Петербургскій

---

[1]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 103.

университетъ, то бывшій попечитель его Уваровъ счелъ своею обязанностью высказаться объ этомъ дѣлѣ въ письмѣ къ императору Александру; Уваровъ долженъ былъ видѣть, что вся интрига, устроившая это нашествіе, была направлена противъ него. Это письмо [1])—одинъ изъ самыхъ сильныхъ протестовъ, какіе были тогда подняты противъ инквизиціоннаго обскурантизма тогдашняго министерства. Университетъ (т. е. и самъ его попечитель) обвиненъ былъ въ распространеніи *обдуманной системы невѣрія,* понятій, *противныхъ христіанству* и *разрушительныхъ* для *общественнаго порядка* и благосостоянія [2]). Обвиненіе явнымъ образомъ выходило изъ обдуманныхъ плановъ библейскаго министерства, или, точнѣе, плановъ Магницкаго. Уваровъ зналъ силу этой партіи и тогдашнее расположеніе императора, но въ своемъ письмѣ, объясняя дѣло, не усумнился поставить имп. Александру вопросъ о томъ, гдѣ надо скорѣе искать людей, угрожающихъ установленному порядку,—въ преслѣдуемомъ ли университетѣ, или среди самихъ преслѣдователей:

«...Нужно ли искать ихъ въ рядахъ людей глубоко религіозныхъ и монархическихъ, привязанныхъ къ сохраненію существующаго всѣми узами принциповъ, чувствъ, патріотизма, національной гордости, просвѣщенія, собственности и семьи, людей, которые могутъ знать только *одну дорогу* и, будучи вѣрны Богу безъ хвастовства и вашему императорскому величеству безъ холопства, готовы отдать за васъ свою жизнь... — или виновники безпорядка скорѣе эта горсть людей sans aveu, которые, съ злобой въ душѣ и съ человѣколюбіемъ на словахъ, исконные враги *всякаго положительнаго порядка* и, слѣдовательно, *друзья мрака,* присвоиваютъ себѣ самыя священныя имена, чтобы захватить власть и подкопать существующій порядокъ въ самомъ основаніи; эти хладнокровные фанатики, поочередно, то заклинатели злыхъ духовъ, то иллюминаты [3]),

---

[1]) Напечатанное г. Сухомлиновымъ въ его «Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I-го», въ «Журн. Минист. Нар. Просв.» 1865—66. [Перепечатаны въ «Изслѣдованіяхъ и статьяхъ», т. I, Спб. 1889].

[2]) Эти обвиненія любопытны: впослѣдствіи *въ той же самой формѣ* они подняты были противъ самого министерства Голицына и Библейскаго Общества.

[3]) Уваровъ употребляетъ это слово въ томъ смыслѣ, какой давало ему употребленіе во французскомъ языкѣ: религіозные фантасты.

квакеры, масоны, ланкастерьянцы, методисты, наконецъ, все, что угодно, только не люди и не граждане,—которые утверждаютъ, что защищаютъ троны и алтари противъ нападеній несуществующихъ и въ то же время набрасываютъ подозрѣніе на истинныя опоры алтаря и трона;—искусные актеры, надѣвающіе всевозможныя маски, чтобы смутить всѣ совѣсти, встревожить всѣ умы и которые теперь создаютъ вокругъ себя воображаемыя опасности, чтобы продолжить нѣсколькими минутами свое эфемерное существованіе?»...

Эта характеристика не могла быть пріятна императору Александру,—письмо Уварова и не имѣло успѣха. На первый взглядъ эти обратныя обвиненія Уварова могутъ показаться слишкомъ преувеличенными; но въ нихъ было, однако, не мало рѣзкой правды и смѣлости: въ этихъ «холодныхъ фанатикахъ» и «ловкихъ актерахъ», запугивающихъ воображаемыми опасностями и спасающими троны и алтари отъ небывалыхъ нападеній, нельзя было не узнавать пошлыя черты тѣхъ библейскихъ дѣятелей, которые всего больше отличались инквизиціоннымъ обскурантизмомъ. Эти слова могли быть вѣрны, напр., относительно преслѣдованій, какимъ подвергся арх. Иннокентій отъ кн. Голицына (мы скажемъ объ этомъ дальше), и опять могли быть поразительно истинны въ ту минуту, когда шло гнусное дѣло Петербургскаго университета, систематически задуманное Магницкимъ и съ отвратительной наглостью выполненное его клевретами. «Это государственный злодѣй»! говорилъ о Магницкомъ немного времени спустя Сперанскій [1]), который хорошо его зналъ. Общество было безсильно противъ этихъ дикихъ нашествій обскурантизма, и Магницкій, какъ ни былъ презрѣненъ и ничтоженъ самъ по себѣ, могъ казаться страшенъ по вреду, какой онъ имѣлъ возможность нанести и «дѣйствительно» нанесъ.

Письмо Уварова было только личной защитой отъ нападенія этихъ людей. Но императору Александру представлено было и болѣе систематическое и объективное обличеніе ужасной системы, которую вводило министерство народнаго просвѣщенія. Это была записка извѣстнаго дерптскаго профессора Паррота

[1]) «В. Евр». 1867, т. IV, отд. I, стр. 99.—Замѣтимъ, что эти слова были сказаны о Магницкомъ уже тогда, когда онъ служилъ Шишкову и врагамъ Голицына.

(Coup d'oeil moral sur les principes actuels de l'instruction publique). Парротъ пользовался особеннымъ дружескимъ расположенiемъ императора Александра и рѣшился открыто указать императору на страшное извращенiе понятiй и на презрѣнное лицемѣрiе, которыми проникнуты были составленныя въ министерствѣ знаменитыя инструкцiи ректору и директору Казанскаго университета. Парротъ писалъ свою записку еще при министерствѣ кн. Голицына и вѣрно предсказалъ непремѣнный результатъ этого фанатическаго и лицемѣрнаго мракобѣсiя. «По внѣшности,—говорилъ онъ,—университетъ сохранитъ нѣкоторый порядокъ, но внутри его будетъ клоака всякой безнравственности, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, начальство не обратитъ на нее вниманiе» [1]). Парротъ вспоминаетъ о подвигахъ императора, освободившаго Европу, давшаго Польшѣ конституцiю, сказавшаго нѣкогда слова: «Я не хочу, чтобы общественное воспитанiе лишало молодежь энергiи, точно также, какъ не хочу имѣть слабодушныхъ въ государственной службѣ», — и въ противоположность этому указываетъ на людей, которые, прикрываясь религiей, поставили себѣ задачей сдѣлать русскихъ рабами, — рабами въ правленiе государя, который всегда хотѣлъ царствовать надъ людьми, а не надъ машинами... Кн. Голицынъ, по мнѣнiю Паррота, дѣйствовалъ, самъ того не зная, въ пользу iезуитовъ; своей системой народнаго просвѣщенiя онъ приготовлялъ имъ путь къ возвращенiю въ Россiю, и какъ скоро система принесетъ свои плоды, они не замедлятъ низвергнуть его и во главѣ народнаго просвѣщенiя поставятъ автора инструкцiй, Магницкаго.

Записка Паррота, проникнутая глубокимъ убѣжденiемъ и спокойной правдивостью, осталась также безъ успѣха. Онъ напрасно старался разъяснить великiя понятiя религiи, истиннаго народнаго блага и просвѣщенiя; господство осталось по прежнему за тѣми извращенiями этихъ понятiй, какiя проповѣдывала iезуитская программа Магницкаго, принятая министерствомъ.

Въ кругу просвѣщенныхъ людей все это мракобѣсiе, какъ мы сказали, должно было возбуждать только негодованiе. Библейскiе обскуранты уже съ первыхъ годовъ Общества составили свою клику, или даже цѣлую партiю, которая старалась

[1]) *Өеокт.*, Магницкiй, стр. 148 и далѣе.

давать ходъ людямъ своихъ мнѣній и, имѣя въ рукахъ власть, притѣсняла все, державшееся независимо. Люди, не надѣвавшіе на себя лицемѣрнаго благочестія и мистическаго фанатизма, поневолѣ становились врагами этой партіи. Обращаясь къ запискамъ и письмамъ того времени, мы можемъ теперь видѣть мнѣнія людей, которые не могли открыто говорить тогда, за полной невозможностью. Нѣсколько фразъ изъ писемъ Карамзина достаточно покажутъ намъ, при всей сдержанности этихъ писемъ, какое презрѣніе чувствовалъ онъ къ фанатической библейской компаніи.

«Я засмѣялся, читая о Кошелевѣ (пишетъ онъ въ 1817 году къ Дмитріеву): онъ будетъ министромъ развѣ *вышняго* просвѣщенія [1])! Соединеніе двухъ министерствъ [2]) послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ. Отнынѣ кураторами будутъ люди извѣстнаго благочестія... *Немудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ*»... Оно дѣйствительно и умножилось.

Въ томъ же году онъ пишетъ о кн. Голицынѣ и Кошелевѣ: «Князь Голицынъ хорошій человѣкъ... но я къ нему совсѣмъ не близокъ и съ Кошелевымъ не знакомъ; *даже и текстами не промышляю.* Иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ»...

О мистической литературѣ (въ 1819 году):—«Читаешь ли *Инвалида?* Въ послѣднемъ нумерѣ издатель пишетъ, что и Евангеліе не совсѣмъ хорошо, а хороша мистическая книга, переведенная Карнеевымъ: Philosophie divine. Многіе сердятся и *предсказываютъ бѣды нашему просвѣщенію*» [3])...

Издателемъ «Инвалида» былъ тогда основатель его Пезаровіусъ, секретарь и деректоръ библейскаго комитета, мистикъ по своимъ мнѣніямъ. «Божественная философія», о которой идетъ здѣсь рѣчь, есть одинъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ мистической фантастики; авторомъ ея былъ одинъ изъ самыхъ крайнихъ и знаменитыхъ мистиковъ прошлаго вѣка, Дютуа-Мамбрини, а переводчикомъ уже извѣстный намъ Карнѣевъ, нѣкогда розенкрейцеръ, а тогда одинъ изъ вице-президентовъ Библейскаго Общества и попечитель Харьковскаго университета.

---

[1]) Былъ, конечно, слухъ о назначеніи Р. А. Кошелева министромъ народнаго просвѣщенія.

[2]) Народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

[3]) «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 204, 218, 258.

Въ 1822 г. кіевскій митрополитъ Евгеній пишетъ къ типографщику Селивановскому: «Если наименованный вами ревизоръ [1]) пріѣдетъ въ вашъ университетъ, то *будутъ хлопоты.* Нравъ его и владычествующій нынѣ вкусъ извѣстенъ. *Дожили мы время»* [2])!.. Рѣчь идетъ, конечно, о «вкусѣ» библейскихъ обскурантовъ, и слова замѣчательны въ письмѣ митрополита Евгенія.

Для кружковъ литературныхъ, всѣхъ сколько-нибудь здравомыслящихъ оттѣнковъ, господство библейскихъ дѣятелей было господствомъ дикой цензуры, которое угнетало и кастрировало литературу до невозможности. До чего простиралось это угнетеніе литературы, можно судить по тому, что впослѣдствіи даже молодое, весьма либеральное поколѣніе съ радостью встрѣчало назначеніе защитника стараго слога и самаго тяжеловѣснаго классика Шишкова въ министерство народнаго просвѣщенія; это давало надежду на освобожденіе отъ вавилонскаго плѣненія: «Съ перемѣною министерства,—писалъ Пушкинъ въ Іюнѣ 1824 г.,—ожидаю и перемѣны цензуры. А *жаль... la coupe était pleine»* [3])... Пушкина, такимъ образомъ, тогда начинало уже интересовать — до чего могло, наконецъ, дойти это безобразіе. Говорить о немъ было уже нечего: вещи говорили за себя сами, и молодая литература Арзамаса, Пушкинскаго кружка, Полярной Звѣзды находила для нихъ только эпиграммы. Вспомнимъ, напр., «Второе посланіе къ Аристарху» (1824), гдѣ, послѣ извѣстныхъ стиховъ о Шишковѣ:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года,—

Пушкинъ продолжаетъ:

Одинъ, среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ...
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ [4]),
Омара да Али принявъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушать старался просвѣщенье;
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный...

---

[1]) Т. е. изъ министерства народнаго просвѣщенія.
[2]) Библ. Зап., 1859, ст. 73.
[3]) Библ. Записки, 1858, ст. 45.
[4]) Конечно, кн. Голицынъ.

Желчныя эпиграммы Пушкина: «Полу-фанатикъ, полуплутъ»,—«Вотъ Хвостовой покровитель», не вошедшія и до сихъ поръ въ собранія сочиненій Пушкина, и др. достаточно рисуютъ отношеніе новаго литературнаго поколѣнія къ кружку или партіи кн. Голицына [1]).

Такимъ образомъ, библейскіе дѣятели окончательно возстановляли противъ себя лучшую образованную часть общества; но эта часть общества, заподозрѣнная тогда императоромъ Александромъ въ крайнемъ либерализмѣ, была совершенно безсильна противъ кн. Голицына; и какъ ни справедливо было ея негодованіе противъ обскурантизма, она ничего не могла сдѣлать противъ него. Представленія Паррота и Уварова были напрасны, потому что аргументы этого рода, вообще, имѣли и имѣютъ за собой слишкомъ мало вліянія въ русскомъ обществѣ.

Успѣшнѣе боролась противъ Библейскаго Общества другая сила,—изъ другихъ общественныхъ сферъ и понятій. Это были приверженцы старины. Имъ ненавистно было все Библейское Общество: и то, что людямъ просвѣщеннымъ казалось обскурантизмомъ, и то, что было въ Обществѣ хорошаго и полезнаго, представлялось этимъ людямъ совсѣмъ съ особой точки зрѣнія. Они возопили о *низверженіи вѣры* и о *революціи!..*

По всѣмъ извѣстнымъ теперь разсказамъ, виной паденія Общества были, съ одной стороны—личная интрига Аракчеева противъ кн. Голицына, вліянію котораго онъ завидовалъ и котораго желалъ свергнуть; съ другой—вражда одной части духо-

---

[1]) Одну эпиграмму на Магницкаго читатель найдетъ въ запискахъ Панаева. Вотъ другая, написанная княземъ Вяземскимъ и относящаяся, конечно, къ нему же:

NN, вертлявый по природѣ,
Модницкій, глядя по погодѣ,
То ходитъ въ красномъ колпакѣ,
То въ рясахъ, въ черномъ клобукѣ.
Когда безбожье было въ модѣ,
Онъ былъ безбожья хвастуномъ;
Теперь въ прихожей и въ приходѣ
Онъ щеголяетъ ханжествомъ.

«Р. Архивъ», 1866, № 11—12. Въ современныхъ рукописяхъ встрѣчаются еще другія эпиграммы на Магницкаго, Рунича и проч.

венства, представителемъ которой явился въ особенности извѣстный архимандритъ Фотій. Голосъ этого духовенства имѣлъ за себя и всѣ ультра-консервативные элементы, всѣхъ людей, которымъ всякое нововведеніе съ самаго начала казалось «развратомъ» и подкопомъ подъ церковь, престолъ и отечество. Самому Аракчееву, по всей вѣроятности, не было ни малѣйшаго дѣла до Библейскаго Общества; но ненависть къ Обществу отъ приверженцевъ старины показалась Аракчееву удобнымъ средствомъ для низверженія кн. Голицына. Чтобы объяснить ближе важную роль, которую играла въ паденіи Библейскаго Общества упомянутая часть духовенства, приписывавшая себѣ храненіе и защиту православія, — Фотій, митр. Серафимъ, митр. Евгеній,—мы остановимся нѣсколько на отношеніи духовенства къ библейскому дѣлу.

Это отношеніе было весьма различно, смотря по складу понятій и личному развитію разныхъ членовъ этого сословія.

Библейское Общество явилось къ намъ совершенно нежданно. По своей непосредственной религіозной цѣли, оно, собственно говоря, прежде всего должно бы стать дѣломъ духовенства, которому, повидимому, должны быть всего ближе духовные интересы народа; на дѣлѣ, первые приверженцы Общества явились не въ средѣ духовенства, и едва ли можно сомнѣваться, что наше духовенство, въ цѣломъ, не было приготовлено къ той библейской дѣятельности, какъ она открывалась въ Обществѣ. Задача религіознаго воспитанія націи, посредствомъ обширнаго распространенія Библіи въ народной массѣ и разъясненія самыхъ источниковъ христіанской вѣры,—такая грандіозная задача не могла представиться ему сама собой. Чтобы она могла явиться, для этого нужна была бóльшая степень образованія и умственнаго развитія, чѣмъ владѣло тогда большинство духовенства. Это образованіе было дѣйствительно не велико. Люди, дѣйствовавшіе теперь, воспитались въ XVIII-мъ столѣтіи на той школьной схоластикѣ, которая отжила свой вѣкъ и уже давно не была сколько-нибудь дѣйствительнымъ знаніемъ при тѣхъ успѣхахъ мысли, какіе сдѣланы были скептическимъ XVIII-мъ вѣкомъ. Наше духовное образованіе давало большія схоластическія свѣдѣнія, но по общему развитію понятій оно все болѣе отставало отъ умственнаго движенія въ другихъ классахъ общества. Какъ въ началѣ Петровской реформы старые представители духовенства отнеслись къ преобразованію враждебно,

такъ и послѣ въ духовенствѣ продолжалось враждебное отношеніе къ тѣмъ нововведеніямъ, какія приносило дальнѣйшее развитіе реформы и европейскія вліянія. Его собственная школа, продолжавшая традиціи XVII-го вѣка, постоянно оставалась назади новой литературы и новыхъ научныхъ свѣдѣній. Духовенство замѣчало, наконецъ, что это умственное движеніе идетъ въ какія-то новыя страны, напр., въ скептицизмъ, но не могло противопоставить этому ничего, кромѣ схоластическихъ возраженій или голословнаго порицанія; и то, и другое, конечно, не было убѣдительно для тѣхъ, кого оно хотѣло исправлять. Всего чаще, впрочемъ, оно и не пыталось на исправленіе и смотрѣло безучастно на то, что дѣлалось въ жизни. Умственное движеніе шло мимо. Въ XVIII-мъ столѣтіи, напр., нѣкоторые возражали на Коперникову систему,—но Коперникова система вошла въ школьное образованіе даже безъ тѣхъ споровъ, какіе были въ школахъ католическихъ... Правда, въ этомъ общемъ положеніи дѣла были исключенія: были отдѣльныя лица, стоявшія надъ общимъ уровнемъ по уму и свѣдѣніямъ, лица, которыя съ интересомъ слѣдили за общественнымъ движеніемъ, сочувствовали и вообще были свободны отъ вражды къ тому новому, что другимъ казалось отступничествомъ и ересью. Еще Петръ В. находилъ себѣ сподвижниковъ въ средѣ духовенства; но это были исключенія.

Наконецъ, въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ явился и религіозно-нравственный вопросъ: развивалось масонство, началась дѣятельность Новикова. Одинъ изъ умнѣйшихъ представителей духовенства, митр. Платонъ, вполнѣ сочувствовалъ образовательнымъ тенденціямъ масонскаго кружка, и если самъ не одобрялъ крайностей мистики, то все-таки находилъ возможнымъ не обвинять мистиковъ въ ереси, и даже уважать ихъ. Мистическое движеніе нашло въ духовенствѣ отголосокъ, который продолжался и теперь, въ періодъ Библейскаго Общества. Правда, сочувствіе къ мистицизму, собственно говоря, вовсе не было большимъ пріобрѣтеніемъ для духовнаго образованія, но сравнительно съ прежней схоластикой и это былъ нѣкоторый успѣхъ, какъ начало нѣкоторой пытливости и какъ сближеніе съ нравственно-религіозными интересами, занимавшими общество.

Но этотъ успѣхъ сдѣланъ былъ, конечно, только немногими. Людямъ стараго вѣка и старыхъ преданій новый мисти-

цизмъ не нравился; это было слишкомъ мудреное нововведеніе, неизвѣстное отцамъ и дѣдамъ; притомъ нововведеніе почерпалось изъ иноземныхъ источниковъ, которые казались подозрительны, и потому оно тѣмъ скорѣе могло быть обвинено въ неправославіи. Этимъ людямъ не могла быть понятна и библейская дѣятельность, которая, какъ и мистическое движеніе, открылась опять не въ средѣ духовенства. При тѣхъ ограниченныхъ понятіяхъ и образованіи, какими отличалось большинство [1]), мысль о распространеніи Библіи для религіознаго воспитанія народа должна была казаться еще болѣе страннымъ нововведеніемъ... До сихъ поръ какое-нибудь особенное религіозное воспитаніе народа и въ голову никому не приходило; обычное обрядовое благочестіе считалось для него совершенно достаточнымъ воспитаніемъ,—какія бы невообразимыя суевѣрія ни скрывались подъ этимъ обрядовымъ благочестіемъ... Мысль Библейской дѣятельности могла быть вполнѣ доступна только для лучшихъ, наиболѣе развитыхъ членовъ духовенства: для людей старыхъ преданій она была вреднымъ вольнодумствомъ, даже измѣной православію.

Эти мнѣнія, за или противъ распространенія Библіи, были, конечно, слишкомъ противоположны одно другому; но самое существованіе этого вопроса и этого разнорѣчія по его поводу не высказалось, однако, ни въ литературѣ, ни въ дѣятельности духовенства. Когда заявлено было объ основаніи Библейскаго Общества, духовенство приняло его какъ совершившійся фактъ, безъ возраженій, какъ будто всѣ мнѣнія были въ этомъ согласны. Объясненіе этого заключается въ общественномъ положеніи духовенства.

Со временъ Петра Великаго и съ уничтоженія патріаршества, духовенство, какъ сословіе, стало въ извѣстное подчиненное государственной власти положеніе. У него не было той силы, какая нѣкогда давала церкви властительную роль въ государствѣ. Нѣсколько попытокъ оппозиціи, заявленныхъ въ теченіе XVIII-го вѣка, при Аннѣ, Елизаветѣ, Екатеринѣ, кончались самымъ неблагопріятнымъ образомъ для интересовъ духовенства, какъ сословія, и въ пользу свѣтской администраціи. Духовенство отвыкло отъ самостоятельности и, наравнѣ со всѣмъ остальнымъ обществомъ, подчинялось правительственнымъ вліяніямъ, которыя иной

---

[1]) См. примѣры въ книгѣ «Іезуиты въ Россіи», стр. 268—269.

разъ касались и вопросовъ спеціально духовныхъ. Такъ случилось и въ библейскомъ дѣлѣ. Хотя, повидимому, библейское дѣло должно бы особенно вызвать самостоятельныя рѣшенія духовенства,—воля императора предрѣшила вопросъ и для духовенства, точно такъ же, какъ и для другихъ людей общества. Высшіе представители іерархіи наполнили вдругъ библейскій комитетъ, наряду съ иновѣрцами, когда оказалось, что библейское учрежденіе не только соотвѣтствуетъ взглядамъ императора Александра, но какъ будто даже выполняетъ прямую его волю. Правда, не всѣ члены духовенства вступали въ Общество вслѣдствіе однихъ подобныхъ побужденій, и между ними были люди, по собственному убѣжденію принимавшіе принципы Библейскаго Общества; но самый тотъ фактъ, что съ одного опредѣленнаго момента духовенство почти поголовно стало вступать въ библейскіе комитеты,—этотъ фактъ показываетъ, что упомянутыя побужденія имѣли здѣсь большое участіе. Вопросъ о распространеніи Библіи въ народѣ, о переводѣ ея на народный языкъ,—вопросъ, который потомъ былъ не только спорнымъ, но представляемъ былъ даже возмутительнымъ,—теперь принимался какъ рѣшенный, просто потому, что онъ уже былъ рѣшенъ высшею свѣтской властью.

Понятно, что когда библейское дѣло принято было въ Петербургѣ высшими представителями іерархіи, оно принято было и остальной массой духовенства. Она также точно пошла вслѣдъ за іерархіей, какъ эта послѣдняя исполнила желанія императора, или, можетъ быть, только оберъ-прокурора св. синода. Такимъ образомъ не обнаруживалось ни споровъ, ни партій, и дѣло казалось прочнымъ и единодушнымъ. Но, въ другихъ обстоятельствахъ, очевидно, такимъ же образомъ могло явиться и новое направленіе и вести опять въ другую сторону. Такъ это и случилось въ ту пору, когда дѣла Библейскаго Общества приняли дурной оборотъ, и противъ него открыта была формальная война. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ духовныхъ членовъ Общества были тогда поставлены въ очень тяжелое и соблазнительное недоумѣніе: имъ мудрено было понять, почему прежде имъ «ставилось въ обязанность» распространеніе Библіи, а теперь то же самое ставилось въ преступленіе...

Понятно также и то, что на первый разъ большинство не имѣло яснаго представленія о характерѣ библейскаго дѣла, которое теперь всѣмъ рекомендовали. Эти неясныя представленія

у многихъ остались и послѣ: вся библейская дѣятельность у многихъ, вѣроятно, сводилась на одно исполненіе приказаній начальства и механическое распространеніе книгъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что пропаганда Библейскаго Общества производила и болѣе серьезное дѣйствіе. Самое дѣло представляло столько простыхъ и естественныхъ понятій, что оно уже вскорѣ пріобрѣло, въ средѣ духовенства высшаго и низшаго, искреннихъ и преданныхъ ревнителей. Для людей съ дѣйствительнымъ благочестіемъ, не страдавшихъ старовѣрческимъ фанатизмомъ, должны были казаться совершенно естественными самыя основанія библейскаго дѣла: желаніе имѣть книги писанія на вразумительномъ языкѣ, желаніе доставить эти книги всѣмъ вѣрующимъ, и особенно тѣмъ, кто всего больше нуждается въ религіозномъ наставленіи или утѣшеніи, бѣднякамъ, несчастнымъ, заключеннымъ и т. п. Разъ искренно и разсудительно понятая библейская дѣятельность должна была доставлять глубокое удовлетвореніе людямъ религіознымъ, и особенно духовнымъ лицамъ, для которыхъ самое пренебреженіе этимъ дѣломъ въ прежнее время должно было придавать ему новую привлекательность теперь. Рядомъ съ собственной библейской дѣятельностью, имѣла успѣхъ и мистическая литература: религіозное возбужденіе и пытливость нашли здѣсь пищу, завлекательную по своей новости, туманной возвышенности и апокалипсической фантазіи.

Мы видѣли, съ какимъ восторгомъ отчеты Общества говорили о появленіи св. писанія на русскомъ языкѣ; и нѣтъ сомнѣнія, что они въ большой мѣрѣ говорили правду, и что всѣ лучшіе люди въ духовенствѣ приняли его съ радостью. Нечего говорить о томъ, съ какимъ убѣжденіемъ въ своемъ дѣлѣ должны были работать сами переводчики св. писанія, во главѣ которыхъ стоялъ Филаретъ. Русская іерархія выражала переводу полное сочувствіе: она радовалась, что переводъ сдѣлалъ писаніе понятнымъ для всѣхъ и устранилъ причину, «мѣшавшую полному его дѣйствію на сердца»; это важное явленіе въ русской церкви сравнивали съ «занимающейся зарей славнаго дня свѣта», и находили его нужнымъ не только для народа, но и для самого духовенства; говорили (Амвросій, архіеп. казанскій), что его одобряютъ даже старовѣры, отъ которыхъ слѣдовало бы ожидать самаго сильнаго сопротивленія; что переводъ объясняетъ славянскій текстъ и принесетъ очевидную пользу тѣмъ, кто хо-

четъ итти по пути вѣчнаго спасенія, и т. д. [1]). Эти, случайно нами взятые примѣры, можно было бы легко увеличить множествомъ другихъ такихъ же выраженій сочувствія къ переводу писанія, изъ библейскихъ отчетовъ, современныхъ проповѣдей и т. д. Мы приведемъ еще только одинъ примѣръ. Гендерсонъ разсказываетъ, что во время своего путешествія по Россіи онъ, между прочимъ, посѣтилъ въ Бѣлгородѣ Евгенія, епископа курскаго и бѣлгородскаго [2]). «Когда я представилъ епископу экземпляръ (вышедшихъ тогда) Евангелій, Апостольскихъ Дѣяній и десяти Посланій на русскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, его радость была такъ велика, что онъ не могъ удержаться, и тотчасъ призвалъ на этотъ трудъ божіе благословеніе, и торжественно объявилъ, что если бы только ему удалось держать въ рукахъ полный переводъ Св. Писанія на родномъ языкѣ, какъ нѣкогда Симеонъ держалъ въ рукахъ благословенный предметъ ихъ свидѣтельства, то онъ, подобно ему, сказалъ бы: «Господи! нынѣ отпускаешь ты раба своего съ миромъ, потому что глаза мои видѣли твое спасеніе». Уже тридцать лѣтъ, по словамъ Евгенія, онъ усердно молился, чтобы сдѣланъ былъ такой переводъ, такъ какъ въ древнемъ славянскомъ переводѣ есть много мѣстъ совершенно непонятныхъ» [3]).

Этотъ успѣхъ библейскаго дѣла поражалъ англійскихъ миссіонеровъ, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ удивляла и терпимость русскаго духовенства, и вообще отсутствіе духа преслѣдованія, отличавшее православную церковь сравнительно съ другими исповѣданіями. Все это казалось имъ слѣдствіемъ большой чистоты ученія, сохранившагося въ восточной церкви. Пинкертонъ, говоря объ упомянутыхъ выше изданіяхъ кн. Мещерской (взятыхъ въ особенности изъ англійскихъ религіозныхъ книгъ), замѣчаетъ: «Большая часть этихъ изданій были утверждены духовными цен-

---

[1]) Это—мнѣнія Анатолія, архіеп. минскаго; Амвросія, еп. курскаго; Евгенія, архіеп. псковскаго (впосл. митр. кіевскаго); Амвросія, архіеп. казанскаго; архіеп. архангельскаго. Они собраны у Пинкертона, стр. 128—130.

[2]) Этотъ Евгеній (Казанцовъ), нѣкогда любимецъ митр. Платона, вызванный въ одно время съ другимъ его любимцемъ, Филаретомъ, въ Петербургъ, и съ тѣхъ поръ связанный съ Филаретомъ тѣсной дружбой, въ настоящую минуту есть старѣйшій изъ русскихъ іерарховъ. Онъ родился въ 1778 г., и въ нынѣшнемъ [1868] году исполнилось пятидесятилѣтіе его архіерейства. Біографическая замѣтка о немъ была помѣщена въ «Моск. Вѣдом.».

[3]) Henderson, Biblical Researches, стр. 157.

зорами,—замѣчательное доказательство того, въ *какой* большой *чистотѣ христіанское ученіе* до сихъ поръ *сохраняется въ русской церкви.* Въ самомъ дѣлѣ, если только вы удерживаетесь отъ спора относительно исхожденія Св. Духа, числа таинствъ, призыванія святыхъ, молитвы за умершихъ, и пр., вы можете выставлять всѣ жизненныя ученія Евангелія, безъ опасенія, чтобы вашъ трудъ былъ отвергнутъ духовными властями» [1]). Англійскіе миссіонеры испытывали это и въ частныхъ бесѣдахъ съ духовными лицами.—Ихъ свидѣтельства едва ли можно заподозрить, или, едва ли можно заподозрить искренность этихъ духовныхъ лицъ. Дѣло только въ томъ, что эти духовныя лица были тогда подъ вліяніемъ времени и его настроенія, либеральной терпимости и мистическихъ стремленій, удалявшихъ отъ догматическихъ препирательствъ, и не боялись тогда высказывать своихъ мыслей, которыхъ не рискнули бы обнаруживать въ другое время;—а миссіонеры англійскіе ошибались въ томъ, что эти отдѣльные (хотя, вѣроятно, въ то время и многочисленные) примѣры принимали за общій характеръ духовенства, и временную терпимость и сочувствіе къ тогдашнему религіозному движенію приняли за обыкновенный порядокъ вещей.

Дѣйствительно, въ средѣ духовенства и тогда были противники библейскаго дѣла, но они теперь молчали. Это были люди, стоявшіе за чистоту того, что сами они считали старыми православными традиціями, хотя на дѣлѣ это была иногда только упрямая приверженность къ старой формѣ и буквѣ. Съ формальной церковной стороны, библейское дѣло могло достаточно обезпечиваться тѣмъ, что въ библейскомъ комитетѣ занимали мѣста лица высшей православной іерархіи, и русскія изданія св. писанія утверждались авторитетомъ синода. Но крайніе ревнители старины находили, что библейское дѣло нарушаетъ преданія. Новыя понятія,—до того времени совершенно неизвѣстныя въ русской жизни, особенно для массы,—которыя дѣйствительно вносило Библейское Общество, подвергались осужденіямъ ихъ уже потому, что старина не знала этихъ нововведеній. Имъ казалось профанаціей святыни переложеніе писаній на простонародный языкъ, на которомъ они еще никогда прежде не излагались; имъ казалось непозволительнымъ, что православные іерархи сидятъ въ библейскомъ комитетѣ рядомъ съ иновѣрцами, кото-

[1]) Russia, стр. 359.

рыхъ старая церковная традиція считала прямо еретиками и отщепенцами; и они забывали, что это общее дѣло, которое русское духовенство дѣйствительно вело здѣсь вмѣстѣ съ иновѣрцами, не касалось вовсе православныхъ догматовъ и стояло на совершенно нейтральной почвѣ. Имъ странно было и то, что вопросами религіи занимаются свѣтскіе люди. Далѣе, людямъ стараго обрядоваго благочестія и мистики традиціонной были непонятны, а потому казались совсѣмъ недозволительны, произведенія той новой мистической литературы, которыхъ появилось теперь очень много на русскомъ языкѣ и, наконецъ, имъ особенно были ненавистны тѣ сектаторскія нововведенія, которыя проводилъ новѣйшій мистицизмъ, религіозная экзальтація мистиковъ, ихъ квакерскія моленія,—чего, впрочемъ, невозможно было смѣшивать со *всѣмъ* Библейскимъ Обществомъ. Какъ ни было бы глупо смѣшивать пляски у Татариновой съ библейской дѣятельностью вообще—ревнители постоянно и намѣренно ихъ смѣшивали, и потому нерѣдко могли казаться правыми въ глазахъ простодушныхъ людей, которые въ ихъ фанатическихъ доносахъ и находили потомъ защиту православія и отечества. Дѣло въ томъ, что эти ревнители защищали старину во что бы ни стало и во всемъ ея составѣ, а эта старина, какъ извѣстно, въ числѣ своихъ качествъ, отличалась и большей степенью невѣжества, считавшаго своимъ идеаломъ совершенную неподвижность всѣхъ понятій и всѣхъ формъ жизни. Въ такомъ смыслѣ, съ этой стариной невозможно было не притти въ столкновеніе, и приверженцы старины собирали свои сплетни и обвиненія противъ Библейскаго Общества, отвергая въ немъ все, съ начала до конца; не умѣя или намѣренно не желая отличить въ библейскомъ дѣлѣ отдѣльныя слабости и крайности его приверженцевъ отъ того, что было въ немъ живымъ религіозночеловѣколюбивымъ чувствомъ и потребностью времени, они возставали и доносили на все, что превышало ихъ понятія. Неразумная ревность ихъ отличалась, въ сущности, тѣмъ же фанатизмомъ и обскурантизмомъ, какими отличались ихъ библейскіе противники,—быть можетъ, еще худшимъ.

Оттого эта борьба принимаетъ такой характеръ, что въ концѣ концовъ мы затрудняемся выбирать—къ которой изъ двухъ сторонъ можно имѣть сочувствіе.

Другой поводъ къ неудовольствію доставляли дѣйствія кн. Голицына. Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго

просвѣщенія, по словамъ современниковъ, возбудило въ духовенствѣ «негодованіе» и «ропотъ» [1]). Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, директоромъ котораго былъ А. И. Тургеневъ, дѣла православныя вѣдались на ряду съ дѣлами католическими, протестантскими, наконецъ, магометанскими и еврейскими: этотъ порядокъ, конечно, вовсе не былъ придуманъ съ какой-нибудь задней зловредной цѣлью, но онъ подавалъ поводъ говорить объ униженіи господствующей церкви, которая ставилась за урядъ съ иновѣрными исповѣданіями, даже нехристіанскими. Главныя мѣста въ двойномъ вѣдомствѣ князя Голицына были, конечно, заняты библейскими дѣятелями, и если Библейское Общество само по себѣ казалось слишкомъ либеральнымъ вмѣшательствомъ въ церковное дѣло, то для духовенства старыхъ понятій тѣмъ непріятнѣе было находиться подъ властью свѣтскихъ библейскихъ дѣятелей. Въ житейскомъ ходѣ вещей недружелюбныя отношенія возникали здѣсь совершенно естественно, и должны были еще больше усиливаться, когда свѣтскіе правители духовныхъ дѣлъ имѣли неосторожность обнаружить высокомѣрныя притязананія. А въ такихъ притязаніяхъ недостатка не было: аколиты кн. Голицына, надѣясь на его силу, позволяли себѣ рѣзкія слова и поступки, не оправдываемые благоразуміемъ и раздражавшіе противную партію. Въ вещахъ религіи библейскіе мистики выдавали себя за истинныхъ истолкователей религіи (какъ Лабзинъ) и слишкомъ пренебрегали господствующими нравами, когда отправлялись слушать либеральныхъ католическихъ проповѣдниковъ, въ родѣ Госнера, или устраивали свой особый культъ у Татариновой, или черезъ мѣру наводняли литературу мистическимъ туманомъ, въ которомъ проповѣдывалось объ основаніи какого-то новаго Христова царства. Самъ кн. Голицынъ подавалъ всему этому первый примѣръ. По общему обычаю сильнаго вельможества, онъ отличался деспотическими замашками, которыя здѣсь—въ церковныхъ дѣлахъ—могли гораздо скорѣе компрометировать его, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ вѣдомствѣ. Мы разскажемъ дальше одинъ случай подобнаго рода—преслѣдованіе арх. Иннокентія, въ которомъ очень рѣзко выразился характеръ его дѣйствій и которое сильно вооружило противъ него многихъ. Исторія тѣхъ временъ еще мало извѣстна, и намъ приходится только упомянуть безъ дальнѣйшихъ подробностей другой разсказъ—объ отношеніяхъ къ митр. Михаилу.

---

[1]) Зап. Вигеля, III, ч. V, стр. 67.

Говорятъ именно, что этотъ достойный и уважаемый человѣкъ даже умеръ отъ огорченій, причиненныхъ ему кн. Голицынымъ вслѣдствіе ихъ личныхъ столкновеній. Разсказываютъ, что «при церемоніи выноса тѣла покойнаго митрополита даже гласно раздавались въ толпѣ голоса, что Голицынъ—убійца митрополита». Ихъ столкновеніе произошло, кажется, по тѣмъ же поводамъ, которые давали оружіе противъ кн. Голицына потомъ,—по библейскому дѣлу и религіознымъ нововведеніямъ. Незадолго передъ смертью, митр. Михаилъ писалъ письмо къ императору, находившемуся тогда въ Лайбахѣ. Какъ разсказываютъ, «въ письмѣ своемъ митрополитъ Михаилъ, съ откровенностію изобразивъ опасности, которымъ подвергается православная церковь отъ слѣпотствующаго министра, въ заключеніи говоритъ: «Государь, когда дойдетъ до васъ сіе писаніе, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего, кромѣ истины, не вѣщалъ я людямъ; наипаче же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь дать отчетъ Высшему Судіи!». Черезъ двѣ недѣли по полученіи этого письма, государь получилъ извѣстіе о смерти митрополита. Аракчеевъ воспользовался внутреннимъ настроеніемъ государя и присовѣтовалъ избрать преемникомъ Михаилу московскаго митрополита Серафима. Его назначеніе было началомъ паденія Голицына» [1]).

Понятно, что въ подобныхъ столкновеніяхъ самовластіе Голицына должно было оскорблять не только отдѣльныя лица духовенства, а самый сословный духъ его, слѣд., тѣмъ больше умножать число его враговъ. И эта вражда могла становиться тѣмъ серьезнѣе, что своимъ покровительствомъ религіозному либерализму, мистикѣ и сектаторскимъ затѣямъ, Голицынъ въ особенности былъ открытъ обвиненіямъ въ неправославіи,—обвиненіямъ, слишкомъ неудобнымъ для министра духовныхъ дѣлъ.

Наконецъ, какъ всегда случается въ такихъ случаяхъ, различный взглядъ на вещи бывалъ просто слѣдствіемъ побужденій чисто-личныхъ: разсчеты честолюбія и самолюбія заставляли однихъ искать успѣха въ одномъ лагерѣ, другихъ—въ другомъ, или покидать одну партію и присоединяться къ другой. Исторія русской іерархіи временъ императора Александра представляетъ не мало примѣровъ этого рода; тоже происходило, кажется, въ кругу отношеній Библейскаго Общества. Мы будемъ имѣть

---

[1]) О. Морошкинъ, въ «Р. Арх»., 1868, ст. 1389 примѣч.

случай видѣть, что дѣйствія партіи, враждебной Обществу, далеко не были руководимы однимъ убѣжденіемъ, что въ нихъ слишкомъ много имѣли мѣста или чистая интрига у однихъ, или безхарактерность и робость, желаніе угодить сильнымъ людямъ, у другихъ. Средства, которыя пускались въ ходъ для «защиты православія», далеко не соотвѣтствовали возвышенности такого предпріятія, и главнѣйшіе ревнители, какъ Фотій, возбуждаютъ слишкомъ мало сочувствія...

Такова была почва, на которой должна была разыграться интрига, приведшая къ закрытію Библейскаго Общества.

Прежде, чѣмъ разсказывать о ходѣ этой интриги, мы считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько примѣровъ того враждебнаго отношенія, въ какое стали защитники старины къ кн. Голицыну и Библейскому Обществу, и которое превратилось потомъ въ ожесточенную борьбу.

Эта вражда прежде всего обратилась, кажется, на тѣ мистическія тенденціи, которыя уже вскорѣ стали специфически отличать библейскихъ дѣятелей и которыя уже давно не нравились консервативному духовенству и хранителямъ старыхъ нравовъ и обычаевъ. Какъ мы уже не разъ замѣчали, новый мистицизмъ былъ продолженіемъ мистицизма Новиковской школы. Непосредственный ученикъ Новикова, Лабзинъ, съ самыхъ первыхъ годовъ царствованія императора Александра началъ длинный рядъ своихъ мистическихъ изданій, и въ 1806 г. основалъ особый органъ для распространенія своихъ любимыхъ идей, «Сіонскій Вѣстникъ». Журналъ былъ, впрочемъ, скоро запрещенъ, но Лабзинъ продолжалъ издательскую дѣятельность въ томъ же духѣ, и издаваемыя имъ книги продолжали плодить любителей мистицизма. Открытіе Библейскаго Общества, въ которомъ Лабзинъ уже вскорѣ сталъ играть дѣятельную роль; расположеніе къ мистицизму самого императора; рѣзкіе мистическіе вкусы очень сильнаго тогда кн. Голицына,—дали этой литературѣ такія выгодныя условія, какихъ она не имѣла еще никогда. Мистическія книги чрезвычайно размножились; Лабзинъ, главный ихъ поставщикъ, выказывалъ неутомимую дѣятельность, и въ 1817 г. возобновилъ изданіе «Сіонскаго Вѣстника». Быть можетъ, для соблюденія приличій или избѣжанія столкновеній, книги эти стали миновать духовную цензуру и разрѣшаемы были свѣтскими цен-

зорами, которые, въ угоду начальству, очень благопріятствовавшему этой литературѣ, не думали дѣлать ни малѣйшихъ возраженій, хотя въ книгахъ нерѣдко попадались вещи, непривычныя для слуха людей, воспитанныхъ на обиходномъ русскомъ чтеніи. Быть можетъ, впрочемъ, цензора, не сильные въ догматическихъ тонкостяхъ, и не замѣчали этого, или же считали свое вмѣшательство излишнимъ, когда книги поощрялись самимъ начальствомъ. Дѣло въ томъ, что этотъ мистицизмъ, искавшій «внутренней» церкви, нерѣдко нападалъ на то, что онъ называлъ внѣшней или наружной церковью, осуждалъ ея недостатки и т. п., и эти осужденія можно было истолковать какъ осужденіе церкви православной. Эти книги большей частью были протестантско-мистическаго происхожденія: протестантскія мнѣнія, которыя сохранялись цѣликомъ въ русскихъ переводахъ, возмущали православныхъ ревнителей, которые не только заподозривали русскихъ издателей въ злонамѣренности, но утверждали иногда, что и самыя книги (нѣмецкія или французскія) написаны были именно для потрясенія православія. Лабзинъ и другіе переводчики, конечно, не имѣли въ виду этой цѣли, которую впослѣдствіи имъ стали упорно приписывать: ихъ вообще занимала больше мистическая, чѣмъ протестантская сторона дѣла, и ихъ заботы о «внутренней» церкви совершенно мирились съ ихъ православіемъ; они хотѣли только поднять религіозное развитіе общества, расширить (по своему, правда) пониманіе религіозныхъ вопросовъ, въ большинствѣ дѣйствительно довольно грубое. Но для людей, которымъ «печатный каждый листъ быть кажется святымъ», достаточно было нѣсколько фразъ, не совсѣмъ обычныхъ, нѣсколько смѣлыхъ выраженій протестантскаго автора, чтобы обвинить русскаго переводчика въ явномъ намѣреніи подрыть православіе и ввести въ Россіи реформацію. Такія обвиненія начались уже въ первые годы Библейскаго Общества и вызвали первые доносы противъ него.

Мы видѣли прежде, что отчеты Библейскаго Общества уже съ первыхъ годовъ начинаютъ обличать людей, не хотящихъ понимать цѣли Общества и осуждающихъ его намѣренія и дѣйствія... Эти враги Общества прежде всего, кажется, возстали на литературную дѣятельность библейскихъ ревнителей, — ихъ мистическія книги. Доносы въ этомъ смыслѣ начинаются еще въ то время, когда личный интересъ императора Александра къ библейскому мистицизму не давалъ пока надежды на успѣхъ.

Такой доносъ былъ поданъ императору въ августѣ 1816 г.[1]. Авторомъ доноса былъ нѣкто Степанъ Смирновъ, губернскій секретарь, императорской московской медико-хирургической академіи переводчикъ,—по всей вѣроятности лицо, выдвинутое и поощренное другими.

Поводъ къ доносу составляютъ мистическія и другія книги, изданныя въ 1815—1816 годахъ, въ которыхъ доносчикъ видѣлъ отступничество отъ православія и крайнюю опасность для государства. «Не попусти въ богоспасаемой Россіи владычествовать завѣту беззаконниковъ, — обращается онъ къ императору,—съ вѣрою къ Богу исчезнетъ вѣрность и къ гражданскимъ уставамъ. Хаосъ смятеній и разстройство поглотитъ тогда народное благо. Появленіе *богоотступныхъ* и *возмутительныхъ* книгъ пронзаетъ горестію сердца благомыслящихъ твоихъ подданныхъ»..... Книги, противъ которыхъ ратуетъ Смирновъ, были: «Побѣдная Повѣсть» Юнга Штиллинга; «Агаѳоклесъ или письма изъ Рима и Греціи», сочиненіе (романъ) г-жи Пихлеръ; «Наука числъ» Эккартсгаузена; «Приключенія по смерти» Юнга Штиллинга; «Угрозъ Свѣтовостоковъ», изъ его же сочиненій; «О истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей»; наконецъ, «Мученики» Шатобріана;—всего больше доносчикъ останавливается на первой и на послѣдней изъ этихъ книгъ. Изъ «Мучениковъ» онъ выписываетъ слова *язычниковъ* о христіанствѣ и указываетъ въ нихъ униженіе христіанской вѣры; такъ же поступаетъ онъ съ «Агаѳоклесомъ». Въ мистическихъ книгахъ онъ находитъ хулу противъ Бога и отрицаніе догматовъ православной церкви. Но сильнѣе всего онъ вооружается противъ «Побѣдной Повѣсти», которая казалась ему верхомъ еретичества. Въ ней, по словамъ доноса, «подъ видомъ изъясненія Апокалипсиса, содержатся *оскорбительныя хуленія христіанства,* наипаче *греческаго* исповѣданія. Всѣ *древнія ереси нагло проповѣдуются* въ сей книгѣ, именно: отрицается Божество Іисуса Христа, приписуя ему невѣдѣніе будущаго; христіанскіе храмы называются языческими, святыя иконы идолами, вселенскіе сборы и учители церкви почитаются преобразователями христіанства въ язычество. Сверхъ того, отвергается вѣчность мученій, магометанство смѣшивается съ христіанствомъ, предвозвѣщаются революціи всему христіанству, подобныя французской;

[1] Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1858 г., кн. 4, стр. 139—142.

наконецъ, въ противность запрещенію Господа, назначается годъ, именно 1836, въ которой, якобы, воспослѣдуетъ второе пришествіе Господа; это доказывается коварными, но, по разсмотрѣнію, живыми (?) выкладками; а поелику сочинитель оказался деистомъ, то это прорицаніе есть одно посмѣяніе (?); всѣ важнѣйшіе гіероглифы Апокалипсиса Штиллингъ приспособилъ къ злонамѣреннымъ цѣлямъ своимъ».

Источникомъ этихъ зловредныхъ книгъ доносчикъ указываетъ *тайныя общества*, ведущія къ потрясенію христіанства, *а потому* и престоловъ. Обвиненіе, впрочемъ, совершенно неопредѣленно: «*Адская гордость* породила тайныя общества, кои, подъ видомъ братолюбія и самоотверженія, стремятся надъ всѣмъ владычествовать тайнымъ образомъ». Пророкъ Даніилъ называетъ ихъ беззаконниками; Апокалипсисъ — звѣремъ, имѣющимъ рога агнчи, а глаголъ змія; Христосъ — лжепророками, которые хотятъ, если можно, прельстить и избранныхъ. «Это обольщеніе производятъ они наипаче изданіемъ коварныхъ книгъ, имѣющихъ благовидную наружность, но внутренность, постигаемую размышленіемъ, погибельную».

Доносчикъ объясняетъ при этомъ, что онъ сочинилъ опроверженіе противъ хуленій «Побѣдной Повѣсти», гдѣ онъ занялся также изъясненіемъ нѣкоторыхъ пророчествъ, которыя, «бывъ соображены и пояснены на основаніи св. писанія, *очевидно* указываютъ сами собой на *событія временъ нашихъ*, а по точному смыслу проявляютъ знаменіе *близкой кончины вѣка*». Такимъ образомъ, и самъ доносчикъ ожидалъ скораго свѣтопреставленія [1]).

Итакъ, противъ дѣятелей Библейскаго Общества поднято было то самое обвиненіе въ потрясеніи религіи и престоловъ, какое они сами подняли потомъ противъ либеральнаго образованія. Такъ дешева была фраза и такъ легко ея употребленіе.

---

[1]) Тотъ же Смирновъ является и послѣ однимъ изъ мелкихъ прислужниковъ партіи, возставшей противъ Библ. Общества. «Смирновъ, послуживъ подъ начальствомъ кн. Голицына, вышелъ въ отставку, переселился въ Москву и сталъ сильнѣе производить свои набѣги и на переводъ Библейскимъ обществомъ Новаго Завѣта, и на проповѣдь, о которой упоминается въ письмѣ моск. архіепископа (къ Серафиму), и на катихизисы его» и пр. Сушк., 145; Прил., стр. 51. См. о немъ также Филарета Черниговскаго, «Обзоръ рус. дух. литер.», кн. 2. Черниговъ, 1863, стр. 238.

Доносъ Смирнова, повидимому, остался безъ всякаго дѣйствія,—императору Александру были еще слишкомъ близки первыя возбужденія мистицизма, и онъ еще очень недавно выражалъ свое благоволеніе автору этой самой «Побѣдной Повѣсти». Но эта книга,—впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ обвинительныхъ пунктовъ противъ библейскихъ дѣятелей,—уже теперь сильно возбуждала многихъ противъ мистицизма и, между прочимъ, произвела раздоръ между Филаретомъ и арх. Иннокентіемъ, въ средѣ самого Библейскаго Общества, въ которомъ они оба были дѣятельными членами.

Архимандритъ Иннокентій (Смирновъ), впослѣдствіи епископъ Пензенскій (ум. 1819), въ то время ректоръ петербургской семинаріи, имѣлъ уже тогда большую славу, какъ проповѣдникъ и ученый (онъ составилъ «Начертаніе Церковной Исторіи», «Дѣятельное Богословіе» и др.). Еще молодымъ человѣкомъ, онъ, наравнѣ съ Филаретомъ, обращалъ на себя вниманіе своимъ дарованіемъ, строгостью жизни и трудами; и тотъ и другой имѣли много ревностныхъ почитателей; оба славились какъ «искренніе свѣтильники, подававшіе надежду собою во благо церкви», какъ выражается потомъ архим. Фотій, бывшій тогда ихъ ученикомъ. Съ 1815 г. Иннокентій былъ уже однимъ изъ директоровъ Библейскаго Общества и участвовалъ въ комитетѣ, разсматривавшемъ переводы Св. Писанія, гдѣ засѣдали также митр. Михаилъ, Серафимъ, Филаретъ (тогда ректоръ академіи), Лабзинъ и Поповъ [1]). Такимъ образомъ, онъ стоялъ у самаго средоточія библейской дѣятельности. Онъ былъ тогда въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ съ Филаретомъ, пользовался, кажется, и расположеніемъ кн. Голицына, который приглашалъ его къ участію въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія [2]); онъ и Филаретъ нерѣдко проповѣдывали въ домовой церкви кн. Голицына. Но мнѣнія его, кажется, уже рано приняли иное направленіе, чѣмъ у его друга. Иннокентій не одобрялъ мистическихъ тенденцій библейскаго кружка; и «Побѣдная Повѣсть» Штиллинга дала поводъ къ столкновенію, которое на первый разъ обошлось довольно мирно, а впослѣдствіи, по-

[1]) Сушк., стр. 75. См. также отрывокъ изъ Записокъ Фотія, въ «Чтеніяхъ въ Моск. Общ. любителей дух. просвѣщенія», М. 1868, Прилож., стр. 104—111.

[2]) Воронова, Ист.-статист. Обозрѣніе Уч. Зав. Спб. Уч. Округа. Спб. 1849, стр. 196.

вторившись, навлекло на Иннокентія гоненіе со стороны кн. Голицына.

По позднѣйшему разсказу Филарета, переданному въ книгѣ г. Сушкова [1]), онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Иннокентіемъ и, когда можно, предостерегалъ его, но часто «ревность увлекала Иннокентія за предѣлы осторожности». Когда вышла «Побѣдная Повѣсть или истолкованіе Апокалипсиса», Иннокентій (онъ былъ также духовнымъ цензоромъ) «возревновалъ» противъ этой книги, находя ее противной православію; но Филаретъ успокоивалъ его тѣмъ, что книга пропущена была свѣтской цензурой и, слѣдовательно, находится не на ихъ отвѣтственности. Самъ Филаретъ судилъ о книгѣ снисходительнѣе (онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ издателемъ этой книги, Лабзинымъ) и находилъ еще впослѣдствіи, что сдѣланныя въ ней «изъясненія первыхъ пяти печатей были дѣйствительно замѣчательны, хотя вообще книга и была проникнута духомъ протестантства». Между тѣмъ Смирновъ, авторъ упомянутаго доноса, представилъ въ цензуру возраженіе на эту книгу, весьма рѣзкое, но, по словамъ Филарета, мало толковое, подъ названіемъ «Вопль жены, облеченной въ солнце» [2]). Иннокентій хотѣлъ пропустить книгу, но Филаретъ удержалъ его, чтобы «не произвести напраснаго волненія», и митрополитъ одобрилъ его мнѣніе. Черезъ нѣсколько времени—въ отсутствіе Филарета — Иннокентій, вновь раздраженный нѣкоторыми статьями «Сіонскаго Вѣстника» Лабзина, написалъ рѣзкое письмо къ князю Голицыну и совѣтовалъ ему стараться «залечить раны, которыми онъ самъ уязвилъ церковь». Кн. Голицынъ принесъ письмо къ митрополиту, который только съ трудомъ убѣдилъ Иннокентія извиниться; но это, конечно, должно было разстроить отношенія Иннокентія съ кн. Голицынымъ, а вмѣстѣ съ Филаретомъ, который, по словамъ Сушкова, съ Голицынымъ «жилъ душа въ душу». Новый поводъ къ несогласію представился скоро.

Возвратимся къ «Побѣдной Повѣсти».

Лабзинъ зналъ, конечно, какого рода мнѣнія породила эта книга и отвѣчалъ обвинителямъ въ томъ же, 1816 г. въ предисловіи къ изданной имъ тогда «Жизни Генриха Штиллинга» [3]).

---

[1]) Стр. 109—111.

[2]) Этотъ символическій образъ заимствованъ изъ Апокал. XII, 1.

[3]) Жизнь Генриха Штиллинга. Истинная повѣсть. Спб. 1816, 2 части

Упомянувъ о томъ, что Штиллингъ извѣстенъ повсюду своимъ благочестіемъ и уважается самими государями, русскій издатель говоритъ, что «нѣкто изъ нашихъ читателей, и въ глаза его (Штиллинга) не видавшій, благоизволилъ поставить его на ряду съ величайшими злодѣями; называетъ его вольтеріанцомъ и революціонистомъ, и приписываетъ ему злой умыселъ, изпровергнуть нашу Греко-Россійскую Церковь». Затѣмъ Лабзинъ опровергаетъ обвиненія, возведенныя этимъ «прозорливцемъ» на Штиллинга. По всей вѣрятности, это были тѣ самыя обвиненія, какія собраны были Смирновымъ въ его книгѣ «Вопль жены, облеченной въ солнце», а потомъ, когда книга не была дозволена, повторены въ его доносѣ;—быть можетъ также, что Лабзинъ имѣлъ въ виду и письмо Иннокентія къ кн. Голицыну.

Штиллинга обвиняютъ за то, говоритъ Лабзинъ, что онъ «въ *Побѣдной* своей *Повѣсти* призналъ за Апокалипсическую жену, облеченную въ солнце, не греческую церковь, и что онъ, изъясняя, кто, по его мнѣнію, принадлежитъ прямо къ церкви, названной въ Апокалипсисѣ Филадельфійскою (*Братолюбскою*), между прочимъ, на стр. 46, говоритъ: «Не имѣешь ли ты какого предразсужденія противъ какой-либо христіанской религіи, или церкви, или общества? И всѣ ли члены всякой секты тебѣ любезны, какъ скоро они окажутся истинными христіанами? Имѣя всѣ прочіе признаки, ежели ты не имѣешь сего послѣдняго, ты не принадлежишь еще къ филадельфійской церкви; ибо, не имѣя первой христіанской добродѣтели—братолюбія—ты будешь яко мѣдь звенящая, или кимвалъ звяцаяй». Вотъ неоспоримая улика, что Штиллингъ есть вольтеріанецъ, революціонистъ, и имѣетъ намѣреніе изпровергнуть православную греко-каѳолическую церковь» (пред., IV—V).

Такимъ образомъ, столкновеніе двухъ взглядовъ произошло на томъ пунктѣ, который былъ однимъ изъ главнѣйшихъ положеній новой религіозной школы—на братской терпимости ко всѣмъ христіанскимъ сектамъ: одни видѣли въ этомъ необходимое условіе самого христіанства, другіе находили явное униженіе и подкапываніе православія...

Дальше Лабзинъ очень резонно указываетъ, что если уже «прозорливый испытатель» хотѣлъ обвинять кого-нибудь, то долженъ былъ обвинить переводчика, принадлежащаго къ грекороссійской церкви; а авторъ принадлежитъ —«по внѣшности»—

къ реформатской церкви и естественно предпочитаетъ ее другимъ, такъ что, по здравому смыслу, отъ него и нельзя ожидать «такого же заключенія о нашей церкви, какое имѣетъ о ней нашъ прозорливецъ». Притомъ, книга писана для нѣмцевъ, а вовсе не для русскихъ; а протестанты вообще мало думаютъ о нашей церкви, и если спорятъ противъ другихъ исповѣданій, то развѣ противъ западнаго, а не восточнаго: «о нашемъ же авторѣ, кромѣ сочиненія его, издатель изъ бывшихъ къ нему отъ него писемъ по чести увѣряетъ, что онъ весьма уважаетъ греко-россійскую церковь, и ожидаетъ отъ нея много необыкновеннаго добра, когда она—(такъ писалъ авторъ къ издателю *лѣтъ за десять* передъ симъ)—*отъ сна воспрянетъ*». Наконецъ, Лабзинъ замѣчаетъ, какъ не по-христіански видѣть въ авторѣ только лицемѣріе и коварство, и что «обращать лучшія дѣянія другаго, по самомнѣнію, въ злые и гнусные умыслы, и по своимъ мечтаніямъ включать другаго въ число злодѣевъ, описанныхъ въ *Волтеріанцахъ*» [1])—очень грѣшно, особенно когда дѣло идетъ о 77-милѣтнемъ старцѣ, который «болѣе 40 лѣтъ извѣстенъ цѣлой публикѣ, въ самыхъ молодыхъ своихъ лѣтахъ сильною своею вѣрою и благочестіемъ плѣнялъ и невѣрующихъ»—въ чемъ Лабзинъ ссылается на свидѣтельство Гете [2]).

Изъ этого эпизода объясняется отчасти различіе двухъ сталкивавшихся тенденцій: съ одной стороны—желаніе внести въ обращеніе новыя религіозныя понятія, какъ болѣе соотвѣтствовавшія потребностямъ времени; съ другой—сопротивленіе, не хотѣвшее въ старыхъ религіозныхъ понятіяхъ никакой перемѣны. Это сопротивленіе было, конечно, болѣе или менѣе сознательно въ людяхъ, какъ арх. Иннокентій; но въ то же время

---

[1]) «Волтеріанцы, или Исторія о Якобинцахъ, открывающая всѣ противу-христіанскія злоумышленія и таинства Масонскихъ ложъ, имѣющихъ вліяніе на всѣ Европейскія державы», соч. Барюеля; пер. съ франц. 12 частей. М. 1805—1809 (Смирд. № 908; другое изданіе № 914). Это—знаменитый въ свое время сборникъ всевозможныхъ обвиненій противъ якобинства, масонства, иллюминатства, будто бы произведшихъ французскую революцію и всѣ европейскія смуты.

[2]) Отзывъ Гёте приведенъ на стр. 277—285, примѣч. Здѣсь опять говорится:

«И сего-то практическаго христіанина, котораго *просвѣщенные* нѣмцы почитаютъ помѣшавшимся въ умѣ на вѣрѣ, нѣкоторые изъ нашихъ *православныхъ* называютъ противникомъ вѣры, имѣющимъ въ намѣреніи изпровергнуть оную», и проч.

оно приняло и другой колоритъ, который выразился въ доносахъ Смирнова и который потомъ почти исключительно господствовалъ въ доносахъ на Библейское Общество. Нововводители не очень стѣснялись старыми понятіями, потому что въ издаваемыхъ ими (большей частью переведенныхъ съ нѣмецкаго) мистическихъ книгахъ встрѣчались иногда довольно рѣзкія нападенія на оффиціальную, «внѣшнюю» церковь; и хотя, собственно говоря, это были нападенія нѣмецкихъ мистиковъ на протестантскую ортодоксію, но русскій читатель могъ приложить эти нападенія и къ русскому православію. Наши приверженцы старины такъ это и дѣлали; съ ихъ стороны, конечно, нелѣпо и смѣшно было нападать, какъ дѣлалъ Смирновъ, на «Мучениковъ» и «Агаѳоклеса»,—но въ другихъ случаяхъ они имѣли и болѣе основательные поводы смущаться за интересы своихъ убѣжденій. Противъ мистиковъ все-таки нечего было бы сказать, если бы ихъ противники имѣли возможность тоже высказать свои мнѣнія; но, къ сожалѣнію, этого не было, и мистики были очень неправы въ томъ, что, чувствуя себя сильными въ данную минуту, не давали противникамъ даже этой возможности, и—*запрещали* ихъ возраженія. Эти возраженія—какъ книга Смирнова—могли, пожалуй, быть «мало толковы», но это, конечно, не былъ резонъ для запрещеній; за «мало толковымъ» могло бы явиться и болѣе толковое возраженіе. Понятно, что запрещенія должны были только еще болѣе раздражить противную партію. Если вслѣдъ за запрещеніемъ своей книги Смирновъ написалъ доносъ, наполненный самыми дикими обвиненіями, то библейскіе дѣятели не могли на это претендовать: они сами указывали эту дорогу... Впослѣдствіи эти запрещенія возвратились имъ сторицею.

Нѣсколько времени спустя представился новый случай подобнаго рода.

Въ 1818 году явилась книга нѣкоего Станевича, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души». Эта книга написана была въ обличеніе того же новаго мистицизма, противъ котораго ратовалъ Смирновъ. По разсказу Филарета, приведенному у г. Сушкова, исторія этой книги, надѣлавшая тогда много шуму и бросившая, между прочимъ, нѣкоторую тѣнь на Филарета, происходила такъ. Опровергая мистиковъ, книга Станевича заключала въ себѣ «много выраженій слишкомъ оскорбительныхъ для предержащей власти, и вообще для *духа*

правленія того времени». Иннокентій былъ цензоромъ этой книги и, въ то время больной, онъ, по словамъ Филарета, мало обратилъ вниманія на книгу; самъ Филаретъ видѣлъ рукопись только мелькомъ. Черезъ нѣсколько дней она вышла, пропущенная Инокентіемъ, и произвела тревогу. «Въ тотъ самый день», когда Филаретъ получилъ ее отъ автора, кн. Голицынъ потребовалъ Филарета къ себѣ и съ негодованіемъ показалъ ему экземпляръ, весь исчерченный замѣтками: кто-то успѣлъ доставить ему такой экземпляръ. Кн. Голицынъ былъ очень вооруженъ противъ книги, «исполненной непріязненныхъ мнѣній», и хотѣлъ доложить о ней государю. Филаретъ старался извинить Иннокентія его нездоровьемъ и просилъ, чтобы кн. Голицынъ не дѣлалъ доклада, далъ время просмотрѣть книгу и исправить ошибки, перепечатавъ листы. Взглянувъ на книгу, Филаретъ «изумился тому, что нашелъ въ ней», но когда началъ говорить о ней съ Иннокентіемъ, тотъ отвѣчалъ коротко, что «готовъ претерпѣть за правду всякое гоненіе». Филаретъ обратился къ митрополиту (Михаилу); митрополитъ также осуждалъ ее, но пока онъ разсматривалъ книгу и медлилъ, кн. Голицынъ сдѣлалъ докладъ имп. Александру, а въ праздникъ Богоявленія объявилъ назначеніе арх. Иннокентія, во уваженіе его заслугъ, епископомъ оренбургскимъ. Это было почетное удаленіе; только по заступничеству митр. Михаила, Иннокентію, тогда уже очень больному, дана была епархія, болѣе благопріятная по климату, и онъ назначенъ былъ въ Пензу. Книга, какъ и слѣдовало ожидать, была запрещена и отобрана; авторъ, Станевичъ, былъ высланъ изъ города. Тогда было мнѣніе, приписывавшее удаленіе Иннокентія Филарету; по словамъ самого Филарета, Иннокентію, «кажется, внушили нѣкоторое чувство недовѣрчивости» къ нему, и княгиня Мещерская была тогда неблагосклонна къ Филарету, потому что подозрѣвала его въ гоненіи противъ Иннокентія. Въ запискахъ Фотія сказано прямо: «Дабы удалить его (Иннокентія) подъ благовиднымъ предлогомъ, дѣйствовалъ съ духовной стороны Филаретъ, ректоръ академіи. Онъ далъ свое мнѣніе о книгѣ» [1]).

Какъ бы то ни было, мнѣнія двухъ сторонъ опять столкнулись очень рѣзко, и споръ опять кончился насиліемъ и преслѣ-

---

[1]) Зап. Фотія въ «Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др.», 1868, I, смѣсь, стр. 264; Сушковъ, Зап., стр. 109—111; Зап. Шишкова, стр. 18.

дованіемъ, которое въ этомъ случаѣ было еще тѣмъ болѣе неблаговидно, что Иннокентій пользовался вообще большимъ уваженіемъ.

Въ тотъ же день Богоявленія, когда объявлено было назначеніе Иннокентія въ Оренбургъ, кн. Голицынъ далъ комиссіи духовныхъ училищъ, завѣдывавшей духовною цензурою, предложеніе, въ которомъ выразилъ свое мнѣніе о книгѣ Станевича и волю императора Александра. Въ этомъ предложеніи кн. Голицына предметъ спора двухъ направленій является въ такомъ видѣ:

Кн. Голицынъ выражалъ удивленіе, что книга такого содержанія могла быть одобрена духовной цензурой. «Авторъ къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца привязалъ защищеніе нашей греко-россійской церкви, тогда какъ никто на нее не нападаетъ. Церковь *не имѣетъ нужды*, чтобъ *частный человѣкъ* бралъ ее подъ свое покровительство, особливо *съ той точки*, съ которой написано все сочиненіе. Защищеніе *наружной* церкви противъ *внутренней* наполняетъ всю книгу. Раздѣленіе, непонятное въ христіанствѣ! Ибо наружная безъ внутренней церкви, есть тѣло безъ духа. Вообще понятіе о церкви представлено въ превратномъ видѣ: ибо, гдѣ говорится о церкви, вездѣ видно, что одно духовенство принимается за оную. Между прочимъ, упоминается о извѣстной распрѣ *между Боссюетомъ и Фенелономъ*, и сей послѣдній обвиняется въ лжеученіи. *Однимъ словомъ*, книга сія совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство, по гражданской и духовной части». По представленію кн. Голицына, императоръ Александръ выразилъ большое неудовольствіе и велѣлъ объявить строжайшій выговоръ архим. Иннокентію за его неосмотрительность и внушить комиссіи духовныхъ училищъ, «чтобъ подобныя сочиненія, стремящіяся истребить духъ внутренняго ученія христіанскаго, никакимъ образомъ не могли выходить изъ цензуры, находящейся въ ея вѣдомствѣ» [1]).

Но, какова бы ни была книга, логика кн. Голицына опять была неудовлетворительна. Станевичу, конечно, нельзя было ставить въ упрекъ, что онъ, какъ *частный человѣкъ*, взялся защищать церковь, когда другіе *частные* же люди, какъ Лабзинъ и другіе библейскіе друзья кн. Голицына, сами брались

---

[1]) «Чтенія», 1861, кн. I, смѣсь, стр. 201—202: «Запрещеніе одной книги».

разсуждать о той же церкви, и при томъ, что едва ли можно было скрыть, отзывались о ней не совсѣмъ благосклонно. Вмѣсто опроверженія, мистическая школа предпочла употребить насиліе, чтобъ заставить молчать своихъ враговъ. Кн. Голицынъ (или тотъ критикъ, замѣчаніями котораго онъ руководился) не безъ основанія замѣтилъ, что Станевичъ подъ церковью понимаетъ духовенство; Станевичъ дѣйствительно бралъ сторону той части духовенства, которая не была согласна съ новыми тенденціями— и книга его едва ли не была преднамѣреннымъ протестомъ именно въ этомъ смыслѣ. Авторъ поставилъ на книгѣ стихотворное посвященіе митрополиту Михаилу,—объ отношеніяхъ котораго къ князю Голицыну мы выше упоминали,—и въ этомъ посвященіи говорилъ о своемъ желаніи обличить «ереси» [1]).

Библейскіе дѣятели должны были бы понять, что, при своихъ свободолюбивыхъ тенденціяхъ въ религіи, они должны бы дать свободу и мнѣніямъ противной стороны: но у нихъ не доставало для этого не только терпимости, но и обыкновенной порядочности... Странно, наконецъ, видѣть въ предложеніи русскаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, что онъ ставитъ въ преступленіе автору книги его мнѣнія о Фенелонѣ.

Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ самой книги: эти выдержки еще разъ дадутъ понятіе о предметахъ и тонѣ самаго спора двухъ партій [2])

Вопросъ о безсмертіи души послужилъ Станевичу поводомъ къ рѣзкимъ выходкамъ противъ мистицизма, которыми книга дѣйствительно переполнена. Общая точка зрѣнія книги состоитъ въ защитѣ обычныхъ понятій о церкви и церковныхъ догматахъ; нападая на хитросплетенія мистиковъ, авторъ, иногда удачно, и всегда рѣзко изображаетъ ихъ слабыя стороны,—хотя и его собственный тонъ вовсе не способенъ возбудить къ себѣ сочувствіе: о мистикахъ онъ говоритъ не иначе, какъ о разорителяхъ церкви, слугахъ и ученикахъ дьявола, лжехристахъ и т. п.

---

[1]) Станевичъ, по словамъ Записокъ Фотія, служилъ прежде подъ начальствомъ статсъ-секретаря Кикина, который вообще былъ противъ мистиковъ, и въ этомъ дѣлѣ особенно вступался за Иннокентія.

[2]) Выписки приведены по 2-му изданію, вышедшему безъ перемѣнъ въ 1825 г.; исторію этого 2-го изданія мы упомянемъ дальше. Первое, какъ говорятъ, было уничтожено совершенно, кромѣ одного экземпляра, принадлежавшаго митр. Михаилу.

Правда, онъ говоритъ о мистикахъ и мистицизмѣ въ общихъ словахъ, и только два или три раза въ цѣлой книгѣ ссылается на русскія мистическія изданія, но русскіе мистики должны были видѣть, что слуги дьявола были именно они.

Станевичъ на первыхъ страницахъ объясняетъ, что нельзя отдѣлять вѣры отъ церкви, что церковь и *послушаніе ей* необходимы — и обличаетъ библейскихъ мистиковъ, ставившихъ «внутреннюю» церковь выше внѣшняго раздѣленія различныхъ вѣроисповѣданій и церквей. «Отдѣляющій вѣру отъ церкви, можетъ имѣть вѣру, не споримъ, токмо *не вѣру Христову.* Сказано, и *бѣсы* вѣруютъ (Іак. II, 19), только они вѣруютъ по своему. О! и бѣсы обходятъ церковь истинную, и они желали бы не видѣть и слѣдовъ ея на лицѣ земли. Нѣтъ такихъ средствъ, коихъ бы они не употребляли на сокрушеніе ея. *Міръ и адъ ревутъ съ ними на святыню ея;* но она не подвижется... Спаситель въ Евангеліи повелѣваетъ грѣшника приводить къ церкви, когда уже всѣ средства, употребленныя на обращеніе его, окажутся безплодны по упорству его воли; но *къ какой церкви* приведутъ его, когда о церкви *воленъ всякой судить, какъ кто похочетъ?»* (стр. 9—10).

Внѣ церкви нельзя знать закона Господа. «Когда царь возбраняетъ излагать по своемыслію разумъ его закона, и не смотря на извѣстную ложь міра, избираетъ отъ среды онаго блюстителей законныя правды, имъ же ввѣряетъ судьбу и жребій подданныхъ своихъ: нечестивецъ ли станетъ посреди сыновъ церкви увѣрять, что каждый изъ нихъ *воленъ разсуждать о словѣ Божіемъ* по основанію своего разума? Что сего злокоrazнѣе могъ бы придумать и *самъ ветхій змій* на разореніе слова животнаго въ душахъ человѣческихъ? О! не внимайте такой *лести нечестія*, й не давайте себѣ свободы инаковой на уразумѣніе истины, какъ по наставленію церкви»... (стр. 33).

«О Содомъ, о Египетъ духовнѣ нарицаемый; о градъ, исполненный смѣшенія христіанскаго прелюбодѣянія съ зміиною мудростію, подъ личиною лжемистики появляющеюся!»

«Не плѣняйтесь и вы духовною свободою, нынѣ въ нѣкоторыхъ мистическихъ книжкахъ проповѣдуемою. Подражайте Христу, который въ томъ первѣе явилъ духъ свободы, что покорилъ себя закону. Духъ истинно Христовый не въ томъ заключается, чтобы какъ татю, какъ разбойнику вторгнуться въ церковь, и подъ предлогомъ очищенія вѣры низвратить таинства ея,

уничтожить обряды, нарещи жертву жизни служенiемъ смерти, примѣнить церковь капищу, христiанство сравнять съ язычествомъ, обезславить память святыхъ угодниковъ, надругаться ихъ чествованiю, отвергнуть лики ихъ, хотя они *доселѣ* молитвами своими *ограждали* (!) насъ отъ всякаго вражескаго навѣта...» (стр. 36—37).

Все это, по мнѣнiю автора, дѣлали мистики. Въ дальнѣйшемъ изложенiи онъ ближе излагаетъ ихъ мнѣнiя, замѣтивъ предварительно, что «лжемудрые мистики не имѣютъ всѣмъ имъ общаго начала, но каждая сторона держится своего, какъ и своихъ учителей и защитниковъ. Общее у нихъ у всѣхъ то одно, чтобы разными путями итти къ одному концу, то есть, потрясти церковь и низвратить истинное христiанство» (стр. 46, прим.).

Истинное безсмертiе даетъ только истинная церковь. Но нѣкоторые мистики, отвергая наставленiя и предписанiя церкви, увѣряютъ себя въ безсмертiи души однимъ внутреннимъ сознанiемъ, *совѣстью*, которая есть тотъ же Христосъ. «На что тогда (истинный) Христосъ, когда дѣло и безъ него обойтиться можетъ? Въ этомъ-то и состоитъ вся развязка хитрой мистики». Недавно и «самые гнуснѣйшiе по мерзости души своей философы» увѣряли не только себя, но и другихъ въ чистотѣ своей души. «Слѣдовательно, и мистику при всей своей *духовной мерзости* стоитъ только увѣрить себя въ правотѣ своей и воззвать: Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ: но ужели съ сими словами Богъ содѣлается для него въ самой вещи Богомъ его сердца и частiю его во вѣкъ? *Что сего безстыдства срамнѣе, и что несмысленнѣе, какъ вѣрить таковымъ баснямъ?* (стр. 46—48).

«Всякое мистическое слiянiе образовъ и видовъ добродѣтелей духовныхъ (т. е. мистическiе идеалы Божества и религiознаго совершенства) есть не добраго духа изобрѣтенiе: хотятъ остановить наше вниманiе на какой-то безобразной свѣтлости, но это будетъ свѣтлое ничто, чѣмъ точно и есть Божество у лжемудрыхъ мистиковъ. Это слiянная изъ всѣхъ цвѣтовъ свѣтлость, не имѣющая ни имени, ни образа, ни вида»... Это хитрость демона, которою онъ уловляетъ людей съ лукавой и робкой совѣстью: «подъ видомъ мнимаго совершенства вѣры, (демонъ) учитъ ихъ, всѣ ими не отвергаемыя вещи не уничтожать самихъ по себѣ, но сливать въ бездонной свѣтлости бо-

жества такъ, чтобы онѣ для нихъ были вовсе непримѣтны. Иной говоритъ откровенно, я не признаю святыхъ за святыхъ, и сему подобное... Но онаго рода люди страшатся быть такъ наглы, а чтобы увѣрить себя въ привязанности къ церкви, то все признаютъ словомъ, но не сердцемъ». Діаволъ уже устроилъ однажды такую хитрость съ человѣческими понятіями «въ сердцахъ философовъ истекшаго вѣка: онъ слилъ у нихъ всѣ добродѣтели въ свѣтлое ничто»,—изъ чего и произошли повсемѣстныя потрясенія (т. е. революція). *Страшусь*, чтобы еще горшаго чего-нибудь не воспослѣдовало съ безъимянною свѣтлостію лжемудраго мистическаго христіанства, и когда небо обносится на языкѣ, *адъ* не изрыгнулъ бы себя изъ сердецъ ихъ» (стр. 51—55).

«Цари ничѣмъ не причиняли толико бѣдъ народу, какъ забвеніемъ и уничиженіемъ должнаго въ лицѣ ихъ величія Божія». Ослабленіе вѣры (т. е. церкви) и нравовъ ставитъ всякое царство на край гибели. «А настоящія событія громогласно свидѣтельствуютъ, сколь дорого заплатили государи за то, что въ этомъ дѣлѣ повѣрили болѣе зміямъ философамъ, чѣмъ правдѣ Божіей», т. е. церкви (или духовенству, которое авторъ, по замѣчанію кн. Голицына, понимаетъ подъ этимъ словомъ).

Къ послѣдней своей фразѣ авторъ прибавляетъ примѣчаніе:

«Нынѣ *змій* сбросилъ съ себя кожицу, или личинку философіи, и *облекся въ мистическое христіанство*, почему и дѣйствіе *яда* его будетъ толико же опаснѣйшее, *казнь* Божія толико же *ужаснѣйшая*, колико христіанство есть выше философіи. Горестно слышать и читать, съ какою недоброю ревностію похваляются и у насъ сочиненія Дютуа и Сен-Мартена, изъ которыхъ перваго переведена на нашъ языкъ *Христіанская философія*, и еще обѣщаютъ передать и его Philosophie Divine, а послѣдній извѣстенъ по переведенной его книжкѣ *о Заблужденіяхъ и истинѣ. Не неизвѣстенъ* мнѣ духъ настоящаго времени, почему *очень знаю*, какъ многіе вознегодуютъ за такой отзывъ мой о сихъ нынѣ лелѣемыхъ у насъ писателяхъ, но... чувствуя лесть оныхъ писателей, ужели должно мнѣ быть столько безстыдну, чтобы, убоясь человѣковъ, забыть судъ Божій, и измѣнить церкви и Богу?... Оные писатели превращаютъ ученіе Христово... ибо они совсѣмъ разумѣютъ *не то* подъ тѣми рѣченіями, заимствованными изъ Библіи, что мы, христіане. У нихъ подъ тѣми словами совсѣмъ особенная духовность, чуждая церкви и Христу.

Они дѣлаютъ одно злоупотребленіе изъ Библіи... Поелику же они совсѣмъ противнаго духа, то во всѣхъ ихъ писаніяхъ болѣе или менѣе, прямо или косвенно, примѣчается *нѣкая потаенная ненависть противъ церкви и освященныхъ проповѣдателей* слова Божія, которая ненависть въ ихъ ученикахъ и того болѣе оказывается» (стр. 73—75).

«Съ того времени, какъ начали появляться христіанскія книги, написанныя мистиками... христіанство у многихъ стало *не тѣмъ*, чѣмъ оно есть по существу своему, но чѣмъ кому угодно, смотря по тому, у кого какое сердце. О церкви же и говорить не для чего; *у всякаго стала своя внутренняя*, гдѣ молятся какому-то Господу, о которомъ, ежели судить по наружнымъ ихъ дѣйствіямъ, производящимъ однѣ опустошенія, то сей Господь долженъ быть духомъ разрушенія и разоренія» (стр. 151—152).

Указавъ еще разъ, какимъ образомъ мистики пользуются словами и выраженіями св. писанія,—давая имъ другое значеніе, совсѣмъ противное христіанству, и отвергая указанія церкви,— авторъ находитъ, что мистики дѣломъ Божіимъ называютъ «темную въ себѣ *работу діавола*» (стр. 176).

«Мистики наполняютъ столицы, города, почти всѣ званія и состоянія, отъ высшихъ до низшихъ: но за то и *мерзость* въ народахъ *прибавляется*»... (стр. 247). «Нѣтъ церкви, нѣтъ и образа, нѣтъ и правила, нѣтъ потому и судіи, ибо не по чему судить: а священное писаніе можетъ учиниться игрушкою духа обѣихъ сторонъ»... «Безумные мистики тако нынѣ посмѣваются царямъ, что дерзаютъ увѣрять ихъ, якобы церковь была нѣчто наружное, не имущая своей внутренности, когда и древесная кожа не можетъ стоять безъ своего внутренняго, и когда она сама не изъ ничего взята, а изъ того же внутренняго. Можно ли безстыдство свое простирать такъ далеко, чтобы самую царскую власть возбуждать на разореніе церквей и *потребленіе священства*» (стр. 248—250). Авторъ приводитъ при этомъ какіе-то нѣмецкіе стихи, но, нѣтъ сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду и русскія обстоятельства.

Эти фанатическія обвиненія противъ мистиковъ достаточно показываютъ, съ какимъ озлобленіемъ уже въ это время извѣстная часть духовенства относилась къ библейскому мистицизму и какіе аргументы она приводила противъ него. Это были тѣ самыя обвиненія, которыя враги Библейскаго Общества выставили противъ него впослѣдствіи, когда получили верхъ и когда

очередь преслѣдованія дошла до него самого. Но теперь мистики были сильны. Они должны были крайне раздражиться обвиненіями Станевича, и это раздраженіе очевидно въ отзывахъ кн. Голицына и въ принятыхъ имъ рѣзкихъ мѣрахъ, которыя справедливо можно было назвать гоненіемъ. Между тѣмъ, самая книга Станевича могла бы указать мистикамъ, какія мнѣнія господствовали въ извѣстной части общества и духовенства относительно ихъ тенденцій, и внушить нѣкоторую терпимость къ возраженіямъ. Но нравы не пріучали къ терпимости.

Ссылка Иннокентія должна была, конечно, еще больше ожесточить людей, мнѣнія которыхъ онъ представлялъ, и заставляла думать о «спасеніи церкви». Арх. Фотій, считавшій себя его ученикомъ, писалъ къ нему въ этомъ смыслѣ въ Пензу и, повидимому, очень сильно возставалъ противъ совершавшихся событій; Иннокентій въ своемъ отвѣтѣ совѣтуетъ ему умирить сперва себя и ближнихъ, чтобы умирилась и церковь, раздираемая раздорами [1]). Въ томъ же 1819 году Иннокентій умеръ въ своей Пензенской епархіи.

Запрещенія не давали выходить на свѣтъ мнѣніямъ противниковъ, но, конечно, не уничтожали ихъ; они продолжались на словахъ и въ рукописяхъ. Цѣлый сборникъ подобныхъ обличеній противъ мистической школы и министерства князя Голицына мы встрѣтили въ числѣ рукописей Публичной библіотеки. Это рядъ статей, принадлежащихъ, кажется, одному автору и писанныхъ въ 1817 — 1821 годахъ. Мы приводимъ въ приложеніи подробное обозначеніе этихъ статей и замѣтимъ здѣсь только, что онѣ написаны въ томъ же духѣ, какъ обличенія Станевича. Авторъ возстаетъ противъ мистическихъ книгъ, наполненныхъ вредными ученіями, вооружается противъ масоновъ, которымъ приписываетъ это «поруганіе истинной вѣры», обвиняетъ ихъ въ революціонныхъ замыслахъ и, наконецъ, молится, чтобы «язвы церкви» открылись взору первороднаго ея сына, благочестивѣйшаго Вѣнценосца Россіи [2]).

Одинъ изъ людей александровскаго времени, испытавшій одно изъ тѣхъ крушеній общественной идеи, какихъ не мало произошло въ тотъ періодъ, замѣчаетъ въ своей апологіи, что

[1]) Письмо напечатано въ «Р. Арх.», 1868, ст. 945.

[2]) См. ниже, Приложенія.

«въ русской жизни, гдѣ все дѣлается по интригѣ и таинственно, гдѣ солнце публичности освѣщаетъ только результаты, никогда не проникая до причинъ, репутація человѣка зависитъ не столько отъ него самого, сколько отъ тѣхъ, кто беретъ на себя составить ему ее» [1]). Можно безъ преувеличенія прибавить,—даже репутація цѣлаго многочисленнаго общества, цѣлаго учрежденія. Съ Библейскимъ Обществомъ пало вмѣстѣ цѣлое обширное общественное учрежденіе, репутація его была подорвана, но дѣло его покрылось такимъ мракомъ, что общественное мнѣніе никогда не имѣло возможности видѣть актовъ изслѣдованія и обвиненія. Намѣреваясь теперь собрать сколько возможно факты его исторіи за послѣднее время его существованія, мы вынуждены почерпать ихъ изъ отрывочныхъ документовъ, или изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и только предположительно опредѣлять истинный ходъ дѣла.

Всѣ разсказы согласно указываютъ, что рѣшительныя дѣйствія противъ Библейскаго Общества, нанесшія ему окончательный ударъ, главнымъ образомъ были дѣломъ Аракчеева. Извѣстны отношенія, въ какихъ стоялъ къ императору Александру этотъ ужасный человѣкъ. Онъ, конечно, былъ преданъ императору, но это была преданность дикаго фанатика, для котораго казалось удобнымъ средствомъ всякое насиліе. Человѣкъ мало образованный, не умѣвшій даже правильно написать нѣсколько строкъ, этотъ «безъ лести преданный» человѣкъ могъ своимъ деспотическимъ способомъ дѣйствій вводить извѣстную внѣшнюю дисциплину, въ своей собственной спеціальности—сдѣлать нѣкоторыя улучшенія; но это былъ человѣкъ совершенно не способный понимать, и, вѣроятно, даже мало интересовавшійся тѣмъ, чтобы понимать тѣ проявленія общественной жизни, въ которыхъ тѣмъ или другимъ образомъ замѣшивалась идея: отвлеченные интересы были недоступны его разумѣнію, и до Библейскаго Общества ему, собственно говоря, не было, вѣроятно, ни малѣйшаго дѣла. Онъ только воспользовался враждой, которую питала къ Обществу одна часть духовенства, для чисто личныхъ цѣлей.

Эти личныя цѣли состояли въ желаніи подорвать значеніе кн. Голицына. Въ послѣдніе годы своего царствованія императоръ Александръ, утомленный правленіемъ, разочарованный въ

---

[1]) [Н. И. Тургеневъ]. La Russie et les Russes. Paris, 1847, I, 151.

своихъ идеалахъ и надеждахъ, нравственно усталый, все больше и больше поддавался вліяніямъ Аракчеева; но это вліяніе ограничивалось еще довѣренностью императора къ тремъ лицамъ, въ управленіи которыхъ были три важныхъ части — финансы, военное управленіе и министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Это были графъ Гурьевъ, кн. П. М. Волконскій и кн. А. Н. Голицынъ. Первый долженъ былъ передать свое мѣсто Канкрину; второй замѣненъ былъ въ званіи начальника главнаго штаба Дибичемъ. Противъ князя Голицына дѣйствовать было труднѣе, потому что онъ пользовался особымъ и давнишнимъ довѣріемъ императора; притомъ, Аракчееву трудно было приступиться къ нему и по той причинѣ, что онъ ничего не разумѣлъ ни въ просвѣщеніи, ни въ духовныхъ дѣлахъ. Но Аракчеевъ сумѣлъ, по крайней мѣрѣ, найти себѣ помощниковъ, которые могли очень успѣшно служить его планамъ. Этими помощниками были: митрополитъ Серафимъ, архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій и Магницкій.

«Какъ послѣдовало это соединеніе—покрыто мракомъ неизвѣстности (говоритъ одинъ современникъ и свидѣтель многихъ событій). Оно тѣмъ болѣе удивительно, что всѣ сказанныя три лица пользовались благорасположеніемъ и милостями князя Голицына, а послѣдній, т. е. Магницкій, былъ осыпанъ его благодѣяніями...

«Митрополитъ, человѣкъ ума ограниченнаго, учености недальней, придерживавшійся старины, давно уже съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на первенство въ дѣлахъ духовныхъ лица свѣтскаго, на покровительство, оказываемое Голицынымъ представителямъ всѣхъ другихъ исповѣданій, на участіе ихъ въ библейскихъ обществахъ, на учрежденіе евангелическаго епископа (въ лицѣ г. Сигнеуса), на изданіе нѣкоторыхъ книгъ съ разрѣшенія министра.

«Архимандритъ Фотій, недоучившійся студентъ с.-петербургской академіи, былъ полудикій изступленный фанатикъ, совершенный старообрядецъ, еще болѣе не терпящій нововведеній и духовенства другихъ исповѣданій» [1]).

Разсказчикъ въ особенности изумляется неблагодарности Магницкаго, но отъ Магницкаго нельзя было, конечно, и ждать другого способа дѣйствій, и самъ Панаевъ, нѣсколько ниже,

[1]) Зап. Панаева въ «В. Евр.», 1867, т. IV, стр. 79—80.

объясняетъ эту неблагодарность слѣдующимъ образомъ: «Предательство Магницкаго объяснить не трудно. Онъ постигалъ постепенно возрастающую силу Аракчеева, зналъ, что ему хотѣлось низвергнуть Голицына, видѣлъ, что мѣста графа Гурьева и кн. Волконскаго замѣщены людьми, хотя даровитыми, но незначительными по происхожденію, по чинамъ, по занимаемымъ предъ тѣмъ должностямъ, и могъ надѣяться, что Аракчеевъ, за оказанную услугу, возведетъ его въ званіе министра. Онъ, однакожъ, ошибся въ своемъ преступномъ разсчетѣ»... [1]).

Назвать ли этотъ союзъ «заговоромъ» или «соглашеніемъ», какъ предпочитаютъ другіе, это, кажется, все равно: это была во всякомъ случаѣ заранѣе обдуманная и подготовленная интрига, какъ можно видѣть по всему ходу дѣла. Какъ именно и кѣмъ составленъ былъ первоначальный планъ, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ: всего скорѣе онъ былъ дѣломъ Аракчеева, Магницкаго и Фотія. Митр. Серафимъ, повидимому, стоялъ въ сторонѣ отъ самой завязки дѣла и вовлеченъ былъ только послѣ. Нѣкоторые полагаютъ, что и Фотій, этотъ «изступленный», «полупомѣшанный» фанатикъ (по словамъ того же Панаева), дѣйствовалъ по внутреннему убѣжденію и прирожденной нетерпимости, былъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, а не прямымъ соучастникомъ въ самомъ планѣ интриги. Мы предоставимъ читателю судить по дальнѣйшему разсказу, насколько можно приписать дѣйствія Фотія въ этомъ дѣлѣ одному чистому убѣжденію,—намъ эта чистота кажется сомнительной; но относительно Серафима слѣдуетъ, кажется, принять, что его роль, по крайней мѣрѣ въ началѣ дѣла, была болѣе страдательная. По своимъ понятіямъ, онъ не сходился съ Голицынымъ, но самъ едва ли былъ бы способенъ придумать и исполнить интригу, въ которой ему пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ. Источникомъ его дѣйствій была крайняя слабость и безхарактерность. Онъ только послѣ крайнихъ колебаній, почти противъ воли, далъ союзникамъ свою поддержку въ началѣ дѣла, и потомъ не вдругъ уступалъ ихъ настояніямъ; правда, онъ, наконецъ, уступилъ совсѣмъ.—Другіе отзывы о личныхъ свойствахъ митр. Серафима довольно согласны съ приведенной выше характеристикой [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 84.

[2]) Ср. Сушкова, стр. 54—55.

О Фотіи существуютъ различныя мнѣнія. Многіе считаютъ его истиннымъ подвижникомъ, и полагаютъ, что въ немъ «Провидѣніе избрало для защиты православія орудіе, хотя тяжелое и не очень шлифованное, но чистое отъ мірской ржавчины». «Архим. Фотій былъ не лицемѣръ; онъ былъ постникъ и подвижникъ до излишества; грудь его была изранена въѣвшимися мѣдными веригами, которыя потомъ извлекли или вырѣзали врачи; его нельзя было купить и милліонами графини Орловой» (?). «О. Фотій, по своей дѣтской, семинарской простотѣ, не зналъ вовсе цѣны мірскихъ сокровищъ и принималъ жемчуги и яхонты, какъ принялъ бы блюдо земляники». Но, по словамъ того же защитника Фотія, «никто не станетъ спорить, что онъ, какъ человѣкъ, погрѣшилъ *раболѣпствомъ Аракчееву*, слишкомъ восхваляя этого злонравнаго временщика» и т. д. [1]). Вигель, въ «Запискахъ», называетъ Фотія человѣкомъ грубо-чистосердечнымъ, умнымъ и дальновиднымъ [2]). Но въ томъ, что извѣстно изъ его писаній и его дѣйствій, ума вовсе не видно; дальновидности его доставало только на нелѣпые доносы и на готовность служить Аракчееву; «грубое чистосердечіе» его, кажется, бывало часто поддѣльное. При всей ревности къ православію, онъ имѣлъ и ту особенную «услужливость», по которой самая защита православія была имъ сдѣлана тогда, когда это понадобилось по соображеніямъ, совершенно чуждымъ православію,—по заказу патрона и по данному знаку [3]). Наконецъ,

---

[1]) «Р. Инвалидъ», 1868, № 192.

[2]) «Одинъ умный архимандритъ новгородскаго Юрьева монастыря, Фотій, съ грубымъ чистосердечіемъ соединяя большую дальновидность, сильный дружбой Аракчеева, преданностію и *золотомъ* графини Орловой-Чесменской, дерзнулъ быть душею заговора противъ него» (кн. Голицына). Зап., III, ч. VI, стр. 52.

[3]) Ср. о Фотіѣ у Сушкова.—*Eynard*, II, p. 355—360, между прочимъ говоритъ (со словъ русскихъ, сообщавшихъ ему свѣдѣнія): «Toujours plus avide de satisfaire sa haine contre le prince Galitzin, il (Аракчеевъ) cherchait à lui opposer un adversaire hardi parce qu'il n'aurait rien à perdre, mais assez complaisant pour s'inspirer des conseils d'un patron; il choisit Photius. Aussi intrigant qu'obstiné Photius se montra digne d'un tel protecteur», etc. Укажемъ еще одну подробность. Современники разсказываютъ, съ выраженіемъ крайняго негодованія, что въ день похоронъ старой любовницы Аракчеева, Настасьи (письма которой напечаталъ недавно «Русскій Архивъ»), которая была убита ненавидѣвшею ее прислугой и за которую Аракчеевъ мстилъ страшнымъ истязаніемъ своей дворни,—«Фотій въ надгробной рѣчи утѣшалъ Аракчеева *предвѣстіемъ*, что зарѣзанная поступила въ сонмъ *великомученицъ*» (!!).

что касается «фанатизма и обскурантизма», отъ обвиненія въ въ которыхъ старается оправдать его выше упомянутый защитникъ, то эти свойства, конечно, нѣтъ никакой возможности отнять у юрьевскаго архимандрита: читатель убѣдится въ этомъ изъ послѣдующихъ данныхъ. Его логики не одобряетъ даже писатель, какъ авторъ «Обзора русской духовной литературы», питающій, впрочемъ, большое уваженіе къ дѣяніямъ Фотія [1]).

Для положительной характеристики Фотія недостаетъ еще полнаго изданія его записокъ. Г. Сушковъ, читавшій ихъ, нашелъ въ нихъ — «и молитвы, и клеветы, и ханжество, и буйство, и самонадѣянность, и лжесмиреніе» [2]). Этому немудрено повѣрить.

Объ его отношеніяхъ къ кн. Голицыну г. Сушковъ, вѣроятно, довольно справедливо, говоритъ, что Фотій ненавидѣлъ Голицына, завидуя Филарету, съ которымъ Голицынъ былъ въ тѣсной дружбѣ. Это объясненіе кажется намъ весьма правдоподобнымъ. Фотій былъ самолюбивый фанатикъ; репутаціей суроваго аскета онъ пріобрѣлъ себѣ множество поклонниковъ, между прочимъ, въ высшемъ обществѣ. У него не было средствъ ни ума, ни образованія, чтобы играть какую-нибудь иную роль, а между тѣмъ ему, кажется, именно хотѣлось играть роль въ дѣлахъ церкви; тонъ, въ которомъ онъ писалъ свои записки къ императору Александру, едва ли не выдаетъ этой самолюбивой затѣи Фотія. Филаретъ въ то время именно пріобрѣталъ такое господствующее положеніе, и по личнымъ талантамъ, и по связямъ съ Голицынымъ. Фотій думалъ съ своей стороны выиграть черезъ Аракчеева. Изувѣрство, соотвѣтствовавшее степени его развитія, самолюбіе, усиливаемое недостаткомъ образованія, и, наконецъ, достаточный запасъ энергіи или дерзости, вмѣстѣ съ угодливостью сильнымъ, кажется, опредѣляютъ роль его въ этой исторіи...

Въ началѣ 1824 года, союзники, кажется, уже рѣшили и самый способъ дѣйствій. Еще въ мартѣ этого года до людей,

---

[1]) «Говорить, что сужденія Фотія о сочиненіяхъ и сочинителяхъ (обличаемаго имъ мистицизма) вездѣ были логически вѣрны и отчетливы, значило бы *оскорблять правду*». [Филаретъ]. Обзоръ, кн. 2, стр. 233. О степени его развитія достаточно говорятъ записки, писанныя имъ къ имп. Александру, о которыхъ мы упомянемъ дальше.

[2]) Сушк., стр. 105.

близкихъ къ кн. Голицыну или Библейскому Обществу, дошли слухи и подозрѣнія, что противъ кн. Голицына составленъ заговоръ упомянутыми четырьмя лицами, что они для рѣшительнаго удара ждутъ только выхода одной книги пастора Госнера, которая переводилась на русскій языкъ, какъ говорили, по желанію Голицына. Кн. Голицынъ въ это время, повидимому, и не подозрѣвалъ о грозившей ему опасности [1]).

Прежде всего поручено было, кажется, начать рѣшительныя дѣйствія Фотію. Онъ долженъ былъ попробовать надъ кн. Голицынымъ силу своего краснорѣчія и своихъ заклятій. Дѣло разсказывается съ нѣкоторыми варіантами [2]).

Фотій въ запискахъ разсказываетъ съ своей точки зрѣнія такъ. Кн. Голицынъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля (1824) пришелъ къ Фотію. Между ними произошелъ будто бы такой разговоръ: Фотій «умолялъ» кн. Голицына остановить революціонныя книги, изданныя въ теченіе его министерства, или доложить объ нихъ императору. Кн. Голицынъ будто бы отвѣчалъ: «что же мнѣ теперь дѣлать? Всѣ университеты и учебныя заведенія *сформированы уже для революціи»* (!!).

— Но ты, какъ оберъ-прокуроръ, сперва, а теперь министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, могъ бы исправить.

— Не я, а государь виноватъ,—отвѣчалъ, по разсказу Фотія, Голицынъ:—онъ, будучи такого же духа, *желалъ сего* (!!).

— Но я тебя увѣряю, что можешь еще остановить.

— Поздно уже остановить, все уже *въ большой силѣ* (!!).

Черезъ нѣсколько дней, 25 апрѣля, кн. Голицынъ пожелалъ еще видѣться съ Фотіемъ; а по другимъ свѣдѣніямъ, Фотій именно пригласилъ его къ графинѣ Орловой-Чесменской, гдѣ

---

[1]) Такъ объ этомъ говорилъ Панаеву тогда же И. И. Ястребцовъ, извѣстный своимъ переводомъ Массильона; онъ состоялъ сначала при кн. Голицынѣ, въ это время управлялъ дѣлами комиссіи духовныхъ училищъ, съ 1819 г. былъ директоромъ въ петербургскомъ комитетѣ Библейскаго Общества.—Такія же подозрѣнія передавалъ ему свящ. Маловъ, также бывшій директоромъ библ. комитета. «Вѣстн. Европы», 1867, т. IV, стр. 82.

[2]) Хронологическая послѣдовательность этихъ событій еще недостаточно ясна по извѣстнымъ теперь документамъ, и мы принимаемъ порядокъ ихъ приблизительно. Записки Фотія, изъ которыхъ мы беремъ здѣсь свѣдѣнія, изданы пока только въ отрывкахъ «Чтенія М. Общ. Ист. и Др.» 1868, I, смѣсь, стр. 262—273; другой отрывокъ, въ «Чтеніяхъ М. Общ. любителей духовн. просвѣщ.» М. 1868, мы указывали выше.

его ожидала напередъ подготовленная сцена. Фотій стоялъ у святыхъ иконъ, съ запасными дарами, съ раскрытой Библіей на налоѣ. Фотій не далъ князю благословенія и, указывая Библію, требовалъ отъ него покаянія и отреченія отъ лукавыхъ лжепророковъ, подобныхъ Госнеру, и грозилъ ему страшнымъ судомъ. «Со злобою отвратился князь, побѣжалъ вонъ безъ благословенія, хлопнувъ дверьми. Фотій же, отворивъ двери, воззвалъ громко: «Если ты не покаешься, что зла надѣлалъ церкви и государству, тайно и явно, и сполна не откроешь царю,—не узришь царствія небеснаго и внидешь во адъ»!

Такъ разсказываетъ Фотій. По другимъ свѣдѣніямъ, его послѣднія слова были нѣсколько безцеремоннѣе.

Шишковъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что Фотій долгое время (около двухъ лѣтъ или больше, какъ это указываетъ и самъ Фотій) былъ въ связи и въ сношеніяхъ съ кн. Голицынымъ, «въ намѣреніи, какъ *сказываютъ*, отвратить его отъ покровительства тѣмъ ересямъ и зловреднымъ книгамъ, какія, чрезъ внушенія иностранныхъ миссіонеровъ, по ходатайству его выпускаются къ поколебанію нашей вѣры». Когда это не удалось, онъ рѣшился «употребить надъ нимъ духовную строгость»,—для чего и устроена была вышеописанная сцена. Шишковъ положительно говоритъ: «съ симъ намѣреніемъ пригласилъ *онъ* (Фотій) его (кн. Голицына) въ домъ графини Орловой, гдѣ, поставя налой и положа на немъ Евангеліе и крестъ, *приготовился* его встрѣтить»... Когда князь Голицынъ, разсердившись на требованія Фотія, спросилъ его, какое право имѣетъ онъ говорить съ нимъ такимъ повелительнымъ голосомъ, Фотій сталъ грозить ему проклятіемъ. «Князь послѣ словъ сихъ вспыхнулъ гнѣвомъ и сказалъ ему: «увидишь, кто изъ насъ кого преодолѣетъ», съ великимъ смущеніемъ побѣжалъ изъ горницы. Фотій въ слѣдъ ему кричалъ: *анаѳема! да будешь ты проклятъ»* [1]).

Эта послѣдняя версія, конечно, вѣрнѣе. Да и изъ того, какъ передаетъ Фотій свой первый разговоръ съ кн. Голицынымъ, достаточно видно, что въ *этой* формѣ разговоръ происходить не могъ: князь Голицынъ не могъ же сказать о себѣ, что онъ «формировалъ революцію».

Что сцена была заготовлена впередъ по плану союза, заключеннаго противъ кн. Голицына, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

---

[1]) Зап. Шишкова, стр. 96—97.

Какъ бы то ни было, Фотій, предавши кн. Голицына анаѳемѣ (на что, конечно, не имѣлъ никакого права), устроилъ скандальную сцену, послѣ которой должна была произойти рѣшительная борьба. Онъ не терялъ времени: онъ описалъ происшедшую сцену и въ тотъ же день представилъ описаніе императору Александру—вѣроятно, при содѣйствіи гр. Орловой или Аракчеева. По словамъ Шишкова, «вскорѣ государь позвалъ Фотія къ себѣ, и хотя сначала выговаривалъ съ гнѣвомъ за такой его поступокъ, находя оный не токмо не приличнымъ, но и несообразнымъ съ христіанскою покорностію, однакожъ, по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва» [1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ проклятія кн. Голицына Фотій представилъ императору Александру особенную подробную записку, въ которой излагалъ съ своей точки зрѣнія опасности, грозившія вѣрѣ и государству отъ революціонныхъ замысловъ кн. Голицына и его партіи. Устраивая сцену съ кн. Голицынымъ, Фотій, повидимому, надѣялся, что обратитъ кн. Голицына однимъ своимъ краснорѣчіемъ или, настращавши его анаѳемой и адомъ, заставитъ его самого отказаться отъ министерства; когда это ему не удалось, записка должна была довершить начатое.

Эта записка Фотія, первое формальное обвиненіе противъ Библейскаго Общества и кн. Голицына, есть верхъ безсмысленнаго и безсовѣстнаго доноса. По словамъ Фотія, Россіи и всему свѣту грозитъ страшная опасность отъ какихъ-то *иллюминатовъ*, общество которыхъ «всячески старается къ 1836 году [2]) сдѣлать приготовленія» къ учрежденію единаго царства Христова: въ это время, по ихъ замыслу, «всѣ царства, церкви, религіи, гражданскіе законы и всякое устройство должны быть уничто-

---

[1]) Зап., стр. 97. Въ запискахъ Фотія (Чтен., стр. 269) указано вообще пять случаевъ бесѣды его съ импер. Александромъ «о дѣлахъ вѣры и отечества», въ Петербургѣ: 1822 г., 5 іюня; 1824, 20 апрѣля, 14 іюня и 6 августа; 1825, 12 февраля, и разъ въ Юрьевскомъ монастырѣ 1825, 5 іюля.—Но если, какъ слѣдуетъ по Шишкову, настоящая бесѣда происходила послѣ сцены съ Голицынымъ (описанной у Фотія подъ 25 апрѣля), то 20-е число поставлено здѣсь невѣрно; или же невѣрно 25-е.—Подъ 29-мъ апрѣля поставлены у Фотія записка и письмо къ импер. Александру, о которыхъ рѣчь идетъ ниже. Другая записка упомянута еще подъ 12 апрѣля, но въ какой связи находятся эти разновременныя записки, намъ неясно.

[2]) Указаніе этого года взято изъ мистическихъ мечтаній Юнга Штиллинга въ «Побѣдной Повѣсти».

жены» (!!) и должна начаться новая религія. Глава общества преобразователей или *филадельфійской* церкви [1]) въ Россіи есть Кошелевъ, иллюминатъ и заклятый врагъ церкви и государства [2]). Онъ прельстилъ Голицына *подъ видомъ набожности* приготовить все для ниспроверженія самодержавія и вѣры. Для смѣшенія всѣхъ религій, и чтобы духовенство не мѣшало, введено министерство духовныхъ дѣлъ, и министру подчинены православные рядомъ съ жидами и магометанами. Для удобнѣйшаго распространенія новаго ученія устроено Библейское Общество, основатели котораго—методисты, «которыхъ и римская и лютеранская церковь называютъ отступниками отъ вѣры» [3]). Въ пособіе Обществу издаются вредныя книги, которыя Голицынъ распространяетъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, свѣтскимъ и духовнымъ; для тайны сношеній онъ беретъ себѣ и почтовое вѣдомство. Попечители въ университетахъ, директоры въ министерствѣ посажены изъ единомышленниковъ [4]). «Не находя въ русскомъ духовенствѣ усердныхъ орудій», вызвали изъ Германіи Госнера, Фесслера, «который хуже Пугачова», [5]) приняли подъ покровительство Лабзина, Татаринову, Крюднеръ, Линделя [6]) и пр., «и еще какого-то попа еретика для сего отыскали... и онъ составляетъ ложное пророчество, которое поправляетъ Кошелевъ» (?). «Чтобы правительство не вдругъ усмотрѣло», зло посѣвается въ отдаленныхъ мѣстахъ, на Дону, въ Сарептѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ [7]) и пр. Подъ вѣдѣніемъ министерства дѣйствуютъ типографіи (!) и цензура; есть единомышленники и здѣсь: «Гречъ

---

[1]) Объясненіе этой филадельфійской церкви мы приводили выше, изъ предисловія Лабзина къ «Жизни Штиллинга».

[2]) О враждѣ Фотія къ Р. А. Кошелеву, не разъ упомянутому нами ученику Сенъ-Мартена, ср. Сушк., стр. 106.

[3]) Эту самую фразу мы встрѣтимъ дальше и въ обвиненіяхъ Шишкова.

[4]) Здѣсь перечислены: Руничъ, Оболенскій, Карнѣевъ, арх. Ѳеофилъ (въ Одессѣ), Тургеневъ, Поповъ,—но *не названъ* Магницкій.

[5]) Фесслеръ вызванъ былъ не Голицынымъ, а Сперанскимъ, и еще задолго до основанія Библ. Общества.

[6]) Замѣтимъ, что къ этому времени импер. Александръ былъ уже холоденъ къ г-жѣ Крюднеръ; Линдль былъ давно высланъ и Лабзинъ—также, послѣдній по поводу, постороннему для Библ. Общества и его литературной дѣятельности.

[7]) Это относится, кажется, къ нѣкоторымъ раскольничьимъ движеніямъ этого времени, которыя были приписаны дѣйствіямъ Библ. Общества; о нихъ мы упомянемъ дальше.

первый злодѣй съ сей стороны и Тимковскій» [1]). Бываетъ и тайное печатаніе. Духъ реформы и революціи распространяется такъ, что многихъ приводитъ въ ужасъ. «Дабы унизить слово Божіе, которое въ церквахъ съ благоговѣніемъ читается, *предписано* продавать его даже въ аптекахъ съ микстурами и склянками».

Но этимъ еще не кончилось. Въ упомянутой личной бесѣдѣ съ Фотіемъ, императоръ, повидимому, предложилъ ему прямой вопросъ: какъ остановить ту революцію, которая, по словамъ Фотія, такъ неминуемо грозила Россіи. Фотій, кажется, ссылался на необходимость особеннаго божественнаго откровенія, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, и черезъ нѣсколько времени, въ особомъ письмѣ къ императору (поставленномъ въ запискахъ подъ тѣмъ же 29 апрѣля), онъ разрѣшаетъ вопросъ, получивши нужное откровеніе. Начавъ письмо напыщеннымъ славословіемъ императора и заявивъ о себѣ, что онъ, Фотій, рабъ его и служитель святой церкви, служитъ Богу и ему вѣрой и правдой, по закону Божію и гражданскому, по любви евангельской (!) и по присягѣ, Фотій продолжаетъ: «...На вопросъ твой: *какъ пособить, дабы остановить революцію?* молился Господу Богу, и *вотъ что открыто* (!), *только дѣлать немедленно* (!!). Способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо, есть таковъ: 1) министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ извѣстной особы [2]). 2) Библейское Общество уничтожить, подъ тѣмъ предлогомъ [3]), что уже много напечатано Библій, и онѣ теперь *не нужны.* 3) Синоду быть по прежнему, и *духовенству надзирать* при случаяхъ *за просвѣщеніемъ*, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ. 4) Кошелева отдалить, Госнера *выгнать*, Феслера *выгнать* и методистовъ *выгнать*, хотя главныхъ. *Провидѣніе* Божіе теперь ничего болѣе дѣлать *не открыло* (!). Повелѣніе *Божіе* я возвѣстилъ, испол-

---

[1]) Гречъ былъ въ связяхъ съ Библ. Обществомъ, между прочимъ и какъ типографщикъ, печатавшій библейскія и мистическія книжки. Тимковскій—цензоръ, памятный литературѣ необузданностью краснаго карандаша и, вмѣстѣ съ Бируковымъ, пропускавшій, въ угоду начальству, мистическія книги.—Гречъ въ свое время слылъ за ужаснаго либерала. Благонамѣренные люди, въ родѣ Воейкова, благодарили Промыслъ Божій, что онъ не приводилъ имъ «проповѣдывать, какъ Гречъ, свободу и равенство». Въ письмѣ 1824 года; «Библ. Записки», 1858, стр. 262.

[2]) Т. е. министерство просвѣщенія и почтовое вѣдомство также отнять у князя Голицына.

[3]) *Предлогъ,* какъ видимъ, также былъ *открытъ свыше!*

нить же въ тебѣ состоитъ»... Дальше: «Отъ 1812 года до сего 1824 года прошло *ровно 12 лѣтъ* (?). Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію: да побѣдитъ онъ и духовнаго Наполеона лицемъ твоимъ, коего можешь, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты одною чертою пера».

Шишковъ, разсказавъ о сценѣ Фотія съ кн. Голицынымъ и разговорѣ Фотія съ императоромъ, замѣчаетъ, что «въ то же время подоспѣло Госнеровское дѣло». Оно подоспѣло слѣдующимъ образомъ. Мы замѣтили выше, что союзники ожидали только окончанія книги Госнера, выходившей тогда въ русскомъ переводѣ, чтобы приступить къ своимъ дѣйствіямъ: эта книга должна была доставить имъ оружіе противъ кн. Голицына. Госнеръ, какъ прежде Линдль, свободно проповѣдывалъ въ Петербургѣ, при покровительствѣ Голицына, и имѣлъ не мало приверженцевъ даже между православными. «Слушателями ихъ,—разсказываетъ Гречъ,—были отчасти вѣрующіе и убѣжденные, но не находившіе достойной духовной пищи въ поученіяхъ пасторовъ протестантскихъ и православныхъ священниковъ, но большая часть ихъ ходила на эти поученія изъ угодливости покровителю ихъ, Голицыну... *Магницкій*, Руничъ, Кавелинъ, Поповъ, Пезаровіусъ (основатель «Инвалида»), кн. К. А. Ливенъ, Адеркасъ, директоръ петровской школы Шубертъ, Сѣровъ, окружали ихъ каѳедры, вздыхали, плакали, становились на колѣни»... Религіозный либерализмъ этихъ проповѣдниковъ былъ ненавистенъ настоящимъ католикамъ, которые считали ихъ предателями и еретиками; православное духовенство тѣмъ больше должно было не терпѣть ихъ, что они увлекали овецъ и изъ его паствы.

Въ 1823—24 г. Госнеръ издалъ по-нѣмецки книгу, заключавшую толкованіе Новаго Завѣта, подъ названіемъ: «Духъ жизни и ученія Іисуса Христа». Книга была одобрена къ печати фонъ-Полемъ, однимъ изъ библейскихъ дѣятелей и почитателемъ Госнера [1]). Другой почитатель его, отставной генералъ-маіоръ Брискорнъ, вздумалъ перевести книгу на русскій языкъ, и, при помощи нѣсколькихъ сотрудниковъ, началъ изданіе; но онъ умеръ въ томъ же 1823 году, и продолженіе изданія взялъ на себя Госнеръ, а В. М. Поповъ взялся кончить переводъ. Цензоръ Бируковъ одобрилъ книгу къ печати, кажется, даже не читавши ея.

---

[1]) Фонъ-Поль впослѣдствіи былъ директоромъ канц. мин. внутр. дѣлъ при Блудовѣ.

Между тѣмъ, Магницкій передался Аракчееву и придумалъ воспользоваться книгой Госнера противъ кн. Голицына, надѣясь легко отыскать въ ней безбожіе и революцію. Дѣло устраивалось по способу, который былъ уже разъ употребленъ, во время раздоровъ митр. Амвросія и Филарета съ Ѳеофилактомъ [1]). Надо было выкрасть изъ типографіи отпечатанные листы и предварить выходъ книги донесеніемъ императору. Въ типографію Греча, гдѣ печаталась книга, подсылали шпіоновъ, старались подкупить мальчиковъ, чтобы получить желаемые листки. Наконецъ, помогъ нѣкто Степановъ, чиновникъ 5-го класса. Узнали, что Брискорнъ давалъ корректурные листы книги одному доктору, также любителю Госнера. Степановъ притворился больнымъ, пригласилъ къ себѣ этого доктора, успѣлъ выманить у него нѣсколько корректурныхъ листовъ, ссылаясь на тяжкіе грѣхи и желаніе усладить себя духовной пищей. Получивъ листки, Степановъ тотчасъ же свезъ ихъ оберъ-полицейместеру, а этотъ передалъ ихъ Магницкому, которому, конечно, и принадлежалъ планъ дѣйствій. Магницкій немедленно отыскалъ въ листкахъ богохульство и безбожіе и передалъ дѣло Аракчееву. Добывъ корректуру, желали добыть также нѣсколько экземпляровъ отпечатанныхъ листовъ, чтобы предъявленіемъ ихъ подтвердить придуманную (конечно, тѣмъ же Магницкимъ) ложь, будто бы книга была уже въ большомъ количествѣ распространена въ публикѣ [2]). Кромѣ корректурныхъ листковъ, выкраденъ былъ, кажется, и полный отпечатанный экземпляръ.

Тогда былъ выдвинутъ митр. Серафимъ. Аракчеевъ и его кліенты насильно заставили митрополита отправиться во дворецъ, гдѣ онъ долженъ былъ лично представить императору весь вредъ, проистекающій для православія отъ кн. Голицына, или «открыть ему всѣ козни враговъ церкви и отечества, хитро передъ нимъ дотолѣ скрываемыя»,—какъ говоритъ объ этомъ современный историкъ этой партіи [3]). По разсказамъ близкихъ свидѣтелей дѣла, Серафимъ только послѣ долгихъ увѣщаній, просьбъ, и послѣ долгаго колебанія рѣшился отправиться во дворецъ. Время для этого, какъ говорятъ, нарочно было выбра-

---

[1]) «Р. Вѣстн.», 1868 г. № 4, 510—511.

[2]) Эта исторія подробно разсказывается въ напечатанномъ недавно отрывкѣ изъ Записокъ Греча, «Р. Арх.», 1868 г., ст. 1403 и слѣд.

[3]) См. чрезвычайно любопытную «Записку о крамолахъ враговъ Россіи» въ «Р. Арх.», 1868 г., ст. 1387.

но необыкновенное,—шесть часовъ вечера, чтобы этой самой необычайностью встревожить императора. Митрополитъ три раза садился въ карету, чтобы ѣхать во дворецъ, и три раза возвращался. «Наконецъ, въ третій разъ до кареты провожали его Павловъ (синодскій чиновникъ, изъ враждебной Голицину партіи), Фотій и Орловъ, и своими руками усадили въ нее; Павловъ захлопнулъ дверцы кареты, сказалъ кучеру, чтобы онъ не останавливался до Зимняго дворца, и крикнулъ: пошелъ!» Не обошлось при этомъ и безъ Магницкаго. Разсказываютъ, что Магницкій ѣхалъ вслѣдъ за каретою на дрожкахъ, и когда замѣчалъ, что кучеръ, по приказанію изъ кареты, заворачиваетъ въ сторону, приказывалъ отъ себя ѣхать прямо ко дворцу [1]).

Подробности разговора митр. Серафима съ императоромъ до сихъ поръ мало извѣстны. Упомянутый выше современный историкъ, авторъ «Записки о крамолахъ», передаетъ его слѣдующимъ образомъ: «Митрополитъ Серафимъ со святымъ дерзновеніемъ древнихъ пророковъ предсталъ лицу императора... Онъ, снявъ съ головы своей бѣлый клобукъ, положилъ его къ ногамъ императора и съ твердостію сказалъ: «не приму его, доколѣ не услышу изъ устъ вашего величества царскаго слова, что министерство духовныхъ дѣлъ уничтожится и святѣйшему синоду возвратятся прежнія права его, и что министромъ народнаго просвѣщенія поставленъ будетъ другой, а вредныя книги истребятся». Въ несомнѣнное доказательство гибельныхъ для церкви и отечества дѣйствій министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, митрополитъ представилъ императору книгу Госнера о Евангеліи Матѳея [2]), которая оканчивалась печатаніемъ; раскрылъ въ ней тѣ мѣста, которыя показывали дерзкое возстаніе сочинителя не только противъ русскаго православія и самодержавія, но даже противъ всѣхъ христіанскихъ

---

[1]) «Р. Арх.» 1868 г., ст. 1390. Въ Зап. Панаева, «Вѣстн. Евр.» стр. 84, передается по разсказамъ самого Магницкаго, что онъ вслѣдъ за митрополитомъ отправился на Адмиралтейскій бульваръ и прошелъ къ подъѣзду дворца, гдѣ уже столпилось довольно народа, привлеченнаго каретой митрополита. Магницкій хотѣлъ видѣть, съ какимъ лицомъ выйдетъ изъ дворца митрополитъ,—съ веселымъ или печальнымъ. По довольному лицу его Магницкій увидѣлъ, что дѣло идетъ хорошо, и тотчасъ отправился въ Невскій монастырь поздравить его съ успѣхомъ.

[2]) «О Евангеліи отъ Матѳея»—было второе частное заглавіе книги Госнера, или заглавіе 1-го тома. Общаго заглавнаго листа, вѣроятно, еще не успѣли напечатать.

исповѣданій. Убѣжденный доказательствами Серафима, императоръ, подавая ему клобукъ его, сказалъ: «Преосвященный, примите вашъ клобукъ, который вы достойно носите; а ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены» [1]).

Такимъ образомъ пущены были въ ходъ всѣ средства: скандальное проклятіе, обращеніе къ императору о спасеніи церкви, самые необузданные доносы и, наконецъ, выкраденная книга, какъ corpus delicti. Дѣйствіе оказалось очень скоро.

Прежде всего послѣдовало высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи книги Госнера. Это разсмотрѣніе поручено было адмиралу и президенту россійской академіи А. С. Шишкову и министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому [2]). Впрочемъ, Ланской только подписалъ докладъ, составленный Шишковымъ. Первыя распоряженія послѣдовали очень скоро: той же весной Госнеръ былъ высланъ за границу, книгу велѣно было сжечь,— всѣ лица, прикосновенныя къ изданію, переводчики (въ особенности В. М. Поповъ), два цензора (фонъ-Поль и Бируковъ), типографщики (Край и Гречъ) отданы были подъ судъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были первыя мѣры противъ Библейскаго Общества, 15 мая кн. Голицынъ пересталъ быть министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и президентомъ Общества. Министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами, однихъ *иностранныхъ исповѣданій*, сдѣланъ былъ Шишковъ; но православная часть отошла къ синодальному оберъ-прокурору; доклады же синода должны были представляться черезъ Аракчеева. Президентомъ

---

[1]) Варіантъ разсказа у Панаева, стр. 84. Г. Сухомлиновъ, въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1868 г., кн. I, стр. 7, примѣч., упоминаетъ объ этомъ разговорѣ по извѣстіямъ лица, слышавшаго разсказъ о немъ митр. Филарета, но самаго разсказа не приводитъ. Переданный нами текстъ, вѣроятно, нѣсколько прикрашиваетъ «святое дерзновеніе» Серафима. Въ подобныхъ встрѣчахъ онъ былъ вообще робокъ (ср. «Обзоръ» Филарета Черниг., стр. 246), и крайняя нерѣшимость его отправиться во дворецъ не показываетъ твердости. Какъ мало были извѣстны подробности этого событія, можно судить по тому, что Шишковъ, такъ много ревновавшій по дѣлу Госнера, не зналъ, какимъ образомъ доведено было до свѣдѣнія императора Александра объ этой книгѣ. (Зап., стр. 119).

[2]) Зап. Шишкова, 119. По Зап. Фотія, высочайшее повелѣніе отнесено опять къ 25-му апрѣля («Чтенія», стр. 266). Панаевъ говоритъ о «комитетѣ», къ которому причисляетъ и гр. Милорадовича; но послѣдній, въ качествѣ генералъ-губернатора, производилъ только полицейское дознаніе.

Библейскаго Общества сталъ митрополитъ Серафимъ,—и хотя въ высочайшемъ рескриптѣ, опредѣлявшемъ это назначеніе, сказано было, чтобы доклады по Обществу вносимы были къ императору черезъ посредство кн. Голицына,—но это, кажется, съ самаго начала осталось только фразой ему въ утѣшеніе. Доклады Серафима по Обществу были уже вскорѣ такого свойства, что кн. Голицыну невозможно было вносить ихъ.

Общество пока еще продолжало существовать, но это существованіе—съ предсѣдателемъ, участвовавшемъ въ низверженіи кн. Голицына въ союзѣ съ Фотіемъ—было слишкомъ натянутое и не могло длиться долго...

Новый министръ народнаго просвѣщенія и главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій систематически и съ жаромъ принялся за искорененіе того, что дѣлалось прежнимъ министерствомъ, за уничтоженіе Библейскаго Общества и его зловредныхъ тенденцій. Несчастье было только въ томъ, что ревность Шишкова задѣла при этомъ и самое просвѣщеніе, которое онъ долженъ бы былъ устраивать... Люди, надѣявшіеся, что съ Шишковымъ пойдутъ лучше дѣла просвѣщенія и литературы, должны были разочароваться.

Шишковъ, конечно, не участвовалъ въ заговорѣ противъ Голицына,—онъ былъ слишкомъ прямодушенъ и наивенъ,—но его ревность противъ голицынскаго вольнодумства была такъ усердна, его старость и простодушіе такъ велики, что Аракчеевъ не могъ найти лучшаго исполнителя своихъ желаній и лучшаго человѣка для вакантнаго министерства [1]). Для самого Шишкова назначеніе его было совершенно неожиданно. Но, разъ назначенный, онъ началъ дѣйствовать съ великой ревностью,—въ полной покорности у Аракчеева, не оправдавши упомянутыхъ ожиданій и не внушивши къ себѣ уваженія...

Отзывы современниковъ достаточно рисуютъ положеніе дѣла: по выраженію одного изъ нихъ, Шишковъ былъ только «трупъ, гальванизированный Магницкимъ» [2]), и это фигурное сравненіе

---

[1]) Зап. Вигеля, III, VI, 53. «Изъ четырехъ министровъ троимъ,—военному, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ,—было за семьдесятъ лѣтъ, а четвертому, министру просвѣщенія, около восьмидесяти. Сія геронтократія должна была нравиться Аракчееву своимъ безсиліемъ и покорностію».

[2]) Ibid. VII, 5.

довольно вѣрно. Магницкій овладѣлъ имъ совершенно, и Шишковъ даже не подумалъ о той роли, какую игралъ Магницкій при его предшественникѣ [1]). Онъ понялъ его только тогда, когда самъ нѣсколько разъ былъ также нагло и грубо обманутъ.

Первымъ дѣломъ, привлекшимъ особенное вниманіе Шишкова, было госнеровское, которое началось еще до вступленія его въ министерство и окончилось уже при имп. Николаѣ.

Книга Госнера называлась: «Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi, in Betrachtungen und Bemerkungen über das ganze Neue Testament. Erster Band. Matthäus und Marcus» [2]), т. е. «Духъ жизни и ученія Іисуса Христа, въ размышленіяхъ и замѣчаніяхъ о всемъ Новомъ Завѣтѣ». Въ русскомъ переводѣ, безъ заглавнаго листа, книга называлась: «О Евангеліи отъ Матѳея». Шишковъ, которому вмѣстѣ съ Ланскимъ поручено было разсмотрѣть ее, 20-го мая читалъ уже свой отзывъ о книгѣ въ комитетѣ министровъ. Общій смыслъ этой книги представленъ былъ имъ въ слѣдующихъ словахъ: «По внимательномъ разсмотрѣніи сей книги оказывается, что въ толкованіи евангельскихъ текстовъ вездѣ *подъ видомъ наставленія* въ вѣрѣ, *внушаются противныя ей правила*, основанныя на *ложныхъ* умствованіяхъ, *смѣшанныхъ*, однако, съ *истинными* и *скрытыхъ* подъ оными, дабы сею *хитростію омрачить* умъ читателя или слушателя и понемногу *отводить* его отъ *Вѣры* своей, отъ должностей мирнаго гражданина и отъ всѣхъ *обязанностей* къ небесному и земному *царю*».

Все это онъ старается подтвердить въ своемъ разборѣ [3]). Не останавливаясь на этомъ разборѣ, замѣтимъ только, что онъ написанъ совершенно въ томъ же духѣ, какъ переданная нами выше книга Станевича или доносъ Фотія: то же злостное перетолкованіе самыхъ обыкновенныхъ мистическихъ выраженій, такое же желаніе видѣть подъ этими выраженіями скрытый революціонный смыслъ. Шишковъ могъ бы, конечно, указывать на протестантскій характеръ книги Госнера, могъ бы находить неумѣстными подобныя изданія на русскомъ языкѣ, указать въ книгѣ преувеличенное резонерство, — и это была бы часто

---

[1]) Зап. Панаева, «В. Евр.», 1867, т. IV, стр. 88, примѣч.

[2]) Печатано, по указанію Шишкова (стр. 30), въ Петербургѣ 1824, у Края. Другое изданіе было, кажется, сдѣлано Госнеромъ въ Лейпцигѣ, 1824.

[3]) Записки, стр. 30—49.

правда. Но онъ этимъ не довольствовался, и выдавалъ Госнера за хитраго безбожника и революціонера, подкапывающаго алтари и престолы. Это было уже нелѣпо. Странно было бы думать въ самомъ дѣлѣ, чтобы Госнеръ, самъ фанатикъ въ своемъ родѣ, былъ какимъ-нибудь злонамѣреннымъ безбожникомъ, старающимся подрывать религію. На дѣлѣ это былъ совершенно искренній піэтистъ, только перехитрившій свои умствованія по поводу историческихъ сказаній и нравственныхъ ученій Евангелія: его книга (судя по выпискамъ Шишкова) была не умна, въ иныхъ случаяхъ, пожалуй, довольно нелѣпа и безвкусна, но революціонной называть ее смѣшно [1]). Но Шишковъ былъ именно убѣжденъ въ этомъ и, понятно, что даже въ самыхъ рутинныхъ фразахъ обыкновенныхъ проповѣдническихъ наставленій онъ сталъ находить тайный возмутительный смыслъ [2]), а нѣсколькихъ выраженій, не важныхъ вовсе въ сущности, но слишкомъ неосторожно раціоналистическихъ и протестантскихъ для книги, выходившей на русскомъ языкѣ, достаточно было Шишкову, чтобы указывать въ книгѣ Госнера несомнѣнное стремленіе «къ возмущенію народа противъ православія и престоловъ».

Въ концѣ своего разбора онъ предлагалъ уже общія мѣры для искорененія опаснаго зла, распространившагося въ послѣдніе годы и грозившаго государству. Онъ предлагалъ учредить выс-

---

[1]) Это замѣтилъ тогда даже неопытный въ богословіи Панаевъ, которому Шишковъ прочелъ однажды отрывокъ изъ своего разбора (Зап. Пан., стр. 87). Впрочемъ, мы не имѣли въ рукахъ подлинника и не можемъ съ точностью судить о характерѣ изложенія въ книгѣ Госнера; видно только, что цитаты, вырываемыя Шишковымъ изъ контекста, очень натянуты.

[2]) Напримѣръ, у Госнера сказано: «Предубѣжденіе объ особенномъ уваженіи къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ, нерѣдко совращаетъ человѣка съ истиннаго и прямого пути и помрачаетъ его зрѣніе такъ, что онъ не видитъ уже болѣе яснаго свѣта Евангелія». Шишковъ: «Что такое предубѣжденіе къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ? Кто такія сіи лица? *Не угодники ли Божіи* (!), которыхъ мы, за добродѣтели ихъ почитаемъ? *Не земныя ли власти*, которымъ мы, для соблюденія общаго спокойствія и порядка, повинуемся и уважаемъ ихъ? Почему же должное къ нимъ уваженіе есть предубѣжденіе, несовмѣстное съ христіанствомъ?» и проч. Но Госнеръ объ этомъ вовсе и не говоритъ, и Шишковъ подставляетъ ему свои собственныя толкованія. У Госнера дальше идетъ рѣчь просто о житейскихъ расчетахъ и внѣшнемъ блескѣ, которые не должны отвращать человѣка отъ исполненія его христіанскихъ обязанностей, о необходимости смиренія и т. п.

шій цензурный комитетъ изъ нѣсколькихъ духовныхъ и государственныхъ особъ, которому, кромѣ цензуры книгъ русскихъ и привозныхъ иностранныхъ, принадлежало бы и наблюденіе за преподаваніемъ во всѣхъ *университетахъ* и училищахъ... «Надлежитъ строго смотрѣть, чтобъ профессоры и учители преподавали науки *по извѣстнымъ книгамъ*, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ коихъ они часто обучаютъ учениковъ не общимъ, но *собственнымъ своимъ* правиламъ и мыслямъ (!)». «Всѣ другія мѣры (указанныя имъ выше: высылка частныхъ лицъ, наказаніе цензоровъ и т. п.) окажутся недостаточными». Кромѣ того, должно быть строго изслѣдовано все зло, происшедшее отъ прежняго духа, не только въ столицахъ, но и въ *отдаленнѣйшихъ краяхъ* Россіи. Наконецъ, вѣроятно въ образчикъ этого «строгаго изслѣдованія», Шишковъ выписываетъ изъ Франкфуртской газеты извѣстіе (присланное изъ Петербурга) о томъ, что Фесслеръ, лютеранскій суперъ-интендентъ въ Саратовѣ, объѣзжалъ недавно свой округъ, гдѣ заключается больше 600,000 нѣмецкихъ колонистовъ,—и восклицаетъ: «Таковыя обширныя порученія иностраннымъ проповѣдникамъ и учителямъ, *изгнаннымъ* изъ ихъ отечества, или по крайней мѣрѣ признаваемымъ за людей *худыхъ правилъ*, и *можетъ быть нарочно посылаемымъ* къ намъ для разрушенія мира и тишины, необходимо долженствовали, какъ и *слышно*, произвесть не малые плоды посѣяніемъ въ простомъ народѣ всякихъ ересей и буйства (!!)». Онъ требовалъ строжайшихъ мѣръ къ потушенію этого огня, «безпрестанно поджигаемаго иностранцами», и который, по его мнѣнію, легко могъ стать «неугасимымъ» [1]).

Такимъ образомъ, общее представленіе Шишкова объ этихъ предметахъ было того же свойства, какъ у Фотія: ему тоже мерещились какіе-то неизвѣстные враги (у Фотія «иллюми-

[1]) Главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій не зналъ, что Фесслера никто не присылалъ и не выгонялъ изъ-за границы, а что его вызвали сами русскіе, именно Сперанскій; что Фесслеръ ничего не разсѣвалъ въ русскомъ народѣ, а просто объѣзжалъ свою лютеранскую паству, т. е. нѣмецкихъ колонистовъ, къ которымъ русское правительство назначило его суперъ-интендентомъ, и которымъ нужно же было свое церковное управленіе. Шишковъ не знаетъ ничего этого и, между тѣмъ, самоувѣренно забрасываетъ инсинуаціями Фесслера, человѣка очень почтеннаго, и приписываетъ ему *худыя* правила, не только не имѣя понятія о *правилахъ* Фесслера, но, кажется, не разумѣя и того, какія вообще бываютъ правила лютеранина.

наты»), которые нарочно присылаютъ въ Россію возмутителей для уничтоженія въ ней вѣры и престола. Понятно, что сюда онъ причислялъ и все Библейское Общество, и въ этомъ также совершенно соглашаясь съ Фотіемъ, но на первое время онъ пока еще умалчивалъ объ этомъ...

Въ комитетѣ министровъ, куда Шишковъ и Ланской представили свой разборъ, повидимому, или мало интересовались внимательнымъ изслѣдованіемъ этого случая, или впередъ соображались съ предполагаемымъ на ту минуту невыгоднымъ мнѣніемъ императора объ этомъ дѣлѣ, или тамъ вообще господствовали тѣ же мнѣнія, только «члены комитета всѣ безъ изъятія утвердили мнѣніе» Шишкова и Ланского [1]). Вслѣдствіе того императоръ и повелѣлъ выслать Госнера за границу, книгу его сжечь, а тѣхъ, кто хотѣлъ издать ее по-русски, отдать подъ судъ.

Первое слѣдствіе произведено было оберъ-полиціймейстеромъ, причемъ В. М. Поповъ былъ «изобличенъ въ поправленіи книги своею рукою»,—потому что нашлось, что *нѣсколько листковъ* перевода было исправлено Поповымъ. Отъ оберъ-полиціймейстера дѣло перешло въ сенатъ...

Между тѣмъ Госнеръ былъ уже въ Берлинѣ. Хотя онъ прибылъ туда изгнанникомъ,—разсказываетъ его біографъ Бетманъ-Голльвегъ, знавшій его еще въ тѣ времена [2]),—но министръ Альтенштейнъ отклонилъ всякія преслѣдованія. «Мы нашли въ этомъ любимомъ нами человѣкѣ немалую перемѣну. Вмѣсто нѣжной сердечности и мягкости, которая заставила одного высокопоставленнаго друга сказать, что онъ хоть сейчасъ можетъ явиться ко двору, подъ вліяніеиъ суровыхъ испытаній въ немъ выказывалась большая мѣра духа... но и *болѣе грубая форма.* Глубоко пораженный печалью насильственной разлуки съ любимой общиной, онъ походилъ на медвѣдицу, у которой отняли дѣтенышей. Въ чертахъ его можно было прочесть: никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ (Гал. VI, 17). Прежде всего ему нужно было спокойствіе... Но дѣйствовать, особенно для его петербургскихъ дѣтей, скоро стало для него потребностью». Поэтому Госнеръ отправился въ Лейпцигъ, гдѣ, при содѣйствіи своего

---

[1]) Записки, стр. 119.
[2]) Joh. Gossner, стр. 21—22.

пріятеля, книгопродавца Таухница, сталъ издавать благочестивыя книжки. «Въ это время составлены были и еще напечатанныя (въ 1858), драгоцѣнныя Goldkörner, предназначенныя вполнѣ для петербуржцевъ».

Выписанное нами мѣсто можетъ дать образчикъ того, какъ должны были относиться къ Госнеру его тогдашніе почитатели въ Берлинѣ или Лейпцигѣ, и въ Петербургѣ. Госнеръ дѣйствительно пересылалъ въ Петербургъ свои поученія, вѣроятно эти самыя Goldkörner; полиція или доносъ услѣдили ихъ, и это дало Шишкову новый поводъ вооружиться противъ заразы [1]).

19-го сентября Шишковъ писалъ Аракчееву, что генералъ-губернаторъ Милорадовичъ и оберъ-полиціймейстеръ сообщили ему нѣмецкіе стихи съ нотами, присланные въ Петербургъ отъ Госнера, и въ которыхъ Шишковъ видѣлъ неслыханное злочестіе, предательство Іудино и хитрость змія, прельстившаго Адама. Въ приведенныхъ имъ цитатахъ [2]) опять нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ выраженія печали о разлукѣ и ободреній перенести преслѣдованіе, что было естественно при тогдашнемъ положеніи Госнера и его петербургскихъ друзей. Этихъ стиховъ прислано было, по словамъ оберъ-полиціймейстера, до сорока экземпляровъ. Нѣсколько позже Шишковъ доносилъ

[1]) Читателю, можетъ быть, не безынтересна будетъ дальнѣйшая судьба этого человѣка. Въ Лейпцигѣ Госнеръ пробылъ около двухъ лѣтъ. Полиція и здѣсь не оставила его въ покоѣ; она усумнилась въ его пропагандѣ и предложила ему свои вопросы. Въ его благочестивыхъ тенденціяхъ была значительная доля раціонализма и стремленіе къ практическому христіанству, которыми ему, кажется, хотѣлось уподобиться христіанамъ первобытной церкви. Но, конечно, это не былъ человѣкъ, такой опасный для цѣлости алтарей и престоловъ, какъ считалъ Шишковъ и отчасти, кажется, лейпцигская полиція. На вопросъ полиціи въ Лейпцигѣ: какого онъ исповѣданія? онъ отвѣчалъ, что онъ христіанинъ; но полиція не удовольствовалась и спрашивала дальше: католикъ ли онъ, лютеранинъ и т. д. Госнеръ замѣтилъ въ отвѣтъ, что «теперь онъ по крайней мѣрѣ оффиціальнымъ путемъ узнаетъ, что въ христіанствѣ недостаточно быть христіаниномъ». Впослѣдствіи этотъ первобытный христіанинъ окончательно поселился въ Берлинѣ и сталъ формально лютеранскимъ проповѣдникомъ. Онъ и здѣсь имѣлъ много почитателей въ піэтистическихъ кружкахъ, и вводилъ практическую религіозность, основывая благотворительныя общества, школы для малолѣтнихъ дѣтей и, кромѣ того, цѣлое миссіонерское заведеніе для обращенія язычниковъ.

[2]) Зап., стр. 26—29.

объ этомъ и императору: «Госнерово *осиротѣлое стадо*, какъ онъ самъ въ присланной сюда пѣсенкѣ своей пишетъ, продолжаетъ свои собранія. Татаринова тожъ по прежнему представляетъ жрицу, между вакханками, и *Поповъ*, какъ слышу, всякой день у ней бываетъ. Если противъ сихъ сборищъ по домамъ не возьмутся строгія мѣры, то я не знаю, до какой степени онѣ распространятся» [1]).

Во всемъ этомъ Шишкову мерещилась революція. О Татариновой мы уже упоминали. Что касается, наконецъ, Попова, то, по словамъ Вигеля, это былъ «кроткій изувѣръ, смирный, простой человѣкъ, котораго, однакожъ, именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія» [2]). Впрочемъ, особыхъ злодѣяній за нимъ не было, кромѣ того, что онъ участвовалъ въ переводѣ книги Госнера и слишкомъ былъ привержен къ обрядамъ Татариновской религіи, къ которымъ послѣ сталъ принуждать своихъ дочерей. Шишковъ преслѣдовалъ Попова съ особеннымъ ожесточеніемъ, и это понятно: это былъ человѣкъ очень близкій къ кн. Голицыну, одинъ изъ главныхъ вожаковъ библейскаго дѣла, и это его преступленіе увеличивалось еще тѣмъ, что онъ былъ лицомъ оффиціальнымъ, директоромъ департамента въ министерствѣ просвѣщенія,—хотя, по словамъ Вигеля, онъ этимъ департаментомъ занимался мало, и, слѣд., тѣмъ меньше компрометировалъ свое оффиціальное положеніе. Шишковъ называетъ его [3]) «ревностнымъ старателемъ промѣнять церковь нашу на протестантскую, геррнгутерскую или какую-либо иную, и который въ библейскихъ обществахъ представлялъ, послѣ министра своего, лице первенствующее въ синодѣ свѣтско-духовной особы». Въ особое преступленіе онъ ставитъ Попову еще то, что тотъ, между прочимъ, ѣздилъ за границу, подъ предлогомъ болѣзни, а на самомъ дѣлѣ,—говоритъ Шишковъ,—для совѣщанія съ англійскими методистами. Теперь, хотя онъ и отданъ былъ подъ судъ и вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ устраненъ изъ Библейскаго Общества, но Голицынъ перевелъ его въ оставленный ему Почтовый департаментъ,—«со всѣми прежними выгодами (замѣчаетъ Шишковъ) и даже съ тайными нѣкоторымъ лицамъ внушеніями, чтобъ на

---

[1]) Зап., стр. 67.
[2]) Зап. Вигеля, III, V, 67.
[3]) Стр. 97.

судѣ старались его оправдать» [1]). Это еще увеличивало досаду Шишкова.

Сенатское производство этого дѣла извѣстно теперь по двумъ напечатаннымъ мнѣніямъ сенаторовъ Муравьева-Апостола и Сумарокова [2]). Эти мнѣнія весьма характеристичны и представляютъ взгляды обѣихъ сторонъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Обвиненіе противъ Попова собрано было въ три пункта: 1) что онъ не только поправлялъ своей рукой книгу Госнера, но въ томъ же духѣ излагалъ (въ книгѣ) и свои мысли; 2) что, зная о заключеніи правительства относительно Госнера и его сочиненіи, позволилъ себѣ въ отзывѣ полиціймейстеру, какъ будто въ *охужденіе* этого заключенія, говорить о книгѣ, что она хорошаго духа, а о Госнерѣ, что онъ человѣкъ истинно христіанскихъ правилъ и образа мыслей; и въ особенности 3) что, въ качествѣ директора департамента въ министерствѣ, которому подчинены цензоры, ему не слѣдовало поправлять никакихъ сочиненій или переводовъ, а что своимъ участіемъ и покровительствомъ Госнеру онъ ввелъ цензоровъ въ заблужденіе, такъ что они приняли къ разсмотрѣнію книгу, не подлежавшую гражданской цензурѣ, и, вѣроятно, по этому своему вліянію «одобрилъ оную къ напечатанію», т. е. получилъ это одобреніе.

Поповъ отвѣчалъ на эти обвиненія, что самъ отъ себя онъ въ книгѣ ничего не писалъ, а только поправлялъ нечистый слогъ перевода; относительно 2-го пункта онъ ссылался на подлинный свой отзывъ оберъ-полиціймейстеру, гдѣ никакого охужденія нѣтъ, а только говорится, какъ онъ думалъ о Госнерѣ и его книгѣ тогда, когда дѣлался ея переводъ; наконецъ, говорилъ, что самое печатаніе книги началось въ то время, когда онъ былъ за границей, что Госнеръ проповѣдывалъ публично при большомъ стеченіи слушателей (такъ что Поповъ могъ не считать его такимъ зловреднымъ человѣкомъ, какъ теперь говорили), и что цензоры не знали о его поправкѣ, такъ что не было и его вліянія на одобреніе книги. Все это потомъ оказалось справедливо [3]).

Но обвиняющая сторона тѣмъ не менѣе изображала Попова величайшимъ преступникомъ и выставляла обвиненіе самымъ рѣзкимъ образомъ.

---

[1]) Зап., стр. 98.

[2]) Чтенія Моск. Общ., 1859, кн. 4, Смѣсь, стр. 37–48.

[3]) Ср. также въ Зап. Греча, «Р. Арх.», 1868, стр. 1405.

Дѣло первоначально разбиралось въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента, потомъ, по разногласію членовъ, перешло въ общее собраніе. Здѣсь ревностнымъ обвинителемъ Попова явился сенаторъ Сумароковъ. «Голосъ» Сумарокова, по отзыву Шишкова, «весьма благонамѣренный и справедливый» [1]), долженъ былъ совершенно приходиться къ его вкусу, потому что понятія, которыми руководился этотъ сенаторъ, были понятія самого Шишкова и Фотія. Не приводя его инкриминацій, только повторяющихъ и усиливающихъ первоначальное обвиненіе, мы остановимся на тѣхъ общихъ основаніяхъ, которыми онъ мотивируетъ свое мнѣніе. Эти общія понятія чрезвычайно любопытны, какъ образчикъ мнѣній партіи, спорившей противъ Библейскаго Общества, и также, конечно, мнѣній значительной части тогдашней публики [2]). Сумароковъ начинаетъ ab ovo, историческимъ обзоромъ того зла, котораго послѣднимъ пунктомъ былъ переводъ книги Госнера. Дѣло идетъ издалека:

«Въ самомъ концѣ XVII и въ теченіе XVIII столѣтія *показалась* въ одномъ изъ полуденныхъ государствъ (?) *стая людей*, явно порицавшихъ правовѣріе. Одни изъ нихъ были зараженные въ душахъ богоотступники, другіе слѣпые, безразсудные подражатели новизнѣ, мечтавшіе тѣмъ придать себѣ нѣкое отличіе, большая же изъ нихъ часть взалкала потрясеніе вѣры употребить въ свою пользу и испровергнуть власти, и чтобы, освободясь изъ толпы народной, (?) предстать на поприще почестей къ управленію заблудшими, всѣ они развратили умы, подготовили страшныя послѣдствія.

«Отродилась революція, сокрушился престолъ владыки, провозгласилось уставомъ безвѣріе, и рѣки человѣческой крови, рѣки слезъ страдальцевъ-жертвъ, угасили тотъ пагубный пожаръ.

«Со всѣмъ тѣмъ зароненныя искры все тлились подъ пепломъ, вспыхивали по мѣстамъ, и потребны были брани, вооруженія къ усмиренію бунтующихъ послѣдователей».

Это зараженное поколѣніе исчезло, наконецъ, съ лица земли, но на смѣну его явились новые *бичи человѣчества*, которые продолжали начатое уже другими средствами. «Они, надѣвъ на себя благовидныя личины, стали уже проповѣдывать, лжеучить,

---

[1]) Зап., стр. 92.

[2]) Впрочемъ, также и нынѣшней. Авторъ «Обзора русской дух. литературы» (Филаретъ Черниговскій) (кн. 2, стр. 234) говоритъ, что отзывъ сенатора Сумарокова есть «энергическій и *дѣльно* составленный».

дабы, *подъ предлогомъ святости*, убить, истребить святость. Глаголы ихъ казались быть основанными на священныхъ преданіяхъ, слогъ дышалъ смиренномудріемъ, христіанскими правилами, но, минуя цвѣтность словъ, прямый ихъ смыслъ отрыгалъ то же самое ухищреніе, тѣ же пагубные подкопы. *Чудовища* для своей *корысти* искали лишить согражданъ истиннаго душъ услажденія, единственной опоры въ семъ мірѣ». Появились соблазнительныя книги, читатели «упитывались чернымъ ядомъ», умножились расколы. Наконецъ, правительства во многихъ странахъ (?) «постигли ковы, обозрѣли гнѣзда изверговъ» и рѣшили очистить «прокаженныя» училища, изгнать вредныхъ наставниковъ, и тогда «апостаты» старались вторгнуться въ нашу твердо стоящую имперію. «Уже изувѣры устраивали страшные свои *вертепы*, уже мелькала и у насъ зарница нечестія, но, благодаря Провидѣнію, мудрыми мѣрами нашего государя императора изощренныя стрѣлы отразились на самихъ искусителей», т. е. книга Госнера была сожжена, а сочинитель высланъ. «Теперь достигли мы до искомаго корня, и съ сего-то мѣста начинается судъ г. Попову».

На такой дикой путаницѣ понятій и фактовъ основывали эти люди свой *судъ*. Сумароковъ не сомнѣвается, что книга предназначалась къ «очевидному низложенію христіанства» и «съ содроганіемъ только» указываетъ нѣкоторыя ея страницы. Онъ соглашается допустить, что Поповъ участвовалъ въ этомъ преступленіи безъ злого умысла, но въ такомъ важномъ дѣлѣ Поповъ, по мнѣнію сенатора, все-таки долженъ отвѣчать и за ошибку. Въ заключеніе, Сумароковъ указываетъ, что опредѣляютъ наши законы за подобныя вины. Онъ приводитъ Уложеніе, Воинскій Уставъ, Морской Уставъ, разные указы съ 1683 и до 1800 года,—гдѣ за хулу на Господа І. Х., Богородицу и т. д., за «легкомысленіе въ богохуленіи», за «слышаніе богохуленія, безъ извѣта объ ономъ», за «молчаніе о тѣхъ, кто, запершись, пишетъ, и отъ того послѣдуетъ какое повреждёніе Е. И. В. чести» и т. п., назначается сожженіе, лишеніе живота или пожитковъ, гнаніе шпицрутеномъ, отсылка въ сенатъ за карауломъ и т. д. «Вотъ приличные законы»,—восклицаетъ сенаторъ Сумароковъ; но, впрочемъ, онъ принималъ въ соображеніе «дѣйствія къ прекращенію пагубнаго лжеученія» и не настаивалъ на особомъ усиленіи того наказанія, которое уже было постановлено въ приговорѣ 5-го департамента [1]).

[1]) Въ чемъ состояло это наказаніе, по извѣстнымъ теперь свѣдѣніямъ не видно.

Такимъ образомъ, Попову приходилась трудная задача: расплачиваться за все, что только не нравилось противной партіи въ прежнемъ порядкѣ вещей. Вооружаясь на лжеученіе и «низложеніе христіанства», обвинители, конечно, имѣли въ виду и всю дѣятельность кн. Голицына и библейскихъ обществъ; и свойство настроенія этихъ обвинителей достаточно указывается тѣмъ, какіе *приличные* законы они отыскали на такіе случаи въ Уложеніи, Морскомъ Уставѣ (!) и указахъ 1683 года. Но при всемъ озлобленіи, эти обвинители были достаточные трусы и лицемѣры, чтобы говорить о дѣлѣ яснѣе и ближе: они не осмѣливались припоминать, когда и какъ началось и дѣйствовало то направленіе идей, которое они представляли въ такомъ ужасномъ свѣтѣ, и въ которомъ книга Госнера была только однимъ, далеко не самымъ важнымъ явленіемъ; они не осмѣливались припоминать, кѣмъ и какъ былъ призванъ и принятъ въ Петербургѣ Госнеръ, кто поощрялъ могущественнѣе всего библейскія общества, какъ стояли они еще недавно во мнѣніи того самаго правительства, «мудрыя мѣры» котораго (изгнаніе Госнера и т. д.) они теперь восхваляли. Они предпочитали умолчать обо всемъ этомъ и храбрились теперь надъ Поповымъ... Шишкову надо по крайней мѣрѣ отдать справедливость, что онъ высказывалъ свои мнѣнія ясно, во всемъ ихъ объемѣ, и, напр., убѣждалъ императора Александра признать открыто свое прежнее *заблужденіе*...

Иного рода было мнѣніе Муравьева-Апостола. Останавливаясь прямо на сущности обвиненій, онъ говорилъ, что 1) послѣ ра чительнаго сличенія перевода съ подлинникомъ, онъ нашелъ, что Поповъ дѣйствительно поправлялъ только слогъ перевода, не измѣняя смысла подлинника и ничего къ нему не прибавляя, и если онъ и написалъ «цѣлыя страницы» на полѣ перевода, то потому только, что иначе не возможно было исправить германизмовъ переводчика; и что, въ сущности, переводъ — буквальный, сколько это возможно по свойствамъ русскаго языка. Кромѣ того, тетрадь перевода, исправленная Поповымъ, *еще не была* въ рукахъ цензора, и все исправленное Поповымъ мѣсто такъ не велико, что составляетъ едва 57-ю долю всѣхъ отпечатанныхъ листовъ; 2) что въ отзывѣ оберъ-полиціймейстеру Поповъ говорилъ въ *прошедшемъ* времени, что почиталъ Госнера человѣкомъ христіанскихъ правилъ въ *то* время, и, слѣд., этимъ выраженіемъ нисколько не охуждаетъ нынѣшняго заключенія правительства; 3) относительно *вѣроятнаго* вліянія его на цензоровъ

Муравьевъ-Апостолъ говорилъ, что судъ не можетъ утверждаться на такихъ предположеніяхъ и вѣроятіяхъ, когда идетъ дѣло о судьбѣ человѣка. Муравьевъ именно указывалъ тѣ факты, что Поповъ еще въ мартѣ 1823 года выѣхалъ изъ Петербурга больной и тогда вовсе не зналъ о книгѣ Госнера; что рукопись пропущена была цензурой въ маѣ, а къ сентябрю 1823, когда Поповъ вернулся изъ-за границы, ея было уже отпечатано больше 50 листовъ; и если даже не дать ему вѣры въ томъ, что онъ не зналъ о книгѣ, то во всякомъ случаѣ онъ первыхъ листовъ книги не поправлялъ, и эти первые листы, и именно больше 50 листовъ, были отпечатаны въ его отсутствіе, а поправленная имъ тетрадь (въ концѣ книги) еще не была въ рукахъ цензора, и, слѣд., Поповъ не могъ оказывать на него вліянія. Притомъ цензоръ Бируковъ, привлеченный къ отвѣтственности, предпочелъ истину своей безопасности и объявилъ, что со стороны Попова не имѣлъ никакихъ внушеній ни за, ни противъ книги. Относительно того, что Поповъ, по своему должностному положенію, не долженъ былъ браться за подобное дѣло, Муравьевъ-Апостолъ говорилъ, что не знаетъ закона, который бы запрещалъ директорамъ народнаго просвѣщенія такія занятія. Наконецъ, если просвѣщенные министры. разсматривавшіе книгу, находили, что цензора можно оправдать тѣмъ, что онъ «могъ не имѣть достаточнаго проницанія во вредъ, прикрытый въ книгѣ мнимою пользою наставленія въ вѣрѣ и просвѣщеніи», то этого проницанія также могъ не имѣть и директоръ; что можетъ оправдывать одного, можетъ оправдывать и другого. Точно также, ставя «директора» вмѣсто «цензора», Муравьевъ-Апостолъ продолжаетъ выписку изъ мнѣнія министровъ (т. е. Шишкова и Ланского): «*публичное проповѣданіе* и *печатаніе* книгъ сихъ [1]) въ здѣшней столицѣ могли отвлечь *директора* отъ сомнѣнія; и еслибъ онъ увидѣлъ что-либо сомнительное, то опасался бы изъявить сомнѣніе, при явномъ покровительствѣ и благорасположеніи къ симъ сочинителямъ и переводчикамъ». Муравьевъ-Апостолъ заключалъ, что такъ какъ ничто не подтверждаетъ взведенныхъ на Попова обвиненій, то законъ запрещаетъ считать его умышленнымъ преступникомъ; но относительно самаго поступка Попова, т. е.

---

[1]) Т. е. мистическихъ и распространявшихъ новую религіозность, какъ книга Госнера.

поправленія перевода книги Госнера, Муравьевъ полагалъ, что «не пріемля въ уваженіе господствовавшаго тогда духа въ нашей литературѣ», Поповъ долженъ быть, однако, признанъ неспособнымъ занимать то служебное мѣсто, какое ему принадлежало.

Этотъ судъ въ общемъ собраніи сената происходилъ уже въ маѣ 1825 года, но Шишковъ еще не успокаивался, и съ такимъ же рвеніемъ напалъ теперь на Муравьева-Апостола, который, по его мнѣнію, защищалъ враговъ вѣры, престола и отечества; о виновности Попова, по его мнѣнію, не могло быть рѣчи, когда комитетъ министровъ нашелъ книгу Госнера и «согласныя съ нею проповѣдыванія» зловредными и когда, съ утвержденія его величества, книга сожжена и Госнеръ высланъ. Юридическія понятія Шишкова не уступали богословскимъ и литературнымъ.

Такимъ образомъ, дѣло Попова все еще оставалось пунктомъ борьбы между враждебными партіями. У Голицина, хотя и удаленнаго со сцены, было много вліянія и много друзей, раздѣлявшихъ его мнѣнія, и главное—сохранилось расположеніе императора Александра. Шишковъ разсказываетъ, что партія Голицына еще до суда принимала мѣры, чтобы пріобрѣсти оправданіе Попова, и одинъ сенаторъ сказывалъ Шишкову, что Тургеневъ (А. И.) и нѣкоторые другіе нарочно пріѣзжали къ нему и уговаривали пристать къ тѣмъ, которые оправдываютъ Попова, а въ противномъ случаѣ «грозили» даже худыми послѣдствіями [1]). Въ обществѣ дѣло Госнера и спорныя мнѣнія двухъ сенаторовъ произвели различное впечатлѣніе: о мнѣніи Сумарокова, сообщаетъ Шишковъ, многіе говорили «съ нѣкоторымъ кощунствомъ» (т. е., конечно, смѣялись надъ его несомнѣнными нелѣпостями); мнѣніе Муравьева-Апостола «превозносили похвалами» (оно и дѣйствительно было очень здравое); мѣры, принимаемыя противъ книгъ и людей, называли инквизиціей; въ сенатѣ къ Муравьеву пристала большая часть сенаторовъ [2]).

Даже при дворѣ многіе защищали Госнера, а обвиненія Шишкова ставили ему «въ злорѣчіе и фанатизмъ». Отголосокъ мнѣній публики мы найдемъ и въ запискахъ Греча [3]). Онъ говоритъ о мнѣніи Муравьева-Апостола: «Разсмотрѣвъ и обсу-

---

[1]) Стр. 112.
[2]) Стр. 93, 101.
[3]) «Р. Арх.», 1868, ст. 1411.

дивъ дѣло со вниманіемъ и чистою совѣстью, онъ написалъ свое рѣшительное и основанное на здравомъ смыслѣ и на законахъ мнѣніе, въ которомъ доказывалъ несправедливость обвиненія и невинность прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, особенно Попова, подлежавшаго непосредственному суду сената... Докладная записка о дѣлѣ была напечатана и разошлась въ публикѣ. *Изумленіе и негодованіе* было всеобщее. Дошло и до государя».

Верхомъ сокрушенія для Шишкова было то, что онъ не находилъ и въ самомъ императорѣ поддержки своимъ усерднымъ хлопотамъ о спасеніи государства и вѣры отъ Госнера и Попова. Еще при первыхъ его докладахъ, разсказываетъ Шишковъ [1]), императоръ говорилъ ему о Поповѣ съ похвалою (дѣло тогда уже началось) и, повидимому, принималъ въ немъ большое участіе. Шишковъ жалуется на это, и вообще на измѣнчивость мнѣній императора, связывавшую его собственное усердіе противъ враговъ вѣры и отечества. Онъ доходитъ даже до строгихъ осужденій.

«Истина,—говоритъ Шишковъ,—долго не могла возгремѣть противъ гласа лжи», т. е. при прежнемъ министерствѣ; теперь онъ считалъ обстоятельства иными. Образъ мыслей императора измѣнился: «ибо возмущенія, происходившія въ Испаніи, въ Неаполѣ, и пребываніе государя императора въ Австріи перемѣнили во многомъ образъ мыслей его. Онъ пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи, подъ именемъ высокихъ таинствъ разрушавшей всѣ связи обществъ, и другихъ, *подобныхъ сему*, мечтаніяхъ [2]). Случай, подавшій поводъ къ перемѣнѣ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, казалось, открылъ ему злонамѣренность тѣхъ правилъ, которымъ доселѣ послѣдовалъ онъ съ такой ревностью. Благосклонное вниманіе его ко всѣмъ моимъ представленіямъ и кроткое выслушиваніе всѣхъ моихъ вопіяній противъ учрежденій и книгъ, имъ самимъ вводимыхъ и одобряемыхъ, подавали мнѣ надежду, что, поддерживаемый силою гласа и твердостію воли Его, могу я благоуспѣшно дѣйствовать, исторгая сѣмена лжеученій и препятствуя возрастать имъ. Но вскорѣ увидѣлъ я, что всѣ мои надежды

---

[1]) Зап., стр. 101.

[2]) Эти выраженія характеризуютъ, между прочимъ, собственныя понятія Шишкова о томъ, въ чемъ состояли прежнія мнѣнія и желанія императора Александра.

были тщетны. Привязанность или какъ бы нѣкая страсть его къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться, такъ что, казалось, онъ, самъ съ собою борясь, увлекался попеременно то тѣми, то другими мыслями. Очевидность доказательствъ и сильныя мои настоянія принуждали его согласиться на предпріемлемыя мною мѣры, но онъ разрушалъ ихъ *тайнымъ образомъ*». Шишковъ приводитъ примѣры этихъ колебаній императора. Такъ, отдавъ Попова подъ судъ, онъ уговаривалъ Милорадовича, чтобы тотъ постарался оправдать его. То же повторилось и въ слѣдующемъ случаѣ. По вступленіи въ министерство, Шишковъ представлялъ императору о назначеніи того же самаго сенатора Муравьева-Апостола въ попечители Московскаго университета; но императоръ отозвался о немъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ; тѣмъ не менѣе, по просьбѣ Шишкова, онъ согласился на опредѣленіе его членомъ въ главное правленіе училищъ. Потомъ Шишковъ узналъ Муравьева ближе, и оказалось, что онъ вовсе не подходилъ къ его вкусамъ, и когда однажды императоръ спросилъ его, доволенъ ли онъ вновь опредѣленными имъ членами правленія училищъ, Шишковъ сказалъ, что Муравьевымъ весьма недоволенъ.—«А!— подхватилъ онъ;—не говорилъ-ли я тебѣ? Теперь ты повѣришь, что я не солгалъ». «Таковъ былъ,—разсказываетъ Шишковъ,— разговоръ нашъ тогда, когда ему (т. е. императору Александру) письменная моя съ симъ сенаторомъ распря [1]) была уже извѣстна. Ктожъ послѣ сего повѣритъ, что онъ тихимъ образомъ призывалъ къ себѣ Муравьева и благодарилъ за поданный имъ въ сенатѣ голосъ!» [2]).

На дѣлѣ, это происходило, кажется, проще. Мы упоминали выше, что дѣло было извѣстно въ публикѣ; докладная записка разошлась по рукамъ, и возбуждала «изумленіе и негодованіе». Гречъ разсказываетъ, что когда толки дошли и до государя, то онъ встревожился и хотѣлъ узнать правду; но не желалъ сдѣлать этого явно, конечно, чтобы не подать повода къ новымъ толкамъ. Поэтому онъ дѣйствительно желалъ видѣть Муравьева-Апостола неоффиціально, и они, какъ будто невзначай, встрѣтились въ одной аллеѣ на Каменномъ Острову. Императоръ

---

[1]) Мнѣніе Муравьева-Апостола о дѣлѣ Попова и возраженія, написанныя Шишковымъ, о чемъ мы упомянемъ далѣе.

[2]) Зап. Шишк., стр. 110—113.

заговорилъ о сенатѣ и производившихся тогда дѣлахъ. Муравьевъ, между прочимъ, назвалъ дѣло Попова. «Императоръ пожелалъ узнать подробности, и Муравьевъ разсказалъ все откровенно, смѣло и справедливо. Александръ поблагодарилъ его, но *не изъявилъ своего мнѣнія*».

Единственнымъ вѣрнымъ прибѣжищемъ оставался у Шишкова графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Онъ писалъ къ нему обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, просилъ совѣтовъ и помощи, жаловался на неуспѣшный ходъ дѣла и съ прискорбіемъ говорилъ о своемъ безсиліи уничтожить «злѣйшее покушеніе на церковь, престолъ и отечество». «Мнѣ извѣстно было—замѣчаетъ Шишковъ—что графъ Аракчеевъ *всегда* письма мои къ нему *показывалъ* его величеству» [1]).

Изъ сената дѣло Попова поступило въ государственный совѣтъ. Здѣсь Шишковъ представилъ подробное опроверженіе мнѣнія Муравьева-Апостола. Онъ самъ читалъ его, и при чтеніи ему казалось, что всѣ были съ нимъ согласны, потому что никто не дѣлалъ возраженій; но когда стали собирать голоса, то оказалось, что и здѣсь, какъ въ сенатѣ, многіе члены совѣта были на сторонѣ Муравьева—«иные по собственному своему въ томъ участію, а другіе по расчисленію, что выгоднѣе держаться сильнѣйшей стороны» [2]). Мнѣнія раздѣлились пополамъ.

Шишковъ опять пишетъ къ императору, опять повторяетъ прежнія жалобы и зловѣщія предсказанія, прибавляетъ новые примѣры зловреднаго «духа времени». Но дѣло не измѣнялось и нерѣшеннымъ перешло въ слѣдующее царствованіе. Шишковъ обратился съ тѣми же жалобами и предостереженіями (15 января 1826 года) и къ императору Николаю [3]); но и на этотъ разъ его патріотическія заботы остались безплодны: «письмо сіе—замѣчаетъ онъ—не имѣло успѣха: Поповъ былъ оправданъ и награжденъ, а Муравьевъ-Апостолъ, по желанію его, отпущенъ милостиво въ чужіе краи» [4]).

---

[1]) Стр. 97.

[2]) Стр. 103—104, 113. Шишковъ особенно изумляется тому, что за Муравьева были даже Милорадовичъ, Васильчиковъ, Мордвиновъ. Его опроверженіе противъ Муравьева, читанное въ госуд. совѣтѣ, находится въ Зап., стр. 135—149.

[3]) Письмо къ имп. Николаю, въ Зап., стр. 118—123.

[4]) Поповъ, впрочемъ, не уцѣлѣлъ впослѣдствіи. Когда Татаринова, еще при императорѣ Александрѣ, была выслана изъ Инженернаго замка,

Такъ кончилось это дѣло. Оно любопытно не столько само по себѣ,—потому что самая книга Госнера, переведенная при участіи Попова, была не лучше и не хуже множества другихъ произведеній мистической литературы, католическаго и протестантскаго толка, переведенныхъ въ то время,—сколько потому, что въ немъ характеристически отразилось смутное состояніе общественныхъ и правительственныхъ тенденцій того времени. Историку, который ищетъ въ жизни движенія идей и между спорящими сторонами отдаетъ сочувствіе той, которая носитъ въ себѣ залогъ дальнѣйшаго развитія, мудрено выбрать здѣсь сочувственную сторону. И библейскіе дѣятели и ихъ противники могли выставлять свои логическія основанія, но на дѣлѣ обѣ стороны доходили до самыхъ странныхъ крайностей и самыхъ дикихъ нарушеній здраваго смысла: фанатизмъ и мистика Лабзина или Попова выходили ничѣмъ не лучше и не хуже фанатизма Фотія, и литературныя гоненія, произведенныя кн. Голицынымъ, совершенно равняются гоненіямъ, какія производилъ Шишковъ; Магницкій могъ быть, и былъ, одинаковымъ другомъ и того и другого.

Дальнѣйшія дѣйствія противниковъ Библейскаго Общества убѣждаютъ въ этомъ еще больше.

она устроилась на дачѣ по царскосельской дорогѣ. Секта, въ которой Поповъ продолжалъ быть ревностнымъ адептомъ, пріобрѣтала послѣдователей, въ числѣ которыхъ извѣстенъ былъ Дубовицкій, человѣкъ очень богатый (отецъ покойнаго президента мед.-хирург. академіи). Наконецъ, жалобы дочерей Попова на тиранское обращеніе отца, принуждавшаго ихъ присоединиться къ сектѣ, открыли правительству ея существованіе. Татаринова и Дубовицкій разосланы были по монастырямъ; Поповъ сосланъ былъ въ Зилантовскій монастырь близъ Казани («В. Евр.», 1867, т. IV, стр. 85). Въ «Сборникѣ» г. Кельсіева напечатана «адамитская» пѣсня, съ именемъ этого Попова и Татариновой. Имя Попова привязывается къ происхожденію секты «скакуновъ», основанной на пріемахъ, подобныхъ тому, какъ было и въ сектѣ Татариновой.

IV.

Личное настроеніе императора Александра.—Дѣйствія Шишкова: новое изданіе книги Станевича; прекращеніе библейскихъ «Извѣстій»; нападенія на Катихизисъ Филарета.—Доносы Шишкова на самое Общество.—Положеніе дѣлъ Общества за это время: прекращеніе работъ; донесенія митр. Серафима о необходимости его закрытія.—Секта «духоносцевъ».—Мѣры противъ вредныхъ книгъ.—Окончательное закрытіе Общества 12 апрѣля 1826.—Сводъ обвиненій противъ Библейскаго Общества: «Записка о крамолахъ враговъ Россіи».—Письмо Невзорова къ митрополиту Серафиму.

Время, наступившее съ удаленіемъ кн. Голицына (15 мая 1824), представляетъ собой нѣчто чрезвычайно странное... Стала господствовать партія, добившаяся пораженія Голицына и того направленія, которое имъ держалось; но мы напрасно стали бы ожидать, что воздухъ очистится. Напротивъ.

Но что же сталось теперь съ настроеніемъ самого императора Александра, именемъ котораго сначала держалось библейское направленіе, а теперь совершался крутой поворотъ въ другую сторону? Библейское Общество, несомнѣнно, было однимъ изъ любимыхъ дѣлъ императора Александра: мистическія тенденціи Общества соотвѣтствовали его собственнымъ влеченіямъ въ этотъ періодъ его жизни; онъ самъ лично интересовался тѣми людьми, которые содѣйствовали развитію піэтистическихъ стремленій въ русскомъ обществѣ, онъ оказывалъ имъ вниманіе и поддерживалъ ихъ,—ему казалось, что распространеніе библейской религіозности будетъ могущественнымъ средствомъ основать то христіанское воспитаніе, на которомъ утверждается спокойствіе и счастіе народовъ.

Что же означалъ этотъ поворотъ, произведенный отъ его имени, и неужели, удаляя Голицына, онъ принималъ тѣ понятія, которыя внушалъ доносъ Фотія или страхи Серафима и Шишкова? На дѣлѣ эти понятія получили, къ сожалѣнію, господство, но лично императоръ едва ли соглашался съ ними. Принятыя, или вѣрнѣе, кажется, позволенныя имъ мѣры были однимъ изъ примѣровъ того нерѣшительнаго колебанія, въ которомъ прошли всѣ послѣдніе годы его жизни, когда прежніе идеалы боролись въ немъ съ опасеніемъ революцій, стремленіе къ просвѣщенію и нравственному освобожденію народа—съ ужасомъ передъ тайными обществами и заговорами. Этимъ послѣднимъ его давно пугали, и въ Европѣ и

дома, дипломаты меттерниховской школы и доморощенные Фуше[1]); но императоръ Александръ до самаго конца не понималъ настоящаго значенія того, что выдавали ему за тайныя общества въ Россіи. Онъ «медлилъ карать», и скорѣе дѣйствительно по внушеніямъ великодушія, а не по сознанію ничтожества дѣла; между тѣмъ, онъ пріобрѣталъ увѣренность въ существованіи опасности, и, оставляя въ покоѣ лицо, онъ, однако, допускалъ притѣснительныя мѣры, напр., въ родѣ тѣхъ, какими Голицынъ, а потомъ и Шишковъ преслѣдовали и заподозрили проявленія общественной мысли. Фантомъ какого-то тайнаго громаднаго заговора, охватывающаго всю Европу и проникшаго въ Россію, носился въ его воображеніи и, при мистическомъ настроеніи ума, могъ принимать тѣмъ большіе размѣры. Но это былъ фантомъ очень туманный: онъ могъ представляться въ весьма различныхъ формахъ. Прежде ему казалось, чта это—крайнія политическія теоріи и замыслы, и религіозное невѣріе, которые онъ, какъ и многіе въ то время, считалъ прямымъ наслѣдіемъ и продолженіемъ французской революціи,—то революціонное «иллюминатство», противъ котораго онъ хотѣлъ поставить Священный Союзъ и противъ котораго направляли свою программу и библейскіе дѣятели. Теперь передъ нимъ стали утверждать, что и сами библейскіе дѣятели—тѣ же переодѣтые революціонеры, только болѣе хитрые, тѣ же «иллюминаты», закрывающіе свои цѣли медленнымъ подкапываніемъ религіи. Фотій, котораго онъ нѣсколько разъ удостоилъ своего вниманія и бесѣды, утверждалъ это положительно; то же говорилъ Серафимъ, Шишковъ и, конечно, еще много другихъ людей той же партіи и тѣхъ же мнѣній. Когда люди, составившіе союзъ противъ Голицына, стали одинъ за другимъ дѣлать свои мрачныя открытія и зловѣщія предсказанія, и указывать опасности, грозившія вѣрѣ и престолу, и когда человѣкъ, по своему званію, повидимому, компетентный представитель интересовъ православія, подтверждалъ опасное положеніе церкви подъ прежнимъ управленіемъ,—императоръ Александръ могъ, наконецъ, потеряться въ этой массѣ устрашеній, особенно подъ вліяніемъ Аракчеева, и предоставить дѣйствовать тѣмъ людямъ, которые обѣщали все «поправить».

[1]) Записки Вигеля, III, VII, стр. 5: «Милорадовичъ чуть ли не каждый вечеръ представлялъ государю цѣлыя тетради доносовъ, по большей части неосновательныхъ. Спасеніемъ угрожаемыхъ было сердце Александра: онъ медлилъ карать, и скоро оказывалась безвинность обвиняемыхъ».

Есть не мало примѣровъ, показывающихъ, что самъ лично императоръ былъ способенъ мириться съ людьми, въ которыхъ онъ предполагалъ либеральныя тенденціи, казавшіяся ему опасными, и даже оказывать имъ великодушную благосклонность, но у него не доставало энергіи распутать хаосъ противорѣчащихъ элементовъ, и онъ оставилъ управлять ими Аракчееву. И теперь онъ сохранилъ расположеніе къ Голицыну. Однако же усердіе новаго министра, очевидно, тяготило его; наивный министръ съ огорченіемъ отмѣчалъ въ своихъ запискахъ «холодность» императора, и никакъ не могъ ея постигнуть...

Шишковъ понялъ свою министерскую задачу какъ нѣчто въ родѣ торжества православія. Это, собственно говоря, не могло бы составлять прямыхъ его обязанностей, но онъ стремился именно къ этой цѣли—искоренить ереси и возстановить подкапываемую, по его мнѣнію, религію. Мы упомянемъ вкратцѣ объ этихъ работахъ Шишкова, потому что онѣ тѣснымъ образомъ, прямо или косвенно, связаны съ Библейскимъ Обществомъ.

Уже вскорѣ по назначеніи Шишкова вспомнили о запрещенной книгѣ Станевича. Статсъ-секретарь Кикинъ, въ свое время, какъ мы видѣли, стоявшій за Иннокентія и Станевича, прислалъ Шишкову «Бесѣду на гробѣ младенца», чтобы онъ, по разсмотрѣніи ея, доложилъ о ней государю. Шишковъ, само собою разумѣется, съ жаромъ взялся за это дѣло, потому [что] книга запрещена была, именно за ревнованіе противъ мистиковъ. Онъ сдѣлалъ о ней самый похвальный докладъ императору и, объяснивъ ему, что прежде онъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно ея содержанія, просилъ разрѣшенія послать ее для новаго разсмотрѣнія къ какому-нибудь духовному лицу или въ Синодъ. Получивъ это разрѣшеніе, Шишковъ обратился къ Серафиму, который поручилъ разборъ книги двумъ «знающимъ» священникамъ. По полученіи отъ нихъ разбора, Серафимъ прислалъ Шишкову свой отзывъ—какъ и слѣдовало ожидать, совершенно благопріятный для книги Станевича. Тогда Шишковъ составилъ проектъ указа, который и былъ изданъ (съ нѣкоторыми перемѣнами противъ проекта) 17-го ноября 1824.

Въ указѣ сказано было, что въ послѣдніе годы, въ противность прежнимъ указамъ, часто печатались безъ всякаго синодскаго разсмотрѣнія книги, содержавшія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о священномъ писаніи толкованія, а напротивъ книги, писанныя въ духѣ православной церкви, подвергались

строгому запрещенію. Такъ, была запрещена «Бесѣда на гробѣ младенца». Вслѣдствіе того, министру повелѣвалось «войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ *изданныхъ*, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по училищамъ наукъ, ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось»; министръ обязывался «истреблять и обличать всякія, разсѣянныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя, лжеученія». Самая книга «Бесѣда на гробѣ младенца» дозволялась вновь къ напечатанію [1]).

Въ напечатанной формѣ указа исключены нѣкоторыя фразы и выраженія, которыми Шишкову хотѣлось рѣзче выразить осужденіе правительствомъ прежнихъ тенденцій. Напр., гдѣ говорилось о прежнемъ печатаніи книгъ, противныхъ православію, исключены были фразы, находившіяся въ проектѣ: «*Правительствующій Синодъ, вопреки обязанности своей и данныхъ ему предписаній, не обратилъ на то своего вниманія и умолчалъ о семъ»;* о книгѣ Станевича—что она была запрещена «*по несправедливому о ней донесенію»;* вмѣсто: «*повелѣваемъ вновь на казенный счетъ напечатать*»—въ печатномъ: «повелѣваемъ дозволить печатать и продавать»,—хотя, впрочемъ, на самой книгѣ было означено, что она печаталась по Высочайшему повелѣнію [2]).

Въ то же время Шишковъ упорно возсталъ противъ того, что онъ называлъ *перекладкой св. писанія съ высокаго и важнаго языка на простонародное нарѣчіе*, что, вмѣстѣ съ собраніями библейскихъ обществъ, онъ считалъ «сильнѣйшимъ орудіемъ революціонныхъ замысловъ». На первый разъ онъ вооружился противъ издававшихся Библ. Обществомъ «Извѣстій»

---

[1]) Зап. Шишк., стр. 18—19, 53—59. Самый указъ напечатанъ также въ «Чтеніяхъ», 1861, № 2, Смѣсь, стр. 201—202: «Дозволеніе одной запрещенной книги».

[2]) Изданіе вышло въ слѣдующемъ году, въ такомъ видѣ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и церкви. Сочиненіе Евстафія Станевича. Второе изданіе. По *Высочайшему* повелѣнію». Спб. Печатано въ тип. имп. росс. Академіи. 1825. На оборотѣ дозволеніе цензурнаго комитета на первое изданіе книги, подписанное 3 сентября 1818 ректоромъ семинаріи, арх. Иннокентіемъ, и позволеніе на перепечатку, подписанное 5 іюня 1825 ректоромъ семинаріи, арх. Іоанномъ. 313 стр.; на трехъ ненумер. стр. «примѣчанія, сдѣланныя при новомъ изданіи сей книги»,—поэтому текстъ, вѣроятно, остался безъ перемѣнъ.

(1824) и особенно противъ Филаретова «Краткаго Катихизиса», гдѣ, «не разсуждая уже о нѣкоторыхъ введенныхъ въ книгу *не совсѣмъ согласныхъ* съ ученіемъ нашей церкви правилахъ», были «переложены на простой языкъ» такія «молитвы», какъ «Отче нашъ», «Вѣрую» и «Заповѣди» [1]). Съ этими соображеніями Шишковъ опять обратился къ графу Алексѣю Андреевичу, который такимъ образомъ оказывался самымъ компетентнымъ человѣкомъ въ этихъ вещахъ. Въ письмѣ къ Аракчееву Шишковъ заявлялъ, что ожидаетъ въ отвѣтѣ или разрѣшенія удалить эти книги изъ училищъ, или увольненія отъ должности, потому что иначе видѣлъ бы себя содѣйствующимъ тому, что, по его понятіямъ, можетъ принести вредъ благочестію, нравамъ, и, слѣдовательно, государству и человѣчеству.

Письмо писано было 2 ноября; 4 ноября, по волѣ императора Александра, Шишковъ отправился съ Аракчеевымъ къ митрополиту, чтобы объясниться о библейскихъ «Извѣстіяхъ» и о Катихизисѣ.

«Извѣстія» еще продолжали издаваться и наполнялись обычными свѣдѣніями о библейскомъ дѣлѣ въ Россіи и у другихъ народовъ; этого было довольно, чтобы приводить Шишкова въ крайнее негодованіе. Во внѣшнемъ видѣ «Извѣстій» была теперь та разница противъ прежняго, что, начиная съ іюньской книжки (гдѣ былъ помѣщенъ рескриптъ объ удаленіи Голицына изъ Общества и о назначеніи президентомъ его митр. Серафима), вмѣсто свѣтскаго цензора Бирукова, книжки стали подписываться духовнымъ цензоромъ, ректоромъ семинаріи, архим. Поликарпомъ [2]). Ко времени совѣщанія Шишкова и Аракчеева съ митрополитомъ, вышла 10-я книжка, подписанная архим. Поликарпомъ 24 октября. Это была и послѣдняя книжка «Извѣстій».

Прибывши къ митрополиту, Шишковъ началъ говорить, что, «хотя никакихъ гласныхъ повелѣній о прекращеніи Библейскихъ Обществъ не дано, однакожъ съ самой перемѣны министерства

---

[1]) «*Молитвы*, въ которыхъ *каждая буква* должна казаться намъ неприкосновенною и священною, молитвы таковыя, какъ *Отче нашъ* и *Вѣрую во единаго Бога*, также и *заповѣди* Господни», и проч. Зап., стр. 50.

[2]) Вѣроятно тотъ же архим. Поликарпъ былъ въ числѣ директоровъ петербургскаго комитета еще съ 1818 г.—Бируковъ тогда судился по дѣлу Госнера.

намѣреніе склонилось уже къ тому, чтобъ нигдѣ объ нихъ не упоминать»,—между тѣмъ «Извѣстія» продолжаютъ издаваться и превозносить похвалами дѣятельность Общества. Митрополитъ и на этотъ разъ не вдругъ отступился отъ библейскаго дѣла и пробовалъ возражать. На слова Шишкова онъ сказалъ, что такъ какъ подписка на «Извѣстія» уже собрана за годъ, то онъ хотѣлъ довести изданіе до конца года, а съ будущаго января оно прекратится. Шишковъ отвѣчалъ, что о деньгахъ нечего заботиться, когда дѣло идетъ о прекращеніи вреда; между тѣмъ теперь въ продолженіи изданія является торжество для тѣхъ, которые всячески стараются поддержать старое. Относительно Катихизиса, митрополитъ, по словамъ Шишкова, защищалъ въ немъ переводъ *молитвъ* «и вообще всѣ переводы св. писанія съ славенскаго (какъ всѣ незнающіе языка своего *журналисты* говорятъ) на русскій языкъ, утверждая, что многіе славянскаго языка не разумѣютъ» [1]). «Тутъ не могъ я сохранить своего хладнокровія,—разсказываетъ Шишковъ.—Какъ! сказалъ я съ жаромъ, кто изъ насъ не разумѣетъ церковной службы? Развѣ тотъ одинъ, кто, отрекшись отъ отечества своего, забылъ и языкъ свой? Можно ли съ разсудкомъ повѣрить, что *вѣрую во единаго Бога* мы не понимаемъ, а *вѣрую въ одного Бога* понимаемъ? Что *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ* есть чуждый намъ славенскій, а *Отче нашъ, сущій на небесахъ*—собственный нашъ русскій языкъ? И нужно ли на семъ, да позволено сказать, толь не основательномъ мнѣніи основывать надобность раздѣленія языка церкви съ языкомъ народнымъ? И можетъ ли мнимая надобность сія, уронивъ важность священныхъ писаній, произвесть иное, какъ ереси и расколы? Митрополитъ подтверждалъ еще мнѣніе свое слѣдующими словами: да куда же дѣваться намъ съ такимъ множествомъ напечатанныхъ книгъ? Тутъ едва удержался я въ предѣлахъ должнаго къ священному сану уваженія. Графъ Аракчеевъ тоже не вытерпѣлъ и сказалъ: не о деньгахъ дѣло идетъ, пусть ихъ пропадаютъ, лишь бы остановить и сколько можно отвратить сдѣланное зло» [2]). Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, рѣшено было

---

[1]) Итакъ, митрополитъ, подписавшій переводъ Н. Завѣта и теперь его защищавшій, также попалъ въ число «журналистовъ, не знающихъ языка своего»!!

[2]) Зап., стр. 49—52; также стр. 59—63.

Библейскія Общества прекратить, переводовъ св. писанія на «простое нарѣчіе» не выпускать и Катихизисъ остановить.

Такимъ образомъ, адмиралъ и генералъ отъ артиллеріи разрѣшали и библейскій вопросъ, и вопросъ о Катихизисѣ. Если Шишковъ жаловался, что достоинство духовной власти было унижаемо въ прежнее управленіе, то самъ онъ унижалъ это достоинство точно такъ же. Мы указывали выше, что Катихизисъ Филарета не только былъ утвержденъ святѣйшимъ синодомъ, но что Филаретъ получилъ и особую награду «за назидательные труды въ поученіи паствы и начертаніе по духу православной Восточной церкви и въ разумѣ Евангельской истины катихизиса». Еще можно было бы извинить ревность Шишкова, если бы въ самомъ дѣлѣ было что-нибудь доказательное въ его возраженіяхъ; но его возраженія совершенно ребяческія. Онъ перенесъ сюда свои филологическія фантазіи, и къ библейскому вопросу примѣнялъ теорію стараго слога, «толь неосновательную» и далеко непризнанную въ литературѣ, гдѣ она была только предметомъ глумленія. Это не былъ даже добросовѣстный способъ дѣйствій. Что касается до вмѣшательства въ вѣроученіе, оно также было неудачно. Адмиралъ и здѣсь попалъ въ очень грубую ошибку, на которой его тотчасъ же и поймали.

Филаретъ, услышавъ, что указомъ синода типографской конторѣ предписано остановить печатаніе и продажу Катихизиса, написалъ митр. Серафиму письмо, въ которомъ напомнилъ ему исторію Катихизиса, разсмотрѣннаго, исправленнаго, утвержденнаго и самимъ Серафимомъ, и синодомъ, справедливо указывалъ ему, что такая остановка Катихизиса, только вслѣдствіе мнѣнія министра народнаго просвѣщенія, можетъ послужить соблазномъ для церкви. «Если сомнительно православіе Катихизиса,— говорилъ онъ,—столь торжественно утвержденнаго св. синодомъ, то не сомнительно ли будетъ православіе самого св. синода?» Онъ напомнилъ Серафиму, что судъ надъ дѣяніемъ синода, *по правиламъ церкви*, принадлежитъ только помѣстному или вселенскому собору, и затѣмъ выражаетъ недоумѣніе, какимъ образомъ въ отношеніи г. *министра народнаго просвѣщенія*, которое прописано въ указѣ св. синода, символъ вѣры названъ не символомъ или исповѣданіемъ вѣры, а *молитвою*. «Не знаю, *кому приписать должно* обнаруженное здѣсь *столь сбивчивое понятіе* о дѣлахъ церковныхъ?—пишетъ дальше Филаретъ...—И

съ такимъ понятіемъ неизвѣстные дѣйствователи земмлютъ судъ себѣ надъ святѣйшимъ синодомъ!» [1]).

Въ это же время пошли толки о запрещеніи одной проповѣди Филарета, на день Благовѣщенія, на томъ основаніи, что проповѣдникъ утверждаетъ, что Іосифъ не зналъ о тайнѣ Богородицы до явленія ангела. Доносъ или указаніе на это сдѣланъ былъ тѣмъ же Степаномъ Смирновымъ, о которомъ мы упоминали выше; въ это время, какъ говорятъ, онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ клевретовъ Шишкова. Филаретъ, во второмъ письмѣ къ Серафиму, оправдывая православіе своихъ словъ въ проповѣди, опять напоминаетъ Серафиму, что онъ самъ называлъ эту проповѣдь «лучшей изъ всѣхъ проповѣдей Филарета», и предостерегаетъ его: должно ли допускать, чтобы подкапывали твердость и довѣренность церковнаго правительства, чтобы возмущали миръ церкви?» [2])

Серафимъ отвѣчалъ Филарету успокоительными увѣреніями, что о православіи его Катихизиса нѣтъ и рѣчи (мы видѣли, однако, что Шишковъ указывалъ въ немъ правила «*не совсѣмъ согласныя* съ ученіемъ нашей церкви»,—какія неизвѣстно); но затѣмъ, относительно вопроса: почему русскій языкъ не можетъ имѣть мѣсто въ Катихизисѣ, особенно краткомъ, предназначенномъ для дѣтей, вовсе незнакомыхъ съ славянскимъ языкомъ,—Серафимъ просто отказывается говорить: «на сей и на другіе многіе вопросы, которые по сему случаю сдѣлать можно, я удовлетворительно отвѣтствовать вамъ никакъ не могу. Надѣюсь, что время объяснитъ вамъ то, что теперь намъ кажется темно. А время сіе скоро, по моему мнѣнію, настанетъ». Въ заключеніе Серафимъ еще разъ увѣрялъ Филарета въ своемъ расположеніи и рекомендовалъ ему терпѣніе:—«терпѣніе не посрамитъ; оно доставитъ вамъ опытность, которая въ послѣдствіи времени крайне полезна вамъ будетъ, что я имѣлъ случай и самъ надъ собою дознать» [3]).

---

[1]) См. это письмо (отъ 8 декабря 1824) въ Зап. о жизни Филарета, прилож., стр. 49—51; то же письмо и самый указъ синода въ московскую синод. типогр. контору отъ 26 ноября въ Журн. Мин. нар. пр., 1868, I, стр. 22—25.

[2]) Это письмо (отъ 14 дек. 1824) у Сушк., прилож., стр. 51—52; Журн. Мин. ib., стр. 26—28; о Смирновѣ у Сушк., стр. 145.

[3]) Письмо у Сушк., прилож., стр. 52—53.

Терпѣніе и уклончивость, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ чрезвычайно полезны.... Время, которое, по мнѣнію Серафима, скоро должно было настать, означало, безъ сомнѣнія, ожиданное имъ окончательное закрытіе Библейскаго Общества. Мы увидимъ дальше, что въ *это самое время* Серафимъ съ большой ревностью самъ устраивалъ это окончательное закрытіе, въ угоду Аракчееву и Шишкову.

Нападенія Шишкова на Филарета этимъ не ограничивались. Филаретъ игралъ слишкомъ важную роль въ Библейскимъ Обществѣ, и, слѣд., долженъ былъ тѣмъ больше навлекать на себя вражду Шишкова. Конечно, не безъ цѣли лишній разъ кольнуть Филарета, Шишковъ сдѣлалъ новый докладъ императору Александру по поводу извѣстной книги «О должностяхъ человѣка и гражданина» (1783), которая въ 1819 г. была отобрана изъ училищъ по предложенію Филарета, бывшаго тогда членомъ главнаго управленія училищъ,—на томъ основаніи, что «изложена по философскимъ началамъ, всегда слабымъ». Шишковъ взялъ здѣсь «философію» подъ свою защиту и просилъ о введеніи вновь этой книги въ народныхъ училищахъ [1]). Считая московскаго архіепископа не совсѣмъ православнымъ, Шишковъ, по всей вѣроятности, раздѣлялъ относительно его мнѣнія арх. Фотія: во всѣхъ взглядахъ этихъ дѣятелей на Библейское Общество и его приверженцевъ господствуетъ замѣчательное согласіе, и въ отзывахъ нерѣдко буквальное сходство, — потому въ отзывахъ Фотія о Филаретѣ можно положительно видѣть отголосокъ мнѣній если не всѣхъ, то многихъ людей этой партіи.

Фотій въ своихъ запискахъ объясняетъ, что на Филарета «смотрѣли какъ на друга А. Н. Голицына, соучастника и покровителя тайныхъ обществъ»—это и было главымъ основаніемъ вражды. Фотій такъ же, какъ Шишковъ, осуждаетъ Филарета, что онъ съ своими учениками «новотворилъ» переводъ св. писанія, и въ Катихизисѣ символъ вѣры и проч. изложилъ на «простонародномъ» языкѣ. Фотій не усумнился сказать, что «книжицу: «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ», Филаретъ написалъ въ духѣ неправославномъ», и, наконецъ, утверждалъ слѣдующее: «Какъ писаніями своими, такъ и словомъ и дѣломъ, Филаретъ московскій не сдѣлалъ православной церкви

---

[1]) Зап., стр. 85—86.

и вѣрѣ никакой пользы, кромѣ услугъ нововведеніямъ и неправославію и всему, что угодно было тайному обществу [1]), въ коемъ онъ и самъ себя почелъ за нужное имѣть членомъ, и писалъ письмо къ нѣкоему начальнику секты, дабы его включили и считали въ ложѣ его (?). Все сіе достославное лѣто (1824—1825) Филаретъ, будучи въ Москвѣ, не только не обратился въ пользу церкви что-нибудь сдѣлать, но и скорбѣлъ весьма, когда дѣло доходило до него и до осужденія его Катихизиса». Фотій зналъ объ упомянутой перепискѣ Филарета съ Серафимомъ, и замѣчаетъ о ней: «Изъ писемъ Филарета не видно, чтобы онъ дорожилъ вѣрою, церковію, православіемъ, но только своею личностію и честію» [2]).

Наконецъ, адмиралъ началъ дѣйствовать противъ самого Библейскаго Общества. Здѣсь онъ опять идетъ рядомъ съ Фотіемъ, до того, что нѣкоторыя обвиненія противъ Общества повторяются буквально. Предполагая, что спасаетъ вѣру и престолъ, Шишковъ сыплетъ озлобленными обвиненіями противъ Общества, взводитъ на него всевозможныя государственныя преступленія, и, конечно,. не беретъ на себя труда внимательно изслѣдовать факты; напротивъ, все смѣшивается въ одну нескладную путаницу инкриминацій: цѣлому Обществу приписывается невозможная и небывалая солидарность; отдѣльныя частности ставятся въ укоръ цѣлому, какъ слѣдствіе преднамѣреннаго плана или даже заговора. Словомъ, въ этихъ обвиненіяхъ Шишковъ нисколько не уступаетъ самимъ библейскимъ обскурантамъ прежняго времени (гнуснѣйшій изъ нихъ, Магницкій, былъ теперь его другомъ).

Мы видѣли прежде, что Библейское Общество имѣло, при нѣкоторыхъ хорошихъ намѣреніяхъ, много слабыхъ сторонъ, происходившихъ въ значительной мѣрѣ отъ самой неприготовленности людей къ подобнаго рода общественной дѣятельности:

---

[1]) Слич. у Сушкова, стр. 106. Голицына они представляли злымъ мартинистомъ.

[2]) Зап. Фотія, ibid., стр. 265 Итакъ, самъ Фотій не считалъ нужнымъ дорожить честью. Содержаніе писемъ Филарета къ митр. Серафиму мы указывали, и читатель могъ видѣть, справедливъ ли отзывъ Фотія: Филаретъ во всякомъ случаѣ не меньше здѣсь заботился о чести православнаго синода, особенно о чести самого Серафима, чѣмъ о своей.

оно дѣйствовало слишкомъ грубо-чиновническими средствами, порождало не мало ханжества и лицемѣрія, привело своихъ коноводовъ къ дикому обскурантизму. Отсутствіе общественной критики, давнишнее свойство русской жизни, усиленное и самими этими коноводами Общества, сдѣлало то, что недостатки Общества, не удержанные никакимъ возраженіемъ, только выростали, и, наконецъ, дали противъ него такое оружіе, подъ которымъ оно упало. Въ обвиненіяхъ Шишкова, мы, поэтому, иногда встрѣтимъ и замѣчанія нѣсколько справедливыя, потому что онъ попадалъ и на дѣйствительные его недостатки; но, тѣмъ не менѣе, онъ перешелъ въ своихъ обвиненіяхъ всякую мѣру и его филиппики непріятно поражаютъ, съ одной стороны, чрезмѣрнымъ озлобленіемъ, съ другой—невѣжествомъ. Шишковъ, которому было тогда подъ восемьдесятъ лѣтъ, былъ буквально остаткомъ стараго вѣка, и могъ служить вмѣстѣ наилучшимъ представителемъ ультра-консервативныхъ мнѣній Александровскаго времени, какъ въ другомъ слоѣ общества представлялъ ихъ Фотій. И тотъ и другой имѣли за собою много послѣдователей въ людяхъ того разряда, которые не задаютъ себѣ никакихъ головоломныхъ вопросовъ, живутъ привычками и преданіями, ненавидятъ всякое вольнодумство, а за вольнодумство считаютъ всякую новую мысль, которая имъ самимъ не приходила никогда въ голову. Въ нашемъ обществѣ такіе люди тѣмъ многочисленнѣе и упорнѣе, что недостатокъ образованія мѣшаетъ имъ понимать самое элементарное критическое отношеніе къ существующей дѣйствительности и мнѣніямъ: кто не принимаетъ чего-нибудь изъ дѣдовскихъ понятій—тотъ, въ ихъ глазахъ, покушается на существующій порядокъ вещей; если нѣсколько разныхъ людей сходятся въ какомъ-нибудь подобномъ мнѣніи—значитъ они составили комплотъ или секту, на нихъ призывается строгость законовъ. Въ царствованіе импер. Александра пріемы этого рода могли развиться въ особенности. Въ тѣ времена было очень распространено убѣжденіе, что большая французская революція была слѣдствіемъ громаднаго заговора философовъ, якобинцевъ и иллюминатовъ; дважды изданная у насъ книга Баррюэля систематически доказывала это во многихъ томахъ; книги противъ Наполеона постоянно изображали его исчадіемъ этого адскаго общества. Впослѣдствіи революціонныя событія 20-хъ годовъ, возстанія, вызванныя реставраціей, даже болѣе образованными

людьми считались не результатомъ самой же реакціи (чѣмъ они были на дѣлѣ), а только произведеніемъ одной партіи злонамѣренныхъ заговорщиковъ, поставившихъ себѣ цѣлью низверженіе всѣхъ престоловъ. Дѣйствительное существованіе тайныхъ обществъ—стараго масонства, новаго тугендбунда, карбонарства, гетэріи—въ глазахъ многихъ, мало знакомыхъ съ истиннымъ положеніемъ вещей, давало этому понятію убѣдительность факта. Темная молва о «Союзѣ Благоденствія» подтверждала, что громадный заговоръ имѣетъ своихъ агентовъ и въ Россіи. Самъ императоръ Александръ вѣрилъ въ существованіе подобнаго заговора, имѣющаго свои развѣтвленія чуть не во всей Европѣ, и во всякомъ случаѣ въ Россіи; но, какъ говорятъ, свойства характера внушали ему великодушную осторожность,—онъ не преслѣдовалъ людей, которыхъ передъ нимъ обвиняли, думая, что когда они не нарушаютъ закона, они могутъ имѣть какой угодно либеральный образъ мыслей [1]).

Шишковъ эту осторожность считалъ излишней; ему, напротивъ, ничего не стоило говорить о «*лютѣйшемъ* заговорѣ», «злодѣйскомъ планѣ» и подгонять къ «заговору» и «плану» все, что ему приходило въ голову. Таковы вообще обвиненія его противъ Библейскаго Общества, къ которымъ мы теперь переходимъ.

Закрытіе Общества стало цѣлью Шишкова съ самаго вступленія его въ министерство. Онъ желалъ для этого, чтобы императоръ, при самомъ началѣ, заявилъ особымъ рескриптомъ намѣреніе правительства противодѣйствовать духу безвѣрія и революціи, и даже заготовилъ проектъ такого охранительнаго рескрипта, но «бумага сія,—по словамъ его,—осталась безъ всякаго употребленія» [2]). Императоръ соглашался на отдѣльныя предлагаемыя имъ мѣры, но Шишковъ все-таки не добился полномочія, какого хотѣлось ему, для совершеннаго истребленія безвѣрія и революціи, распространяемыхъ Обществомъ.

Въ октябрѣ или ноябрѣ 1824, онъ опять представлялъ императору Александру нѣсколько бумагъ, съ особенно настойчивыми обличеніями тенденцій Библейскаго Общества и съ предложеніями объ его закрытіи, хотя покамѣстъ все еще не прямыми.

---

[1]) La Russie et les Russes, I, 169—170.

[2]) Зап., стр. 17.

Во-первыхъ, онъ систематически возсталъ противъ *перевода св. писанія*. Аргументація его состоитъ въ слѣдующемъ [1]). Эти переводы, подъ предлогомъ лучшаго разумѣнія церковныхъ книгъ, придуманы именно для уменьшенія ихъ важности и поколебанія вѣры. Благоговѣніе къ Богу и древность «запечатлѣли въ умѣ и въ сердцѣ нашемъ каждое слово» въ св. писаніяхъ, и если древнія дѣла рукъ человѣческихъ, какъ одежды и сосуды, сохраняются неприкосновенными для соблюденія ихъ достоинства, то «какъ дерзнуть на перемѣну словъ, почитаемыхъ изшедшими изъ устъ Божіихъ?» Притомъ, перемѣна и не нужна. Если говорятъ, что многія слова древняго языка вышли изъ употребленія, такъ это неправда: «они употребляются въ св. писаніяхъ, въ церковной службѣ, во всѣхъ высокихъ свѣтскихъ твореніяхъ, въ лѣтописяхъ и законахъ. Не знать ихъ есть утверждать отпаденіе свое отъ вѣры, отъ языка и отъ наукъ»: тогда придется и церковную службу перевести на «простонародный» языкъ. «Можно ли о такомъ преступномъ намѣреніи... подумать безъ ужаса?» Наконецъ, славянскій и русскій языкъ одинъ и тотъ же, и различаются только на высокій и простой. «Высокимъ написаны священныя книги, простымъ мы говоримъ между собою и пишемъ свѣтскія сочиненія, *комедіи*, *романы* и проч.». «Сколько смѣшно въ простыхъ разговорахъ говорить высокимъ славянскимъ слогомъ, столько же странно и дико употреблять простой языкъ въ св. писаніи. Не всякъ ли бы по неволѣ разсмѣялся, еслибы въ псалтырѣ вмѣсто: *рече безумецъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Богъ*, стали говорить: *дуракъ говоритъ—нѣтъ Бога*. Между тѣмъ смыслъ въ сихъ двухъ выраженіяхъ есть одинъ и тотъ же». Какъ странно въ 1-й заповѣди сказать: *я Богъ твой*, такъ же странно сказать: *азъ ѣду въ гости*, и т. п. Въ переводѣ заповѣдей Шишковъ привязывается къ тому, что слова: «да не будутъ тебѣ бози иніи *развѣ мене*», переданы: «да не будетъ у тебя другихъ боговъ *предъ лицемъ моимъ*». «Гордость какого-нибудь *монаха* или хвастуна ученаго скажетъ: такъ по еврейски,—замѣчаетъ Шишковъ:—да кто меня увѣритъ, что онъ знаетъ всю силу еврейскаго *толь мало извѣстнаго* (?) языка, на которомъ писано сіе въ толь отдаленные вѣки? Кто меня увѣритъ, что онъ такой знатокъ, какого не бывало?» и проч. Шишковъ заключалъ свое разсужденіе тѣмъ, что причина

---

[1]) Стр. 59—63.

этихъ переводовъ «очевидно» состоитъ въ томъ, чтобы, «согласно съ намѣреніемъ Библейскихъ Обществъ, исказить и привесть въ неуваженіе священныя книги, измѣняя въ нихъ языкъ церкви въ *языкъ театра*». Онъ увѣрялъ, что, когда ни случалось ему слушать чтеніе этого перевода, онъ самыхъ набожныхъ людей вмѣсто благоговѣнія «преклонялъ къ смѣху». «Вотъ плоды, и могутъ ли они быть полезны вѣрѣ и нравственности».

Понятно, что съ Шишковымъ безполезно было бы спорить объ этомъ предметѣ: переводъ св. писанія былъ для него немыслимъ.

Въ другой бумагѣ, которую онъ читалъ императору, онъ разбиралъ нѣкоторыя мистическія книги и приходилъ въ ужасъ! «Сколько таковыхъ книгъ переведено, напечатано и распущено. *Если бы* извлечь изъ нихъ всѣ въ разныхъ видахъ и смыслахъ разсѣянныя лжеученія и привесть ихъ въ совокупность, то какой *пагубный* ядъ, миссіонерами, сектами и разными средствами распространяемый, *открылся* бы въ нихъ!» [1]) Онъ отдавалъ справедливость русскому *народу* (почти поголовно безграмотному), что эти книги не могли его поколебать!

Въ третьей бумагѣ онъ докладываетъ императору объ одной открывшейся финской сектѣ, и опять сворачиваетъ на вѣчную свою заботу: «Впрочемъ, секта сія не одна въ сей столицѣ. Присылаемые сюда иностранные миссіонеры, или попросту сказать *зажигатели* (!), а особливо англійскіе, стараются всячески ихъ умножить». Упомянувъ при этомъ какого-то шведскаго пастора, неизбѣжнаго Госнера, Попова, Татаринову, онъ продолжаетъ: «Отвсюду слышу, что Библейскія Общества, въ послѣдніе три или четыре года, *умножили* въ разныхъ губерніяхъ, а особливо въ Саратовской, до ста тысячъ самыхъ *злыхъ раскольниковъ*, называемыхъ молоканами, которыхъ секта состоитъ въ томъ, чтобъ не имѣть никакой вѣры и не признавать никакой власти». По словамъ его, нѣкоторые «весьма добрые» помѣщики, желавшіе остановить своихъ крестьянъ, дѣлавшихся раскольниками, получали отъ нихъ такой отвѣтъ: «баринъ не можетъ намъ запрещать и еще долженъ насъ похвалить за то, что мы по внушеніямъ правительства собираемся и читаемъ Библію». Нѣкто, по словамъ его, справедливо сказалъ въ письмѣ къ пріятелю: «здѣшнимъ жителямъ доставленъ способъ за дешевую

---

[1]) Стр. 66.

цѣну *толковать криво Библію»*. На это необходимо было обратить, наконецъ, вниманіе, «ибо могущее изъ сего родиться зло *ужаснѣе всякаго пожара и потопа»*.

Императоръ отвѣчалъ Шишкову на все это, что переводъ Библіи на русскій языкъ приказалъ сдѣлать онъ самъ [1]).

Шишковъ не успокоился, и ему представился, наконецъ, случай болѣе рѣшительнымъ образомъ выставить необходимость закрытія Библейскаго Общества. Черезъ нѣсколько времени послѣ представленія изложенныхъ выше бумагъ, Шишковъ (кажется, 16 ноября) доложилъ императору, что къ нему пріѣхалъ митр. Серафимъ и, послѣ многихъ разговоровъ, нашелъ нужнымъ представить на усмотрѣніе императора слѣдующіе четыре пункта (въ которыхъ Шишковъ совершенно съ нимъ согласился):

1) «Изъ изслѣдованія всѣхъ дѣйствій Библейскихъ Обществъ (входя въ однѣ гласныя и не упоминая о тѣхъ, которыя могутъ быть сокрыты въ таинствѣ) ясно и несомнѣнно открывается, что чтеніе священныхъ книгъ состоитъ въ томъ (sic), чтобъ истребить правовѣріе, возмутить отечество и произвесть въ немъ междоусобія и бунты» (!!). «Хитрый и злодѣйскій» планъ этотъ должно разрушить немедленно, иначе нельзя отвѣчать за страшныя послѣдствія. «Всѣ чувствуютъ сію опасность, *ужаснѣйшую всякаго пожара и потопа»* (опять), но немногіе осмѣливаются объ этомъ говорить, «по причинѣ пребывающаго въ цѣлости плана сего, и видя, что сіе змѣиное жало прикрыто благовидными цвѣтами» (!!). Поэтому необходимо тотчасъ же закрыть всѣ Библейскія Общества, или подъ другимъ названіемъ масонскія ложи, и всѣ ихъ дѣла запечатать и переслать для храненія въ синодъ.

2) Переводы св. писаній на «простое нарѣчіе» составляютъ одно изъ средствъ, придуманныхъ въ Библейскихъ Обществахъ для поколебанія вѣры. Поэтому Шишковъ и митр. Серафимъ находили нужнымъ остановить ихъ, и «скромными мѣрами» уменьшить число выпущенныхъ книгъ...

3) По причинѣ сильнаго распространенія этихъ «заразительныхъ правилъ» и въ свѣтскихъ, и въ духовныхъ училищахъ, нужно «обратить ихъ къ истиннымъ правовѣрнымъ началамъ»; а для этого Серафимъ считалъ нужнымъ, въ помощь себѣ, вызвать кіевскаго митрополита Евгенія.

---

[1]) Стр. 68.

4) Такъ какъ синодъ большей частью состоитъ изъ лицъ, «участвовавшихъ въ новомъ духѣ и направленіи», то митр. Серафимъ находилъ нужнымъ замѣнить другими двухъ архіереевъ: тверского (Іону) и кишиневскаго (Дмитрія Сулиму)[1]); эти два архіерея «были избраны по совѣту архимандрита Өеофила, того самаго, который нынѣ удаленъ изъ одесскаго лицея и противъ котораго весь тамошній край вопіетъ»—(и того самаго, наконецъ, о которомъ мы имѣли случай упоминать по поводу дѣтскаго сотоварищества въ ришельевскомъ лицеѣ).

Митр. Серафимъ желалъ и даже просилъ, чтобы Шишковъ представилъ обо всемъ этомъ императору[2]). Императоръ отклонилъ сущность этого представленія, сказавши, что правительству слѣдуетъ быть твердымъ въ своихъ постановленіяхъ и не показывать слабости безпрестанной ихъ перемѣной.

Шишковъ возревновалъ еще сильнѣе. Въ отвѣтъ на возраженіе императора, онъ отправилъ ему цѣлое длинное посланіе, посвященное уже вполнѣ и прямо Библейскому Обществу, и еще разъ повторявшее: delenda Carthago! Онъ сначала убѣждаетъ императора, что похвальная твердость правительства состоитъ не въ поддержаніи ошибокъ, а въ ихъ исправленіи, когда онѣ замѣчены, и что императору Александру также слѣдуетъ сознать свою *прежнюю ошибку*, и самолюбіемъ пожертвовать народному благу, тѣмъ больше,—говорилъ Шишковъ,—что «всѣ и безъ объявленія Твоего знаютъ сію ошибку, а потому упорное пребываніе Твое въ оной не закроетъ ее отъ глазъ людскихъ, но только покажетъ, что Ты любишь себя больше, нежели общее благо». Онъ указываетъ славные примѣры такого признанія своей ошибки изъ собственныхъ дѣйствій импер. Александра, изъ исторіи Петра Великаго и Генриха IV. Императоръ могъ въ началѣ покровительствовать Библейскимъ Обществамъ, когда могъ видѣть въ нихъ богобоязненность и человѣколюбіе, но теперь уже раскрылись подробности «лютѣйшаго заговора», которыя императору надо, наконецъ, узнать, потому что прежде никто не осмѣливался сказать ему объ этомъ правды, чтобы не навлечь на себя гоненія. Теперь же, когда дѣло стало обна-

---

[1]) Поправка этого мѣста въ Зап. Шишк. сдѣлана въ «Р. Арх.», 1868, ст. 942.

[2]) Стр. 68—70.

руживаться, то всѣ планы Общества можно прочитать въ напечатанныхъ книгахъ и увидѣть смыслъ его дѣйствій и намѣреній.

Затѣмъ Шишковъ переходитъ къ самому дѣлу. Въ его обращеніи къ императору было, очевидно, искреннее чувство и убѣжденіе, но, къ сожалѣнію, и слишкомъ большая щедрость на уголовныя обвиненія, которыя въ дѣйствительности ему очень трудно или совершенно невозможно было бы доказывать. Въ возраженіяхъ его противъ Общества, приводимыхъ ниже, мы найдемъ не столько справедливаго указанія недостатковъ Общества, сколько ребяческаго старовѣрства, непониманія или непозволительныхъ уголовныхъ извѣтовъ.

«1) Отколѣ сіи Общества водворились къ намъ? — спрашиваетъ Шишковъ.—Отъ англійскихъ методистовъ! Могутъ ли сіи люди, не токмо иновѣрцы, но и *никакой вѣры не имѣющіе*, учить насъ христіанству? Развѣ мы какіе нибудь *дикіе народы*, безъ ихъ ученій обойтиться не могущіе? 2) Не странны ли, даже смѣю сказать, не смѣшны ли въ Библейскихъ Обществахъ наши митрополиты и архіереи, засѣдающіе, въ противность апостольскихъ постановленій, вмѣстѣ съ лютеранами, католиками, кальвинами, квакерами, словомъ, со всѣми иновѣрцами? Они съ сѣдою головою, въ своихъ рясахъ и клобукахъ, сидятъ съ мірянами всѣхъ націй, и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе! (Божіе по названію, но въ самомъ дѣлѣ *не такое*). Гдѣ жѣ приличіе, гдѣ важность священнослуженія? гдѣ церковь? 3) Они собираются въ домахъ, гдѣ часто на стѣнахъ висятъ картины языческихъ боговъ, или сладострастныя *изображенія любовниковъ*, и сіи собранія свои, безъ всякаго богослуженія, безъ чтенія молитвъ и Евангелія, сидя какъ бы въ театрѣ, безъ малѣйшаго благоговѣнія, равняютъ съ церковною службою, и домъ безпрестольный, не освященный, гдѣ въ прочіе дни пируютъ и пляшутъ, называютъ храмомъ Божіимъ? Не похоже ли это на *Содомъ и Гоморъ*?

«При столь непристойныхъ наружностяхъ, взглянемъ на дѣятельность Библейскихъ Обществъ, посмотримъ, въ чемъ онѣ состоятъ: 1) Въ намѣреніи составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то общую республику (!) и общую религію— мнѣніе мечтательное, безразсудное, породившееся въ головахъ или обманщиковъ, или суемудрыхъ людей. Оно сперва скрывалось подъ именами тайныхъ обществъ (!), масонскихъ ложъ, но-

вой философіи, а потомъ обнаруженное (?) укрылось подъ другія благовиднѣйшія имена либеральности, филантропіи, мистики, и тому подобныя; заразило многихъ, порабощаетъ царство наше чужеземцамъ и угрожаетъ тѣми же бѣдствіями, какія нѣкогда въ ихъ земляхъ свирѣпствовали. 2) Въ напечатаніи столько Библій, чтобы каждый въ государствѣ человѣкъ могъ ее имѣть (такъ сказано въ отчетахъ). Чтожъ изъ этого послѣдуетъ? Употребится страшный капиталъ на то, чтобъ Евангеліе, выносимое съ такою торжественностію, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось подъ лавками, служило оберткою какихъ-нибудь домашнихъ вещей и не дѣйствовало болѣе ни надъ умами, ни надъ сердцами человѣческими. 3) Въ переводѣ Библій на всѣ языки, на турецкій, татарскій и проч. *На что это?* Кто поручится за вѣрность сихъ переводовъ и кто будетъ ихъ читать? 4) Въ размноженіи обществъ, состоящихъ изъ членовъ, которые, *слѣдовательно* (?), отдѣляются отъ прочихъ христіанъ, ибо какая нужда христіанину, который по самому званію сему есть членъ церкви, быть членомъ Библейскаго Общества? Не *знакъ ли* это, что онъ отпадаетъ отъ той церкви, на которой основана вѣра, и передается другой, признавая ее за лучшую? Сверхъ сего, къ чему иному поведутъ сіи размноженныя Общества, какъ не къ тому, чтобъ собирающаяся, гдѣ и какъ хочетъ, толпа простыхъ и безграмотныхъ людей толковала Библію по внушеніямъ какого-нибудь еретика или плута, *подкупленнаго и посланнаго къ нимъ нарочно*, чтобъ, объясняя св. писаніе криво и превратно, посѣять въ легковѣрныя сердца ихъ развратъ и неистовства, удобнѣе сдѣлать ихъ хуже и свирѣпѣе всякаго дикаря и язычника? Если обратить вниманіе на дѣйствія Библейскихъ Обществъ и на всѣхъ агентовъ ихъ, то сіи произведенные ими пагубные плоды, сія уготовляемая ими вокругъ насъ зараза окажутся, можетъ быть, страшнѣе и опаснѣе всякихъ непріятельскихъ нашествій».

Шишковъ еще на нѣсколькихъ страницахъ развиваетъ всю эту тему. О чемъ заботятся Библейскія Общества—объ утвержденіи православной вѣры или напротивъ? «Если намѣреніе ихъ состоитъ въ преподаваніи христіанскихъ ученій, то развѣ церковь наша не преподаетъ намъ оныхъ? развѣ мы до Библейскихъ Обществъ не были христіане? и какъ же они учатъ насъ тому? Призываютъ учителей-иновѣрцевъ и распускаютъ книги, противныя христіанству! вмѣстѣ съ Библіями разсылаютъ *воз-*

званія ко всеобщему бунту!» [1]). Библейскія Общества старались о распространеніи такихъ книгъ, «содержащихъ въ себѣ умствованія, совершенно противныя всякой христіанской вѣрѣ и всякому правительству»,—и это стараніе издавать подобныя книги вмѣстѣ съ Библіями, обнаруживаетъ «очевидное желаніе превратными толкованіями уронить Св. Писаніе и дать свободу страстямъ и своевольству». Плоды этого Шишковъ уже указывалъ въ размноженіи раскольниковъ, а теперь въ особенности ссылается на одного *есаула*, особенно отличавшагося еретичествомъ (нѣкоего Котельникова, о которомъ мы упомянемъ дальше). Для отвращенія страшной опасности для вѣры и государства необходимо немедленно закрыть Библейскія Общества, и если хотятъ придать этому нѣкоторую «благовидность», то Шишковъ предлагалъ поступить такъ: «предоставить синоду донесть о ненадобности болѣе оныхъ, или безъ сего донесенія дать указъ, что какъ уже напечатано достаточное количество Библій, то, почитая дальнѣйшее попеченіе о томъ болѣе не нужнымъ, всѣ Библейскія Общества закрыть и всѣ въ оныхъ дѣла препроводить для храненія въ св. синодъ, которому впредь, по мѣрѣ надобности, издавать Библію на прежнемъ основаніи, какое было до введенія Библейскихъ Обществъ». (Такъ и было впослѣдствіи сдѣлано). Тогда вѣра и престолъ опять утвердятся, и императоръ спасетъ народъ свой отъ «адскаго духа, устремляющагося искоренить въ немъ вѣру и всѣ добродѣтели» [2]).

Императоръ Александръ не давалъ на это Шишкову никакого отвѣта. Онъ могъ не довѣрять тому, что ему говорили теперь о Библейскихъ Обществахъ, въ которыхъ столь многое дѣлалось по его собственной инціативѣ; ему самому знакомы были мистическія тенденціи, въ которыхъ ему указывали теперь столько губительнаго, не только для вѣры, но и для безопасности государства; однажды онъ замѣтилъ уже Шишкову, что переводъ св. писанія былъ сдѣланъ по его собственной волѣ. Чѣмъ ужаснѣе былъ доносъ, тѣмъ онъ становился невѣроятнѣе: князь Голицынъ, на котораго прежде всего должны были падать всѣ эти ужасныя обвиненія, оставался однимъ изъ ближайшихъ

[1]) Подъ этимъ послѣднимъ Шишковъ разумѣетъ книгу: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», перев. И. Ястребцова, Спб., 1820 г., о которой упомянуто въ приложеніи къ нашей предыд. статьѣ. [См. ниже, стр. 283].

[2]) Зап., стр. 74—83.

людей къ императору, и все краснорѣчіе Шишкова, убѣждавшаго императора признать свои заблужденія, было пока напрасно... Шишковъ началъ замѣчать «нѣкоторую холодность и молчаливость» со стороны императора, которыя очень его огорчали. Онъ приписывалъ это дѣйствіямъ противной партіи и не думалъ, что его настоянія могли быть непріятны самымъ отсутствіемъ всякой мѣры и смысла въ обвиненіяхъ. Черезъ нѣсколько времени, однако, императоръ, при отъѣздѣ въ Варшаву, прощаясь съ Шишковымъ, сказалъ ему: «поступай какъ ты началъ»,—повидимому, не желая давать никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій [1]).

Проволочка госнеровскаго дѣла и неутѣшительный его ходъ вызвали новые доклады и письма Шишкова къ императору. Мы приведемъ изъ нихъ еще одну послѣднюю цитату, гдѣ Шишковъ началъ приписывать Библейскому Обществу даже воровства, грабежи и убійства:

«Плоды распущенныхъ во множествѣ книгъ,—говоритъ онъ,—въ которыхъ приводимые изъ Библіи тексты толкуются превратно, вездѣ оказываются въ есаульскихъ и солдатскихъ посланіяхъ. Чрезвычайное въ краткое время умноженіе самыхъ опаснѣйшихъ расколовъ, есть несомнѣнное отъ сего послѣдствіе. Сему нечестію начинаютъ соотвѣтствовать подобныя же дѣянія, таковыя, какъ частыя *воровства* и *грабежи*, даже нерѣдко *смертоубійства*, также *слухи*, распускаемые къ униженію священства, о попахъ съ козлиными рогами (!), подающіе, *сверхъ того*, поводъ народу по ночамъ скопляться [2]). Вѣроятно, есть и другія подобныя происшествія, о которыхъ полиція больше меня свѣдуща. Судъ надъ профессорами, преподававшими въ томъ же духѣ (!) свои ученія, и возникавшія неоднократно такія же

[1]) Зап., стр. 88.

[2]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Шишковъ разсказываетъ: «Извѣстно, что въ это время происходили въ Петербургѣ многія по домамъ покражи и сверхъ того учинены нѣкоторыя смертоубійства, изъ коихъ иныя по обстоятельствамъ *казались* такими, что не корысть побудила на оныя, но, вѣроятно, опасеніе, чтобъ человѣкъ сей не открылъ ввѣренной ему тайны. Также распущенъ былъ слухъ, будто бы какой-то попъ, для содѣланія нѣкоего неистовства, нарядился въ *козью съ рогами кожу*, которая тотчасъ къ нему приросла, и что будто бы въ семъ видѣ поведутъ его ночью на казнь. Нелѣпая сказка сія такъ распространилась, что дня три сряду народъ скоплялся во множествѣ смотрѣть на сего чудеснаго преступника и, *что всего страннѣе*, сказка сія не въ одномъ здѣшнемъ, но и въ другихъ городахъ разглашена была» (!!).

мысли въ университетахъ и училищахъ, часто свидѣтельствовали *тѣ же самые замыслы*. Во многихъ свѣтскихъ сочиненіяхъ появляются таковые же порывы. Сколь ни трудно для меня имѣть особое и неусыпное за симъ наблюденіе однакожъ, я велѣлъ цензорамъ, при малѣйшемъ сомнѣніи, относиться ко мнѣ. Многое останавливалъ».... [1]).

Это обвиненіе достаточно говоритъ за себя само. Замѣтимъ къ нему только, что, упоминая о «судѣ надъ профессорами», т. е., судѣ надъ профессорами Петербургскаго университета, обвиненными въ вольнодумствѣ, Шишковъ страннымъ образомъ приписывалъ Библейскому Обществу тотъ «духъ», противъ котораго оно именно тогда и свирѣпствовало въ лицѣ извѣстныхъ клевретовъ Магницкаго и Голицина. Теперь на Общество сваливалось и это вольнодумство!

Понятно, что императоръ сталъ *уклоняться* отъ исполненія желаній Шишкова и показывать холодность и молчаливость [2]). Вспомнимъ, что и въ публикѣ дѣйствія этой партіи по дѣлу Госнера производили «изумленіе и негодованіе».

Что же дѣлалось тѣмъ временемъ въ самомъ Библейскомъ Обществѣ?

Въ первомъ засѣданіи библ. комитета, послѣ удаленія кн. Голицына (29 мая), читались, по прежнему, отчеты о текущихъ дѣлахъ Общества [3]), какъ будто дѣло должно было итти по

[1]) Зап., стр. 104—109.

[2]) Шишковъ жалуется, стр. 93, что противная сторона называла его дѣйствія «инквизиціею» (1825 г.). Онъ негодуетъ на это. Но на стр. 121 онъ разсказываетъ, что полиція открыла тайныя сходбища учениковъ Госнера; назначена была коммиссія изъ графа Милорадовича, барона Ребиндера, еп. Сигнеуса и его, Шишкова. «При всѣхъ кроткихъ увѣщаніяхъ, человѣкъ до *семидесяти* остались упорными въ намѣреніяхъ своихъ, не хотѣли даже обѣщать, чтобъ не дѣлать болѣе тайныхъ сборищъ, такъ что, по причинѣ сего ни чѣмъ непреодолимаго упорства, принуждены мы были осудить ихъ *къ разосланію и заточенію по разнымъ крѣпостямъ*».

[3]) Митр. Серафимъ пока заявилъ только свое мнѣніе, чтобы для удобнѣйшаго и успѣшнѣйшаго приведенія въ употребленіе книгъ св. писанія, переведенныхъ для нехристіанъ, были употреблены *мѣстные священники*, и чтобъ они руководимы были при этомъ своими *епархіальными архіереями*. Мнѣніе, конечно, было комитетомъ принято. «Извѣстія», 1824 г., стр. 281.

прежнему. Между тѣмъ, уже начинались явные скандалы. Какъ только Голицынъ былъ удаленъ и Шишковъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, а Серафимъ президентомъ Библейскаго Общества, Магницкій велѣлъ *выкинуть портретъ* кн. Голицына изъ конференцъ-залы Казанскаго университета [1]), и *отрекся* отъ Библейскаго Общества, во имя котораго онъ такъ недавно совершалъ свои подвиги.

Эту послѣднюю выходку онъ подготовилъ еще заранѣе. Перекинувшись на сторону враговъ кн. Голицына, еще до его удаленія изъ общества, Магницкій, въ одномъ изъ засѣданій библейскаго комитета, возсталъ противъ посылки въ Персію персидскаго перевода Н. Завѣта, на томъ основаніи, что въ этомъ переводѣ было, по его словамъ, какое-то богохульное выраженіе, и сдѣлалъ сцену, заявивъ, что не хочетъ больше участвовать въ занятіяхъ комитета. Тогда не поняли, что сталось съ этимъ, до тѣхъ поръ ревностнымъ, членомъ Общества. Вскорѣ это объяснилось, потому что онъ вступилъ въ открытый союзъ съ Фотіемъ и сталъ пресмыкаться передъ Аракчеевымъ. Когда Магницкій явился въ первый разъ въ этомъ обществѣ (кажется, у графини Орловой), Фотій, любившій оригинальничать, встрѣтилъ его здѣсь какимъ-то торжественно-юродивымъ способомъ, и съ тѣхъ поръ они стали союзниками [2]). Оказавъ услугу новымъ союзникамъ своими стараніями выкрасть изъ типографіи книгу Госнера, и когда Голицынъ уже не былъ министромъ, Магницкій устроилъ свое отреченіе отъ Общества. Въ бумагѣ къ митр. Серафиму, отъ 24 мая 1824 г., онъ, сославшись на упомянутыя богохульныя выраженія въ *персидскомъ* переводѣ, просилъ митрополита: «принять торжественное мое отреченіе отъ всѣхъ богопротивныхъ, по моему разумѣнію, дѣйствій Библей-

---

[1]) Зап. Панаева, ibid., стр. 107.

[2]) «Встрѣтилъ его у дверей гостиной Фотій, держа восковыя свѣчи въ рукахъ, и съ нѣмою торжественностью провожалъ его до приготовленныхъ креселъ. Кругомъ сидѣли почетныя дамы, въ томъ числѣ графиня Орлова. Фотій сѣлъ возлѣ Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ; потомъ ухватился за колокольчикъ, стоявшій на столикѣ, и сталъ звонить, сколько было у него силы, не проговаривая, впрочемъ, ни одного слова (!?). Видно, Магницкій и онъ помѣнялись взорами въ залогъ взаимнаго согласія, и негласный союзъ между ними былъ заключенъ». Изъ Зап. Современника, А. Стурдзы, 1849 г. въ «Р. Арх.», 1868 г., ст. 932.

скаго Общества, и благоволитъ исходатайствовать мнѣ совершенное отъ онаго увольненіе» [1]).

Но «Извѣстія» Библейскаго Общества еще продолжались пока правильно, и въ газетахъ этого года по прежнему помѣщались свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Общества. Такъ, въ августѣ 1824 г., въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатана была выписка изъ журнала засѣданія московскаго комитета, гдѣ предсѣдательствовалъ вице-президентъ Общества, Филаретъ. Выписка говорила объ успѣхахъ библейской дѣятельности; корреспонденты московскаго комитета разослали по селеніямъ этой губерніи пятьсотъ книжекъ «воззванія» отъ комитета Общества, и успѣхъ этого воззванія превзошелъ всѣ ожиданія: всѣ книги св. писанія, бывшія въ запасѣ въ тѣхъ мѣстахъ, были раскуплены. Въ этой же выпискѣ находилось и упомянутое нами прежде извѣстіе объ успѣхѣ библейскаго дѣла между *старообрядцами:* Богородскій корреспондентъ увѣдомлялъ, что экземпляры Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ, раскупаются старообрядцами, которые «съ великимъ вниманіемъ и *радостію* читаютъ сію божественную и душеспасительную книгу на *природномъ своемъ языкѣ»*. Затѣмъ объявлялось о продажѣ книгъ св. писанія въ книжной лавкѣ Библейскаго Общества [2]).

Шишковъ пришелъ въ негодованіе, прочитавши это извѣстіе, и обратился опять съ письмомъ къ своему прибѣжищу, графу Алексѣю Андреевичу. Эти извѣстія явно доказывали,—говорилъ Шишковъ,—что зло, которое хотятъ остановить, распространяется по прежнему: извѣстіе о томъ, что старообрядцы читаютъ съ радостію Новый Завѣтъ на русскомъ, ихъ *природномъ*, языкѣ, противно, по словамъ его, всякому понятію о старообрядцахъ, нетерпящихъ никакого измѣненія въ библейскихъ текстахъ, и «таковая, преимущественная предъ настоящими христіанами, похвала *старообрядцамъ*, то есть, раскольникамъ, и увѣреніе, что русскій языкъ имъ особенно природенъ [3]), есть

---

[1]) Чтенія М. Общ., 1861 г., № 4, стр. 162—163.

[2]) «Моск. Вѣд.» 1824 г., № 69, 27 авг. Та же статья явилась потомъ и въ Петербургѣ, въ «Извѣстіяхъ Библ. Общ.», сентябрь, стр. 360—361. (Цензурная помѣтка сентябрьской книжки октября 3; послѣдняя, октябрьская, помѣчена 23 октября).

[3]) Это вздорная придирка: въ самомъ извѣстіи вовсе не говорится, чтобы русскій языкъ былъ имъ *особенно* природенъ, а сказано просто вообще, какъ о природномъ для нихъ, вмѣстѣ со всѣми другими русскими.

явная и совершенная ложь, *очевидно*, для того только проповѣдываемая, чтобы возвысить расколы и уничижить тотъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе» [1]). Шишковъ жаловался, что не имѣетъ способовъ къ потушенію этого тлѣющаго огня, и выражалъ опасеніе, что можетъ своимъ бездѣйствіемъ лишиться и того добраго имени, какое пріобрѣлъ долговременностью своей службы [2]).

Шишковъ жаловался при этомъ и на московскаго архіепископа, которому нельзя-де было не знать, что въ Петербургѣ уже ничего не упоминается о Библейскихъ Обществахъ, и который не могъ «безъ особаго намѣренія допускать до подобнаго обнародованія статей, прежній духъ и прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойстія обнаруживающихъ».

16 сентября (1824) Серафимъ писалъ Филарету (по-латыни), совѣтуя ему быть осторожнымъ въ библейскомъ дѣлѣ и не печатать ничего объ этомъ въ газетахъ, какъ онъ сдѣлалъ недавно [3]). Серафимъ извѣщалъ его, что Библейское Общество обвиняютъ въ поощреніи раскола, и что этого мнѣнія держатся не только люди невѣжественные и суевѣрные, но и многіе «образованные и благочестивые».

19 сентября корреспондентъ Филарета въ Петербургѣ, Григорій, епископъ ревельскій, передавалъ ему мнѣніе Серафима, что Библейскія Общества крайне вредны, потому что раздача Библій есть самое вѣрное средство къ введенію реформаціи; что онъ не будетъ больше дѣлать собраній, и что Общество не уничтожается теперь только потому, чтобы не сдѣлать шуму, что Шишковъ, кажется, послалъ въ университетскую типографію (въ Москвѣ, печатавшую «Моск. Вѣдомости») приказъ не печатать того, что было бы прислано изъ Библейскаго Общества.

Между тѣмъ, въ сентябрьской книжкѣ «Извѣстій» (вышедшей въ октябрѣ) была опять напечатана та статья, которая была въ августѣ помѣщена въ «Моск. Вѣдомостяхъ». Эта пе-

---

[1]) Шишковъ опять забылъ, что, по его собственнымъ словамъ, раскольники не терпятъ никакого измѣненія въ библейскихъ текстахъ,— слѣдовательно, какое же «возвышеніе» раскола было въ томъ, что онъ былъ будто бы похваляемъ за измѣну своимъ старымъ раскольничьимъ преданіямъ?

[2]) Письмо къ Аракчееву, отъ 13 сент. 1824 г. Зап., стр. 23—26.

[3]) Серафимъ разумѣлъ статейку въ «Моск. Вѣд.».

репечатка едва ли не сдѣлана редакторами «Извѣстій» съ намѣреніемъ, на зло Шишкову.

15 октября тотъ же Григорій писалъ Филарету, между прочимъ: «Перевода Библіи продолжать не велитъ (т. е. Серафимъ), но мы, однакожъ, *будемъ продолжать*... У насъ все еще идетъ броженіе, и подозрѣнія не перестаютъ».

7-го ноября онъ же пишетъ: «Перевода Библіи дѣлать не велѣлъ. Не знаю, что будетъ дальше»,—и извѣщаетъ, что Катихизисъ «критикуютъ»...

12 декабря, около того времени, когда дѣло шло о Катихизисѣ, Филаретъ, епископъ калужскій, въ письмѣ къ Филарету московскому, проситъ его «поберечь себя для святой церкви» говоритъ, что прилежная молитва «всѣхъ истинныхъ сыновъ церкви» дойдетъ до Господа, и Онъ «скоро прогонитъ мракъ и изведетъ истину во свѣтъ». Авторъ письма молилъ Бога дать Филарету силы перенести искушеніе его вѣры и любви къ Богу. «Ибо *не вѣдятъ, что творятъ*» [1]).

Наконецъ, самъ президентъ Библейскаго Общества,—который уже съ 1814 года, второго года существованія Общества, когда въ библейскомъ комитетѣ въ первый разъ явились представители православной іерархіи, былъ въ числѣ его вице-президентовъ; котораго имя, вмѣстѣ съ именами митрополита Михаила и архіепископа Филарета, стояло подъ «Возглашеніемъ къ Христолюбивымъ читателямъ» при первомъ изданіи Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ, этомъ лучшемъ дѣлѣ Библейскаго Общества,—митрополитъ Серафимъ, въ письмахъ къ императору Александру отъ 11 и 28 декабря 1824 г., просилъ о «скорыхъ мѣрахъ къ огражденію православія и природной намъ преданности къ законному правленію», просилъ прекращенія дѣйствій Общества, какъ «благодѣянія къ уврачеванію ранъ, нанесенныхъ святой нашей Вѣрѣ» [2]).

Поводомъ къ первому письму была секта *Духоносцевъ*, которую враги Библейскаго Общества выдавали за прямое его произведеніе и изъ которой они дѣлали одно изъ важнѣйшихъ обвиненій противъ Общества: Фотій и Шишковъ говорили объ ней съ благочестивымъ ужасомъ. Къ сожалѣнію, эта секта до сихъ поръ извѣстна очень мало,—и именно только изъ этихъ обви-

---

[1]) Эти письма см. въ «Ж. Мин. Нар. Пр.», 1868, I, 18—20, 25—26.

[2]) Письма изданы въ «Р. Арх.», 1868, ст 940—944.

неній [1]). Изъ сличенія извѣстныхъ данныхъ видно, что основателемъ этой секты былъ донской есаулъ Евлампій Котельниковъ. Онъ училъ, что Антихристъ уже пришелъ, и что въ нашей церкви уже видна мерзость запустѣнія, прореченная прор. Даніиломъ; эта церковь, какъ царство Антихристово, разрушена будетъ Александромъ I, и при немъ распространится религія духоносцевъ, или единовѣріе. Въ императорѣ родился духовно І. Христосъ, и онъ есть мужъ новой церкви. Въ своихъ собраніяхъ духоносцы читали Библію; кромѣ того, они читали книжку Лопухина «Черты внутренней церкви» и упомянутое прежде «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», которыя признавали пророческими. Котельниковъ изложилъ, наконецъ, положенія этой секты въ книгѣ, подъ названіемъ «Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ» (?), основанной, какъ говорятъ, на ученіяхъ того же «Воззванія». Мѣстное начальство будто бы много разъ доносило объ этой сектѣ министерству духовныхъ дѣлъ, но «агенты иллюминатства» отвращали вниманіе министерства отъ донесеній донскаго начальства и отъ рукописей Котельникова. Наконецъ (вѣроятно, уже послѣ паденія кн. Голицина), Котельниковъ былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ. Призванный къ Аракчееву, въ присутствіи Серафима и Фотія, онъ держалъ себя дерзко, презиралъ всякія угрозы, и, напротивъ, угрожалъ самъ, говоря, что радъ погибнуть, потому что знаетъ, что своей погибелью умножитъ ревность и число своихъ послѣдователей. Аракчеевъ и Серафимъ хотѣли запереть его въ крѣпость; но Фотій просилъ, чтобъ ему предоставили сдѣлать надъ Котельниковымъ опытъ своихъ увѣщаній. Фотій дѣйствительно довелъ его до раскаянія, и Котельниковъ письменно предалъ свою книгу проклятію. Его велѣно было освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину. Но тамъ,—разсказываетъ Шишковъ,—онъ «сочинилъ еще злѣйшую прежней книгу, въ которой насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному его обращенію въ православную вѣру и отреченію отъ своей». Онъ продолжалъ распространять свою ересь, и его вторично взяли въ Петербургъ: но Фотій не хотѣлъ уже обра-

---

[1]) Зап. Шишкова, стр. 80—81, прим. Зап. Фотія (въ Чтеніяхъ), стр. 263—264; Записка о крамолахъ враговъ Россіи,«Р. Арх.», 1868, ст. 1345—1349. [См. ниже позднѣйшую статью А. Н. Пыпина о сектѣ,—по архивнымъ документамъ].

щать его, а поручено это было одному монаху, «который, вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился тою же ересью и объявилъ о томъ письменно». Наконецъ, Котельникова заключили въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ умеръ въ 50-хъ годахъ, какъ говорили, «святымъ человѣкомъ» [1]).

Повидимому, это было нѣчто въ родѣ духоборчества или молоканства, принявшаго нѣкоторые элементы изъ тѣхъ религіозныхъ понятій, какія излагала новая мистика.

Митрополиту Серафиму было, кажется, поручено разсмотрѣніе этой секты, и онъ совершилъ его съ той точки зрѣнія, какую мы видѣли уже у Шишкова. Онъ называетъ секту «важной по обширнымъ своимъ замысламъ и приманчивой по свободѣ дѣйствовать согласно съ желаніями и страстями»; удивляется, до какой степени даже въ простомъ народѣ распространилось «явное противленіе церкви»; не сомнѣвается, что «зловредный расколъ сей, какъ новая отрасль масонства [2]), одолженъ началомъ своимъ не Россіи, но *привезенъ* къ намъ *совсѣмъ обдуманный* и *приноровленный во всѣхъ отношеніяхъ (!)* къ свойствамъ, обычаямъ и понятіямъ народа Русскаго» [3]). Митрополитъ находилъ, что всеобщее обращеніе Библій, «*безъ другихъ средствъ къ посѣянію въ народѣ благочестія*», могло содѣйствовать этому расколу [4]). Наконецъ, «Библейскія Общества имѣютъ съ нимъ связь», какъ заключаетъ Серафимъ изъ единства ихъ основаній всеобщей религіи, и изъ согласія новаго

---

[1]) Въ отрывкахъ изъ Зап. Фотія упоминается еще о какихъ-то письмахъ Котельникова къ вологодскому епископу Онисифору и къ Филарету, но свѣдѣнія слишкомъ кратки и неясны, чтобы извлечь изъ нихъ что-нибудь положительное.

[2]) Припомнимъ, что Серафимъ былъ воспитанникомъ Дружескаго Общества, какъ и Михаилъ Десницкій; но у него не осталось, кажется, потомъ слѣдовъ этого воспитанія

[3]) Какой же удивительный человѣкъ *не въ Россіи* былъ въ состояніи сдѣлать такую мудреную вещь, когда и самимъ русскимъ, не принадлежащимъ прямо къ самому народу, это бываетъ такъ трудно? Объ этомъ обвинители не помышляли. На все былъ готовый отвѣтъ: «иллюминаты».

[4]) Замѣчательное и очень справедливое признаніе; но на комъ же обязанность позаботиться объ этихъ другихъ средствахъ? Въ этомъ вопросѣ и заключается вся сущность дѣла. Если Библейскія Общества, главнымъ образомъ свѣтскія и неконфессіональныя по принципу, дѣлали свое дѣло, распространяя Библію, кто мѣшалъ тѣмъ, на комъ должна лежать обязанность позаботиться о «другихъ средствахъ»,—исполнять и свое дѣло?

ученія съ содержаніемъ такъ называемыхъ духовно-нравственныхъ книгъ, которыя явились вмѣстѣ съ Библейскими Обществами,—особенно съ содержаніемъ «Воззванія къ человѣкамъ» etc.—Наконецъ, митрополитъ жалуется, что съ введеніемъ Библейскихъ Обществъ, не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ училищахъ появился «духъ своеволія и мистическаго мудрованія»; «какихъ же должно ожидать послѣдствій, *аще соль земли обуяетъ?*»—т. е. тѣмъ же духомъ заразится готовящееся духовенство.

Вслѣдствіе того, онъ проситъ «скорыхъ мѣръ», и для успѣшнаго ихъ примѣненія проситъ, чтобы въ помощь ему призванъ былъ кіевскій митрополитъ Евгеній...

Во второмъ письмѣ митрополитъ Серафимъ говоритъ, что, углубившись въ разысканія о Библейскомъ Обществѣ, онъ все больше убѣждался въ невозможности соединить мѣсто первенствующаго члена синода съ предсѣдательствомъ въ Библейскомъ Обществѣ. Въ «сокрытомъ направленіи *всѣхъ дѣйствій*» этого Общества онъ увидѣлъ «нарушеніе *самыхъ священныхъ обязанностей* покорности церкви и преданности Государю», и потому просилъ низойти благосклоннымъ вниманіемъ на приносимое имъ «моленіе цѣлой церкви». Императоръ объявилъ ему прежде, что по дѣлу Россійскаго Библейскаго Общества составится комитетъ изъ преданныхъ престолу и церкви людей; и митрополитъ просилъ, чтобы императоръ теперь же велѣлъ прекратить дѣйствія библейскихъ комитетовъ и закрыть ихъ по всей Россіи, и желалъ, чтобы этотъ (1824) годъ, «толико важный для православія», увѣнчался въ своемъ исходѣ этимъ знакомъ промышленія императора о подданныхъ и о вѣрѣ отцовъ.

Эти отзывы о Библейскомъ Обществѣ были, конечно, очень странны отъ человѣка, который съ самаго начала, въ теченіи десяти лѣтъ, былъ однимъ изъ его вице-президентовъ: когда преступленія Общества были такъ чрезвычайны, то какъ было не видѣть ихъ и еще прежде не поднять противъ нихъ своего голоса, если не прямымъ обличеніемъ, которое могло быть по обстоятельствамъ трудно, то по крайней мѣрѣ удаленіемъ отъ зла? И еслибъ началось настоящее разысканіе о *всѣхъ дѣйствіяхъ* Общества, не пришлось ли бы этому разысканію привлечь къ отвѣтственности людей, все время стоявшихъ въ его главѣ?..

Императоръ Александръ согласился на вызовъ митр. Евгенія, но не далъ ожидаемаго повелѣнія о закрытіи Общества...

Такимъ образомъ, дѣло Библейскаго Общества долго оставалось въ этомъ неопредѣленномъ положеніи. Но фактически оно, конечно, уже не существовало. Къ концу 1824 года работы, вѣроятно, прекратились окончательно: «Извѣстія» остановились,—да имъ и не о чемъ было больше извѣщать,—и остановились на срединѣ—въ послѣдней 10-й книжкѣ ихъ ничего не сказано о прекращеніи изданія. Переводъ Библіи остановился. Изданіе русской Библіи прервалось на книгѣ Руѳь.

Главные виновники этого результата должны были радоваться; вѣроятно, радъ былъ Аракчеевъ и Серафимъ; Фотій еще въ половинѣ 1824 года писалъ торжествующія письма къ своему другу, симоновскому архимандриту Герасиму: «Порадуйся, старче преподобный,—писалъ онъ ему въ своемъ полу-церковномъ, безсвязномъ стилѣ:—нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ, общества всѣ богопротивныя, якоже адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ Господь І. Христосъ во славу Бога Отца, аминь.... PS. Молися объ А. А. Аракчеевѣ; онъ явился рабъ Божій за св. церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ. Спаси его Господи» [1]).

Въ январѣ 1825 г. Серафимъ просилъ Аракчеева, въ уваженіе оказанныхъ архим. Фотіемъ отличныхъ заслугъ, исходатайствовать ему панагію, «для полноты торжества православія». Панагія была препровождена къ Серафиму, для доставленія Фотію, черезъ нѣсколько же дней [2]).

Но этого было еще мало ревнителямъ, въ особенности Шишкову. Ихъ озлобленіе противъ Библейскаго Общества все еще не было удовлетворено. Закрыть его совсѣмъ имъ не удавалось; въ теченіе 1825 года библейская дѣятельность еще подавала нѣкоторые признаки жизни (потому что оффиціальнаго прекращенія его дѣйствій не было), и Шишковъ заботливо трудился заглушать ихъ. Когда въ Петербургѣ президентъ Общества прекратилъ всякія собранія, здѣшніе члены должны были знать, что дѣлать уже нечего, но комитеты провинціальные еще бывали иногда въ недоумѣніи, и обращались по прежнему въ столицы. Это приводило Шишкова въ крайнее негодованіе.

---

[1]) «Р. Арх.», 1868, ст. 946—947.

[2]) Письма Серафима и Аракчеева о панагіи, тамъ же, ст. 947—950.

Около мая 1825 Шишковъ получилъ три бумаги: одна была отъ попечителя Московскаго университета, Оболенскаго, который сообщалъ ему отношенiе углицкаго и архангельскаго библейскихъ сотовариществъ о напечатанiи ихъ отчетовъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; въ другой комитетъ правленiя академiи наукъ относился къ нему о напечатанiи списка членовъ петербургскаго Библейскаго Общества для адресъ-календаря; въ третьей митрополитъ Серафимъ сообщалъ ему письмо о библейскихъ дѣлахъ отъ епископа слободско-украинскаго Павла... Шишковъ возмущался,—все это доказывало, что Библейскiя Общества, не смотря ни на что, «идутъ *смѣлыми* (!) шагами», и въ горѣ обратился опять къ графу Алексѣю Андреевичу. Письмо епископа Павла уже одно, по словамъ его, показываетъ, какое колебанiе происходитъ отъ неизвѣстности, чему слѣдовать и чего держаться. «Онъ спрашиваетъ разрѣшенiя, *какъ поступать и дѣйствовать ли по прежнему?* Повидимому, зараженный самъ, не знаю, ложными ли понятiями, или инымъ какимъ побужденiемъ, *выхваляя* сiи Общества, признается однакожъ, что *всѣ сословiя свѣтскаго состоянiя терпѣть ихъ не могутъ,* и что *сборъ денегъ и продажа книгъ* производится по всей епархiи, *по его распоряженiю, посредствомъ одного духовенства* и то *по принужденiю.* Изъ сихъ краткихъ словъ его довольно уже явствуетъ, какимъ образомъ дѣлается и какую пользу приноситъ такъ называемое ими распространенiе слова Божiя: благое названiе, данное злому дѣянiю» и пр. [1]). Что касается запроса академiи, Шишковъ видѣлъ, что напечатать списокъ Библейскаго Общества значило бы показать, что «перемѣна министерства ничего не значила», но запретить этого не могъ, и потому придумалъ слѣдующее махiавелическое средство: «я велѣлъ, излагая сей списокъ, припечатать къ нему *прошедшiй 1824*, а *не нынѣшнiй годъ,* дабы сколько-нибудь дать почувствовать, что есть нѣкоторое помышленiе о принятiи мѣръ къ оставленiю прежняго буйственнаго духа»... Графъ Аракчеевъ былъ съ этимъ совершенно согласенъ, и совѣтовалъ

[1]) Если цитата у Шишкова дѣйствительно вѣрна, то авторъ письма, очевидно, былъ очень спутанъ, потому что изображаетъ въ неблаговидномъ свѣтѣ и свои собственныя распоряженiя, которымъ могъ бы и не давать формы «принужденiя».—Это опять одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ образчиковъ пропаганды, принимавшей свойства «почвы», на какiе мы уже не разъ указывали.

ни Оболенскому, ни епископу Павлу ничего не отвѣчать: этимъ отмѣнится само собой печатанiе библейскихъ отчетовъ, и Павелъ долженъ будетъ понять, что ему слѣдуетъ дѣлать [1]).

Такими и подобными мѣрами Библейское Общество, если не по праву, то на дѣлѣ было совершенно подавлено еще въ теченiе 1824—25 года.

Въ томъ же 1825 году приняты были, наконецъ, формальныя мѣры противъ *вредныхъ книгъ*, которыя, какъ мы видѣли, считались однимъ изъ средствъ, употреблявшихся Библейскимъ Обществомъ для низложенiя вѣры и престола [2]).

Въ обличенiи этихъ книгъ усердно трудились и Шишковъ, и Фотiй, и Серафимъ. Шишковъ лично представлялъ уже императору Александру свои опыты въ теологiи—разборы нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ: сначала ему порученъ былъ разборъ книги Госнера; потомъ онъ отъ себя взялся за Филаретовъ Катихизисъ и написалъ еще разборъ книгъ: «Краткiй и легчайшiй способъ молиться» (1822) и «Божественной философiи» Дютуа (1818); далѣе, онъ представлялъ разборъ книги «Воззванiе къ человѣкамъ» и проч., который сдѣланъ былъ двумя духовными особами, избранными митрополитомъ Серафимомъ.

Фотiй говоритъ въ своихъ запискахъ, что, между прочимъ, онъ представлялъ разборъ этого же «Воззванiя», которое вообще возбуждало въ защитникахъ вѣры и престола особенное озлобленiе и негодованiе.

Филаретъ черниговскiй въ своемъ «Обзорѣ» указываетъ цѣлый рядъ мистическихъ книгъ этого времени, которыя подвергались критикѣ Фотiя, и о нѣкоторыхъ приводитъ «краткiя замѣтки» Фотiя. Для примѣра, мы выпишемъ нѣсколько этихъ указанiй съ «краткими замѣтками» Фотiя.

«Як. Бема: Путь ко Христу, 1815—*бѣсовская.*

«Письма къ другу объ орденѣ с(вободныхъ) к(аменщиковъ), 1816,—*бѣсовская.*

---

[1]) См. письмо Шишкова отъ 16-го мая 1825, и отвѣтъ Аракчеева, въ Зап., стр. 89—92.

[2]) Мы не останавливаемся здѣсь на разборѣ этихъ книгъ отчасти потому, что онѣ имѣютъ только косвенное отношенiе къ исторiи Библейскаго Общества, отчасти потому, что имѣемъ въ виду подробнѣе говорить впослѣдствiи о мистической литературѣ XVIII-го вѣка и александровскаго времени.

«Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова, 1820,—*антихристіанская*.

«Эккартсгаузена, Важнѣйшіе іероглифы человѣческаго сердца, 1803,—*бѣсовская*.

«(Его же) Ключъ къ таинствамъ натуры, 1804, 1810, 1821,—*бѣсовская*.

«(Его же) Наука числъ, 1815,—*худая*, *масонская*.

«Наставленіе мудраго, 1813,—*худая*, *масонская*.

«Путешествіе младаго Костиса, 1801, 1815,—*еретическая*.

«Омаровы путешествія, 1819,—*бѣсовская*.

«Юнга Штиллинга, Побѣдная повѣсть, 1815,—*революціонная*, *злая*.

«(Его же) Тоска по отчизнѣ, 1816,—*бѣсовская*.

«(Его же) Приключенія по смерти, 1817,—*бѣсовская*.

«Нравственныя правила, 1818,—*революціонная*», и т. д.

Кромѣ того, онъ разбиралъ еще много другихъ книгъ, «Сіонскій Вѣстникъ» Лабзина, сочиненія г-жи Гюйонъ, и друг. [1]),—не знаемъ, по порученію или по собственной ревности. Какого рода была критика Фотія, можно довольно судить и по «краткимъ замѣткамъ».

Далѣе, нѣсколько книгъ этого рода (именно: Побѣдная повѣсть, Ю. Штиллинга, Избранныя творенія г-жи Гюйонъ, Воззваніе къ человѣкамъ и пр., Таинство Креста Христова, о Евангеліи отъ Матѳея, Госнера) разсмотрѣно въ упомянутой выше «Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи», составленной, безъ сомнѣнія лицомъ, близкимъ къ дѣлу о Библейскомъ Обществѣ, въ томъ самомъ духѣ, какимъ отличаются мнѣнія Шишкова,—быть можетъ, кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, служившимъ тогда у Шишкова, какъ съ вѣроятностью предполагаетъ г. Морошкинъ.

Наконецъ, постановлено было и формальное преслѣдованіе вредныхъ книгъ. Митрополитъ Серафимъ вошелъ объ этомъ съ представленіемъ въ синодъ и предлагалъ отобрать зловредныя книги изъ училищъ духовнаго вѣдомства, какъ это уже было учинено по министерству народнаго просвѣщенія (вслѣдствіе упомянутаго выше указа 17-го ноября 1824 г., по поводу книги Станевича), и въ предупрежденіе дальнѣйшаго вреда отъ

---

[1]) «Обзоръ русской духовной литературы», кн. 2-я. Черниг. 1863, стр. 233—235.

книгъ, оказывающихся противными вѣрѣ и правительству, предлагалъ приступить немедленно къ подробному разсмотрѣнію ихъ содержанія. Вслѣдствіе того, послѣдовалъ, 14-го мая 1825, синодскій указъ, предписывавшій всѣмъ духовнымъ властямъ и вѣдомствамъ отбираніе зловредныхъ книгъ, списокъ которыхъ помѣщенъ въ указѣ, и митрополиту Серафиму, кромѣ того, предоставлено поручить надежнымъ духовнымъ лицамъ разсмотрѣніе вредныхъ книгъ, «заключающихъ, подъ видомъ таинственнаго истолкованія св. писанія, развратныя и возмутительныя лжеученія, противныя гражданскому благоустройству, догматамъ и преданіямъ нашей церкви, и напечатанныхъ въ частныхъ типографіяхъ безъ разрѣшенія св. синода». Названныя въ указѣ книги были тѣ же, какія мы сейчасъ упоминали: Воззваніе, Таинство креста, разныя сочиненія Бема, Ю. Штиллинга, Эккартсгаузена, г-жи Гюйонъ, Дютуа, «Сіонскій Вѣстникъ» [1]).

Во исполненіе указа, при конференціи духовной академіи учрежденъ былъ временный комитетъ для разсмотрѣнія вредныхъ книгъ. Комитетъ составился подъ предсѣдательствомъ ректора академіи, того же Григорія, епископа ревельскаго (впослѣдствіи митр. новгородскій и с.-петербургскій), изъ довѣреннѣйшихъ лицъ петербургскаго духовенства, избранныхъ академической конференціей и утвержденныхъ митрополитомъ Серафимомъ. Въ руководство членамъ комитета дана была, по по словамъ историка академіи, «инструкція, обнимающая всѣ стороны ихъ труда, ограждающая ихъ занятія отъ вторженія любопытства, и устанавливающая правильное и безпрепятственное производство дѣлъ по комитету». Кромѣ этого разбора книгъ, присланныхъ изъ синода, комитету даны были и дальнѣйшія порученія: 1) открывать и доносить о другихъ книгахъ, вредныхъ для православія и благонравія, 2) наблюдать, не вышла ли какая изъ вышеозначенныхъ книгъ за одною подписью цензора двумя или нѣсколькими изданіями подъ однимъ годомъ, и безъ упоминанія о новомъ изданіи [2]). Наконецъ, «въ видѣ генеральнаго отчета» о всѣхъ дѣлахъ, комитету поручено было— «составить систематическое обозрѣніе того, какимъ образомъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак, т. XL, № 30343.

[2]) Такіе случаи бывали; между прочимъ, такъ былъ, кажется, перепечатанъ одинъ томъ «Сіонскаго Вѣстника» 1806 года.

вредное ученіе, содержащееся въ разсмотрѣнныхъ имъ книгахъ, начиналось, постепенно распространялось, раскрывалось, прояснялось въ своемъ изложеніи и какіе принесло плоды» [1]). Дѣйствія комитета продолжались болѣе 15-ти лѣтъ, конечно, съ измѣнявшимся личнымъ составомъ; но какой былъ результатъ его дѣятельности, и была ли составлена имъ, въ видѣ генеральнаго отчета, систематическая исторія вреднаго ученія, мы не знаемъ,—а эта исторія могла бы быть очень любопытна...

Итакъ, императоръ Александръ, до самаго конца своей жизни и царствованія, не уступилъ назойливымъ настояніямъ враговъ Библейскаго Общества. При его смерти, Общество de jure продолжало существовать.

Наступило новое царствованіе и 14-е декабря.

«Когда императоръ Николай вступилъ на престолъ,—разсказываетъ Пинкертонъ,—ужасные и злонамѣренные планы враговъ общественнаго порядка обнаружились и, по благости Провидѣнія, были счастливо уничтожены мужествомъ и благоразумными мѣрами молодого императора; тогда стала также очевидной невинность Библейскаго Общества; и когда императоръ возобновилъ въ пользу Общества свое ежегодное пожертвованіе, которое онъ привыкъ дѣлать еще великимъ княземъ, друзья Общества стали надѣяться, что оно выстояло противъ бури. Въ этомъ, впрочемъ, они обманулись» [2])...

Шишковъ не терялъ первыхъ минутъ новаго царствованія. 15-го января 1826 года онъ уже обращался къ императору Николаю съ письмомъ, въ которомъ предварялъ его о несчастномъ дѣлѣ Госнера и Попова (оно должно было теперь поступить изъ государственнаго совѣта на высочайшее усмотрѣніе), и при этомъ удобномъ случаѣ началъ свои прежнія іереміады и доносы. *«Вотъ что Госнеръ!»*—восклицалъ онъ, изложивъ, что Госнеръ хотѣлъ не иного чего, какъ распространенія безвѣрія и возмущенія,—«ибо всѣ секты къ одной цѣли, т. е. къ низверженію вѣры и престола стремятся» (!). Шишковъ не сомнѣвался, что возмущеніе 14-го декабря въ Петербургѣ и въ южной арміи были прямымъ слѣдствіемъ лжеученій, которыя распространялъ Госнеръ (и Библейское Общество), и смѣло утверждалъ это

---

[1]) Исторія Спб. дух. Академіи, Ил. Чистовича, Спб., 1857, стр. 420—421.

[2]) Russia, стр. 389—390.

передъ новымъ императоромъ. «Два бывшія возмущенія—писалъ онъ—и открытіе столькихъ, больше или меньше участвовавшихъ въ томъ молодыхъ людей и писателей, не явно ли показываютъ, до какой степени распространеніемъ подобныхъ (т. е. мистическихъ) сочиненій потрясена была вѣра! Ибо *всѣ сіи* лжемудствованія о такъ-называемой внутренней церкви, т. е. никакой,—о народной свободѣ и равенствѣ состояній, о конституціяхъ, объ истребленіи царей, о пролитіи рѣками крови человѣческой, яко бы для будущаго ихъ блага (!),—*всѣ сіи* адскія мысли суть плоды самолюбія и гордости, порождаемые безвѣріемъ и отступленіемъ отъ Бога» [1]). Онъ имѣлъ недобросовѣстность мѣшать въ одну кучу и внутреннюю церковь, и литературу, и истребленіе царей, и пролитіе рѣками крови человѣческой. Имя Библейскаго Общества здѣсь не названо, но мы достаточно видѣли взглядъ Шишкова на вещи и, конечно, должны принять, что по его мнѣнію, Библейское Общество именно и было виной 14-го декабря. Быть можетъ, онъ дѣлалъ и прямо это открытіе.

Въ то же время митрополиты Серафимъ и Евгеній также дѣлали свои представленія, и результатомъ ихъ былъ, наконецъ, именной указъ отъ 12-го апрѣля, на имя митрополита Серафима. Императоръ принималъ во вниманіе представленія митрополитовъ Серафима и Евгенія относительно затрудненій, представляющихся для успѣха дѣлъ Россійскаго Библейскаго Общества, и проистекающихъ отсюда неблагопріятныхъ послѣдствій, для отвращенія которыхъ нужно значительное время, чтобы зрѣло и благоразумно обсудить всѣ обстоятельства, и находя основательнымъ мнѣніе двухъ митрополитовъ, повелѣвалъ Серафиму, какъ президенту Общества, прекратить, до дальнѣйшаго разрѣшенія, всѣ дѣйствія Общества безъ исключенія: Серафимъ получилъ полномочіе распространить это повелѣніе на всѣ библейскіе комитеты, отдѣленія и сотоварищества, и вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать подробныя свѣдѣнія о всемъ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ Общества, какое можетъ оказаться въ домахъ, земляхъ, книгахъ, матеріалахъ и

---

[1]) Письмо къ императору Николаю, въ Запискахъ, стр. 118–123. Впослѣдствіи въ другомъ письмѣ, въ концѣ 1826 г., по поводу цензуры, Шишковъ, вспомянувъ опять о 14-мъ декабря, говоритъ: «*все сіе* какъ во Франціи, такъ и у насъ, породилось отъ распространенія *мистическихъ, безнравственныхъ книгъ* и *журналовъ*», и проч. Стр. 130.

деньгахъ. Впрочемъ, продажа книгъ св. писанія, изданныхъ Обществомъ на славянскомъ, русскомъ и другихъ языкахъ, разрѣшалась.

Получивъ указъ, митрополитъ Серафимъ прекратилъ дѣйствія всѣхъ 289 частныхъ отдѣловъ Общества, остановилъ печатавшіяся тогда различныя изданія св. писанія и не выпустилъ въ продажу даже нѣкоторыя, уже совершенно готовыя [1]). Не увидѣло свѣта и изданіе, въ 10,000 экземпляровъ, первыхъ восьми книгъ Ветхаго Завѣта на русскомъ языкѣ, также готовое [2]).

Когда въ исполненіе того же указа митр. Серафимъ представилъ императору Николаю собранныя имъ свѣдѣнія, черезъ три мѣсяца, 15-го Іюля 1826, вышелъ новый именной указъ, данный на имя митр. Серафима,—послѣдній правительственный актъ, оканчивавшій совершенно существованіе Общества. Императоръ Николай, разсмотрѣвъ свѣдѣнія, представленныя митрополитомъ Серафимомъ о тогдашнемъ наличномъ имуществѣ Россійскаго Библейскаго Общества въ денежныхъ капиталахъ, въ домахъ, въ книгахъ и прочемъ, простиравшемся по оцѣнкѣ до 2,000,000 рублей, и желая облегчить личное попеченіе о немъ митрополита, повелѣвалъ—вѣдѣніе и распоряженіе этимъ имуществомъ и вообще всѣмъ тѣмъ, что касалось до Россійскаго Библейскаго Общества, возложить на св. синодъ, въ томъ точно видѣ и порядкѣ, въ которомъ его вѣдѣнію и распоряженію принадлежатъ всѣ духовныя дѣла, на основаніи общихъ учрежденій [3]).

Эта ликвидація представляла слѣдующія цифры. Имущество, оцѣненное въ 2,000,000 рублей, заключалось:

а) въ наличныхъ деньгахъ: асс.	104,381	р.	99	к.	
сер.	1,025	»	»	»	
б) въ бумагѣ на	57,053	»	50	»	асс.
в) въ книгахъ св. писанія на . .	612,954	»	53½	»	»

(Въ томъ числѣ подмоченныхъ въ петербургское наводненіе 1824 г., на 63,441 р. 40 к.).

---

[1]) По указаніямъ Пинкертона, Russia, 391, которому мы здѣсь слѣдуемъ, отпечатанный тогда Н. Завѣтъ на сербскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, несмотря на разрѣшеніе указа, не былъ совсѣмъ выпущенъ въ продажу.

[2]) Оно было выпущено въ продажу только въ недавнее время.

[3]) Полн. Собр. Зак.; Второе собр., т. 1, № 475.

г) въ матрицахъ, стереотипныхъ доскахъ и книгопечатныхъ станкахъ съ принадлежностями, по цѣнамъ, заплаченнымъ во время пріобрѣтенія ихъ, на 226,407 р. 53 к. асс.

д) въ книгахъ, находившихся въ библіотекѣ Общества, на 4,750 р. асс.

(Эти книги были переданы въ вѣдѣніе петербургской академіи и семинаріи).

е) домѣ въ Петербургѣ, и

ж) домѣ въ Москвѣ [1]).

Впослѣдствіи, Пинкертонъ замѣчаетъ въ своей книгѣ: «пріятно узнать, что, по заботливости императора Николая, напечатано уже полное собраніе всѣхъ старыхъ и новыхъ законовъ или указовъ имперіи,—*тѣми станками и шрифтами*, которые служили прежде для печатанія св. писанія закрытымъ Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ» [2]).

Общую цифру изданій Общества за двѣнадцать лѣтъ его существованія Пинкертонъ приводитъ въ такомъ видѣ: Общество напечатало на разныхъ языкахъ,—

	208,068	экз. Библіи
	400,266	Новаго Завѣта, и
	267,772	Псалтыри, Четвероевангелія и другихъ частей писанія,
всего:	876,106	экземпл. Библіи и разныхъ ея частей [3]).

Какъ подѣйствовало это закрытіе Общества на русскихъ его членовъ, мы легко можемъ себѣ представить. Истинные, убѣжденные приверженцы библейскаго дѣла должны были скрывать всѣ свои помышленія объ этомъ предметѣ; высказать ихъ было бы преступленіемъ, потому что библейское дѣло стало вещью запрещенною, и слѣд. злонамѣренною. Ревность исполнителей, какъ обыкновенно бываетъ, заходила дальше, чѣмъ требовалось. Въ литературѣ выраженіе сочувствія къ павшему библейскому дѣлу было бы и невозможно: Библейское Общество и дѣйствительно на цѣлые десятки лѣтъ кануло въ неизвѣстность.

Британскіе друзья библейскаго дѣла съ большой печалью говорили объ этомъ исходѣ его въ Россіи. Черезъ семь лѣтъ

---

[1]) Библіогр. Зап. 1859, стр. 121.

[2]) Russia, стр. 345.

[3]) Ibid., стр. 381—384.

по закрытіи Общества, Пинкертонъ издавалъ свою книгу о Россіи: разсказавъ объ этомъ событіи и упомянувъ объ основаніи въ 1832 г. въ Россіи *нѣмецкаго* Библейскаго Общества, подъ предсѣдательствомъ князя К. А. Ливена, одного изъ вице-президентовъ бывшаго русскаго Общества, а въ то время министра народнаго просвѣщенія, Пинкертонъ спрашиваетъ: «Неужели нельзя ничего сдѣлать для милліоновъ самихъ русскихъ, и дать имъ св. писаніе на ихъ собственномъ языкѣ? Выраженія указа заставляли друзей этого дѣла предполагать, что закрытіе будетъ только временно; но прошло уже почти семь лѣтъ, и о возстановленіи *Россійскаго* Библейскаго Общества нѣтъ и помину».

Любопытно остановиться на мысляхъ, которыя высказываетъ по этому поводу одинъ изъ ревностнѣйшихъ друзей русскаго Библейскаго Общества въ числѣ британскихъ агентовъ, одинъ изъ тѣхъ «миссіонеровъ», которымъ Шишковъ, Фотій и компанія приписывали зажигательскіе умыслы на погибель Россіи. Британскіе приверженцы Библіи, которыхъ представляетъ собой Пинкертонъ, сохранили всю теплоту своего первоначальнаго чувства, принесеннаго ими на дѣятельность въ Россіи. Передъ нимъ носился все тотъ же идеалъ христіанской библейской цивилизаціи: по его мнѣнію, Британія была обязана своимъ величіемъ, Библіи,—*такого же величія,* какъ своей родинѣ, онъ желалъ и Россіи. Его крайне огорчало настоящее плачевное положеніе библейскаго дѣла въ Россіи, но онъ еще питалъ надежду.

«Было ли это по христіански,—по человѣчески,—политически,—отечески, допустить, чтобы 10,000 экземпляровъ первой части Библіи на новомъ русскомъ языкѣ гнили и уничтожались во мракѣ, и покинуть въ пренебреженіи остальной переводъ»? Онъ надѣялся, что настоящій императоръ (Николай) положитъ конецъ этой прискорбной остановкѣ дѣла такой безконечной важности; онъ ожидалъ, что императоръ, сдѣлавшій наставникомъ при своихъ дѣтяхъ достойнаго священника Павскаго, переводчика В. Завѣта съ еврейскаго на русскій, обратитъ свою заботливость и на все юношество въ своей имперіи. Онъ надѣялся, что императоръ «скоро сниметъ свое запрещеніе съ исполненія этого любимѣйшаго, христіанскаго и благороднаго плана, составленнаго его покойнымъ братомъ, чтобы одарить (bless) русскую націю полнымъ кодексомъ боже-

ственной истины на родномъ языкѣ,—той книгой, которая, съ такой простотой и священнымъ авторитетомъ, научаетъ подданнаго истинной законности и повиновенію власти, и которая такъ неизбѣжно необходима всякому, князю или поселянину, дѣлая ихъ способными исполнять обязанности этой жизни и вполнѣ уразумѣвать путь къ вѣчной жизни въ будущемъ мірѣ;—книгой, которая одна можетъ *обезпечить русскимъ всѣ преимущества* той *цивилизаціи*, къ которой они стремятся такъ быстро, и предохранить ихъ отъ безчисленныхъ бѣдствій, происходящихъ тогда, когда умственные успѣхи отдѣляются отъ подлинныхъ началъ писанія;—книгой, которая лежитъ въ основѣ *величія Британіи*, потому что начала этой книги, прямо или косвенно, проникли въ законы Британіи, въ ея общественныя учрежденія и въ различныя отношенія частной жизни, и которая обезпечиваетъ всѣмъ имъ прочность, даже среди волненій и бурь, какія происходятъ отъ началъ иного рода, чѣмъ начала этой священной книги, и какія въ новѣйшее время низвергли столько другихъ государствъ» [1])!

Здѣсь не мѣсто критиковать нравственно-политическія понятія, принимаемыя авторомъ; мы хотѣли только показать, что и при концѣ Общества, какъ при первомъ его началѣ, иностранные агенты Британскаго Общества, дѣйствовавшіе въ Россіи, были проникнуты однимъ—конечно заслуживающимъ всякаго уваженія—глубокимъ и безкорыстнымъ стремленіемъ служить христіанской цивилизаціи, и въ этомъ стремленіи желали для Россіи тѣхъ же благъ и того же величія, какими гордились за свое собственное отечество. Приведенныя слова Пинкертона, намъ кажется, достаточно указываютъ истинный смыслъ той роли, которую играли въ Россіи дѣятели Британскаго Общества, и дѣлаютъ ненужнымъ какое-нибудь оправданіе этой роли.

Что же поставили теперь на мѣсто Библ. Общества и его дѣятельности Шишковъ, Серафимъ и Фотій? Ровно ничего, кромѣ разосланія людей по крѣпостямъ и кромѣ комиссіи для разсмотрѣнія вредныхъ книгъ. Книги, конечно, исчезли изъ обращенія, отчасти отобранныя, отчасти запрятанныя. Для воз-

---

[1]) Russia, 392—393.

становленія вѣры Шишковъ придумалъ еще только перепечатать «Бесѣды» Станевича и рекомендовать императору Александру духовное стихотворство кн. Шихматова. На мѣсто обскурантизма Библейскаго Общества сталъ только другой обскурантизмъ въ архаическомъ стилѣ—заподозриваніе всякой человѣческой мысли, не похожей на канцелярское выраженіе благонамѣренныхъ чувствъ, во вкусѣ шишковско - державинской «Бесѣды», и поощреніе деревянной литературы. По министерству, Шишковъ при Александрѣ попалъ въ руки Магницкаго, которому оказалось очень легко завладѣть этой простотой. Магницкій ни на минуту не затруднился своей ролью въ новыхъ условіяхъ: выкинувши на первый разъ изъ университетской залы портретъ кн. Голицына и отрекшись отъ Библейскаго Общества, онъ дѣйствовалъ такъ и дальше,—прежде онъ былъ приверженцемъ ланкастерскихъ школъ и требовалъ ихъ распространенія до Камчатки, теперь донесъ, что это никуда не годная выдумка и что ихъ слѣдуетъ закрыть; въ казанскомъ университетѣ при Голицынѣ вводилъ іезуитское ханжество, теперь, когда такое ханжество не требовалось, профессора могли пить водку сколько угодно и прежніе затворники-студенты спокойно танцовали на балахъ [1]). Прежнія средства пріобрѣтать себѣ постыдное вліяніе--доносъ и пресмыкательство передъ людьми сильными—остались и теперь его главнымъ оружіемъ. Овладѣвши разъ Шишковымъ и, главное, предполагая покровительство себѣ отъ Аракчеева, которому грубо льстилъ въ извѣстномъ «Снѣ въ Грузинѣ», Магницкій скоро сталъ даже позволять себѣ наглости относительно Шишкова, который, думая, что раскрылъ всѣ ковы противъ вѣры и государства, не разумѣлъ, какіе пошлые ковы Магницкій устроилъ съ нимъ самимъ. Читатель припомнитъ изъ записокъ Панаева, на чемъ наконецъ, Магницкій оборвался. На немъ исполнилась пословица о кувшинѣ, повадившемся ходить по воду. Онъ сдѣлалъ доносъ императору Александру, что великій князь Николай Павловичъ поощряетъ «вредныхъ профессоровъ, изгоняемыхъ правительствомъ», давши мѣсто Арсеньеву. Кн. Голицынъ, которому императоръ Николай при вступленіи на престолъ поручилъ разобрать бумаги импер. Александра, представилъ ему этотъ доносъ Магницкаго: Магницкій былъ высланъ тотчасъ же изъ

---

[1]) См. Зап. Панаева, ibid., стр. 102, 107.

Петербурга [1]), а ревизія казанскаго университета довершила остальное. Ему уже никогда не удалось подняться отъ этого удара.

Для людей сколько-нибудь разсудительныхъ, одно присутствіе Магницкаго при Шишковѣ мѣшало уважать этого послѣдняго. Да и его собственныя воззрѣнія едва ли внушали это уваженіе. Министръ народнаго просвѣщенія такъ мало понималъ положеніе вещей, что мѣшалъ мистиковъ и приверженцевъ Библіи съ декабристами, такъ что низвергателемъ престоловъ выходилъ кн. Голицынъ, подкапывателемъ алтарей—Филаретъ, однимъ изъ опаснѣйшихъ карбонаровъ—несчастный Поповъ, думавшій только о своихъ хлыстовскихъ радѣніяхъ и ни о чемъ больше, какъ доказала его послѣдующая жизнь. Спасителемъ вѣры во вкусѣ самого Шишкова являлся очумѣлый отъ фанатизма и невѣжества Фотій!.. Роль и вліяніе литературы Шишковъ понималъ, какъ «книжную заразу», для университетовъ наилучшимъ казалось ему преподаваніе «по *извѣстнымъ книгамъ*, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ коихъ профессоры часто обучаютъ учениковъ не общимъ, но собственнымъ своимъ правиламъ и мыслямъ», такъ что собственныхъ мыслей имъ не полагалось вовсе, и т. п. При отсутствіи всякаго серьезнаго пониманія дѣла, Шишковъ не навредилъ просвѣщенію больше только потому, что былъ уже слишкомъ слабъ по старости лѣтъ...

Итакъ, Библейское Общество кончило свое существованіе. Но партія, возставшая противъ него, не могла похвалиться полнымъ успѣхомъ. Несмотря на всѣ ея настоянія и всевозможные доносы, императоръ Александръ въ теченіе почти двухъ лѣтъ передъ концомъ своей жизни не допускалъ закрытія Общества или такого рѣзкаго отреченія отъ дѣятельности Общества, какого отъ него желали. Теперь, хотя Общество было закрыто, но дѣло Госнера, ставшее idée fixe у Шишкова, разрѣшилось оправданіемъ Попова и благоволеніемъ къ его защитнику Муравьеву-Апостолу; кн. А. Н. Голицынъ, въ глазахъ враждебной партіи олицетвореніе всѣхъ злостныхъ плановъ и главный ихъ покровитель, съ самаго начала получилъ особенное довѣріе и милости новаго императора. Когда Шишкову хотѣлось доказать тождество декабристовъ съ библейскими дѣятелями, императоръ назначилъ

---

[1]) Зап. Панаева, стр. 102, 112.

Голицына членомъ комиссіи о злоумышленныхъ обществахъ и въ томъ же 1826 г. Голицынъ получилъ ордена Владиміра 1-й степени и Андрея Первозваннаго. Архіепископъ Филаретъ въ томъ же году «за заслуги, оказанныя церкви, и отличное служеніе» сдѣланъ митрополитомъ московскимъ и получилъ бѣлый клобукъ съ крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней. И то, и другое должно было, конечно, крайне огорчить Шишкова и разозлить Фотія. Въ томъ же 1826 г. графъ Ливенъ получилъ, по назначенію императора, мѣсто въ особомъ комитетѣ, который долженъ былъ дѣйствовать въ самомъ министерствѣ Шишкова[1]). Напротивъ, графу Алексѣю Андреевичу, какъ извѣстно, совсѣмъ не посчастливилось въ новое царствованіе.

Въ заключеніе, возвратимся еще разъ къ обвиненіямъ, которыя эта партія взводила на Библейское Общество съ своей точки зрѣнія. Они систематически сведены въ упомянутой выше «Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи», которая несомнѣнно была выраженіемъ мнѣній этой партіи, потому что содержаніе ея отличается тѣмъ же общимъ характеромъ, какой мы видѣли до сихъ поръ въ обвиненіяхъ вожаковъ этой партіи, и отдѣльныя указанія «Записки» положительно повторяются у Шишкова, Фотія и Серафима.

Эта «Записка», написанная или законченная уже при императорѣ Николаѣ, составляетъ цѣлый послѣдовательный трактатъ, въ своемъ родѣ чрезвычайно любопытный. Кто желаетъ знать, какъ смотрѣли на движеніе русскаго общества со временъ Петра В. крайніе консерваторы 1820-хъ годовъ, тотъ найдетъ здѣсь самыя характеристическія данныя. Онъ найдетъ здѣсь и отголоски старой Россіи, возстававшей на нововведенія Петра, и предисловіе къ тѣмъ осужденіямъ гніющаго Запада, которыя изрекали нѣсколько позднѣе славянофилы, и начало той системы доноса, которая уже съ этихъ поръ стала представлять всякія попытки умственнаго развитія, появлявшіяся въ обществѣ, какъ участіе въ адскомъ заговорѣ, имѣющемъ свой очагъ въ какомъ-то, неизвѣстномъ до сихъ поръ, мѣстѣ злонамѣренной Европы.

Авторъ «Записки» выставляетъ прежде всего «основаніе могущества Россіи», состоящее въ твердомъ пребываніи въ вѣрѣ православной и въ безпредѣльной покорности своимъ самодержавнымъ государямъ: пока она будетъ соблюдать это основаніе,

---

[1]) Ист.-статист. Обозрѣніе и проч. Воронова, Спб. 1849, стр. 272.

до тѣхъ поръ она будетъ страхомъ для народовъ Европы, «шаткихъ въ своихъ вѣрованіяхъ въ Бога, буйныхъ и дерзкихъ противъ своихъ государей». Народы Европы замѣтили это и, еще со временъ Петра В., начали свои «покушенія» противъ Россіи, съ цѣлью ослабить ея могущество. Съ Петра до Екатерины II враги Россіи старались распространять въ ней чужевѣріе. Въ царствованіе Екатерины, «народы Европы, постепенно приходя отъ вольномыслія къ безбожію», стремились разрушить до основанія христіанскую церковь, «изгнать самаго Бога изъ вселенной и поставить въ предметъ всеобщаго поклоненія и благоговѣнія *натуру*»; таковы были «адскія» предпріятія Вейсгаупта и его соумышленниковъ, *иллюминатовъ* и *масоновъ*, Вольтера и его единомышленниковъ, «извѣстныхъ подъ именемъ *софистовъ нечестія*». При Екатеринѣ II «Записка» отмѣчаетъ и объясняетъ: «Покушенія масоновъ распространить между русскими свой образъ мыслей» и «Покушенія софистовъ нечестія развратить русскихъ своими книгами». Имп. Екатерина уже принимала мѣры противъ первыхъ; при Павлѣ эти мѣры были особенно строги, и «голосъ нечестія, безбожія и вольнодумства совершенно затихъ». «Коварство враговъ Россіи» заключалось въ *поддержаніи раскольническихъ сектъ* (!): видя ихъ гибельность для Россіи, эти враги «подъ благовиднымъ предлогомъ вѣротерпимости старались испрашивать имъ свободу вѣроисповѣданія и тѣмъ способствовать ихъ необычайному распространенію; и съ другой стороны, это коварство враговъ Россіи заключалось въ *распространеніи между русскими заблужденій чужеземныхъ*: эти «чужестранныя заблужденія» были тѣмъ больше опасны, что они «прикрыты мнимою духовностію», — къ этому разряду авторъ причисляетъ духоборцевъ, перекрещиванцевъ, молоканъ и пр., и даже скопцовъ (!!). Въ числѣ ужасныхъ плодовъ коварства враговъ Россіи авторъ считаетъ участіе раскольниковъ въ бунтѣ Пугачева!

Но всего ужаснѣе были крамолы враговъ Россіи въ царствованіе Александра: это были—«ковы, въ устроеніи которыхъ они истощили всю свою хитрость; *на удивленіе самому аду*». Авторъ напоминаетъ, какимъ образомъ послѣ войны 1812 года благочестіе императора Александра спасло Европу и какъ народы, зачумленные прежде вольномысліемъ и безбожіемъ, «перекрестились» и «откинули прочь безумныя произведенія Вольтера, Даламберта и всей ихъ нечестивой шайки», возстановили храмы и

«возчувствовали всю важность и пользу правительства». «Враги Россіи воспользовались такими благопріятными обстоятельствами, и съ *адскою* хитростію, съ *сатанинскимъ* лукавствомъ, устроили обширный и многосложный планъ къ погубленію Россіи». Затѣмъ, въ особой рубрикѣ, излагается «Планъ ихъ къ погубленію Россіи».

Планъ состоялъ въ томъ, что враги Россіи, воспользовавшись обращеніемъ народовъ къ религіи, старались распространить между легковѣрными при дворѣ и въ народѣ мысль, что императору Александру, спасшему Европу отъ Наполеона, суждено также спасти народы отъ ига разномыслія въ вѣрѣ и соединить всѣ христіанскія церкви въ одну. «За надежное къ тому средство (?) признано: поддержать, усилить и умножить въ Россіи домашніе ея расколы и секты, ввести и распространить въ ней секты и заблужденія иностранныя, умножить въ ней число масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ; распространить между русскими свѣдѣнія о всѣхъ иностранныхъ вѣроученіяхъ»... Для этого стали печатать книги, заключающія всякія частныя мнѣнія о религіи, толкованія на Библію и проч.; употребили для этого покровительство ослѣпленныхъ людей, сильныхъ и близкихъ къ трону, и издавали книги съ разрѣшенія одной свѣтской цензуры, въ противность указу императрицы Екатерины. «Для той же цѣли» (?) старались распространить въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ духъ *нечестія* и *вольномыслія*, а въ народѣ распространить Библію, для чего открыли *библейскія общества*, въ которыя, кромѣ сильныхъ и богатыхъ людей, старались привлечь и русское духовенство. Этими средствами надѣялись ослабить въ народѣ «отвращеніе къ чужимъ вѣрамъ, убѣдить, что во всякомъ вѣроисповѣданіи есть стороны хорошія» и этимъ охладить къ православію; а распространеніе Библіи должно было уменьшить уваженіе къ ней и открыть путь къ произвольнымъ толкованіямъ вѣры.

Въ доказательство этому приводится упомянутая выше ересь духоносцевъ, основанная есауломъ Котельниковымъ, и проводится солидарность между квакерами (?), поселенными тогда около Петербурга, скопцами, Татариновой, Линдлемъ и Госнеромъ.

Далѣе, особая рубрика: «Умноженіе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ»,—которыя приписаны той же крамолѣ враговъ России. «Эти ужасныя мины подъ фундаментъ русской крѣпости стали подводить враги Россіи, которые къ погибели ея употре-

бляли всѣ мѣры. Здѣсь дерзкіе умы стали замышлять о преобразованіи Россіи во всемъ ея составѣ»...

Далѣе: «Распространеніе вредныхъ книгъ». Въ доказательство вредности и ядовитости ихъ дѣлается подробный разборъ нѣсколькихъ книгъ изъ числа наиболѣе тогда обвиняемыхъ.

Новая рубрика: «Преподаваніе вольномыслія въ университетахъ». «Самыми лучшими проповѣдниками и распространителями разврата (!!), нечестія и вольнодумства по Россіи были, въ это время (?), россійскіе университеты и другія высшія заведенія, состоящія подъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія». Профессора часто выписывались изъ-за границы; «но большею частію для приготовленія наставниковъ на всѣ высшія каѳедры, *лучшіе* изъ воспитанниковъ педагогическаго института были посылаемы за границу, особенно въ Германію, для слушанія уроковъ у *знаменитѣйшихъ* германскихъ ученыхъ. *Пренапитанные* ядомъ германскаго вольномыслія и надменной учености, они... чѣмъ были сами заражены, тѣмъ же заражали своихъ слушателей... Они тѣмъ смѣлѣе проповѣдывали свои заблужденія, что не боялись никакого взысканія». Въ примѣръ вольномыслія приводится Куницынъ, — а затѣмъ подразумѣваются, конечно, Арсеньевъ, Германъ, Галичъ и другіе. Одинъ только членъ главнаго правленія училищъ (т. е. Магницкій) глубоко понималъ это гибельное направленіе умовъ и всѣми силами старался искоренить его: «этотъ членъ *умолялъ* министерство народнаго просвѣщенія всѣмъ, что есть свято, рѣшительно поразить сіе страшное чудовище, спокойно подрывающее у насъ алтарь и тронъ открытымъ проповѣдываніемъ иллюминатскихъ началъ», — но министерство не только не обращало на это вниманія, но давало этимъ профессорамъ награды [1]).

Подъ рубрикой: «Библейскія Общества» авторъ возвращается къ болѣе подробному изображенію этого злоумышленія враговъ Россіи. Библейскія общества распространились по всей Россіи и имѣли членовъ изъ высшихъ чиновниковъ, почетнаго купечества, «даже архіереи и чиновныя духовныя лица за честь себѣ вмѣняли принять названіе члена Библейскаго Общества».

---

[1]) Мы видѣли выше, что и Шишковъ точно также навязываетъ самому Библейскому Обществу то вольнодумство, которое преслѣдовали въ петербургскомъ университетѣ обскуранты Библ. Общества, Магницкій, Руничъ и проч. На какомъ основаніи дѣлался еще этотъ странный подлогъ въ обвиненіяхъ на Общество, мы не совсѣмъ понимаемъ.

«Конечно,—замѣчаетъ, однако, «Записка»,—ни изъ свѣтскихъ, ни изъ духовныхъ членовъ сихъ обществъ *никто* не проникалъ въ тайныя злонамѣренія оныхъ» (!!). А злонамѣреній было два— уничижить священную книгу и ввести въ Россіи реформацію. Первое доказывается слѣдующимъ образомъ: «Экземпляры Библіи вскорѣ начали продаваться по самой дешевой цѣнѣ, Библію можно было видѣть и въ лавкахъ книгопродавцевъ, и на толкучемъ рынкѣ, и на ларяхъ, и на прилавкахъ, и въ корзинахъ, и въ кухняхъ, и подъ банками ваксы, и подъ сальными подсвѣчниками. Божественная книга уничижена до послѣдней степени. Врагамъ вѣры *этого-то и хотѣлось*» (!). Второе доказывается рѣчью нѣкоего Ричарда Ватсона [1]), методиста, говоренной въ собраніи Общества въ 1817, «въ домѣ Франкъ-масоновъ [2])». Ричардъ Ватсонъ говорилъ въ этой рѣчи, что успѣхъ библейскаго дѣла въ Россіи подаетъ надежду, что въ Россіи «возстановится религія во всей ея чистотѣ» и что всеобщее

---

[1]) Записка совершенно вздорнымъ образомъ называетъ его «президентомъ» Брит. и иностраннаго Библейскаго Общества, чѣмъ онъ вовсе не былъ, и «главой методистовъ», чѣмъ онъ также не былъ. Фотій въ въ Запискахъ (стр. 263) называетъ его «Министромъ секты методистовъ». Въ Зап. Шишкова эта рѣчь приведена во французскомъ текстѣ (стр. 98—99, прим.), и Ватсонъ названъ здѣсь: «ministre de la secte methodiste», т. е. духовное лицо или священникъ методистской секты,—не больше. Рѣчь онъ произнесъ, какъ сказано въ извѣстіи, «après différentes lectures et quelques discours, sur les progrès et l'utilité de la Société Biblique»—и, однимъ словомъ, это была одна изъ тѣхъ рѣчей, которыхъ множество произносилось библейскими ревнителями въ собраніяхъ англійскаго Общества, и которыя были выраженіемъ личныхъ мнѣній и вовсе не могутъ считаться прямымъ заявленіемъ мнѣній и намѣреній самого Общества. Наши несчастные невѣжды, не имѣя понятій объ этихъ порядкахъ, приняли Ватсона за президента, за министра, рѣчь его за настоящую программу дѣйствій Британскаго Общества въ Россіи! — Ничего другого о Брит. Обществѣ они, кажется, и не знали.

[2]) Англійское Общество собиралось на общія собранія въ залѣ масоновъ, Freemasons-hall, потому, что не имѣло своей большой залы. Наши политики извлекли изъ этого новое доказательство тождества масонства съ библейской дѣятельностью въ самой Англіи. У насъ связь такого рода до извѣстной степени была, но это, конечно, совсѣмъ не зависѣло отъ того, что Британское Общество брало для своихъ большихъ собраній Freemasons-hall. Наши библейскіе дѣятели, приводя рѣчи, читанныя въ Брит. Обществѣ, избѣгали называть эту залу,—какъ намъ случилось замѣтить въ «Отчетахъ». Они, конечно, опасались лишней инкриминаціи,— которая здѣсь именно и дѣлается.

обращеніе Библіи можетъ «возстановить греческую церковь и исторгнуть ее изъ того упадка, въ которомъ она теперь находится». Онъ вспоминаетъ, что распространеніе св. писанія дало имъ, англичанамъ, «достославное преобразованіе (т. е. реформацію) и протестантизмъ; и тогда какъ въ Европѣ это преобразованіе стоило великихъ раздоровъ и бѣдствій,—въ Россіи, напротивъ, можно ожидать, что «столь великое и нужное измѣненіе совершится безъ малѣйшаго потрясенія». «*Предполагаемая въ сей имперіи реформація* уподобится восходящему солнцу [1]), озаряющему равнымъ свѣтомъ какъ хижину сибиряка, такъ и чертоги царей, гдѣ мудрѣйшій и могущественнѣйшій изъ государей земныхъ помышляетъ нынѣ о сей великой и святой реформѣ».

Наконецъ, подъ рубрикой: «Мѣры враговъ къ совершенію плана ихъ на пагубу Россіи», перечисляются еще разъ средства, употребленныя для того, чтобы «истребить въ Россіи всякое благоговѣніе къ святынѣ, твердость въ православной вѣрѣ отцевъ своихъ и въ безпредѣльномъ уваженіи къ предержащей власти», и называются, между прочимъ, самые враги:—это «*совѣтъ иллюминатовъ*». Гдѣ и какъ придумалъ все это совѣтъ иллюминатовъ, изъ кого наконецъ онъ состоялъ,—конечно, нечего и спрашивать: это—миѳъ, на которомъ упорно стояли эти ревнители, и въ которомъ ихъ не было, конечно, возможности разувѣрить. Этотъ-то «совѣтъ иллюминатовъ» рѣшалъ употребить для исполненія своихъ упомянутыхъ плановъ слѣдующія средства: «1) Дозволеніе безпредѣльной свободы всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, способствующей умноженію сектъ и расколовъ; 2) Распространеніе въ Россіи книгъ, направленныхъ противъ церкви, вѣры, нравственности и правительства; 3) Преподаваніе зловреднаго ученія въ университетахъ и во всѣхъ высшихъ училищахъ; и наконецъ, 4) умноженіе библейскихъ обществъ и чрезъ нихъ умноженіе экземпляровъ Библіи, свободное оной чтеніе и самопроизвольное оной толкованіе, способствующее умноженію расколовъ и сектъ». Все это было устроено «съ непостижимою хитростію» (!). Эта хитрость, между прочимъ, обнаружилась въ выборѣ «главы, покровителя и споспѣшника всѣхъ этихъ мѣръ»,—потому что выборъ кн. Голицына сдѣланъ

---

[1]) Въ подлинникѣ: La réformation pour cet *Empire predéstiné* sera semblable au beau soleil levant, etc.

былъ именно совѣтомъ иллюминатовъ. Авторъ не рѣшается сказать, по внушенію ли иллюминатовъ онъ сдѣланъ былъ оберъ-прокуроромъ Синода; «по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что чрезъ ихъ происки онъ сдѣланъ министромъ народнаго просвѣщенія, министромъ духовныхъ дѣлъ, президентомъ библейскихъ обществъ, и ему же поручено главное начальство надъ почтовымъ департаментомъ». Кн. Голицынъ описывается какъ «тонкій царедворецъ, ближайшій наперсникъ и другъ юности императора,— человѣкъ мягкій по сердцу, добрый по душѣ, легкій по духу, гибкій по характеру, человѣкъ, который былъ способенъ увлекаться всякою мечтою хитросоставленною, котораго въ злоумышленіяхъ противъ церкви и отечества никто и подозрѣвать не могъ». Описавъ затѣмъ обширное вліяніе и господство кн. Голицына по его указаннымъ отношеніямъ, авторъ заключаетъ: «Пользуясь такими благопріятными со всѣхъ сторонъ обстоятельствами, враги Россіи руками своихъ споспѣшниковъ ископали *глубокій ровъ* между алтаремъ и трономъ Россіи; уже только ожидали благопріятнаго времени, чтобы *вдругъ повергнуть въ оный и алтарь православія и тронъ самодержавія» (!!)*.

Но этому помѣшали: «Орудія промысла Божія ко спасенію Россіи отъ козней вражьихъ», т. е. Серафимъ и Шишковъ. «Записка о крамолахъ» оканчивается восхваленіемъ ихъ подвига въ уничтоженіи этихъ козней.

Излишне было бы, конечно, разбирать много всѣ эти обвиненія: они любопытны только, какъ образчикъ мнѣній консервативной массы общества Александровскихъ временъ. Мы не имѣемъ никакого основанія считать изложенную сейчасъ «Записку» какимъ-нибудь намѣреннымъ извращеніемъ фактовъ и понятій; напротивъ, она, очевидно, написана искренно, какъ писаны были и подобныя обвиненія Шишковымъ: поэтому мы и имѣемъ возможность принимать ее за характеристическій образчикъ мнѣній извѣстнаго круга людей того времени. Ступень развитія, на которой возможны были такія фантастическія обвиненія, такое странное пониманіе вещей, была, очевидно, весьма невысокая, и это была, безъ сомнѣнія, ступень, на которой стояло огромное большинство общества.

Но въ параллель къ этимъ обвиненіямъ, мы считаемъ однако не лишнимъ прибавить нѣсколько другихъ подробностей; онѣ отчасти дополнятъ представленіе о дѣлѣ, котораго не могли въ

свое время разъяснить сами обвиненные, не имѣвшіе возможности отвѣчать на эти обвиненія.

До какой степени нелѣпо было приписывать *иностранцамъ* (вообще) спеціальные планы губить Россію тѣми способами, какіе указываются въ обвиненіи,—объ этомъ нечего говорить. Насколько иностранныя вліянія обнаруживались въ этомъ религіозномъ движеніи и въ учрежденіи Библейскаго Общества,—мы достаточно указывали выше. Мистическіе писатели, которыхъ у насъ переводили, писали, разумѣется, не для Россіи: не для нея же въ самомъ дѣлѣ писалъ Бёмъ, Дютуа, Юнгъ-Штиллингъ и проч.; имъ, конечно, не было никакого дѣла до Россіи— съ нихъ довольно было и своей непосредственной публики. Основаніе Библейскаго Общества въ Англіи, конечно, устроено было опять не для Россіи... Вообразить противное могло только очень дикое невѣжество. Это невѣжество очень ясно и обнаружилось въ тѣхъ понятіяхъ, какія имѣли обвинители объ англійскомъ Библейскомъ Обществѣ: мы видѣли, какимъ образомъ одну изъ случайныхъ постороннихъ рѣчей, которыхъ массы произносились обыкновенно въ собраніяхъ Британскаго Общества, именно рѣчь какого-то методиста, они приняли за программу и планъ дѣйствій самого Общества, а этого посторонняго методиста приняли за какого-то министра или даже президента общества. Съ какимъ чувствомъ относились къ Россіи британскіе агенты, дѣйствовавшіе у насъ, объ этомъ мы также довольно говорили. Прибавимъ еще, что они вовсе не имѣли въ русскомъ Библейскомъ Обществѣ никакой силы, кромѣ своего личнаго достоинства, и, конечно, не вмѣшивались самовольно въ дѣйствія русскаго комитета. Изъ оставленныхъ ими книгъ о Россіи видно было, что они относились къ ней съ великимъ сочувствіемъ, интересовались ей, какъ любознательные и образованные путешественники: въ этомъ смыслѣ они вступали въ бесѣды съ духовенствомъ, о которыхъ и записали въ своихъ мемуарахъ. У нихъ не только не было никакихъ злокозненныхъ плановъ «къ погубленію Россіи», но они (какъ бы удивительно это ни показалось Шишкову) даже старались предостерегать своихъ русскихъ друзей отъ вліяній, которыя могли бы быть неблагопріятны для православія. Въ книгѣ Пинкертона мы находимъ въ этомъ отношеніи, очень любопытную замѣтку;—говоря о духовныхъ училищахъ въ Россіи, академіяхъ и семинаріяхъ, онъ замѣчаетъ:

«Профессора ихъ, вышедшіе изъ Невской академіи, когда она была подъ управленіемъ Филарета, очень склонны къ библейскому критицизму (are fond of biblical criticism), и хорошо знакомы съ лучшими писателями этого рода. Я часто *предостерегалъ* ихъ отъ сочиненій новѣйшихъ нѣмецкихъ *неологистовъ*, съ которыми иные изъ нихъ уже знакомы. Какъ было бы жаль, если бы эти семинаріи, которыя должны доставлять священниковъ и дьяконовъ больше чѣмъ для 26,600 церквей—и которыя теперь, мы надѣемся, отряхаютъ съ себя невѣжество и суевѣрія, покрывавшія ихъ столько вѣковъ—впадутъ въ противоположную крайность раціонализма и невѣрія» [1]).

Обвиненіе общества въ *умноженіи расколовъ* опять очень странно, особливо въ той формѣ, какъ оно дѣлается въ «Запискѣ о крамолахъ», гдѣ вліяніямъ Общества навязывается даже скопчество. Правда, что библейскіе дѣятели, посѣщавшіе Татаринову, и въ томъ числѣ кн. Голицынъ, давали достаточный поводъ къ обвиненію въ раскольничьихъ наклонностяхъ, — но обвиненіе этимъ бы и должно было ограничиться, потому что посѣщенія Татариновскихъ сходбищъ и плясокъ были только ихъ личнымъ вкусомъ. Что же касается до болѣе мирнаго отношенія къ расколу,—отношенія, которое дѣйствительно было въ это время и въ которомъ обвинители именно и видѣли желаніе поощрить расколъ, — то до сихъ поръ не извѣстно данныхъ, которыя бы могли оправдать подобное перетолкованіе. Было бы очень странно, въ самомъ дѣлѣ, думать, что Общество, т. е. большинство его сознательно поступавшихъ членовъ, желали *поощрять* или *распространять* старовѣрство, духоборчество и т. п., какъ, напр., Шишкову хотѣлось обвинить въ этомъ Филарета, по поводу приведенной выше статьи въ «Моск. Вѣдомостяхъ» 1824 г. Въ дѣйствительности, это мнимое поощреніе ограничивалось тѣмъ, что въ понятіяхъ библейскихъ дѣятелей начинало впервые появляться сомнѣніе въ нравственномъ достоинствѣ полицейскихъ и уголовныхъ преслѣдованій за религіозныя убѣжденія, мысль о терпимости, и вѣроятно ожиданіе, что въ отношеніи къ расколу больше можно сдѣлать снисходительностью, чѣмъ уголовной строгостью. Въ этомъ именно смыслѣ московскій библейскій комитетъ съ интересомъ смотрѣлъ на

---

[1]) Russia, стр. 253.

тотъ фактъ, что переводъ Н. Завѣта привлекалъ между прочимъ вниманіе старообрядцевъ.

Обвинители, вѣроятно, оказались бы въ большомъ затрудненіи, если бы отъ нихъ потребовали какого-нибудь *фактическаго* доказательства, что Общество, какъ Общество, поощряетъ и распространяетъ расколы. Они могли бы сослаться только развѣ на то, что самое распространеніе Библіи (независимо отъ какихъ-нибудь намѣреній Общества) способствуетъ расколамъ, вслѣдствіе неправильныхъ толкованій, — слѣдовательно, должны бы были оставить въ сторонѣ Общество и говорить прямо противъ чтенія Библіи. Они дѣйствительно говорили и это, — они считали прямо вреднымъ распространеніе Библіи, и, вѣроятно, сами не подозрѣвали, что проповѣдуютъ этимъ католическо-іезуитское правило: не давать Библіи народу вообще, а на языкѣ народномъ въ особенности. — Случай былъ обоюдоострый.

Затрудненія этого рода оказывались уже и раньше. Представлялись случаи, что дѣйствительно обращеніе Библіи въ невѣжественныхъ массахъ (не находившихъ достаточнаго наставленія отъ тѣхъ, кто бы долженъ былъ здѣсь исполнять обязанность наставника) вовлекало иныхъ въ печальныя заблужденія; но тогда еще не было нужно «спасать православія», и тѣ самые люди, которые дѣлали теперь изъ подобныхъ заблужденій уголовное обвиненіе противъ Общества, смотрѣли на дѣло гораздо проще и естественнѣе. Въ книгѣ Пинкертона мы опять находимъ любопытное свидѣтельство. Описывая свое посѣщеніе тюрьмы въ Орлѣ, гдѣ онъ видѣлъ, между прочимъ, скопца, Пинкертонъ разсказываетъ:

«Я помню, что незадолго передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ 1823 году, митрополитъ Серафимъ разсказывалъ мнѣ, что въ одномъ изъ полковъ, получившихъ экземпляры русскаго Н. Завѣта, семнадцать человѣкъ солдатъ оскопились, приводя въ основаніе Матѳ. XIX, 12, и что генералъ, въ своемъ донесеніи императору объ этомъ случаѣ, предлагалъ отобрать у нихъ всѣ экземпляры. Его величество передалъ дѣло митрополиту; и его преосвященство говорилъ мнѣ, что какъ онъ ни сожалѣлъ о томъ, что произошло отъ невѣжества этихъ людей и, вѣроятно, отъ зараженія скопческой ересью, или отъ желанія солдатъ избавиться отъ службы, искалѣчивъ себя (обыкновеніе, нерѣдкое между ними), но онъ *никакъ не соглашался* (could on no account agree) съ этимъ предложеніемъ генерала. «Если

они не поняли мысли Спасителя, то Н. Завѣтъ нуженъ имъ теперь больше, чѣмъ прежде, чтобы привести ихъ къ лучшему пониманію: и вообще, наша обязанность — дѣлать благое дѣло, предоставляя послѣдствія Богу; за нихъ мы *отвѣчать не можемъ»* [1]).

Такимъ образомъ, на обвиненія противъ Общества въ умноженіи расколовъ, можно было бы отвѣтить собственными, еще недавно сказанными словами самого митр. Серафима. Что у миссіонеровъ иностранныхъ, которыхъ Шишковъ честилъ ни больше, ни меньше, какъ зажигателями, не было и не могло быть иного отношенія къ нашему расколу, кромѣ любопытства, объ этомъ нечего и говорить. Кромѣ того, обвинители и здѣсь опять забывали, что первые примѣры терпимости были показаны самимъ императоромъ Александромъ, еще при самомъ началѣ его царствованія, когда не было никакихъ иностранныхъ вліяній, и когда Библейскаго Общества не существовало и въ самой Англіи [2]), по тому только основанію, что суровыя принудительныя мѣры, въ дѣлахъ вѣры, не могутъ соотвѣтствовать «просвѣщенному христіанскому правительству».

Эти обвиненія вообще характеристично отражали обычное понятіе о расколѣ. Людямъ тѣхъ мнѣній, какихъ держались обвинители Библейскаго Общества, всегда представлялось и представляется, что расколъ, или вообще какое бы то ни было движеніе мнѣній въ обществѣ, бываютъ только слѣдствіемъ произвольнаго злонамѣренія какого-нибудь отдѣльнаго лица, которое въ одно прекрасное утро выдумываетъ зловредную вещь и собираетъ себѣ прозелитовъ. Имъ никогда не приходитъ въ голову подумать, что появленіе новыхъ мнѣній бываетъ слѣдствіемъ общаго настроенія умовъ, что они вообще выражаютъ только то, къ чему масса уже приготовлена всѣми условіями внѣшней жизни и своего умственнаго развитія. Такіе люди никогда не видятъ и не понимаютъ этихъ *общихъ* причинъ, въ числѣ которыхъ, относительно раскола, очень важное мѣсто занималъ издавна именно недостатокъ въ здравомъ религіозномъ, и всякомъ другомъ образованіи народной массы, которое прежде всего должно бы быть обязанностью самихъ обвинителей. Теперь они придумали найти виновниковъ раскола въ Библейскомъ Обществѣ,

---

[1]) Russia, стр. 264.

[2]) Напримѣръ, терпимость къ тѣмъ же духоборцамъ, начиная съ 1802 г.

какъ будто бы старообрядцы, молокане, скопцы и все неисчислимое количество русскихъ сектъ не были собственнымъ, и главное, очень давнишнимъ произведеніемъ русской жизни. Библейское Общество было здѣсь совершенно не при чемъ.

Обвинители забывали съ другой стороны, что тотъ же недостатокъ религіознаго образованія, и въ самой православной массѣ,—поддерживавшій много столь же прискорбныхъ суевѣрій, предразсудковъ и заблужденій,—и, наконецъ, недостатки самого духовенства, какъ религіознаго руководителя, могли вызвать въ другой, образованной сферѣ общества, потребность въ иныхъ удовлетвореніяхъ религіознаго чувства, чѣмъ какія давала обычная жизнь, и производить, напр., тѣ увлеченія мистицизмомъ, въ которыхъ обвиняли съ такимъ озлобленіемъ библейскихъ дѣятелей. Обвинители замѣчали, что мистики какъ будто не любятъ духовенства, и хотя этого нельзя было сказать вообще, потому что мистики поддерживали съ духовенствомъ очень тѣсныя связи, но дѣйствительно они больше симпатизировали съ той частью его, въ которой встрѣчали интересъ къ новому религіозному движенію, мистицизму и раціонализму, и менѣе дружелюбно, или враждебно относились къ той, которая представляла собой чистую неподвижность.

Наконецъ, едва ли надо еще говорить, что обвиненія Библейскаго Общества въ томъ, что оно, черезъ министерство просвѣщенія, распространяло вольнодумство въ университетахъ, совершенно ложны. Преслѣдованіе профессоровъ Петербургскаго университета, планъ «разрушить» Казанскій университетъ — слишкомъ знаменитые подвиги голицынскаго министерства, чтобы противъ него можно было выставить обвиненіе въ поощреніи вольнодумства. То преподаваніе, на которое здѣсь опрокинулось министерство Голицына, было не его дѣломъ,—это былъ результатъ общественнаго настроенія и правительственныхъ мѣръ первой половины царствованія императора Александра.

Мы замѣтили выше, что сами обвиненные не имѣли возможности отвѣчать на обвиненія: какъ прежде противники библейскаго мистицизма должны были молчать, потому что власть была въ рукахъ кн. Голицына, такъ теперь приверженцы Библейскаго Общества должны были молчать, потому что власть была у Шишкова и митр. Серафима. Они и не сказали ничего открыто,— но митр. Серафимъ встрѣтилъ, однако, довольно сильное возраженіе на свои дѣйствія изъ этого лагеря. Это возраженіе за-

ключалось въ письмѣ стараго питомца Новиковской школы, извѣстнаго Максима Невзорова, издателя «Друга Юношества». Этимъ возраженіемъ мы можемъ закончить разсказъ о борьбѣ и полемикѣ по поводу библейскаго дѣла.

Начавъ письмо съ приличныхъ обстоятельствамъ времени ветхозавѣтныхъ пророчествъ, Невзоровъ обращается къ упомянутымъ выше указамъ, осуждавшимъ мистическія книги, «подъ видомъ таинственнаго толкованія искажающія святость книгъ божественныхъ откровеній», и—«движимъ будучи ревностію къ распространенію евангельскаго просвѣщенія и снѣдаемъ жалостію дома Божія», онъ представляетъ митр. Серафиму свои мысли объ этомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, его крайне соблазняло то, что митр. Серафимъ не дѣлалъ противъ этихъ книгъ никакихъ представленій тогда, *когда онѣ выходили изъ печати* въ началѣ: если эти книги дѣйствительно таковы, какъ ихъ теперь описываютъ, то подобный вредъ лучше было бы остановить при самомъ началѣ: «Ваше высокопреосвященство могли сіе дѣлать при началѣ, имѣя по духовнымъ дѣламъ всегда сильный голосъ, который, соединяя съ ревностію, *нынѣ вами обнаруженною*, всегда могъ имѣть свою цѣну и вѣсъ». Во-вторыхъ, замѣтивъ, что «цѣна вещи познается по плодамъ и слѣдствіямъ» ея, онъ напоминаетъ митр. Серафиму о членахъ «бывшаго нѣкогда въ Москвѣ ученаго Дружескаго Общества»: «Вы, конечно, не почтете за стыдъ признаться, что вы много имъ одолжены и нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ, и многими съ помощію ихъ пріобрѣтенными познаніями». Члены этого Дружескаго Общества были въ особенности издателями подобныхъ книгъ, и авторъ письма проситъ митр. Серафима припомнить, не учили ли они своихъ воспитанниковъ быть истинными гражданами, истинными христіанами и приверженными къ церкви,—и указываетъ примѣръ ихъ воспитанія въ «Свѣтильникѣ церкви», его предмѣстникѣ, митр. Михаилѣ. Въ-третьихъ, авторъ письма останавливается на самыхъ книгахъ, запрещенныхъ упомянутыми указами по представленіямъ Шишкова и митр. Серафима, и оправдываетъ ихъ содержаніе отъ обвиненій, на нихъ взведенныхъ, сообщая при этомъ не мало подробностей, весьма рисующихъ столкновеніе понятій объ этихъ и другихъ сложныхъ предметахъ. Можно думать, что митр. Серафимъ затруднился бы отвѣчать на нѣкоторые пункты этого письма, написаннаго съ упрямой увѣренностью и не безъ желчи. Мы предоставляемъ читателю самому

познакомиться съ этими частностями письма Невзорова, которое мы приводимъ въ приложенiи, какъ историческiй, документъ, до сихъ поръ остававшiйся неизвѣстнымъ. Въ этомъ документѣ читатель увидитъ вообще образчикъ мнѣнiй мистической школы, на которыя мы имѣли случай указывать: вмѣстѣ съ тѣмъ это отчасти и апологiя мистической школы съ ея точки зрѣнiя [1]).

Такъ окончилось существованiе Россiйскаго Библейскаго Общества.

Исторiя его оставляетъ по себѣ обоюдное впечатлѣнiе, въ которомъ, конечно, отражается и его дѣйствительный характеръ, столь же обоюдный. Представляя собой—въ большой степени—осуществленiе личныхъ идей императора Александра, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ и стремленiя значительной части общества. Теперь, когда мы для этой исторiи имѣли еще слишкомъ скудные матерiалы, трудно рѣшать положительно, между кѣмъ и въ какой мѣрѣ должны быть раздѣлены его достоинства и недостатки,— но читатель, вѣроятно, замѣтилъ свойства европейскихъ влiянiй, шедшихъ отъ Британскаго Общества, характеръ ихъ примѣненiя на русской почвѣ и, наконецъ, свойства ультраконсервативной оппозицiи, уничтожившей русское Общество [2]).

Въ судьбѣ русскаго Общества, его быстромъ распространенiи и потомъ его паденiи выказалось столько различныхъ свойствъ русской общественной жизни, что его исторiя является чрезвычайно характеристическимъ выраженiемъ своего времени. При всѣхъ своихъ непривлекательныхъ недостаткахъ и многихъ постыдныхъ и жалкихъ воспоминанiяхъ, Общество имѣло свои сочувственныя и прогрессивныя стороны, когда поднимало религiозно-общественный вопросъ. Его закрытiе, прекративъ его вредныя влiянiя, имѣло свой, въ сущности, гораздо большiй вредъ: оно не уничтожало обскурантизма, а только произвело его въ

---

[1]) См. ниже, Приложенiя, стр. 281.

[2]) Филаретъ Черниговскiй, въ «Ист. русской церкви», говоритъ о Библ. Обществѣ: «Сему благому дѣлу *всего болѣе* повредило и остановило его то, что тогда въ изданiи слова Божiя и распространенiи его принимали живое участiе члены англiйскаго библейскаго общества». (Перiодъ пятый. М. 1859, стр. 46). Мы, кажется, достаточно видѣли, что безъ нихъ русское Общество едва ли бы даже существовало.

новой формѣ, и совпадая съ другими событіями того времени, наносило ударъ самой общественной иниціативѣ и больше прежняго усилило лѣнивый индифферентизмъ русской общественной жизни.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

[Къ стр. 191].

Рукописи, о которыхъ мы упоминали въ текстѣ, находятся въ Публ. Библіотекѣ, по каталогу III, F. 45—46.

Первая, на 133 листахъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, заключающихъ въ себѣ полемику противъ масонско-библейскаго мистицизма. Статьи эти слѣдующія:

Л. 1—49. *Примѣчанія на книгу: «Наставленіе ищущимъ премудрости»*. Эта книга, какъ то указываетъ и авторъ этихъ «Примѣчаній», имѣетъ и другое заглавіе, именно: «Пастырское Посланіе къ истиннымъ и справедливымъ философамъ древней системы». Это есть переводъ книги: Hirten-Brief an die wahren und ächten Freymäurer alten Systems, 5785 (т. е. 1785), составляющей одну изъ главнѣйшихъ *орденскихъ* книгъ розенкрейцерства. Въ старыхъ рукописяхъ существуетъ не одинъ ея переводъ. Подъ именемъ «Наставленія» и пр. она была переведена или издана Лабзинымъ, Спб. 1806.—Авторъ «Примѣчаній» сурово обличаетъ и эту книгу, и масонство; онъ называетъ каменьщиковъ «матеріалистами», «поругателями истинной вѣры», приписываетъ имъ революціонные умыслы и въ заключеніе предаетъ ихъ анаѳемѣ.

об. л. 49—96. *Безпристрастное мнѣніе православнаго христіанина о Сіонскомъ Вѣстникѣ 1817 года*. Авторъ приходитъ къ заключенію, что «Сіонскій Вѣстникъ, не взирая на обольстительное имя его, есть сочиненіе душепагубное, зловредное, злоумышленное и постыдное для временъ нашихъ».

об. л. 96—116. *О книгопечатаніи*. Т. е. о печатаніи духовно-мистическихъ книгъ, которыя авторъ находитъ зловредными. По уставу 1804 г., эти книги должны бы издаваться не иначе, какъ съ разрѣшенія духовной цензуры; между тѣмъ, въ 1813—1816 годахъ много подобныхъ книгъ было напечатано по разрѣшенію одной гражданской цензуры. Эти книги—слѣдующія: «Жизнь Штиллинга», «Побѣдная Повѣсть», «Таинство Креста», «Объ истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей», «Мученики» (Шатобріана), «Вліяніе истиннаго свободнаго каменьщичества» (Плуменека), «Письма къ другу объ орденѣ свободныхъ каменьщиковъ», «Путь ко Христу» (Як. Бема)—всѣ эти книги впослѣдствіи и были формально запрещены, по стараніямъ Шишкова и митр. Серафима; на нѣкоторыя изъ этихъ книгъ доносилъ уже и Степанъ Смирновъ.

об. л. 116—128. Статья безъ заглавія; на заглавномъ листѣ обозначено такъ: «Письмо о словѣ какого-то губернатора». Дѣло идетъ о рѣчи

одного губернатора, произнесенной при открытіи отдѣленія Библейскаго Общества. Авторъ негодуетъ, разсматривая, «что свѣтская особа провозглашаетъ съ каѳедры о предметахъ вѣры», и опять находитъ въ этомъ каменьщическія заблужденія, которыя и обличаетъ.

л. 129—133. *Слово на новый 1821 годъ.* Начин. «Есть ли жизнь для насъ безцѣнное благо, естьли засыпая подъ сѣнію ночи съ радостію ждемъ утра» и проч.

Вся книга проникнута одной мыслью и наполнена полемикой противъ мистико-масонскаго вольнодумства.

Вторая рукопись, на 148 листахъ, заключаетъ въ себѣ одно сочиненіе (безъ сомнѣнія, того же самаго писателя, которому принадлежитъ и предыдущій сборникъ) подъ заглавіемъ:

Отозваніе души моей на книгу: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова».

Это «Воззваніе», о которомъ намъ придется упоминать дальше [1]), было переведено однимъ изъ библейскихъ дѣятелей, названнымъ выше И. И. Ястребцовымъ, Спб. 1820, и было потомъ одной изъ наиболѣе обвиняемыхъ и преслѣдуемыхъ книгъ библейскаго мистицизма. Авторъ «Отозванія» отзывается на нее съ крайнимъ ожесточеніемъ. Книга «Воззваніе» названа переводомъ съ французскаго подлинника 1790 г., но первое изданіе ея указывается гораздо раньше, именно въ 1727 году. Критикъ сомнѣвается въ этомъ и находитъ, что предувѣдомленіе книги какъ будто писалъ не французъ, «а нѣкіе иной націи и притомъ позже того времени, нежели въ какомъ сказуется быть изданіе французскаго подлинника издателями онаго»,—потому что, по словамъ этихъ издателей, книга, вышедшая первоначально будто бы въ 1727 году, удивительнымъ образомъ предсказывала событія французской революціи. А по мнѣнію критика, этого сказать было нельзя въ 1790 г., потому что революція произошла только въ 1792.

По мнѣнію критика, книга заключаетъ въ себѣ прямое воззваніе къ революціи и продолжаетъ дѣло Вольтера. Она оскорбляетъ русское благочестіе: она призываетъ къ какой-то новой религіи послѣднихъ временъ, возставая противъ старой, т. е. противъ истиннаго христіанства, и вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ погубить цѣлыя царства въ случаѣ сопротивленія этой новой вѣрѣ послѣднихъ временъ.

Между прочимъ, критикъ приводитъ изъ «Воззванія» (стр. 114) одну фразу, гдѣ находитъ открытое нападеніе на христіанскую религію, и выразивъ свое негодованіе, прибавляетъ: «Невольно приходятъ на мысль оныя слова Сіонскаго Вѣстника 1817 года: «Тотъ, кого нетерпѣливость влечетъ ударить ножемъ, да, молится: Господи, даруй сердцу моему твое терпѣніе! Будемъ, братья, ждать, пока Господь насъ на то воззоветъ, какъ воззвалъ Илію на побіеніе Вааловыхъ жрецовъ». (Сіон. Вѣстн. 1817 года, книжк. 4, стран. 44, строк. 3; стран. 45, строк. 19, 20)».

---

[1]) [Т. е. выше, см. стр. 241].

Это мѣсто изъ «Сіонскаго Вѣстника» (въ статьѣ: «Бдите и молитеся»), по обычаю подобнаго рода комментаторовъ вырванное изъ контекста, не разъ подавало его противникамъ поводъ къ самымъ ужаснымъ обвиненіямъ. См., напр., въ отрывкахъ изъ Зап. Фотія, въ «Чтеніяхъ» 1868, кн. I, Смѣсь, стр. 263.

На л. 56 рукописи находятся: *Ученія новой вѣры послѣднихъ временъ, представленныя книгою «Воззваніе къ человѣкамъ»*, въ 33 пунктахъ. Критикъ выбираетъ изъ нея, по своему, зловредныя положенія мистической религіи, и затѣмъ—

На об. л. 59 идетъ по пунктамъ обличеніе, озаглавленное такъ: *Пагубы гаггрены послѣднихъ временъ* (т. е. упомянутыя положенія) и рядомъ, en regard,—*Врачеванія отъ тука дому Божія*, слѣдующія до конца рукописи.

Въ заключеніе, говоритъ авторъ, «замѣтимъ, что дерзости крамольниковъ (т. е. библейскихъ мистиковъ) не должны нарушать довѣренности подданныхъ къ правительствамъ, хотя сіе-то и есть главнѣйшій предметъ вводителей странныхъ новизнъ, стремящихся къ разрушенію настоящаго порядка вещей. Предлежащія власти не имѣютъ потребы поддерживать ученіе богоотступничества и разврата, которое, во-первыхъ, устремляетъ стрѣлы свои именно на ихъ личность: ибо отступниковъ отъ всякаго закона, внемлющихъ точію необузданности сердецъ своихъ, кто и что удержитъ въ предѣлахъ повиновенія и вѣрности властямъ предержащимъ?

«И такъ вопли крамольниковъ и соблазны отступниковъ совершенно приписуя собственному ихъ самовольству, дерзаемъ во имя Господа Іисуса Христа надѣяться, что онъ, Богъ-Слово, во плоти пришедшій и ими только поругаемый, яко державный побѣдитель ада, положитъ вскорѣ конецъ ихъ неистовствамъ...

«А ты, Владычица вселенныя, божественная и препрославленная Вѣра отецъ нашихъ! Яви не обинуяся язвы на руку твоею, ими же уязвлена еси въ дому возлюбленнаго твоего россійскаго Израиля (Захар. гл. 13, ст. 6); яви язвы твои благодатному взору перворoднаго сына твоего вѣнчаннаго и превознесеннаго, благочестивѣйшаго Вѣнценосца Россіи! Онъ державнымъ маніемъ своимъ упразднитъ стрѣлы супостатовъ твоихъ и утвердитъ колеблемыя огражденія Сіона твоего!»

Въ концѣ приписка: «Положено начало сему сочиненію 16-го августа 1820 года, въ день празднества Нерукотворенному образу Господа нашего Іисуса Христа, а окончано сіе сочиненіе того же года ноября 8-го дня, въ день Архистратига Михаила. Кто яко Богъ!»—Затѣмъ: «Переписано сіе 1823 года и Богу слава».

Обличенія написаны вообще въ томъ же духѣ, какъ всѣ другія, писанныя противниками Библейскаго Общества и его мистики: образчиковъ читатель найдетъ достаточно въ текстѣ. Эти обличенія (можетъ быть Фотіевы) любопытны, какъ предшествіе дальнѣйшихъ, уже оффиціальныхъ, нападеній на Библейское Общество и мистическую литературу, поднятыхъ Шишковымъ и митр. Серафимомъ.

II.

[Къ стр. 277].

ПИСЬМО МАКС. ИВ. НЕВЗОРОВА КЪ МИТРОПОЛИТУ СЕРАФИМУ.

(Съ современной копiи).

Высокопреосвященнѣйшiй Владыко!
Милостивѣйшiй Архипастырь!

Третiей книги Эздры, главы 13 въ стихахъ: 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, пишется слѣдующее: «Се днiе грядутъ, егда Вышнiй начнетъ избавляти сихъ, иже на земли суть, и прiидетъ ужасъ ума на тѣхъ, иже обитаютъ на земли. И инiи иныхъ помыслятъ воевати, градъ на градъ, и мѣсто на мѣсто, и языкъ на языкъ, и царство на царство. И будетъ, егда будетъ сiя, и случатся знаменiя, яже прежде показахъ ти, и тогда открыется Сынъ мой, Его же видѣлъ еси, яко Мужа восходяща. И будетъ, егда услышатъ вси языцы гласъ Его, и оставитъ единъ кiйждо въ странѣ своей брань свою, юже имутъ другъ на друга, и соберется во едино собранiе множество безчисленно, якоже хотяще прiити, и ополчитися на него, тойже станетъ на верху горы Сiона, Сiонъ же прiидетъ, и явится всѣмъ уготованъ и созданъ, якоже видѣлъ еси гору изваяну безъ рукъ. Той же Сынъ мой обличитъ, яже обрѣтоша языцы, несчастiя ихъ та, яже къ бури приближишася ради лукавыхъ помышленiй ихъ и мученiй, ими же начнутъ мучитися, яже подобна суть пламени, и погубитъ ихъ безъ трудности, по закону, иже огню подобенъ есть». Знаменiя, о которыхъ здѣсь упоминается, описаны той же Книги, въ главѣ пятой, въ стихахъ 1, 2, 3, 4, и такъ далѣе, суть слѣдующiя: «Се днiе грядутъ, въ нихъ же живущiи на земли обременены будутъ даньми многими, и скрыется путь правды и будетъ вселенна неплодна отъ вѣры, и умножится неправда паче сiя, юже ты видиши, и паче тоя, о нейже слышалъ еси издревле. И будетъ земля, въ нюже вшедъ нынѣ видиши царствующую и узрятъ ю опустену: аще же тебѣ дастъ Великiй живу быти, узриши по третiей трубѣ, и возсiяетъ внезапу солнце въ нощи, и луна трижды въ день; и воскаплетъ кровь отъ древа, и камень дастъ гласъ свой и поколеблются людiе; и Той будетъ царствовать, Его же не надѣются живущiи на земли, и прейдутъ птицы отъ мѣста своего, и море Содомское изринетъ рыбы, и дастъ гласъ нощiю, его же мнози не знаша: и вси услышатъ гласъ его, и смятенiе будетъ на мѣстѣхъ мнозѣхъ, и огнь часто низпустится; и звѣрiи польстiи преселятся, и жены боязливыя породятъ чуда, и въ сладкихъ водахъ сланы обрящутся, и друзiи вси сами на ся ополчатся, и скрыется тогда умъ, и разумъ отлучится въ хранилище свое; и взыщется отъ многихъ, и не обрящется: неправда же и невоздержанiе умножится на земли и вопроситъ страна ближнюю свою, иречетъ: Не прейде ли ко тебѣ правда Праведнаго творящая? и сего отречется. И будетъ въ то время, и уповати будутъ человѣцы и не воспрiимутъ. Трудитися будутъ и не управятся путiе ихъ». Нѣмецкiе богословы, а имъ послѣдуя, и наши, по какимъ-то ученымъ и никакого основанiя неимѣющимъ разсчетамъ и

догадкамъ Книгу сію Эздры почитаютъ подложною: но умъ и сердце, озаренныя свыше, во всей книгѣ сей видятъ помазаніе и откровеніе Духа Святаго, который не можетъ быть подложенъ. Большимъ же доказательствомъ справедливости приведенныхъ выше мѣстъ изъ Эздры служитъ подобное предсказаніе о томъ же пророка Іереміи, описанное имъ, главы 1-й, въ стихахъ 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, и которые суть слѣдующіе: «Бысть Слово Господне вторицею ко мнѣ (и т. д., сокращаемъ текстъ). Нынѣ сбываются сіе пророчества.

Въ Имянномъ Высочайшемъ Указѣ, послѣдовавшемъ на имя Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 17 день ноября протекшаго 1824 г., между прочимъ пишется слѣдующее: Государь Императоръ, изъ донесенія Вашего Высокопреосвященства, усмотрѣлъ, что многія и до Вѣры относящіяся книги, содержащія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о Священномъ писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ безъ всякаго Сунодскаго разсмотрѣнія. Къ числу таковыхъ книгъ принадлежащими названы означенныя въ приложенномъ спискѣ, какъ при Указѣ—въ силу предложенія Вашего Высокопреосвященства, разосланнымъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода по подвѣдомнымъ ему мѣстамъ, такъ и въ циркулярномъ предложеніи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія сказано, что въ оныхъ книгахъ, подъ видомъ таинственнаго толкованія Священнаго писанія и примѣненія разныхъ мѣстъ содержанія онаго къ нравственному ученію, искажена святость книгъ Божественныхъ откровеній и разсѣяны явныя и лже-учительныя ученія, совершенно противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ, и потому мѣстамъ, подвѣдомнымъ Суноду и Министерству Народнаго Просвѣщенія, предписано, чтобы оныя книги изъяты были изъ книгохранилища, отобраны отъ всякаго употребленія и хранились, запечатанныя, до особливаго о нихъ повелѣнія.

Движимъ будучи ревностію къ распространенію Евангельскаго просвѣщенія и снѣдаемъ жалостію дома Божія, я осмѣливаюсь, по примѣру всегда бывшихъ ревнителей истинной Церкви, представить разсмотрѣнію Вашего Высокопреосвященства слѣдующія истины:

Первое. Меня крайне соблазняетъ то, что Ваше Высокопреосвященство не дѣлали никакихъ представленій противъ сихъ книгъ, когда онѣ выходили изъ печати при началѣ; ежели онѣ въ самомъ дѣлѣ таковы, что въ нихъ искажена святость Божественнаго откровенія и разсѣяны явныя лже-учительныя ученія, совершенно противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ: то лучше останавливать такой вредъ при первомъ его появленіи, нежели дать ему распространяться чрезъ многіе годы, и Ваше Высокопреосвященство могли сіе дѣлать при началѣ, имѣя по духовнымъ дѣламъ всегда сильный голосъ, который соединяя съ ревностію, нынѣ вами обнаруженною, всегда могъ имѣть свою цѣну и вѣсъ.

Второе. Цѣна вещи познается по плодамъ и слѣдствіямъ, отъ употребленія ея происходящимъ. Я сколько, по своимъ опытамъ, ни вижу людей, любящихъ читать книги, о которыхъ здѣсь дѣло идетъ, всегда нахожу ихъ лучшими и болѣе приверженными къ Церкви Христовой, нежели тѣхъ, которые возстаютъ противъ сихъ книгъ. Я осмѣливаюсь

теперь напомнить Вашему Высокопреосвященству о членахъ бывшаго нѣкогда въ Москвѣ ученаго Дружескаго Общества. Вы, конечно, не почтете за стыдъ признаться, что вы много имъ одолжены и нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ, и многими, съ помощію ихъ, пріобрѣтенными познаніями. Они были любители и, большею частію, издатели таковыхъ книгъ. Пусть внутренній голосъ вашей совѣсти скажетъ Вашему Высокопреосвященству: когда вы у нихъ учились,—то учили-ль они васъ искажать святость книгъ Божественнаго откровенія и преподавали-ль вамъ явныя и возмутительныя лже-ученія, противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ? Напротивъ того, не всегда ли они учили воспитанниковъ своихъ быть честными гражданами Общества, добрыми сынами Отечества, вѣрными подданными Высочайшей власти, истинными Христіанами и приверженными къ Церкви? Не они ли произвели Свѣтильника церкви, предмѣстника вашего, преосвященнѣйшаго Михаила; покойнаго добродѣтельнаго прото-пресвитера Андрея Николаевича Колоколова, котораго память городъ Осташковъ съ благодарностію воспоминаетъ, и другихъ подобныхъ имъ? Не они ли поставили крѣпкую преграду разливающемуся лже-вредному Вольтеровскому просвѣщенію, распространивши съ пожертвованіемъ собственности, истинный Свѣтъ Евангельскаго ученія изданіемъ Богодухновенныхъ книгъ, которыми о сію пору съ чувствомъ внутренней признательности пользуются ищущіи единаго на потребу.

Третіе. Я долгомъ поставляю взойти въ краткое разсмотрѣніе книгъ, означенныхъ въ спискѣ приложенномъ при Указѣ Святѣйшаго Сунода и предложеніи Министра Народнаго просвѣщенія.

1) *Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова.* Одно названіе книги сей должно заставить любить сію книгу; ибо какая должна быть въ сей нашей жизни, какъ не искать духа Христова? Книга сія сильно возстаетъ противъ наружныхъ и буквальныхъ школьныхъ Богослововъ. Но не говоритъ-ли Апостолъ Павелъ, что *письмя убиваетъ, а духъ животворитъ?* По моему мнѣнію Буквалисты, читая сію книгу, должны послѣдовать Пророку Давиду, когда пришелъ къ нему Пророкъ Нафанъ съ обличеніемъ, и пасть на землю предъ Богомъ съ поклоненіемъ и просить его, чтобъ онъ изгналъ изъ умовъ и сердецъ ихъ школьную дрянь и просвѣтилъ ихъ внутреннимъ сіяніемъ Духа Святаго Христова. Говорятъ, что книгу сію писалъ Парацельсъ. Не зная въ точности, правда-ли это, скажу, что Парацельсъ былъ великій духовный человѣкъ; онъ есть первый Ангелъ, излившій фіалъ свой на землю. Описываемые, Апокалипсиса, главы 16-й, въ стихѣ 2-мъ, Ангелы, изліявшіе фіалы свои, описываемые въ сей 16-й главѣ, были посланники Божіи, обличавшіе злыхъ людей всякаго состоянія и угрожавшіе имъ гнѣвомъ Божіимъ. Парацельсъ былъ великій обличитель, особливо, рано называющихъ себя учителями Церкви и приверженныхъ къ земнымъ благамъ, а о Небесныхъ невѣдущихъ и не радящихъ.

2) *Таинство Креста.* Книга сія есть истинное золото дли христіанина, послѣдователя Христа распятаго. Я долгомъ почитаю Вашему Высокопреосвященству здѣсь разсказать бывшее со мною, относительно сей

книги, происшествіе. Будучи въ чужихъ краяхъ, въ Гетингенѣ сдѣлался я боленъ, и болѣе духовно, нежели тѣлесно. Ибо угодно было Богу, поискавши меня, на безпутномъ бѣгу свѣтской моей жизни, подвергнуть тайному своему внутреннему суду, которому суду рано или поздно, въ сей или будущей жизни будетъ всякъ подверженъ. Свѣтскія книги всѣхъ факультетовъ мнѣ тогда не помогали: но большимъ лѣкарствомъ мнѣ послужила книга, бывшая у меня тогда на французскомъ языкѣ: *Таинство Креста;* особливо 6-я глава о внутреннихъ крестахъ, которую я совѣтую всякому прилежнѣйше читать во время боренія съ собою. Во время внутренняго сего крестнаго страданія перевелъ я нѣсколько главъ изъ сей книги, начавши съ шестой главы о внутреннихъ крестахъ; переводу сего было у меня восемь тетрадей двухъ-листовыхъ. По пріѣздѣ въ Россію съ покойнымъ товарищемъ моимъ Василіемъ Яковлевичемъ Колокольниковымъ, въ Ригѣ мы были остановлены въ февралѣ мѣсяцѣ 1792 года. Бумаги у меня всѣ были отобраны, и мы въ мартѣ мѣсяцѣ привезены были въ Петербургъ. Означенный переводъ мой отданъ былъ въ цензуру покойному преосвященѣйшему, Митрополиту Гавріилу. Покойный Степанъ Ивановичъ Шишковскій, между прочими допросами, допрашивалъ меня и о семъ переводѣ, что у меня найдена какая-то книга, противная Религіи, о крестахъ. Я отвѣчалъ ему на сіе, что я дѣлалъ переводъ сей для внутренняго утѣшенія своего въ болѣзни; что я не почитаю книгу сію противною Христіанской Религіи и готовъ въ томъ спорить съ цѣлымъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ. Степанъ Ивановичъ Шишковскій мнѣ возразилъ на сіе, что преосвященнѣйшій Гавріилъ читалъ ее и находитъ ее противною Религіи. Преосвященный Гавріилъ, говорилъ я, какъ угодно, такъ и судитъ; а я не почитаю ее таковою. Но преосвященѣйшій Гавріилъ, возразилъ мнѣ Степанъ Ивановичъ, эти дѣла лучше тебя знаетъ? Когда такъ, отвѣтствовалъ я, то я осмѣлюсь доложить слѣдующее: Ежели на томъ свѣтѣ доведется мнѣ посылану быть въ Адъ, а преосвященнѣйшій Гавріилъ отъ этого меня избавитъ и вмѣсто меня пойдетъ во Адъ самъ: тогда можетъ быть соглашусь думать такъ, какъ думаетъ Его Преосвященство. Но ежели во Адъ мнѣ должно будетъ самому итти, а преосвященнѣйшій Гавріилъ итти за меня туда откажется: въ такомъ случаѣ, чтобъ мнѣ позволено было думать по своему! Степанъ Ивановичъ Шишковскій замолчалъ [1]). И подлинно, я не могу вообразить, что худого находятъ въ книгѣ сей,—особливо тѣ, которые еще хотятъ учить Христіанству? Сочинитель сей книги есть истинный седмый Ангелъ, изліявшій фіалъ свой на воздухъ, описываемый Апокалипсиса, главы 16-й, въ стихахъ 17, 18, 19, 20, 21. Ибо все, что провозглашено въ означенныхъ стихахъ симъ Ангеломъ, въ книгѣ «Таинство Креста» описывается въ 12-й главѣ. Въ началѣ сей главы не выгодно сочинитель отзывается о Духовенствѣ, о Сѵнодахъ и Соборахъ: но онъ отзывается о нехорошемъ Духовенствѣ, о нехорошихъ Сѵнодахъ и о нехорошихъ Соборахъ, каковы, напримѣръ, были: Флорентинской, Константской и подобные имъ. Ежели книгу вредною называть потому, что въ ней дурное духовенство не называется

---

[1]) Эта исторія разсказана также въ письмѣ Невзорова къ О. И. Поздѣеву, напечатанномъ въ «Библіогр. Запискахъ», 1858, № 17.

хорошимъ: то и Евангеліе Христово должно быть не хорошо; потому что въ 23-й главѣ Матѳея, Христосъ духовныхъ учителей дурныхъ крайне порицаетъ. Впрочемъ, я осмѣливаюсь Вашему Высокопреосвященству объяснить, что Апостолъ Павелъ сказалъ: ежели кто проповѣдуетъ другое, а не то, что Апостолъ проповѣдывалъ, то да будетъ анаѳема. Сіе относится къ мѣстамъ и лицамъ, проповѣдующимъ противное Евангелію Христову.

3) *Путь ко Христу, Бема.* Бемъ есть истинный Ангелъ, описываемый Апокалипсиса, главы 14-й, въ стихахъ 6-мъ, 7-мъ. Онъ точно парилъ посреди Церкви Христовой и проповѣдывалъ Евангеліе вѣчное и общее всѣмъ истиннымъ всякаго племени и колѣна поклонникамъ Бога и Христа; во всѣхъ сочиненіяхъ внушалъ страхъ Божій, угрожая судомъ Божіимъ, училъ истинному поклоненію Творцу неба и земли, и Путь его ко Христу есть истинный путь христіанина. Онъ точно все писалъ по одному вдохновенію Духа Святого; ибо онъ никогда ничему не учился, кромѣ какъ писать и читать, и изъ бѣднаго сапожника сдѣлался великимъ орудіемъ Евангелія Христова и истинной Церкви Его.

4) *Побѣдная повѣсть Вѣры Христіанской, Штиллинга.* Книга сія есть великаго послѣдняго нѣмецкаго проповѣдника; много свѣта открываетъ ищущимъ истинны. Въ Апокалипсисѣ открывается исторія Христіанства отъ временъ Апостольскихъ до послѣдней эпохи его. Штиллингъ, будучи вдохновенъ Богомъ, много открылъ, относительно къ сему, новыхъ понятій, за которыя благодарить его должно. Всѣ его сочиненія, какъ напримѣръ: Угрозъ Свѣтовостоковъ, Приключенія по смерти, Тоска по отчизнѣ и другія, дышатъ одною любовію къ человѣчеству и ведутъ къ познанію Искупителя. Онъ имѣлъ великій даръ пророческій, что особенно видно изъ толкованія его въ Побѣдной Повѣсти на 15 и 16 стихахъ главы 16-й Апокалипсиса, на страницѣ въ русскомъ переводѣ 236, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: Когда мы услышимъ о всеобщемъ союзѣ Царей, въ собраніи войскъ ихъ въ Армагеддонѣ: то бы стояли на стражѣ, бдѣли и молилися, и не совлекали бы съ себя ризъ оправданія Христова; ибо бѣдные лохмоты добродѣтелей нашихъ не закроютъ наготы нашей и срамоты ея; сей же столь долго ожидаемый Великій Гость пріидетъ внезапу, яко тать, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща. Для видящихъ открытыми глазами смыслъ Штиллингова текста сего буквально сбывается. Когда Государи Европейскіе собрались на Вѣнскій Конгрессъ: тогда Наполеонъ ушелъ съ острова Ѳльбы, и отъ того крови много пролилось! Когда собрались на Ахенскій Конгрессъ: тогда взбунтовалась Испанская Америка, а послѣ уже сама Испанія, Неаполь и Португалія. Когда собрались въ Верону: тогда Греція взбунтовалась! Еврейское слово Армагеддонъ значитъ посѣченіе, убіеніе; пророчески же, по толкованію, находящемуся въ Каталогѣ Библейскихъ словъ, при концѣ Библіи, большаго формата въ листъ, называется мѣсто, на которомъ имѣетъ быть событіе брани, плачевное Царямъ, на Церковь Христову возставшимъ. Толкованіе Штиллинга и на 18 и 19 стихахъ той же главы Апокалипсиса, русскаго перевода, на страницѣ 238-й, также удивительно. Онъ пишетъ въ ней слѣдующее: Никогда неслыханное землятрясеніе разумѣть должно слѣдующимъ образомъ: по изліянію седьмой чаши, яростный ре-

волюціонный духъ войдетъ вездѣ на крайнюю степень буйства, всѣ узы гражданскаго союза расторгнутся; никто не будетъ безопасенъ ни въ чести, ни въ имѣніи, ни въ жизни своей, и нигдѣ не найдетъ пребывающаго себѣ града. Земля, т. е. государственныя постановленія вездѣ потрясутся; и какъ человѣки нигдѣ покойны не будутъ: то отъ горести и отчаянія станутъ скрежетать зубами и не будутъ знать, что дѣлать. Образчикъ сего потрясенія показала намъ Революція во Франціи. Какъ вѣрно сіе толкованіе Штиллингово и подтверждается многими опытами! Толкованіе его въ 8-й и 9-й книжкѣ «Угрозъ Свѣтовостоковъ», видѣнія, во снѣ Навуходоносору показаннаго и во 2-й главѣ Даніила описаннаго, заслуживаетъ тоже всякаго вниманія. Чрезъ двѣ ночи статуи, видѣнныя Навуходоносоромъ, по толкованію святыхъ мужей, разумѣются двѣ Имперіи, на которыя раздѣлилась Римская Имперія, то есть, Восточная и Западная, изъ которыхъ нынѣ первую составляетъ Турція, а вторую Европа. Камень въ сновидѣніи Навуходоносора, отвалившійся (оторвавшійся) отъ невидимой горы, точно ударилъ нынѣ въ ноги оной статуи; чему служатъ доказательствомъ на Западѣ французская и другія послѣдовавшія за нею въ Европѣ, и на Востокѣ—греческая Революція. Штиллингъ точно есть Ангелъ, описываемый Апокалипсиса, главы 18-й, въ стихахъ 21, 22, 23 и 24. Вотъ что говорится въ Апокалипсисѣ о семъ Ангелѣ: «*И взятъ единъ Ангелъ* крѣпокъ камень, великъ якоже жерновъ, и верже въ морѣ глаголя: Тако стремленіемъ верженъ будетъ Вавилонъ, градъ великій, не имать *обрѣстися къ тому и гласъ чуденъ* и пискателей и мусикіи не имать слышатися къ тому въ тебѣ, и всякъ хитрецъ всякія хитрости не обрящется къ тому въ тебѣ, и свѣтъ свѣтильника не имать свѣтлости въ тебѣ къ тому, и голосъ жениха и невѣсты не имать слышанъ быти въ тебѣ къ тому; яко купцы твои быша вельможи земстви; яко волхованіи твоими прельщены быша вси языцы, и въ немъ кровь пророческа и святыхъ обрѣтеся и всѣхъ избіенныхъ на земли». Штиллингъ, въ 18-й книжкѣ «Свѣтовостоковъ», содержащейся въ пятой части русскаго перевода, на страницахъ 132 и 133, пишетъ тоже самое слѣдующимъ образомъ: «Замѣть, любезный другъ, что я тебѣ скажу и, еще повторяю, замѣть! дабы къ чести имени Божія объявить всѣмъ твоимъ читателямъ, что настанетъ время и оно уже недалеко, что мальчики и дѣвочки и юноши и дѣвицы перестанутъ помышлять о романахъ, театрахъ и балахъ, и будутъ думать о хлѣбѣ и водѣ, будутъ воздыхать о пристанищѣ и покровѣ: война, мечъ и голодъ и язва вездѣ преслѣдовать ихъ будутъ; севодни скажетъ невѣста: завтра я буду женой любезнаго: но завтра женихъ ея очутится подъ ружьемъ, чтобы быть иногда убійцею и своихъ соотчичей! Храмы Божіи запустѣютъ и не будетъ въ нихъ проповѣдующаго: напасти погонятъ въ оныя жаждущихъ слова Божія: но совы въ оныхъ возглашать будутъ казни Божія, и филины возвѣщать близкую смерть; враны повьютъ гнѣзда на стѣнахъ храмовъ; и духъ проповѣдниковъ, коихъ проповѣди гонятъ нынѣ слушателей вонъ изъ церкви, бѣгая къ олтарямъ и взмѣщиваясь на каѳедры, будутъ искать себѣ покоя и отрады тамъ, гдѣ грѣшили, а не найдутъ въ нихъ! Отецъ и сынъ изыдутъ искать куска хлѣба и проходя мимо развалинъ разрушеннаго зданія, сынъ вопроситъ отца, что за развалины это? Это былъ

театръ, скажетъ отецъ, и сынъ, не разумѣя вопроситъ еще: а что то былъ за домъ? Все сіе ты объяви читателямъ твоимъ! Многіе изъ нихъ станутъ надъ тобою смѣяться, браниться и ругать тебя: но ты не устрашишься сего. Такова была издревле участь свидѣтелей истинны, равно какъ участь наказуемымъ гнѣвомъ Божіимъ равно всегда была та, что они при ожесточенныхъ сердцахъ не внимали никакимъ увѣщаніямъ и въ бѣшенствѣ нападали на свидѣтелей истины, проповѣдовавшихъ имъ покаяніе».

5) *Письмо къ другу объ Орденѣ свободныхъ Каменьщиковъ.* Я держу неутралитетъ относительно къ сей книгѣ: при всемъ томъ однако удивляюсь, чѣмъ заслужила сія книга такую строгость. Въ книгѣ сей отецъ даетъ наставленіе сыну, чтобы онъ избѣгалъ ложныхъ, тайныхъ и часто соблазнительныхъ обществъ, а держался бы правилъ искать добродѣтели и быть исполнителемъ ея. При множествѣ появившихся въ послѣднія времена подъ разными именами тайныхъ обществъ, часто разными вздорами занимающихся, кажется Правительство съ своей стороны въ предостереженіе неопытныхъ людей должно бы сію книгу рекомендовать. Кстати я нахожу здѣсь замѣтить, что истинно-свободный каменьщикъ есть тоже, что истинный Христіанинъ, и камень, котораго онъ ищетъ, есть Христосъ. Въ книгѣ подъ названіемъ: «Наставленіе ищущимъ премудрости или Пастырское посланіе къ свободнымъ Каменьщикамъ», весьма ясно и убѣдительно сіе изложено. Книга сія должна цѣниться дорого и служить карманною книгою не только для свободныхъ каменьщиковъ, но и для всѣхъ вообще ищущихъ истинной христіанской мудрости.

6) *Сіонскій Вѣстникъ.* Издатель Сіонскаго Вѣстника, какъ изданіемъ сего журнала, такъ и другихъ многихъ преполезныхъ и богодухновенныхъ книгъ заслужилъ всеобщую отъ добрыхъ людей всякаго состоянія благодарность. Государь Императоръ, признавая, и чувствуя цѣну его заслугъ и пользу, отъ книгъ его проистекающую, не только удостоилъ включить себя въ число пронумераторовъ на сей журналъ: но и издателя его пожаловалъ кавалеромъ ордена св. и равноапостольнаго князя Владиміра второй степени большаго креста, и въ грамотѣ на сей орденъ именно сказалъ, что онъ дается за изданіе полезныхъ духовныхъ книгъ. Многіе боголюбивые Христіане желали бы.... [1]) продолженіе сего журнала.

7) *Краткое разсужденіе о важнѣйшихъ предметахъ жизни Христіанской.* Признаюсь, что я не могу надивиться, почему таковыя книги почитаются вредными. Въ сей книгѣ нѣтъ ничего больше, какъ о внутренней жизни Христіанской и о возрожденіи духовномъ, которое всегда было и будетъ предметомъ истинныхъ служителей Божіихъ и послѣдователей Христовыхъ. У насъ нынѣ смѣются и гонятъ Мистицизмъ или Таинственность! Но что такое значатъ церковныя пѣсни: Иже херувимы тайно образующе; Святымъ духомъ всякая душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣется тройческимъ единствомъ священнотайнѣ,—и подобныя имъ? Для чего онѣ поются?—Въ Сіонскомъ Вѣстникѣ въ разсужденіи о Мистикѣ говорится, что Мистика состоитъ въ переработываніи, при содѣйствіи Духа Святого, чувственнаго и плотскаго человѣка въ

---

[1]) Въ текстѣ описка.

духовнаго. Кажется тутъ нѣтъ ничего худого, и Мистику порицать нѣтъ причины!

8) *Сочиненія г-жи Гіонъ.* Чѣмъ заслужила порицанія сія великая въ женахъ, которая ничего не проповѣдывала, кромѣ истиннаго Христіанства? Что есть Христіанство? Оно есть послѣдованіе Христу. Въ чемъ состоитъ послѣдованіе Христу? Христосъ самъ сіе объяснилъ — сказавши: «Иже хощетъ по мнѣ итти, да отвержется себѣ и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ». Великая Гіонъ въ сочиненіяхъ своихъ ничего болѣе не проповѣдывала, какъ токмо самоотверженіе. За что же мы, называющіеся Христіанами, будемъ не любить и гнать сію великую жену? Да она женщина, говорятъ многіе! а женщина не должна будто бы учить и проповѣдывать! Мудреное мужчины приписываютъ себѣ единоторжіе! Апостолъ Павелъ говоритъ, что жены должны молчать въ церквахъ, то есть въ собраніяхъ церковныхъ; а чтобъ имъ нигдѣ не проповѣдывать слова Божія, этого нигдѣ нѣтъ! Мы сами прославляемъ въ церквахъ святую равноапостольную Ѳеклу, св. великомученицъ Екатерину, Варвару и другихъ, которыя за-то и пострадали, что проповѣдывали Христіанство! Въ Грузіи съ благоговѣніемъ почитаютъ святую Нину, которую почитаютъ насадительницею тамъ Христіанской вѣры. Неужели Грузію должно опять обратить въ язычество за то, что она обращена въ Христіанство женщиною? О бѣдность ума нашего! Духъ, идеже хощетъ, дышетъ!.. Государь Императоръ, чувствуя пользу отъ сочиненій г-жи Гіонъ, издателю ихъ на печатаніе пожаловалъ 15 тысячъ рублей. Госпожа Гіонъ есть истинный Ангелъ, описываемый Апокалипсиса, главы 18-й, въ стихахъ 1, 2, 3.

9) *Краткій и легчайшій способъ молиться.* Г-жа Гіонъ за первую сію книгу пострадала во Франціи. За что? За то, что она учитъ покланяться Богу Духу духомъ и истиною. Стало быть внутреннее поклоненіе не годится, а оно состоитъ только въ наружныхъ крестахъ и поклонахъ, да въ большихъ кружкахъ? Прости насъ, Господи! не вѣдаемъ, что творимъ!

10) *Божественная философія.* Сочиненіе Дютуа. Книга сія заключаетъ въ себѣ много новыхъ понятій: но такихъ, которыя основаніемъ своимъ имѣютъ вдохновеніе. Она есть подлинно Божественная философія; ибо школьная философія не можетъ достигнуть такихъ понятій, которыя открываются младенцамъ, а отъ премудрыхъ міра утаеваются. Я имѣлъ случай знать людей, имѣвшихъ связь съ сочинителемъ сей книги, и они разсказывали объ немъ, что онъ одною Христіанскою любовію жилъ и дышалъ: но онъ не былъ внѣшній школьникъ,—въ томъ-то видно вся и бѣда его!

Вотъ десять наименованій книгъ, которыя Ваше Преосвященство почитаете вредными для Христіанства! Напротивъ того, вы къ подкрѣпленію православія служащею почитаете книгу, подъ названіемъ: *Бесѣда на гробѣ младенца,* какъ видно изъ Высочайшаго Указа, даннаго на имя г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 17-й день ноября 1824 года. Я не читалъ сей книги, но видѣлъ маленькій отрывокъ изъ нея, въ которомъ сочинитель крайне ругаетъ Христіанскую философію. Для меня уже крайне худая рекомендація сей книги, и я заключаю изъ того, что сочинитель не только не можетъ быть защитникомъ Христіанства, но не имѣетъ никакого понятія о Христіанствѣ.

Не будетъ-ли мнѣ причтено въ вину, что я многихъ изъ сочинителей выше означенныхъ книгъ почитаю и называю Апокалипсическими Ангелами; а они не принадлежатъ къ наружной церкви?—Я осмѣливаюсь на сіе представить Вашему Высокопреосвященству, что Богъ, представляя въ видѣніяхъ Іоанну Богослову будущія приключенія церкви Христіанской, показывалъ ему людей въ образѣ Ангеловъ, имѣющихъ прославиться заслугами церкви, не въ одеждѣ наружной разнообразной состоящими, но въ истинномъ житіи и добродѣтеляхъ внутреннихъ, въ проповѣди истиннаго Евангельскаго просвѣщенія и любленіи Христа распятаго во всѣхъ наружныхъ исповѣданіяхъ Христіанства. Эта язва у насъ преподается и много дѣлаетъ вреда и поношенія истинной церкви Христовой, что будто бы никто изъ не принадлежащихъ къ наружной греческой церкви, не можетъ быть спасенъ, и не можетъ ни хорошо разсуждать, ни писать о духовныхъ матеріяхъ, ни имѣть откровенія и вдохновенія! А между тѣмъ по какому-то странному и непонятному противорѣчію большею частью наши богословы пользуются въ преподаваніи книгами нѣмецкихъ школьныхъ богослововъ. Я самъ учился въ Рязанской семинаріи по нѣмецкому автору Карповію; да и Ваше Высокопреосвященство въ Московской Академіи, помнится мнѣ, учились по нѣмецкому автору Миллеру. Я не вѣрю, чтобы Ваше Высокопреосвященство поставляли сущность Христіанства въ наружныхъ обрядахъ, что доказали вы будучи въ Москвѣ архипастыремъ; ибо вы освящали тогда старо-обрядческую церковь по ихъ книгамъ и съ употребленіемъ ихъ крестовъ, кажденій и поклоновъ, которые въ господствующей грекороссійской церкви неупотребительны. Церковь сія благословенною названа потому, что въ ней священниковъ принимаютъ отъ епархіальныхъ архіереевъ и ихъ въ служеніи поминаютъ; а заблужденія раскольническія у нихъ остались тѣ же, безъ чего они считались отпадшими еретиками. Павелъ Апостолъ не велитъ Христіанамъ называться ни Аполлосовыми, ни Петровыми, ни Павловыми: но только Христовыми.

Въ Евангеліи Христосъ говоритъ, что истинной его церкви врата адовы не одолѣютъ. Конечно, здѣсь не та церковь разумѣется, которая хвалится огромными зданіями и мраморами, жемчугами и золотомъ; ибо сей церкви возвѣщается горе и гибель, Апокалипсиса, главы 18-й въ стихахъ 4, 5, 6 и до 20. Но здѣсь разумѣется та церковь, которая основана на камени исповѣданія Христа, Сына Бога живаго, которой основаніе положилъ верховный Начальникъ съ 12-ю бѣдняками своими въ чужой заемной горницѣ, на горѣ Елеонской и на Голгоѳѣ, и которой члены разсѣяны по всему шару земному, и вездѣ въ темницахъ, въ вертепахъ, въ ущелинахъ и подземельяхъ и подъ разными формами и разными языками покланяются и служатъ единому Іисусу, любятъ единаго Іисуса, крестомъ его хвалятся и признаютъ его Искупителемъ.

Одно внутреннее поклоненіе Богу непремѣнно; а наружность перемѣняется, что мы видимъ въ различіи Ветхаго и Новаго завѣтовъ. Одною наружностію хвалящіеся вводятъ въ нее многія злоупотребленія и Самимъ Спасителемъ нашимъ порицаемую торговлю. Въ Исторіи церковной и гражданской Георгія Кедрина, печатанной на россійскомъ языкѣ въ сунодальной типографіи, описывается нѣкоторая любопытная повѣсть о

нѣкоторой церковной наружности. Нѣкто Апокватъ въ Константинополѣ въ послѣднія времена греческихъ царей [1]) захватилъ себѣ въ руки насильственнымъ образомъ, по подобію Годунова или Отрепьева, верховную власть въ предосужденіе законныхъ наслѣдниковъ. На сей разъ былъ съ нимъ въ союзѣ греческій патріархъ, который однакожъ въ теченіе времени началъ охладѣвать къ нему. Апокватъ, замѣтивъ сіе, всѣхъ родственниковъ его произвелъ въ чины и набогатилъ съ избыткомъ. Для патріарха же установилъ новаго рода отличія, состоящія въ наружныхъ украшеніяхъ, по примѣру царской одежды, который имѣлъ слабость ихъ принять, обѣщаясь быть вѣчно благодаренъ. Георгія Кедр. часть 3, листъ 91, 92. Не саккосъ-ли это архіерейской? Ибо древніе архіереи имѣли ризы священническія, а отличіемъ ихъ былъ только омофоръ. Это у насъ называется благолѣпіемъ церкви! Неужели мы должны имѣть больше уваженія къ сему Апокватовскому подарку, нежели къ Богодухновеннымъ произведеніямъ Ѳомы Кемпійскаго, Іоанна Арндта и другихъ подобныхъ имъ свѣтильниковъ архіерейства? . . . .
. . . . [2]).

Разсмотримъ еще нѣкоторые соблазны, царствующіе въ нашей наружной церкви—для примѣра—посмотримъ на наши монастыри! Что такое есть монастырь? Монастыри завелися такимъ образомъ: нѣкоторые избранные мужи, по внутреннему внушенію Духа Божія, всего отрекшись, уходили въ пустыни для внутренней молитвы и богомыслія и умерщвленія плоти своей разными трудами и подвигами. Въ теченіе времени Богу угодно было ихъ прославить и къ нимъ многіе приходили учиться и оставались при нихъ жить, чтобы слѣдовать ихъ примѣру, и они вмѣстѣ жили своими трудами, не обременяя ничѣмъ общества. Изъ Церковной Исторіи мы видимъ, что въ древнія времена, когда придутъ посѣтители въ какой особливо прославленный монастырь: тогда имъ сказываютъ, что у нихъ такой-то затворникъ трудится столько-то лѣтъ; такой-то послушникъ удивляетъ всѣхъ многіе годы молчаніемъ своимъ и другіе другими подвигами. Чтожъ дѣлаютъ нынѣ, когда придутъ посѣтители въ монастырь? Имъ показываютъ богатыя и огромныя зданія, множество серебра и золота, парчей, жемчуговъ и драгоцѣнныхъ камней! А монахи всѣ выглажены, выряжены съ кудрявыми длинными волосами, съ искусствомъ по плечамъ расположенными, сыты, статны, молоды, дородны, однимъ словомъ: прелесть на вкусъ многихъ. Но если надобно смотрѣть золото, серебро и драгоцѣнности: то можно для сего итти въ серебрянный рядъ, къ богатымъ мастерамъ золотыхъ дѣлъ, купцамъ и ювелирамъ,—и чтобъ видѣть наряженную, выглаженную и распрысканную человѣческую фигуру: то можно итти на Кузнецкой мостъ въ Москвѣ и тамъ смотрѣть разряженныхъ французскихъ мадамъ и мамзелей, чѣмъ въ какую-нибудь лавру смотрѣть разряженныхъ монаховъ? А что дѣлается въ женскихъ монастыряхъ? Я еще помню, что монахини имѣли скромные клобуки, подобные мужескимъ съ крыльями; а нынѣ все сіе

---

[1]) Въ рукоп. «церквей».
[2]) Невзоровъ продолжаетъ говорить подобнымъ образомъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ въ церковныхъ дѣлахъ.

забыто, и монахини вмѣсто клобуковъ распускаютъ длинный флёръ до самыхъ пятъ. Многія изъ нихъ шнуруются; мантіи начали носить съ широкими воротниками и бархатными перелинками, чего прежде никогда не бывало. Послушницы же и клирошанки прежде сего ходили въ черныхъ рясахъ съ широкими рукавами и въ черныхъ скромныхъ повязкахъ; а нынѣ онѣ одѣваются въ женскіе черные капоты съ модными лифами, узкими рукавчиками и прелестными на груди выкройками. И такъ и монастыри щеголяютъ модами! Игуменья лишь только придетъ въ церковь: то все служеніе пройдетъ въ томъ, что всѣ монастырки подходятъ къ ней, пренизко кланяются и цѣлуютъ у нея руку. Неужели это служитъ къ какому назиданію, а не къ гордости относится? Для меня это крайній соблазнъ! Изъ исторіи монастырской видно, что настоятели становились позади всѣхъ на нѣкоторыя возвышенныя мѣста не для того, чтобъ къ нимъ подходили кланяться и руки цѣловать; а для того, чтобъ имъ видны были въ церкви всѣ братія и они смотрѣли за ихъ благочиніемъ; впрочемъ, они первые всегда показывали примѣръ кротости и смиренія, а не чванства и отвратительнаго властолюбія.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Кто имѣетъ ревность и силу къ соблюденію чистоты церкви Христовой: то лучше не допускать быть таковымъ злоупотребленіямъ и соблазнамъ и вкравшіяся истреблять, нежели останавливать источникъ воды живыя, льющейся изъ книгъ богодухновенныхъ, каковы суть напримѣръ: Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова; Таинство Креста; Путь ко Христу, и подобныя имъ. Что сказать о внѣшнемъ служеніи въ большей части церквей, о чтеніи въ два или три голоса и еще съ пропускомъ многаго, о служеніи молебновъ скорѣе, чѣмъ эстафетъ ѣдетъ, и подобныхъ соблазнахъ?

Теперь остается разсмотрѣть, что означенныя книги печатались безъ сvнодскаго разсмотрѣнія. Извѣстно однако же, что онѣ печатались съ вѣдѣнія и Высочайшей воли Государя Императора, что доказывается пожалованіемъ издателю Сіонскаго Вѣстника ордена второй степени св. равноапостольнаго князя Владиміра, издателю сочиненій г-жи Гіонъ на печатаніе 15 тысячъ руб. А имѣетъ ли право пекущійся о благѣ своихъ подданныхъ Государь Императоръ дозволить сіе и повелѣть, зная особливо и видя пользу отъ сихъ книгъ проистекающую; и въ то время, когда обязанные сіе дѣлать не только не дѣлаютъ сего: но еще препятствуютъ и не даютъ выходить въ свѣтъ даже восточнымъ отцамъ, каковъ, напримѣръ, Исаакъ Сиринъ [1]):—то пусть благоволитъ рѣшить сіе Ваше Высокопреосвященство. А я съ своей стороны осмѣлюсь только Вашему Высокопреосвященству донести, что насталъ нынѣ день горящій, яко пещь, описываемый Малахіи пророка въ главѣ 1-й, и что всадникъ на бѣломъ конѣ, описываемый главы 19-й въ стихахъ 11, 12, 13, 14, 15, 16, перетъ нынѣ точило вина ярости и гнѣва Божія Вседержителева.—

---

[1]) Исаакъ Сиринъ въ нѣкоторыхъ возбуждалъ тогда недовѣріе своимъ мистическимъ характеромъ. Ср. то, что говорится объ этомъ предметѣ въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ», 1817 г., ч. VI, стр. 7—8.

Богъ для пророка Иліи свелъ трижды съ небеси огнь и рукою сильною своею праведно погубилъ Вааловыхъ и дубравныхъ жрецовъ, какъ пишется въ Книгѣ Царствъ. А я смѣю увѣрить, что Богъ, бывшій во дни Иліи, есть и нынѣ, и есть тотъ же и таковъ же, и Онъ, по пророчеству Штиллинга, не попуститъ Антихристу укоренить въ Россіи царство свое. Представляя все сіе въ духѣ вѣры Христовой безпристрастному разсмотрѣнію Вашего Высокопреосвященства, съ должнымъ высокопочтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Ваше высокопреосвященство!
Милостивый архипастырь!

Вашего высокопреосвященства
Покорнѣйшій слуга...

Іюня 23-го дня 1825 года.
Москва.

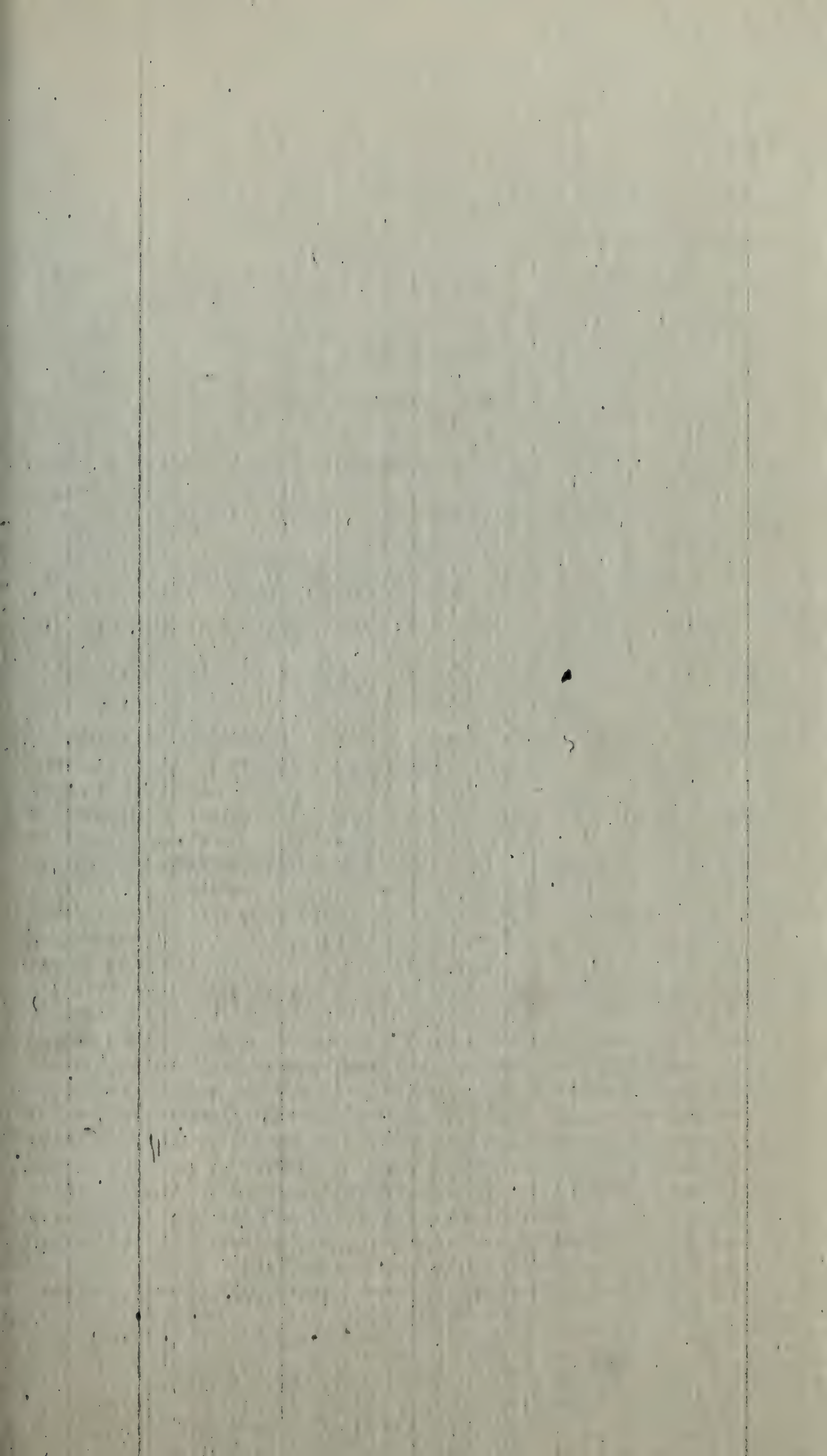
ПИСЬМО ЕГО ЖЕ КЪ КН. АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ГОЛИЦЫНУ.

Сіятельнѣйшій Князь!
Милостивый Государь!

Имѣю честь приложить при семъ копію съ посланнаго мною на нынѣшней же почтѣ письма къ преосвященнѣйшему митрополиту Серафиму. Богу угодно было двигнуть душею моею, и умомъ и сердцемъ; и я написалъ сіе письмо. Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ! Трудно было вообразить, чтобъ въ наши времена случились въ Россіи два такія противныя Богу дѣйствія. *Первое*, что Дубовицкій и Гаганъ (?) посланы въ монастыри на заточеніе за то токмо, что они, будучи свѣтскіе люди, бесѣдовали съ собратіями своими о Христѣ и Христіанствѣ. *Второе*, что начали гнать Христа правительственнымъ образомъ, истребленіемъ книгъ, проповѣдующихъ Евангеліе Его. Но видно сіе Богъ попустилъ для того, чтобы мы, при изліяніи Его гнѣва на насъ, не могли сказать никакого оправданія предъ Нимъ. Покойный преосвященный рязанскій Сергій гораздо лучше рѣшилъ дѣло Дубовицкаго и точно такъ, какъ должно христіанскому архипастырю. Когда священникъ Конюшенной волости села Горлова, гдѣ случилось сіе происшествіе, пріѣхалъ доносить къ нему, что подполковникъ Дубовицкій проѣздомъ черезъ его приходъ имѣетъ бесѣды съ его прихожанами о вещахъ духовныхъ: то преосвященный спросилъ его: что же не дѣлаются ли хуже отъ того твои прихожане? Нѣтъ! отвѣчалъ священникъ. Не перестали-ль они ходить въ церковь? спросилъ пастырь. Напротивъ того, отвѣчалъ священникъ, они прежде рѣдко ходили, а теперь гораздо чаще. Не перестали-ли пріобщаться, спросилъ опять преосвященный. Нѣтъ! говорилъ священникъ, прежде они мало пріобщались, а теперь по нѣсколько разъ въ годъ.

Такъ стало быть, сказалъ пастырь, и доносить не о чемъ, тутъ нѣтъ ничего худаго, и такимъ образомъ окончилъ сіе дѣло. Но Богъ свидѣтелей истинны повергаетъ въ горнило искушенія, чтобъ послѣ удостоить ихъ своихъ радостей! Не будемъ гасить свѣтильниковъ своихъ, чтобы изыти въ срѣтеніе Ей, грядущему нынѣ, если уже не пришедшему именно къ намъ жениху.

Желая Вашему Сіятельству всякой милости Божіей и помощи, съ должнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть,—и проч.

Г-ЖА КРЮДНЕРЪ.

„Вѣстникъ Европы" 1869, августъ.

Г-ЖА КРЮДНЕРЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Имя баронессы Крюднеръ довольно извѣстно всѣмъ, кто знакомъ съ исторіей царствованія императора Александра. Эта личность играетъ характеристическую роль именно въ тотъ критическій періодъ времени, когда въ идеяхъ императора, а затѣмъ и въ характерѣ его дѣятельности и правленія совершился переломъ, довольно рѣзко раздѣлившій двѣ половины царствованія двумя различными направленіями. Именно въ это время баронесса Крюднеръ пользовалась вниманіемъ императора, и оказала на него извѣстное вліяніе, любопытное въ историческомъ смыслѣ. Мы не хотимъ преувеличивать этого вліянія,—хотя одно время оно выражалось очень рельефно и рѣзко,—мы склонны скорѣе считать явленіе г-жи Крюднеръ случайностью, которая могла бы отсутствовать, не измѣнивъ хода вещей, могла бы быть замѣнена чѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ; но во всякомъ случаѣ, въ этой личности и въ ея отношеніи къ событіямъ весьма ясно сказался историческій духъ времени, такъ что въ ней мы имѣемъ наглядный образчикъ мистическихъ тенденцій эпохи.

Несмотря на этотъ интересъ исторіи г-жи Крюднеръ, въ русской литературѣ до сихъ поръ очень мало извѣстны подробности ея біографіи; мы желали бы въ настоящемъ случаѣ восполнить этотъ недостатокъ по тѣмъ матеріаламъ, какихъ значительное количество уже извѣстно въ литературѣ иностранной. Книга Эйнара [1]) представляетъ наиболѣе біографическихъ свѣдѣній о г-жѣ Крюднеръ, и несмотря на свою тенденцію, можетъ служить важнымъ источникомъ. Предположивъ напи-

---

[1]) Vie de madame de Krudener, par Charles Eynard, 2 vol. Paris, 1849.

сать біографію г-жи Крюднеръ, Эйнаръ старательно собиралъ свѣдѣнія въ книгахъ, журналахъ, вступалъ въ сношенія съ лицами, которыя знали г-жу Крюднеръ и были ея друзьями, собиралъ ея переписку и т. д., и благодаря этому могъ во многихъ случаяхъ указывать неточности или положительныя ошибки прежнихъ ея біографовъ. Для исторіи религіознаго развитія г-жи Крюднеръ, составляющаго для насъ главный интересъ ея біографіи, книга Эйнара даетъ тѣмъ болѣе любопытныя данныя, что самъ авторъ вполнѣ сочувствуетъ идеямъ своей героини, и хотя иногда указываетъ въ ея дѣяніяхъ нѣкоторыя ошибки, но вообще является самымъ ревностнымъ ея апологистомъ. Такимъ образомъ, мы можемъ вполнѣ найти здѣсь *одну* сторону дѣла—изображеніе и защиту г-жи Крюднеръ въ смыслѣ ея поклонниковъ. Если мы прибавимъ, что книга Эйнара посвящена г-дамъ де-*Фаллу* (извѣстному другу г-жи Свѣчиной, и благочестивому католическому писателю) и Рессегье, это еще объяснитъ точку зрѣнія Эйнара.—Но отдѣливъ это исключительное освѣщеніе, мы встрѣтимъ въ книгѣ Эйнара много любопытныхъ данныхъ: собранныя имъ черты доставятъ довольно матеріала для характеристики г-жи Крюднеръ, хотя эта характеристика въ концѣ концовъ не совсѣмъ будетъ соотвѣтствовать планамъ ея панегириста. Къ фактамъ, сообщаемымъ у Эйнара, мы присоединимъ свѣдѣнія, доставляемыя нѣкоторыми другими источниками—разсказами ея современниковъ и ея собственными писаніями [1]).

I.

Молодость г-жи Крюднеръ.

Г-жа Крюднеръ была урожденная Фитингофъ. Эта извѣстная остзейская фамилія доставила въ XIV—XV столѣтіи двухъ гросмейстеровъ тевтонскому ордену, но потомъ пришла въ упадокъ и поднялась снова уже въ XVIII столѣтіи, когда одинъ изъ ея представителей, именно отецъ г-жи Крюднеръ, человѣкъ съ большой практической энергіей, пріобрѣлъ обширное состоя-

---

[1]) Указаніе сочиненій г-жи Крюднеръ и того, что̀ было писано о ней въ прежнее время, см. въ Allgem. Schriftsteller-und Gelehrten Lexikon der Provinzen Livland, Esthland u. Kurland, von Recke und Napiersky. Mitau. 1827—32. II, 553—558.—Другіе матеріалы мы укажемъ дальше.

ніе промышленными предпріятіями. Онъ имѣлъ домъ въ Петербургѣ, богатый домъ въ Ригѣ, гдѣ у него былъ свой театръ, который онъ продалъ потомъ городу, и много земель въ Лифляндіи; подъ конецъ онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Фитингофъ женился на послѣдней дочери фельдмаршала Миниха; у нихъ было нѣсколько дѣтей; изъ двухъ сыновей, одинъ умеръ въ дѣтствѣ, другой былъ Борисъ Ив. Фитингофъ, впослѣдствіи одинъ изъ усердныхъ членовъ Библейскаго Общества.

Варвара-Юлія Фитингофъ, впослѣдствіи баронесса Крюднеръ, родилась 21-го ноября 1764. По обычаю, она воспитана была на свѣтскій манеръ, съ дѣтства владѣла французскимъ языкомъ, но вообще ея образованіе было очень небрежное. Въ 1777 Фитингофы отправились за границу; они прожили нѣсколько времени на водахъ въ Спа, гдѣ былъ тогда модный сборный пунктъ европейской аристократіи; молодая Фитингофъ — не очень красивая, но съ выразительной физіономіей,—тогда уже обращала на себя вниманіе какъ богатая наслѣдница. Изъ Спа на зиму Фитингофы отправились въ Парижъ. «Ливонская аристократія вообще мало интересовалась литературными талантами»,—замѣчаетъ біографъ г-жи Крюднеръ и отвергаетъ извѣстіе, будто бы молодая дѣвушка уже въ это время видѣла въ домѣ отца тогдашнія французскія знаменитости, напр., Бюффона, д'Аламбера, Дидро, Гримма, и испытывала ихъ вліяніе; быть можетъ, говоритъ Эйнаръ, когда-нибудь они и были приглашены, въ подражаніе модѣ салоновъ, но дѣвица Фитингофъ не извлекла отсюда ничего для своего развитія. Единственнымъ учителемъ ея былъ здѣсь знаменитый танцоръ Вестрисъ, притомъ она была еще ребенокъ. Общество Фитингофовъ состояло исключительно изъ придворной свѣтской аристократіи. Весной слѣдующаго года Фитингофы отправились въ Англію и, проживъ тамъ нѣсколько времени у своихъ знакомыхъ, пріобрѣтенныхъ въ Спа, вернулись въ Ригу. Образованіе дѣвушки осталось на рукахъ обыкновенной француженки-гувернантки, которая учила ее хорошимъ манерамъ.

Восьмнадцати лѣтъ она вышла замужъ за барона Крюднера. Онъ былъ старше ея двадцатью годами. Получивъ прочное образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, онъ вступилъ на дипломатическое поприще, и состоялъ при Штакельбергѣ, сначала въ Испаніи, потомъ въ Варшавѣ. Проживъ нѣсколько времени въ Парижѣ, онъ завязалъ дружескія отношенія съ Руссо;

теперь онъ былъ русскимъ министромъ въ Курляндіи, имѣя деликатную миссію приготовить сліяніе ея съ имперіей. Онъ уже былъ женатъ, но развелся съ первой женой, отъ которой у него осталась дочь.

Молодая Фитингофъ, кажется, вступила въ бракъ безъ особенно пылкаго чувства къ барону, но ей нравилась, конечно, перспектива блестящаго положенія въ обществѣ и жизни, обѣщавшей длинный рядъ разнообразныхъ удовольствій. Баронъ Крюднеръ скоро увидѣлъ недостатки ея образованія и старался по возможности восполнить его прорѣхи—давая ей читать «избранные романы»; у нихъ устраивался домашній театръ и т. п. Первое время они жили, кажется, благополучно въ средѣ своей родни; въ началѣ 1784 у нихъ родился сынъ. Вскорѣ баронъ Крюднеръ назначенъ былъ посланникомъ въ Венецію. Жизнь въ Венеціи была опять рядомъ забавъ и удовольствій; г-жа Крюднеръ сохраняла привязанность къ мужу, достоинства котораго, повидимому, очень цѣнила; тѣмъ не менѣе, уже въ это время, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ замужества, отношенія стали измѣняться. Въ ней стала обнаруживаться сильнѣе страстная натура; ея безпокойные сантиментальные порывы мало встрѣчали отвѣта въ серьезности барона Крюднера, слишкомъ занятаго заботами своего дипломатическаго положенія. Разница лѣтъ начала сказываться, и г-жа Крюднеръ охладѣвала къ мужу. Еще въ Венеціи, въ ихъ домѣ былъ дружески принятъ одинъ молодой человѣкъ, секретарь посольства; уваженіе и любовь къ барону Крюднеру сблизили его съ г-жей Крюднеръ, еще сохранявшей къ мужу нѣжную привязанность, но потомъ къ этому дружескому присоединилось болѣе нѣжное чувство со стороны молодого человѣка, который, однако, скрывалъ свою страсть; наконецъ, когда это стало превышать его силы, онъ добровольно удалился. Мы упоминаемъ объ этомъ эпизодѣ потому, что на немъ основанъ романъ г-жи Крюднеръ «Валерія», о которомъ мы упомянемъ дальше.

Черезъ полтора года (1786) баронъ Крюднеръ былъ назначенъ посланникомъ въ Копенгагенъ. Его предшественникъ, Скавронскій, жилъ съ большою роскошью, и Крюднеру надо было поддержать этотъ блескъ, тѣмъ болѣе еще, что когда Россія объявила войну Швеціи, ему нужно было принимать каждодневно къ столу, офицеровъ русскаго флота, сходившихъ на берегъ. Жизнь баронессы пошла какъ въ Венеціи, въ свѣтскихъ развле-

ченіяхъ, балахъ и домашнихъ театрахъ; не была забыта и литература: читали Мармонтеля, Бернардена де Сенъ-Пьера. Свѣтская жизнь оказывала свое дѣйствіе. «Пріобрѣтая новыя средства нравиться,—говоритъ деликатный біографъ,—увеличивая развитіемъ увлекательность своего ума, г-жа Крюднеръ нечувствительно теряла свое наивное и граціозное незнаніе (sa naive et gracieuse ignorance). Сама того не замѣчая, она жертвовала желанію быть пріятной всѣмъ,—то, что помогло ей покорить одного», etc. Самъ ея упомянутый поклонникъ находилъ, что ея кокетство и страсть къ развлеченіямъ «не отвѣчали обязанностямъ жены и матери», и въ это-то время рѣшился удалиться. Послѣ своего отъѣзда, онъ написалъ барону Крюднеру письмо, въ которомъ высказалъ причину своего удаленія. Крюднеръ показалъ письмо женѣ: онъ думалъ, что это произведетъ на нее полезное дѣйствіе. Но онъ ошибся: она увидѣла, что потеряла въ этомъ поклонникѣ тотъ идеалъ нѣжной страсти, котораго потребность она чувствовала, и теперь стала отыскивать тотъ же идеалъ между другими. Свѣтскій шумъ началъ утомлять ее; она скучала такъ, что это отражалось на ея здоровьѣ. Рѣшено было, что она отправится въ южную Францію.

Она отправилась въ путь; съ ней были и двое ея маленькихъ дѣтей. По дорогѣ она провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ. Это было именно въ 1789. Въ обществѣ носились новыя идеи, возвышенныя надежды и ожиданія, но все это, кажется, не произвело на г-жу Крюднеръ особеннаго впечатлѣнія.

Біографъ ея говоритъ, что, какъ въ Венеціи заговорило ея сердце, въ Копенгагенѣ проснулось свѣтское тщеславіе,—такъ теперь въ Парижѣ началъ предъявлять свои права умъ. Но предъявленіе было покамѣстъ не велико. Она должна была замѣтить, что остается чужда интересамъ общества, въ которое теперь попала, и старалась дополнить свое литературное образованіе. Она читала «Путешествіе молодого Анахарсиса», Бартелеми, тогда только что вышедшее, и свела дружбу съ Бернарденомъ де Сенъ-Пьеромъ, который «принялъ ее съ восторгомъ въ память ея дѣда». Дѣло въ томъ, что Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ былъ въ молодости большой авантюристъ; между прочимъ, онъ искалъ счастья и въ Россіи; въ шестидесятыхъ годахъ онъ былъ въ русской службѣ инженеромъ подъ начальствомъ Миниха. Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ привѣтство-

валъ революцію съ энтузіазмомъ, который раздѣляло тогда много достойныхъ людей, настроенныхъ на идеальныя ожиданія. Мы упоминали, что въ г-жѣ Крюднеръ это не нашло отголоска; вопросы, о которыхъ шло дѣло, были слишкомъ чужды и, вѣроятно, даже мало понятны свѣтской женщинѣ—какъ бы она ни была умна—и у которой притомъ на первомъ планѣ стояла личная потребность въ развлеченіяхъ. Одна черта тогдашней жизни и литературы пристала къ ней, кажется, крѣпко, и въ разныхъ формахъ сохранилась потомъ на всю ея жизнь. Это—преувеличенная сантиментальность и мечтательная экзальтація, задатки которой были, впрочемъ, ея врожденнымъ свойствомъ. Ей воображалось тогда, что «она любитъ только простыя и естественныя удовольствія, мирныхъ друзей, ровную жизнь, любитъ только то, что любили лучшіе изъ людей, изучаетъ жизнь достойныхъ людей, чтобы подражать имъ въ собственной жизни; любитъ только природу и себя самое—въ томъ порядкѣ, какой она установила». Въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: «я ощущала потребность *быть почувствованной* (j'avais besoin d'être sentie), и среди роскоши и суетныхъ удовольствій, развлекавшихъ меня въ Копенгагенѣ, я оставалась проста и истинна, и всегда *близка къ природѣ*». Эта близкая къ природѣ женщина, оставившая Копенгагенъ также для экономіи, чтобы не держать открытаго дома, въ три мѣсяца своей жизни въ Парижѣ должна была заплатить своей модисткѣ двадцать тысячъ франковъ.

Изъ Парижа она отправилась въ южную Францію, на воды въ Пиренеяхъ; болѣзни, повидимому, ее оставили, потому что она весело жила въ кружкѣ нѣскольких лицъ изъ французской и русской аристократіи. «Букетъ священныхъ привязанностей и суровыхъ обязанностей мало-по-малу развязался въ этой душѣ при дуновеніи испорченнаго свѣта. Чистоты мыслей уже не было здѣсь, чтобы гарантировать чистоту чувствъ, и соблазны нѣжности; очарованія лести обезоружили г-жу Крюднеръ»,—разсказываетъ опять галантерейный біографъ. Другими словами, въ это время у нея завязались нѣжныя отношенія съ французскимъ графомъ Фрежвиллемъ. Ей нужно было ѣхать въ Копенгагенъ, но она осталась въ Парижѣ, пока должна была покинуть его по необходимости. Произошло извѣстное бѣгство короля. Г-жа Крюднеръ была знакома съ г-жей Корфъ, которая отдала свой паспортъ для путешествія королевской

семьѣ [1]), и когда король былъ остановленъ и возвращенъ въ Парижъ, г-жа Крюднеръ опасалась, что преслѣдованіе и подозрѣніе могутъ пасть и на нее. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фрежвилля потребовали въ его полкъ. Г-жа Крюднеръ выѣхала изъ Парижа, и графъ, сопровождавшій ее, эмигрировалъ, переодѣвшись лакеемъ. Когда она встрѣтилась съ мужемъ, онъ былъ опечаленъ этой исторіей, но предоставилъ ей отправиться къ роднымъ въ Ригу. Фрежвилль разстался съ ней въ Берлинѣ.

Г жа Крюднеръ, конечно, скучала; она искала утѣшенія въ религіозныхъ размышленіяхъ, въ уединеніи и развлекалась чувствительными мечтаніями. Она вознамѣрилась впредь жить для своихъ дѣтей и «украсить жизнь» своего мужа; въ то же время въ письмахъ къ своему другу, г-жѣ Арманъ (прежней гувернанткѣ ея падчерицы), жившей въ Швейцаріи, она мечтала о томъ, какъ онѣ поселятся вмѣстѣ, въ простой сельской обстановкѣ, будутъ «трудиться, какъ поселянки, дѣлать добро, съ самоотверженіемъ переносить тягости жизни, и всегда благословлять благодѣтельнаго Творца природы за то, что онъ имъ пошлетъ» (1792).

Въ 1792 Крюднеры жили въ одно время въ Петербургѣ, но врозь; они имѣли, конечно, общихъ знакомыхъ. Однажды г-жа Крюднеръ услышала, что мужъ ея, дѣла котораго были разстроены, очень озабоченъ тѣмъ, чтобы возвратить ей ея приданое. На другой же день она отправилась къ нему и между ними произошло трогательное примиреніе. «Желаніе загладить свою ошибку, сожалѣніе, что она разлучена съ сыномъ (который жилъ у отца), имѣли большую долю въ рѣшеніи г-жи Крюднеръ возвратиться въ семью, но мы не удивимся, если ея *самолюбіе* находило нѣкоторое удовлетвореніе въ благородномъ порывѣ, который побудилъ ее признать свою ошибку»,—такъ говоритъ даже ея почитатель. Но прежнія отношенія все-таки не могли возвратиться; г-жа Крюднеръ отказывалась появиться въ Копенгагенѣ, и дѣло ограничилось тѣмъ, что они вмѣстѣ доѣхали до Берлина и нѣсколько времени остались тамъ, затѣмъ г-жа Крюднеръ начала свою прежнюю жизнь. «Когда здоровье ея поправилось, потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ, свѣтъ и рядъ его нравственныхъ немощей снова взяли

---

[1]) Eynard, I, 48. «Р. Архивъ» напечаталъ недавно нѣкоторыя подробности объ этой г-жѣ Корфъ.

всю свою силу надъ г-жей Крюднеръ». Она странствовала по разнымъ мѣстамъ Германіи, въ концѣ 1794 вернулась опять въ свое помѣстье въ Лифляндіи, доставшееся ей по смерти ея отца, гдѣ, между прочимъ, пробовала филантропію съ своими крестьянами, потомъ снова отправилась за границу, и снова забывъ свои благоразумные планы уединенной добродѣтельной жизни, вела въ Швейцаріи свѣтскую разсѣянную жизнь, наконецъ, встрѣтилась опять съ мужемъ и опять приняла благое рѣшеніе возвратиться къ домашнимъ пенатамъ. Баронъ Крюднеръ былъ тогда (около 1800) посланникомъ въ Берлинѣ.

Но она мало принесла спокойствія и пользы въ домашнюю и оффиціальную жизнь барона Крюднера. По своему положенію онъ долженъ былъ вести извѣстную открытую жизнь, и г-жа Крюднеръ прежде всего должна была бы понять это, если она сколько-нибудь хотѣла «удовлетворить требованіямъ своего положенія». Но оффиціальные пріемы и визиты, представленія ко двору наскучили ей, и она своими капризами и причудами безпрестанно ставила мужа въ самыя неловкія положенія. Въ письмахъ къ своей пріятельницѣ, г-жѣ Арманъ, она жалуется на свою бѣдственную жизнь: «Vous savez combien *la gêne m'est funeste.* Je regretterai toujours l'état le plus mediocre.... au brillant esclavage des cours... J'ai eu des moments affreux et de poignants regrets d'avoir assujetti ma vie à un semblable *supplice*, mais *la religion m'a sauvé*; elle a séché les larmes amères que je versais en secret: elle m'a présenté le charme secret des sacrifices pénibles» и проч. Но на дѣлѣ происходило совсѣмъ не то. «У себя дома она бывала иногда увлекательна,—разсказываетъ біографъ,—на дипломатическихъ обѣдахъ она раскрывала всю грацію своего ума. Ея оригинальный разговоръ, полный удачнымъ остроуміемъ и находчивостью, возбуждалъ общій интересъ; но едва мужъ ея усаживался за игру, она вознаграждала себя за любезность, ложилась на софу и вполнѣ отдавалась дурному расположенію духа, которое производили въ ней скучный для нея Берлинъ и его жители. Это неблагоразумное поведеніе справедливо имъ не нравилось, на нерасположеніе они отвѣчали тѣмъ же, и это не было особенно полезно для дѣлъ посольства».

Иными словами, она несносно капризничала, и ея религія, на которую она ссылалась, была совершенно плоха и ни отъ чего ее не спасала: она была избалована, и прежняя жизнь, конечно,

мало способна была воспитать ее для «тяжкихъ жертвъ», которыми она хвалилась и которыхъ совсѣмъ не приносила.

Дурное расположеніе духа начинало усиливаться и тѣмъ, что время оказывало свое дѣйствіе на ея красоту. «Ей хотѣлось бы остаться молодой, и съ этой цѣлью она изобрѣтала моды, болѣе оригинальныя и странныя, чѣмъ красивыя и граціозныя, которыя всѣмъ бросались въ глаза, не нравясь никому. Не умѣя довольствоваться тѣмъ, чтобы быть доброй, умной и любезной женщиной, она искала утѣшеній въ прошедшемъ, столь исполненномъ для нея прелестью и сожалѣніями, и любила окружать себя людьми, которые могли напоминать ей это прошедшее» etc. Она все еще имѣла поклонниковъ, но потеряла уже прежнюю «простоту и тонкость вкуса», которыя отличали ее десять лѣтъ назадъ. Все это, конечно, не способствовало мирному расположенію духа и домашнему счастію. Но г-жѣ Крюднеръ казалось, что она чрезвычайно помогла своему мужу даже въ дипломатическихъ дѣлахъ. Въ это время баронъ Крюднеръ очутился однажды въ весьма затруднительномъ положеніи: императоръ Павелъ внезапно прислалъ ему повелѣніе объявить немедля Пруссіи войну. Повелѣніе получено было какъ разъ во время бала, который давало русское посольство и гдѣ былъ самъ король. Крюднеръ затруднился исполнить повелѣніе, совершенно противорѣчившее его собственнымъ понятіямъ о положеніи вещей, и рѣшился не исполнить его на свой рискъ—объяснивши императору всѣ свои основанія. Нѣсколько времени онъ провелъ въ мучительной неизвѣстности, пока, наконецъ, пришелъ отвѣтъ изъ Петербурга; оказалось, что императоръ одумался; онъ остался доволенъ поступкомъ Крюднера и осыпалъ его наградами. Понятно, что баронъ Крюднеръ держалъ это дѣло въ величайшей тайнѣ, и по дипломатическимъ, и чисто личнымъ причинамъ,—онъ разсказалъ своей дочери эту исторію только по смерти Павла.

Г-жа Крюднеръ «была такъ *ослѣплена на свой счетъ*,— говоритъ біографъ, — что когда милости полились на ея мужа, она съ непонятнымъ тщеславіемъ воображала, что она не была чужда этому благополучію». Она писала въ это время своей пріятельницѣ: «сказать ли вамъ — въ смиреніи моего сердца, потому что, вы знаете, у меня нѣтъ гордости, и можетъ ли имѣть ее христіанинъ? — я думаю, что Богъ хотѣлъ благословить моего мужа съ тѣхъ поръ, какъ я вернулась къ нему. Онъ осыпанъ всевозможными милостями и наградами. Почему не

подумать, что благочестивое сердце, которое съ простодушіемъ и вѣрой проситъ небо содѣйствовать счастію другого, не достигаетъ этого»?

Г-жа Крюднеръ за это время еще далеко не была тѣмъ, чѣмъ она стала послѣ; но въ чертахъ ея характера, въ ея манерахъ, и привычкахъ отчасти уже проглядываютъ черты, крайнее развитіе которыхъ составило ея физіономію впослѣдствіи. Она уже въ это время обращается къ религіи, но эти обращенія были очень странны; ея религія слишкомъ близко стоитъ къ ея свѣтской жизни и ея домашнимъ дѣламъ: она слишкомъ легко усматриваетъ дѣйствіе молитвы въ чинахъ и орденахъ своего мужа и въ устройствѣ ея личныхъ дѣлъ. Она уже съ этого времени рекомендуетъ своей пріятельницѣ: «Ah, remerciez le Ciel de m'avoir donné de la religion», и ей кажется, что Провидѣніе въ особенности слѣдитъ за ней и именно ею интересуется.

Эта ея религія и добродѣтель не помѣшали ей опять бросить мужа, которому ея присутствіе, по ея мнѣнію, приносило такія благословенія неба. Она отправилась на воды въ Теплицъ, гдѣ проводила время въ свѣтскихъ развлеченіяхъ. Когда сезонъ кончился, она—вмѣсто Берлина, куда ждалъ ее Крюднеръ,—отправилась въ Швейцарію: правда, она хотѣла спросить его мнѣнія, но потомъ не нашла нужнымъ ждать его отвѣта. Она получила этотъ отвѣтъ, когда была уже въ Швейцаріи: Крюднеръ серьезно огорчался новой разлукой и не столько за себя, сколько за дѣтей, которымъ приходилось жить врозь; онъ желалъ, чтобы она прислала дѣтей въ Берлинъ; его старшую дочь (отъ первой жены) г-жа Крюднеръ увезла съ собой.

Въ Швейцаріи она проводила время въ обществѣ г-жи Сталь и имѣла нѣкоторый успѣхъ въ этомъ кружкѣ: ея свѣтская находчивость и подвижной умъ совершенно подходили къ характеру этой котеріи, гдѣ сохранялись вкусы старыхъ салоновъ прошлаго столѣтія. Г-жа Крюднеръ не могла, конечно, равняться съ г-жей Сталь своими литературными свѣдѣніями, которыя были гораздо ограниченнѣе, но она нашла здѣсь новый интересъ, который потомъ завелъ и ее въ литературу. Изъ Швейцаріи она переѣхала въ Парижъ. Здѣсь та же г-жа Сталь познакомила ее съ Шатобріаномъ, который сталъ частымъ ея посѣтителемъ. Шатобріанъ былъ моднымъ человѣкомъ въ то время: именно тогда появился «Духъ христіанства», произведшій такое сильное впечатлѣніе; г-жа Крюднеръ была очень польщена тѣмъ, что

Шатобріанъ далъ ей первый экземпляръ своей книги, за нѣсколько дней до ея выхода въ свѣтъ.

Свѣтская жизнь продолжалась по прежнему. «Ея салонъ,— разсказываетъ біографъ,—часто посѣщали нѣсколько избранныхъ друзей, но часто также и свѣтскіе люди, единственной рекомендаціей которыхъ были внѣшнія качества... Г-жа Крюднеръ, уступая влеченіямъ сердца, вновь отдалась преходящимъ удовольствіямъ свѣта. Это сердце, которое такъ часто разочаровывалось обманчивыми свѣтскими привязанностями, почувствовало, что въ немъ, изъ самыхъ обломковъ его жизни, пробуждается та потребность любить, привязаться и страдать, которую она считала утихшей», и т. д.

Въ Парижѣ она узнала о смерти барона Крюднера (въ іюнѣ 1802); она все еще собиралась выбрать время — «усладить его жизнь, облегчить бремя лѣтъ своей нѣжностью, заставить его забыть долгое одиночество, въ которомъ онъ жилъ»; по словамъ біографа, это было ея мечтой,—которую она, однако, не торопилась исполнить. Эта смерть должна была напомнить ей много несправедливостей и ошибокъ, ею сдѣланныхъ, — но, кажется, впечатлѣніе скоро изгладилось.

II.

Литературные труды.—«Валерія».

Г-жа Крюднеръ возымѣла литературныя наклонности еще до 1800; однажды при ней хвалили извѣстныя «максимы» Ла-Рошфуко, она замѣтила, что нѣтъ ничего легче какъ составлять подобныя изреченія, и стала импровизировать ихъ. Эти «максимы» составили цѣлую тетрадь, которая и была нѣсколько разъ издана подъ заглавіемъ: «Pensées d'une Dame Etrangère» или «Pensées inédites de Madame de Krüdener». Въ то же время, кажется, еще въ Берлинѣ, она задумала и начала писать романъ, который сталъ потомъ ея главнымъ правомъ на литературную извѣстность («Валерія»). Эти вкусы ея развились въ особенности въ то время, когда она свела знакомство съ литературными знаменитостями, какъ г-жа Сталь, Шатобріанъ и др. Она ревностно принялась писать: до окончанія «Валеріи» она уже написала пьесы «Eliza», «Alexis» и «La Cabane de Lataniers». Это были пасторали во вкусѣ Бернардена де Сенъ-Пьера, въ томъ сантиментальномъ вкусѣ, который особенно легко поддался подражанію, и для

котораго легкой фразы и нѣсколько воображенія стало потомъ совершенно достаточно. Нѣкоторые изъ ея друзей подшучивали надъ ея исторіями, въ которыхъ она гонялась за внѣшней эффектностью и звонкой фразой. По крайней мѣрѣ, она оставила «Cabane des Lataniers» и стала отдѣлывать «Валерію».

Жизнь г-жи Крюднеръ до сихъ поръ представляла не много содержанія, и трудно было бы предполагать, чтобы она имѣла многое сказать въ тѣхъ произведеніяхъ, какія она приготовляла. Самъ пристрастный къ ней біографъ объясняетъ ея литературныя побужденія такимъ образомъ:

«Несмотря на то, что попеченія ея доктора возвратили ей здоровье и свѣжесть, она знала, что уже не долго сохранится привлекательность молодости (ей было около 38 лѣтъ) и она хотѣла пріобрѣсти себѣ болѣе прочныя преимущества, сдѣлавши себѣ имя въ литературѣ. Съ этой цѣлью «Валерія» была подвергнута критикѣ многихъ людей со вкусомъ, была старательно пересмотрѣна и исправлена» и т. д. Такимъ образомъ, побужденіемъ ея была не внутренняя потребность высказаться, а чистое самолюбіе, желаніе какимъ-нибудь образомъ играть въ обществѣ роль, которая прежде основывалась исключительно на ея свѣтскихъ достоинствахъ, начинавшихъ теперь измѣнять ей. Мы упоминали, какъ это самолюбіе должно было еще болѣе возбуждаться въ кружкѣ литературныхъ знаменитостей, которыхъ она видѣла въ Парижѣ.

Авторское самолюбіе есть слишкомъ обыкновенная вещь, чтобы изъ него можно было сдѣлать особый упрекъ; оно можетъ соединяться съ дѣйствительнымъ талантомъ и не мѣшать глубинѣ и достоинству самыхъ произведеній; первымъ и главнымъ основаніемъ для сужденія о писателѣ все-таки должны оставаться самыя произведенія. Но въ настоящемъ случаѣ это самолюбіе дѣйствовало особенно рѣзко. Г-жа Крюднеръ была, конечно, убѣждена, что «у нея нѣтъ гордости» — «да и можетъ ли она быть у христіанина?»—но въ этихъ литературныхъ затѣяхъ ея самолюбіе принимало такіе размѣры, что его, кажется, нельзя не принять въ соображеніе и при оцѣнкѣ самыхъ произведеній.

Слѣдующія ниже подробности передаетъ самъ ея поклонникъ Эйнаръ, который не скрываетъ ихъ—для того, чтобы показать впослѣдствіи, что это тщеславіе г-жи Крюднеръ, какъ и другіе ея недостатки, были потомъ блистательно искуплены ея религіозными подвигами. Мы увидимъ дальше, насколько г-жа Крюд-

неръ впослѣдствіи была свободна отъ тщеславія, и здѣсь пока замѣтимъ, что, напротивъ, это качество г-жи Крюднеръ принадлежало не только ея грѣховному періоду, какъ думаетъ Эйнаръ, но и всей дальнѣйшей ея дѣятельности: оно было принадлежностью всего ея характера.

Исправляя и обдѣлывая всячески свой романъ, г-жа Крюднеръ, — разсказываетъ біографъ, — «не упускала изъ виду, что успѣхъ имѣетъ другіе элементы, кромѣ достоинства произведенія, а она слишкомъ желала успѣха, и потому желала обезпечить его *всѣми возможными средствами.* Не имѣя возможности эксплуатировать такъ, какъ ей хотѣлось, въ пользу своего авторскаго самолюбія свои безчисленныя знакомства и своихъ друзей, старыхъ и новыхъ, она выбрала изъ ихъ числа преданныхъ восхвалителей (prôneurs) и патроновъ, которые должны были помогать ей своимъ усердіемъ... Г-жа Крюднеръ поняла, что для того, чтобы имѣть успѣхъ, надо быть въ Парижѣ (она жила въ это время въ Ліонѣ, гдѣ разсчитывала отдать выгодно замужъ свою падчерицу), и пылала нетерпѣніемъ возвратиться туда; но она хотѣла, чтобъ ее звали, желали, ожидали туда, и потому пущено было въ ходъ все, чтобы создать въ парижскомъ обществѣ эту потребность въ ея лицѣ или по крайней мѣрѣ заставить думать, что эта потребность существуетъ»....

Для этого дѣлается, между прочимъ, слѣдующее. Она поручаетъ одному изъ своихъ друзей въ Парижѣ заказать кому-либо, хорошо владѣющему стихомъ, написать посланіе къ *Сидоніи.* «Сидонія» было имя героини въ ея «Cabane des Lataniers», которое она дѣлала свимъ псевдонимомъ. Эти стихи надо было помѣстить въ газетѣ (заплативъ за это сколько нужно), чтобы заинтересовать публику личностью, къ которой обращалось бы посланіе. Самое посланіе должно было, конечно, соотвѣтствовать цѣли: это должны были быть восторженныя обращенія къ Сидоніи, панегирикъ ея талантамъ, патетическіе призывы и т. п. Напримѣръ:

«Въ этихъ стихахъ,—пишетъ г-жа Крюднеръ своему довѣренному другу,—которые, разумѣется само собою, должны быть въ лучшемъ вкусѣ, будетъ простое заглавіе: *къ Сидоніи.* Ей надо сказать: зачѣмъ ты остаешься въ провинціи, зачѣмъ уединеніе похищаетъ у насъ твою увлекательность (tes grâces), твой умъ? Твои успѣхи не зовутъ ли тебя въ Парижъ? Твоя грація, твои таланты возбудятъ тамъ то удивленіе, какого они заслужи-

ваютъ... Намъ изображали твой очаровательный танецъ, но кто можетъ изобразить то, что обращаетъ на себя вниманіе», и проч.

«Очаровательный танецъ», о которомъ здѣсь упоминается какъ о принадлежности г-жи Крюднеръ, есть какой-то особенный драматическій танецъ съ шалью (la danse du schâle), кажется, польскій, въ которомъ г-жа Крюднеръ производила большой эффектъ своимъ искуствомъ. Этотъ танецъ г-жа Сталь заставляетъ танцовать свою Дельфину, и подлинникомъ ея была въ этомъ случаѣ г-жа Крюднеръ.

Г-жа Крюднеръ добивается, чтобы ей написалъ стишки Делиль, чтобы написалъ Дюси, и т. п., печатаетъ сама заказныя посланія своего друга, разсчитываетъ на Шатобріана, на Сенъ-Пьера, которые будутъ хвалить ея романъ и т. п. Правда, г-жа Крюднеръ прибавляла въ оправданіе: «le monde est si bête! C'est ce charlatanisme qui met en évidence, et qui fait aussi qu'on peut servir ses amis»—это послѣднее сказано къ тому, что въ поощреніе своего друга, исполнявшаго эти ея порученія, она неумѣренно восхваляетъ его собственные таланты (это былъ докторъ, не имѣвшій достаточно практики) и обѣщаетъ ему въ перспективѣ, что будетъ устраивать, черезъ множество своихъ знакомыхъ, его собственную репутацію. Но, какъ бы то ни было, это было дѣйствительное шарлатанство: она положила на него столько усилій, что оно совершенно переходитъ границы позволительной шалости. Г-жа Крюднеръ потомъ серьезно считаетъ за собой репутацію и славу, пріобрѣтенныя такими путями. Описывая г-жѣ Арманъ свои успѣхи, добываемые этими средствами, г-жа Крюднеръ находитъ возможнымъ писать ей такъ..... «On s'arrache un mot de moi comme une faveur; on ne parle que de ma réputation d'esprit, de bonté, de *moeurs*. C'est mille fois plus que je ne mérite, mais *la Providence se plait á accabler ses enfans*, même des bienfaits qu'ils ne méritent pas». Она какъ будто сама начинаетъ вѣрить въ свой собственный обманъ или слишкомъ нагло имъ пользуется.

«Валерія», наконецъ, вышла въ декабрѣ 1803 (съ 1804 г., на заглавіи) [1]). Интересъ къ ней дѣйствительно былъ возбужденъ; въ то время какъ шли толки о романѣ въ литературѣ и въ салонахъ, г-жа Крюднеръ придумала еще маневръ: она отпра-

---

[1]) Новое изданіе въ коллекціи Шарпантье: Valérie, par madame de Krüdener, avec une notice de M. Sainte-Beuve. Paris 1855.

вилась по незнакомымъ магазинамъ спрашивать шляпъ, гирляндъ, лентъ и т. п. à la Valérie, которыхъ не существовало, и требовала ихъ съ такой настойчивостью, что предупредительные купцы и модистки, наконецъ, подавали ей что-нибудь, что и получало это имя; гдѣ не догадывались этого сдѣлать, она изъявляла сожалѣніе, что они не знаютъ моднаго романа и не имѣютъ послѣднихъ модныхъ вещей, и т. п.

Это была эпоха бюллетеней арміи,—замѣчалъ біографъ,—«въ это время баронъ Порталь полагалъ основаніе своей большой медицинской репутаціи, посылая людей отыскивать себя въ первыхъ салонахъ Парижа, отъ имени самыхъ знатныхъ паціентовъ, которые на дѣлѣ вовсе не требовали его услугъ». Нѣсколько позже, тотъ же способъ примѣнялъ извѣстный Бобъ Сойеръ у Диккенса. Этотъ способъ систематически приняла и г-жа Крюднеръ.

Біографъ замѣчаетъ, что г-жа Крюднеръ, принимая комплименты объ успѣхѣ своего романа, внутренно смѣялась. Можетъ быть; но въ это самое время она писала г-жѣ Арманъ строки, приведенныя нами выше, и еще слѣдующія:

«Le succès de Valérie est complet et inouï... Oui, mon ami, *le ciel* (!!) a voulu que ces *idées*, que cette *morale plus pure* se repandissent en France où *ces idées* sont moins connues» (!!).

Читатель замѣтитъ, въ какую странную связь г-жа Крюднеръ уже съ этой поры вообще ставитъ «небо» и «провидѣніе» съ своими фантазіями и съ своимъ шарлатанствомъ...

Какія же были эти идеи, мало извѣстныя Франціи, которыя г-жа Крюднеръ проповѣдывала ей въ своемъ романѣ?

Мы сказали прежде, что «Валерія» отчасти основана была на дѣйствительномъ событіи. Это была та страсть, которую г-жа Крюднеръ возбудила въ первые годы замужества въ скромномъ молодомъ человѣкѣ, секретарѣ посольства; мы упоминали, что онъ скрывалъ свою любовь до послѣдней возможности, наконецъ, покинулъ домъ Крюднера, гдѣ былъ дружески принятъ, и въ заключеніе открылъ свои чувства—мужу. Въ романѣ повторены всѣ эти существенныя черты, и кромѣ того много другихъ подробностей. Героиня романа должна, конечно, представлять самого автора, и послѣ того, что мы говорили о степени скромности, съ какой г-жа Крюднеръ пропагандировала свой романъ, естественно ожидать, что самое изображеніе героини представитъ не меньшую степень этой скромности.

«Валерія»—поразительная, небесная женщина, чистая до того, что будучи замужемъ и приготовляясь имѣть ребенка, она совершенно не понимаетъ бурной страсти молодого Гюстава, который изнываетъ у нея на глазахъ - неизвѣстно сколько времени, но, повидимому, года два. Развитіе этой страсти и составляетъ, въ сущности, содержаніе романа. Развязка—придуманная: герой, покинувши красавицу, умираетъ отъ любви, и она только тогда узнаетъ о томъ, что была причиной его смерти. Дѣйствіе происходитъ въ Венеціи и обстановка, безъ сомнѣнія, та самая, въ какой жила здѣсь сама г-жа Крюднеръ. «Мѣстный колоритъ» сохраненъ до того, что Валерія также танцуетъ упомянутый «танецъ съ шалью», который описывается какъ нѣчто безпримѣрно прелестное. Замѣтимъ, что г-жа Крюднеръ нисколько не молчала объ автобіографическомъ значеніи своего романа.

Г-жѣ Крюднеръ казалось, и она говорила другимъ, что своимъ романомъ она распространяетъ во Франціи идеи, мало тамъ извѣстныя. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ французскихъ друзей она говоритъ такимъ образомъ: «то, что есть хорошаго въ *Валеріи*, принадлежитъ религіознымъ чувствамъ, которыя дало мнѣ *небо* и которымъ оно хотѣло покровительствовать, внушая любовь къ этимъ чувствамъ». Она проводитъ параллель между «Валеріей» и «Дельфиной» (другими словами—между собою и г-жею Сталь) и находитъ, что мораль ея романа выше и лучше. По успѣху «Валеріи» она видитъ, что «благочестіе, любовь чистая и преодолѣваемая, трогательныя привязанности и все, что относится къ деликатности чувства и добродѣтели, производитъ во Франціи больше впечатлѣнія, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ» и т. п. Однимъ словомъ, г-жа Крюднеръ желала поучать, давать людямъ уроки. Автобіографически, какъ мы видѣли, это не совсѣмъ ей подходило.

Роль моралиста слишкомъ скоро смѣнила у нея другую, прежнюю роль, и перечитывая романъ теперь, нельзя, кажется, не замѣтить скорости этого перехода. «Валерія» не разъ вызывала одобрительные отзывы критиковъ, не только въ прежнія, но и въ новѣйшія времена. Въ ней дѣйствительно надо признать извѣстный талантъ; романъ написанъ легко и свободно, но искать въ немъ какой-нибудь глубины было бы странно. «Валерію» сравнивали съ «Вертеромъ», напр., Сенъ-Бёвъ; но

сравненіе едва ли умѣстно даже по степени самостоятельности. «Валерія» съ одной стороны навѣяна сантиментальными вліяніями времени, которыя давали уже готовое выраженіе для тѣхъ «идей», какія хотѣла проповѣдывать писательница, съ другой стороны личные элементы, внесенные въ романъ, способны развѣ отталкивать, а не привлекать читателя. Г-жа Крюднеръ относилась къ *Валеріи* такимъ же способомъ, какимъ относилась къ *Сидоніи*: тотъ же червь самолюбія грызъ ее и здѣсь, и мы думаемъ, что «благочестіе, религіозныя чувства», которыя г-жа Крюднеръ восхваляетъ какъ достоинство своего произведенія, отчасти придуманы послѣ, а въ замѣнъ того въ процессѣ творчества носились скорѣе другія стремленія ея характера. Однимъ изъ такихъ стремленій было нарисовать портретъ очаровательной Валеріи, къ которой г-жа Крюднеръ чувствовала нѣжнѣйшую любовь: ma *chérissime* Valérie, называетъ она ее въ письмахъ къ своимъ друзьямъ,—въ ней она видѣла самое себя. Далѣе, эта Валерія—нѣжное, чистое, незлобивое, граціозное существо—способна была возбуждать самыя нѣжно-волканическія страсти. Изображеніе этой страсти, сначала тихой и возникающей, потомъ бушующей въ сердцѣ чувствительнаго Гюстава, и умирающей только вмѣстѣ съ нимъ, составляетъ всю сущность романа: Гюставъ, конечно, обнаруживаетъ «добродѣтель», но эта добродѣтель есть вмѣстѣ съ тѣмъ любовное жертвоприношеніе самого себя въ честь этой Валеріи,—правда прискорбное, но все-таки лестное для героини. Романъ идетъ въ письмахъ, почти исключительно адресуемыхъ Гюставомъ своему другу; и этотъ дневникъ представляетъ, въ сущности, длинную исторію любовнаго изныванія, о которой мудрено сказать, чтобы она была написана съ цѣлями «благочестія».

Разсказываютъ, что когда однажды г-жа Крюднеръ говорила о «Валеріи», какъ эпизодѣ ея собственной жизни, ей возразили, что однако обожатель ея, сколько извѣстно, еще вовсе не умиралъ.—«Тѣмъ хуже для него»,—отвѣчала она. Это была, конечно, шутка, но изъ-за нея проглядываетъ какъ будто настоящая досада, что обожатель ея такъ противорѣчилъ «Валеріи».

III.

Обращеніе.

Насладившись до-сыта блестящимъ успѣхомъ «Валеріи», достигнутымъ какъ выше разсказано, г-жа Крюднеръ отправилась

въ 1804 году въ Лифляндію; ей хотѣлось видѣться съ матерью и раздѣлить съ ней удовольствіе своей знаменитости. Но дома она уже скоро стала скучать; мѣстное общество не удовлетворяло ея;—«она напрасно старалась избѣжать скуки чтеніемъ и занятіями,—разсказываетъ біографъ;—вліяніе климата, отсутствіе соревнованія и недостатокъ симпатіи парализировали ее». Другими словами, ея новые вкусы были здѣсь неизвѣстны, литературой занимались гораздо меньше, чѣмъ въ ея парижскомъ кружкѣ, и тщеславію не представлялось никакой сцены.

Между тѣмъ, въ ней готовилась перемѣна, которая рѣзко отдѣляетъ ея послѣдующую жизнь отъ прежней и выводитъ ее опять на совершенно новую дорогу. Біографъ съ особенной католической onction говоритъ объ ея обращеніи и о томъ полномъ переворотѣ, который оно произвело во всей жизни и характерѣ г-жи Крюднеръ. Мы видѣли, что она и прежде любила говорить о «небѣ» и «провидѣніи»; которые, по ея мнѣнію, принимали объ ней и объ ея свѣтскихъ успѣхахъ такое близкое участіе. Біографъ вѣрно указываетъ это состояніе нравственно-религіозныхъ понятій г-жи Крюднеръ: «Она пытается иногда возвыситься къ Богу, но скорѣе по внушеніямъ гордости, чѣмъ смиренія. Она пробуетъ замѣнить легкомысленныя удовольствія свѣта наслажденіями души,—но только потому, что разочарованная и упавшая въ своихъ собственныхъ глазахъ, она надѣется въ этой перемѣнѣ найти больше счастія и больше достоинства. Словомъ, свѣтское тщеславіе, литературные успѣхи, опьянѣніе страстей, религіозная экзальтація были для нея только разными формами единственнаго культа, которому она посвящала всѣ свои способности и въ которомъ она была въ одно и то же время храмомъ, поклонникомъ и идоломъ». Но теперь,—говоритъ біографъ,—все это перемѣнилось: благодать внезапно осѣнила г-жу Крюднеръ, и она нравственно возродилась; ея религіозность стала теперь истинной вѣрой, и жизнь ея стала постояннымъ стремленіемъ къ христіанской добродѣтели. Эта перемѣна была настоящимъ, полнымъ обращеніемъ и назидательнымъ примѣромъ божественнаго милосердія.

Мы не будемъ предупреждать фактовъ своими заключеніями, но считаемъ не лишнимъ сдѣлать замѣчаніе, которое, по нашему мнѣнію, совершенно подтверждается дальнѣйшими дѣяніями г-жи Крюднеръ. Не споря вообще противъ возможности

такого обращенія, какимъ біографъ считаетъ обращеніе г-жи Крюднеръ, мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ оно не было такъ полно и рѣшительно; что напротивъ, дальнѣйшая исторія г-жи Крюднеръ была въ значительной степени просто продолженіемъ той формы ея религіозности, какую біографъ характеризуетъ въ приведенныхъ выше словахъ. Въ г-жѣ Крюднеръ слишкомъ развито было личное тщеславіе, которымъ она обманывала нерѣдко и сама себя, она слишкомъ любила рисоваться и привыкла къ аффектаціи и самохвальной выставкѣ,—чтобы эти свойства ея характера не высказались и въ новомъ направленіи ея суетливой жизни. Факты, сообщаемые тѣмъ же біографомъ, будутъ говорить сами, и намъ кажется, они представятъ ту же двойственность, какую представляетъ ея жизнь и до сихъ поръ. Несправедливо было бы сказать, чтобы ея новая религіозность была однимъ чистымъ лицемѣріемъ. Что извѣстная доза лицемѣрія въ той или другой формѣ здѣсь была, это едва-ли сомнительно; но г-жа Крюднеръ тѣмъ и отличалась, что увлекалась и сама тѣми положеніями, какія она сама устраивала, восторгалась фразами, которыя говорила. Въ минуту полнаго энтузіазма, когда человѣкъ, повидимому, не можетъ думать о постороннемъ и весь уходитъ въ настроеніе минуты, она способна была думать объ эффектѣ; приготовивъ роль, могла войти въ нее до такой степени, что увлекалась сама, и тогда въ состояніи была дѣйствовать на другихъ. Роль, отнынѣ принятая ею на себя, была такова, что для нея требовалась постоянная экзальтація, и подъ конецъ, отъ долгой практики, эта экзальтація стала ея природой. Такъ, поддѣлавши, какъ фальшивую монету, успѣхъ своей «Валеріи», она потомъ сама искренно воображала, что этотъ успѣхъ былъ *весь* настоящій, и хвалилась имъ даже передъ тѣми, кто могъ знать его исторію. Точно также она думала, что *вся* ея религіозность была чистая и возвышенная.

Г-жа Крюднеръ уже довольно давно, когда начинала входить въ лѣта, стала принимать то настроеніе, въ которомъ «обращеніе» становилось возможнымъ. Ей казалось, что уже въ «Валеріи» она только проповѣдуетъ религіозныя чувства и чистую мораль. Ей было уже за сорокъ лѣтъ, и наклонность поучать людей высшимъ истинамъ была уже предисловіемъ къ дальнѣйшей ея «миссіи». Когда дорога была проложена, нуженъ былъ только поводъ, особенный случай, чтобы это дорога была выбрана окончательно.

По разсказу біографа, этимъ поводомъ былъ слѣдующій случай. Однажды она смотрѣла въ окно и увидѣла одного изъ своихъ знакомыхъ, который шелъ мимо: онъ поклонился ей, потомъ зашатался и упалъ, пораженный апоплексіей у нея на глазахъ. Его подняли уже мертваго. «Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ ея раздражающее кокетство (sa coquetterie agaçante) отличало въ толпѣ ея обожателей».

Она была поражена этимъ случаемъ до страшнаго нервнаго разстройства. Ее преслѣдовалъ страхъ внезапной смерти и осужденія. Нѣсколько недѣль она была серьезно больна и впала въ меланхолію, изъ которой и вышла потомъ на путь религіозной экзальтаціи. Первое вліяніе въ этомъ смыслѣ произвелъ на нее одинъ рижскій башмачникъ. Когда онъ снималъ однажды у нея мѣрку, она была удивлена спокойнымъ и веселымъ выраженіемъ его лица; это такъ противорѣчило ея собственному настроенію, что она спросила его—счастливъ ли онъ?—«О, счастливѣйшій изъ людей»,—отвѣчалъ тотъ. Отвѣтъ поразилъ ее, и на другой день она отправилась разыскивать его, чтобы узнать причину его счастья. Оказалось, что башмачникъ принадлежалъ къ общинѣ моравскихъ братьевъ: онъ изложилъ г-жѣ Крюднеръ свою простую вѣру, и говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ о божественномъ милосердіи, что произвелъ на нее чрезвычайное впечатлѣніе, подѣйствовавшее тѣмъ сильнѣе, что въ словахъ геррнгутера мягкая, спокойная и любящая сторона религіи успокаивала и удаляла тотъ страхъ, подъ вліяніемъ котораго она до сихъ поръ оставалась.

Такъ разсказываютъ ея первыя впечатлѣнія, содѣйствовавшія ея обращенію. Она познакомилась потомъ и съ другими геррнгутерами, которыхъ не мало было въ Ригѣ; всѣ они удивляли ее этимъ внутреннимъ удовлетвореніемъ, какое доставляла имъ непоколебимая вѣра. Она уже скоро переняла это чувство, ей казалось, что сама она точно также избавляется отъ всѣхъ своихъ тревогъ, обращаясь къ своимъ религіознымъ созерцаніямъ и молитвѣ. Уже на первыхъ порахъ можно видѣть, какъ ея прежнія представленія о Провидѣніи, обращающемъ на нее свои особенныя заботы, развиваются въ полный мистицизмъ, отличавшій ее впослѣдствіи,—въ это странное, фамильярное отношеніе къ Богу. На первыхъ же порахъ она бросается въ прозелитизмъ, хочетъ обращать своихъ друзей и знакомыхъ, руководить ихъ на путяхъ къ блаженству, и немедленно извѣщаетъ г-жу Арманъ:

«Chère Armand, vous n'avez pas d'idée du bonheur que me donne cette religion sainte et sublime: je vais comme un enfant m'éclairer, me consoler, me réjouir, me confier dans ce Sauveur bienfaisant. Quand j'ai des embarras, je le prie et il les dissipe; quand je suis mal jugée, je vais à lui, je pense comme il a souffert et il me console», и проч.

Это *ce Sauveur* даетъ читателю понятіе о томъ, въ какое отношеніе она къ нему становилась.

«Oh, mon amie! — писала она къ той же г-жѣ Арманъ, — si les hommes savaient quel bonheur on goûte dans la religion, comme ils fuiraient les soucis et les travaux que leur cause la recherche des *biens funestes*!»

Мы увидимъ дальше, какъ она относилась къ этимъ «злополучнымъ благамъ».

Въ 1806 г. доктора послали ее въ Висбаденъ. Это было начало ея новой страннической жизни, которая на этотъ разъ посвящена была цѣлямъ религіознаго совершенствованія, а затѣмъ и пропаганды. Въ Кенигсбергѣ она нашла прусскую королеву, знаменитую Луизу:—г-жа Крюднеръ была извѣстна ей еще съ Берлина, но въ то время мало понравилась королевѣ,— за то теперь г-жа Крюднеръ, въ своемъ благочестиво-филантропическомъ настроеніи, возбудила въ ней большую симпатію. Онѣ вмѣстѣ заботились о жертвахъ войны и посѣщали госпитали. Затѣмъ она посѣтила въ Саксоніи поселенія моравскихъ братьевъ, Клейнъ-Велькъ, Геррнгутъ, Бетельсдорфъ; завязала много благочестивыхъ знакомствъ, поучалась сама и наставляла на истинный путь другихъ.

Но въ особенности ей хотѣлось теперь познакомиться съ Юнгомъ-Штиллингомъ. Это былъ тогда первый авторитетъ въ мистической религіи, и г-жа Крюднеръ должна была учиться у него, чтобы довершить свое новое воспитаніе. Юнгъ-Штиллингъ, въ то время 68-лѣтній старикъ, жилъ въ Карлсруэ; его извѣстность въ качествѣ счастливаго глазного врача и въ качествѣ теософа привлекала къ нему множество посѣтителей; г-жа Крюднеръ была имъ очарована и, чтобы вполнѣ воспользоваться его мистической опытностью, поселилась въ средѣ его семейства. Это было около 1808 г. Въ Карлсруэ вмѣстѣ съ тѣмъ она представилась ко двору маркграфини баденской, матери императрицы Елизаветы Алексѣевны; здѣсь встрѣтилась она также съ королевой Гортензіей и вообще продолжала связи

съ высшей аристократіей, въ средѣ которой она являлась теперь уже въ новой роли: ею интересовались какъ авторомъ «Валеріи», но рядомъ съ тѣмъ она заявляла и свои новѣйшія религіозно-филантропическія тенденціи. Изъ Карлсруэ она отправилась въ Вюртембергъ, но пребываніе ея здѣсь соединялось съ нѣкоторыми неудобствами: вюртембергская полиція уже въ это время подозрительно смотрѣла на ея дѣятельныя сношенія съ моравскими братьями и иными ея друзьями: ея письма читали на почтѣ, даже останавливали и жгли ихъ.

Съ перваго знакомства г-жи Крюднеръ съ моравскими братьями, но особенно съ ея пребыванія въ домѣ Юнга-Штиллинга, она входитъ въ особый кругъ понятій и людей, которые въ большей мѣрѣ опредѣлили ея дальнѣйшій образъ мыслей и образъ дѣйствій. Этотъ новый міръ былъ міръ мистическаго піэтизма. Намъ уже не разъ случалось говорить о немъ; здѣсь мы укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ эту новую его сторону, возымѣвшую несомнѣнное вліяніе на исторію г-жи Крюднеръ.

Одной изъ характеристическихъ личностей былъ здѣсь Юнгъ-Штиллингъ.

Уроженецъ Вестфаліи, сынъ бѣднаго деревенскаго портного, Юнгъ-Штиллингъ (1740—1817) былъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей религіознаго народнаго движенія въ Германіи. Его родина и сосѣднія земли были мѣстомъ особеннаго религіознаго возбужденія, распространявшагося здѣсь въ самыхъ низшихъ классахъ народа. Въ своей автобіографіи и въ своемъ полу-историческомъ романѣ «Теобальдъ мечтатель»,—и то и другое было въ свое время переведено на русскій языкъ [1]),—Штиллингъ самъ даетъ чрезвычайно оригинальную картину жизни, среди которой онъ выросъ и впослѣдствіи дѣйствовалъ. Піэтизмъ владѣлъ цѣлыми массами народа: здѣсь шла проповѣдь о возстановленіи чистаго христіанства; народные проповѣдники призывали своихъ слушателей строить новый Іерусалимъ и основывать тысячелѣтнее царство; крайне экзальтированный піэтизмъ, доходившій до вдохновеній и пророчествъ, смѣшивался съ суевѣріемъ, тайными знаніями и всякимъ шарлатанствомъ. Вдохновенные и пророки, расходясь съ «порядкомъ» и предер-

---

[1]) «Жизнь Генриха Штиллинга, истинная повѣсть», пер. съ нѣм., 2 части. Спб. 1816; «Ѳеобальдъ или мечтатели, истинная повѣсть Генриха Штиллинга» (перев. Ѳ. Лубяновскаго). 4 части. М. 1819.

жащими властями, навлекали на себя преслѣдованія, но встрѣчали и ревностно преданныхъ приверженцевъ, а также и покровителей. Ихъ убѣжищемъ сталъ Берлебургъ, откуда вышла извѣстная берлебургская библія, истолкованная въ мистическомъ смыслѣ и имѣвшая сильное дѣйствіе. Штиллингъ росъ среди вліяній этого движенія, зналъ его преданія и извѣстныя имена и въ самой семьѣ окруженъ былъ стихіей религіозной и мистической мечтательности: его дядя искалъ квадратуры круга, одинъ дѣдъ имѣлъ видѣнія, другой былъ алхимистъ, отецъ водился съ благочестивыми людьми и съ приверженцами Якова Бёма и Парацельза. Молодость Юнга-Штиллинга прошла въ борьбѣ съ нуждой и въ постоянно усиливавшемся піэтизмѣ. Неясныя стремленія не давали ему покою; онъ дѣлался школьнымъ и домашнимъ учителемъ, возвращался опять къ ремеслу отца, бросалъ его и снова пускался странствовать: ему казалось, что ему предстоитъ иное, болѣе высокое поприще. Имъ овладѣла меланхолія. Однажды на прогулкѣ ему показалось, что какая-то неизвѣстная сила охватила вдругъ его душу,— онъ былъ весь потрясенъ этой силой и почувствовалъ съ тѣхъ поръ неодолимое влеченіе жить и умереть для славы божіей и для любви къ ближнимъ. Онъ заключилъ съ Богомъ тѣсный союзъ, рѣшился вполнѣ предоставить себя божественному водительству и дѣлать только то, что будетъ непосредственно указывать ему Провидѣніе. Съ тѣхъ поръ онъ понимаетъ свою жизнь не иначе, какъ исполненіе такихъ божественныхъ указаній: всѣ приключенія своей жизни, а ихъ было не мало, онъ считаетъ прямымъ дѣломъ Провидѣнія. Внѣшняя его біографія была та, что онъ, почти уже тридцати лѣтъ, поступилъ въ университетъ въ Страсбургѣ, гдѣ встрѣтился съ Гете, который побудилъ его написать свою автобіографію, а впослѣдствіи и напечаталъ ее; потомъ Штиллингъ занялся медициной, хотя не совсѣмъ удачно, наконецъ, дѣятельнымъ образомъ выступилъ на литературное поприще съ назидательными книгами и романами, имѣвшими большой успѣхъ, который произвела его особенная мечтательная поэзія въ публикѣ, настроенной въ томъ же піэтистическомъ духѣ. Онъ написалъ также нѣсколько книгъ по сельскому хозяйству, лѣсоводству и т. п., которыя доставили ему профессуру камеральныхъ наукъ. Французская революція произвела на него самое тяжелое впечатлѣніе; онъ рѣшился всѣми силами противодѣйствовать невѣрію и проповѣдывать о Богѣ.

Его сочиненія за этотъ періодъ времени, особенно ярко высказывавшія его идеи («das Heimweh» 1794 и «Schlüssel» къ нему 1797; «der graue Mann» 1795—1816, переведенная у насъ потомъ Лабзинымъ подъ названіемъ «Угроза Свѣтовостокова»; «Scenen aus dem Geisterreiche» 1797), произвели большое впечатлѣніе и сдѣлали имя Штиллинга въ высшей степени популярнымъ въ кругахъ мистическаго и благочестиво-консервативнаго характера, отъ высшихъ и до низшихъ слоевъ общества. Въ 1803 году, герцогъ баденскій сдѣлалъ Штиллинга своимъ гофратомъ и призвалъ его въ Гейдельбергъ, чтобы онъ только продолжалъ свою борьбу противъ революціонныхъ идей; въ 1806 году, герцогъ призвалъ его въ Карлсруэ и оказывалъ ему самое дружеское расположеніе и покровительство. Штиллингъ сталъ важнымъ лицомъ, какъ защитникъ алтарей и престоловъ. Сочиненія его противъ революціоннаго духа принимали, чѣмъ дальше, тѣмъ больше характеръ пророчествъ и духовидѣній, и къ тому времени, когда познакомилась съ нимъ г-жа Крюднеръ, эта новая точка зрѣнія въ немъ созрѣла совершенно: къ 1808 г. относится его «Theorie der Geisterkunde».

Штиллингу не были неизвѣстны возраженія раціоналистовъ и скептиковъ, противъ которыхъ онъ уже издавна полемизировалъ; ему хотѣлось занять середину между крайностями вестфальскаго піэтизма и сомнѣніями раціоналистовъ, но природа и воспитаніе не дали ему занять этой середины. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе развивалась у него фантастическая сторона его религіи. Онъ уже давно привыкъ считать, что каждый шагъ своей жизни онъ дѣлаетъ по чудеснымъ указаніямъ Провидѣнія: сила молитвы помогаетъ ему во всякой нуждѣ; въ каждомъ неожиданномъ поворотѣ своей судьбы, удачномъ или неудачномъ, онъ видитъ волю Промысла наградить или наказать его. Онъ стоитъ въ личныхъ сношеніяхъ съ Богомъ и чувствуетъ личную привязанность ко Христу; «Штиллингъ, — говоритъ Гервинусъ, — положительно ставилъ своего Бога на пробу относительно того положенія, что ни одинъ волосъ безъ его воли не можетъ погибнуть, и онъ выдерживаетъ пробу во множествѣ самыхъ удивительныхъ случаевъ». Понятно, къ какимъ насиліямъ надъ здравымъ смысломъ вело подобное понятіе о Провидѣніи, которое, такимъ образомъ, замѣшивалось во всякія мелочи обыденной жизни и которому навязывались и ея счастливыя случайности и всякія послѣдствія собственныхъ ошибокъ и легкомыслія. При этомъ надо

было, конечно, совершенно не видѣть дѣйствительной жизни и блуждать въ фантастическихъ объясненіяхъ того, что объяснялось самымъ простымъ образомъ.

Къ этимъ взглядамъ легко примыкала и всякая иная фантастика. Довольно замѣтить нѣкоторыя черты ея, какія мы встрѣтимъ и въ его послѣдователяхъ. Таковы были его понятія о сношеніяхъ съ духами въ его «Theorie der Geisterkunde», гдѣ онъ съ мнимо-научными объясненіями проповѣдуетъ тѣ самыя фантастическія представленія, которыя ставили эту мистическую литературу Штиллинговъ, Лафатеровъ, Сенъ-Мартеновъ и т. д. на одинъ уровень съ простымъ народнымъ суевѣріемъ—ихъ различала только форма выраженія, болѣе литературная и приглаженная на одной сторонѣ и болѣе грубая и нескладная съ другой. И дѣйствительно, суевѣріе образованнаго класса, который учился теперь у Штиллинга, начало восторгаться проявленіями простонароднаго невѣжественнаго предразсудка.

Наконецъ, Штиллингъ, вслѣдствіе своихъ непосредственныхъ связей съ божествомъ и вѣря въ дѣйствіе и внушенія духовъ, сталъ говорить пророческимъ тономъ и предсказывать второе пришествіе. По общему вкусу мистическихъ піэтистовъ, онъ съ особеннымъ пристрастіемъ останавливался въ Библіи на таинственномъ, туманно-поразительномъ и пророческомъ. Онъ написалъ свои толкованія на Апокалипсисъ [1])—въ «Побѣдной повѣсти»—и предсказывалъ о близкомъ пришествіи «тысячелѣтняго царства», прореченнаго въ Апокалипсисѣ, поддерживая мнѣніе нѣмецкаго теолога XVIII-го столѣтія, Бенгеля, который назначалъ и самый годъ (1836), когда должно было совершиться это великое событіе. Замѣтимъ здѣсь кстати, что это ожиданіе тысячелѣтняго царства и второго пришествія (такъ называемый *хиліазмъ*), весьма распространенное въ первые вѣка христіанства, и потомъ имѣвшее нерѣдко своихъ приверженцевъ, съ особенной силой возродилось опять во времена реформаціи. Хиліасты были между чешскими гусситами; въ нѣмецкой реформаціи знаменитъ хиліастъ Ѳома Мюнцеръ; затѣмъ въ XVII-мъ и XVIII-мъ стол. вѣра въ близкое тысячелѣтнее царство одушевляла нѣмецкихъ піэтистовъ, «вдохновенныхъ» и «пробужден-

[1]) По свидѣтельству г. Сушкова, эти толкованія, въ нѣкоторыхъ частяхъ, находилъ замѣчательными и митрополитъ московскій Филаретъ, какъ въ прежнюю, такъ и въ позднѣйшую пору своей жизни.

ныхъ», которые пробовали даже основать Новый Іерусалимъ. Для Юнга-Штиллинга, хотя онъ и желалъ отнестись критически къ вестфальскому народному піэтизму, вѣра въ близость тысячелѣтняго царства осталась догматомъ: эта вѣра увлекла вскорѣ и народныя массы въ южной Германіи и подвергла страшнымъ бѣдствіямъ цѣлыя тысячи людей, отправившихся искать этого царства на горѣ Араратѣ.

Возвратимся къ г-жѣ Крюднеръ. Біографъ ея разсказываетъ, что въ то время, когда она поселилась въ Карлсруэ, ея благочестіе было простое, ясное и дѣятельное, т. е. практическое и свободное отъ мистики, но что потомъ—«она полюбила и поняла многія изъ тѣхъ особенныхъ идей, которыя были предметомъ ея разговоровъ съ Юнгомъ-Штиллингомъ. Она предчувствовала ихъ, и явилась въ Карлсруэ только за тѣмъ, чтобы познакомиться съ ученіями этого спиритуализма, привлекательнаго тѣмъ болѣе, что онъ отвѣчаетъ нашей чувствительности и нашему желанію проникнуть въ тайны божественной любви. Юнгъ-Штиллингъ открылъ ей перспективу небесныхъ горизонтовъ (sic) и простеръ передъ ея глазами область безконечнаго, говоря ей объ отношеніяхъ этого міра съ невидимымъ твореніемъ». Другими словами, онъ преподалъ ей свои идеи духовидѣнія, предвѣщанія о второмъ пришествіи и т. п.; она перенимала все это очень успѣшно и вскорѣ сама начала прилагать къ дѣлу.

Въ этихъ сношеніяхъ съ Юнгомъ-Штиллингомъ, безпокойныя стремленія г-жи Крюднеръ принимаютъ тотъ сомнительный и странный характеръ самозваннаго посланничества и предвѣщательства, какой отличаетъ всю ея остальную жизнь. Біографъ ея не находитъ здѣсь, впрочемъ, ничего сомнительнаго, и даже беретъ мистику, или по французскому выраженію «иллюминизмъ», подъ свою защиту; видитъ въ немъ высшую, не многимъ доступную, степень благочестія, возстаетъ только противъ «злоупотребленій и крайностей» иллюминизма, противъ людей, которые пользовались иллюминизмомъ для удовлетворенія «грязнаго честолюбія или святотатственнаго самолюбія», и (исключивъ нѣкоторыя частныя слабости) отдаетъ великое уваженіе Сведенборгу, Юнгу-Штиллингу, Сенъ-Мартену. Дѣйствительно, была разница между этими мечтателями и наглыми шарлатанами, которые одѣвались въ ихъ костюмъ; — но если мы предоставимъ имъ полную свободу убѣжденія, составляющаго дѣло личной совѣсти, и признаемъ ихъ искренность, едва ли можно

считать ее достаточнымъ оправданіемъ ихъ общественной роли: какъ скоро они вмѣшиваются въ общественную жизнь и вдаются въ пропаганду,—они отвѣчаютъ за ея содержаніе и тенденціи. Въ этомъ смыслѣ Юнгъ-Штиллингъ и его школа не находятъ себѣ оправданія. Въ виду скептическихъ противниковъ, Юнгъ-Штиллингъ чувствовалъ, что его мистическая профессія нуждается въ защитѣ и оправданіи, и защищалъ ее такимъ образомъ: «Почему,—спрашиваетъ онъ,—вы считаете великимъ геніемъ человѣка, душа котораго блуждаетъ въ области фантазіи и поэтизируетъ? Вы этого не порицаете; но за то, если человѣкъ съ богатой фантазіей считаетъ достойнымъ предметомъ религію и имѣетъ объ ней *романическія понятія*, вы хотите изгнать его?»—«И конечно справедливо,—замѣчаетъ на это Гервинусъ;—потому что одинъ, въ самомъ обыкновенномъ случаѣ, есть фантастъ на свой страхъ, а другой есть мечтатель, который собираетъ и фанатизируетъ толпу, и переноситъ фантазію въ такія отношенія и въ среду людей, гдѣ ей нѣтъ мѣста. Вестфальскіе піэтисты, послѣдователи Гохманна, утверждали, что скоро будетъ страшный судъ, и что они знаютъ вѣрный доступъ въ городъ свободы,—и еслибы мы, вслѣдъ за Юнгомъ, стали считать эту мономанію за самую сладкую мечтательность, это значило бы слишкомъ далеко простирать чувства поэзіи». А здѣсь, въ дѣятельности Штиллинга, и особенно въ дѣятельности г-жи Крюднеръ, это самое и происходило,—какъ ниже увидимъ. Она также принималась пророчествовать, возбуждать массы; быть можетъ, она не разумѣла, что творитъ,—но это еще хуже, потому что она имѣла бы возможность уразумѣть.

Кромѣ Штиллинга, г-жа Крюднеръ вообще нашла въ южной Германіи цѣлое гнѣздо мистицизма, куда она и примкнула. Она познакомилась здѣсь съ извѣстнымъ въ свое время пасторомъ Оберлиномъ. Одинъ изъ первыхъ на континентѣ и ревностнѣйшихъ приверженцевъ открывшагося незадолго передъ тѣмъ британскаго Библейскаго Общества, Оберлинъ усердно распространялъ Библію и отличался, какъ говорятъ, искренней, глубокой религіозностью, любовью къ людямъ, и свой мистицизмъ соединялъ съ дѣятельной практической филантропіей. Но въ то же время г-жа Крюднеръ тѣсно сблизилась съ другимъ человѣкомъ, пасторомъ Фонтэнемъ, который имѣлъ большую репутацію въ піэтистическихъ кругахъ, и которому даже приписывали одно чудо. На самомъ дѣлѣ это былъ просто пошлый шарлатанъ, для кото-

раго репутація святости, пріятная сама по себѣ, доставляла еще средство для выгодныхъ спекуляцій. Фонтэнъ около этого времени познакомился съ экстатической поселянкой, которая показалась ему весьма пригодной для эксплуатаціи легковѣрія. Эта женщина, уже немолодая и очень ограниченная, по имени Марія Куммринъ, приходила по временамъ въ экстатическое состояніе, въ которомъ говорила съ духами и ангелами и получала ихъ пророческія приказанія. Сближеніе г-жи Крюднеръ съ Фонтэнемъ біографъ ея разсказываетъ такимъ образомъ. Она слышала о Фонтэнѣ и желала съ нимъ познакомиться; съ другой стороны, Марія Куммринъ объявляла въ своихъ откровеніяхъ о скоромъ прибытіи г-жи Крюднеръ и о великомъ дѣлѣ, которое предстоитъ ей совершить. Когда г-жа Крюднеръ дѣйствительно прибыла въ ту мѣстность, гдѣ жилъ пасторъ, Фонтэнъ встрѣтилъ ее мистическимъ текстомъ; услышавъ о предсказаніяхъ Куммринъ, г-жа Крюднеръ была поражена ими: предвѣщательница казалась такой простой женщиной, и Фонтэнъ—человѣкомъ, неспособнымъ къ хитрости. Эта проба духовидѣнія,—о которомъ она столько наслышалась отъ Штиллинга и Оберлина,—положила начало ея новой карьерѣ. По увѣренію біографа, г-жа Крюднеръ, увлекаясь предсказаніями Маріи Куммринъ, не имѣла никакой мысли о личномъ возвышеніи, но не могла-де отказаться отъ содѣйствія исполненію великихъ намѣреній Бога: правда, она, какъ женщина съ умомъ и опытнымъ свѣтскимъ взглядомъ, скоро замѣтила въ Фонтэнѣ недостатки, не совсѣмъ отвѣчающіе его христіанско-проповѣднической роли, но она «боялась отвергнуть повелѣнія Бога, отвергая того, кто ей передавалъ ихъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что Фонтэнъ намуштровалъ Марію Куммринъ должнымъ образомъ, и если г-жа Крюднеръ позволила грубо обмануть себя, то, кажется, этому содѣйствовали именно наклонности ея крайняго и жалкаго самолюбія, присутствіе которыхъ біографъ здѣсь отвергаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, обманъ былъ слишкомъ грубый, но онъ могъ очень льстить ея тщеславію. Марія Куммринъ на первыхъ же порахъ предвѣщала ей высокое призваніе въ царствѣ Божіемъ и указывала именно на этого Фонтэна, какъ на апостола, назначеннаго трудиться съ ней для обращенія міра. Роль была такъ возвышенна, что г-жѣ Крюднеръ не хотѣлось отказаться отъ нея, а усумниться въ предвѣщаніи—значило лишить самое себя слишкомъ эффект-

наго пролога при вступленіи на сцену. Быть можетъ, мы ошибаемся, объясняя такимъ образомъ ея роль въ этомъ дѣлѣ; но по крайней мѣрѣ она долго и потомъ приписывала Фонтэню и Куммринъ сверхъ-естественные дары, когда уже всѣ нѣсколько разсудительные люди стали считать обоихъ просто наглыми обманщиками.

Послѣ сказаннаго читатель ясно представитъ себѣ, на какой степени находилось обращеніе г-жи Крюднеръ, когда она писала той же свой пріятельницѣ, г-жѣ Арманъ, послѣ предвѣщанія Куммринъ (въ іюнѣ 1808):

«Милый другъ, самый блаженный изъ опытовъ заставляетъ меня сказать, что я—счастливѣйшее изъ созданій. Я только на словахъ могу пересказать вамъ все, что я испытывала; въ ожиданіи этого, я молюсь за васъ и думаю, что вы также станете блаженны на этой землѣ. Милый другъ, подумайте, что я испытала *въ настоящемъ смыслѣ слова чудеса;* что я была посвящена въ *глубочайшія тайны вѣчности*, и что я могла бы сказать вамъ многое о будущемъ блаженствѣ; нѣтъ, вы не имѣете понятія о счастіи, ожидающемъ всѣхъ тѣхъ, кто отдается вполнѣ Іисусу Христу. Будьте постоянны, приходите къ нему каждый день... Ахъ, если бы вы знали, какъ *онъ насъ любитъ. Времена приходятъ,* и *величайшія бѣдствія* будутъ тяготѣть надъ землей; не бойтесь ничего; оставайтесь вѣрны ему. Онъ *соберетъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ*; послѣ того *настанетъ его царство.* Онъ придетъ *самъ царствовать тысячу лѣтъ* на землѣ. Отдайтесь ему и просите только вѣры и любви къ нему и къ его небесному Отцу. Поклоняйтесь Отцу и просите у него его святого Духа» и т. п.

Ревность такъ овладѣла ею, что она отправилась въ Швейцарію лично обращать свою пріятельницу,—эта послѣдняя была такой усердной наперсницей ея съ давнихъ поръ, что, конечно, обратилась. Въ Женевѣ г-жа Крюднеръ открыла цѣлый кругъ людей, сочувствовавшихъ ея воззрѣніямъ. Она встрѣтилась опять и съ г-жей Сталь; и здѣсь опять мы видимъ ту постороннюю черту, которая, повидимому, вовсе несовмѣстна съ энтузіастическимъ увлеченіемъ и, однако, постоянно, и теперь, и послѣ, сопровождаетъ религіозную экзальтацію г-жи Крюднеръ. При встрѣчѣ съ г-жей Сталь,—разсказываетъ біографъ,—«она говорила ей о своемъ счастьѣ, о своемъ спокойствіи, о радостяхъ молитвы; разсказывала свою жизнь, но *не упоминала* о

необыкновенныхъ фактахъ, которые, быть можетъ, *удивили* бы г-жу Сталь, не доставивъ ей назиданія. Г-жа Крюднеръ имѣла высокое мнѣніе объ искренности г-жи Сталь и считала ее способной и предназначенной къ тому, чтобы найти истину... и, увѣренная въ успѣхѣ борьбы (съ ея тогдашнимъ настроеніемъ), она не торопила ее *неловкимъ усердіемъ*». Другими словами: она опасалась, что ея чудеса могутъ быть подняты на смѣхъ, и среди своего миссіонерства не забывала салонныхъ нравовъ и свѣтской ловкости, которую употребляла на службу «*этому* Спасителю»,

Между тѣмъ предсказательство Куммринъ продолжалось и г-жа Крюднеръ устраивала по немъ свою жизнь, не сомнѣваясь находить въ немъ непосредственныя указанія самого Бога. Страннымъ образомъ эти указанія направлялись къ устройству личныхъ дѣлъ пастора Фонтэна. Сначала неясно, потомъ яснѣе Куммринъ внушила г-жѣ Крюднеръ, что небо повелѣваетъ ей основать въ Вюртембергѣ (кажется, родина Куммринъ) христіанскую колонію; замѣчательно, что небо указало даже мѣсто и домъ, которые надо было для этого купить. Г-жа Крюднеръ и купила ихъ, и отписала потомъ г-жѣ Арманъ: «мы взяли этотъ домъ по повелѣнію Господа». Въ домѣ, кромѣ самой г-жи Крюднеръ, поселился Фонтэнъ со всей своей семьей и, конечно, Марія Куммринъ. Но они не долго наслаждались своимъ общежительствомъ. Въ прежнія времена Куммринъ дѣлала какія-то предсказанія на счетъ короля Вюртембергскаго, которыя ему не нравились. Теперь, узнавши что Куммринъ снова появилась въ его владѣніяхъ и привлекаетъ толпы посѣтителей, король велѣлъ посадить ее въ тюрьму, а г-жѣ Крюднеръ объявить, чтобы она оставила Вюртембергъ въ 24 часа. Съ г-жей Крюднеръ должна была, конечно, удалиться и вся колонія. Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ г-жа Крюднеръ, кажется, не понадѣялась, что «небо» уничтожитъ ея житейскія затрудненія, потому что обратилась къ своимъ аристократическимъ знакомымъ съ просьбами о заступничествѣ: друзья были у нея въ аристократіи старой и новой, между прочимъ, и въ числѣ наполеоновскихъ агентовъ [1]).

Она поселилась въ герцогствѣ баденскомъ, куда явилась черезъ нѣсколько времени и Куммринъ, выпущенная изъ тюрьмы

---

[1]) Биньонъ, Норвенъ.

и продолжавшая пророчествовать. «Времена приближаются съ каждымъ днемъ,—отписывала г-жа Крюднеръ къ своей пріятельницѣ (это было въ 1809 — 1810 г.): — бѣдствія, угрожающія Европѣ, уподобятся ночи ужасовъ, но заблещетъ также и заря счастья и мира». Между тѣмъ Фонтэнъ ничиналъ тревожить и самое г-жу Крюднеръ, потому что его нравы и способъ дѣйствій далеко не соотвѣтствовали той миссіи, какую ему приписывала Куммринъ. Но г-жа Крюднеръ «не колебалась въ своей христіанской любви». Она переносила это какъ испытаніе, была довольна, потому что «счастлива душа, покрытая презрѣніемъ, клеветами и посмѣяніемъ», и она была слишкомъ убѣждена въ томъ, что находится подъ спеціальнымъ покровительствомъ неба. Ея письма къ благочестивымъ ея корреспондентамъ уже скоро доходятъ до послѣднихъ предѣловъ экзальтаціи. Въ свои наиболѣе возвышенныя (или фантазерскія) минуты, она ищетъ страданій, потому что «любовь (?) утѣшитъ насъ своей нѣжностью»; она считаетъ непозволительнымъ имѣть какія-нибудь житейскія заботы, принимать какія-нибудь мѣры, даже просить помощи у Бога:—«я едва молюсь,—пишетъ она въ это время къ одному единомыслящему другу, почитателю г-жи Гюйонъ,— я знаю, что сердце Отца *совсѣмъ подлѣ* меня (tout près de moi), я *знаю* его глубокіе виды, или по крайней мѣрѣ часть ихъ... Я вижу только мракъ и, однако, радуюсь. Онъ всегда приходитъ, Онъ всегда помогаетъ мнѣ. Никогда, никогда Онъ не покидалъ меня въ затрудненіи (?)... Да, мой другъ, часто, очень часто, я имѣла радость получать его внушенія, его ясныя приказанія: пошли, или пойди туда, или туда—къ людямъ, которыхъ *Онъ приготовилъ* (!!), и я получала *деньги*, много денегъ, тамъ, гдѣ не видѣла никакой надежды»..

Это былъ тотъ *квіетизмъ*, тотъ странный видъ пассивной религіозности, которымъ отличалась знаменитая г-жа Гюйонъ. «Божественная любовь» обнаруживалась въ самыхъ экстравагантныхъ мнѣніяхъ и выходкахъ:

«Эта любовь должна обратить въ пепелъ въ нашихъ сердцахъ все, что въ нихъ есть нечистаго, личнаго и эгоистическаго. Она противна всякой *собственности* (!) и считаетъ ее *воровствомъ у Бога* (!). Она хочетъ все получать отъ него, чтобы все отдавать Ему... Она составитъ славу церкви искупленной и призванной царствовать съ Христомъ на землѣ *тысячу лѣтъ*».

Теперь для царства этой любви еще не пришло время: вѣрные слуги Христа, которыхъ онъ избираетъ своими исполнителями, теперь преслѣдуются, они должны терпѣть страданія, нести тяжелый крестъ, итти неисповѣдимыми путями,—ихъ часто не признаютъ даже настоящіе христіане.—Эту обычную сектаторскую программу принимаетъ и г-жа Крюднеръ и ссылкой на «неисповѣдимые пути» впередъ оправдываетъ всякія странности и нелѣпости, какія ей вздумалось бы проповѣдывать и дѣлать. Ея самоотрицаніе доходило, наконецъ, до геркулесовыхъ столбовъ. Она совершенно забывала о томъ уваженіи, которое ей оказывали въ свѣтѣ. Когда ей случалось,—говоритъ біографъ,—встрѣчаться съ простыми существами, которыя буквально понимали ея признанія въ неспособности, она радовалась этому и говорила: мнѣ *пріятно находить себя глупой* и неспособной,—любовь поглощаетъ все и оживотворяетъ все», и проч. Иногда, разсказываетъ тотъ же біографъ, «объятія божественной любви, наполнявшей ея сердце, были такъ сильны, что она не могла удержать этой любви въ границахъ неба и земли. Она прорывалась въ словахъ: «Я испытываю такое счастіе, что не могу удержаться, чтобы не желать, чтобы *адъ присоединился къ этому Богу* (que l'enfer vienne à ce Dieu), который такъ добръ, который такъ нѣженъ, который такъ глубоко хочетъ счастія всѣхъ своихъ созданій» (!!). Еще одна черта. «Въ своей молитвѣ, которая на этотъ разъ грѣшила тѣмъ, что отдѣляла милосердіе Бога отъ его справедливости, ей случалось даже просить у Бога обращенія сатаны (!). Мы не осмѣлились бы, однако, судить строго (à la rigueur) это чувство, потому что она обращала его къ Тому, кому мы всегда можемъ повѣрять самыя сокровенныя наши мысли», и проч. Можно спросить, что бы вообще осталось отъ героини этой біографіи, еслибы ея дѣянія судить á la rigueur?

Понятно, что эти идеи и соотвѣтственныя имъ дѣйствія легко вызывали противъ себя, если пока не преслѣдованіе, то насмѣшки. Біографъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что общественное мнѣніе высказывалось противъ г-жи Крюднеръ, что ей приходилось выносить униженіе; и объясняетъ это тѣмъ, что «г-жа Крюднеръ (возвышенностью своихъ стремленій) слишкомъ видимо переходила ту *мѣру христіанства*, которую свѣтъ *согласился терпѣть*». Хорошо еще, еслибъ дѣйствительно г-жа Крюднеръ виновата была только тѣмъ.

Такимъ образомъ г-жа Крюднеръ все больше и больше вступала на ту дорогу, которая впослѣдствіи доставила ей ея странную знаменитость. Она все больше и больше воображала, что ей предстоитъ великое дѣло, что самъ Богъ поручаетъ ей высокую миссію—обращать невѣрующихъ и приготовить тысячелѣтнее царство. Если прежде ей нравилось поучать «Францію» въ своемъ романѣ, то теперь задача была неизмѣримо громаднѣе,— въ ея рукахъ были ключи отъ царствія божія. Мотивы ея религіознаго фантазерства развиваются до чрезвычайныхъ странностей. Внѣшніе факты біографіи г-жи Крюднеръ были тѣ, что въ половинѣ 1810 года она отправилась въ Россію, т. е. въ Лифляндію, чтобы видѣться съ матерью. Она встрѣтилась, конечно, и съ старыми знакомыми въ моравской общинѣ, сообщила имъ свои религіозные успѣхи, обратила нѣсколькихъ къ ученію о чистой любви. У нихъ начались собранія, гдѣ они молились, исповѣдывали другъ друга и т. п. Въ числѣ обратившихся былъ и братъ г-жи Крюднеръ, баронъ Фитингофъ, впослѣдствіи членъ комитета русскаго Библейскаго Общества. Продолжая свои эксперименты, г-жа Крюднеръ налагала на себя новыя испытанія и лишенія, взявъ въ руководство эксперименты г-жи Гюйонъ [1]).

Въ ноябрѣ 1811 г. она отправилась въ Баденъ. Туда именно призывали ее прореченія Куммринъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ заказала ей привезти изъ Россіи сестру Фонтэна: она жила тамъ уже много лѣтъ и теперь, по указанію того же «неба», должна была присоединиться къ ихъ дѣлу. По дорогѣ въ Баденъ г-жа Крюднеръ уже начала проповѣдывать передъ многочисленными слушателями; такъ было въ Кенигсбергѣ, Бреславлѣ, Дрезденѣ.

Въ Карлсруэ она встрѣтила Фонтэна, который между тѣмъ приготовилъ ей новый подвигъ, указанный небомъ черезъ посредство Куммринъ. Біографъ говоритъ, что не могъ получить объ этомъ таинственномъ подвигѣ отчетливыхъ свѣдѣній, но сущность этой новой выдумки Фонтэна состояла въ томъ, что г-жа Крюднеръ должна была вступить въ какой-то мистическій союзъ съ братомъ Фонтэна,—человѣкомъ, который, по словамъ

---

[1]) Для оцѣнки этихъ экспериментовъ необходимы, конечно, объясненія медиковъ. Опытъ подобной оцѣнки сдѣлалъ Гейнротъ, въ своей «Исторіи Мистицизма» (Geschichte des Mysticismus, Leipzig 1832). Книга эта, далеко не полная относительно фактовъ, любопытна, между прочимъ, и потому, что авторъ ея—медикъ, спеціалистъ по психіатріи.

біографа, не отличался выгодно ни наружностью, ни умомъ, ни нравственными качествами, и кромѣ того имѣлъ еще какіе-то недостатки. Союзъ былъ, повидимому, заключенъ,—хотя черезъ нѣсколько времени этотъ «четвертый», какъ обозначала его Куммринъ въ своихъ пророчествахъ, былъ отправленъ на излеченіе въ Женеву, гдѣ онъ получалъ отъ г-жи Крюднеръ щедрую помощь. Въ этомъ послѣднемъ, безъ сомнѣнія, и заключалась вся цѣль мистическаго союза.

Въ 1812 году, г-жа Крюднеръ продолжала жить въ южной Германіи, боялась за существованіе Россіи, утверждала при этомъ, что нисколько не заботится о томъ, если судьба войны лишитъ ее достоянія (потому что «небо» должно же будетъ о ней позаботиться), но, впрочемъ, имѣла довольно средствъ въ своемъ распоряженіи. Въ октябрѣ этого года она сдѣлала экскурсію въ Страсбургъ, гдѣ ревностно занималась обращеніями и устраивала религіозныя собранія — для нѣмцевъ и для французовъ.

Въ 1813 г., г-жа Крюднеръ отправилась въ Женеву. Здѣсь у нея были друзья, между прочимъ, г-жа Арманъ; она встрѣтила еще новыхъ, изъ которыхъ одинъ сталъ потомъ ея правой рукой. Въ Женевѣ была маленькая община моравскихъ братьевъ. Одинъ изъ братьевъ возымѣлъ мысль основать общество *друзей* для чтенія Библіи, въ которое дѣйствительно собралось нѣсколько молодыхъ людей, большею частью студентовъ теологіи (это было въ 1810 г.). Въ числѣ ихъ былъ и Анри Эмпейтазъ. Еще задолго до этого, Эмпейтазъ почувствовалъ въ себѣ религіозныя наклонности и налагалъ на себя аскетическія испытанія,—постъ, покаяніе и умерщвленіе плоти. Теперь, черезъ общество «друзей», онъ сблизился съ моравскими братьями и вскорѣ убѣдился въ ихъ принципахъ. Между тѣмъ, оффиціальная женевская церковь обратила вниманіе на это движеніе, и нашла нужнымъ остановить его. «Друзья» разошлись въ концѣ 1812 г., но Эмпейтазъ и его товарищъ Герсъ остались вѣрны своимъ убѣжденіямъ, и продолжали вести воскресную школу, основанную ими въ новомъ духѣ. Въ половинѣ 1813 года явилась въ Женевѣ г-жа Крюднеръ. Она поселилась у г-жи Арманъ и, конечно, тотчасъ же вступила въ сношенія съ маленькой церковью, къ которой ея пріятельница уже принадлежала; она познакомилась, конечно, и съ Эмпейтазомъ, и услышавъ о тѣхъ притѣсненіяхъ, какимъ онъ подвергается вслѣдствіе своихъ

новыхъ связей, она убѣждала его не покоряться и не слушать тѣхъ, которые уговаривали его уступить хотя на время, до посвященія въ пасторы. Въ основаніе она приводила то, что «Господу нужно соединить свой народъ въ этомъ городѣ», и напоминала ему правило, что «человѣческое благоразуміе есть язва христіанства»,—котораго сама она твердо держалась. Онъ послушался ея, какъ увидимъ. Въ Женевѣ г-жа Крюднеръ также принимала многочисленныхъ посѣтителей, которыхъ назидала своими поученіями

Затѣмъ она «покинула Женеву, осыпанная благословеніями своихъ многочисленныхъ друзей»; ей нужно было вернуться въ Карлсруэ, «куда призывали ее *другія обязанности*».

По дорогѣ она остановилась еще въ Базелѣ, гдѣ у нея также нашлись друзья, занимавшіеся распространеніемъ Библіи: здѣсь было свое библейское (и также миссіонерское) общество; она приняла участіе и въ распространеніи благочестивыхъ трактатовъ: «мы напечатали много небольшихъ сочиненій, гдѣ солдаты призываются къ Спасителю и къ чувствамъ благочестія».

Между тѣмъ Эмпейтазъ находился въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ: ему пришлось, наконецъ, разорвать съ оффиціальной церковью или съ «обществомъ пасторовъ», и въ половинѣ 1814 г. оно рѣшило не давать ему посвященія. Этотъ конецъ былъ до значительной степени дѣломъ г-жи Крюднеръ, потому что все время она не переставала убѣждать и его и вообще своихъ женевскихъ друзей — не уступать. Письма ея преисполнены увѣреніями, что именно такъ хочетъ Богъ, и предвѣщаніями: «Церковь явится; народъ Вѣчнаго соберется... Буря приближается и *школы* закроются; не будетъ больше священниковъ по образу людей. Священство пріятное Господу будетъ возстановлено, и будетъ преподаваться служеніе чистой любви». Въ другомъ письмѣ: «Скорȯ бѣдствія заставятъ серьезно подумать тѣхъ, которые васъ преслѣдуютъ. Какъ страшенъ судъ божій! Молитесь ревностно Богу за этихъ несчастныхъ; они слѣпы». Дальше: «Монахи преклоняются къ землѣ. Многочисленныя обращенія совершились въ прусской арміи и уже свѣтитъ заря этой достопамятной эпохи. 1816 г. будетъ очень замѣчателенъ», и т. д. Кончилось тѣмъ, что Эмпейтазу нечѣмъ было жить и нечѣмъ кормить старуху мать. Г-жа Крюднеръ поспѣшила *поздравить* его съ этимъ, потому что «это такъ и должно быть» по ея теоріи Но, впрочемъ, она сообразила, что у него не

было такихъ доходовъ, какъ у нея, и пригласила его пріѣхать къ себѣ. Онъ поселился пока у Оберлина, съ которымъ и раздѣлилъ его пастырско-филантропическіе труды.

Вмѣсто 1816 года въ другихъ предсказаніяхъ г-жи Крюднеръ называется 1815-й. Годы ставились, конечно, наугадъ, и заниматься предвѣщательствомъ было довольно удобно. Г-жа Крюднеръ жила въ Карлсруэ и Баденѣ; при баденскомъ дворѣ соединялись тогда весьма различные элементы, на которыхъ отражалось тревожное положеніе вещей. Здѣсь была въ то время дочь маркграфини баденской, императрица Елизавета Алексѣевна, которая отсюда должна была отправиться въ Вѣну, гдѣ собирался конгрессъ; здѣсь была королева шведская, далѣе великая герцогиня Стефанія, адоптивная дочь Наполеона, королева Гортензія. Понятно, что тогдашнія политическія треволненія чувствовались здѣсь особенно сильно, и при разгоряченной фантазіи, какою отличалась г-жа Крюднеръ, ей не мудрено было вообразить себя прорицательницей. Самъ біографъ, принимающій серьезно «откровенія» г-жи Крюднеръ, пишетъ объ этомъ времени: «*Событія*, быстро смѣнявшіяся одни другими (рѣчь идетъ о 1813 г. и первой половинѣ 1814 года), казалось, *предсказывали* новые ужасы и новые перевороты». Г-жа Крюднеръ и воспользовалась этимъ. Ея предсказанія были того же качества, какъ у Маріи Кумминъ: они были достаточно темны, чтобъ ихъ можно было ловить на словѣ; они затрогивали всеобщее тревожное чувство и потому дополнялись собственными соображеніями тѣхъ, кому высказывались; наконецъ, они вовсе не оправдывались.

Ей какъ будто представлялось нѣчто въ родѣ свѣтопреставленія, или именно начала тысячелѣтняго царства. «Приближается великая эпоха,—писала она нѣсколько позднѣе г-жѣ Арманъ: — все будетъ низпровержено, *школы*, *человѣческія науки*, *государства*, *троны* (!!!). Дѣти божіи будутъ собраны. Просите великой ревности, любезная и драгоцѣнная подруга»... Біографъ смотритъ на эти прорицанія, какъ на нѣчто дѣйствительно сверхъестественное. Правда, впослѣдствіи ей случилось менѣе двусмысленно говорить объ императорѣ Александрѣ; но остальное оказалось совсѣмъ неловко: нѣкоторые (Наполеоновскіе) *троны* дѣйствительно попадали, но возстановились на ихъ мѣсто старые; *школы* и человѣческія науки остались цѣлы совершенно; «священники по образу человѣческому» господ-

ствовали по прежнему: «собравшееся стадо» совсѣмъ разбрелось, свѣтопреставленія не произошло, и 1816 годъ, если и былъ замѣчателенъ, то вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ ожидала г-жа Крюднеръ. Онъ былъ началомъ ея послѣдней, рѣшительной неудачи.

IV.

Первая встрѣча съ императоромъ Александромъ.

«Обязанности», которыя требовали присутствія г-жи Крюднеръ въ Карлсруэ, были, какъ видно, обязанности придворнаго свойства. Расходясь съ обществомъ и съ церковью, г-жа Крюднеръ оставалась въ самыхъ мирно-любезныхъ отношеніяхъ къ придворной сферѣ, и удачно ладила со всѣми взаимно враждебными сторонами: она поддерживала отношенія съ королевой Гортензіей и была въ дружбѣ съ ея довѣреннымъ лицомъ, m-lle Кошле, но въ то же время нашла союзниковъ и на другой сторонѣ. Въ Карлсруэ жила тогда, какъ мы замѣтили, императрица Елизавета Алексѣевна, ненавидѣвшая все, что имѣло отношеніе къ Наполеону, и потому холодная къ Гортензіи и Стефаніи. Біографъ разсказываетъ, что г-жа Крюднеръ «быстро отличила въ числѣ дамъ императрицы одну изъ тѣхъ избранныхъ душъ, встрѣча съ которыми слишкомъ рѣзко освѣщаетъ наше странничество въ этомъ мірѣ». Эта избранная душа была фрейлина императрицы Елизаветы, m-lle Стурдза.

Надо думать, что г-жа Крюднеръ имѣла особыя причины «быстро» сблизиться съ г-жей Стурдза. Роксандра (Александра) Скарлатовна Стурдза, сестра извѣстнаго Александра Стурдзы, по отзывамъ современниковъ, женщина замѣчательно умная и любезная, была любимой фрейлиной императрицы Елизаветы Алексѣевны. Одаренная пылкимъ воображеніемъ, она увлеклась въ мистицизмъ, господствовавшій тогда эпидемически, и находилась въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ княземъ А. Н. Голицынымъ, также съ извѣстнымъ мистикомъ Род. Алекс. Кошелевымъ (гофмейстеромъ и членомъ государственнаго совѣта) и кн. С. С. Мещерской. «Всѣ сіи лица,—разсказываетъ одинъ ихъ почитатель,—вели жизнь сокровенную въ Богѣ, и время развѣ раскроетъ потомству подвижничество ихъ, угодное Благословенному государю, Александру I». Съ самимъ императо-

ромъ фрейлина Стурдза сблизилась особенно, кажется, уже въ Вѣнѣ,—но положеніе ея и въ это время, наканунѣ вѣнскаго конгресса, было уже таково, что сближеніе съ ней могло доставить сильныя придворныя связи. Впослѣдствіи, въ 1816 г., Роксандра Стурдза вышла замужъ за веймарскаго министра, графа Эделинга, и жила въ Веймарѣ. Во время греческаго возстанія, она вмѣстѣ съ своимъ братомъ принимала дѣятельное участіе въ судьбѣ грековъ, спасавшихся тогда въ Россію, при содѣйствіи князя Голицына успѣла устроить сборъ по всей Россіи пособій для грековъ, приходившихъ въ Россію, и для выкупа другихъ изъ турецкаго плѣна. Въ 1824 г. она убѣдила мужа переселиться въ Россію и основалась въ Одессѣ [1]).

Г-жа Крюднеръ завязала съ ней самую дружескую связь, цѣль которой едва ли ограничивалась одной евангельской любовью. При ея содѣйствіи, конечно, г-жа Крюднеръ сблизилась и съ самой императрицей. Объ этомъ важномъ дѣлѣ она извѣщала своихъ друзей такъ (въ сентябрѣ 1814 г.):

«Меня постоянно задерживали (отъ поѣздки къ Оберлину, у котораго жилъ и Эмпейтазъ) важныя вещи, и я чувствовала въ душѣ, что я *еще не кончила*. Господь удостоилъ привязать душу императрицы къ пламеннымъ желаніямъ моей души; я не одинъ разъ работала (j'ai eu plus d'un travail) съ этой ангельской женщиной, и въ послѣднее время, когда она уѣзжала, я считала себя свободной и стремилась присоединиться къ вамъ въ любезной моему сердцу долинѣ, но внутренній голосъ говорилъ мнѣ: дѣло *еще не кончено*».

«Работа», о которой говоритъ г-жа Крюднеръ, были, конечно, бесѣды съ императрицей, въ которыхъ она вела свою пропаганду, вѣроятно, молитвы вмѣстѣ, которыя тогда уже входили въ программу ея «церкви». Дальше она дѣйствительно упоминаетъ, что проповѣдывала Христа императрицѣ, королевѣ голландской и пр., «возвѣщая имъ великія событія».

Отправившись, наконецъ, къ своимъ друзьямъ, г-жа Крюднеръ ревностно проповѣдывала; они дѣлали молитвенныя собранія, на которыя собиралось множество посѣтителей; г-жа Крюднеръ давала религіозно-наставительные сеансы желающимъ; въ

---

[1]) См. «Краткое свѣдѣніе объ А. С. Стурдзѣ», въ «Чтеніяхъ М. Общ.», 1864, II, 198; «Надгробное слово кн. А. Н. Голицыну» А. Стурдзы, Спб. 1859, стр. 4, 5, 18; «Зап. Вигеля», III, ч. V, стр. 66; Pertz, Stein's Leben, V, 51.

числѣ обращенныхъ былъ, между прочимъ, полицейскій генералъ-коммисаръ въ Майнцѣ, Беркгеймъ: онъ оставилъ полицейскую службу, къ великимъ сожалѣніямъ своего семейства «отказался отъ всякихъ повышеній(!), чтобы посвятить себя царству божію», по словамъ біографа. Съ тѣхъ поръ онъ состоялъ при г-жѣ Крюднеръ и впослѣдствіи женился на ея дочери.

Между тѣмъ, когда г-жа Стурдза отправилась съ императрицей въ Вѣну, г-жа Крюднеръ продолжала вести съ ней дѣятельную переписку. Письма ея заняты, конечно, тѣми же предметами, которые составляли ея «ученіе», совѣтами предаться Христу, обратиться къ «океану любви», и т. д. Предвѣщанія на этотъ разъ начинаютъ ближе касаться императора Александра.

По словамъ біографа, г-жа Крюднеръ «снимала для г-жи Стурдза повязку, закрывавшую глаза дипломатовъ», проводившихъ время въ увеселеніяхъ и не видѣвшихъ хода событій. Она дѣйствительно (въ письмѣ отъ 27 октября 1814 г.) возстаетъ противъ этихъ «печальныхъ удовольствій», грозитъ бѣдствіями, утверждаетъ, что «ангелъ, отмѣчающій предохранительной кровью двери избранныхъ, проходитъ, и свѣтъ не видитъ его; онъ считаетъ головы, судъ приближается, онъ близокъ, а люди волнуются на волканѣ». Въ письмѣ говорилось также о Франціи: «буря приближается; эти лиліи... явились, чтобы исчезнуть». Дальше она говоритъ объ императорѣ Александрѣ:

«Вамъ хотѣлось бы говорить о столькихъ великихъ и глубокихъ прекрасныхъ качествахъ души императора. Мнѣ кажется, что я уже много знаю о немъ. Я уже давно знаю, что Господь дастъ мнѣ радость его видѣть. Если я буду жива, это будетъ одной изъ счастливыхъ минутъ моей жизни... Я имѣю множество вещей сказать ему, потому что я испытала многое по его поводу (J'ai d'immenses choses à lui dire, car j'ai beaucoup éprouvé à son sujet): Господь одинъ можетъ приготовить его сердце къ принятію ихъ; я не безпокоюсь объ этомъ; мое дѣло быть безъ страха и безъ упрека; его дѣло преклониться передъ Христомъ, истиной».

Г-жа Стурдза была поражена этими предсказаніями, и показала письмо императору Александру; онъ получилъ сильное желаніе видѣть г-жу Крюднеръ.

Не трудно объяснить себѣ, почему экзальтація г-жи Крюднеръ обращалась въ эту сторону. Біографъ утверждаетъ, что «г-жа Крюднеръ, по образу *своего* учителя (!), имѣла симпатію

ко всѣмъ классамъ, всѣмъ положеніямъ и возрастамъ; она любила дѣтей», и такъ далѣе. Но, кажется, еще больше она любила придворную сферу, и успѣхи въ этой сферѣ были особенно ей интересны. Личность императора Александра стояла въ это время такъ высоко, что примкнуть къ ней такъ или иначе могло быть достаточнымъ предметомъ честолюбивыхъ исканій. А теперь именно представлялась возможность этого съ той стороны, которую г-жа Крюднеръ считала своей спеціальностью. Ей не трудно было знать о тогдашнемъ настроеніи императора; ей конечно были извѣстны факты, изъ которыхъ обнаруживалось, что прежняя наклонность къ сантиментальности теперь принимала у императора все больше и больше характеръ религіознаго мистицизма. Ей были извѣстны, напр., его участіе къ русскому Библейскому Обществу, его покровительство Юнгу-Штиллингу [1]), его бесѣда съ квакерами во время посѣщенія имъ Лондона; одного изъ этихъ квакеровъ она встрѣтила вскорѣ послѣ того, такъ что могла знать всѣ подробности (ce cher Grellet le quaker, que nous aimons bien); много подобныхъ подробностей могла сообщить ей теперь же г-жа Стурдза. Словомъ, въ томъ настроеніи, въ какомъ находился тогда императоръ Александръ, и которое было ей извѣстно, г-жа Крюднеръ находила достаточно поводовъ и надеждъ на сближеніе, къ которому она теперь такъ пламенно стремилась.

Въ это время она вообще была очень занята: «ея ревность къ обращенію грѣшниковъ получила новую силу. Она уже основала общество молитвъ, члены котораго обязались молиться спеціально за большое число лицъ. Разсѣянные отъ Балтійскаго до Средиземнаго моря, они приняли имена діаконовъ и діакониссъ: согласіе ихъ горячихъ молитвъ было источникомъ великихъ благодатей». Все время ея было занято ея «обязанностями». Пасторъ Фонтэнъ, между прочимъ, опять сталъ просить г-жу Крюднеръ купить землю въ Вюртембергѣ, гдѣ онъ хотѣлъ основать что-то въ родѣ прежней христіанской колоніи,—и успѣлъ въ этомъ, хотя, казалось бы, его патронша должна наконецъ понять, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Біографъ разсказываетъ, что среди своихъ трудовъ, г-жа Крюднеръ почти не

[1]) Въ упомянутомъ письмѣ къ г-жѣ Стурдза: «князь Голицынъ прислалъ мнѣ тысячу гульденовъ (экю) для нашего стараго Юнга. Я угадываю руку, которая посылаетъ ихъ, но молчу. Да благословитъ Всевышній эту руку» и пр.

имѣла отдыха, и должна была отказаться отъ дружеской переписки: «до такой степени посѣщенія и *дѣла царства божія* (les affaires du règne de Dieu) занимали все ея время».

Но, конечно, она не отказалась отъ переписки съ г-жей Стурдза. Отъ 4-го февраля 1815 г., г-жа Крюднеръ писала ей между прочимъ: «Величіе миссіи императора въ послѣднее время было еще открыто мнѣ такъ, что мнѣ непозволительно въ ней сомнѣваться. Я преклонялась передъ щедротами Господа; который далъ столько благословеній этому орудію милосердія. Ахъ, какъ мало міръ знаетъ о всемъ томъ, что ожидаетъ его, когда священная политика возьметъ въ бразды все, и когда солнце правосудія покажется для самыхъ слѣпыхъ. Да, милый другъ, я убѣждена, что я *имѣю множество вещей сказать ему,* и хотя *князь тьмы* дѣлаетъ все возможное, чтобы удалить и помѣшать тѣмъ, кто можетъ говорить съ нимъ о божественныхъ вещахъ, Всемогущій будетъ сильнѣе его. Богъ, который любитъ пользоваться тѣми, кто въ глазахъ свѣта служитъ предметомъ униженія и насмѣшекъ, приготовилъ мое сердце къ тому смиренію, которое не ищетъ одобренія людей. Я только ничтожество. Онъ все, и земные цари трепещутъ передъ нимъ», и проч.

Въ февралѣ 1815 г., г-жа Крюднеръ, «по откровенію свыше», какъ серьезно говоритъ ея біографъ, поселилась близь Шлуктерна, въ курфюршествѣ гессенскомъ; она принялась проповѣдывать въ тамошнемъ населеніи, которое, впрочемъ, и безъ того уже возбуждено было до послѣдней степени піэтистами и Юнгомъ Штиллингомъ. Экзальтація доходила до того, что цѣлыя общины продавали свое имущество, чтобы отправиться искать тѣхъ странъ, гдѣ должно быть въ скоромъ времени основано царство Христово на землѣ. Штиллингъ указывалъ это мѣсто за Кавказомъ, у горы Арарата, куда многія тысячи этихъ несчастныхъ послѣдователей его (въ особенности изъ Вюртемберга и Баваріи) и дѣйствительно отправились [1]). Біографъ утверждаетъ, что г-жа Крюднеръ «старалась удерживать эти увлеченія воображенія, проповѣдуя повиновеніе и покорность, покаяніе и возрожденіе св. Духомъ». Можетъ быть; но ея проповѣдь дѣйствовала, однако, именно въ томъ же, безплодно

---

[1]) См. разсказъ объ ихъ печальной судьбѣ въ книгѣ Пинкертона, Russia, стр. 143—152.

возбуждающемъ родѣ, и производила далеко не полезное волненіе простодушныхъ людей.

Наконецъ, Наполеонъ ушелъ съ острова Эльбы. Почитатели г-жи Крюднеръ были убѣждены, что она это и предсказывала. Сама она, въ письмѣ къ г-жѣ Стурдза (въ апрѣлѣ 1815), положительно говоритъ, что они «были вѣрно объ этомъ извѣщены милосердіемъ Бога»; она говоритъ, что въ послѣднее время много дѣлаетъ путешествій, и такъ какъ многимъ кажется, что ей бываютъ извѣстны впередъ политическія событія, то считаютъ, что она принимаетъ участіе въ политическихъ дѣлахъ. Она говоритъ объ этомъ съ большимъ пренебреженіемъ: «увы! еслибъ я знала только то, что происходитъ въ кабинетахъ, я знала бы очень мало и оставалась бы въ мракѣ». Въ слѣдующемъ письмѣ (въ маѣ) проситъ свою пріятельницу молиться о ней, чтобы она могла выполнить свои *великія обязанности* и не осталась виновной за недостатокъ любви къ Богу, который «осыпаетъ ее благодѣяніями и слышитъ каждую ея молитву».

Когда императоръ Александръ отправился изъ Вѣны къ дѣйствующей арміи, г-жа Крюднеръ поджидала его въ Гейльброннѣ, на пути къ Гейдельбергу. Здѣсь произошла ихъ первая встрѣча, которая потомъ завязала между ними на нѣсколько времени тѣсныя религіозно-мистическія отношенія.

Эти любопытныя отношенія еще не были достаточно разъясняемы въ нашей исторической литературѣ. Религіозная сторона характера императора Александра, какъ и другія стороны этого сложнаго и обильнаго противорѣчіями характера, еще ждутъ своего опредѣленія. Въ настоящемъ случаѣ мы ограничиваемся нѣсколькими подробностями, какія обнаруживаются въ отношеніяхъ императора къ г-жѣ Крюднеръ.

По различнымъ разсказамъ [1]), религіозное настроеніе въ первый разъ сильно овладѣло императоромъ Александромъ въ 1812 г. Кн. Мещерская расказываетъ, что около половины 1812 г. императоръ, уѣзжая изъ Петербурга и уже простившись съ семействомъ, удалился въ свой кабинетъ и оканчивалъ нѣкоторыя дѣла передъ отъѣздомъ. Въ это время къ нему вошла

---

[1]) Ср. *Schnitzler*, Histoire intime de la Russie, 1847;—*Pinkerton* Russia, стр. 366 и слѣд. (разсказъ княгини С. С. Мещерской);—(*Empaytaz*) Notice sur Alexandre, empereur de Russie. Par. H. L. E., ministre du Saint Evangile. Genève 1828 (46 стр.) и др.

женская фигура, которой онъ сначала не узналъ, потому что комната была мало освѣщена. Удивленный такимъ необычнымъ посѣщеніемъ, онъ подошелъ къ ней и узналъ графиню Толстую; она, извинившись въ своей смѣлости, сказала, что хотѣла пожелать ему счастливаго пути, и подала ему бумагу. Императоръ, всегда снисходительный, поблагодарилъ ее и простился съ ней: бумагу онъ спряталъ въ карманъ, предполагая, что это какая-нибудь просьба и что онъ займется ею на досугѣ. На первомъ ночлегѣ онъ вспомнилъ объ этой бумагѣ и, желая развлечься отъ тяготившихъ его заботъ, вынулъ ее и сталъ читать. Но къ изумленію своему онъ увидѣлъ, что въ ней заключался 91-й псаломъ. Онъ прочелъ его и это чтеніе успокоило его.

Потомъ, черезъ значительный промежутокъ времени, онъ былъ въ Москвѣ, въ одинъ изъ критическихъ періодовъ своей жизни. Однажды, оставаясь одинъ въ кабинетѣ, онъ перебиралъ у себя на столѣ книги, и одна изъ нихъ при этомъ упала— и раскрылась, и когда Александръ поднялъ и взглянулъ на нее, онъ увидѣлъ тотъ же псаломъ, который одинъ разъ уже доставилъ ему утѣшеніе. «Онъ прочелъ его, и нашелъ, что каждое слово псалма примѣнялось къ нему самому; и даже впослѣдствіи, до послѣдней своей минуты, онъ всегда имѣлъ при себѣ этотъ псаломъ, выучилъ его наизусть, и каждое утро и вечеръ читалъ его при молитвѣ».

Есть другіе варіанты этого разсказа съ другими подробностями, между прочимъ въ брошюрѣ Эмпейтаза и въ біографіи г-жи Крюднеръ. Мы не будемъ останавливаться на нихъ и разбирать, который точнѣе; достаточно замѣтить тотъ общій фактъ, что это религіозное настроеніе началось съ особенной силой въ тотъ моментъ, когда императоръ Александръ подвергался наибольшимъ и дѣйствительно тяжелымъ испытаніямъ. По различнымъ разсказамъ объ его религіозномъ характерѣ (разсказамъ, большей частью идущимъ отъ людей піэтистическаго настроенія), до этого времени религіозное чувство дремало въ немъ: «онъ пренебрегалъ источникомъ всякой благодати, онъ не уразумѣвалъ его—онъ былъ совершенно лишенъ истинной вѣры» (по словамъ княгини Мещерской); при всѣхъ благородныхъ и истинно христіанскихъ стремленіяхъ, которыя были ему врождены, онъ не имѣлъ настоящаго религіознаго чувства, и хотя часто рѣшался исправить свою жизнь, но «его планы

исправленія падали при самомъ началѣ; благодать божія, которая одна можетъ измѣнить человѣка, еще не касалась этого невозрожденнаго сердца» (по словамъ женевскаго методиста). Теперь, когда стало совершаться это возрожденіе, въ направленіи мыслей и чувствованій императора произошла перемѣна, увлекшая его въ религіозный мистицизмъ. Кн. Мещерская приводитъ слова, которыя говорилъ онъ впослѣдствіи: «я чувствовалъ себя ребенкомъ; опытъ показалъ мнѣ мою несостоятельность; вѣра побудила меня отдаться Тому, кто говорилъ ко мнѣ въ псалмѣ, и внушила мнѣ увѣренность и силы, совершенно для меня новыя. При каждой новой трудности, которую нужно было преодолѣть, при каждомъ рѣшеніи, которое нужно было принять, и при каждомъ вопросѣ, который надо было рѣшить, я преклонялся къ ногамъ моего небеснаго Отца—или, углубляясь въ себя на нѣсколько минутъ, я взывалъ къ нему изъ глубины моего сердца, и все чудеснымъ образомъ улаживалось, рѣшалось и исполнялось; всѣ затрудненія исчезали передъ Господомъ, который шелъ впереди меня. Я непрестанно читалъ его слово» и т. д. [1]).

Не останавливаясь на дальнѣйшихъ подробностяхъ религіозной исторіи императора Александра, укажемъ еще нѣкоторыя общія черты. Прежде всего надобно замѣтить, что его стремленія не удовлетворились обычными церковными формами, и это довольно понятно. Воспитаніе не привязало его къ нимъ; напротивъ, содержаніе его понятій было чуждо этимъ формамъ, оно исполнено было гуманистическими идеалами, въ которые церковность входила очень мало, или не входила вовсе; въ немъ было, вѣроятно, извѣстное скептическое отношеніе къ формальной религіи. При этомъ общемъ характерѣ его идеальныхъ стремленій, какъ скоро въ немъ пробудилась религіозная потребность, она естественно должна была удовлетворяться только извѣстными идеальными формами религіозности, въ которыхъ входили бы черты его прежнихъ представленій; въ его религіи должны были заключаться сантиментальная романтика и гуманистическіе идеалы. Поэтому онъ и былъ такъ склоненъ къ внушеніямъ піэтистовъ и мистиковъ. Съ этого времени его занимаетъ и мысль о наилучшей церковной формѣ въ современномъ христіанствѣ. Онъ, конечно, признавалъ ту «внутреннюю

---

[1]) Pinkerton, Russia, 369.

церковь», которую въ то же время проповѣдывали его приближенные пiэтисты; противорѣчiе ея съ «внѣшней» церковью, на которое указывала библейско-мистическая школа, было замѣтно ему самому и должно было увеличивать его колебанiя. Съ своего перваго религiознаго порыва Александръ былъ очень впечатлителенъ къ возбужденiямъ пiэтистическаго характера; внутренняя борьба и неудовлетворенность заставляли его даже искать ихъ. Когда наполеоновскiя войны перешли за предѣлы Россiи, и Александръ отправился за границу, для такихъ возбужденiй открывалось широкое поле. На первыхъ же порахъ онъ раздѣляетъ свои религiозныя мечтанiя съ королемъ прусскимъ; онъ посѣщаетъ въ Силезiи общины моравскихъ братьевъ, которые поразили его и внѣшнимъ благоустройствомъ своего быта и характеромъ своей религiозности; въ Баденѣ онъ бесѣдуетъ съ Юнгомъ Штиллингомъ; въ Лондонѣ онъ оказываетъ большую благосклонность къ квакерамъ, выражаетъ сочувствiе депутацiи британскаго Библейскаго Общества, и т. д.

Фарнгагенъ фонъ-Энзе въ своихъ «Воспоминанiяхъ» приводитъ любопытный разсказъ Юнга Штиллинга объ одномъ его разговорѣ съ императоромъ. Этотъ разговоръ не лишенъ интереса, какъ образчикъ религiозныхъ вопросовъ, тогда занимавшихъ императора.

«Юнгъ Штиллингъ разсказывалъ, что императоръ Александръ однажды, послѣ продолжительнаго религiознаго разговора, самымъ настоятельнымъ образомъ вызывалъ Штиллинга сказать ему, какая изъ христiанскихъ партiй, по его мнѣнiю, всего больше согласуется съ истиннымъ, чистымъ ученiемъ Христа? Вопросъ не былъ поставленъ такъ сурово, какъ тотъ, на который Натанъ долженъ былъ отвѣчать Саладину у Лессинга, и Юнгъ не прибѣгнулъ къ сказкѣ, но откровенно признался, что у него нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ, что во всѣхъ христiанскихъ исповѣданiяхъ и сектахъ есть свое хорошее, что ни одна изъ христiанскихъ формъ не закрываетъ пути къ блаженству, что все дѣло заключается въ самомъ человѣкѣ, въ его настроенiи и его дѣйствiяхъ. Императоръ не довольствовался этимъ и думалъ, что должно же быть гдѣ-нибудь больше или меньше, и что такой изслѣдователь, какъ Юнгъ, долженъ былъ увидѣть, куда склоняются вѣсы. На новыя настоянiя императора и послѣ нѣкотораго размышленiя, не можетъ ли онъ какъ-нибудь уступить ему, Юнгъ опять могъ только сказать ему, что его совѣсть не позво-

ляетъ ему допустить здѣсь какое-нибудь предпочтеніе. Наконецъ, императоръ сказалъ, что для него самого это дѣло почти рѣшенное, что ему хотѣлось только видѣть свое мнѣніе подтвержденнымъ и другими, что, по его мнѣнію, всего больше отвѣчаютъ этому первообразу геррнгутеры. «О, да, прибавилъ Юнгъ, геррнгутеры отличные люди и, конечно, я люблю ихъ; но и здѣсь дѣло опять не въ формѣ, и если только человѣкъ есть человѣкъ хорошій, онъ во всякой формѣ можетъ преуспѣвать». Императоръ не могъ добиться отъ него ничего больше [1]).

Мы разскажемъ въ другомъ мѣстѣ о сношеніяхъ императора Александра съ другимъ, хотя близкимъ, разрядомъ религіозныхъ энтузіастовъ, съ квакерами, въ которыхъ ему опять сочувственно было духовное пониманіе религіи и доведеніе религіознаго принципа до степени единственнаго руководства жизни.

Всѣ эти оригинальныя сближенія показываютъ, какъ сильна была тогда въ Александрѣ религіозная впечатлительность, и какъ внутренняя неудовлетворенность искала себѣ отвѣта въ разныхъ видахъ крайняго религіознаго увлеченія. При этомъ настроеніи его понятно и то впечатлѣніе, какое произвела на него г-жа Крюднеръ.

Въ 1814, во время пребыванія въ Лондонѣ, Александръ бесѣдовалъ съ квакерами, и біографъ г-жи Крюднеръ, быть можетъ не безъ основанія, думаетъ, что его разговоръ съ квакерами о религіозной дѣятельности женщинъ, которую квакеры признавали во всей силѣ—не остался безъ вліянія на императора, и что при встрѣчѣ съ г-жей Крюднеръ онъ уже не имѣлъ никакого предубѣжденія, которое бы мѣшало ея роли. Кромѣ того, императоръ тѣмъ легче могъ признать за нею ея проповѣдническую роль, что въ женскомъ обществѣ,—которое Александръ вообще очень любилъ,—онъ встрѣчалъ въ это время примѣры усиленнаго благочестія, отъ которыхъ переходъ къ г-жѣ Крюднеръ уже не имѣлъ въ себѣ ничего особенно рѣзкаго (напр., кн. Ме-

---

[1]) Denkwürdigkeiten des eignen Lebens, 2 изд., Leipz. 1843, III, 360—361. Юнгъ Штиллингъ, кажется, не имѣлъ особеннаго дѣйствія на мысли императора. Эмпейтазъ, съ своей стороны, говоритъ, что Штиллингъ не имѣлъ яснаго представленія о простыхъ евангельскихъ истинахъ и не могъ дать Александру истинныхъ утѣшеній религіи (Notice, стр. 8). Это, конечно, предоставлено было, по его мнѣнію, никому иному, какъ г-жѣ Крюднеръ.

щерская, гр. Толстая, г-жа Стурдза и пр.);—притомъ онъ зналъ о ней уже впередъ и именно отъ лицъ, которыя преклонялись предъ ея святостью.

Онъ слышалъ чтеніе одного письма г-жи Крюднеръ къ г-жѣ Стурдза, и патетическій тонъ письма, кажется, произвелъ на него впечатлѣніе. Вѣнская жизнь во время конгресса легко могла развлечь императора отъ его религіозныхъ влеченій, и дѣйствительно рядъ праздниковъ и всевозможныхъ удовольствій не давалъ времени и повода для благочестивыхъ разсужденій Но полученное внезапно извѣстіе о томъ, что Наполеонъ оставилъ островъ Эльбу и уже двигается къ Парижу, произвело крайнее смятеніе, и самъ Александръ не могъ скрыть тревожнаго волненія. Обстоятельства въ самомъ дѣлѣ были таковы, что только человѣкъ съ очень твердой энергіей могъ не смутиться передъ ними: Александръ имѣлъ случай разочароваться въ своихъ союзникахъ, а между тѣмъ ему предстояла теперь новая борьба съ страшнымъ противникомъ, имя котораго распространяло энтузіазмъ во Франціи.... Александръ отправился къ дѣйствующей арміи, полный безпокойнаго чувства. Передъ нимъ опять вставали мрачныя мысли о своей грѣховности, о ничтожествѣ человѣческихъ плановъ передъ волей Провидѣнія; неизвѣстность тяготила его, и ему вспомнились назиданія и предвѣщанія г-жи Крюднеръ. На пути къ арміи онъ остановился въ Гейльброннѣ, не доѣзжая недалеко до Гейдельберга [1]). Утомленный дорогой, онъ удалился въ свою комнату, когда ему доложили, что его настоятельно желаетъ видѣть г-жа Крюднеръ. Онъ былъ пораженъ неожиданнымъ ея появленіемъ въ ту самую минуту, когда онъ именно вспоминалъ о ней, и когда у него явилось желаніе видѣть ее: онъ тотчасъ принялъ ее.

«Въ этомъ первомъ свиданіи,—разсказываетъ близкій свидѣтель событій,[2])—г-жа Крюднеръ старалась побудить Александра углубиться въ самого себя, показывая ему его грѣховное состояніе, заблужденія его прежней жизни и гордость, которая руководила имъ въ его планахъ возрожденія.

— Нѣтъ, государь,—рѣзко сказала она ему,—вы еще не приближались къ Богочеловѣку какъ преступникъ, просящій о поми-

---

[1]) Упомянутые нами разсказы (у Пинкертона, Шницлера, Эйнара и др.) нѣсколько разнятся въ подробностяхъ относительно происшедшей здѣсь встрѣчи императора съ г-жей Крюднеръ. Но въ главномъ они сходны.

[2]) Notice sur Alexandre etc., стр. 12—14.

ованіи. Вы еще не получили помилованія отъ того, кто одинъ на землѣ имѣетъ власть разрѣшать грѣхи. Вы еще остаетесь въ своихъ грѣхахъ. Вы еще не смирились предъ Іисусомъ, не сказали еще какъ мытарь, изъ глубины сердца: Боже, я великій грѣшникъ, помилуй меня! И вотъ почему вы не находите душевнаго мира. Послушайте словъ женщины, которая также была великой грѣшницей, но нашла прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ у подножія креста Христова.

«Въ этомъ смыслѣ г-жа Крюднеръ говорила къ своему государю въ теченіи почти трехъ часовъ. Александръ могъ сказать только нѣсколько отрывочныхъ словъ; опустивъ голову на руки, онъ проливалъ обильныя слезы. Всѣ слова, имъ слышанныя, были, по выраженію Писанія, какъ обоюдуострый мечъ, проникающій до раздѣленія души и духа и судящій чувствованія и помышленія сердечныя. Наконецъ, г-жа Крюднеръ, испуганная тѣмъ тревожнымъ состояніемъ, въ какое слова ея повергли Александра, сказала ему: государь, я прошу васъ простить мнѣ тонъ, какимъ я говорила. Повѣрьте, что я со всей искренностью сердца и передъ Богомъ сказала вамъ истины, которыя еще не были вамъ сказаны. Я только исполнила священный долгъ относительно васъ.... Не бойтесь, отвѣчалъ Александръ, всѣ ваши слова нашли мѣсто въ моемъ сердцѣ: вы помогли мнѣ открыть въ себѣ самомъ вещи, которыхъ я никогда еще въ себѣ не видѣлъ; я благодарю за это Бога; но мнѣ нужно часто имѣть такіе разговоры и я прошу васъ не удаляться».

На другой день, 5 Іюня, Александръ отправился въ главную квартиру. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ написалъ г-жѣ Крюднеръ, чтобы она пріѣхала также, потому что ему хотѣлось подробнѣе говорить о томъ, что давно занимало его мысли. Г-жа Крюднеръ отправилась, и 9-го была въ Гейдельбергѣ. Она поселилась въ простомъ крестьянскомъ домикѣ, на лѣвомъ берегу Неккара, въ десяти минутахъ отъ того дома, гдѣ жилъ (за городомъ) императоръ. Сюда онъ приходилъ обыкновенно черезъ день, по вечерамъ, и проводилъ по нѣскольку часовъ въ душеспасительныхъ бесѣдахъ, чтеніи Писанія и въ молитвахъ съ г-жей Крюднеръ, и ея спутникомъ и сотрудникомъ Эмпейтазомъ. Императоръ обнаруживалъ величайшее смиреніе, говорилъ съ своими собесѣдниками о состояніи своей души, о своихъ прежнихъ грѣхахъ и заблужденіяхъ, и о томъ спокойствіи, которое пріобрѣлъ онъ теперь.... Мы не будемъ подробно разсказывать этихъ бесѣдъ.

Довольно привести нѣсколько частностей. Императоръ больше и больше проникался убѣжденіемъ въ своей грѣховности, въ силѣ покаянія и смиренной молитвѣ. Однажды, когда бесѣда шла объ этомъ предметѣ, онъ сказалъ: «и я могу увѣрить васъ, что часто, когда мнѣ случалось бывать въ скабрезныхъ (такъ онъ выразился) положеніяхъ, я выходилъ изъ нихъ молитвой. Я скажу вамъ вещь, которая чрезвычайно удивила бы свѣтъ, еслибъ была извѣстна: когда въ совѣщаніяхъ съ моими министрами, далеко не имѣющими моихъ принциповъ, они бываютъ противоположныхъ мнѣній, я, вмѣсто того, чтобы спорить, творю внутренно молитву, и они мало-по-малу приходятъ къ принципамъ человѣколюбія и справедливости». Онъ уже давно принялъ обыкновеніе каждый день читать св. писаніе, теперь это чтеніе получало для него еще больше мистическаго значенія, и онъ искалъ въ немъ непосредственныхъ отвѣтовъ на свои сомнѣнія. «19-го іюня, — разсказываетъ Эмпейтазъ, — онъ читалъ 35-й псаломъ; вечеромъ онъ сказалъ намъ, что этотъ псаломъ разсѣялъ въ его душѣ всѣ остававшіяся у него безпокойства относительно успѣха войны; онъ былъ убѣжденъ, что дѣйствовалъ согласно съ волей Божіей».

Эти посѣщенія императоромъ г-жи Крюднеръ не могли не обратить на себя вниманія, и имъ приписывали политическую причину. Эмпейтазъ отвергаетъ эти толкованія. Онъ говоритъ, что г-жа Крюднеръ и онъ, призванные особой волей Провидѣнія успокоить душу императора и дать ему утѣшенія вѣры, нарушили бы самыя священныя обязанности, если бы дали мѣсто какимъ нибудь постороннимъ планамъ; и что люди разныхъ партій, окружавшіе ихъ, никогда не могли воспользоваться ими для своихъ цѣлей. «Нѣтъ, нѣтъ, когда есть убѣжденіе, что за смертью слѣдуетъ судъ и притомъ судъ, рѣшающій на всю вѣчность; когда знаешь, что человѣкъ, умирающій внѣ общенія со Христомъ, умираетъ, также какъ родился, въ осужденіи; тогда невозможно занимать того, кто ищетъ истинъ Евангелія, какими-нибудь иными предметами, кромѣ этихъ неизмѣнныхъ истинъ».

Эмпейтазъ, конечно, говорилъ искренно, — хотя въ концѣ концовъ эти посѣщенія имѣли и политическое значеніе: люди, окружавшіе императора, должны были понимать, что піэтизмъ, въ который императоръ увлекся, естественно можетъ подѣйствовать и на его политическую систему, какъ впослѣдствіи и случилось. Что у г-жи Крюднеръ (а у сотрудника ея еще

меньше) не было никакихъ особенныхъ политическихъ плановъ, этому можно повѣрить: для ея самолюбія знаніе небесныхъ путей Провидѣнія было болѣе лестно, чѣмъ земная политика, или другими словами, г-жѣ Крюднеръ казалось, что она пріобрѣтаетъ вліянія на императора несравненно больше, чѣмъ какіе-нибудь дипломаты.

25-го іюня императоръ Александръ отправился изъ Гейдельберга, чтобы вступить во Францію. Онъ просилъ г-жу Крюднеръ послѣдовать за нимъ. Она выждала нѣсколько времени, пока очистятся дороги, и 14 іюля была въ Парижѣ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

V.

Сношенія съ императоромъ Александромъ въ Парижѣ. — Священный Союзъ, 1815 (іюль — сентябрь).

По приглашенію императора Александра, г-жа Крюднеръ отправилась въ Парижъ. Она пріѣхала туда съ своими спутниками 14-го іюля (за это время прозелитъ ея, баронъ Беркгеймъ, женился на ея дочери), и императоръ пожелалъ, чтобы она поселилась ближе къ дворцу Элизе-Бурбонъ, гдѣ жилъ онъ самъ. Г-жа Крюднеръ поселилась дѣйствительно въ сосѣдствѣ этого дворца, въ отелѣ Моншеню, въ Елисейскихъ поляхъ. Императоръ посѣщалъ ее постоянно.

Біографъ представляетъ г-жу Крюднеръ въ роли нѣкотораго рода духовной руководительницы императора; онъ говоритъ:

«Положеніе г-жи Крюднеръ, при русскомъ императорѣ, въ Парижѣ было гораздо болѣе деликатное, чѣмъ въ Гейдельбергѣ. Чтобы примирить свою вѣрность (принятымъ религіознымъ идеямъ) съ необходимыми уступками, какихъ требовало положеніе Александра, чтобы соединить свободу съ христіанской заботливостью, помогая ему воздерживаться отъ всего, нѣсколько похожаго на зло, и не освобождая его ни отъ какихъ обязанностей, неразлучныхъ съ его саномъ, нужно было имѣть тактъ и мягкое, терпѣливое, *изобрѣтательное благоразуміе* (une prudence ingénieuse), какое можетъ дать только духъ Божій.

Быть можетъ, г-жа Крюднеръ боялась испугать слишкомъ суровой дисциплиной эту еще не укрѣпившуюся душу; ей не хотѣлось утомлять совѣтами человѣка, не привыкшаго ихъ принимать. Александръ скоро успокоилъ ее.

— «Ахъ, не бойтесь ничего, браните меня; съ божіей помощью я буду слушать все, что вы мнѣ скажете».

Біографъ старается представить сколько можно ярче роль своей героини, и въ этомъ случаѣ дѣйствительно имѣлъ къ тому основанія. Въ самомъ дѣлѣ, императоръ постоянно видался съ г-жей Крюднеръ, бесѣдовалъ съ ней, слушалъ ея благочестивыя изліянія и самъ участвовалъ въ нихъ. Его настроеніе, конечно, было тотчасъ замѣчено и вызывало комментаріи; онъ не хотѣлъ обращать на нихъ вниманія. «Положеніе Александра было очень деликатное,—говоритъ сотрудникъ г-жи Крюднеръ,—всѣ глаза были обращены на него, всѣ его поступки подвергались истолкованіямъ. Онъ зналъ конечно, что оставляя партію невѣрующихъ, которые до тѣхъ поръ хвалились, что считаютъ его въ числѣ своихъ адептовъ,—онъ станетъ предметомъ ихъ порицаній и сарказмовъ; но ничто не могло поколебать его вѣры» [1]). Императоръ уединялся, избѣгалъ праздниковъ и увеселеній; религіозное настроеніе овладѣвало имъ больше и больше [2]). Тотъ же современникъ разска-

---

[1]) Empaytaz, Notice, p. 27—28.

[2]) Вотъ, напр., одинъ изъ анекдотовъ, разсказываемыхъ біографами г-жи Крюднеръ о христіанскомъ благочестіи и смиреніи императора Александра въ тѣ времена:

Когда императоръ Александръ отправлялся къ г-жѣ Крюднеръ, его провожалъ обыкновенно довѣренный камердинеръ кн. Волконскаго. Однажды вечеромъ, входя къ г-жѣ Крюднеръ, императоръ спросилъ его, исполнилъ онъ его порученіе? Камердинеръ сознался, въ смущеніи, что онъ забылъ.—Когда я приказываю что-нибудь, я требую, чтобы мои приказанія исполнялись, сказалъ сурово императоръ. Онъ вошелъ затѣмъ въ залу, но на вопросы г-жи Крюднеръ о его здоровьѣ, онъ отвѣчалъ отрывочными, безпокойными фразами. Г-жа Крюднеръ замѣтила его тревогу, и спрашивала о причинѣ. Александръ вышелъ, сказавъ, что онъ сейчасъ вернется. Онъ раскаивался въ своихъ суровыхъ словахъ къ камердинеру. Вышедши къ нему, онъ просилъ у него извиненія, что обошелся съ нимъ такъ сурово, и успокоился не прежде, какъ получилъ это извиненіе отъ растерявшагося слуги. «Александръ вернулся въ залу съ лицомъ, на которомъ изображалась радость доброй совѣсти, и спокойно началъ свой благочестивый разговоръ». Notice sur Alexandre, стр. 37.

зываетъ, что быстрый успѣхъ послѣдней войны императоръ положительно приписывалъ божественному покровительству Это было, конечно, его искреннее убѣжденіе, и сопоставляя эту мысль съ послѣднимъ направленіемъ своихъ идей, онъ, понятнымъ образомъ, долженъ былъ еще больше отдаваться своей религіозности.

Сношенія императора съ г-жей Крюднеръ возбудили и политическое любопытство; въ нихъ сначала подозрѣвали скрытыя политическія цѣли. Г-жа Крюднеръ, нѣкогда знакомая Парижу совсѣмъ въ иномъ видѣ, снова обратила на себя вниманіе своей близостью къ императору. Само собою разумѣется, что ея апостольская роль служила нерѣдко цѣлью остроумія; разсказывали, напр., что кто-то однажды пришелъ къ ней вечеромъ, во время ея молитвенныхъ упражненій, и она сказала ему своимъ обыкновеннымъ эмфатическимъ тономъ: «совершаются великія дѣла; весь Парижъ постится»,—а посѣтитель ея только что пришелъ изъ Пале-рояля, гдѣ всѣ обѣдали, и онъ не могъ разубѣдить ее въ противномъ. Біографъ утверждаетъ, что она пріобрѣла, однако, и много горячихъ друзей и прозелитовъ; что невѣрующіе, приходившіе къ ней, смущались отъ ея вѣры, и равнодушные увлекались. Въ числѣ ея защитниковъ біографъ называетъ людей какъ Бенжаменъ Констанъ, Пюисегюръ, Шатобріанъ, Грегуаръ, Дежерандо, г-жа Рекамье, кн. Софья Волконская и т. д. Но если въ другихъ біографіяхъ, на которыя ополчается Эйнаръ, мы находимъ не совсѣмъ благопріятные отзывы о дѣятельности г-жи Крюднеръ, напр., нападки на ея искусственную торжественность и театральность, то въ нихъ, конечно, отражаются мнѣнія, какія г-жа Крюднеръ уже тогда поселяла о себѣ въ другой части общества.

Въ 7 часовъ вечера у г-жи Крюднеръ происходило обыкновенно богослуженіе ея новой религіи, состоявшее изъ импровизированной молитвы и толкованій писанія; дѣйствующимъ лицомъ бывалъ исключительно сотрудникъ г-жи Крюднеръ, Эмпейтазъ. Обстановка молитвенной залы была самая простая,— и г-жа Крюднеръ не преминула потомъ указывать на эту простоту, съ той точки зрѣнія, какую мы уже не разъ у нея указывали. Нанявъ себѣ просто меблированную квартиру, она хотѣла сама убрать ее;—но «вскорѣ *нѣкоторыя вещи показали мнѣ*, что мнѣ такъ и надо оставить это помѣщеніе безъ зеркалъ, съ нѣсколькими соломенными стульями и самой про-

стой мебелью——Я увидѣла впослѣдствіи, *какъ дѣйствуютъ* на свѣтскихъ людей эти сильные контрасты роскоши, въ которой я всегда жила, и этого полнаго ея отсутствія——Люди видѣли, что я уже не придавала важности ничему, и тѣ, кто быть можетъ никогда о томъ не думалъ, подумали, что должно быть положительное счастіе въ этой евангельской религіи, чистоту которой исполнялъ божественный учитель, Богъ вселенной, покинувъ свою славу на небесахъ, чтобы принять человѣческій образъ и претерпѣть всѣ униженія».

Это — по поводу соломенныхъ стульевъ и отсутствія зеркалъ.

Въ своихъ письмахъ, напр., къ прежней пріятельницѣ фрейлинѣ Стурдзѣ, г-жа Крюднеръ любитъ упоминать, что у нея отнято все время, что она, впрочемъ, бесѣдуетъ только съ тѣми, кому нужна религіозная помощь, что у нея бываютъ герцогини и т. д. Самъ біографъ сознается, что многіе приходили къ ней только изъ любопытства и моды, что другіе, какъ Шатобріанъ, хотѣли только черезъ нее приблизиться къ императору; но съ другой стороны самая мода на г-жу Крюднеръ имѣла свои причины,—въ это время уже разыгрывался тотъ церковный фанатизмъ, который соединился въ реставрацію съ фанатическимъ роялизмомъ. Возвращеніе къ религіи, получавшее почти исключительно реакціонную подкладку, распространялось съ большой силой въ высшемъ обществѣ феодальной реставраціи, и потому г-жа Крюднеръ могла получить особый интересъ для своей аристократической публики. Въ этомъ смыслѣ роль г-жи Крюднеръ дѣйствовала по-своему и на русское общество.

Что касается до императора, то были люди, которые не вѣрили въ его искреннее увлеченіе и объясняли эти его сношенія совсѣмъ инымъ образомъ,—именно политическимъ притворствомъ. Одинъ изъ прежнихъ жизнеописателей г-жи Крюднеръ, Паризо, говоритъ [1]), по поводу тогдашнихъ слуховъ о серьезномъ вліяніи г-жи Крюднеръ на императора и о томъ, что она удаляла его отъ свѣтскихъ развлеченій: «очень вѣроятно, что Александръ мирился съ этими слухами и дѣлалъ видъ, что принимаетъ поученія г-жи Крюднеръ, для того чтобы думали, что онъ преданъ мечтаніямъ, которыя стоятъ квадра-

[1]) Biogr. Universelle (Michaud).

туры круга и философскаго камня, и изъ-за нихъ не видѣли его честолюбія и глубокаго макіавеллизма».

Эйнаръ обличаетъ Париэо слѣдующей выпиской изъ письма г-жи Крюднеръ (въ августѣ 1815):

...«Александръ есть избранникъ Божій; онъ идетъ по путямъ самоотрицанія. Я знаю каждую подробность, почти каждую мысль его жизни; онъ правильно приходитъ сюда [1]) и эта духовная связь, созданная Богомъ, укрѣпляется все больше и больше. Онъ обязанъ иногда бывать въ свѣтѣ, но онъ никогда не отправляется на спектакли или на балы, и онъ говорилъ мнѣ, что эти вещи производятъ на него точно впечатлѣніе похоронъ и что онъ уже не можетъ понимать свѣтскихъ людей, предлагающихъ ему удовольствія».

Эйнаръ приводитъ нѣсколько случаевъ, обнаруживавшихъ благочестивое смиреніе императора; Эмпейтазъ приводитъ его изреченія, выражавшія его аскетическую строгость къ себѣ и христіанское снисхожденіе, и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ вовсе не притворялся въ своихъ сношеніяхъ съ г-жей Крюднеръ, что таково и дѣйствительно было направленіе его мыслей; этому не противорѣчила нисколько и его политическая дѣятельность въ то время, законченная Священнымъ Союзомъ.

Между тѣмъ, дѣятельность г-жи Крюднеръ и въ Парижѣ не обошлась безъ религіозныхъ экстравагантностей. Вслѣдъ за ней, конечно прослышавъ объ ея успѣхахъ, явился въ Парижъ пасторъ Фонтэнь съ своей пророчицей Маріей Куммринъ. Онъ обратился опять къ г-жѣ Крюднеръ. Біографъ старается, повидимому, смягчить ея роль въ этомъ дѣлѣ и говоритъ, что она отказала Фонтэню въ своей поддержкѣ у императора; но судя по словамъ того же біографа, что «благоразуміе императора избавило г-жу Крюднеръ отъ ея злого генія» (т. е. Фонтэня), и судя по тому еще, что Фонтэнь представился Александру все-таки въ домѣ г-жи Крюднеръ, надо предполагать, что она была не совсѣмъ безучастна въ угощеніи императора пророчествами Куммринъ.

Это разсказывается такимъ образомъ:

«Въ первомъ экстазѣ, какой пророчица имѣла по пріѣздѣ въ Парижъ, она возвѣстила, что *будетъ имѣть* второй экстазъ *на другой день* въ передней залѣ (отеля Моншеню). *Г-жа Крюд-*

[1]) Т. е. въ домъ г-жи Крюднеръ.

неръ провела нѣсколько часовъ въ молитвѣ, прося Бога открыть свою волю. Между тѣмъ, императоръ пришелъ въ обыкновенный часъ, и въ передней залѣ нашелъ Марію Куммринъ, лежавшую на канапе. Онъ спросилъ, что это значитъ; г-жа Крюднеръ молчала; Фонтэнь началъ говорить и объявилъ императору, что это—пророчица Всевышняго, которая будетъ говорить къ нему отъ Бога. Императоръ садится, готовый слушать, и Марія Куммринъ начинаетъ натянутую рѣчь, которая кончалась просьбой о деньгахъ на основаніе христіанской общины въ окрестностяхъ Вейнсберга. Г-жа Крюднеръ встала, услышавъ это, и вышла съ своей дочерью. Черезъ минуту она вернулась, прося Александра перейти въ салонъ. Александръ послѣдовалъ за ней, остановилъ ея извиненія, сказавши, что онъ довольно знаетъ свѣтъ, чтобы не дать себя обмануть благочестіемъ людей, которые такъ торопятся просить денегъ, и посовѣтовалъ ей какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ этихъ людей. — Черезъ два дня Фонтэнь отправился изъ Парижа».

Невыгодное впечатлѣніе этой исторіи пока еще миновало г-жу Крюднеръ. Она продолжала играть свою роль, и въ началѣ сентября фигурировала на извѣстномъ военномъ торжествѣ въ лагерѣ Вертю, въ Шампани, гдѣ императоръ Александръ дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ и гдѣ на другой день совершено было религіозное торжество—благодарственный молебенъ, отслуженный православными священниками. Г-жа Крюднеръ отправилась туда со своей свитой, и поселилась невдалекѣ отъ лагеря, въ замкѣ дю-Мениль. «Съ утра явились за ней императорскіе экипажи, — говоритъ Сенъ-Бёвъ[1]),—и почести, которыя Людовикъ XIV оказалъ г-жѣ Ментенонъ въ компьенскомъ лагерѣ, не превосходятъ того почтенія, какое завоеватель воздалъ г-жѣ Крюднеръ. Родъ тріумфа, который она имѣла въ лагерѣ Вертю, обозначитъ высшую точку и, такъ сказать, свѣтлую вершину ея вліянія». Г-жа Крюднеръ описала потомъ это торжество въ брошюрѣ «Le camp de Vertus». Это — патетическій диѳирамбъ, гдѣ она призываетъ торжество вѣры, превозноситъ Александра и дѣлаетъ воззванія къ Франціи, «древнему наслѣдію галловъ, дочери святого Людовика и столькихъ святыхъ, призвавшихъ на нее вѣчныя благословенія»: «возвращайся *вся*,— восклицаетъ она, обращаясь къ этой Франціи,—потому что ты

---

[1]) Notice (при Valérie), стр. XXIV, XXVII.

стала безсмертіемъ; *ты не плѣнница* въ узахъ смерти» etc. Наконецъ она указываетъ на крестъ, поставленный на этомъ мѣстѣ, какъ на великолѣпный алтарь, который долженъ соединить все и который будетъ говорить: «Здѣсь преклонялся передъ Іисусомъ Христомъ герой и армія, любезная его сердцу; здѣсь народы Сѣвера *просили о счастіи Франціи*».

Тонъ этого диѳирамба объясняетъ, между прочимъ, почему г-жѣ Крюднеръ приписывали такое прямое политическое вліяніе, какого на дѣлѣ она, по всей вѣроятности, не имѣла. Историки, принимающіе это вліяніе, разсказываютъ, что Каподистрія и Поццо-ди-Борго благопріятно смотрѣли на то вліяніе, какое имѣла г-жа Крюднеръ на императора Александра и которое будто бы отражалось на политическихъ планахъ, принятыхъ тогда императоромъ относительно Франціи; герцога Ришелье называютъ даже прямо посредникомъ между Людовикомъ XVIII и г-жей Крюднеръ съ ея обществомъ, и въ этомъ обществѣ указываютъ присутствіе дѣятельныхъ политическихъ пружинъ, напр., объ одной изъ прежнихъ пріятельницъ г-жи Крюднеръ, г-жѣ Лезэ-Марнезіа, говорятъ, что «въ своей дружбѣ съ г-жей Крюднеръ она какъ бы предуказывала союзъ между Россіей и Франціей, который Провидѣніе хочетъ сдѣлать путемъ и средствомъ возстановленія религіи» [1]).

Едва ли, впрочемъ, политическое вліяніе, приписываемое г-жѣ Крюднеръ, было серьезно на дѣлѣ. Конечно, христіанская проповѣдь, которую держала постоянно г-жа Крюднеръ, естественно могла внушать смиреніе въ побѣдѣ, великодушіе къ врагамъ: это еще больше могли внушать французскія связи г-жи Крюднеръ. Но политика императора Александра и безъ того опредѣлялась уже въ этомъ смыслѣ достаточными данными. Императоръ Александръ разъ уже явился великодушнымъ побѣдителемъ Франціи; эта роль такъ соотвѣтствовала его настроенію и вознаграждалась такимъ благопріятнымъ впечатлѣніемъ въ странѣ и такъ отвѣчала интересамъ Россіи, что онъ готовъ былъ и теперь сохранить ее. Ближайшій совѣтникъ императора Каподистрія постоянно указывалъ политическія соображенія, побуждавшія щадить Францію: черезъ это можно было впослѣдствіи имѣть вліяніе на ходъ ея политики и вступить

---

[1]) Th. *Bernhardi*, Gesch. Russlands und der Europ. Politik, 1814–31. I, 449. Ср. *Pertz*, Stein's Leben IV, 564.

съ нею въ союзъ, а этотъ союзъ былъ бы полезенъ Россіи противъ соперничества Австріи и Англіи — между прочимъ въ восточныхъ дѣлахъ, въ интересахъ близкаго сердцу Каподистріи греческаго вопроса. Смотръ въ Вертю имѣлъ видъ демонстраціи, быть можетъ, онъ и сдѣланъ былъ съ этой цѣлью: императоръ хотѣлъ показать союзникамъ огромныя силы, которыя онъ имѣлъ подъ рукой въ поддержку своихъ намѣреній, и такъ какъ этотъ смотръ, собственно говоря, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ шумнымъ объявленіемъ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Франціи, то демонстрація получала и другое значеніе: выступленіе войскъ показывало, что Россія не намѣрена больше участвовать въ дальнѣйшей войнѣ съ Франціей, если бы переговоры не пришли къ мирному концу [1]).

Слова и дѣйствія г-жи Крюднеръ могли соотвѣтствовать этимъ политическимъ событіямъ. Ея связи сближали ее съ императоромъ и съ французскимъ обществомъ. Она имѣла друзей и въ дипломатической и въ интимной обстановкѣ императора: мы упоминали о прежнихъ ея знакомствахъ,— теперь къ нимъ присоединяется между прочимъ имя княгини Софьи Волконской (жены начальника главнаго штаба имп. Александра, впослѣдствіи фельдмаршала кн. П. М. Волконскаго), принадлежавшей къ дружескому дамскому кружку императора [2]); она сошлась теперь, кажется, и съ братомъ своей пріятельницы А. Стурдзой, состоявшимъ тогда при Каподистріи. Съ другой стороны, она имѣла друзей въ роялистской и набожной французской аристократіи. «Прекрасная Франція» была издавна ея пассіей: здѣсь нѣкогда совершались другія ея дѣянія, она жила долго въ средѣ французскаго общества, и когда здѣсь же началась теперь для нея новая эффектная роль, Франція снова стала ей любезна и прекрасна, и она поэтизировала ея возрожденіе. При всемъ томъ, за г-жей Крюднеръ едва ли можно считать какое-либо прямое политическое вліяніе, кромѣ той общей, неопредѣленной мистической религіозности, которую она поддерживала и усиливала въ императорѣ Александрѣ.

Дѣло въ томъ, что мысли ея едва ли останавливались прочно на какомъ-нибудь реальномъ предметѣ. Господствующей чертой оставалась хвастливая экзальтація. Ей нравилось, когда окружала

---

[1]) Тамъ же, стр. 468.
[2]) Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. III, стр. 311—314.

ее аристократическая толпа; ея профессія, проповѣдь, была въ то же время и выставка; при всемъ самоуничиженіи, какое она на себя налагала, она съ видимымъ удовольствіемъ говоритъ въ письмахъ о посѣщающихъ ее дюшессахъ, разсказываетъ даже, какъ посѣтилъ ее одинъ англичанинъ, объѣхавшій кругомъ свѣта и который, вѣроятно, смотрѣлъ на нее просто какъ на новую диковину, какихъ онъ еще не видывалъ въ своемъ кругосвѣтномъ путешествіи. Вообще, она слѣдовала только влеченіямъ своей религіозно-фантастической экзальтаціи, и имѣла сознаніе, что настоящая минута была въ особенности благопріятна для принятой ею роли [1]).

Но ей предстояло принять участіе еще въ одномъ знаменательномъ событіи этихъ дней,—именно получить извѣстную долю участія въ составленіи акта Священнаго Союза.

Въ то время нерѣдко приписывали этотъ актъ непосредственному вліянію г-жи Крюднеръ; говорили, что она внушила самую мысль Священнаго Союза, и приписывали ей большую или меньшую роль въ составленіи акта. Это мнѣніе было не совсѣмъ точно. Нѣсколько ближайшихъ свидѣтелей оставили слѣдующія воспоминанія о происхожденіи знаменитаго документа.

Сотрудникъ г-жи Крюднеръ, ея постоянный аколитъ въ это время, священникъ ея религіи, участвовавшій въ ея бесѣдахъ и молитвахъ съ императоромъ, разсказываетъ объ этомъ (въ 1828 году) такъ:

«За нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Парижа, — говоритъ, онъ—императоръ Александръ сказалъ намъ: Я оставляю Францію; но до своего отъѣзда я хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу хвалу, которой мы обязаны ему за оказанное намъ покровительство, и призвать народы стать въ повиновеніе Евангелія. Я принесъ вамъ проектъ этого акта, и прошу васъ внимательно разсмотрѣть его, и если вы не одобрите въ немъ какого-нибудь выраженія, то укажите мнѣ его. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король

---

[1]) Сенъ-Бёвъ говоритъ: «Il est certain qui 1815 fut un moment décisif, et aux esprits religieux il doit sembler que l'épreuve était de force à susciter son témoin mystique et son prophète. Madame de Krudener s'est moins trompée sur l'importance de 1815 même que sur les conséquences qu'elle en augurait» (стр. XXVIII) Мы это еще увидимъ дальше; замѣтимъ, впрочемъ, что не нужно было особенной прозорливости, чтобы въ 1815 году понять важность 1815 года.

прусскій соединились со мной въ этомъ актѣ богопочтенія, чтобы люди видѣли, что мы какъ восточные маги признаемъ верховную власть Бога Спасителя. Вы будете вмѣстѣ со мной просить у Бога, чтобы мои союзники были расположены подписать его.

«На другой день Александръ пришелъ взять свой проектъ; онъ съ величайшимъ смиреніемъ принялъ представленныя ему замѣчанія. На слѣдующій день онъ далъ его для подписи союзнымъ государямъ. Онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что они тотчасъ раздѣлили его взгляды. Вечеромъ онъ пришелъ къ намъ разсказать о томъ, что было имъ сдѣлано, и возблагодарить Бога за счастливый успѣхъ.

«Таково происхожденіе этого Священнаго Союза, который занималъ всѣ умы, о которомъ дѣлались такія противоположныя сужденія.

«Если какой-нибудь другой государь хотѣлъ воспользоваться этимъ актомъ, столь простымъ и столь чистымъ по своей сущности, для поддержанія системы своей политики, то злоупотребленіе, сдѣланное имъ, не можетъ ни въ чемъ измѣнить прямодушія и благочестія намѣреній Александра» [1]).

Такимъ образомъ, идея Священнаго Союза остается вполнѣ за императоромъ Александромъ; г-жа Крюднеръ узнала объ актѣ только отъ самого императора, и ея участіе ограничивалось только нѣкоторыми замѣчаніями.

Близкій также свидѣтель этого дѣла, А. Стурдза, подтверждалъ Эйнару полную принадлежность идеи этого акта императору Александру. «Мнѣ первому—говорилъ Стурдза—пришлось списать и слегка исправить (retoucher) актъ Священнаго Союза. весь написанный карандашемъ, рукой императора. Мнѣ неизвѣстно, имѣла ли г-жа Крюднеръ какое-нибудь вліяніе на мысль и редакцію этого достопамятнаго документа; но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ существеннымъ образомъ принадлежалъ мысли и религіозному чувству Александра», и пр. Такимъ же образомъ Стурдза разсказываетъ это въ своихъ запискахъ о жизни графа Каподистріи. Императоръ самъ написалъ вчернѣ актъ, и призвавши однажды утромъ графа Каподистрію (жившаго съ Стурдзой въ верхнемъ этажѣ Элизе-Бурбонскаго дворца), велѣлъ ему просмотрѣть это, сказавши: «я не мастеръ

---

[1]) Empaytaz, Notice, стр. 36—38.

вашихъ дипломатическихъ формъ и обрядовъ; прибавьте необходимое, введите лучшій порядокъ мыслей, но сущности ихъ отнюдь не измѣняйте! Это мое дѣло; я началъ и, съ Божіею помощью, довершу». Каподистрія поручилъ Стурдзѣ переписку и отдѣлку выраженій. При этомъ Стурдза почему-то раздѣлилъ актъ вмѣсто трехъ на четыре статьи. Каподистрія въ тотъ же день представилъ обработанный проектъ Александру. Онъ одобрилъ всѣ внесенныя мелкія измѣненія, кромѣ только раздѣленія на *четыре* статьи. Поэтому актъ былъ переписанъ вновь, въ *трехъ* статьяхъ, и въ этомъ видѣ Александръ оставилъ его у себя. На другой же день, по словамъ Стурдзы, Александръ имѣлъ свиданіе съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ и склонилъ ихъ къ участію въ трактатѣ [1]). И здѣсь Стурдза ничего не говоритъ объ участіи г-жи Крюднеръ въ редакціи трактата; но нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ передъ тѣмъ, показываютъ, что и въ его представленіи г-жа Крюднеръ имѣла, однако, нравственное вліяніе въ возникновеніи Священнаго Союза. Упомянувъ о тогдашнемъ благочестивомъ и смиренно христіанскомъ настроеніи императора Александра, Стурдза изображаетъ г-жу Крюднеръ, какъ «рѣдкое явленіе въ нравственномъ мірѣ, ибо въ сердцѣ ея горѣла истинная любовь къ ближнему», и отношенія ея къ императору представляетъ въ такихъ словахъ: «Въ бесѣдахъ сей знаменитой женщины съ императоромъ, еще на берегахъ Неккера (Неккара) и потомъ въ Парижѣ, разговоръ невольнымъ образомъ склонялся къ священной цѣли всѣхъ благочестивыхъ желаній—къ славѣ имени Христова и къ освященію союза народовъ его ученіемъ и духомъ. *Такимъ образомъ* возникъ проектъ братскаго и христіанскаго союзовъ [2])».

Эйнаръ приводитъ дальше свидѣтельство герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, брата прусской королевы Луизы, къ которому Эйнаръ обращался за свѣдѣніями для своей исторіи,—герцогъ положительно думалъ, что Священный Союзъ надобно считать дѣломъ г-жи Крюднеръ. Но Эйнаръ считаетъ это мнѣніе совершенной ошибкой.

Еще одно важное указаніе дѣлаетъ евангелическій прусскій епископъ Эйлертъ, другъ и историкъ короля Фридриха-Виль-

---

[1]) Жизнь гр. Каподистріи, въ Чтен. М. Общ. Ист. и Др. 1864, кн. 2, стр. 69.

[2]) Чтенія М. Общ., тамъ же.

гельма III. Въ своей книгѣ объ этомъ королѣ Эйлертъ приводитъ собственный разсказъ императора, слышанный имъ отъ самого Александра въ 1818 году. Въ этомъ разсказѣ императоръ приписывалъ первую мысль о союзѣ королю прусскому и относилъ ея возникновеніе еще къ началу послѣднихъ войнъ съ Наполеономъ.

«Въ дни битвъ при Люценѣ, Дрезденѣ, Бауценѣ,—говорилъ Александръ Эйлерту,—послѣ столькихъ безплодныхъ усилій, или несмотря на величайшій героизмъ нашихъ войскъ, мы тѣмъ не менѣе вынуждены были отступить; вашъ король и я, мы не могли не притти къ убѣжденію, что власть человѣческая ничтожна и что Германія погибнетъ, если не будетъ особенной помощи и благословенія божественнаго Промысла. Мы ѣхали рядомъ, вашъ король и я, безъ свиты; мы оба были серьезны, предавшись своимъ размышленіямъ, и молчали. Наконецъ, этотъ любезнѣйшій изъ моихъ друзей прервалъ молчаніе и обратился ко мнѣ съ этими словами: «Такъ дѣло не можетъ итти! мы направляемся къ востоку, между тѣмъ мы хотимъ и мы должны итти къ западу. Мы придемъ туда, съ Божіей помощью. Но если, какъ я надѣюсь, Богъ благословитъ наши соединенныя усилія, тогда провозгласимъ передъ лицомъ всего міра наше убѣжденіе, что слава принадлежитъ Ему одному». Мы обѣщали это другъ другу и мы искренно пожали руки. Затѣмъ послѣдовали побѣды при Кульмѣ, при Кацбахѣ, при Гросберенѣ и Лейпцигѣ, и когда, прибывъ въ Парижъ, мы были въ концѣ труднаго странствія, король прусскій вспомнилъ наши святыя рѣшенія, первая мысль о которыхъ принадлежала ему, и благородный императоръ австрійскій, раздѣлявшій наши взгляды, наши чувства и стремленія, охотно вошелъ въ нашъ союзъ. Первая идея Священнаго Союза явилась въ трудную минуту; она осуществилась въ болѣе прекрасный моментъ благодарности и счастія. Она вовсе не дѣло наше, а дѣло Бога. Самъ Искупитель внушилъ всѣ мысли, какія заключаетъ этотъ актъ, всѣ принципы, которые онъ провозглашаетъ. Кто не признаетъ и не чувствуетъ этого, кто, примѣшивая къ святому мірское, видитъ здѣсь только заднія мысли и тайные планы политики, тотъ не имѣетъ голоса въ этомъ вопросѣ, и было бы безполезно допускать его [1])».

---

[1]) Eylert, Charakterzüge und histor. Fragmente aus dem Leben Fridrich Wilhelms III, II, стр. 246—248.

Эйнаръ справедливо замѣчаетъ, что этотъ разсказъ не противорѣчитъ приведеннымъ выше даннымъ: первая мысль могла принадлежать Фридриху-Вильгельму, но Александръ развилъ и формулировалъ ее въ актѣ, переписанномъ Стурдзой и пересмотрѣнномъ г-жей Крюднеръ. Мнѣніе герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, хотя очень близкаго къ этимъ событіямъ, но не имѣвшаго прямыхъ свѣдѣній, легко объясняется тогдашними толками о тѣсной дружбѣ императора съ г-жей Крюднеръ и сходствомъ религіозной восторженности у обоихъ. На другой день послѣ того, какъ договоръ былъ подписанъ союзниками, императоръ Александръ посѣтилъ г-жу Крюднеръ; съ радостью разсказывалъ объ успѣхѣ дѣла и вмѣстѣ съ ней и ея сподвижникомъ приносилъ благодарственную молитву—понятно, что г-жѣ Крюднеръ могла быть приписываема и самая иниціатива.

«Имя Священнаго Союза,—замѣчаетъ еще Эйнаръ,—обозначаетъ въ пророчествахъ Даніила союзъ государей, которые будутъ царствовать въ послѣднія времена. Тамъ говорится о борьбѣ, которая произойдетъ между царемъ Сѣвера и царемъ Юга. Этотъ послѣдній наступаетъ съ большой арміей, но терпитъ пораженіе вслѣдствіе заговоровъ, составленныхъ противъ него окружающими, и многіе ранены смертельно въ битвѣ».

«Нѣкоторыя другія подробности, — прибавляетъ тотъ же авторъ,—взятыя отдѣльно, заставляли предполагать, что г-жа Крюднеръ считала событія 1815 года исполненіемъ пророчества Даніила. Мы этого не думаемъ, и ясно видимъ, что она не раздѣляла надеждъ Александра основать на землѣ царство Евангелія, предсказанное пророками, когда писала ему послѣ отъѣзда его изъ Парижа: «Ваши намѣренія велики и прекрасны, но вы еще не можете осуществить ихъ: нужно, чтобы вы помышляли только о своемъ перерожденіи, для того, чтобы все переродить вокругъ васъ; *нужно, чтобы все прошло еще черезъ одинъ великій кризисъ.* Германія, носящая въ себѣ зерно разрушенія, будетъ ниспровергнута (!). Должны появиться турки (!!); англичане не надежны», и т. д.

Какъ бы то ни было, мы видѣли однако, что въ другихъ случаяхъ г-жа Крюднеръ несомнѣнно подразумѣвала въ своихъ пророчествахъ близкое пришествіе тысячелѣтняго царства—фантазію, перенятую у Штиллинга—и говорила объ этомъ въ выраженіяхъ, заставляющихъ думать, что она считала это пришествіе возможнымъ на ея вѣку или на вѣку ея друзей.

Мы не будемъ упоминать здѣсь о судьбѣ, которая постигла Свяшенный Союзъ. Довольно извѣстно, что онъ такъ и остался сантиментальной мечтой, какою былъ въ самой сущности; извѣстно съ другой стороны и то, чѣмъ обнаружилось вліяніе Священнаго Союза на дѣлѣ, какъ, подвергнувшись толкованіямъ Меттерниха, онъ сталъ орудіемъ самой ненавистной реакціи и преслѣдованія всѣхъ живыхъ общественныхъ элементовъ, которые изъ энтузіазма войнъ за освобожденіе вынесли одушевленное стремленіе къ преобразованію общества, къ водворенію справедливости, умственной и гражданской свободы. Въ русскомъ обществѣ, какъ и понятно, было гораздо меньше движеній этого рода,—но наши домашніе консерваторы, вслѣдъ за европейскими, тоже сочли нужнымъ спасать принципы, которымъ пока не предстояло никакой бѣды, и поднимать вопли противъ разрушительнаго духа времени, который, въ сущности, выражался только очень скромными желаніями элементарныхъ улучшеній. Въ способѣ выраженія нашей реакціи господствовалъ нерѣдко тотъ же тонъ, какимъ говорила реакція западной Европы и который былъ очень страненъ у насъ.

Повторился также и тотъ піэтизмъ, какой лежалъ въ основаніи акта Священнаго Союза. На ряду съ людьми, которые дѣйствительно увлекались піэтистическимъ движеніемъ западнаго общества, тономъ изысканнаго благочестія заговорили лицемѣріе и интрига. Въ другомъ мѣстѣ мы приводили различныя черты этого направленія. Наполеонъ и Александръ сравнивались съ апокалиптическими царями Юга и Сѣвера, которые должны сражаться при концѣ временъ: отсюда прямо выводилась необходимость борьбы противъ антихристовыхъ силъ, представляемыхъ невѣріемъ и вольнодумствомъ, и въ господствующемъ тонѣ піэтистовъ покаянныя сокрушенія дико мѣшались съ инквизиторскими замашками. Теперь еще не было пока этого озлобленія и обскурантизма—напротивъ, какъ самъ императоръ проникнутъ былъ въ это время самыми либеральными намѣреніями, такъ и въ обществѣ мистицизмъ еще не дошелъ до своихъ крайнихъ практическихъ слѣдствій; но рано или поздно, онъ долженъ былъ притти къ нимъ. Въ развитіи этого апокалиптическаго направленія и тона въ русскомъ обществѣ, г-жѣ Крюднеръ также, кажется, слѣдуетъ приписать извѣстную долю вліянія вмѣстѣ съ Юнгомъ Штиллингомъ, библейскими дѣятелями и т. д.

Что касается до того, считала ли г-жа Крюднеръ событія 1815 года исполненіемъ Даніиловыхъ пророчествъ или не считала, какъ это старается опредѣлить Эйнаръ,—надъ этимъ вопросомъ, конечно, не стоитъ трудиться Замѣтимъ, что послѣ 1815 года, который, въ глазахъ многихъ, оправдалъ ея пророчества, она не прекратила своего прорицательства. Оно было такъ пикантно для ея проповѣднической роли, что г-жа Крюднеръ и послѣ 1815 года продолжала предвѣщать какія-то неясныя, но «великія» событія и страшные перевороты. Эйнаръ замѣчаетъ по поводу ея письма къ императору: «Быть можетъ, г-жа Крюднеръ считала событія, которыя она возвѣщала, болѣе близкими, чѣмъ *они были на дѣлѣ*. Быть можетъ даже, она совершенно обманывалась»,—но онъ все-таки находитъ прекраснымъ то, что она не теряла изъ виду душевнаго освященія Александра, что она «понимала, что для него было нужно только одно—оставаться въ повиновеніи (?), и имѣла смѣлость говорить ему это безъ опасенія оскорбить его. Эта прямота и эта христіанская вѣрность имѣютъ право на все наше уваженіе» и т. д. По нашему мнѣнію, прорицательства г-жи Крюднеръ едва ли заслуживаютъ такихъ благосклонныхъ отзывовъ. Психологически можно понять тѣ неопредѣленныя мистическія ожиданія, какими живутъ религіозныя секты, особенно секты, распространяющіяся въ мало развитой экзальтированной массѣ; таковы бывали фантастическія ожиданія хиліастовъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ, ждавшихъ близкаго основанія тысячелѣтняго царства, основывавшихъ новые Іерусалимы, отправлявшихся жить на Араратъ и т. п. Въ обществѣ, каково наше, съ его религіозной опытностью, такія ожиданія труднѣе понять въ человѣкѣ образованномъ; но они все еще возможны въ людяхъ съ пламенной фантазіей. Но когда прорицанія принимаютъ тѣ формы, какія мы находимъ у г-жи Крюднеръ, когда предвѣщанія дѣлаются съ сознаніемъ положенія вещей (что, конечно, у нея бывало) и претендуютъ вмѣшиваться въ практическую жизнь и указывать дипломатическія комбинаціи, когда въ предвѣщаніяхъ являются Германія, турки и англичане,—то это было, если не шарлатанство, то крайнее разстройство воображенія.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, императоръ Александръ просилъ г-жу Крюднеръ пріѣхать также въ Петербургъ. 27-го сентября онъ простился съ ней и съ ея друзьями, и оставилъ ей паспортъ, предоставлявшій ей пріѣхать, съ кѣмъ и какимъ

путемъ она захочетъ. Недостатокъ въ деньгахъ задержалъ ея отъѣздъ изъ Парижа до конца октября; потомъ другія обстоятельства надолго удержали ее отъ поѣздки въ Россію.

Но вскорѣ и самыя отношенія къ ней Александра совершенно измѣнились.

VI.

Странничество и проповѣдь въ Швейцаріи и Германіи. 1815—1818.

Императоръ Александръ уже скоро разочаровался въ г-жѣ Крюднеръ. Едва ли можно сомнѣваться, что этому способствовали и нѣкоторыя собственныя ея свойства, которыя въ ея отсутствіи могли ярче представиться императору и иначе освѣтить всю ея личность. Мы упоминали, напримѣръ, объ угощеніи императора предвѣщаніями Куммринъ; предсказанія самой г-жи Крюднеръ о туркахъ, вѣроятно, также не производили благопріятнаго впечатлѣнія въ умѣ императора, и т. д. Въ упомянутомъ нами выше письмѣ кн. Мещерской приводятся слѣдующія слова императора о г-жѣ Крюднеръ. Императоръ говорилъ о своей неожиданной встрѣчѣ съ г-жей Крюднеръ въ ту минуту, когда онъ мысленно желалъ, чтобы Богъ послалъ ему человѣка, который бы помогъ ему понять правильно его святую волю—и затѣмъ продолжалъ: «Нѣсколько времени я думалъ, что Богъ именно ее и хотѣлъ назначить для этой цѣли; но я *очень скоро* увидѣлъ, что этотъ свѣтъ былъ не что иное, какъ ignis fatuus» (блудящій огонь). Это были его собственныя слова»,—прибавляетъ кн. Мещерская [1]). Кромѣ личныхъ впечатлѣній, на мнѣнія императора должны были подѣйствовать дальнѣйшія похожденія г-жи Крюднеръ въ Швейцаріи и Германіи, которыя вскорѣ сдѣлали имя ея басней для цѣлой Европы.

Біографъ старается объяснить сколько можно выгоднѣе для своей героини эти ея похожденія и послѣдовавшее вскорѣ охлажденіе императора. По мнѣнію его, въ этомъ послѣднемъ виновата была предательская политика Меттерниха.

«Роль, которую четыре мѣсяца играла г-жа Крюднеръ,—говоритъ онъ,—была слишкомъ замѣтна, чтобы не возбудить къ себѣ вниманія и недовѣрчивости въ подозрительной политикѣ, мало благопріятной для религіозныхъ умозрѣній. Эта политика

---

[1]) Pinkerton, Russia, стр. 370.

пугалась уже большого вліянія ея на русскаго императора, когда онъ просилъ ея одобренія для договора о Священномъ Союзѣ. Австрійская дипломатія, вынужденная по крайней мѣрѣ по наружности покориться тяжелой необходимости этого духовнаго согласія между народами и царями, о которомъ мечталъ Александръ, рѣшилась нейтрализовать его дѣйствіе: но для этого нужно было удалить императора отъ г-жи Крюднеръ, и съ этого дня все было пущено въ ходъ, чтобы выстроить между ними стѣну. Въ то время какъ начинали мало-по-малу дѣйствовать на императора, чтобы отдалить его отъ нея, г-жа Крюднеръ сама попадала въ *сѣти, искусно разставленныя* на ея дорогѣ. Чтобы избѣжать этихъ засадъ, чтобы сохранить довѣріе императора, которое усиливались у нея отнять, надо было бы прямо послѣдовать за нимъ въ Россію. Но у г-жи Крюднеръ не было иной воли, кромѣ воли дѣлать Божіе дѣло и говорить о спасеніи; она не искала человѣческой славы. Простодушіе голубицы, которое она противопоставляла коварству и интригамъ дипломатіи, вскорѣ должно было успокоить ея противниковъ, показавъ имъ, какъ ошибались они, когда боялись ея».

Эйнаръ не разсказываетъ, однако, какія именно сѣти были разставляемы г-жѣ Крюднеръ. Напротивъ того, все, что она дѣлала въ это время, вполнѣ было дѣломъ ея собственныхъ вкусовъ и доброй воли.

Выѣхавши въ концѣ октября изъ Парижа, г-жа Крюднеръ отправилась въ Швейцарію, гдѣ у нея были старыя знакомства по «дѣламъ царства Божія» и теперь завязалось множество новыхъ. Въ Базелѣ ее познакомили съ успѣхами «возбужденныхъ», о которыхъ намъ случалось говорить въ другомъ мѣстѣ [1]), успѣхами, пріобрѣтенными проповѣдью Бооза, Линдля и Госнера; она примкнуда къ библейской дѣятельности въ Базелѣ, въ которой усерднымъ пропагандистомъ былъ нѣкто Келльнеръ, ставшій теперь ближайшимъ сотрудникомъ и спутникомъ г-жи Крюднеръ; здѣсь же, по стараніямъ ея и ея друзей, основалось «общество религіозныхъ трактатовъ» (такія общества устраивались обыкновенно рядомъ съ библейскими). Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалась ревностная проповѣдь новой религіи. Въ это время сынъ г-жи Крюднеръ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ при швейцарской республикѣ; г-жа Крюднеръ провела нѣсколько

---

[1]) «Р. Библ. Общество, «В. Евр.» 1868. [См. выше, стр. 132 сл.].

времени въ Бернѣ, но когда проповѣди ея самой и ея друзей стали привлекать къ ней многолюдныя сборища, бернское правительство, по внушеніямъ австрійскаго кабинета, находившаго ея пропаганду опасной, попросило ее удалиться изъ города.

Въ это вторичное пребываніе въ Базелѣ, успѣхъ проповѣди, по словамъ біографа, былъ чрезвычайный. На моленія, совершавшіяся у г-жи Крюднеръ, собирались такія многочисленныя толпы, что это стало возбуждать неудовольствія и опасенія; духовенство возставало противъ непризванныхъ пророковъ, и полиція нашла, наконецъ, нужнымъ вмѣшаться. Г-жа Крюднеръ и ея спутники закрывались паспортомъ отъ императора Александра, но тѣмъ не менѣе отъ нея потребовали, чтобы она оставила городъ. Она затруднялась было разными неудобными обстоятельствами, но эти затрудненія были устранены — по мнѣнію г-жи Крюднеръ и ея біографа—непосредственнымъ вмѣшательствомъ Провидѣнія: ей нечѣмъ было расплатиться въ отелѣ, но «cher Sauveur» послалъ къ ней человѣка, который далъ ей взаймы тысячу экю; ей нужно было выѣхать куда-нибудь изъ города— и къ ней явился одинъ подгородный житель съ предложеніемъ своего домика. Въ этомъ домикѣ, въ Гернлейнѣ близъ Базеля, она и поселилась.

Въ самомъ обществѣ г-жа Крюднеръ производила двоякое дѣйствіе. Въ то возбужденное время, при энтузіастическомъ жарѣ проповѣдниковъ, понятно, что ея кружокъ находилъ себѣ не мало послѣдователей и въ образованной части общества,— хотя главнымъ образомъ увлекалась болѣе простодушная масса; въ средѣ духовенства находились люди, признававшіе за ней достоинства христіанской любви и искренняго благочестиваго увлеченія,—въ обществѣ также находились прозелиты. Біографъ съ особеннымъ удареніемъ говоритъ объ обращеніи нѣкоего Лашеналя, профессора философіи въ Базелѣ:—«вся его философія исчезла какъ утренній туманъ передъ простотой Евангелія», которую проповѣдовалъ одинъ изъ друзей г-жи Крюднеръ. Лашеналь оставилъ свою каѳедру и сдѣлался ея послѣдователемъ. Но съ другой стороны г-жа Крюднеръ возбуждала и сильную вражду. Газеты начали заниматься ею и судили ее весьма неблагосклонно; одинъ корреспондентъ изъ Базеля описывалъ ея общество какъ секту конвульсіонеровъ; ее изображали въ каррикатурахъ,—на одной изъ этихъ каррикатуръ она была изображена стоящею на бочкѣ и окруженною слу-

жанками, къ которымъ она обращаетъ слѣдующія утѣшительныя слова: «придетъ время, когда господа сами будутъ мыть зелень и ходить за водой, и когда всѣ служанки будутъ ходить въ шелковыхъ платьяхъ». Выраженіе радости у этихъ бѣдныхъ служанокъ схвачено хорошо,—замѣчаетъ біографъ; но, вѣроятно, не совсѣмъ дурно схвачена была и сущность проповѣдей г-жи Крюднеръ.

Въ это время, въ концѣ 1815 или началѣ 1816, случилось одно обстоятельство, которое, вѣроятно, было причиной окончательнаго охлажденія императора къ г-жѣ Крюднеръ. Въ этомъ обстоятельствѣ играетъ роль все тотъ же Фонтэнь, относительно котораго императоръ самъ уже остерегалъ г-жу Крюднеръ. Біографъ не разсказываетъ факта, желаетъ даже обойти его, и разыскивать его не особенно важно,—но дѣло только въ томъ, что этотъ пастырь, къ которому г-жа Крюднеръ питала такую дружбу, довелъ свои подвиги до крайней наглости: полиція предупредила послѣдній скандалъ: виртембергское правительство произвело слѣдствіе и изгнало Фонтэня изъ страны и секвестровало имѣнье Раппенгофъ, купленное въ прежнія времена для него г-жею Крюднеръ.

Разсказывая послѣдствія этой исторіи, біографъ старается сколько можно охранить интересы своей героини,—но, какъ увидимъ, это было довольно мудрено.

«Русскаго императора не замедлили извѣстить о дурномъ поведеніи этого протеже г-жи Крюднеръ,—говоритъ онъ,—ему дѣлали даже упреки за оказанное ей покровительство. Александръ не могъ ни на минуту смѣшать ее съ этимъ негодяемъ; но г-жа Крюднеръ, запутанная *связями, которыми Фонтэнь умѣлъ окружить ее, не могла протестовать противъ его поведенія* со всей энергіей своего негодованія. Быть можетъ, она даже не сдѣлала бы этого, еслибъ и могла, чтобъ не отягощать человѣка, на котораго уже легла рука правосудія.

«Александръ доводилъ свою осмотрительность до крайности; ему было очень непріятно, что онъ могъ быть хоть на минуту компрометтированъ, даже косвенно, дурнымъ поведеніемъ человѣка, имя котораго, нѣкоторымъ образомъ, соединялось съ именемъ г-жи Крюднеръ. Язвительныя донесенія, съ намѣреніемъ сдѣланныя ему объ этомъ, *не охладивъ* его сердца, заставили его закрыть (renfermer) изъявленія своего довѣрія. Это было

новое страданіе, прибавившееся (?) къ другимъ заботамъ, какія причиняла ему отвѣтственность его какъ государя и какъ христіанина.

«Г-жа Крюднеръ увидѣла, что ея Раппенгофское имѣнье было конфисковано для уплаты долговъ Фонтэня. Къ матеріальнымъ затрудненіямъ, испытаннымъ ею вслѣдствіе этого, прибавилась другая печаль—чувствовать, что покровительство и расположеніе императора должны скрываться» (sentir la faveur et l'affection de l'Empereur se voiler), и проч.

Едва ли, однако, таковъ былъ взглядъ императора Александра. Изъ приведеннаго выше замѣчанія его (въ письмѣ кн. Мещерской), достовѣрность котораго едва ли сомнительна, надобно заключать, что императоръ не то что сталъ скрывать свою привязанность къ г-жѣ Крюднеръ, а просто потерялъ эту привязанность. Если онъ сохранилъ впослѣдствіи нѣкоторую мягкость въ своихъ дѣйствіяхъ относительно ея, это была весьма понятная деликатность, за которой вѣроятно не скрывалось никакого особеннаго сочувствія. Дальнѣйшая исторія ея также мало должна была нравиться Александру.

Съ удаленіемъ изъ Базеля, для г-жи Крюднеръ начинается странный періодъ ея жизни и дѣятельности, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ. Это періодъ ея особенной экзальтаціи, когда она выступила съ проповѣдью своего ученія передъ народными массами и практически примѣняла свою религію. Обстоятельства сдѣлали ея дѣятельность очень шумной, и съ одной стороны дали ей огромную популярность въ народѣ, съ другой возбуждали противъ нея вражду и преслѣдованія.

Поселившись въ Гёрнлейнѣ, находившемся на баденской землѣ, г-жа Крюднеръ вскорѣ стала привлекать къ себѣ цѣлыя толпы. Годъ былъ неурожайный, на многихъ фабрикахъ остановились работы, и страна наполнена была множествомъ безпріютнаго народа, который бродилъ отыскивая работы или помощи. Г-жа Крюднеръ ревностно предалась филантропическимъ заботамъ объ этихъ бѣднякахъ, помогала и вмѣстѣ проповѣдовала имъ, многимъ давала пріютъ въ своемъ домѣ и т. д. Достаточно, конечно, было сдѣлать это разъ, чтобы стеченіе бѣдняковъ еще усилилось. Такъ это дѣйствительно и случилось. Наконецъ, ихъ приходило столько, что г-жа Крюднеръ проповѣдовала имъ на открытомъ воздухѣ. Эти собранія стали возбуждать неудовольствіе баденскаго правительства.

Другой кружокъ приверженцевъ г-жи Крюднеръ дѣйствовалъ такимъ же образомъ въ мѣстечкѣ Унтергольцѣ, въ базельскомъ кантонѣ, гдѣ было имѣнье Лашеналя: человѣкъ достаточный, онъ употреблялъ свои средства на эти благотворительныя цѣли. Здѣсь также собирались толпы бѣдняковъ, которымъ раздавали пищу, одежду, многимъ давали пріютъ и медицинскую помощь. Наконецъ, въ Гёрнлейнѣ, къ дому г-жи Крюднеръ приставили стражу, которая должна была не допускать стеченія народа; біографъ говоритъ, что г-жа Крюднеръ своими проповѣдями обращала и самихъ жандармовъ, такъ что къ ней послали, наконецъ, такого жандарма, относительно котораго надѣялись, что на него никакая проповѣдь не подѣйствуетъ. Въ этой осадѣ г-жа Крюднеръ продолжала, однако, свою дѣятельность, и посѣщала также Унтергольцъ, гдѣ трудилась съ своими тамошними друзьями. Но филантропія и проповѣди г-жи Крюднеръ, собиравшія большую массу бѣдняковъ, вызывали въ другой части населенія и весьма враждебныя чувства: однажды толпа напала на домъ Лашеналя въ Унтергольцѣ, и только счастливая случайность избавила г-жу Крюднеръ отъ большихъ оскорбленій.

Имя ея между тѣмъ разносилось по всему краю. Изъ Гёрнлейна она сдѣлала однажды экскурсію въ кантонъ Аарау, куда ее звали ея друзья, и здѣсь она пріобрѣла опять множество приверженцевъ и между прочимъ обращала Песталоцци. Она стала настоящей достопримѣчательностью Швейцаріи; ее посѣщали путешественники англійскіе, французскіе, нѣмецкіе; ее посѣтилъ также извѣстный въ свое время квакеръ Вильямъ Алленъ, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ императоръ Александръ.

Въ февралѣ 1817 г. дѣятельнѣйшій сотрудникъ г-жи Крюднеръ, Эмпейтазъ, и еще нѣсколько другихъ спутниковъ ея, находившихся съ нею въ Унтергольцѣ, подверглись формальному изгнанію изъ базельскаго контона. Сама г-жа Крюднеръ съ другими своими приверженцами была поставлена подъ самый внимательный надзоръ полиціи. Въ это время она сочла нужнымъ оправдать свои дѣйствія, которыя подвергались сильному порицанію въ газетахъ и въ самой оффиціальной сферѣ. Она адресовала такое оправданіе къ баденскому министру внутреннихъ дѣлъ,—это былъ Беркгеймъ, братъ ея зятя Беркгейма, который и теперь оставался ея постояннымъ сотрудникомъ.

Біографъ даетъ большое значеніе этой апологіи, и думаетъ, что она вполнѣ уничтожаетъ всѣ аргументы, обвинявшіе тогда г-жу Крюднеръ; онъ видитъ въ ней замѣчательную защиту дѣла христіанской любви и религіозной свободы, и вмѣстѣ историческое оправданіе самой г-жи Крюднеръ.

Оправданіе г-жи Крюднеръ сводится къ тому, что она исполняетъ прямыя повелѣнія божественной любви и не думала чтобы накормить голоднаго могло быть запрещаемо въ христіанской странѣ. Ее упрекали, что она поощряетъ праздность и удаляетъ людей отъ ихъ прямыхъ духовныхъ наставниковъ; первое она отвергаетъ, представляя картину бѣдствій голодающаго населенія, лишеннаго работы,—она помогала бѣднымъ, потому что этого требуетъ христіанская любовь, и при томъ она знала, что въ подобныхъ случаяхъ правительство никогда не можетъ оказать всей нужной помощи; о второмъ говоритъ, что не можетъ отказывать въ утѣшеніи тѣмъ, кто приходитъ къ ней искать его. Ее упрекали, что она не повинуется распоряженіямъ властей; она заявляетъ, что она никогда не сопротивляется властямъ, «насколько ихъ мѣры не противорѣчили тѣмъ повелѣніямъ, которыя она должна уважать еще больше и за которыя должна быть готова отдать свою жизнь, потому что они исходятъ отъ Бога». Рядомъ съ этимъ, г-жа Крюднеръ проповѣдовала министру внутреннихъ дѣлъ о «единомъ на потребу», объясняла ему ничтожество земныхъ благъ и необходимость думать только о спасеніи души, и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ, она заявляла о великой миссіи, данной ей Богомъ, и объ основаніи новой церкви, предвѣщала великія бѣдствія, которыя падутъ на Европу, и близкое пришествіе страшнаго суда.

Письмо, по всей вѣроятности, мало удовлетворило баденскаго министра. Біографъ считаетъ дѣятельность г-жи Крюднеръ чисто христіанскимъ подвигомъ, на который нападали люди, закоснѣлые въ невѣріи, и правительство, грубой силой останавливавшее порывы христіанскаго энтузіазма, потому что они нарушали рутину его безсердечія. Біографъ находитъ вообще, что г-жа Крюднеръ возбуждала ненависть къ себѣ тѣмъ, что «переходила мѣру христіанства, допускаемую свѣтомъ».

Кто же былъ здѣсь правъ? Нѣтъ сомнѣнія, что г-жа Крюднеръ дѣйствительно выказала въ своей дѣятельности въ Швейцаріи и Баденѣ много самоотверженнаго человѣколюбія, которое приноситъ ей большую честь,—въ данную минуту она облег-

чила много страданій, утѣшила много несчастныхъ, и можетъ быть дѣйствительно внушила даже многимъ людямъ образованнаго класса хотя односторонне-религіозные принципы, на мѣсто полнаго отсутствія всякихъ нравственныхъ принциповъ. Но затѣмъ и самый характеръ г-жи Крюднеръ и способъ ея дѣйствій способны были вызвать не одно только осужденіе, исходящее отъ безсердечія. Личный характеръ легко могъ возбуждать антипатію своими вызывающими свойствами: не могли же административныя и полицейскія власти думать, что передъ ними дѣйствительно находится непосредственная божія посланница, за какую она себя считала и выдавала; нельзя было людямъ разсудительнымъ принимать серьезно ея пророчества о близости второго пришествія и страшнаго суда, и ея новоизобрѣтенную религію. Вѣроятно, въ Швейцаріи нашлось бы достаточно религіозной свободы и для этой религіи, если бы она выражалась въ болѣе скромныхъ формахъ, и не выходила на площадь, гдѣ и сталкивалась (зная о томъ напередъ) съ противной партіей и съ властями. Эти послѣднія не могли не защищать своихъ правъ, и защищали ихъ, конечно, свойственными имъ пріемами. Ея заботы о бѣдствующихъ и обращенія къ народнымъ массамъ способны были возбуждать довольно серьезныя опасенія. Г-жа Крюднеръ при каждомъ удобномъ случаѣ обращалась къ массамъ, читала назиданія молодымъ поколѣніямъ, охотно вступала въ собранія, принимавшія видъ демонстрацій, и т. д. Не говоримъ уже о томъ, что весь характеръ ея природы заставляетъ предполагать при этомъ желаніе выставляться и рисоваться; при всѣхъ самоуничиженіяхъ, съ какими она любила о себѣ говорить, она не забываетъ выставлять себя божіей посланницей, устроительницей «небесныхъ дѣлъ», словомъ, не отличается христіанской скромностью; самое «преслѣдованіе», — состоявшее, въ сущности, въ скучныхъ, конечно, но очень безопасныхъ полицейскихъ попеченіяхъ, вѣроятно, нравилось ей,—она имѣла поводъ употреблять это слово, напоминающее столько подвиговъ въ исторіи христіанскихъ проповѣдниковъ. Повидимому, ея проповѣди къ бѣднымъ затрагивали также и вопросъ о собственности — что могло вооружать на нее, кромѣ полиціи и мѣстныхъ жителей. Своихъ приверженцевъ она уже выдѣляла въ особую церковь, и грозя, въ самомъ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, что Господь заставитъ трепетать гордыхъ, она изображаетъ свое «стадо» какъ вѣрныхъ служителей

Господа, для которыхъ—предполагается—и будетъ основано новое царство. Эта проповѣдь о наступающихъ послѣднихъ временахъ, обращаемая прямо къ самой неразвитой массѣ народа, естественно могла показаться небезопасной. Эйнаръ и почитатели Крюднеръ думаютъ, что она только излагала христіанскій принципъ. На дѣлѣ она только затрагивала больную сторону общества, не имѣя никакого яснаго представленія о томъ, гдѣ находятся средства исцѣленія. Она обманывала бѣдняковъ, предвѣщая имъ новое царство, и если она дѣйствительно выказывала въ своей швейцарской проповѣди и настоящее человѣколюбіе, цѣна его сильно уменьшается сумасброднымъ и безсодержательнымъ азартомъ. Далѣе, способъ дѣйствій г-жи Крюднеръ могъ внушать справедливое недовѣріе и потому, что она обнаруживала очень мало благоразумія въ выборѣ своихъ друзей и святыхъ: похожденія Фонтэня и Маріи Куммринъ бросались въ глаза всѣмъ сколько-нибудь разсудительнымъ людямъ.

Это послѣднее стояло вопіющимъ контрастомъ противъ ея притязаній [1]), и ея безграничная самоувѣренность, при такомъ отсутствіи *человѣческаго* благоразумія, должна была окончательно опредѣлить ея репутацію. Ее стали считать очень безпокойной дамой, отъ которой желательно какъ можно скорѣе отдѣлаться.

Въ концѣ письма къ Беркгейму она намекала, что герцогство баденское должно быть ниспровергнуто, если станетъ ее преслѣдовать: «То, что я сказала, относится ко всѣмъ правительствамъ. Это древняя борьба мрака со свѣтомъ. И государи и чиновники—только слуги этой власти, если только не считаютъ І. Х., живаго Бога, своимъ царемъ и Искупителемъ, его Евангелія — своимъ завѣтомъ, и его жизни — образцомъ. Онъ одинъ отворяетъ двери неба и затворяетъ двери ада. Горе государствамъ, которыя не живутъ имъ. Скоро раздастся шумъ ихъ паденія!»

---

[1]) Вотъ для образчика отрывокъ изъ ея посланія къ Беркгейму: «Я возвѣстила по приказанію Господа великія бѣдствія, которыя скоро распространятся на всю Европу. *Тысячи свидѣтелей* скажутъ вамъ, что я возвѣстила ихъ во многихъ странахъ, и что предсказаніе оправдалось бѣдствіемъ. Послѣ сказаннаго, я полагаю, вы не усумнитесь, что живя въ вашей странѣ, я не имѣла никакого *человѣческаго* плана, никакой *человѣческой* цѣли!»

Г-жа Крюднеръ все больше и больше вдавалась въ религіозную фантастику. Она сблизилась съ религіознымъ движеніемъ «возрожденныхъ» баварскихъ и рейнскихъ, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ объ его представителяхъ [1]). Съ другой стороны, она изучала мистическую литературу (въ Люцернѣ въ проповѣди къ студентамъ теологіи она подробно говорила о Таулерѣ), которая должна была произвести на нее свое обычное дѣйствіе. Прежніе задатки ея мечтательности развились до необычайной степени, странной или даже просто смѣшной. Убѣжденная, что Господь прямо открываетъ ей будущее, она была вообще убѣждена, что жизнь ея устраивается по непосредственному вожденію Промысла, который заботится даже о всѣхъ мелочахъ ея житейской практики: онъ приводитъ къ ней людей, съ которыми она знакомится; онъ говоритъ ей, когда и куда ей надо ѣхать; онъ указываетъ ей, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Жизнь идетъ среди постоянныхъ видѣній, чудесъ и откровеній. «Мы не кончили бы,—пишетъ она къ одному духовному другу, — если бы захотѣли разсказывать множество видѣній и чудесъ, которыя стали очевидны, и изъ которыхъ многія не могли быть публикованы по недостатку времени или по невниманію. Многія изъ этихъ видѣній относились къ моей миссіи и ко временамъ, въ которыя мы имѣемъ счастіе жить», и проч. Господь бралъ, наконецъ, заботу и о денежныхъ дѣлахъ г-жи Крюднеръ. Въ своихъ письмахъ она много разъ упоминаетъ объ этомъ и любитъ разсказывать, что она не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, что тратитъ все, что есть, не заботясь о томъ, что на другой день въ домѣ не будетъ на что сдѣлать обѣда. Напр., въ Парижѣ, по отъѣздѣ императора Александра, «Господь открылъ» имъ, что они должны остаться тамъ нѣсколько времени; вскорѣ оказалось, что у нихъ не было вовсе денегъ. «Завтра я не буду готовить обѣда», доложила кухарка. «Ну, такъ мы не будемъ завтра обѣдать», сказалъ

---

[1]) Напр.: «Я охотно поговорила бы съ профессоромъ Зейлеромъ, когда онъ проѣзжалъ здѣсь, но Господь все управитъ по своей волѣ, когда будетъ время. Я полагаю, что *это свиданіе было бы важно* (!). Великій и любезный другъ Боозъ очаровалъ меня. Преслѣдованія—печать его ученія, основаннаго на истинѣ, и доказательства его христіанизма. Скоро онъ будетъ поставленъ въ широкій кругъ дѣятельности. Господь, въ своемъ милосердіи, нѣсколько времени назадъ *ясно открылъ* мнѣ это. Будьте спокойны на его счетъ» etc. (!!).

Эмпейтазъ. Но Господь позаботился о нихъ; на другой день прiѣхалъ банкиръ изъ Карлсруэ и привезъ г-жѣ Крюднеръ пять тысячъ франковъ. «Мы всегда такъ дѣлаемъ», замѣчаетъ г-жа Крюднеръ. Въ крайнемъ случаѣ г-жа Крюднеръ обратится къ Господу, и непремѣнно является банкиръ, или услужливый заимодавецъ, предлагающiй деньги. Г-жа Крюднеръ не принимала только въ соображенiе, что кромѣ Промысла ей помогали лифляндскiя помѣстья, изъ которыхъ банкиру присылали для нея деньги.

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться подробно на дальнѣйшихъ похожденiяхъ г-жи Крюднеръ, и мы отмѣтимъ нѣкоторыя частности для бiографической связи.

Въ началѣ 1817 года, г-жа Крюднеръ получила приказанiе выѣхать изъ базельскаго кантона; въ то же время она должна была избѣгать и баденской полицiи; ея друзья подверглись аресту и должны были покинуть Гернлейнъ. На нѣкоторое время она такимъ образомъ была разлучена съ Эмпейтазомъ и Беркгеймомъ. Первый изъ нихъ озабочивался при этомъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что г-жа Крюднеръ осталась безъ поддержки подъ влiянiемъ находившагося при ней Келльнера, крайняго мистика. «Съ тѣхъ поръ—разсказываетъ бiографъ въ своемъ изысканно-пiэтистическомъ стилѣ — какъ она увидѣла божiю десницу въ столь чудесномъ исполненiи ея молитвъ, она неутомимо созерцала, зрѣнiемъ вѣры, обширные горизонты того невидимаго мiра, съ которымъ она была въ сношенiяхъ: она имѣла сильную наклонность къ разсказамъ о снахъ, видѣнiяхъ и предчувствiяхъ, какiе передавали ей люди всякаго рода. Келльнеръ не только не умѣрялъ ее въ этихъ влеченiяхъ, но, кажется, поощрялъ ее еще больше. Его воображенiе безъ устали искало въ этихъ откровенiяхъ мистическаго смысла, часто весьма назидательнаго и поучительнаго, не замѣчая, что г-жа Крюднеръ, истощенная постомъ и жившая въ состоянiи постояннаго возбужденiя—результата всякаго рода утомленiй, выносимыхъ ею такъ долго—всего больше нуждалась въ тишинѣ и спокойствiи. Келльнеръ принялъ ученiя Якова Бёма и питался его мечтанiями. Къ несчастiю, онъ присоединялъ къ этому великое удивленiе къ г-жѣ Крюднеръ, и въ своихъ видѣнiяхъ всегда приписывалъ ей важную роль, и такимъ образомъ приводилъ ее къ тому, что она, сама того не желая, слишкомъ занята была сама собой, подъ предлогомъ того, что обращала свой взглядъ на будущее».

Въ это же время Келльнеръ издалъ брошюру, подъ названіемъ: «Къ бѣднымъ», которая способна была оправдать опасенія властей. Разсказавши о концѣ ихъ миссіи, прекращенной силою, Келльнеръ увѣщевалъ бѣдныхъ къ исправленію, указывалъ имъ божію казнь въ тѣхъ несчастіяхъ, которыя постигали ихъ и ихъ страну; указывалъ притѣсненія, которымъ они подвергаются въ своей родинѣ, гдѣ «законы человѣческіе противны законамъ божественнымъ», и наконецъ извѣщалъ ихъ, что «Господь, вашъ Богъ, приготовилъ уже вамъ новое отечество, выбравши для этого человѣка, который долженъ вести божій народъ во имя Господа». Онъ убѣждалъ ихъ эмигрировать.

Біографъ извиняетъ воззваніе Келльнера тѣмъ, что ему было извѣстно, что императоръ Александръ открывалъ въ южной Россіи край для колонизаціи нѣмецкой и швейцарской. Но брошюра была не въ этомъ одномъ, и филиппики противъ «человѣческихъ законовъ» имѣли не одинъ религіозно-аскетическій смыслъ. Черезъ нѣсколько дней затѣмъ Келльнеръ издалъ «Газету бѣдныхъ», которую бѣдные получали даромъ и которая была написана въ томъ же смыслѣ; единственный появившійся нумеръ вышелъ въ маѣ 1817 года.

Біографъ умалчиваетъ о томъ, въ какомъ отношеніи стояла г-жа Крюднеръ къ этимъ публикаціямъ, но отношеніе было, вѣроятно, самое близкое. Въ то время ихъ даже прямо приписывали г-жѣ Крюднеръ, и газеты съ ожесточеніемъ напали на нее: самъ Бональдъ, авторитетъ мистическаго ультрамонтанства, написалъ противъ г-жи Крюднеръ язвительную статью, на которую отвѣчалъ въ ея защиту Бенжаменъ Констанъ.

Еще въ апрѣлѣ, г-жа Крюднеръ также получила приказаніе оставить Гѐрнлейнъ, куда она явилась изъ Унтергольца. Начались ея скитанія съ одного мѣста на другое: толпы бѣдныхъ тотчасъ собирались вокругъ нея при ея появленіи, и ее приглашали удалиться; въ новомъ мѣстѣ то же самое. Такъ удаляли ее изъ Вармбаха, изъ Рейнфельда, Мунгца, изъ кантона Аарау, Золотурна. Въ Люцернѣ приняли ее весьма благосклонно, газеты называли ее «звѣздой нашей эпохи», восхваляли ея благочестіе,—хотя находили страннымъ составъ ея свиты. Духовенство здѣсь отнеслось къ ней съ сочувствіемъ, профессора семинаріи явились къ ней съ своими воспитанниками, и г-жа Крюднеръ, повсюду говорившая рѣчи, произнесла и имъ длинную аллокуцію. Она изложила здѣсь свои мысли о свойствахъ

истиннаго служителя алтаря: она возставала противъ обычныхъ формъ, въ какихъ существовала духовная профессія, утверждала, что священникомъ можетъ быть только тотъ, кого удостоитъ выбрать самъ Богъ, кого онъ самъ воспитаетъ въ школѣ страданій, — это была, конечно, и защита ея собственнаго проповѣдничества, которымъ занималась также чуть не вся ея свита, состоявшая вовсе не изъ священниковъ. Это назначеніе свыше — о которомъ она говорила — должно было быть болѣе или менѣе сверхъестественное, какимъ она считала и свое собственное. По словамъ ея — «священникъ *безъ чудесъ* не есть вовсе священникъ, призванный Богомъ, какъ и вѣра *безъ чудесъ* перестаетъ быть христіанской вѣрой».

Въ ея разговорахъ появлялся непосредственно и Священный Союзъ. Она говорила, что ея миссія заключается въ томъ, чтобы поселить въ сердцахъ братскій духъ Священнаго Союза и указать тѣмъ, кто его отвергаетъ, какія ждутъ ихъ за это страшныя осужденія.

Ея религія сводилась въ это время къ слѣдующимъ главнымъ чертамъ. Она проповѣдывала соединеніе христіанъ въ одну великую семью, связуемую поклоненіемъ Христу. Она не причисляла себя ни къ какой существующей церкви. Истинная церковь, по ея словамъ, была церковь первыхъ двухъ вѣковъ; съ третьяго вѣка эта церковь перестала существовать. Начало реформы, напр., усилія Гуса стремились именно къ возстановленію этой церкви (это замѣчаніе почти вполнѣ вѣрно); но г-жа Крюднеръ тѣмъ не менѣе возставала противъ протестанства, какъ «хитраго дѣла сатаны», который внушилъ людямъ слишкомъ большую самоувѣренность и гордость дѣлами (вмѣсто одной слѣпой вѣры и полнаго самоуничиженія, какихъ требовала она). Въ наше время, это оставленіе истинной вѣры дошло до своего крайняго предѣла; необходимо должна воспослѣдовать страшная битва невѣрія (протестанство она въ концѣ концовъ также причисляла къ этому невѣрію) противъ вѣры. Все возвѣщаетъ объ этой битвѣ, и современники ея еще должны были быть свидѣтелями битвы. Французская революція была предисловіемъ къ ней...

Но и въ Люцернѣ дѣло кончилось неблагополучно. Люцернская газета, восхваляя г-жу Крюднеръ, превознесла ее насчетъ духовенства, которое сочло себя оскорбленнымъ и потребовало вмѣшательства полиціи. Такъ говоритъ біографъ, но, вѣроятно, это былъ не единственный доводъ. Такъ или иначе, полиція

окружила ночью домъ, гдѣ жила г-жа Крюднеръ, и отвезла ее съ ея спутниками на границу кантона. Ей предложили выбирать дорогу на Базель или на Цюрихъ; она выбрала послѣднюю.

Здѣсь, съ половины 1817 г., начинается послѣдній актъ ея печальныхъ и вмѣстѣ странныхъ скитаній по Швейцаріи. Ея филантропія и пророческая репутація приводили къ ней множество голодныхъ бѣдняковъ и любопытныхъ: она раздавала пищу, проповѣдовала, а полиція торопилась сбыть ее съ рукъ, и, наконецъ, не выпускала уже ея изъ виду и жандармы стали вездѣ ея провожатыми, сдавая ее на руки одни другимъ.

Ее выслали изъ Цюриха; она прожила нѣсколько времени въ окрестностяхъ; отправившись далѣе, она была выслана изъ Тургау; въ Констанцѣ ее уже ожидалъ приказъ удалиться изъ города, ее не пускали въ Шафгаузенъ, Сентъ-Галленъ, и т. д. Этотъ край Швейцаріи, кажется, въ особенности былъ переполненъ жертвами голода, и г-жа Крюднеръ дѣйствительно съ упорной энергіей отдавалась своимъ филантропическимъ заботамъ, несмотря на всѣ придирки полиціи. Помощь ея, конечно, дѣйствовала не долго, но во всякомъ случаѣ эта сторона ея дѣятельности есть единственное, что можетъ примирять съ ея страннымъ проповѣдничествомъ.

Весь августъ 1817 г. прошелъ въ безпрестанныхъ переѣздахъ ея съ мѣста на мѣсто, потому что нигдѣ ей не позволяли оставаться долго, и жандармерія отправляла ее назадъ въ тѣ мѣста, откуда ее только-что высылали. Она попала, наконецъ, въ Рейнекъ, на южномъ краю Констанцскаго озера, на австрійскую границу; но австрійская полиція, которой ее выдали, отказалась пустить ее въ австрійскія владѣнія, и г-жѣ Крюднеръ пришлось вновь скитаться по сѣверной Швейцаріи, иногда разлучаясь съ своими спутниками. Въ началѣ сентября она попала въ Вальдсгутъ, откуда, наконецъ, выѣхала въ баденскія владѣнія. Въ это время ей пришлось разстаться съ Лашеналемъ, который до сихъ поръ сопутствовалъ ей и дѣлилъ съ ней заботы о голодающихъ. По требованію базельскихъ властей онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Базель; черезъ нѣсколько дней родственники г-жи Лашеналь вытребовали и ее: они распространили слухъ, что мужъ и жена, оба сумасшедшіе.

Изъ Вальдсгута г-жа Крюднеръ перевезена была жандармами черезъ Кольмаръ и Ней-Бризахъ въ Фрейбургъ (in Breisgau), гдѣ она могла остановиться на нѣсколько дней и должна была

ждать рѣшенія своей судьбы. Великій герцогъ баденскій отдалъ приказъ, разлучавшій ее съ ея спутниками: только дочь ея, г-жа Беркгеймъ, и Келльнеръ получили разрѣшеніе отправиться съ ней въ Россію; другіе должны были возвратиться на родину. Эмпейтаза звали въ Женеву его друзья; ему было также предложено — какъ говоритъ біографъ — со стороны императора Александра, мѣсто проповѣдника въ Петербургѣ, но опасенія русскаго климата и приглашенія друзей заставили его предпочесть Женеву. Онъ поступилъ, конечно, благоразумно. Около этого же времени приглашались въ Петербургъ Линдль и Госнеръ; ни тотъ, ни другой не могли остаться въ Россіи. То же грозило и ему.

Баденская полиція передала г-жу Крюднеръ виртембергской, эта—баварской, баварская—саксонской. Въ Веймарѣ она встрѣтилась съ г-жей Стурдзой; въ Саксоніи ей разрѣшено было остановиться на нѣсколько дней въ Ней-Дитендорфѣ, и наконецъ, въ Лейпцигѣ. Ей нуженъ былъ отдыхъ, потому что здоровье ея пострадало отъ утомленія и треволненій путешествія. Тѣмъ не менѣе она принимала много посѣтителей: полиція держала ее какъ бы подъ домашнимъ арестомъ и допускала къ ней только тѣхъ, кто имѣлъ особенное разрѣшеніе начальства.

Между тѣмъ начинали появляться недоумѣнія о причинѣ такихъ строгостей, и Гёрресъ, извѣстный мистикъ, взялъ ее подъ свою защиту. Въ Лейпцигѣ между прочимъ посѣтилъ ее ученый профессоръ Кругъ; онъ написалъ небольшое сочиненіе о Священномъ Союзѣ и желалъ увидѣть и сколько возможно изучить личность, которая имѣла къ этому союзу столь близкое отношеніе. Книжка Круга относилась къ г-жѣ Крюднеръ какъ холодное наблюденіе; упомянутый выше Паризо замѣчаетъ, что «эта брошюра навсегда уничтожила очарованіе, окружавшее сѣверную волшебницу»,—для Эйнара этого было довольно, чтобы отнимать всякій авторитетъ у книжки Круга. Мы не имѣли ея въ рукахъ, но думаемъ, что вѣроятно въ ней было больше правды, чѣмъ желаетъ доказать Эйнаръ. Впрочемъ, мы упомянемъ дальше о другомъ подобномъ сочиненіи, которое даетъ намъ образчикъ мнѣній о г-жѣ Крюднеръ въ разсудительной части тогдашняго общества.

Въ Германіи, по словамъ біографа, г-жа Крюднеръ была поражена тѣми ложными представленіямм, которыя были составлены на ея счетъ, и въ своихъ рѣчахъ, какія она все еще держала нерѣдко къ своимъ посѣтителямъ, она старалась защитить

свои дѣйствія. Мы не будемъ приводить цитатъ, потому что намъ уже знакомы темы ея рѣчей и ея собственныя представленія о себѣ самой. Въ этихъ апологіяхъ она продолжаетъ выставлять себя все той же привиллегированной истолковательницей божіей воли: она попрежнему говоритъ о своихъ чудесахъ, какія дѣлала и какія съ ней дѣлались, предсказываетъ будущее и т. д.

Она желала провести зиму въ Дессау, но вмѣсто того повезли ее на Эйленбургъ, Бесковъ, Франфуртъ-на-Одерѣ, Нейенбургъ. Въ Пруссіи ей давали вообще больше свободы, она опять имѣла многочисленныя собранія, говорила рѣчи, между прочимъ, къ солдатамъ и офицерамъ, и т. д.

Наконецъ, она переступила русскую границу.

VII.

Въ Россіи.—1818—1824.

Путешествіе въ Россію было невольное для г-жи Крюднеръ, но не должно было представлять для нея и особенной тягости. Она была до сихъ поръ преисполнена самыми восторженными чувствами къ императору Александру, который казался ей провозвѣстникомъ той новой жизни человѣчества, какую она сама проповѣдовала. Тѣмъ не менѣе въ Россіи дѣятельность ея въ прежнемъ смыслѣ прекратилась. Здѣсь она уже не держала открытыхъ собраній, не странствовала; она должна была ограничиться тѣснымъ кружкомъ друзей и знакомыхъ; ея уклоненія отъ обычаевъ русской жизни были останавливаемы категорически, хотя можетъ быть и въ мягкихъ формахъ.

Біографъ разсказываетъ, что въ Митавѣ полиція встрѣтила ее придирчиво и неблагосклонно. Келльнера удалили отъ нея, и многія лица изъ ея свиты получили приказаніе вернуться назадъ. Остзейскій генералъ-губернаторъ учредилъ за ней полицейскій надзоръ. Но это дѣлалось безъ вѣдома императора. По словамъ біографа, Александръ, узнавши объ этомъ, выразилъ сожалѣніе о такомъ способѣ дѣйствій; кн. Голицынъ написалъ успокоительное письмо къ г-жѣ Крюднеръ и потребовалъ возвращенія отосланныхъ ея спутниковъ.

Г-жа Крюднеръ поселилась въ Лифляндіи, сначала въ помѣстьѣ своего брата, и провела тамъ лѣто 1818 г. Братъ ея, Б. И. Фитингофъ, одинъ изъ директоровъ, а съ 1819 г. изъ вице-президентовъ петербургскаго библейскаго комитета, про-

жилъ съ ней нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одномъ письмѣ 1818 г. г-жа Крюднеръ писала: «Мой братъ пріѣхалъ сюда уже три мѣсяца назадъ; это прекрасный человѣкъ, и его благочестіе истинное и дѣятельное: онъ посылаетъ въ самую Сибирь религіозные трактаты для заключенныхъ... Однажды мы молились вмѣстѣ въ слезахъ и пламенными молитвами».

Потомъ она переѣхала въ свое имѣнье, Коссе, гдѣ къ ней присоединились нѣкоторые изъ ея прежнихъ сотрудниковъ. Здѣсь она оставалась, кажется, до 1821 г. Мы сказали, что у нея уже не было теперь такой обширной и шумной дѣятельности, но ея мистическое развитіе продолжалось и дошло здѣсь до своихъ крайнихъ предѣловъ. Для характеристики ея состоянія довольно привести нѣсколько подробностей.

Она продолжала оставаться въ пророческомъ настроеніи. Въ 1818 г. она писала: «Востокъ открывается; бѣдствія приближаются ко всей Европѣ, и къ этимъ странамъ также». По обыкновенію, она выбирала какой-нибудь будущій пунктъ времени, и примѣняла къ нему свои прорицанія. Прежде это былъ 1815, потомъ 1816 г. («1816 sera bien remarquable»), теперь назначенъ былъ январь 1819 г. (въ который на дѣлѣ ничего особеннаго не произошло, къ чему бы можно было какъ-нибудь привязать сдѣланное пророчество). Потребность высказываться, которой она удовлетворяла прежде своими рѣчами, теперь удовлетворялась перепиской и—религіозной поэзіей. Г-жа Крюднеръ писала религіозные гимны крайне мистическаго характера, гдѣ нашли мѣсто и ея предвѣщанія, восторженныя изліянія и—какія-то угрозы.

«Когда я возвѣщала союзъ благодати, когда я обнародовала манифестъ царя царей, земныя узы тяготѣли на моихъ путяхъ, цари меня преслѣдовали, но вѣра моя осталась тверда.

«Я вѣрю твердо; кто можетъ еще остановить меня? Дайте мнѣ крестъ, *грозящій тронамъ*. Любовь покоряетъ земныя власти; и мой Спаситель со мной въ битвахъ».

Когда г-жа Крюднеръ была еще въ Германіи, ея зять, Беркгеймъ, отправился въ Петербугъ, гдѣ онъ хлопоталъ объ устройствѣ переселенія швейцарцевъ въ Южную Россію. Теперь онъ съ женой поѣхалъ въ Швейцарію по этому дѣлу, которое чрезвычайно занимало и г-жу Крюднеръ: она желала, чтобы это переселеніе имѣло въ себѣ «меньше человѣческаго», а больше небеснаго. Самъ Беркгеймъ пріобрѣлъ въ эту поѣздку новое

усовершенствованіе въ этомъ послѣднемъ родѣ. Онъ и его жена, дочь г-жи Крюднеръ, завязали тѣсныя отношенія съ маркизомъ Лангаллери, который еще въ молодости обращенъ былъ, въ Лозаннѣ, знаменитымъ мистикомъ Дютуа-Мамбрини (онъ умеръ въ 1790-хъ годахъ), и послѣ него остался руководителемъ его учениковъ. Этотъ мистицизмъ имѣлъ католическій оттѣнокъ, по особенному поклоненію Богоматери, которое въ послѣдніе годы является и у г-жи Крюднеръ. Въ одно время съ этой живой традиціей Дютуа, въ русской мистической литературѣ появился переводъ его «Божественной философіи», сдѣланный Карнѣевымъ (1818). Лангаллери полнѣе посвятилъ Беркгейма и въ творенія г-жи Гюйонъ, вліяніе которыхъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше обнаруживается въ кружкѣ г-жи Крюднеръ. Мы позволимъ себѣ по поводу г-жи Гюйонъ небольшое отступленіе.

Г-жа Гюйонъ, одинъ изъ авторитетовъ у крайнихъ мистиковъ, между прочимъ у русскихъ, знаменита какъ представительница такъ называемаго квіетизма. Подъ этимъ именемъ разумѣли, въ концѣ XVII-го столѣтія, тотъ разрядъ мистицизма, который, не удовлетворяясь церковными формами религіи (какъ это большей частью бывало въ мистическихъ сектахъ), представлялъ религію какъ полное самоотрицаніе и покой души, погружающейся въ Богѣ и живущей однимъ этимъ чувствомъ. Первымъ писателемъ, изложившимъ теоретическія основанія этого ученія, былъ испанецъ Михаилъ Молиносъ. Его «Духовный путеводитель» былъ осужденъ папой, самъ Молиносъ вынужденъ былъ отречься отъ своего ученія и заключенъ былъ въ монастырь; но квіетизмъ, опровергаемый іезуитами и не принимаемый также и янсенистами, сталъ, однако, находить много последователей, между прочимъ, и между нѣмецкими піэтистами (Франке и Арнольдъ перевели много сочиненій этого рода на нѣмецкій языкъ). Гораздо болѣе, чѣмъ самъ Молиносъ, были знамениты г-жа Гюйонъ и г-жа Буриньонъ, въ особенности первая, какъ ревностныя послѣдовательницы квіетизма, который они проповѣдывали въ своихъ сочиненіяхъ и вполнѣ примѣняли въ жизни. Знаменитымъ приверженцемъ г-жи Гюйонъ былъ архіепископъ камбрейскій, Фенелонъ, съ которымъ по этому случаю вступилъ въ споръ Боссюэтъ; онъ донесъ на Фенелона королю, который предоставилъ дѣло на рѣшеніе папѣ. Ученіе Фенелона было осуждено папой, который нашелъ въ немъ 23 положенія, если не прямо еретическія, то неодобрительныя. Фенелонъ под-

чинился папскому рѣшенію. Приводимъ здѣсь эти подробности, потому что этотъ споръ Фенелона и Боссюэта былъ вспомянутъ и въ нашемъ библейскомъ мистицизмѣ: въ другомъ мѣстѣ мы упоминали, что однимъ изъ важныхъ обвиненій противъ книги Станевича, осужденной въ 1818 г., кн. Голицынъ поставилъ то, что Станевичъ нападалъ на Фенелона и восхвалялъ Боссюэта [1]).

Въ одномъ изъ 68-ми положеній Молиноса, осужденныхъ папой, находится слѣдующій принципъ квіетизма: «Человѣкъ долженъ уничтожать свои силы; а душа уничтожается тѣмъ, что она остается безъ дѣйствія. И если душа достигнетъ до мистической смерти, то, возвратившись этимъ путемъ къ своей основной причинѣ, къ своему началу, къ Богу, она уже не можетъ болѣе хотѣть ничего иного, кромѣ того, чего хочетъ Богъ». Г-жа Гюйонъ именно проводила этотъ принципъ на практикѣ. Женщина не безъ таланта и остроумія, плодовитая писательница, она провела странную жизнь въ служеніи этому принципу. Съ дѣтства болѣзненная, она отличалась экзальтированной религіозностью, жила потомъ нѣсколько времени въ неудачномъ бракѣ, который опять возвратилъ ее къ мистическому настроенію; это настроеніе перешло мало-по-малу въ полный квіетизмъ, самоуничтоженіе, дошедшее, наконецъ, до невѣроятныхъ размѣровъ. Она всѣми силами стремилась къ тому, чтобы уничтожить въ себѣ все земное и человѣческое, чтобы погружаться въ свой первоначальный источникъ, въ Бога; ее учили, что душа только тогда переходитъ въ Бога, когда освобождается отъ всего, что привязываетъ ее къ самой себѣ или къ другимъ созданіямъ. Она заставляла себя дѣлать все, что только можетъ быть противнаго тѣлесной природѣ человѣка, съ намѣреніемъ подвергала себя всякимъ лишеніямъ, принимала самую отвратительную пищу и т. д. Она налагала на себя всевозможныя аскетическія самоистязанія, которыя, наконецъ, доводили ее до экстазовъ, до «погруженія въ божественную любовь», близкаго къ безумію. Путемъ этого самоуничтоженія она достигла, наконецъ, мистическаго совершенства: она имѣла видѣнія, откровенія, мистическіе восторги, совершала чудеса. Во время одной болѣзни она узнала языкъ ангеловъ; въ одномъ откровеніи она видѣла себя той женщиной, облеченной въ солнце, стоящей ногами на лунѣ и увѣнчанной двѣнадцатью звѣздами,— о которой говоритъ Апокали-

---

[1]) Ср. «В. Евр.» 1868 [См. выше, стр. 183 сл.].

псисъ; ей было также открыто, что она произведетъ милліоны духовныхъ дѣтей, что дьяволъ будетъ преслѣдовать ихъ вмѣстѣ съ нею, но ничего не успѣетъ съ ними сдѣлать. Она и дѣйствительно подверглась преслѣдованіямъ; какъ опасная сумасшедшая, она была заключена въ монастырь, потомъ была освобождена и нѣсколько лѣтъ, играла роль проповѣдницы и пророчицы, затѣмъ еще разъ была заключена въ Венсеннъ. Несмотря на всѣ удивительныя истязанія, какія она производила надъ собой, она достигла весьма преклонныхъ лѣтъ, и умерла въ 1717 г. [1]).

Возвращаемся къ г-жѣ Крюднеръ. Намъ случилось уже указать выше проявленія подобнаго квіетизма и у нея. Въ 1817 г., въ бесѣдѣ съ однимъ духовнымъ посѣтителемъ, записавшимъ разговоръ, она между прочимъ говорила: «Черезъ сколько *смертей* нужно было пройти мнѣ, чтобы достигнуть жизни, жизни въ Тебѣ, Господы! Какъ многое нужно мнѣ было сначала *уничтожить*! Свѣтъ, знанія, таланты, науки, тщеславіе, гордость, собственную *волю*! Эту послѣднюю въ особенности надо было уничтожить во всемъ совершенно! Я страшно страдала», и проч. Она не одинъ разъ возвращается къ этой темѣ, уничижаетъ всѣ мірскія достоинства и таланты, какія за ней признавали или она сама признавала; налагаетъ на себя аскетическія испытанія, живетъ въ хижинѣ, постится. Теперь эти аскетическія наклонности развиваются въ ней все больше и больше; вмѣстѣ съ тѣмъ мистицизмъ становится все больше туманнымъ и страннымъ. Бесѣды съ Беркгеймомъ и Келльнеромъ, которые оба пользовались большимъ ея уваженіемъ, еще больше утверждали ее на этой дорогѣ.

«Въ четвергъ, 6-го мая (1820), въ день Вознесенія, вечеромъ,—пишетъ Беркгеймъ въ письмѣ къ кому-то, — между 11 и 12 часами ночи, г-жа Крюднеръ молилась на садовой террасѣ: ей было дано сдѣлать необыкновенную молитву духа, которой не могутъ изобразить слова. Она, казалось, взлетѣла къ небесамъ, чтобы любить и превратиться въ лучъ свѣта. Она бросилась въ мученичество любви, призывала небесный Іерусалимъ, св. Дѣву и всѣхъ святыхъ сойти съ небесъ, чтобы при-

---

[1]) Ср. F. Chr. Baur, Gesch. der christlichen Kirche, IV Bd. Tüb. 1863, стр. 262—264; также Heinroth, Gesch. und Kritik des Mysticismus. Ein Beitrag zur Seelenheilkunde, Leipz. 1830, стр. 460—470. Сочиненія ея отчасти переведены и на русскій языкъ; они очень уважались у мистиковъ, между прочимъ и новиковской школы.

вести къ ней души, въ сердце которыхъ она могла бы излить потоки любви, наполняющіе ея сердце» и т. д.

Стиль, совершенно напоминающій г-жу Гюйонъ.

Въ томъ же письмѣ Беркгеймъ разсказываетъ, что г-жа Крюднеръ давно чувствовала, что для довершенія ея «миссіи» ей нужно публично исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ. «Она сдѣлала это, молясь съ латышами; подвигнутая божіимъ духомъ, она исповѣдала свои грѣхи, и приняла исповѣдь этихъ людей. —— Въ садахъ Коссе устроился живой конфессіоналъ; изъ него истекаютъ потоки благодати —— Господь ниспосылаетъ по молитвамъ maman и Келльнера чудесныя исцѣленія —— Келльнеръ находится въ глубочайшемъ внутреннемъ спокойствіи; онъ совершенствуется, по г-жѣ Гюйонъ» и проч. Дальше мы увидимъ, до чего довели они это усовершенствованіе.

Между тѣмъ г-жа Крюднеръ просила разрѣшенія отправиться къ дочери въ Петербургъ, гдѣ Беркгеймъ занялъ, между тѣмъ, мѣсто у кн. А. Н. Голицына, по министерству народнаго просвѣщенія. Императоръ Александръ находился на конгрессѣ въ Троппау. Отвѣтъ былъ полученъ благопріятный, и г-жа Крюднеръ въ началѣ 1821 отправилась въ Петербургъ. Въ петербургскомъ обществѣ она уже имѣла готовыя связи; Беркгеймъ и баронъ Фитингофъ были до извѣстной степени ея представителями; г-жа Беркгеймъ находилась еще прежде въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ кн. Анной Голицыной, которая познакомилась потомъ и съ г-жей Крюднеръ и уже просила отъ нея духовнаго руководства; съ кн. А. Н. Голицынымъ г-жа Крюднеръ имѣла сношенія. Въ русскихъ мемуарахъ и запискахъ о томъ времени, какіе теперь извѣстны, кажется, не было никакихъ ближайшихъ свѣдѣній о той роли, которую играла въ петербургскомъ обществѣ г-жа Крюднеръ; мы припомнимъ только, что впослѣдствіи архимандритъ Фотій, въ своихъ доносахъ имп. Александру, ставитъ г-жу Крюднеръ въ число злѣйшихъ враговъ православія и престола. По словамъ французскаго біографа, который имѣлъ свѣдѣнія и отъ русскихъ знакомыхъ и друзей г-жи Крюднеръ, между прочимъ отъ А. И. Тургенева и Стурдзы,—г-жа Крюднеръ «по пріѣздѣ въ Петербургъ, снова сдѣлалась предметомъ живого интереса. Русское общество.... собиралось къ кн. Голицыной, чтобы видѣть и слышать г-жу Крюднеръ: богатые и бѣдные, военные и стат-

скіе, аристократы и ремесленники отправлялись туда съ жаждою слышать ея увѣщанія и остереженія, серьезность которыхъ соотвѣтствовала потребности слушателей въ ощущеніяхъ. Въ этой толпѣ было и нѣсколько членовъ мистическихъ обществъ, образовавшихся въ послѣдніе годы царствованія Екатерины» [1]). Пріятельница г-жи Крюднеръ, кн. Анна Серг. Голицына, кажется, приходилась племянницей кн. А. Н. Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По дружбѣ съ этой кн. Голицыной, которую снабжала мистическими назиданіями, по прежнимъ и новымъ связямъ съ кн. Голицынымъ, г-жа Крюднеръ стояла въ центрѣ петербургскаго мистицизма [2]). Мистицизмъ былъ тогда въ полной силѣ. Императоръ Александръ сохранялъ свои надежды на распространеніе чистаго христіанства между народами, покровительствовалъ мистической школѣ и благопріятно смотрѣлъ на ту пеструю смѣсь разныхъ видовъ религіозной экзальтаціи, какіе появились тогда въ обществѣ. Незадолго передъ пріѣздомъ г-жи Крюднеръ вызваны были иностранные проповѣдники изъ школы «возрожденныхъ»; г-жа Крюднеръ, во многомъ очень близкая къ «возрожденнымъ», могла встрѣтить публику, уже приготовленную къ проповѣди ея особеннаго христіанства.

Но отношенія ея къ императору Александру, охладѣвшія уже скоро послѣ 1815 г., теперь нисколько не поправились Напротивъ, охлажденіе усилилось новыми причинами.

Эйнаръ, который вообще старается доказать, что императоръ былъ и послѣ 1815 г. по прежнему расположенъ къ г-жѣ Крюднеръ, но только скрывалъ свое расположеніе,—Эйнаръ здѣсь признается, что уже въ то время, когда императоръ только-что возвратился изъ Парижа, это охлажденіе было замѣтно. Когда одна пріятельница г-жи Крюднеръ спросила о

---

[1]) Описывая вслѣдъ за этимъ тогдашнее настроеніе императора и состояніе религіозныхъ интересовъ въ русскомъ обществѣ, біографъ говоритъ о библейскомъ обществѣ, о его паденіи, и замѣчаетъ, что это случилось «незадолго до пріѣзда г-жи Крюднеръ» въ Петербургъ; это, конечно, ошибка. Нѣсколько замѣтокъ о жизни г-жи Крюднеръ въ Петербургѣ находится у Фарнгагена: «Blätter aus der preuss. Geschichte», I, 317; II, 23.

[2]) О кн. А. С. Голицыной, см. Надгробное Слово А. Н. Голицыну, Стурдзы, стр. 19. Впослѣдствіи, живъ въ крымской колоніи Корейсѣ, она устраивала для А. Н. Голицына его замокъ въ Гаспрѣ (Александріи), гдѣ онъ прожилъ послѣднее время своей жизни.

ней императора, онъ сказалъ: «я боюсь, что она попала на дурную дорогу».

Сначала появленіе Фонтэня въ Парижѣ, потомъ раппенгофскій скандалъ, наконецъ швейцарскія приключенія г-жи Крюднеръ естественно должны были возбуждать подозрительность и недовѣрчивость императора Александра. Русскій посланникъ въ Швейцаріи былъ сынъ г-жи Крюднеръ, и императоръ деликатно не спрашивалъ у него свѣдѣній объ ея дѣйствіяхъ; между тѣмъ все больше распространялась молва объ ея странныхъ приключеніяхъ въ Баденѣ и Швейцаріи, гдѣ она, между прочимъ, дѣлала компрометтирующія ссылки на Священный Союзъ. При появленіи упомянутой брошюры Круга, императоръ, непріятно пораженный тѣмъ, какъ г-жа Крюднеръ говорила о Священномъ Союзѣ, потребовалъ у князя Репнина, русскаго посланника въ Саксоніи, свѣдѣній о Кругѣ: эти свѣдѣнія—говоритъ Эйнаръ—оказались вообще благопріятны для нравственнаго характера Круга, но не для его деликатности и благоразумія: «императоръ понялъ, какъ тяжело было это злоупотребленіе довѣрія, жертвой котораго стала г-жа Крюднеръ». Можетъ быть; хотя едва ли злоупотребленіе было, потому что г-жа Крюднеръ излагала свои мнѣнія совершенно публично, ея рѣчи о Священномъ Союзѣ переданы были въ печать не однимъ Кругомъ. Какъ бы то ни было, императоръ показывалъ явно, что не принимаетъ солидарности съ ея идеями. Теперь онъ могъ еще опасаться, что г-жа Крюднеръ своими проповѣдями и пророчествами о будущемъ царствѣ усилитъ броженіе умовъ, размѣры котораго въ Россіи Александръ вообще такъ преувеличивалъ, и будетъ производить толки, несовмѣстные съ принятой имъ теперь политической системой.

До нѣкоторой степени это такъ и случилось. Фантазіи г-жи Крюднеръ обратились теперь на греческій вопросъ. Она давно пророчила, что «появятся турки», что будетъ великая война, и т. п. Теперь ей вообразилось, что эта война и будетъ именно война за освобожденіе Греціи. Еще живя въ Лифляндіи, она дѣлала свободу Греціи предметомъ своихъ мистико-пророческихъ гимновъ; теперь она стала проповѣдовать объ этомъ въ гостиныхъ. Эйнаръ замѣчаетъ, что она «теряла отчасти самообладаніе и умѣренность выраженій», и понятно, что когда она, со свойственнымъ ей шумомъ фразеологіи, объявляла, что императоръ Александръ именно и есть орудіе, выбранное Бо-

гомъ для возстановленія Греціи, это назойливое приставанье должно было очень не понравиться императору особенно тогда. Запуганный революціями, Александръ представлялъ теперь задачу Священнаго Союза именно въ подавленіи всякихъ революціонныхъ движеній, стремившихся, по его мнѣнію, къ низверженію «алтарей и престоловъ»; его убѣдили или самъ онъ былъ убѣжденъ, что долгъ Священнаго Союза подавить между прочимъ и греческое движеніе, хотя оно направлялось не противъ христіанскаго, а противъ турецкаго алтаря и престола. Священный Союзъ сталъ защищать магометанскій алтарь и престолъ.

Императоръ конечно узналъ, съ какимъ жаромъ г-жа Крюднеръ проповѣдовала освобожденіе грековъ и возставала на равнодушіе къ ихъ судьбѣ; онъ былъ этимъ недоволенъ тѣмъ болѣе, что и безъ того въ русскомъ обществѣ были мнѣнія, что Россія обязана защищать своихъ единовѣрцевъ, и Александру непріятно было признать справедливость интереса, котораго не хотѣла признавать его дипломатія. Наконецъ, Александръ рѣшился остановить г-жу Крюднеръ, и сдѣлалъ это въ довольно мягкой формѣ. По словамъ Эйнара, онъ написалъ ей письмо на восьми страницахъ, гдѣ изложилъ свои мысли, указалъ трудность удовлетворенія стремленіямъ грековъ, свое желаніе исполнить божію волю, которой онъ еще не видитъ; свое опасеніе попасть на ложный путь и благопріятствовать «тѣмъ нововведеніямъ, которыя уже сдѣлали столько жертвъ и такъ мало счастливыхъ, но въ особенности принятое имъ на себя обязательство дѣйствовать за одно съ союзниками». Затѣмъ, говоритъ Эйнаръ, онъ, «порицая ту свободу, съ которой она осуждала правительство и его дѣйствія, далъ ей понять, въ тонѣ друга, но друга, который *могъ бы говорить и инымъ языкомъ*, что, ставя въ затрудненіе его министровъ и поселяя волненіе подлѣ трона, она нарушала свои обязанности какъ подданной и какъ христіанки, и что ея присутствіе въ столицѣ возможно только на условіи—хранить почтительное молчаніе объ образѣ дѣйствій, котораго онъ не могъ измѣнить по ея желаніямъ». Это письмо императоръ послалъ ей черезъ Александра Тургенева, который, по прочтеніи этого письма г-жей Крюднеръ, долженъ былъ взять его назадъ. Г-жа Крюднеръ не могла выдержать принужденія, какое налагалось этимъ на нее, и въ концѣ 1821 г. воротилась въ Коссе.

Здѣсь она предалась опять исключительно благочестію и аскетической практикѣ съ Келльнеромъ. Въ зиму 1822 она сдѣлала слѣдующій аскетическій опытъ. «Кромѣ поста, которому она подвергала себя уже давно, она выносила въ комнатѣ, безъ печки и безъ двойныхъ рамъ, температуру больше чѣмъ въ двадцать градусовъ ниже нуля по Реомюру, повидимому этого не замѣчая: такимъ образомъ она умерщвляла свою плоть и покоряла ее. Перенося всякія лишенія, она этимъ высказывала только свою надежду и свое постоянное заявленіе, что ея жизнь и ея сердце—на небесахъ... И дѣйствительно, душа ея была радостна и даже тѣло ея, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, повидимому безъ труда подчинялось режиму, который она на себя налагала».

Келльнеръ дѣлилъ съ нею эти опыты и уходилъ себя уже скоро. По словамъ Эйнара, его «зрѣлость для вѣчности поражала всѣхъ, кто его видѣлъ». Смерть его очень опечалила г-жу Крюднеръ; ея здоровье также разстроилось, она впала въ мрачное настроеніе и мучительный страхъ смерти; только послѣ одного видѣнія спокойствіе къ ней возвратилось. Болѣзнь ея была, однако, серьезна; ей предписано было провести зиму на югѣ, и она приняла приглашеніе кн. Голицыной, которая звала ее, вмѣстѣ съ Беркгеймами, въ Крымъ, въ имѣнье княгини, гдѣ она хотѣла основать колонію. Весной 1824 г. они отправились въ дорогу; для избѣжанія трудностей путешествія, кн. Голицына рѣшилась отправиться по Волгѣ. Съ ними вмѣстѣ отправлялась и большая часть нѣмецкихъ переселенцевъ, которые должны были положить основаніе колоніи [1]).

---

[1]) Вигель въ своихъ Запискахъ (III, ч. VII, стр. 6—7) слѣдующимъ образомъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ этого путешествія:

«Знаменитая г-жа Крюднеръ около этого времени испытала гоненія. Года три-четыре (?) она оставалась въ Петербургѣ, но ученіе свое мало успѣла распространить въ немъ. Подъ ея предсѣдательствомъ составилось только небольшое общество мечтательницъ. Главнымъ изъ нихъ и ей самой въ 1823 году посовѣтовали выѣхать изъ столицы (?). Въ числѣ ихъ была и моя любезная, устарѣвшая Александра Петровна Х-ва (Хвостова). Увѣдомляя меня о намѣреніи ихъ избрать мѣстопребываніемъ южную Россію, она требовала моего совѣта и я предлагалъ ей Бессарабію.

«Въ отвѣтѣ моемъ мнѣ вздумалось поэтизировать—въ блестящемъ видѣ представить полуденный берегъ Крыма, который я зналъ только по описаніямъ и по наслышкѣ. Письмо мое Х-ва представила на общее сужденіе дамскаго совѣта. Главною распорядительницей въ дѣлѣ пере-

Г-жа Крюднеръ поправилась во время этого спокойнаго путешествія. Они остановились на нѣсколько времени въ Ѳеодосіи и въ половинѣ сентября прибыли въ Карасубазаръ. Съ началомъ зимы болѣзнь г-жи Крюднеръ усилилась, и она умерла 25-го декабря 1824 г. Ея останки были положены въ армянской церкви въ Карасубазарѣ, и потомъ перенесены въ православную церковь, которую кн. Голицына выстроила въ основанной ею колоніи, Корейсѣ.

Г-жа Крюднеръ представляетъ, конечно, не одинъ только интересъ оригинальной личности; ея исторія есть черта цѣлаго времени; ея успѣхъ въ извѣстной части общества есть вмѣстѣ и характеристика этого общества. Чтобы доставить читателю болѣе ясное впечатлѣніе объ этой личности, то возбуждающей сочувствіе однѣми своими сторонами, то способной возбудить полнѣйшую антипатію другими, мы считаемъ не излишнимъ прибавить къ біографіи отзывы современниковъ, всегда болѣе наглядные и живые. Мы выбираемъ изъ нихъ въ особенности двухъ, достаточно спокойныхъ и безпристрастныхъ. Эти свидѣтели не имѣли къ г-жѣ Крюднеръ ни того явнаго пристрастія, какимъ отличается ея панегиристъ Эйнаръ или даже Сенъ-Бёвъ, ни вражды, какую она возбуждала потомъ, послѣ всѣхъ результатовъ мистическаго движенія, въ которомъ ей случилось играть роль, и которое сводилось къ злѣйшей реакціи. Эти непосредственныя наблюденія объясняютъ характеръ г-жи

селенія была богатѣйшая изъ сихъ женщинъ, мужественная княгиня Анна Сергѣевна Г-на. Описаніе мое, какъ увѣдомляла меня Х-ва, воспламенило ея воображеніе: она начала бредить неприступными горами, стремнинами, шумными водопадами. Такъ какъ она всѣхъ на дорогу снабжала деньгами, то въ капитулѣ имѣла первенствующій голосъ. Какъ леди Стенгопъ на Ливанѣ, она избрала красивое мѣсто надъ моремъ и начала тутъ строить церковь и домъ. Госпожа Крюднеръ, съ зятемъ и дочерью, поселилась пока въ маленькомъ городѣ, называемомъ Эски-Крымъ; но вскорѣ потомъ, въ 1824 году, переселилась въ вѣчность.

«За нею скоро послѣдовала привезенная княгиней Г-ой одна примѣчательная француженка. Она никогда не снимала лосиной фуфайки, которую носила на тѣлѣ, и требовала, чтобы въ ней и похоронили ее. Ея не послушались, и оказалось по розыскамъ, что жившая долго въ Петербургѣ подъ именемъ графини Г-ъ была сѣченая и клейменая Ламоттъ, столь извѣстная до революціи, которая играла главную роль въ позорномъ процессѣ о королевиномъ ожерельѣ».

Крюднеръ, возможность и средства ея вліянія на умы и ея слабыя и непріятныя стороны, отталкивавшія отъ нея людей здравомыслящихъ. Эти отзывы современниковъ еще не подчинялись впечатлѣнію цѣлой исторической роли, которымъ руководится позднѣйшій историкъ; обращаясь къ нимъ, мы отвлекаемся отъ впечатлѣнія послѣдняго результата въ выгодную или невыгодную сторону, и можемъ скорѣе попасть на правильную оцѣнку личности.

Г-жа Крюднеръ имѣла извѣстное литературное имя, когда вступила на свою новую дорогу; кромѣ того, она занимала видное мѣстѣ въ общественной жизни, — поэтому ея новая дѣятельность обратила на себя больше вниманія, чѣмъ было бы въ другомъ случаѣ; ея отношенія къ императору Александру въ тѣ самыя минуты, когда рѣшалась судьба Европы, еще усилили это вниманіе; проповѣдь ея въ Швейцаріи окончательно сдѣлала ее феноменомъ. По дорогѣ въ Россію она собирала цѣлыя толпы любопытныхъ; газеты сообщали объ ней новости, анекдоты, прославляли ее или смѣялись надъ ней. Въ числѣ любопытныхъ бывали и люди серьезные, для которыхъ г-жа Крюднеръ была общественнымъ явленіемъ, интереснымъ именно по своему общественно-политическому характеру. Лейпцигскій профессоръ Кругъ въ этихъ видахъ посѣтилъ ее въ Лейпцигѣ и опубликовалъ потомъ свои наблюденія. Когда она была во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, съ той же цѣлью посѣтили ее тѣ два свидѣтеля, о которыхъ мы говорили. Это были консисторіальный совѣтникъ Бресціусъ и профессоръ (кажется, теологіи) Спикеръ. Книжка, тогда же ими изданная [1]), представляетъ много несомнѣнно вѣрныхъ замѣчаній.

...«Г-жѣ Крюднеръ, съ виду, за шестьдесятъ лѣтъ, — разсказываетъ одинъ изъ этихъ наблюдателей; — она средняго роста и черты ея, выражающія душевное спокойствіе и благочестивую покорность, еще сохраняютъ слѣды прежней красоты и граціи. Ея одежда не обнаруживаетъ никакого фантастическаго стремленія къ оригинальности, и только покрывало, въ которомъ она постоянно является, она, кажется, съ намѣреніемъ складываетъ по образцу знаменитаго изображенія мадонны. Она любитъ го-

---

[1]) Beiträge zu einer Charakteristik der Frau Baronesse von Krüdener, von dem Consistorialrathe Brescius und dem Professor D. Spieker zu Frankfurth a. d. O. Berlin, 1818.

ворить, говоритъ много и если нѣтъ недостатка въ слушателяхъ, или если ее не прерываютъ вопросами, то говоритъ безъ перерыва; только иногда среди рѣчи она останавливается на нѣсколько мгновеній и поднимаетъ глаза къ небу или для того, какъ объясняетъ она сама, чтобы открыть свое сердце небесному вдохновенію, или потому, что въ массѣ мыслей теряетъ нить рѣчи, и чтобы найти эту нить, ей надо подумать. Ея рѣчь проста и безпритязательна, въ высокой степени правильна и изящна... Вообще, она отличается той ловкостью, многостороннимъ внѣшнимъ образованіемъ, изяществомъ и тонкостью обращенія въ сношеніи съ людьми всѣхъ классовъ общества,— качествами, которыя большей частью бываютъ принадлежностью только высшихъ классовъ... въ моменты сильнаго внутренняго движенія она поэтому всегда остается въ самыхъ умѣренныхъ предѣлахъ приличія, насколько вообще принятая ею пророческая роль не противорѣчитъ женственности»...

Авторъ приписываетъ ей обширныя свѣдѣнія, но упрекаетъ ее, что она не признаетъ цѣны образованія, которое, по мнѣнію автора, именно и спасаетъ ее отъ крайностей, въ какія впадали Гюйонъ или Буриньонъ.

«Она проповѣдуетъ, напротивъ, полное повиновеніе установленнымъ законамъ; она требуетъ дѣйствительной, благочестивой добродѣтели, которая должна быть живѣйшимъ отраженіемъ нашей любви къ Богу и Христу; она не отрицаетъ высокаго достоинства церкви и ставитъ ее выше всякаго гражданскаго правленія, но не признаетъ за ней никакой другой власти, кромѣ власти истины, неустрашимаго свободнаго исповѣданія, настойчиваго увѣщанія и, наконецъ, силы мученичества, всегда одерживающаго побѣду надъ гнетомъ насилія и произвола»...

Но, признавая достоинства Крюднеръ, авторъ не видитъ въ ней ничего необыкновеннаго; напротивъ, въ ея идеяхъ и дѣйствіяхъ есть слабыя и странныя стороны. «Она чувствуетъ себя проникнутой темнымъ чувствомъ идеала и высокимъ призваніемъ человѣка осуществлять въ мысляхъ и въ дѣлѣ идею безусловнаго добра, но у нея нѣтъ силы спокойной мужской разсудительности,— она любитъ Спасителя міра со всей безграничной преданностью своего пола, но почитаетъ его такимъ способомъ, какого онъ никогда не требовалъ и который, еслибы сталъ всеобщимъ, привелъ бы міръ къ забвенію Бога и къ старому язычеству. Спокойный наблюдатель не можетъ стать на ея точку зрѣ-

нія и не найдетъ въ ея религіозныхъ мнѣніяхъ ни внутренней связи, ни послѣдовательности». Она вѣритъ въ букву писанія, и, однакоже, проповѣдуетъ о близкомъ второмъ пришествіи и конечномъ истребленіи ада, чего въ писаніи не говорится. Она возвѣщаетъ конецъ всѣхъ существующихъ формъ христіанскаго культа, и объявляетъ себя призванной начать эту великую катастрофу,—но ея религіозныя идеи представляютъ только смѣсь геррнгутерства съ греческимъ православіемъ и католичествомъ, и ея собственный культъ не имѣетъ ничего оригинальнаго. У нея нѣтъ собственнаго творчества.

Съ паденіемъ Наполеона, ей казалось, палъ идолъ времени, въ которомъ во всемъ ужасѣ выразилось антихристовское начало; когда русскій императоръ сталъ основателемъ союза, въ которомъ она видѣла соединеніе самой просвѣщенной терпимости съ самой искренней религіозностью, и когда она сама была призвана къ содѣйствію въ заключеніи этого союза, тогда она увидѣла въ этомъ и свое собственное назначеніе. «Здѣсь — казалось — взошло настоящее солнце ея жизни, всѣ прежнія состоянія оказались только приготовленіями къ этому новому подвигу жизни, только черезъ него они получали свое значеніе, и здѣсь ея безпокойное стремленіе, ея безцѣльная дѣятельность нашли, наконецъ, полную опредѣленность въ рѣшеніи—стать во главѣ *миссіи священнаго союза* [1]). Экзальтированное чувство и недостатокъ простого благоразумія не дали ей понять дѣйствительнаго положенія вещей, которыя стали представляться ей въ фантастическомъ свѣтѣ. Въ недостаткахъ общественной жизни и церкви она видѣла только неспособность человѣка уразумѣть истину безъ указаній высшаго свѣта; въ различныхъ физическихъ бѣдствіяхъ того времени она увидѣла руку Провидѣнія, возбуждавшаго людей отъ невѣрія; ей казалось, что возвратились времена чудесъ, и такъ какъ себя она уже считала орудіемъ того же Провидѣнія, то чудеса, видѣнія, пророческіе сны стали у нея дѣломъ обыкновеннымъ... Указывая ошибки г-жи Крюднеръ, авторъ судитъ снисходительно объ ея увлеченіяхъ, исходящихъ изъ хорошаго источника, и хотя думаетъ, что она сама и ея почитатели были виной ея трудныхъ положеній, но считаетъ, однако, что ея дѣятельность не пройдетъ безплодно,—какъ примѣръ силы христіанской любви...

---

[1]) *Миссіей* г-жа Крюднеръ называла себя съ своей свитой.

«Эта, женщина,—говоритъ также въ своихъ воспоминаніяхъ Э. М. Арндтъ,—не производила впечатлѣнія шарлатанства и обмана, а впечатлѣніе мечтательницы; у нея было страстное и сильное очарованіе восторженности, потому что она и была восторженная: она съ одинаковой ревностью проповѣдывала новое евангеліе бѣднымъ и богатымъ, императору и нищему» [1]).

Другой авторъ книжки «Beiträge etc.» произноситъ свои сужденія опредѣлительнѣе и вмѣстѣ строже.

«Она говорила тепло и живо, изящнымъ и выработаннымъ языкомъ, нерѣдко сь убѣдительною искренностью, съ чувствомъ и достоинствомъ, и если не была утомлена продолжительностью рѣчи,—съ истиннымъ краснорѣчіемъ. Она очень вредила себѣ тѣмъ, что не переставала говорить. Утомленная физически, она говорила много тривіальнаго, пустого и вялаго, прибѣгала къ общимъ мѣстамъ и этимъ ослабляла живое впечатлѣніе рѣчи... 29-го января она говорила почти безъ всякихъ перерывовъ съ 9 часовъ утра до 11 часовъ вечера, притомъ передъ большимъ, постоянно смѣнявшимся собраніемъ.

«У нея нѣтъ собственной системы, и ея идеямъ недостаетъ ясности. Поэтому въ рѣчахъ ея нѣтъ никакой связи, и она быстро перескакиваетъ съ одного предмета на другой. Часто невозможно понять, какимъ образомъ умъ можетъ въ быстромъ теченіи рѣчи схватывать и связывать столь отдаленные предметы. Рядомъ съ самыми остроумными мыслями и выраженіями высокаго религіознаго чувства, лежитъ часто цѣлая масса непонятной безсмыслицы. Когда трогательно и поразительно высказалось сердце, нерѣдко выступалъ холодный умъ съ самымъ тонкимъ остроуміемъ». Свои религіозныя чувства она высказывала съ большимъ достоинствомъ и силой. «Но затѣмъ не безъ состраданія можно было слушать разсказы объ ея чудесахъ, объ ея пророческой силѣ, видѣніяхъ и ея высокомъ апостольскомъ призваніи. Это была уже не благочестивая, смиренная христіанка... а заблудившаяся мечтательница, женщина, ослѣпленная тщеславіемъ»...

«Надъ священнымъ писаніемъ она часто дѣлала насиліе, произвольно влагала въ него свои идеи и религіозные взгляды,

---

[1]) E. M. Arndt, Erinnerungen aus dem äusseren Leben. 3. Aufl. Leipz. 1842, стр. 259.

и примѣняла къ себѣ многія мѣста изъ пророковъ (напр., Ис. 61, 1 — 3)...

«Ея утреннія и вечернія моленія были очень просты и составлены изъ обычаевъ греческой, католической и протестантской церкви. Ея спутники въ нѣсколько голосовъ пѣли нѣсколько строфъ въ тонѣ веселаго благочестія (einer heiteren Andacht), затѣмъ каждый становился на колѣни предъ стуломъ, и опускалъ голову, скрывая лицо въ платокъ. Литургъ (Келльнеръ) читалъ затѣмъ главу изъ евангелія и потомъ совершалъ молитву въ тонѣ трепета и сокрушенія, который дѣйствовалъ на нервы чрезвычайно пугающимъ образомъ и у многихъ извлекалъ слезы. Это была исполненная боязни молитва къ Спасителю о помилованіи и милосердіи, о прощеніи грѣховъ и спасеніи бѣднаго, глубоко упавшаго человѣчества отъ проклятія и осужденія, иногда не безъ чувства и искренности. По окончаніи молитвы всѣ вставали, г-жа Крюднеръ являлась передъ собраніемъ и держала формальную проповѣдь».

Профессоръ Кругъ, о которомъ мы раньше упоминали, судья вообще неблагосклонный къ г-жѣ Крюднеръ, признаетъ также, что ея рѣчи были дѣйствительно способны производить впечатлѣніе; но «литургъ», Келльнеръ, даже и людямъ, восторгавшимся г-жею Крюднеръ, не казался особенно назидателенъ,— хотя, какъ видно изъ послѣдняго приведеннаго отзыва, и могъ производить религіозный эффектъ своими пріемами.

Авторъ приводитъ далѣе выдержки изъ проповѣдей Крюднеръ, дѣйствительно не лишенныя оригинальности и ума. Когда франкфуртскій профессоръ въ частныхъ разговорахъ высказывалъ ей свои недоумѣнія относительно различныхъ ея мнѣній, она умѣла ловко оспаривать возраженія, хотя защита ея была плохимъ теологическимъ аргументомъ. Женскія свойства ея ума обнаруживались въ неохотѣ къ строгой послѣдовательности, и капризныя фантазіи иногда забавно высказывали ея личное раздраженіе. Говоря въ своихъ проповѣдяхъ о томъ, какъ злой духъ съ ожесточеніемъ преслѣдуетъ ее за вѣру и преданность Христу, она потомъ въ разговорѣ дополняла, что дьяволъ имѣетъ самыхъ усердныхъ духовъ своихъ между жандармами, таможенными и полицейскими.

Тотъ же авторъ разсказываетъ и примѣры глубокаго, искренняго чувства. «Когда я однажды былъ у нея одинъ съ своимъ другомъ, она описывала швейцарскія бѣдствія такими

живыми красками и съ такимъ сильнымъ сердечнымъ движеніемъ, что мы усильно просили ее не отягощать себя такими печальными воспоминаніями. Слезы текли у нея изъ глазъ»...

Объ императорѣ Александрѣ она говорила (1818) съ величайшимъ увлеченіемъ. Она восхваляла его великодушіе, человѣколюбіе и благочестіе. «Уже не далеко время, когда будетъ *одно* стадо и *одинъ* пастырь. Тотъ, отъ кого вышла идея Священнаго Союза, есть великій и могущественный императоръ Сѣвера. Но это не его идея, а внушеніе Бога силою св. Духа. Этотъ духъ видимо покоится на немъ и руководитъ его во всѣхъ его предпріятіяхъ. Отъ него и черезъ него придетъ спасеніе міра, и взоры всѣхъ должны обратиться, съ жаждою спасенія, на Сѣверъ. Тамъ будетъ основанъ новый Іерусалимъ; туда странствуютъ бѣдные несчастные народы, не находящіе у себя на родинѣ пищи ни для души, ни для тѣла; туда *священная миссія* [1]) отсылаетъ вѣрующую толпу, въ благочестивомъ нетерпѣніи ожидающую дня господня. Черезъ него произойдетъ побѣда надъ турками и обращеніе ихъ... Не бойтесь ничего отъ его могущества. О, я знаю его великое сердце; отъ него исходитъ только благословеніе и его рука никогда не поднимется на завоеваніе..... *Священная миссія* есть произведеніе Священнаго Союза; отъ него получаетъ она силу и внутренній характеръ. Духъ Божій покоится на ней, и всѣ проклятія, высказанныя противъ нея, превращаетъ въ благословенія», и пр.

Авторъ замѣтилъ, что не безъ состраданія можно было слушать разсказы ея о чудесахъ, какія творила она сама, или какія совершало надъ ней Провидѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, она съ удивительнымъ самообольщеніемъ разсказывала множество исторій о томъ, какъ она девятью хлѣбами накормила тысячу триста человѣкъ, какъ своей молитвой отогнала толпу враговъ, окружавшихъ ея домъ, и т. п. Мы приводили выше разсказы о томъ, какъ Провидѣніе само устраивало ея денежныя дѣла, присылало ей заимодавцевъ и банкировъ, и т. п. Чудеса она видѣла повсюду; прочитывая въ ея проповѣдяхъ предвѣщанія о близкомъ второмъ пришествіи, мы переносимся въ настоящее средневѣковое суевѣріе. «Господь говорилъ теперь къ людямъ огнемъ и мечемъ, голодомъ и бѣдствіями, великими знаменіями и чудесами, и голосомъ ихъ собственнаго сердца. Землетрясенія

---

[1]) Т. е. г-жа Крюднеръ и ея свита.

и сильныя бури, пятна на солнцѣ и уродливыя рожденія (!) все возвѣщаетъ тяжкое время. Этими предзнаменованіями Богъ хочетъ предостеречь насъ и призвать къ покаянію». Надобно замѣтить притомъ, что это были вовсе не минутныя фантазіи въ пылу религіозной восторженности: «священная миссія систематически держалась этихъ представленій и стремилась внушить ихъ массѣ. Такова была, напр., та газета «для бѣдныхъ», которую, какъ мы упоминали, сталъ издавать Келльнеръ въ Швейцаріи. Келльнеръ завѣдывалъ вообще литературной частью миссіи и писалъ сочиненія въ защиту г-жи Крюднеръ [1]). Франкфуртскій профессоръ сообщаетъ объ этой газетѣ слѣдующія свѣдѣнія. «Въ Швейцаріи она (или Келльнеръ) стала издавать газету для бѣдныхъ, которая, однако, тотчасъ по выходѣ перваго нумера (онъ вышелъ 5 мая 1817) была запрещена,—и конечно справедливо: потому что уже въ этомъ первомъ нумерѣ заключается цѣлая масса суевѣрій. Народъ долженъ былъ узнать изъ этой газеты, какимъ образомъ Богъ научаетъ людей снами и видѣніями, даетъ имъ откровенія о состояніи души по смерти и о послѣднемъ судѣ, посылаетъ ангеловъ, вдохновляетъ пророковъ, возвѣщаетъ великими событіями великія казни и новое царство, какимъ образомъ князь міра сего, глава противохристіанскаго царства, управляетъ столь страшно. Здѣсь объясняются пророческія мѣста и толкуются сны, Апокалипсисъ Іоанна примѣняется къ обстоятельствамъ нынѣшняго времени, и природа въ ея явленіяхъ изъясняется какъ голосъ божественнаго слова», и проч.

Разсказывая прежде о русскомъ Библейскомъ Обществѣ, мы видѣли, что эти и другіе мотивы, къ которымъ такъ часто возвращалась проповѣдь г-жи Крюднеръ, около того же времени съ замѣчательнымъ сходствомъ повторяются у нашихъ библейскихъ мистиковъ, у кн. Голицина, Лабзина, Магницкаго, и даже митрополита Серафима. Священный Союзъ, очевидно, понимался одно время такимъ образомъ, что этого рода мистическое суевѣріе, противопостановленіе Александра Наполеону, какъ свѣта тьмѣ, какъ человѣка Провидѣнія антихристовой силѣ, туманные намеки на близость «новаго царства» и гибель «тьмы», при-

---

[1]) Напр.: Der lebendige Glaube des Evangeliums. Dargestellt in dem öffentlichen Leben der Frau von Krüdener, 1817; Freimüthige Widerlegung der in den vaterländischen Blättern eingerückten Schrift, Frau von Krüdener betreffend (Helvetien, 1817).

знаніе всякихъ чудесныхъ знаменій и предвѣщаній,—все это считалось какъ будто непремѣнной принадлежностью програмы, выставленной Священнымъ Союзомъ.

Г-жа Крюднеръ была вообще однимъ изъ самыхъ характеристическихъ выраженій этого мистическаго суевѣрія. Историческая роль ея была не велика; высшій пунктъ ея славы было время сближенія съ императоромъ Александромъ, когда она получила свою долю участія въ происхожденіи Священнаго Союза; императоръ вскорѣ уже отдалился отъ нея, когда слишкомъ стали бросаться въ глаза ея личныя странности и притязанія— но тѣмъ не менѣе то обстоятельство, что именно ей привелось играть роль во время Священнаго Союза, даетъ понятіе о характерѣ самаго факта. У г-жи Крюднеръ были, конечно, искреннія движенія и дѣйствительно безкорыстное человѣколюбіе; но она поражаетъ отсутствіемъ всякой серьезности и послѣдовательности, крайнимъ тщеславіемъ и притязательностью. Въ ея головѣ странно укладывались самыя удивительныя вещи: свои личныя дѣла она совершенно смѣшала съ «дѣлами царства божія»; поднимая войну съ полицейскими, она ссылается на Апокалипсисъ; представляя себя исполнительницей велѣній Провидѣнія, утверждаетъ, что Провидѣніе заботится и о подробностяхъ ея домашняго хозяйства; на свою филантропію въ Швабіи она тратитъ «все, что можетъ извлечь изъ Россіи», т. е. что ея управитель можетъ извлечь изъ полуголодныхъ эстовъ; жизнь ея наполнена была чудесами, сама она съ успѣхомъ занималась чудотворствомъ. Ко всему этому она еще нападала на «науки», ей въ сущности мало извѣстныя,—что только давало поводъ къ лишнимъ насмѣшкамъ надъ ея миссіей. Въ общемъ счетѣ, благія побужденія г-жи Крюднеръ едва ли не пересиливаются притязательностью ея роли, для которой у нея не было средствъ и которой она даже хорошенько не обдумала; извѣстная даровитость, которой у нея нельзя отвергать, вся ушла на фальшивое употребленіе. Въ послѣдніе годы она, кажется, начинала это сознавать, и это окончательно увлекло ее въ ту религію самоуничтоженія, которой она кончила.

Суровость сужденій, которыя произносились противъ нея быть можетъ чаще, нежели противъ другихъ мечтателей подобнаго рода, имѣла свой источникъ, конечно, въ ея исключительномъ положеніи и вліяніи въ 1815 году: на здравое общественное мнѣніе должна была производить непріятное впечатлѣніе

придворная пророчица, увеличивавшая путаницу политическаго броженія; еще меньше должна была нравиться она въ своей «миссіи», гдѣ ея филантропію сопровождало безплодное фанатизированіе и безъ того суевѣрной толпы. Несостоятельность содержанія, отличающая ея дѣятельность, незнаніе истиннаго состоянія общества, преобладаніе фантастическо-сантиментальнаго чувства, въ которомъ была притомъ и своя доля аристократическаго каприза и избалованности, соотвѣтствовали у нея самому дѣлу, которому она служила—потому что этими качествами отличались въ большой мѣрѣ и мистическіе планы Священнаго Союза.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I

и

КВАКЕРЫ.

(„Вѣстникъ Европы" 1869, октябрь).

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I и КВАКЕРЫ.

The Quakers from their origine till the present time: an international history. By John Cunningham, D. D. Edinburgh, 1868.

Квакерство, исторію котораго предлагаетъ Кённингэмъ, принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ произведеній религіознаго сектаторства въ новѣйшемъ обществѣ. Это было одно изъ тѣхъ движеній, которыя явились послѣ реформаціи какъ дальнѣйшее ея развитіе,—плодъ стремленій очистить религію отъ ея внѣшней, формально-догматической стороны и сообщить религіи тотъ чисто-духовный характеръ, который такъ соотвѣтствуетъ ея сущности. Квакерство, какъ бываетъ обыкновенно съ крайними направленіями, осталось немногочисленной религіозной фракціей и никогда не имѣло много послѣдователей; но тѣмъ не менѣе дѣятельность его главнѣйшихъ представителей нерѣдко яркимъ образомъ вмѣшивается въ религіозную и соціальную исторію общества; въ средѣ квакеровъ явилось не мало замѣчательныхъ личностей, извѣстность которыхъ идетъ далеко за предѣлы исторіи англійскаго религіознаго сектаторства. Назовемъ, напримѣръ, Фокса и Вильяма Пенна, Ланкастера и Аллена, или въ наше время Брайта.

Авторъ излагаетъ въ общемъ очеркѣ происхожденіе квакерства, различныя видоизмѣненія идей и нравовъ секты, и между прочимъ останавливается особенно на ея «международной исторіи», т. е. на той дѣятельности квакерства, гдѣ оно трудилось для обще-человѣческой филантропіи и смягченія нравовъ;—въ этой исторіи оно имѣло извѣстныя отношенія и къ Россіи. Дѣло въ томъ, что квакеры уже издавна задумывали планы пропаганды, которая ставила себѣ самыя обширныя цѣли: убѣжденные въ истинѣ своей духовной религіи, они старались, если не доставить ей всеобщее господство, то по крайней мѣрѣ сдѣлать ея принципы сколько можно болѣе извѣстными. Они не задумывались рекомендовать ее папѣ, Людовику XIV и даже «великому

турку», т. е. турецкому султану. Это было еще въ XVII-мъ столѣтіи. Съ конца прошлаго [XVIII] вѣка квакерство опять вступило въ періодъ особенно оживленной пропаганды. Не ограничиваясь чисто-религіознымъ вопросомъ, оно въ это время особенно увлекалось филантропическими цѣлями: освобожденіе негровъ, улучшеніе тюремъ, устройство школъ для широкаго распространенія первоначальнаго образованія въ народѣ, нашли въ квакерахъ ревностныхъ защитниковъ и дѣятелей, которымъ и дѣйствительно удалось достигнуть замѣчательныхъ результатовъ. Труды многихъ «друзей» (какъ называютъ себя квакеры) свидѣтельствуютъ о чрезвычайной преданности дѣлу человѣколюбія и объ рѣдкой энергіи въ преслѣдованіи предположенной цѣли.

Въ началѣ нынѣшняго [XIX] столѣтія квакеры имѣли не одинъ разъ встрѣчи и бесѣды съ императоромъ Александромъ, на которыхъ мы и остановимся. Но прежде, впрочемъ, упомянемъ объ ихъ встрѣчѣ съ другимъ русскимъ государемъ, Петромъ Великимъ,—встрѣча эта мало извѣстна въ нашей исторической литературѣ.

Это было въ 1698 г., когда Петръ былъ въ Лондонѣ. Въ извѣстныхъ «юрналахъ» подъ 3-мъ апрѣля записано: «были въ квакерскомъ костелѣ» [1]). Кённингэмъ приводитъ изъ Кларксоновой «Жизни Пенна» слѣдующія подробности о встрѣчѣ Петра Великаго съ квакерами.

«Квакеры,—говоритъ Кённингэмъ,—всегда стремились найти себѣ прозелитовъ между государями, и во время пребыванія въ Лондонѣ Петра, двое изъ нихъ успѣли получить доступъ къ этому удивительному человѣку, въ которомъ высочайшій геній привился къ самому дикому корню. Они объяснили ему, черезъ переводчика, основныя начала своей религіи и представили ему экземпляръ «Апологіи Барклая» и нѣсколько другихъ книгъ, относящихся къ ихъ вѣрѣ. Онъ спросилъ, не іезуитами ли написаны эти книги—вопросъ, который мы можемъ объяснить только предположеніемъ, что онъ услышалъ что-нибудь объ обвиненіяхъ, какія дѣлались противъ Пенна. Квакеры, конечно, отвѣчали, что это не такъ. Затѣмъ царь спросилъ, почему они не оказываютъ уваженія высшимъ, когда не снимаютъ шляпъ входя къ нимъ, и какую пользу могутъ они оказать въ какомъ-нибудь царствѣ, если они не хотятъ брать въ руки ору-

---

[1]) Устряловъ, Ист. Петра В., т. III, прилож.

жія? Друзья отвѣтили на пытливые вопросы царя какъ могли лучше.

«Экземпляръ, представленный царю, было латинское изданіе «Апологіи Барклая». Но его величество не зналъ по-латыни. Когда это стало извѣстно, то Вильямъ Пеннъ, сопровождаемый Джоржемъ Уайтгэдомъ и депутаціей «друзей», искалъ второго свиданія съ Петромъ; они думали, что еслибы имъ удалось сдѣлать его квакеромъ, то онъ держалъ бы въ своихъ рукахъ какъ правительство, такъ и религію великой московской имперіи. Какъ ни кажется намъ нелѣпой эта мысль, она вовсе не казалась нелѣпой для нихъ. Аудіенція была имъ дана, и Пеннъ представилъ царю нѣсколько квакерскихъ книгъ, переведенныхъ на нѣмецкій языкъ, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ на этомъ языкѣ. Петръ былъ чрезвычайно любознателенъ, и желая знать все, такъ интересовался этими оригинальными людьми, дважды хотѣвшими его видѣть, что послѣ не разъ приходилъ на квакерскіе митинги въ Детфордѣ, чтобы видѣть ихъ богослуженіе. Разсказываютъ даже, что шестнадцать лѣтъ спустя, когда онъ былъ въ Фридрихштадтѣ, въ Голштиніи, чтобы помогать датчанамъ противъ шведовъ, съ пятью тысячами человѣкъ, онъ спрашивалъ, нѣтъ ли въ этомъ городѣ квакерскихъ собраній; и узнавши, что есть, отправился туда, въ сопровожденіи блестящей свиты. Одинъ квакеръ, по имени Филиппъ Деферъ, началъ проповѣдовать. Такъ какъ русскіе знатные люди не понимали языка проповѣдника, то царь иногда переводилъ имъ, и въ концѣ, говорятъ, замѣтилъ, что если кто живетъ согласно тѣмъ началамъ, какія они слышали, тотъ долженъ быть счастливъ» [1]).

Не такъ случайны были сношенія квакеровъ съ императоромъ Александромъ. Напротивъ того, завязанныя одинъ разъ, они потомъ продолжались; Александръ относился къ квакерамъ съ такимъ расположеніемъ, съ такимъ довѣріемъ и сочувствіемъ, что связи его съ ними отражаютъ въ себѣ черты его внутренняго настроенія и характера и пріобрѣтаютъ историческую важность. Эти связи его съ квакерами еще не были разсказаны въ нашей литературѣ, и мы приведемъ нѣкоторыя подробности изъ книги Кённингэма, который сообщаетъ ихъ на основаніи «Жизни Вильяма Аллена» и «Мемуаровъ Грелье»—тѣхъ двухъ

[1]) Cunningham. стр. 155—156.

квакеровъ, съ которыми императоръ Александръ въ особенности сближался и бесѣдовалъ. Эти два человѣка играли въ то время особенно дѣятельную роль въ квакерскомъ обществѣ, какъ пламенные филантропы и проповѣдники квакерскаго христіанства.

Этьенъ Грелье (Et. Grellet, или, какъ его имя писали также по-англійски, Stephen Grillett, 1773—1855) былъ родомъ французъ. Онъ происходилъ изъ дворянской фамиліи; послѣ взрыва революціи, онъ съ братомъ своимъ эмигрировалъ, вступилъ въ роялистскую армію, попался въ плѣнъ; ему предстояло быть разстрѣляннымъ, но онъ успѣлъ убѣжать въ Голландію, и оттуда отправился сначала въ Демерару, потомъ въ Нью-Йоркъ. Какъ и слѣдовало молодому французу тѣхъ временъ, онъ былъ вольтеріянецъ, но потомъ онъ сталъ читать Вильяма Пенна, нѣсколько разъ имѣлъ сверхъестественныя видѣнія, которыя и обратили его къ религіи и подѣйствовали на него съ такой силой, что онъ обратился именно въ квакерство: онъ посвятилъ себя служенію страждущимъ и религіозному миссіонерству. Жизнь его проходила въ далекихъ и продолжительныхъ странствованіяхъ въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ; религіозный энтузіазмъ сталъ его природой; онъ часто имѣлъ видѣнія и слышалъ божественный голосъ, дававшій ему повелѣнія, и это внушало ему энергію, поддерживавшую его въ самыхъ трудныхъ, иногда страшныхъ подвигахъ. Разъ онъ отправился нарочно въ Филадельфію, гдѣ свирѣпствовала желтая лихорадка, опустошавшая городъ: онъ долго оставался тамъ, ухаживалъ за больными и помогалъ хоронить мертвыхъ,—наконецъ, заболѣлъ самъ; но божественный голосъ сказалъ ему, что онъ еще не долженъ умирать. Онъ проповѣдовалъ въ страшныхъ тюрьмахъ, куда сами тюремщики не совѣтовали ему входить. Это былъ настоящій странствующій рыцарь религіозной проповѣди и филантропическаго самоотверженія. Главнымъ его мѣстопребываніемъ оставались Соединенные Штаты, гдѣ у него была жена; но онъ нѣсколько разъ отправлялся за океанъ, проповѣдовалъ въ Англіи и на континентѣ, наконецъ проѣхалъ всю Европу изъ конца въ конецъ. Въ 1811 году онъ еще разъ отправился въ Старый Свѣтъ и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Англіи и въ путешествіяхъ по Европѣ. Въ 1813 или 1814 онъ, между прочимъ, встрѣтился съ г-жей Крюднеръ, которая возымѣла къ нему большое уваженіе. Лѣтомъ 1814 года онъ былъ въ Лондонѣ, когда прибылъ туда изъ Парижа императоръ Александръ.

Такой же неутомимой дѣятельностью отличался другой тогдашній представитель квакерства, Вильямъ Алленъ (1770—1843), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ филантроповъ своего времени. Небогатые родители предназначали его къ промышленной карьерѣ; но онъ увлекся своими вкусами къ естественнымъ наукамъ и пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія въ химіи, которыя доставили ему профессуру этого предмета, мѣсто въ королевскомъ ученомъ обществѣ и практическія занятія въ одномъ химическомъ заведеніи, гдѣ онъ сталъ потомъ партнеромъ и пріобрѣлъ значительное состояніе. Съ очень ранней молодости начались и его неустанные филантропическіе труды: пораженный рѣчами Вильберфорса противъ торговли неграми, онъ сталъ его ревностнымъ союзникомъ въ этой пропагандѣ; онъ горячо интересовался школьной системой Ланкастера и распространеніемъ образованія въ народной массѣ, и имя Аллена тѣсно связывается съ исторіей ланкастерской школы; онъ присоединился къ Самуэлю Ромильи, извѣстному англійскому юристу, когда тотъ предпринялъ преобразовать англійскій уголовный кодексъ; онъ устраивалъ дешевый столъ для бѣдныхъ и т. п. Все время Аллена было занято его разнообразными интересами и трудами; не было филантропическаго предпріятія, въ которомъ бы онъ не участвовалъ. Въ 1813 году Алленъ вступилъ и въ знаменитое предпріятіе Роберта Овена, покупку Нью-Ланарка, гдѣ должны были приводиться въ исполненіе широкіе планы нравственнаго преобразованія общества, задуманные энергическимъ филантропомъ-соціалистомъ. Предпріятіе раздѣлено было на нѣсколько паевъ или акцій, каждая въ десять тысячъ фунтовъ стерл. Въ числѣ пяти или шести партнеровъ, которые рисковали тогда участвовать въ предпріятіи Овэна, было два квакера, Алленъ и богатый капиталистъ Уокеръ; одинъ пай взялъ Бентамъ. Алленъ не имѣлъ сначала большого желанія вступать въ дѣло; но Овэнъ, какъ разсказываютъ его біографы, особенно желалъ имѣть его помощь, потому что имя Аллена имѣло большой вѣсъ въ религіозномъ мірѣ. Наконецъ Алленъ уступилъ настояніямъ своихъ друзей и присоединился къ фирмѣ. Съ Овэномъ они были въ дружескихъ отношеніяхъ, хотя трудно было найти больше противоположности, чѣмъ было въ ихъ принципахъ. Овэнъ совершенно отвергалъ, какъ извѣстно, смыслъ и пользу религіи, Алленъ все строилъ на духовно-религіозномъ принципѣ, но тѣмъ не менѣе они соединились, потому что въ этомъ пред-

пріятіи у нихъ было общее, въ чемъ они совершенно сходились: это была филантропическая сторона дѣла, стремленіе къ нравственному облагороженію человѣческаго общества. Алленъ «счелъ своей обязанностью» участвовать въ дѣлѣ, имѣвшемъ «цѣль до сихъ поръ невиданную», — но онъ съ самаго начала оговорилъ интересы религіознаго образованія въ Нью-Ланаркской общинѣ. Потомъ, какъ извѣстно, между Овэномъ и его квакерскими партнерами стали возникать несогласія, вину которыхъ едва ли можно такъ безусловно сваливать на послѣднихъ, какъ это часто дѣлали. Алленъ съ самаго начала заявилъ свои желанія, Овэнъ соглашался на религіозную терпимость; а впослѣдствіи онъ самъ, вызывающимъ тономъ нѣкоторыхъ своихъ воззваній, возбудилъ раздоръ, который заставилъ ихъ разойтись. При всемъ томъ, они дѣйствовали вмѣстѣ очень долго, до 1828 года [1]).

Оба эти квакера, Алленъ и Грелье, были весьма типическими представителями секты. Неутомимая дѣятельность, готовность служить нравственному благу человѣчества, сила убѣжденія, доходившая почти до мономаніи, упорство въ стремленіи къ цѣли, независимость характера, не уступавшая ни передъ какими авторитетами, сосредоточенность религіознаго чувства — таковы были свойства этихъ людей, съ которыми императору Александру пришлось говорить о предметахъ религіи и нравственности.

Когда квакеры держали свои годовые митинги въ маѣ 1814, — разсказываетъ Кеннингэмъ, — шли нѣкоторые разговоры о посѣщеніи Англіи союзными государями, и Грелье подалъ мысль, что это былъ бы благопріятный случай внушить имъ, что царство Христа есть царство справедливости и мира. Замѣтимъ, что отрицаніе войны есть одинъ изъ основныхъ принциповъ квакерства; въ 1812 г. квакеры подавали уже принцу-регенту Англіи свой адресъ въ этомъ смыслѣ, осуждавшій войну какъ беззаконіе. Принцъ-регентъ принялъ ихъ благосклонно; но адресъ, конечно, не помѣшалъ войнѣ. Квакеры рѣшили теперь обдумать предложеніе Грелье. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, на одномъ изъ квакерскихъ митинговъ появилась великая княгиня, сестра имп. Александра, и молодой герцогъ вюртембергскій; они держали себя такъ благочестиво, что сердца «друзей» возрадовались этому.

---

[1]) См. Booth, Robert Owen, Lond. 1869, стр. 28—31, 44—48.

Наконецъ, императоръ Александръ и король прусскій прибыли въ Лондонъ. Квакеры немедленно составили адресъ и назначили депутацію, «на случай, еслибъ среди лести, которую монархи принимали каждодневно, они захотѣли на минуту выслушать голосъ истины». Депутацію составляли Вильямъ Алленъ, Стефенъ Грелье, Джонъ Вилькинсонъ и Люкъ Говардъ. Они отправились сначала къ прусскому королю, онъ принялъ ихъ и въ отвѣтъ на адресъ замѣтилъ только, что въ его владѣніяхъ есть нѣсколько членовъ ихъ общества, что это прекрасные люди, а что касается до войны, то она необходима для достиженія мира. Это былъ вѣжливый, но равнодушный, холодный пріемъ. «Но совсѣмъ инымъ образомъ принялъ ихъ другой, болѣе великій человѣкъ и государь».

Черезъ три дня послѣ этого было воскресенье, и императоръ Александръ, въ сопровожденіи своей сестры, великой герцогини ольденбургской, молодого герцога ольденбургскаго, герцога вюртембергскаго, графа Ливена и другихъ, введенные Вильямомъ Алленомъ, внезапно появились на квакерскомъ митингѣ. «Это произвело не малое смущеніе между «друзьями»—разсказываетъ ихъ историкъ. Впрочемъ, богослуженіе продолжалось по обыкновенію. Было время молчанія (молчаливаго религіознаго сосредоточенія, которое входитъ въ число благочестивыхъ квакерскихъ упражненій); затѣмъ встали одинъ за другимъ трое друзей и говорили, что имъ было внушено духомъ, потомъ была молитва. Императоръ и его свита слѣдовали во всемъ за богослуженіемъ квакеровъ, и царь, выходя къ экипажу, пожалъ руки всѣмъ друзьямъ, которые были около него—«снисходительность, которою эти добрые люди, безъ сомнѣнія, гордились до своего послѣдняго дня, несмотря на свои идеи о человѣческомъ равенствѣ и о грѣховности сниманія шляпы передъ людьми».

Въ слѣдующій вторникъ, Стефенъ Грелье, В. Алленъ и Джонъ Вилькинсонъ явились, какъ имъ было назначено, въ отель Польтни, для представленія императору своего адреса. Александръ принялъ ихъ самымъ милостивымъ образомъ, пожимая имъ дружески руки. Они представили ему свой адресъ и затѣмъ нѣсколько книгъ, на которыя онъ только взглянулъ, желая, повидимому, скорѣе начать разговоръ. Императоръ стоялъ среди залы, и смиренные квакеры стояли кругомъ его. Онъ спрашивалъ ихъ объ ихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, ихъ богослуженіи, духовныхъ лицахъ и многихъ другихъ вещахъ. Когда Вильямъ Алленъ объ-

яснялъ ему принципы общества, онъ часто замѣчалъ: «я думаю такъ же». «Служеніе Богу,—говорилъ онъ,—должно быть духовное, чтобы оно было принимаемо, а внѣшнія формы имѣютъ важность второстепенную». «Я самъ, — продолжалъ онъ, — молюсь каждый день, не въ формѣ словъ, но сообразно тѣмъ представленіямъ, какія имѣю въ это время о своихъ нуждахъ. Прежде я употреблялъ слова, но потомъ оставилъ это, такъ какъ слова часто бывали неприложимы къ состоянію моихъ чувствованій». Квакеры говорили ему о войнѣ, которую они считали дѣломъ противозаконнымъ, о рабствѣ людей, противъ котораго они боролись, о томъ, что дѣлаетъ Британское и Иностранное Школьное Общество (распространявшее ланкастерскія школы) и что оно могло бы сдѣлать въ его обширномъ царствѣ. Когда Грелье осмѣлился говорить ему объ его отвѣтственности, какъ неограниченнаго государя столь обширной страны, слезы показались на его глазахъ; онъ взялъ квакера за руку своими обѣими руками и сказалъ: «эти ваши слова долго останутся напечатлѣнными въ моемъ сердцѣ». Разговоръ продолжался около часа и императоръ увѣрялъ депутацію, что онъ согласенъ съ большею частію ихъ мнѣній, и что хотя, по его исключительному положенію, его способъ дѣйствій долженъ быть иной, онъ соединенъ съ ними въ духовномъ поклоненіи Христу.

Заинтересовавшись квакерами, императоръ выразилъ желаніе видѣть одинъ изъ ихъ домовъ; но это было невозможно въ суетѣ лондонской жизни. Онъ хотѣлъ сдѣлать это въ Брайтонѣ, но и тамъ громадная толпа народа помѣшала ему въ этомъ. Уже на пути въ Дуврѣ императоръ увидѣлъ квакера съ женой, стоявшихъ у дверей своего дома и смотрѣвшихъ на поѣздъ. Императоръ велѣлъ остановиться, вышелъ съ великой княгиней изъ экипажа и просилъ у хозяевъ позволенія видѣть внутренность ихъ дома. Имъ показали главныя комнаты и они приняли завтракъ, предложенный хозяевами. Прощаясь, великая княгиня «поцѣловала жену квакера», а императоръ поцѣловалъ ея руку [1]).

Кромѣ «Жизни Вильяма Аллена» и «Мемуаровъ Грелье», по которымъ составилъ свой разсказъ Кённингэмъ, эта аудіенція была также описана и третьимъ членомъ квакерской депутаціи, Вилькинсономъ, у котораго мы заимствуемъ еще нѣкоторыя подробности. Вилькинсонъ, какъ и его товарищи, съ вели-

---

[1]) Cunningham, стр. 241—245.

кимъ уваженіемъ и похвалами говоритъ о благочестіи императора, который высказывалъ вообще большое сочувствіе къ духовнымъ принципамъ квакерской религіи. Разспрашивая объ ихъ обществѣ, онъ между прочимъ сказалъ: «какимъ образомъ никто изъ людей вашего общества не былъ въ Россіи? Если кто-нибудь изъ нихъ отправится въ мою страну по религіознымъ предметамъ, пусть онъ не ждетъ представленія, а приходитъ прямо ко мнѣ; я буду радъ видѣть его». Эти послѣднія слова онъ повторилъ еще разъ. Прощаясь съ квакерами, онъ говорилъ: «я разстаюсь съ вами какъ другъ и братъ» [1]).

Разсказъ Вилькинсона, въ частномъ письмѣ отъ 21 Іюля 1814 г., напечатанъ былъ въ особой книжкѣ въ 1817 году [2]).

Понятно, что благосклонность императора и приведенныя слова его могли казаться почти прямымъ приглашеніемъ для квакеровъ побывать въ Россіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ они дѣйствительно отправились въ новую миссію, цѣлью которой была на этотъ разъ и Россія. Предпріимчивость квакеровъ и внимательность, оказанная имъ со стороны императора Александра, довольно понятны при тогдашнихъ обстоятельствахъ секты и вкусахъ императора. Въ это время,—замѣчаетъ Кённингэмъ,—за квакерами установилась репутація самой благожелательной и человѣколюбивой секты въ мірѣ. И дѣйствительно, всѣмъ извѣстны были стремленія квакеровъ къ уничтоженію невольничества; Елизавета Фрей была уже извѣстна своими трудами для улучшенія тюремъ; школы взаимнаго обученія, дѣло Ланкастера, сильно поддерживаемое Алленомъ, начали быстро распространяться за предѣлы Англіи. «Быть квакеромъ, значило быть филантропомъ; и свѣтъ охотно прощалъ нелѣпости костюма и обычаевъ за горячее сердце, которое билось подъ квакерской одеждой». Въ той части общества, которая искренно желала улучшеній, питала въ себѣ надежды на исправленіе общественныхъ порядковъ, дѣятельность кваке-

---

[1]) Мы упомянули уже, что квакеры называютъ себя *друзьями*

[2]) A Correct Statement of what passed at a conference between the Emperor Alexander and a deputation from the Society of Quakers; consisting of J. Wilkinson, S. Grillette, and Wm. Allen, etc. London 1817. 25 стр. Здѣсь, стр. 9—17, описаніе бесѣды съ «истинно христіанскимъ императоромъ» въ частномъ письмѣ Вилькинсона (one of Three who were admitted to an Audience with the truly Christian Emperor). Самой «Жизни Аллена» и Мемуаровъ Грилье мы не имѣли подъ руками.

ровъ, при всей односторонности, могла находить симпатію, какъ Овэнъ и Бентамъ могли соединяться въ одномъ дѣлѣ съ Уокеромъ и Алленомъ. Въ обществахъ было еще много порывовъ свободы и человѣколюбія; еще не успѣлъ остыть энтузіазмъ временъ войны за освобожденіе, и лучшіе люди, иногда весьма различныхъ политическихъ и религіозныхъ принциповъ, сближались на общихъ отвлеченныхъ интересахъ человѣческой нравственности и благосостоянія. Въ первые годы реставраціи, когда еще не наступило послѣднее столкновеніе враждебныхъ общественныхъ элементовъ, «либерализма» и реакціи, даже въ числѣ людей, ставшихъ потомъ открытыми врагами общественной свободы, было много такихъ, которые, при всѣхъ реакціонныхъ наклонностяхъ, участвовали въ этихъ планахъ нравственнаго освобожденія человѣчества: филантропія была въ то время въ большомъ ходу, и такъ какъ занятія этой филантропіей въ сущности ни къ чему особенному не обязывали, то она и могла пріобрѣтать много приверженцевъ даже въ чисто реакціонномъ лагерѣ, и филантропы-реакціонеры готовы были думать, что этимъ способомъ достаточно удовлетворяются потребности народа и общества. Такъ думали и нѣкоторые правители. Они не думали тогда, что это была только капля въ морѣ общественныхъ неустройствъ, требовавшихъ совсѣмъ иного, болѣе широкаго и послѣдовательнаго исправленія. Императоръ Александръ представлялъ одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ этого неопредѣленно-мечтательнаго либерализма и филантропіи. Онъ несомнѣнно желалъ добра, былъ упоренъ въ своихъ стремленіяхъ къ тому, что считалъ этимъ добромъ, но къ сожалѣнію, въ увлеченіяхъ своего личнаго чувства онъ не видѣлъ всей сущности задачи; онъ поддавался увлеченіямъ и мечтаніямъ, и удовлетворялся ими одними... Въ квакерахъ онъ увидѣлъ живое олицетвореніе представлявшихся ему идеальныхъ стремленій, и отсюда объясняется его особенная благосклонность къ «друзьямъ».

«Друзья» между тѣмъ продолжали свою пропаганду. Грелье вернулся въ Америку, но черезъ два года его снова потянуло въ Европу, и онъ отправился въ новое странствіе. Въ половинѣ 1818 г. онъ былъ уже въ Лондонѣ, у своего друга Аллена. Вскорѣ они отправились въ путь; черезъ Норвегію и Швецію, гдѣ ласково были приняты шведскимъ королемъ, они прибыли въ Петербургъ, гдѣ нашли нѣсколько «друзей».

Первый визитъ ихъ былъ къ князю А. Н. Голицыну. Они объяснили ему, что «мотивомъ для посѣщенія Россіи было у нихъ чувство религіозной обязанности, наложенной на нихъ великимъ Отцомъ человѣческой семьи, и сильное желаніе содѣйствовать общему благу человѣчества»,—программа, чрезмѣрная идеальность которой въ то время не бросалась въ глаза, даже въ Петербургѣ.

Квакеры просили позволенія осмотрѣть школы, тюрьмы, больницы и другія общественныя учрежденія. Кн. Голицынъ далъ имъ это позволеніе и сказалъ, что императоръ, котораго тогда не было въ Петербургѣ, писалъ ему, чтобъ онъ принялъ квакеровъ какъ его друзей и удержалъ ихъ до его возвращенія.

Квакеры начали свои труды. Посѣтивъ тюрьмы, они увидѣли, что труды Елизаветы Фрей были уже извѣстны въ Петербургѣ и что въ тюрьмахъ сдѣланы были нѣкоторыя улучшенія; но вообще, квакеры нашли здѣсь много недостатковъ, которые ихъ опечалили. Они были очень обрадованы, когда увидѣли, что въ школахъ была въ полномъ дѣйствіи Ланкастерова система. Они, однако, сожалѣли, встрѣтивъ между учебными книгами одну—книжку изреченій (a book of sentences), состоявшую главнымъ образомъ изъ переводовъ съ французскаго и заключавшую не совсѣмъ одобрительныя мысли. Они тотчасъ принялись за дѣло и составили учебную книжку, состоявшую исключительно изъ библейскихъ изреченій; по словамъ мемуаровъ Грелье, императоръ впослѣдствіи ввелъ эту книжку въ русскія школы, а потомъ она была принята Британскимъ и Иностраннымъ Школьнымъ Обществомъ. Кромѣ школъ, госпиталей и т. п., квакеры знакомились и съ различными сферами русскаго общества; они появлялись въ аристократическихъ домахъ и сдѣлали визиты важнымъ духовнымъ лицамъ. Извѣстны, напр., ихъ бесѣды съ митрополитомъ Михаиломъ и епископомъ Филаретомъ, впослѣдствіи московскимъ митрополитомъ.

Между тѣмъ, императоръ воротился въ Петербургъ, и вскорѣ послалъ за квакерами. Онъ принялъ ихъ въ небольшомъ кабинетѣ, посадилъ ихъ подлѣ себя, называлъ ихъ «старыми друзьями», вспоминалъ о свиданіи съ ними въ Лондонѣ и т. д. Квакеры говорили ему о своихъ занятіяхъ, о томъ положеніи, въ какомъ они нашли тюрьмы, сообщали о трудахъ Елизаветы Фрей, и излагали свой взглядъ, что человѣчество

слишкомъ долго слѣдовало системѣ, цѣлью которой было скорѣе мщеніе, чѣмъ исправленіе; что система возмездія несостоятельна, и что съ духомъ христіанской любви гораздо согласнѣе другая система, которую уже время попробовать. Они указывали, что могло бы быть сдѣлано для большаго успѣха тюремной реформы, для которой трудился въ Петербургѣ Вальтеръ Веннингъ. Они сообщили императору свои наблюденія относительно школъ, сказали объ упомянутой выше книжкѣ сентенцій и о той, которую составили они сами. Императоръ выразилъ имъ свое удовольствіе и желаніе послѣдовать ихъ совѣтамъ. Въ концѣ свиданія, продолжавшагося два часа, императоръ самъ предложилъ имъ провести вмѣстѣ нѣсколько времени въ религіозномъ самоуглубленіи и внутренней молитвѣ (по квакерскому обычаю). Квакеры сами были расположены къ этому и исполнили его желаніе.

Черезъ три недѣли, императоръ снова послалъ за Алленомъ и Грелье. Императоръ сказалъ имъ, что онъ сдѣлалъ нѣкоторыя изъ предложенныхъ ими улучшеній, освободилъ нѣсколькихъ заключенныхъ, которыхъ они считали несправедливо наказанными, и такъ былъ доволенъ ихъ книжкой уроковъ изъ св. писанія, что рѣшился ввести ее во всѣ школы имперіи. Онъ говорилъ имъ о своей личной исторіи, о томъ, какъ мало было развиваемо въ немъ религіозное чувство, какъ, однако, оно жило въ немъ въ скрытомъ состояніи и раскрылось для него въ 1812 году, когда онъ сталъ читать Библію. Его разсказъ именно соотвѣтствовалъ квакерскому представленію объ отношеніи внутренняго свѣта къ внѣшнему слову. При концѣ бесѣды императоръ сказалъ, что онъ желалъ бы, какъ прошлый разъ, провести съ ними нѣсколько времени въ молчаніи. «Это была торжественная минута,—говоритъ Алленъ;—доказательство божественнаго осѣненія было ясно, сильно, неоспоримо; это было точно возсѣданіе на небесахъ во Іисусѣ Христѣ. Черезъ нѣсколько времени, Стефенъ говорилъ самымъ пріятнымъ образомъ, и императоръ, безъ сомнѣнія, долго будетъ вспоминать его слова. Я думалъ, что мнѣ слѣдуетъ теперь принести молитву, но это казалось мнѣ такъ страшно, что я рѣшился на это только съ большимъ трудомъ; но, наконецъ, я всталъ, повернулся [1]) и сталъ на колѣни, императоръ

---

[1]) Turned round, т. е. по-квакерски.

подошелъ къ софѣ и сталъ на колѣни подлѣ меня, и тогда мнѣ дана была сила, какой я не чувствовалъ никогда прежде, и драгоцѣнная сила сопровождала слова. Когда это кончилось, я нѣсколько времени молчалъ и затѣмъ всталъ; вскорѣ онъ также всталъ, и мы просидѣли нѣсколько минутъ въ молчаніи». Прощаясь, императоръ былъ очень тронутъ, онъ былъ въ слезахъ и взявъ руку Аллена, онъ поднялъ ее и поцѣловалъ [1]).

«Странная, но справедливая исторія»,—замѣчаетъ Кённингэмъ, изумляясь этому удивительному братству между могущественнѣйшимъ монархомъ міра и двумя иностранцами, англійскимъ и американскимъ квакерами.

Исторія дѣйствительно странная и очень любопытная, какъ психологическая черта императора Александра, въ характерѣ котораго, особенно въ послѣдніе годы, было столько разнорѣчащихъ, даже совершенно противоположныхъ явленій, до сихъ поръ мало поддававшихся объясненію.

До отъѣзда своего изъ Петербурга, квакеры были приглашены и къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которую нашли въ обычномъ печальномъ настроеніи. Въ Петербургѣ квакеры пробыли четыре мѣсяца, и отправились затѣмъ въ дальнѣйшій путь. Князь Голицынъ снабдилъ ихъ письмами къ губернскимъ властямъ, гдѣ рекомендовалъ ихъ, какъ лицъ, близко извѣстныхъ императору. Естественно, что власти свѣтскія и духовныя вездѣ принимали ихъ съ почетомъ. Черезъ Москву, они отправились на югъ Россіи, гдѣ, между прочимъ, посѣтили молоканъ и почувствовали къ нимъ большое расположеніе, потому что въ ихъ религіозныхъ понятіяхъ нашли много общаго съ своими собственными. Квакеры вообще старательно отыскивали секты, въ которыхъ находили сходство съ своими вѣрованіями; между прочимъ, они разыскали въ этомъ родѣ одну секту въ Индіи,—понятно, что русская «духовная» секта должна была доставить имъ большое удовольствіе. Изъ южной Россіи квакеры отправились по Черному морю въ Константинополь, оттуда въ Грецію и на Іоническіе острова; въ Мальтѣ они разстались; Грелье отправился уже одинъ въ Италію, въ Римѣ онъ бесѣдовалъ съ папой, провозглашалъ въ его дворцѣ свободу совѣсти и внушалъ святому отцу, чтобы онъ отказался

---

[1]) Cunningham, стр. 265—269.

отъ своего мнимаго главенства надъ церковью... Изъ Англіи Грелье возвратился опять въ Америку. Съ Вильямомъ Алленомъ мы встрѣтимся еще разъ.

Бесѣды съ квакерами, кажется, не остались безъ вліянія на императора. Съ 1812 года, когда для него начался періодъ усиленной религіозности, онъ постоянно искалъ какой-нибудь опоры для своего религіозно-идеальнаго настроенія; не находя ея въ ближайшей обстановкѣ, мало питавшей его мистическій идеализмъ, онъ сближался съ людьми и сектами, въ которыхъ ожидалъ найти ее — посѣщалъ геррнгутеровъ, бесѣдовалъ съ Юнгомъ-Штиллингомъ, съ г-жей Крюднеръ. Квакеры, повидимому, произвели на него особенное впечатлѣніе,—его симпатіи къ нимъ сохранялись очень долго. Въ религіозныхъ мнѣніяхъ Александра является та черта космополитической религіозности, которая естественно развивалась рядомъ съ его личными религіозными связями; вліяніе этихъ космополитическихъ взглядовъ Александра отразилось и на русской общественной жизни. Когда въ самомъ русскомъ обществѣ начиналось движеніе въ томъ же смыслѣ, это движеніе получало, конечно, особенные шансы успѣха и дѣйствительно пріобрѣло этотъ успѣхъ. Въ русскомъ обществѣ открыто заявляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ небывалая никогда прежде терпимость къ чужимъ исповѣданіямъ, и мистическая «внутренняя церковь» становится почти господствующей церковью. Съ 1814 года Александръ начинаетъ особенно покровительствовать Библейскому Обществу и оно быстро распространяется по всей Россіи. Онъ интересуется ланкастерскими школами, которымъ такъ покровительствовали квакеры, и ланкастерская система также сильно распространяется. Вильямъ Алленъ оказывалъ въ Лондонѣ всякое содѣйствіе Гамелю, который занялся изученіемъ ланкастерской системы по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ [1]); въ 1815 году послано было за границу нѣсколько студентовъ педагогическаго института съ спеціальной цѣлью изученія ланкастерской системы и новыхъ системъ швейцарской педагогіи. Ланкастерскія школы стали учреждаться даже въ полкахъ для обученія солдатъ; кажется, первая школа этого рода была устроена въ Мобежѣ, во Франціи, гдѣ

---

[1]) См. любопытную книгу: «Описаніе способа взаимнаго обученія по системамъ Ланкастера и другихъ и пр. Доктора мед. І. Гамеля». Пер. съ нѣм. Спб. 1820.

стояли тогда русскія войска; потомъ такія школы учреждаемы были при полкахъ и въ Петербургѣ. Пріѣздъ квакеровъ въ Петербургъ, кажется, еще больше оживилъ это дѣло: въ 1819 г. въ Петербургѣ уже основывается цѣлое общество для устройства ланкастерскихъ школъ, и въ числѣ лицъ, которыя здѣсь трудились, были, кажется, люди, прямо принадлежавшіе квакерскому обществу [1]).

О какой неодобрительной книжкѣ говорили квакеры императору Александру, и какіе «уроки изъ свящ. писанія» они предложили взамѣнъ ея, объ этомъ мы не имѣемъ пока ближайшихъ свѣдѣній. Но съ этимъ указаніемъ совпадаютъ по времени и обстоятельствамъ слѣдующіе факты. Именно въ это время членъ главнаго правленія училищъ, епископъ Филаретъ, предложилъ этому правленію о неодобрительности извѣстной книги «о должностяхъ человѣка и гражданина», изданной первоначально въ 1783 г. для народныхъ училищъ и употреблявшейся вообще въ школахъ. Филаретъ именно указывалъ, что въ этой книгѣ должности человѣка и гражданина «изложены по философскимъ началамъ, всегда слабымъ». Вслѣдствіе предложенія Филарета, министръ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія велѣлъ отобрать изъ училищъ всѣ экземпляры этой книги и уничтожить ихъ [2]). Другой фактъ—тотъ, что въ томъ же 1819 г. при главномъ правленіи училищъ (гдѣ только послѣ, въ 1820 году, учрежденъ былъ особый комитетъ для составленія учебниковъ по ланкастерской методѣ) были напечатаны таблицы чтенія изъ священнаго писанія, составленныя по ланкастерской методѣ Филаретомъ. Любопытно изслѣдовать, не было ли мнѣніе Филарета, поданное въ главное правленіе училищъ, только отголоскомъ того, что говорили квакеры Александру, и его таблицы только копіей или переводомъ ихъ книжки? Обѣ эти вещи могли быть сдѣланы именно для исполненія желаній императора Алексан-

---

[1]) Не имѣя теперь положительныхъ свѣдѣній объ этомъ, мы предполагаемъ это объ (англичанкѣ) Саррѣ Кильгамъ или Килеамъ, управлявшей, въ 1821 г., «образцовымъ училищемъ для образованія дѣтей женскаго пола по правиламъ взаимнаго обученія». См. Соревн. Просвѣщ. и Благотворенія, 1823, ч. XXIII. стр. 216. Женщина съ этой фамиліей (Hanna Kilham) была ревностная миссіонерка квакерскаго общества: она проникла въ Африку и тамъ занималась обученіемъ. Cunningham, стр. 305.

[2]) Записки Шишкова, стр. 85.

дра, — и всего ближе могъ ихъ исполнить Филаретъ, близкій другъ и помощникъ кн. Голицына, конечно знавшаго эти подробности бесѣдъ квакеровъ съ Александромъ.

Впослѣдствіи Шишковъ, въ свою очередь, напалъ на Филарета и защищалъ уничтоженную книгу, и въ этомъ случаѣ былъ, конечно, правъ, потому что книга «о должностяхъ человѣка и гражданина» не только не была вредна, но могла бы быть и гораздо полезнѣе многихъ позднѣйшихъ книгъ. Винить ли квакеровъ за этотъ поданный ими примѣръ въ преслѣдованіи книгъ, если имъ дѣйствительно принадлежитъ начало этого страннаго уничтоженія? Но квакеры были въ правѣ не находить этой книжки по своему вкусу и могли выразить свое мнѣніе; и едва ли не больше виноваты сами услужливые исполнители, которымъ можно было бы не торопиться уничтоженіемъ... Притомъ, если въ этомъ и подобныхъ случаяхъ квакеры могли давать плохіе совѣты, то справедливость требуетъ сказать, что они давали и хорошіе,— не ихъ вина, если хорошіе совѣты не исполнялись, а исполнялись дурные.

Новое свиданіе съ Вильямомъ Алленомъ императоръ Александръ имѣлъ въ 1822 году. Императоръ долженъ былъ отправиться на Веронскій конгрессъ; Алленъ воспользовался этимъ случаемъ и отправился въ Вѣну, гдѣ, какъ ему было извѣстно, императоръ долженъ былъ остановиться на нѣсколько времени по пути въ Верону. Квакеры продолжали свою борьбу противъ торговли неграми. Дѣло это все еще не было кончено, потому что торговля, хотя и запрещенная на бумагѣ, продолжала существовать на дѣлѣ, и даже процвѣтала больше, чѣмъ когда-нибудь. Квакерамъ хотѣлось, чтобы она преслѣдовалась какъ пиратство,—этимъ однимъ средствомъ можно было бы остановить ее, и Алленъ думалъ воспользоваться «дружбой» императора Александра, чтобы эта мѣра могла быть проведена на конгрессѣ.

Въ концѣ сентября Алленъ прибылъ въ Вѣну, и Александръ скоро послалъ за нимъ. Ихъ новая встрѣча была такая же дружеская, какъ въ Петербургѣ. Императоръ отдалъ ему весь вечеръ, и самъ предложилъ Аллену начать молитвой; квакеръ предпочелъ сначала разговоръ о занимавшихъ его предметахъ. Онъ говорилъ о меннонитскихъ колоніяхъ, о русскихъ ланкастерскихъ школахъ, о греческомъ вопросѣ, наконецъ, о торговлѣ неграми; Александръ отвѣчалъ на послѣднее, что онъ совершенно сочувствуетъ мнѣніямъ Аллена, и обѣщалъ сдѣлать на

конгрессѣ все, что можетъ по этому предмету. Алленъ разсказываетъ, что въ продолженіе всего разговора императоръ показывалъ такую мягкость и благосклонность, что у него пропалъ всякій страхъ и они говорили такъ фамильярно, какъ старые друзья. Вечеръ кончился опять квакерской молитвой вмѣстѣ... Въ заключеніе,—говоритъ Алленъ,—«мы оба были проникнуты сладкимъ чувствомъ божественной благости; и когда я замѣтилъ, что это заставило меня на минуту забыть различіе нашихъ положеній, онъ съ чувствомъ обнялъ меня рукой».

Нѣсколько дней спустя квакеръ снова былъ у императора и пилъ у него чай—отказавшись отъ сахару, котораго Алленъ не употреблялъ, какъ продукта невольничьяго труда. Бесѣда опять длилась долго; императоръ повѣрялъ квакеру свои религіозные опыты и постоянную внутреннюю борьбу. Наконецъ, они провели нѣсколько времени въ молчаніи и молитвѣ. На прощанье императоръ поцѣловалъ квакера.

Алленъ пріобрѣлъ въ Вѣнѣ большую извѣстность, онъ посѣщалъ дипломатовъ, въ особенности онъ имѣлъ сношенія съ княземъ Эстергази и герцогомъ Веллингтономъ, которые совѣтовали ему отправиться въ Верону, гдѣ долженъ былъ разбираться и занимавшій его вопросъ о невольничествѣ. Но въ Веронѣ Алленъ увидѣлъ, что вопросъ сильно запутывался, и надежды его не исполнились. Здѣсь онъ опять имѣлъ два свиданія съ императоромъ Александромъ. На одномъ изъ нихъ зашла рѣчь о вѣротерпимости, по поводу вальденсовъ, которыхъ преслѣдовалъ король сардинскій [1]). Императоръ полагалъ, что если сектаторы нападаютъ на господствующую религію, то власть должна вмѣшаться; но квакеръ не соглашался съ этимъ и изложилъ взглядъ своей секты о полной свободѣ въ предметахъ религіи. Концомъ ихъ бесѣдъ и теперь, какъ прежде, были молчаніе, въ въ ожиданіи осѣненія святого Духа, и молитва. Императоръ обнялъ и три раза поцѣловалъ Аллена. «Ахъ, сказалъ онъ, когда и гдѣ мы еще встрѣтимся!» [2]).

Они уже больше не встрѣтились; но это все-таки не была послѣдняя квакерская бесѣда императора Александра. Черезъ два года послѣ этого былъ въ Петербургѣ другой извѣстный дѣятель

---

[1]) Вслѣдствіе этого разговора,—какъ разсказывается въ мемуарахъ Грелье, — императоръ принялъ большое участіе въ этомъ горномъ племени, и впослѣдствіи устроилъ для нихъ госпиталь въ Ла-Турѣ.

[2]) Cunningham, стр. 281—285.

квакерства, Томасъ Шиллите (Shillitoe, род. 1754): онъ два раза принятъ былъ императоромъ,—они говорили о своихъ религіозныхъ опытахъ, сидѣли въ молчаніи и вмѣстѣ молились. Этотъ Томасъ Шиллите извѣстенъ, между прочимъ, какъ одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ о трезвости, ради которой стали основываться потомъ извѣстныя общества: онъ не пилъ вина, употреблялъ только растительную пищу и былъ великимъ врагомъ пьянства.

Квакеры вообще должны были имѣть видъ большихъ чудаковъ: начиная съ ихъ нравственныхъ особенностей, постоянныхъ вдохновеній, руководившихъ ихъ важными рѣшеніями, ихъ смѣлаго и оригинальнаго вмѣшательства въ нравственно-общественные вопросы, ихъ миссіонерскихъ странствованій и страсти обращать государей къ своимъ принципамъ, начиная съ этого и кончая оригинальнымъ костюмомъ и внѣшними пріемами, они бросались въ глаза, появляясь въ средѣ общества. Но рядомъ съ этими странностями, твердость убѣжденія, не отступавшая ни передъ чѣмъ, давала имъ авторитетъ, на какой они не могли бы имѣть притязанія по обыкновеннымъ отношеніямъ. Упорное миссіонерство должно было особеннымъ образомъ закалять характеры и убѣжденія, и они рѣшались на поступки, которые счелъ бы невозможными всякій другой. Грелье убѣждаетъ папу отказаться отъ своей власти; Шиллите представляетъ въ 1813 адресы принцу-регенту, гдѣ изображаетъ ему его грѣхи и т. п. Этотъ Шиллите былъ въ особенности чудакъ. Его описываютъ такимъ образомъ:

«Томасъ Шиллите (которому во время свиданія съ Александромъ было семьдесятъ лѣтъ) былъ маленькій человѣкъ съ живыми движеніями, довольно оригинальной головой и лицомъ: выдавшійся лобъ, глубоко лежавшіе глаза съ густыми бровями, крючковатый носъ и сильно выдавшаяся нижняя челюсть, показывавшая рѣшительность. Нервность его темперамента доходила до опасной болѣзненности. Онъ слышалъ голоса, говорившіе его внутреннему чувству. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ воображалъ себя чайникомъ, и очень боялся, чтобы люди, подходившіе къ нему близко, не разбили его. Въ другомъ припадкѣ ипохондріи онъ думалъ, что ему надо бѣжать бѣгомъ черезъ лондонскій мостъ, чтобы мостъ не сломался подъ его тяжестью. Одинъ поразительный случай убійства такъ подѣйствовалъ на его воображеніе, что онъ нѣсколько недѣль скрывался, чтобы

его не приняли за убійцу. Увидѣть мышь стоило бы ему болѣзни. «Онъ часто пугался изъ страха, чтобы чего-нибудь не испугаться», какъ онъ самъ описывалъ свое непріятное состояніе; и однако же въ другихъ случаяхъ этотъ человѣкъ былъ неустрашимъ, какъ герой».

Англійскій историкъ замѣчаетъ: «Такими людьми наполнены у насъ дома умалишенныхъ, но изъ такихъ же людей образовались нѣкоторые изъ нашихъ величайшихъ геніевъ и благодѣтелей. На одинъ лишній волосокъ въ ту или иную сторону, и въ этомъ вся разница». (Cunningham, стр. 225).

Мы видимъ такимъ образомъ, что это пристрастіе императора Александра къ квакерству вовсе не было въ немъ случайной прихотью. Напротивъ, оно соотвѣтствовало всему характеру его религіозности. Его мистическое настроеніе склонно было искать необычнаго и чудеснаго и потому легко увлекается странными или вычурными формами, дѣйствующими на воображеніе и на нервы. Точно также онъ увлекался Юнгомъ-Штиллингомъ, г-жей Крюднеръ; въ Петербургѣ онъ, по разсказу Шницлера, посѣщалъ келью какого-то схимника и поддавался даже краснорѣчію архимандрита Фотія.

Воспитаніе, какъ и самъ онъ говорилъ, не дало ему твердо опредѣленныхъ религіозныхъ понятій, и потому онъ сталъ потомъ искать ихъ самъ, когда внутренняя тревога обратила его къ религіи. Это началось въ то время, когда ему пришлось выносить тяжелыя испытанія и его нравственныя силы были потрясены, и потому его мистическія увлеченія были такъ порывисты и нервны. Въ организмѣ физическомъ бываютъ состоянія, которыя особенно способствуютъ мистической мечтательности,—это обстоятельство, кажется, играло роль и въ настоящемъ случаѣ. Какъ бы то ни было, императоръ Александръ остался навсегда съ этимъ мистицизмомъ.

Кромѣ этого чисто мистическаго элемента, въ тогдашнемъ нравственномъ настроеніи Александра, какъ оно обнаруживается и въ сношеніяхъ съ квакерами, былъ также другой элементъ— мягкаго гуманнаго чувства. Это чувство было, кажется, врожденнымъ свойствомъ его характера; оно не всегда выражалось въ его политикѣ и правленіи, въ сложности, вообще выразилось меньше, чѣмъ можно было бы ожидать по его воспитанію и пер-

вымъ его дѣйствіямъ; оно часто извращалось и даже вовсе отсутствовало во многихъ случаяхъ его внѣшней и внутренней дѣятельности, но едва ли можно сомнѣваться, что оно оставалось до конца его свойствомъ и никогда не покидало его вполнѣ. Въ періодъ реставраціи оно съ особенной силой направлялось на ту отвлеченную филантропію, о которой мы выше упоминали: по этимъ побужденіямъ онъ сталъ теперь покровительствовать библейскимъ обществамъ, раздѣлялъ филантропическіе планы Аллена и Грелье, поощрялъ ланкастерскія школы, заявлялъ свое благоволеніе Песталоцци, наконецъ выслушивалъ планы Роберта Овэна—на Ахенскомъ конгрессѣ [1]).

Но во всемъ этомъ онъ въ то же время обнаруживалъ большую нерѣшительность: увлекаясь, повидимому, вполнѣ извѣстной идеей, онъ, однако, не давалъ ей полной воли надъ собой. Извѣстно, что такія же колебанія обнаруживались и въ его цѣлой политической дѣятельности за это время, въ которой онъ поперемѣнно то одушевлялся великодушными планами для блага и свободы народовъ, то отдавался паническому страху передъ ожидаемыми революціями; эти колебанія и происходившія изъ нихъ противорѣчія его поступковъ объясняли часто тонкимъ притворствомъ и макіавеллизмомъ и называли Александра византійскимъ грекомъ. Но такія объясненія едва ли вѣрны; едва ли не слѣдуетъ скорѣе принять, что Александръ не могъ выйти самъ изъ постоянной борьбы противоположныхъ принциповъ и влеченій, какъ это было и съ его религіозными понятіями; онъ не могъ выйти изъ противорѣчія между крайней спиритуалистической религіозностью, какая одушевляла его самого и сближала его съ квакерами, и тѣми традиціонными представленіями, въ силу которыхъ дѣйствовалъ на него архимандритъ Фотій. Онъ былъ, конечно, искрененъ въ своихъ бесѣдахъ съ квакерами, и читая ихъ разсказы объ этихъ бесѣдахъ, едва ли можно увидѣть въ немъ византійскаго грека.

---

[1]) Р. Овэнъ представилъ союзнымъ монархамъ мемуаръ, излагавшій его взгляды о преобразованіи общества, и его потомъ извѣстили, что его мемуаръ нашли самымъ важнымъ документомъ, какіе были представлены конгрессу. Booth, R. Owen, стр. 79. Но конечно изъ этого ничего не вышло.

БИБЛЕЙСКАЯ СЕКТА ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

(„Вѣстникъ Европы" 1871, мартъ)

БИБЛЕЙСКАЯ СЕКТА ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

Въ исторіи послѣднихъ лѣтъ нашего Библейскаго Общества [1]) играла не маловажную роль секта донского есаула Котельникова, которую противники этого общества ставили съ нимъ въ прямую связь, и въ которой они видѣли злѣйшій умыселъ къ истребленію религіи. До сихъ поръ эта секта была очень мало извѣстна, и мы сообщимъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній объ ней по документамъ, которые были намъ доставлены однимъ изслѣдователемъ нашей новой исторіи. Эти документы также недостаточно полны и не даютъ возможности разъяснить весь ходъ этой исторіи; но они, тѣмъ не менѣе, даютъ понятіе объ этой ереси, такъ напугавшей тогдашнихъ «охранителей», а вмѣстѣ съ тѣмъ и вобще понятіе о тогдашнихъ нравахъ.

Мы указывали прежде, какія дѣйствія производила пропаганда Библейскаго общества въ той странной піэтистическо-канцелярской формѣ, въ какой она обыкновенно совершалась: люди съ серьезнымъ образованіемъ уже тогда въ нее не вѣрили и смѣялись надъ ней; полуграмотная масса, въ которой распространяли Библію и благочестивые трактаты черезъ благочинныхъ и капитанъ-исправниковъ, не понимала, что творится, и иногда окончательно путалась. Мы указывали также умственное состояніе церковныхъ и гражданскихъ властей, которыя, послѣ паденія Голицына, взяли на себя истребленіе вреда и соблазна, произведеннаго Библейскимъ Обществомъ. Дѣло донского есаула представляетъ новыя любопытныя подробности, въ которыхъ мы увидимъ обѣ стороны дѣла.

---

[1]) Обзоръ исторіи Библейскаго Общества въ Россіи мы имѣли уже случай изложить въ особой статьѣ, см. «Вѣстн. Евр.» 1868: авг., сент., ноябрь и декабрь [См. выше].

Противники Библейскаго Общества были во многомъ правы, когда ставили ересь Котельникова въ прямую связь съ Библейскимъ Обществомъ. Ересь не была, конечно, такимъ прямымъ порожденіемъ этого Общества, какъ представляли Шишковъ и его товарищи; было нелѣпо указывать личную солидарность донского есаула съ главными руководителями Библейскаго общества; но нѣтъ сомнѣнія, что общій характеръ секты Котельникова образовался подъ вліяніемъ библейской пропаганды, что эта секта усвоила себѣ многое изъ темнаго мистицизма нашихъ библейскихъ дѣятелей и даже выставляла свои ученія, какъ простое примѣненіе на дѣлѣ тѣхъ религіозныхъ наставленій, которыя исходили отъ самой власти. Секта Котельникова была дѣйствительно совершенно естественнымъ послѣдствіемъ той странной проповѣди, которую вело Библейское Общество. Разсылая канцелярскимъ порядкомъ Библіи и мистическіе трактаты, оно всего скорѣе могло найти себѣ прозелитовъ въ той полуобразованной или только-что грамотной массѣ, которая, при своей плохо направляемой религіозной ревности, особенно была открыта для религіознаго фантазерства и до этого времени доставляла не мало послѣдователей разнымъ видамъ раскола: эта часть публики должна была увидѣть въ оффиціальной разсылкѣ Библіи призывъ къ ея благочестію и въ мистическихъ трактатахъ обращеніе къ ея собственнымъ религіознымъ умствованіямъ. Дѣйствительно такъ поняла эти вещи ересь Котельникова, которая и ссылалась на Библейское Общество. Въ результатѣ библейской пропаганды получались не одинъ разъ странныя секты подобнаго рода, которыя, по мнѣнію самихъ участниковъ ихъ и по мнѣнію многихъ петербургскихъ піэтистовъ, составляли невинное и даже похвальное ревнованіе по вѣрѣ, и которыя потомъ выставлялись противниками Библейскаго Общества какъ злѣйшая ересь, опасная и вредная не только для церкви, но и для самого государства.

Секта Котельникова началась еще въ пору процвѣтанія Библейскаго Общества. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ возникло о ней первое дѣло: это первое дѣло кончилось довольно благопріятно для Котельникова, но вскорѣ потомъ оно было поднято снова, уже въ то время, когда вполнѣ господствовали враги Библейскаго Общества, и на этотъ разъ Котельниковъ подвергся самому строгому преслѣдованію. Общій ходъ этой

исторіи мы разсказывали прежде [1]), и напомнимъ теперь ея главныя черты.

Въ двадцатыхъ годахъ донской есаулъ Евлампій Котельниковъ, подъ вліяніемъ тогдашнихъ религіозныхъ толковъ и библейскаго благочестія, началъ проповѣдовать въ кругу своей родни и знакомства на Дону особое мистическое ученіе, по которому выходило, что Антихристъ пришелъ уже въ міръ, что въ оффиціальной церкви видна уже мерзость запустѣнія, предсказанная пророкомъ Даніиломъ, что внѣшняя церковь, какъ царство Антихристово, будетъ разрушена Александромъ I, въ которомъ родился духовно І. Христосъ, и который есть мужъ новой церкви. При Александрѣ должна распространиться новая религія или единовѣріе. Духоносцы, какъ называли тогда эту секту, читали усердно Библію, далѣе книжку Лопухина о «внутренней церкви», «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова»; въ своихъ молитвенныхъ собраніяхъ, нѣкоторые избранные духоносцы приходили въ экстатическое состояніе, имѣли видѣнія и пророчествовали. Котельниковъ изложилъ ученія свои въ книгѣ, которой далъ ухищренное апокалиптическое названіе въ тогдашнемъ стилѣ: «Начатки съ Богомъ Остраго Серпа въ золотомъ вѣнцѣ». Мѣстное начальство (какъ разсказывали потомъ противники Библ. Общества) много разъ будто-бы доносило объ этой сектѣ министру духовныхъ дѣлъ, самъ Котельниковъ былъ задержанъ мѣстными донскими властями,—но «агенты иллюминатства» отвращали вниманіе министерства отъ донесеній донского начальства и отъ рукописей Котельникова. Наконецъ, послѣ паденія кн. Голицына, Котельниковъ (въ октябрѣ 1824 г.) былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ, какъ говорятъ, держалъ себя дерзко съ Аракчеевымъ, въ присутствіи митр. Серафима и арх. Фотія, не пугался угрозъ, а напротивъ самъ грозилъ, что радъ погибнуть, потому что своей погибелью умножитъ ревность и число своихъ послѣдователей. Аракчеевъ и Серафимъ хотѣли запереть его въ крѣпость; но Фотій просилъ, чтобы ему предоставили Котельникова на увѣщаніе. Фотій довелъ его до раскаянія, и Котельниковъ письменно предалъ свою книгу проклятію. Тогда его велѣно было освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину.

Это происходило въ 1824-мъ году.

---

[1]) «Р. Библ. Общество», ст. 4-я, стр. 731—732 [см. выше, стр. 247 сл.].

Но на родинѣ — разсказываетъ Шишковъ — Котельниковъ «сочинилъ еще злѣйшую прежней книгу, въ которой насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному его обращенію въ православную вѣру и отреченію отъ своей». Онъ продолжалъ распространять свою ересь, и его вторично взяли въ Петербургъ. Здѣсь Фотій уже не хотѣлъ обращать его, а поручено это было одному монаху, «который (по разсказу Шишкова), вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился тою же ересью и объявилъ о томъ письменно». Наконецъ, Котельникова заключили въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ умеръ въ 50-хъ годахъ, какъ говорили, «святымъ человѣкомъ»...

Упомянутые выше матеріалы, какъ мы замѣтили, неполны и отрывочны. По нимъ трудно составить послѣдовательную исторію этого дѣла: поэтому мы въ своемъ изложеніи не будемъ слѣдовать хронологическому порядку дѣла, а постараемся передать въ связи содержаніе самыхъ документовъ. Большая часть ихъ относится уже ко второй исторіи Котельникова, но мы найдемъ въ нихъ не мало указаній объ его прежней исторіи и о первомъ разборѣ его дѣла въ Петербургѣ (въ 1824). Впрочемъ, и въ этихъ неполныхъ матеріалахъ общій характеръ его фантастической секты обнаруживается очень достаточно.

Изъ тѣхъ документовъ, которые относятся къ первому слѣдствію надъ Котельниковымъ въ Петербургѣ, мы прежде всего остановимся на письмѣ митр. Серафима къ Аракчееву [1]). Когда Котельниковъ былъ привезенъ въ Петербургъ, Аракчеевъ прислалъ къ митр. Серафиму книгу Котельникова «Начатки съ Богомъ Остраго Серпа» и другія записки, и просилъ его дать свое мнѣніе, какому наказанію подлежитъ авторъ этого сочиненія. Серафимъ усмотрѣлъ, что сочиненіе это «очень важно», и сдѣлалъ изъ него выписку, которую и посылалъ на разсмотрѣніе Аракчееву. Относительно Котельникова онъ пришелъ къ слѣдующему мнѣнію. Котельниковъ есть начальникъ секты духоносцевъ, которая принимаетъ два главные догмата: 1-е, что въ каждомъ послѣдователѣ ея живетъ самъ І. Христосъ, или что каждый ея послѣдователь есть истинный Христосъ,—что есть Богохуленіе; 2-е, что греко-

---

[1]) Въ копіи не означено, когда было писано это письмо; но что оно относится къ первому слѣдствію, видно изъ того, что Котельниковъ ссылался на него потомъ, въ своемъ письмѣ къ Милорадовичу, въ іюнѣ 1825 (см. ниже).

россійская церковь не есть истинная церковь, а «Вавилонъ и блудница», а таинства ея суть печать антихристова,—что есть хула на церковь. Итакъ, Котельниковъ виноватъ по первому пункту, т. е. въ богохуленіи; но онъ виноватъ и по второму пункту, т. е. въ оскорбленіи величества: «ибо неистовый есаулъ сей учитъ, что якобы (страшусь сказать сіе) государь императоръ хочетъ истребить православную церковь нашу, а на мѣсто ея вводитъ новую церковь, новую всеобщую какую-то религію, которую уже якобы онъ и распространяетъ указами своими. Можетъ ли быть большее оскорбленіе величества благочестивѣйшаго государя императора нашего, какъ сіе оскорбленіе?» Объяснивъ, что подданныхъ привязываетъ къ его особѣ именно увѣренность, что онъ есть защитникъ вѣры, и что поэтому «благочестивѣйшій» занимаетъ первое мѣсто въ высочайшемъ титулѣ, митрополитъ заключаетъ, что Котельниковъ есть врагъ императора и врагъ отечества; что его, какъ злѣйшаго и нераскаяннаго еретика,—котораго не могли исправить отъ ереси, «ни увѣщанія духовенства, ни вразумленія начальства его, съ легкимъ штрафомъ соединенныя [1]), ни просьбы и слезы жены его, которая старалась отвлечь его отъ пагубнаго заблужденія его и которую онъ немилосердно билъ за сіе, якобы по внушенію духа Божія, слѣдуетъ судить по всей строгости законовъ, въ страхъ остальнымъ послѣдователямъ этой секты, «которые *то же суть* что масоны, иллюминаты, якобинцы и карбонари, *но опаснѣе* ихъ тѣмъ, что они именемъ религіи и именемъ божіимъ злоумышляютъ истребить божественную религію нашу, а чрезъ то *произвесть революцію*, дабы воспользоваться выгодами ея». Митр. Серафимъ полагалъ, наконецъ, что «въ наши (тогдашнія) несчастныя времена» правительство должно особенно стоять на стражѣ, чтобы тайные враги не причинили ему зла подъ видами добра.

Въ запискѣ, приложенной къ письму, находятся другія подробности о сектѣ Котельникова.

Духоносцы—разсказывается здѣсь—проповѣдуютъ, что они имѣютъ въ себѣ духъ божій, и выдаютъ себя, одни за пророка Исаію, другіе за Іону, Котельниковъ выдаетъ себя за Іоанна Предтечу. По словамъ ихъ, послѣднія времена уже наступили, Христосъ въ духѣ пришелъ, апокалиптическое число 666

---

[1]) Котельниковъ, какъ увидимъ, содержался «за рѣшотками» въ Новочеркасской 1-й части; о штрафѣ онъ писалъ потомъ, что уплатой его онъ былъ разоренъ.

исполнилось и Антихристъ явился: онъ явился въ господствующей церкви, въ которой и видна мерзость запустѣнія, прореченная Даніиломъ. Это Антихристово царство будетъ разрушено императоромъ Александромъ, при которомъ откроется новая религія (принимаемая духоносцами) и распространится по вселенной на 1000 лѣтъ, такъ скоро, что «не успѣетъ еще Библія всѣмъ роздана быть».

Императоръ Александръ получалъ въ этой новой церкви божественное значеніе. Въ немъ родился духовно I. Христосъ; онъ глава этой церкви, и онъ-то распространялъ ее своими указами. Особая мистическая роль приписана была и императрицѣ Маріи, которую Котельниковъ называлъ «Вратами Сіона». Въ мірѣ явились уже апокалиптическіе ангелы, которые должны установить новую религію: первый изъ этихъ ангеловъ есть Библейское Общество; второй ангелъ — имп. Александръ; третій ангелъ дѣйствуетъ въ нѣкоторыхъ избранныхъ по Библейскому Общестлу въ силу указовъ императора. Основаніе новой церкви еще не совершилось, но оно совершится: Александръ истребитъ древнюю церковь, какъ Вавилонъ, приметъ самъ новую религію, примутъ ее вельможи и синодъ благословитъ, и тогда собранія духоносцевъ устроятся открыто, какъ церкви новой религіи.

По ученію духоносцевъ, всякій христіанинь есть «священникъ», «царь», «Христосъ» и т. д., и потому богослуженіе могутъ совершать и мужчины и женщины, и въ этомъ богослуженіи они преставляютъ собой Христа. Такъ, чтобы изобразить распятіе, крестную смерть и снятіе съ креста, «дѣвка» бросается на крестъ, и надъ ней поютъ соотвѣтственныя церковныя пѣсни, наконецъ, она воскресаетъ. Эта «дѣвка» служитъ потомъ обѣдню, причемъ причащаетъ на простомъ хлѣбѣ, скоромной булкѣ или на буарзахъ. Курганъ представляетъ у духоносцевъ гору Ѳаворъ: они совершаютъ здѣсь свое преображеніе, и утверждаютъ, что на нихъ бываетъ сошествіе Св. Духа въ огненныхъ языкахъ.

Для распространенія своихъ ученій, они дѣлаютъ у себя собранія, «подъ видомъ чтенія Библіи». Кромѣ Библіи, они принимаютъ еще книгу Лопухина «Черты о внутренней церкви», «Воззваніе къ человѣкамъ» и пр., кромѣ того, библейскіе отчеты, «воззваніе» отъ комитета Библейскаго Общества. Своихъ послѣдователей духоносцы, по словамъ записки, набираютъ изъ старо-

обрядцевъ, духоборцевъ, скопцовъ и другихъ раскольниковъ, и изъ-за внѣшнихъ обрядовъ съ ними не спорятъ...

Наконецъ, Серафимъ, считая непристойнымъ описывать дальнѣйшія «мерзости и богохульства» этой книги, выражаетъ удивленіе, что объ нихъ много разъ было доносимо бывшему министру духовныхъ дѣлъ (кн. А. Н. Голицыну), и онъ молчалъ. Между тѣмъ, «Острый Серпъ» есть совершенное ниспроверженіе господствующей церкви и введеніе какой-то новой, состоящей изъ всѣхъ еретическихъ и раскольничьихъ сектъ: духоносцы съ дерзостью провозглашаютъ, что въ религіи должна неминуемо и вскорѣ послѣдовать революція, которая должна быть пагубна для тѣхъ, кто ей станетъ препятствовать, и полезна тѣмъ, кто будетъ ей помогать, и что само правительство споспѣшествуетъ этой цѣли учрежденіемъ библейскихъ обществъ. Упомянувъ, что бывшій министръ самъ, разсылая во всѣ епархіи, академіи и семинаріи книгу «Воззваніе къ человѣкамъ», откуда авторъ «Остраго Серпа» большей частью заимствовалъ свое ученіе и «карбонарскія мысли» и которую духоносцы считаютъ пророческою, — митрополитъ заключаетъ снова, что эта секта есть самая вредная и опасная для православной церкви и отечества: «нѣтъ сомнѣнія, что она *не у насъ* въ Россіи выдумана, но *принесена* къ намъ *изъ-за морей*, а управляется и поддерживается и распространяется чрезъ всѣ истинно-діавольскіе способы иностранцами, ищущими того, чтобы, опровергнувъ алтари и престолъ, сокрушить и страшное для всей Европы могущество и силу Россіи».

Таково было мнѣніе властей, противныхъ Библейскому Обществу, о сектѣ Котельникова [1]).

Первое дѣло, начавшееся по поводу этой секты, какъ мы сказали, кончилось для Котельникова благополучно потому, что онъ отказался отъ своего ученія. Его отпустили домой и дали ему тысячу рублей. Это, кажется, только поощрило его и поддержало его въ высокомъ мнѣніи о себѣ и своей проповѣди; дома онъ снова началъ дѣйствовать по прежнему и новое преслѣдованіе, навлеченное имъ на себя, кончилось для него соловецкимъ заточеніемъ. Къ этому второму дѣлу Котельникова и относятся, главнымъ образомъ, упомянутые документы.

---

[1]) Въ этомъ же самомъ смыслѣ Серафимъ писалъ о сектѣ Котельникова къ императору Александру отъ 11-го декабря 1824-го года. См. «Р. Арх.» 1868, стр. 940 и слѣд.

Обличители Котельникова представляли его нравственныя качества въ очень неблагопріятномъ видѣ, и, напримѣръ, говорятъ, что онъ искалъ въ сектѣ своихъ личныхъ выгодъ, надѣялся пріобрѣсть черезъ нее значеніе и—деньги. Атаманъ войска донского, генералъ Иловайскій, въ одномъ изъ своихъ первыхъ донесеній о Котельниковѣ выражалъ мнѣніе, что «имъ руководитъ высокомѣріе, имѣющее цѣлію сдѣлаться извѣстнымъ, а ничего свойственнаго христіанской любви и смиренію въ немъ не усматривается». Фотій въ запискахъ своихъ (какъ извѣстно, не весьма достовѣрныхъ) разсказываетъ, что Котельниковъ, по освобожденіи своемъ, два раза писалъ ему и просилъ денегъ, сначала 5000 руб., потомъ 150,000. Въ дѣлѣ сохранилось одно письмо Котельникова къ Фотію (отъ 12-го марта 1825), писанное по возвращеніи на Донъ. Онъ проситъ Фотія не сомнѣваться въ правовѣріи его и его семейства; говоритъ, что онъ молилъ Господа Бога о государѣ, о графѣ (Аракчеевѣ) и о немъ, и также о «здѣшнихъ (донскихъ) любезнѣйшихъ властяхъ и пастыряхъ нашихъ»; въ концѣ, будто бы ошибкой, называетъ Фотія «архипастыремъ», и желаетъ ему таковымъ сдѣлаться. Но о деньгахъ нѣтъ никакой рѣчи.

Письмо къ Фотію было очевиднымъ притворствомъ со стороны Котельникова, потому что вскорѣ уже онъ сталъ высказываться о немъ совершенно иначе, и снова принялся распространять свои фантазіи.

Въ томъ же мартѣ 1825-го года начинается новый рядъ донесеній объ немъ донского начальства въ Петербургъ. Въ концѣ марта атаманъ Иловайскій доносилъ Аракчееву слѣдующее: Котельниковъ «во время заблужденія своего» послалъ жившему въ Лубнахъ архіепископу Амвросію [1]) свои толкованія на Апокалипсисъ, назвавши свою посылку на конвертѣ рапортомъ Іеромонаха Іоанна Громова. Теперь Котельниковъ «открылся» въ этомъ Иловайскому, и такъ какъ посылка возвращена была изъ Лубна въ Новочеркасскую почтовую контору, то Иловайскій вытребовалъ ее къ себѣ и нераспечатанной представлялъ ее Аракчееву.

При дѣлѣ находятся эти посланія къ Амвросію, писанныя Котельниковымъ «во время его заблужденія», т. е. до перваго

---

[1]) Амвросій, бывшій архіепископъ тобольскій, жилъ тогда въ Лубнахъ на покоѣ.

отправленія въ Петербургъ. Въ то время его петербургскіе судьи, вѣроятно, не знали этихъ посланій. Мы находимъ здѣсь собственныя свидѣтельства Котельникова объ его ученіи, которыя могутъ послужить не безынтереснымъ образчикомъ тогдашняго религіознаго броженія.

Эти посланія состоятъ изъ трехъ писемъ къ Амвросію и изъ особеннаго посланія къ «Вратамъ Сіона» (мы объяснимъ это дальше), которое онъ поручаетъ также Амвросію. Письма писаны Котельниковымъ 24 іюня и 24 іюля 1824 года изъ «тюрьмы» при 1-й полицейской части въ Новочеркасскѣ, гдѣ онъ, какъ видно, очень долго содержался еще до отправленія въ Петербургъ. Въ первомъ короткомъ письмѣ, Котельниковъ предаетъ себя и свое дѣло защитѣ и ходатайству Амвросія и при письмѣ посылаетъ ему «книгу о строеніи святаго града во вселенной и рабское представленіе ко Вратамъ Сіона отъ недостойнаго узника».

Второе письмо заключаетъ въ себѣ цѣлый длинный, хотя смутный разсказъ Котельникова объ его дѣлѣ, его религіозныхъ стремленіяхъ и планахъ, жалобы на преслѣдованіе и просьбы помочь ему въ его душевной борьбѣ. Нѣсколько выдержекъ дадутъ понятіе о содержаніи письма и объ оригинальномъ его стилѣ.

Въ началѣ письма Котельниковъ говоритъ, что онъ исповѣдуется святому отцу, которому онъ пишетъ. «Я такъ оставленъ всѣми,—говоритъ онъ;—я тоскую. Если бы это была тоска Іисусова въ саду, я радъ бы былъ. Темная вѣра колеблется. Я далъ подписку и письма [1]), что содержанію моему никто не причиною, какъ я самъ, и видя недостоинство свое, никого учить не могу и не буду, только бы услали меня въ Кіевъ, ибо-де для положенія духа моего, чувствую, не такъ нужна тюрьма, какъ совѣты святыхъ отецъ во ощутительномъ искушеніи моемъ. Чтожъ? Назвали только сіе доказательствомъ сумашествія моего и молчатъ. Строгость та же. Но по милости божіей можно всякому со мною видѣться и тайно писать, что̀ Господу угодно. Вотъ написалось изъясненіе на Апокалипсисъ и ужасаюсь: совѣтоваться не съ кѣмъ, агнецъ мой еще нѣмотствуетъ (?). Звѣрь въ силѣ нападаетъ, а побужденіе писать такое, какъ не мино

---

[1]) Конечно, въ то время, когда дѣло о немъ шло еще только въ Новочеркасскѣ, гдѣ онъ сначала и содержался.

вать смерти, какъ теряю жизнь, если не повиноваться побужденію. Я оставилъ было писать, но вся внутренность моя занялась тоскою, какъ отъ страшнаго преступленія, а теперь не знаю, что за страхъ. Забота, какъ и куда отправить, рѣшена письмомъ дочери. Она сказала, что въ вашей обители [1]) любовь величайшая, премудрость глубочайшая, неоцѣненная палата Св. Духа, что это — престолъ церкви нашей, что это — средоточіе нашего зданія, что святитель Амвросій беретъ участіе въ сооруженіи ея даже до Кесаря. Планъ церкви написанъ. Посылаю отъ имени іеромонаха Іоанна Громова, дабы звѣрь и цари земные и воинства ихъ не познали подъ симъ таинственнымъ великимъ именемъ узника»...

Подъ звѣремъ Котельниковъ разумѣлъ, вѣроятно, самого Антихриста, а подъ воинствами земныхъ царей — конечно, атамана Иловайскаго и новочеркасскую полицію. Письмо дѣйствительно миновало ихъ рукъ, и попалось къ нимъ уже тогда, когда было возвращено по почтѣ назадъ. Забота о томъ, куда отправить толкованіе Апокалипсиса, могла быть рѣшена дочерью есаула потому, что эта дочь, Марья, бывшая замужемъ за урядникомъ Кустовымъ, играла съ сектѣ большую роль, какъ одаренная особой духовной силой или просто «духомъ»: ея слова могли имѣть вдохновенное значеніе.

Въ письмѣ странно мѣшаются чрезвычайное уничиженіе и вмѣстѣ высокое понятіе о своемъ знаніи тайнъ вѣры. «Бѣдный я человѣкъ: что̀ я дѣлаю, и самъ не понимаю», — восклицаетъ Котельниковъ; онъ сомнѣвается въ своемъ умѣ, но тутъ же спрашиваетъ: «неужели св. мужи такъ начинали путь свой?» и приписывая себѣ божественныя внушенія, высказываетъ сожалѣніе: «бѣдный я человѣкъ! Некому сообщить тайны св. Іоанна. Онъ по справедливости плачетъ» (Ап. V, 4). Котельниковъ проситъ себѣ молитвъ и духовной помощи.

Онъ разсказываетъ затѣмъ нѣкоторые случаи изъ своей тюремной жизни, гдѣ опять по своему обнаруживается религіозная ревность донского есаула. «По окончаніи книги (т.-е. толкованія Апокалипсиса), — пишетъ онъ, — вышелъ я на сраженіе противу матерняго сквернословія. Шесть казаковъ *ощутили удары руки моей*, дошла жалоба, и за выговоръ (т.-е. сдѣланный Котельникову) досталось было тоже и приставу. Кричу и говорю: вы

---

[1]) Въ Лубенскомъ монастырѣ.

меня хотя убейте, а отдохнувши, буду бить опять васъ за Матерь Пречистую, пока перестанете! Тутъ острогъ, тутъ прочія угрозы; но хоть въ Сибирь!.. Это чудо! билъ людей, а совѣсть не укоряетъ и сердце паче услаждается: видно дѣло Господне,—а посовѣтоваться не съ кѣмъ, бѣда!». Онъ разсказываетъ далѣе, какъ одна духоносица, которую «пилаты» тоже мучили въ полиціи табакомъ и матернимъ словомъ, духомъ узнала одного урядника, который оказался начальникомъ молоканъ. Этотъ урядникъ пришелъ къ Котельникову «распросить объ истинномъ спасеніи», и узнавъ отъ него о «внутреннемъ дѣйствіи въ человѣкѣ духа Христова», поспѣшилъ сообщить своему обществу это важное открытіе. Котельниковъ съ великимъ уваженіемъ говоритъ о ревности этого урядника: «по его горячей любви къ Богу я недостоинъ учить его; чувствую, что я далекъ отъ подобной горячности. Боже мой, коль ты благъ къ намъ! Молоканы ближе ко спасенію, нежели церковные лицемѣры»...

Это письмо писано было Котельниковымъ наудачу—онъ не зналъ, попадетъ ли оно къ архіепископу или къ другому лицу въ Лубнахъ, которое онъ и проситъ передать его письмо архіепископу. Къ этому, намъ неизвѣстному лицу, адресовано еще третье письмо Котельникова, или, собственно, приписка къ предыдущему, — гдѣ онъ продолжаетъ разсказывать о подвигахъ и благочестіи разныхъ своихъ духоносцевъ, особенно какой-то Марѳуши. Эта Марѳуша была исполнена духа; она имѣла вдохновенія, предсказывала и даже творила исцѣленія. Между прочимъ, она передавала ему, что «Господь открылъ ей» объ его «бумагахъ», писанныхъ имъ къ императору и къ другимъ лицамъ,—что эти бумаги тамъ получены; хотя ей не было открыто, что именно по этимъ бумагамъ происходитъ. Передъ тѣмъ она сообщала ему другое свое прозрѣніе. «Въ прошлую Филиповку,— разсказываетъ Котельниковъ, — когда книга, написанная мною: Начатки съ Богомъ Остраго Серпа въ золотомъ вѣнцѣ, совсѣми святыми откровеніями, писанными моею рукою и рукою Параскевы [1]), попались въ руки войсковой канцеляріи, посѣщали меня обѣ духоносицы, Дуня съ Марѳушею. Я просилъ Марѳушу, чтобы она помолилась Богу... чтобы Господь успокоилъ меня извѣщеніемъ, угодна ли ему написанная книга, которая писана, думаю, по движенію духа Божія, и самъ себѣ не вѣрю и со-

---

[1]) Это была дочь Котельникова Прасковья Дубовская, вдова урядника.

крушаюсь. Поутру приходитъ Дуня съ рапортомъ: Маревуша уѣхала, и приказала сказать тебѣ, братецъ,—мы, пошедши отъ тебя, при вступленіи въ нашъ кварталъ, объяты сдѣлались благоуханіемъ...» Кромѣ того, она велѣла ему сказать «чтобъ онъ не печалился; все будетъ такъ, какъ написано». Словамъ Маревуши и Дуни Котельниковъ вѣрилъ какъ божественному указанію, и совершенно передъ ними преклонялся: «куды мнѣ за ними гнаться; имъ можно вѣрить, потому что дѣйствія явныя, примѣтныя, а мое дѣло вовсе подъ сомнѣніемъ великимъ. Вѣдь только и доказательства, что чрезвычайныя понятія пророчествъ (т.-е. пониманіе ихъ, которое онъ у себя предполагалъ), да если что надобно писать, то никакъ удержаться нельзя...». Писаніе толкованій на Апокалипсисъ сопровождалось также чудесными обстоятельствами, потому что караульные при нѣсколькихъ обыскахъ не могли найти въ тюрьмѣ его тетрадей, хотя иногда онѣ бывали даже на виду. Написавши Апокалипсисъ, Котельниковъ, по словамъ его, поклонился ему и знаменовалъ имъ четыре страны свѣта «съ крѣпкимъ распѣвнымъ гласомъ» и вышелъ на «оговорку» съ приставомъ по поводу шести казаковъ, «ощутившихъ удары его руки»: на выговоры пристава, Котельниковъ сталъ кричать и на него; разсерженный приставъ велѣлъ держать его, а самъ пошелъ осматривать комнату и, однако, не нашелъ Апокалипсиса.

Такъ препровождалъ свое время Котельниковъ въ своемъ заключеніи. Вмѣстѣ съ изложенными сейчасъ письмами, попавшими теперь въ руки Иловайскаго, находилось и «рабское представленіе ко Вратамъ Сіона», также сохранившееся въ документахъ. Котельниковъ надѣялся, что архіепископъ Амвросій доставитъ это представленіе по адресу.

Въ этомъ посланіи ко «Вратамъ Сіона» мы находимъ чрезвычайно курьезное изложеніе фантазій библейской секты. «Врата Сіона», какъ мы упоминали, былъ мистическій титулъ, подъ которымъ Котельниковъ разумѣлъ императрицу Марію Өедоровну. «Возлюбленныя Господу Врата Сіона! Всемилостивѣйшая государыня!» такъ начинаетъ Котельниковъ свое посланіе. «Основанныя имъ на святыхъ горахъ Врата Сіона любитъ Господь болѣе всѣхъ селеній Іакова. И потому, Врата! возвысьте верхи ваши! возвысьте святыя собранія ваши, возвысьте двери вѣчныя! Царь Славы входитъ!» Цѣль посланія состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить Врата Сіона возвысить свои верхи, т.-е. дать защиту истиннымъ вѣрующимъ, т.-е. духоносцамъ, дать покровительство

ихъ собраніямъ, изъ которыхъ должна выйти истинная церковь, и рузрушить козни и преслѣдованія церкви Антихристовой, какою Котельниковъ считалъ православіе.

Въ началѣ посланія Котельниковъ собираетъ изъ Библіи пророчества о послѣднихъ временахъ, объ умноженіи беззаконій, о блудницѣ вавилонской, о преслѣдованіи вѣрныхъ, и, наконецъ, о пришествіи царя славы. Все это онъ непосредственно примѣнялъ къ тогдашнимъ событіямъ и къ своей собственной проповѣди: онъ былъ одинъ изъ гонимыхъ вѣрныхъ. При этомъ онъ разсказываетъ о своихъ трудахъ и претерпѣваемыхъ гоненіяхъ:

«Полтора года, — разсказываетъ онъ, — настоятельство наше продолжается у монарха объ открытіи св. апостольскихъ собраній (т.-е. собраній духоносцевъ), яко училищъ христовыхъ учениковъ, безъ которыхъ не можетъ состоять соборная во храмахъ, вселенская истинная церковь, не можетъ истребиться и тьма, сборище сатанинское, блудница вавилонская... Прошлаго 1823 г. написана мною въ духѣ св. Іоанна Тайновидца книга: Начатки съ Богомъ (и проч.), съ письмами: министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну, яко хранителю таинъ Господнихъ; вашему императорскому величеству, яко матери жениха невѣсты, яко Вратамъ Сіона; и благословенному жениху невѣсты-агнца, возлюбленному Христу Господню, Александру. Въ сей книгѣ ангелъ воскликнулъ громкимъ голосомъ, говоря всѣмъ птицамъ, летающимъ по небу: летите, собирайтеся на великую вечерю Божію, чтобы пожрать трупы ца[illegible]й, трупы сильныхъ, трупы тысяченачальниковъ, трупы коней и сѣдящихъ на нихъ, трупы всѣхъ свободныхъ и рабовъ, и малыхъ и великихъ. Но *перехвачена здѣшними полицейскими*, а по претензіи моей хотя отыскана и находится въ войсковой канцеляріи, *со всѣми святыми откровеніями*, но не отправляютъ ни къ вашему величеству, ни въ цензуру. Такъ увидѣлъ я послѣдователей масоновъ [1]): звѣря и царей земныхъ, плотоугодниковъ, вождей гонителей, духовенство и градоначальниковъ и воинства ихъ подчиненныхъ, собравшихся, чтобы сразиться съ сидящимъ на конѣ и съ воинствомъ его».

Такимъ образомъ, свои столкновенія съ полиціей и ея гоненія Котельниковъ отождествляетъ съ борьбой Антихриста противъ Христа. «*Шесть лѣтъ* съ половиною, — говоритъ онъ, — судили

---

[1]) Такимъ образомъ и Котельниковъ, какъ Серафимъ, винитъ во всемъ тѣхъ же масоновъ, которыхъ считаетъ слугами Антихриста.

меня за то, что я по милости Божіей не поклонился *образу звѣрину* и не принялъ *начертанія звѣря*, также за слово Божіе и свидѣтельство Іисусъ-Христово. Осудили, отлучили отъ св. церкви и по высочайшей конфирмаціи еще содержали полгода въ заточеніи съ продажею имущества моего на цѣну штрафа и на содержаніе мое здѣсь». Указавъ подходящее къ его положенію сравненіе изъ Библіи (Пѣс. Пѣсн. 1, 4, 5), Котельниковъ продолжаетъ: «по сему ходу паки содержутъ меня въ заточеніи и уже паки полгода на 8-й годъ, хотя и безъ допроса, но можетъ быть паки осужденъ уже и конфирмованъ, какъ и прежде, безъ объявленія мнѣ экстракта и сентенціи. Такъ сильно духъ Антихриста дѣйствуетъ въ рабахъ своихъ». Онъ жалуется на утѣсненія, которымъ онъ подвергается, на укоризны, на то, какъ ему «нарочито досаждаютъ скверно-матерными словами и пѣснями при молитвословіи, трубкою при ладанѣ, балалайкою при пѣснопѣніи». Котельниковъ удивляется, что «настоятельство ангела» не дѣйствуетъ даже и въ Петербургѣ, гдѣ его просьбы объ открытіи собраній духоносцевъ оставались безуспѣшными. Мы уже видѣли, что онъ много хлопоталъ объ этомъ. «Объ открытіи св. собраній,—говоритъ онъ еще,—писалъ я въ духѣ св. Іоанна сына Громова [1]) въ войсковую канцелярію многократно; г. министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну многократно; въ св. синодъ единожды; въ воронежскую консисторію единожды; г. министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею дважды, и самому государю дважды въ собственныя руки. Но видно повсюду собираются сразиться съ сѣдящимъ на конѣ и воинствомъ его, не допускаютъ до истиннаго вниманія благочестивѣйшаго монарха. Имъ пріятна политика и судебныя дѣла. Не хочетъ змій оставить пищи, отъ которой тучнѣетъ, и сего ради не хочетъ принять грядущаго миротворца; не хочетъ и слышать, сколь силенъ въ чудесахъ духъ св. Библіи, который судитъ и воинствуетъ»... Котельниковъ грозитъ, что казнь и пагуба скоро постигнетъ враговъ Библіи: «познаютъ св. Библію тогда, какъ по слову, въ ней содержащемуся и ихъ осуждающему, схваченъ будетъ звѣрь и лжепророкъ, и оба состоянія таковыхъ людей (т.-е., конечно, опять духовенство, не признающее Библіи, и градоправители, служащіе Антихристу) живые брошены въ озеро

---

[1]) Тотъ же мистическій псевдонимъ, подъ которымъ Котельниковъ отправлялъ свои посланія въ Лубны.

огненное, горящее сѣрою»,—и напоминаетъ цитату изъ Захар. XIV, 12.

Приступая къ изложенію своей просьбы къ императрицѣ, Котельниковъ объясняетъ значеніе «Вратъ Сіона»:

«Сіонъ есть великая гора, уготована надъ верхомъ горъ, есть вселенское *единовѣріе*, уготованное въ св. собраніяхъ (цитаты изъ Апокалипсиса и прор. Михея). Врата на Сіонъ есть Пречистая Дѣва, матерь Божія, *Марія*, дѣйствующая духомъ своимъ въ вѣрующихъ на возрожденіе ихъ во Христѣ. Она избираетъ горлицу, вдовствующую царицу *Марію*, дабы гласъ горлицы слышанъ былъ въ землѣ нашей» (цитата изъ Пѣсни Пѣсней и прор. Захаріи) и проч. Черезъ эту Марію долженъ совершиться бракъ ея сына съ невѣстою, т.-е. императоръ Александръ долженъ соединиться съ новой церковью или единовѣріемъ духоносцевъ, и тѣмъ должна успокоиться ярость Господня на землѣ Сѣверской (цитаты изъ Апокалипсиса и прор. Захаріи).

Указавши, что такимъ образомъ здѣсь будетъ дѣйствовать сама Пречистая Дѣва, Котельниковъ излагаетъ, въ чемъ должна была бы состоять воля ея императорскаго величества «по званію Вратъ Сіонскихъ». Во-первыхъ, «сердобольная мать царица, въ духѣ матери небесныя царицы», должна была предстать передъ сына своего, императора Александра, въ которомъ «сынъ божій, царь небесный тѣлесно пребываетъ», и испросить освобожденіе всѣмъ, содержащимся въ узахъ за слово божіе и «свидѣтельство Іисусъ-Христово» духоносцамъ, между прочимъ тѣмъ, которые исполняютъ божіе дѣло «подъ видами юродства и неистовства». Во-вторыхъ — исходатайствовать «дозволеніе, на основаніи Священнаго Союза трехъ монарховъ, сходиться желающимъ христіанамъ для чтенія слова Божія и назиданія другъ друга въ любви, со славословіемъ и духовными пѣснями, утѣшаяся и радуяся о Господѣ своемъ», т.-е. дозволеніе для собраній духоносцевъ, для совершенія ихъ обрядовъ, предсказательства «въ духѣ» и т. п. Въ третьихъ—должны быть собраны бумаги, писанныя Котельниковымъ къ государю, къ министрамъ, въ войсковую канцелярію и пр., чтобы онъ «видѣлъ, цѣлы ли они»; и обратить высочайшее вниманіе на то, «что по нимъ желалъ духъ Божій, и что они лежатъ, или истреблены за то только, что Христа не допускаютъ царствовать въ человѣкахъ» (!). Въ четвертыхъ—такъ какъ «духи пророковъ подчинены пророкамъ», то Котельниковъ желалъ, чтобы его книга, тутъ же пред-

ставляемая: «Изъясненіе св. откровенія Іоанна Богослова», была разсмотрѣна такими духоносцами божіими, которымъ извѣстны *на опытѣ* необыкновенные пути Божіи, а не мірскими мудрецами, которые этихъ путей не знаютъ. Въ пятыхъ—«августѣйшая мать сотворитъ обрученіе царю Соломону въ царѣ Александрѣ съ невѣстою Агнца тѣмъ, что онъ начнетъ жену облачать въ солнце» и т. д. Эта мудреная фраза, подкрѣпленная цитатами изъ Апокалипсиса и Пѣсни Пѣсней, должна была вѣроятно означать полный союзъ императора Александра съ духоносцами. Исполнивъ это, Александръ могъ «связать сею цѣпью Сатану во вселенной, повергнуть въ бездну, запереть и запечатать *на тысячу лѣтъ*, царствуя со Христомъ *тысячу лѣтъ*». По мнѣнію Котельникова, тогда открывалось спасеніе «явное, скорое и громкое», и надо только поспѣшнѣе исполнять то, «къ чему призываемся», чтобы кто не «предвосхитилъ вѣнца, намъ опредѣленнаго».

Какъ мы сказали, Иловайскій въ мартѣ 1825 г. отправилъ всѣ эти отыскавшіеся документы въ Петербургъ, къ графу Аракчееву. Эти писанія Котельникова принадлежали еще къ его «прежнему заблужденію», и быть можетъ не повлекли бы новыхъ розысковъ; но Котельниковъ, вернувшись изъ Петербурга въ свою Верхне-Курмоярскую станицу, не угомонился, вновь открылъ свою пропаганду, и теперь она стала еще характеристичнѣе. Котельниковъ и прежде, какъ мы сейчасъ видѣли, ставилъ дѣло своей секты самымъ широкимъ образомъ. Открывъ пришествіе Антихриста, онъ считалъ себя не иначе, какъ борцомъ противъ Сатаны, и основывая свою новую церковь, желалъ, чтобы императоръ Александръ сталъ во главѣ этой церкви; въ Александрѣ, по его мнѣнію, тѣлесно явился Христосъ, и онъ долженъ былъ сокрушить Антихриста и начать тысячелѣтнее царство. Котельникову казалось, что онъ имѣетъ всѣ данныя для такихъ заключеній; Священный Союзъ, Библейское Общество, разсылка Библій и книжицъ въ родѣ «Воззванія къ человѣкамъ» и т. п., поощреніе собраній для чтенія Библіи, убѣждали его совершенно. Судъ въ Петербургѣ не разубѣдилъ его. Напротивъ, онъ еще больше утвердился въ своихъ понятіяхъ, и только пріобрѣлъ новыя свѣдѣнія относительно положенія, въ какомъ находится борьба съ Антихри-

стомъ. Онъ увидѣлъ только, что ревнители спасенія, какъ кн. Голицынъ и Библейское Общество, не защитили его; что графъ Аракчеевъ, Фотій и др. не что иное, какъ слуги Антихриста, и что Антихристъ очень силенъ. Котельниковъ уступилъ имъ, давши подписку, но на эту уступку тогда же смотрѣлъ какъ на военную хитрость, совершенно дозволительную съ такимъ непріятелемъ. Отдѣлавшись отъ непріятеля, онъ возобновилъ свою пропаганду противъ Антихриста, и обогатилъ ее новыми обличеніями.

Въ запискахъ Фотія разсказывается, что Котельниковъ, впавши снова въ свою ересь, посылалъ, съ письмами, свою книгу «Острый Серпъ» епископу вологодскому Онисифору и архіепископу московскому Филарету [1]). Вологодскій епископъ секретно послалъ полученное въ синодъ. «Филаретъ,—по словамъ Фотія,—видя въ письмѣ Котельникова, что онъ до небесъ восхваленъ за терпимость ереси и хладнокровность къ православію, митрополитъ же Серафимъ весьма очерненъ, а Фотій самыми скверными красками расписанъ, и надѣясь симъ сильнымъ ругательнымъ письмомъ привести въ подозрѣніе Фотія, послалъ въ собственныя руки его величества. Но государь принялъ сей поступокъ Филарета московскаго за весьма дурной, о чемъ изволилъ сказать Аракчееву, и бумагу передалъ для разсмотрѣнія Серафиму, а послѣ Фотію». Біографъ Филарета, г. Сушковъ, отвергаетъ это обвиненіе, какъ другія показанія Фотія о Филаретѣ; и хотя объ этомъ дѣлѣ нѣтъ пока полныхъ свѣдѣній, можно дѣйствительно усумниться въ объясненіяхъ, какія даетъ Фотій способу дѣйствій Филарета. Послѣдній не могъ, конечно, принимать серьезно писаній Котельникова, вовсе не былъ такъ неосмотрителенъ и простодушенъ, чтобы поставить себя въ какую-нибудь солидарность съ ними; онъ могъ послать его книгу и письмо прямо императору по той простой причинѣ, что дѣло о Котельниковѣ ставилось въ криминальную связь съ Библейскимъ Обществомъ, въ которомъ самого Филарета считали нѣсколько компрометтированнымъ, и что онъ, мало надѣясь на Серафима, который вовсе не поддержалъ его въ то время, и зная, какъ ведутся дѣла (судьей религіозныхъ предметовъ являлся Арак-

---

[1]) Это была та вторая, «еще злѣйшая» книга Котельникова, о которой говоритъ Шишковъ. Полное ея заглавіе было: «Острый Серпъ въ рукѣ».

чеевъ), предпочелъ обратиться не къ Серафиму, и не къ синоду, а прямо къ императору. Такъ или иначе, но дѣло загорѣлось снова. Въ нашихъ документахъ есть замѣтка, что 29-го апрѣля 1825 г. члены синода въ собраніи объявили, что книгу, присланную въ синодъ отъ епископа вологодскаго Онисифора (съ надписью на конвертѣ: секретно и въ собственныя руки членовъ св. синода), они предоставляли разсмотрѣнію митр. Серафима, который объявилъ, что объ этой книгѣ, какъ заключающей въ себѣ вредныя лжеученія, онъ считаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія императора, — что прочіе члены и поручили ему согласно привесть въ исполненіе. Въ той же замѣткѣ прибавлено, что отношеніе по этому предмету и книга «Острый Серпъ» отправлены были къ Аракчееву 4 мая 1825 г. [1]).

Вѣроятно, вслѣдствіе этого обстоятельства, состоялось высочайшее повелѣніе, которое отъ 24 мая передано было Аракчеевымъ донскому атаману Иловайскому и по которому велѣно было Котельникову не отлучаться изъ своей станицы, за чѣмъ приказано было имѣть надзоръ мѣстному сыскному начальству [2]).

Въ то же время дѣло начиналось съ другой стороны. Къ мѣстнымъ властямъ поступили доносы на дочь Котельникова (одну изъ главнѣйшихъ духоносицъ), Марью Кустову, и на самого Котельникова.

Въ апрѣлѣ 1825 года станичные правители Качалинской станицы, гдѣ жила дочь Котельникова съ мужемъ своимъ, урядникомъ Павломъ Кустовымъ, открыли, что Кустова, собирая у себя людей обоего пола подъ видомъ чтенія Библіи, разглашаетъ всѣмъ, что ей было откровеніе, будто бы въ іюнѣ того года будетъ повсемѣстный моръ—«таковой, что лишь останется отъ онаго двѣ части людей». Станичные правители старались удержать ее отъ этихъ разглашеній, но она рѣшительно отвѣтила, что будетъ проповѣдывать каждому и не умолчитъ никогда. Тогда они, опасаясь, чтобы этимъ заблужденіемъ не заразился «простоaccess разумѣющій народъ», призвали въ станичную канцелярію ея мужа и совѣтовали ему жену свою унять, но и тотъ отказался, говоря, что ея разглашеніе должно быть справедливо и будетъ непремѣнно, въ чемъ онъ увѣряется на ея

---

[1]) Это была, повидимому, новая переписка объ этомъ предметѣ, но можетъ быть и та, которую мы указывали въ началѣ статьи: по нашей рукописи это не совсѣмъ ясно.

[2]) Рапортъ Иловайскаго Аракчееву, отъ 13 іюня 1825.

пророчествахъ. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, войсковая канцелярія распорядилась въ маѣ мѣсяцѣ взять Кустовыхъ въ Новочеркасскъ, гдѣ и держать ихъ подъ строгимъ карауломъ. Здѣсь они были допрошены 18 іюня. На допросѣ Марья Кустова показала, что ей отъ роду 22 года, замужемъ 8-й годъ, читать и писать умѣетъ, вѣру содержитъ греко-каѳолическую, у исповѣди и причастія бываетъ каждогодно, людей къ себѣ не собираетъ, а что приходили къ ней нѣсколько человѣкъ—«для испытанія содержимой ею и мужемъ ея религіи, такъ какъ въ жителяхъ станицы распространился слухъ, что они *приняли масонство*»; что разглашеній о морѣ она не дѣлала, но что откровеніе ей дѣйствительно было. На допросѣ она подробно разсказываетъ, какъ было это откровеніе, повторявшееся не одинъ разъ. Начиналось съ того, что она «почувствовала въ себѣ особенную легкость... такъ, какъ будто бы она прикосновенія къ землѣ и прочему, на чемъ только стояла, не имѣла; и всякая вещь, въ рукахъ ея бывшая, ею чувствуема не была, вмѣстѣ съ симъ усердіе къ Богу возгорѣло въ ней въ большей противъ прежняго степени, что продолжалось съ нею почти до вечера». Затѣмъ началось «въ ясномъ видѣ» и самое видѣнье, въ которомъ ей разверзлись небеса, и она видѣла рай, открылось море съ огнемъ и чернымъ дымомъ, т. е. адъ, явились «двадцать четыре степени — мѣсто, названное мытарствомъ» и т. д. Объ откровеніи своемъ она писала императору, черезъ какого-то іеромонаха. Мужъ ея, Павелъ Кустовъ, показалъ на допросѣ, что отъ роду ему 23 года, вѣры греко-россійской, читать и писать умѣетъ; относительно разглашеній о морѣ показывалъ одинаково съ женой, что разглашеній она не дѣлала, что откровеніе, однако, было, но она говорила о немъ только людямъ, «имѣющимъ съ нимъ дружество»; что «народное вселенское истребленіе» точно послѣдуетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, но какого года она не говорила. Кустовъ подтверждалъ, что станичные правители совѣтовали унять свою жену отъ разглашеній, «поставляя на сіе резономъ то, что таковаго откровенія ей не было и *быть людямъ теперешняго вѣка не можетъ*»; но Кустовъ на это «доказывалъ имъ изъ св. писанія, что откровеніе божіе можетъ быть къ людямъ и нынѣшней жизни», и въ подтвержденіе разсказывалъ еще одно откровеніе, случившееся въ ихъ же домѣ.

Войсковая канцелярія, выслушавъ показанія, и увидѣвъ въ этомъ «заблужденіе ума, противное правиламъ христіанской

церкви», постановила послать Кустовыхъ въ новочеркасское духовное правленіе для увѣщанія...

Тогда же, какъ мы сказали, поступилъ доносъ и на самого Евлампія Котельникова: онъ былъ поданъ его собственнымъ братомъ, также есауломъ, Иваномъ Котельниковымъ. Доносъ этотъ, въ которомъ собрались всѣ толки и сплетни околодка объ новой «масонской» религіи Котельникова, опять очень характеристиченъ, и мы передадимъ его главныя черты.

Иванъ Котельниковъ объясняетъ въ началѣ, что онъ доноситъ не какъ самовидецъ, а что слышалъ отъ другихъ людей. Во-первыхъ, Евлампій, по словамъ его, имѣетъ при себѣ тѣ свои книги, которыя были преданы проклятію, и кромѣ того книги: «о Добротолюбіи» [1]) и «Вѣсы», и изъ нихъ послѣдняя, «какъ слышно было прежде, у масоновъ имѣется первымъ фундаментомъ ихъ секты и Евлампій никому (ея) не даетъ прочитывать». Далѣе, что когда онъ пріѣхалъ изъ Петербурга, то у него видѣнъ былъ подъ мундиромъ крестъ, на подобіе орденскихъ, а теперь носитъ онъ его подъ рубашкой, обшитый фуляромъ: «Таковой крестъ, слухами носится, имѣютъ *первоклассные масоны*». Въ третьихъ, «вѣрованіе его состоитъ все въ духѣ, при нашествіи котораго падаютъ мертвыми и лежатъ съ часъ времени, потомъ встаютъ и объясняютъ, что видятъ рай и муку, ангеловъ и Бога, на престолѣ сѣдящаго», и т. д. Въ четвертыхъ, по пріѣздѣ изъ Петербурга, Котельниковъ не пропускалъ ни одной церковной службы, «но многимъ видно было, во время его земныхъ поклоновъ, *смотрѣлъ онъ на людей, позади его стоящихъ*», а послѣ онъ пересталъ ходить въ церковь совсѣмъ. Въ пятыхъ, онъ «велегласно» говорилъ людямъ, что должны повѣровать въ него, что-де время прислѣло, и что онъ вскорѣ будетъ прославленъ и со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ шестыхъ, онъ всячески старался привлекать людей въ свою секту, но «къ счастію верхне-курмоярскихъ жителей или ко спасенію многихъ душъ, вскорѣ разнеслось по станицѣ, что Евлампій, съ поповичемъ Никитою (его послѣдователемъ) дочерь свою Марью Кустову среди дня клалъ на кровать и покрывалъ шубою, а какъ мужъ ея показалъ видъ неудовольствія, то Евлампій зятю своему, а потомъ и дочь его мужу изъяснили правила, что сіе означаетъ братскую любовь, связующую неразрывнымъ узломъ ихъ

---

[1]) Извѣстная назидательно-аскетическая книга.

вѣры» [1]). Въ седьмыхъ, подписку свою въ Петербургѣ Котельниковъ далъ только для виду. Въ заключеніе, Иванъ Котельниковъ предлагалъ: «въ доказательство всего отыскать у него книги вышеизъясненныя, крестъ, и *нѣтъ ли* на правой рукѣ до плеча *печатей*, *по масонской сектѣ налагаемыхъ*».

Получивши эти свѣдѣнія, Иловайскій, не медля, донесъ графу Аракчееву, что Марья Кустова дѣлаетъ разглашенія о кончинѣ міра и о́ морѣ; что Котельниковъ вовсе не старается истребить плевелъ, посѣянныхъ имъ въ своихъ дѣтяхъ, и что, повидимому, его прежнее раскаяніе было притворно; что въ этомъ послѣднемъ убѣждаетъ доносъ Ивана Котельникова; что по этому доносу онъ собираетъ секретно свѣдѣнія, которыя и доставитъ графу [2]).

Между тѣмъ, Котельниковъ, послѣ ареста Кустовыхъ, повидимому еще не подозрѣвая, что надъ нимъ самимъ собирается туча, началъ снова писать письма и отыскивать пути къ императору Александру.

На этотъ разъ онъ вздумалъ обратиться къ графу Милорадовичу, и 21 іюня 1825 г. написалъ къ нему письмо, которое или было перехвачено «слугами Антихриста» или, если дошло по адресу, выдано самимъ Милорадовичемъ,—по крайней мѣрѣ очутилось немедленно въ рукахъ Аракчеева и потомъ было сообщено Фотію. Это письмо опять очень оригинально.

Цѣль письма, къ которой давно стремился Котельниковъ— «открыть вредоносную, заразительную ложь, которою обманываютъ государя», и для этого Котельниковъ, разсчитывая на содѣйствіе Милорадовича, какъ человѣка близкаго къ императору, излагаетъ ему свои взгляды и свою исторію: мы встрѣчаемъ здѣсь еще новыя черты его ереси и его біографіи.

Котельниковъ начинаетъ съ того, что «*Священный Союзъ*, заключенный въ Парижѣ, о соединеніи христіанскихъ державъ въ братскую Христову любовь», есть камень, стирающій въ муку масонское вольнодумство: всѣ обязанности царевы исполнятся, если этотъ Союзъ будетъ безпрепятственно дѣйствовать въ сердцахъ подданныхъ; духъ вольнодумства и Антихристъ будутъ прогнаны Библіей, и будутъ «люди какъ жрецъ, рабъ какъ господинъ, и раба какъ госпожа». Но совершеніе всего этого и сооруженіе «вселенскаго Іерусалима» произойдетъ не иначе, какъ

---

[1]) Объ этомъ обстоятельствѣ мы упомянемъ дальше.

[2]) Рапортъ гр. Акакчееву, отъ 27 іюня 1825 (получ. 14 іюля).

исполненіемъ путей Христовыхъ. Напротивъ того, говоритъ Котельниковъ, господинъ генералъ отъ инфантеріи графъ Аракчеевъ [1]), господинъ статсъ-секретарь Муравьевъ, митр. Серафимъ и архим. Фотій, какъ люди непокорливые, суть тѣ «сынове лживіи», которые не захотѣли слышать слова Божія и которые говорятъ пророкамъ: не повѣдайте намъ, и видящимъ видѣнія: не говорите намъ, а возвѣщайте намъ иное прельщеніе».

Свое мнѣніе объ этихъ лицахъ Котельниковъ доказываетъ своей исторіей, которую передаетъ въ слѣдующемъ видѣ. Онъ содержался «въ заточеніи» въ Новочеркасскѣ, по повелѣнію войсковаго атамана, за свое «противоборствіе масонскому вольнодумству» [2]), и сочинилъ тамъ свою книгу «Острый Серпъ». Въ октябрѣ 1824-го года, по именному повелѣнію, онъ былъ представленъ фельдъегеремъ изъ Новочеркасска въ канцелярію его величества, къ графу Аракчееву, куда была доставлена и книга. Въ этой книгѣ, по словамъ его, объяснялось, какъ исполнить «убѣдительнѣйшее приглашеніе государей, написанное въ Священномъ Союзѣ, о соединеніи всѣхъ сердецъ въ братскую любовь Христову, а не въ братскую-франк-масонскую». Но изъ этой книги сдѣлали (враги его) выписку ложную, богоборческую, назвали ученіе его вреднѣйшей сектой, приписали ему намѣреніе опровергнуть олтари и престолы — и при этомъ Котельниковъ приводитъ слова изъ приведеннаго нами выше изложенія Серафима. Затѣмъ его отдали на увѣщаніе къ Фотію, который предложилъ ему на выборъ или вѣчное заточеніе въ застѣнкѣ, или дать подписку на упомянутой выпискѣ. Котельниковъ предпочелъ послѣднее, чтобы, избавясь отъ заточенія, «открыть ихъ великую злую тайну противу благосостоянія государства». Такъ онъ былъ «избавленъ Господомъ Богомъ отъ ихъ рукъ». При отправленіи на Донъ, онъ получилъ прогоны, и «изъ рукъ его сіятельства (Аракчеева) тысячу рублей, о которыхъ сказалъ онъ, что всемилостивѣйше пожалованы мнѣ государемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ донскому атаману Иловайскому предписано было (отъ 28 декабря 1824 года, за № 1715), что императору угодно, чтобы Котельникову съ семействомъ предоставлено было «свободное жительство» и притомъ наблюдено было, чтобы ему «не было

---

[1]) Котельниковъ ошибся: Аракчеевъ былъ генералъ отъ артиллеріи.

[2]) Въ приведенномъ выше посланіи къ «Вратамъ Сіона» Котельниковъ выражается, что его судили за то, что онъ «не поклонился образу звѣрину и не принялъ начертанія звѣря».

оказываемо посмѣянія или какого-либо притѣсненія». Такъ, замѣчаетъ Котельниковъ съ нѣкоторой ироніей, «при монаршемъ престолѣ истина была наказана, а ложь награждена».

Кажется, въ этихъ именно обстоятельствахъ, для обличенія своихъ противниковъ, Котельниковъ написалъ тогда свою другую книгу: «Острый Серпъ въ рукѣ» [1]). Онъ послалъ ее,—какъ упомянуто выше,—епископу вологодскому Онисифору и московскому архіепископу Филарету, съ тѣмъ, чтобы они «избрали средство открыть государю окружающую его смертоносную язву», и чтобы «со стороны нашей, благодатной, избрано было 12, и со стороны ихъ 12 членовъ, и да станетъ всякъ глаголъ и обличеніе не на словахъ, а на письмѣ», — другими словами, Котельниковъ желалъ, чтобы устроилось настоящее состязаніе о вѣрѣ. Впрочемъ, онъ самъ сомнѣвался въ возможности этого, по враждѣ къ Филарету со стороны Фотія, къ которому самъ Котельниковъ высказываетъ величайшую ненависть. «Архим. Фотій, — говоритъ онъ, — самый близкій къ государю и самый мерзкій обманщикъ, имянуетъ Филарета франк-масономъ», — и Котельниковъ сомнѣвался, что состязаніе можетъ состояться, потому что «франк-масоны Вавилона (къ которымъ онъ причислялъ, очевидно, Фотія), давши подписки не быть ими, гонятъ масоновъ новаго Іерусалима». Фотій не что иное, какъ орудіе Антихриста. Котельниковъ разсказываетъ, что Фотій написалъ къ императору Александру въ какой-то книгѣ своей: «что постился-де онъ цѣлый годъ, и въ тонкомъ снѣ предсталъ ему ангелъ съ раскрытою книгою, въ которой написано нѣсколько словъ, давшихъ ему понятіе, что пророчественная (т.-е. по мнѣнію Котельникова) книга о благовѣствованіи Библіи и о строеніи новаго вселенскаго Іерусалима, именуемая *Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова*, есть пароль карбонарскій, изданный для возмущенія народнаго и на ниспроверженіе св. олтарей и государственныхъ престоловъ, и что изданіе Библіи по вселенной есть цѣль сего замысла» [2]). Поэтому,—говоритъ Котельниковъ,—прекратили спа-

---

[1]) Эту книгу надо отличать отъ «Начатковъ», которымъ она, повидимому, служила продолженіемъ. По другимъ замѣткамъ въ этихъ документахъ, эта вторая книга была написана въ февралѣ 1825, въ Верхне-Курмоярской станицѣ, т.-е. по возвращеніи изъ Петербурга.

[2]) Ср. съ этимъ въ Запискахъ Фотія, въ Чтен. Моск. Общ. 1868, кн. I, стр. 371.

сительный переводъ Библіи на русскій языкъ, разсылку ея по Россіи и другимъ краямъ свѣта; воздвигли гоненіе и на ея почитателей—«съ цѣлію, самаго ада злѣйшею, а именно дабы народъ *содержать въ вольнодумствѣ*, т.-е. при свѣтскомъ ученіи въ лжехристіанствѣ, удобномъ ко всѣмъ возмущеніямъ, цареубійству и бунтамъ, выводя его изъ терпѣнія военными поселеніями и неправосудіемъ, и чтобы отнюдь не допустить до разумѣнія истины» и проч.

Мы не будемъ продолжать этого изложенія письма Котельникова, который еще длинно говоритъ о спасительности Библіи («Англія черезъ Библію спасена отъ рукъ ангела бездны, губителя Наполеона, бывшаго въ первой трубѣ»), о «вселенской проповѣди», для которой наступило самое время, о казняхъ, предстоящихъ лже-христіанамъ, противникамъ, гонителямъ и порицателямъ Библіи; онъ предостерегаетъ отъ лже-пророковъ, книжниковъ и фарисеевъ, «сидящихъ на пророческомъ моисеевомъ сѣдалищѣ, на каѳедрахъ и судебныхъ стульяхъ»; наконецъ, увѣщеваетъ Милорадовича представить все это императору Александру.

Мы сказали, что письмо вскорѣ уже оказалось въ рукахъ Аракчеева.

Не менѣе любопытно другое письмо, написанное Котельниковымъ въ то же время (отъ 24 іюня 1825 года) къ полковнику Шумкову, дежурному штабъ-офицеру, состоявшему при Иловайскомъ. Котельниковъ, повидимому, имѣлъ съ нимъ сношенія въ теченіе своей исторіи, и теперь, предполагая вѣроятно, что Шумковъ можетъ имѣть вліяніе на его дѣла, вознамѣрился склонить его на свою сторону. Это былъ человѣкъ знакомый, и Котельниковъ высказывается съ нимъ проще и откровеннѣе: онъ хлопочетъ о своихъ дѣтяхъ, Кустовыхъ, взятыхъ въ Новочеркасскъ по дѣлу о «разглашеніяхъ», и при этомъ посвящаетъ Шумкова въ свои тайны,—не воображая, какое онъ сдѣлаетъ изъ нихъ употребленіе.

«Когда дѣти мои страдаютъ, — говоритъ Котельниковъ, — будучи притѣсняемы вопреки монаршаго повелѣнія обо мнѣ и семействѣ моемъ, но любя васъ сердечно и *жалѣя душевно*, открываю вамъ *великую тайну*, которую умѣючи должно сохранить и обработать, за что и *лавры пожать* можете. Видно Господу угодно, чтобъ вы знали тайну сію». Тайна заключалась въ томъ же дѣлѣ, которое онъ сообщалъ Милорадовичу. Котельни-

ковъ указываетъ въ началѣ, что еслибъ онъ былъ злоумышленникъ, какъ объ немъ говорили, то естественнѣе было бы, при раскаяніи, простить его и смотрѣть за нимъ, а не *дарить* ему вещи, книги и деньги (какъ это было сдѣлано), и не давать повелѣній о томъ, чтобы ему предоставлено было свободное жительство. (Очевидно, что на Котельникова первое рѣшеніе его дѣла произвело впечатлѣніе, и увѣрило въ его важности). «Это значитъ: не раздражать меня. А почему? Слушайте *съ трепетомъ*. Книга моя: Начатки Серпа, и книга печатная: Воззваніе (и проч.) суть божественныя, и подобныя сей книги, разосланныя кн. Голицынымъ, суть истинно духоносныя. А почему они прокляты? Вотъ почему. Въ Петербургѣ масоны вольные, послѣ дачи подписокъ, не оставили своего *антихричества*, но сдѣлавшись якобы правовѣрными, гонятъ истинныхъ сыновъ церкви, называя ихъ масонами, карбонарами, квакерами... скопцами и проч. Они гонятъ ихъ потому, что сіи проповѣдуютъ Библію не буквально, ибо буква убиваетъ, но духовно, ибо духъ животворитъ людей, разрушая царство міра, и князя его изгоняетъ вонъ. Кто же князь міра, какъ не Сатана, живущій въ своихъ антихристахъ, франк-масонахъ, вольнодумцахъ и безблагодатныхъ лже-христіанахъ. Они сдѣлали заговоръ противъ Библіи, и вотъ секретъ».

Фотій и здѣсь вызываетъ самую озлобленную брань Котельникова. Это — безблагодатный чернецъ, самый франк-масонъ, льстецъ и христопредатель Іуда: Котельниковъ повторяетъ, что говорилъ въ письмѣ къ Милорадовичу о козняхъ Фотія, объ его обвиненіяхъ противъ «Воззванія» и пр. Котельниковъ говоритъ, что читалъ писанную книгу Фотія: «онъ мнѣ сообщилъ ее какъ своему, и я долженъ былъ, для узнанія всей тайны и для избѣжанія вѣчнаго подземелья, которымъ онъ грозился, все, что они ни строютъ въ своемъ Вавилонѣ, одобрять [1])».

«Такъ обманутъ государь,—продолжаетъ Котельниковъ,—такъ кн. Голицынъ, и всѣ божественные люди, и тамошнія святыя собранія разогнаты, такъ св. Библія остановлена и исповѣдники ея ссылаются въ заточенія. Но что до меня касается,—замѣчаетъ онъ,—теперь сослать меня *не могутъ*. Они сами въ пруглѣ, т.-е. въ тенетахъ».... Онъ увѣренъ былъ, что ихъ (т.-е. враговъ Котельникова) изобличитъ выписка, сдѣланная ими изъ

---

[1]) Котельниковъ называетъ эту книгу Фотія: «Пароль Карбонарскій».

«Остраго Серпа», и гдѣ они извратили его слова и оклеветали его ученіе: «они видѣли, что я понимаю ложь ихъ, и гласно успокоили дарами. А къ тому же графъ сказалъ: есть-ли что съ тобою случится, пиши прямо ко мнѣ»... «И по истинѣ не понимаю, какъ отважились взять дѣтей, — говоритъ Котельниковъ: [1])—вѣдь они вступились противу выписки (т.-е. противъ взведенныхъ на Котельникова обвиненій) и подписки, коя разослана на поношеніе наше, и стали доказывать, что у насъ Духъ св., а не діавольщина, и что противники и обманщики царя будутъ отъ Бога поражены смертію». Онъ грозитъ, что если его вынудятъ, онъ пойдетъ на обличеніе ложной выписки, «сдѣланной между четырьмя: гр. Аракчеевымъ, статсъ-секретаремъ Муравьевымъ, митр. Серафимомъ и архим. Фотіемъ»...

Затѣмъ онъ обращается къ самому Шумкову съ оригинальными вопросами и откровенностями. Онъ не сомнѣвался, что въ его рукахъ находится крупное дѣло, и хотѣлъ теперь обратить Шумкова: «Въ такомъ случаѣ, чью сторону теперь будете держать? Я думаю, присягали служить не четыремъ онымъ, а *одному*, который также *вѣдаетъ, кто я*, и *что я.* Ибо безъ него не быть бы мнѣ здѣсь. Поручая сію тайну вамъ изъ любви моей, буду совѣтоваться съ вами, что дѣлать, какимъ образомъ открыть обманъ діавольскій, которымъ окружаютъ императора, и который ждетъ начину, ибо страшна политика въ духѣ Антихриста... Дѣло не шутка! А дѣтей скорѣй отпусти, найди средство какъ-нибудь. Мы *будемъ всѣ у государя, особливо* дочь моя, что́ у васъ Марія. Она великія имѣетъ отъ Бога откровенія для спасенія государя. А вы нейдите противу Господа. Есть-ли же вы еще не отпустите дѣтей и тронете меня, то прошу не погнѣваться, *дѣло загорится въ 25-ти городахъ*, и не потушите. Графъ умнѣе будто сдѣлалъ подарками, а не судомъ его политика, а ваша простота. Теперь всѣ въ *пруглѣ*. Приставай, братъ, къ сторонѣ государя подъ знамена Христовы, перестань мучить исповѣдниковъ божіихъ, водимыхъ истиннымъ св. духомъ, а не діаволомъ, какъ ты говорилъ. Вы по сей части весьма бѣдны! Вы не понимаете».

Въ заключеніе онъ просилъ сдѣлать лотерею изъ его книгъ, и изъ вырученныхъ денегъ часть отдать дѣтямъ его, которымъ «въ тюрьмѣ харчиться нечѣмъ»; просилъ и утѣшить ихъ:—«я

---

[1]) О дѣтяхъ онъ писалъ и къ Милорадовичу.

думаю, Павелъ струсилъ, человѣкъ молодой, и въ благодати не старый, а младенецъ».

При этомъ письмѣ приложены были также, для передачи, письма къ Иловайскому и къ Кустовымъ въ тюрьму. Иловайскаго онъ проситъ прислать какихъ-то обѣщанныхъ денегъ, жалуясь, что онъ разоренъ, и проситъ освободить дѣтей, которые— «лѣтъ неопытныхъ въ политикѣ». Онъ напоминаетъ и о высочайшемъ повелѣніи, предоставлявшемъ ему и семейству свободное жительство. Письмо къ дѣтямъ состоитъ изъ религіозныхъ утѣшеній и увѣщаній твердо и съ вѣрой выдерживать «божій судъ»; въ концѣ письма, онъ приписываетъ: «я радъ, что вы въ моей горницѣ за рѣшотками: мнѣ весело было».

Въ посланіи къ Шумкову обнаружилось все фантастическое самообольщеніе и вся наивность Котельникова. Посланіе не имѣло другого результата, кромѣ того, что Иловайскій отправилъ къ Аракчееву новый рапортъ, въ которомъ говорилось слѣдующее [1]: «Состоящій при мнѣ дежурный штабъ-офицеръ, полковникъ Шумковъ 1-й, предъявилъ мнѣ полученное имъ *сейчасъ*, въ конвертѣ подъ надписью рапорта, письмо изъ Верхне-Курмоярской станицы отъ есаула Евлампія Котельникова, *такого содержанія*, по какому не можетъ онъ *имѣть его у себя ни одной минуты*». Это письмо, со всѣми приложеніями, Иловайскій почтеннѣйше представлялъ на благоусмотрѣніе Аракчеева, замѣчая притомъ, что Шумковъ извѣстенъ ему какъ христіанинъ, всего себя предавшій Богу, государю и отечеству. Иловайскій присоединялъ къ этому, что по высочайшему повелѣнію отъ 28 декабря 1824 года онъ наблюдалъ, чтобы Котельникову не было дѣлаемо никакого притѣсненія, но такъ какъ «корень еретическаго толкованія его» пущенъ тамъ очень далеко и люди, зараженные его ученіемъ, могли тѣмъ больше утвердиться въ томъ «отъ одного мнѣнія о всемилостивѣйшемъ государя императора воззрѣніи на Котельникова», то, по словамъ Иловайскаго, «къ священнѣйшей обязанности его относилось» сообщить войсковой канцеляріи только одну данную Котельниковымъ подписку (не показывая высочайшаго повелѣнія), чтобы и послѣдователи его скорѣе отстали отъ его секты. Въ самомъ Котельниковѣ Иловайскій не находилъ ничего свойственнаго христіанской любви, а только упорство и «высоко-

---

[1]) Рапортъ къ Аракчееву, отъ 4-го іюля 1825 г., получ. 22 іюля.

мѣріе, имѣющее цѣлью быть извѣстнымъ». Иловайскій припоминалъ, что еще прежде онъ просилъ объ удаленіи Котельникова изъ того края, чтобы избавить ввѣренное ему войско «отъ вовлеченія въ сѣти непріязненныя», и въ теперешнемъ «раскрытіи образа мыслей» Котельникова указывалъ новое подтвержденіе своему мнѣнію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки этого рапорта, къ Иловайскому поступили новыя свѣдѣнія о Котельниковѣ. Именно, 10-го Іюля, окружный стряпчій второго донского сыскного начальства, есаулъ Грошевъ 2-й, представилъ рапортъ о секретномъ развѣдываніи, порученномъ ему Иловайскимъ 27-го мая, вслѣдствіе доноса Ивана Котельникова. Рапортъ заключалъ въ себѣ, по порядку пунктовъ доноса [1]), слѣдующія свѣдѣнія. На 1-е, книги о «Добротолюбіи» и «Вѣсы» видѣли какіе-то жители станицы. На 2-е, крестъ, носимый Котельниковымъ на шеѣ, видѣлъ такой-то хорунжій; священникъ такой-то говорилъ, что Котельниковъ носитъ на шеѣ четки и что-то обшитое. [2]) На 3-е, относительно видѣній, рапортъ называетъ нѣсколькихъ лицъ, которыя были ихъ самовидцами или о нихъ слышали. На 4-е, относительно посѣщенія церкви и земныхъ поклоновъ Евлампія, Иванъ Котельниковъ «сказалъ, что какъ есаулъ Евлампій Котельниковъ смотрѣлъ на людей, сзади его стоящихъ, *примѣтила жена его*, Домна Иванова, и *многія предстоящія старухи*», и пр. На 5-е, Иванъ Котельниковъ и священникъ Памфилъ показывали, что Евлампій однажды при народномъ собраніи говорилъ, что «время его приспѣло» и проч., и что одинъ казакъ имѣлъ съ нимъ объ этомъ «прѣніе». Многіе показывали, что Кустовы и съ ними многіе другіе производили моленіе съ пѣніемъ, проповѣдовали покаяніе и близкій конецъ свѣта. На 6-е, нѣкоторые показывали, что Евлампій и Кустовы «занимались въ его домѣ своимъ ученіемъ и много было привлекли простолюдиновъ, но по видимымъ ихъ дѣйствіямъ противу православія отступили». Было показаніе, что у священника Нижне-Курмоярской станицы Родіона бывали секретныя собранія, что Родіонъ и сынъ его Никита бывали у Евлампія, что къ Родіону также пріѣзжалъ Евлампій и ночевалъ у него, что протоіерей

---

[1]) Они приведены выше.

[2]) Въ этихъ четкахъ, вѣроятно, и заключался мнимый масонскій орденъ; «обшитое» была, вѣроятно, обыкновенная, такъ называемая, ладонка.

выговаривалъ Родіону за собранія, которыя и стали отъ того рѣже и поскрытнѣе. Далѣе, «о дѣйствіи пономоря Никиты съ Евлампіевою дочерью Марьею самовидцы не открыты, но священникъ Памфилъ сказывалъ 18-го іюня, что есаулъ Евлампій Котельниковъ въ одномъ собраніи подтверждалъ самъ, что еслибы отъ сего что родилось, то былъ бы необыкновенный человѣкъ въ мірѣ» (!). То же по слухамъ подтверждали другіе, — и что благочинный выговаривалъ Родіону за поступки его сына. На 7-е, священникъ Памфилъ показывалъ, что Евлампій при немъ и другомъ священникѣ опровергалъ данную имъ подписку, что онъ сдѣлалъ недавно противъ всего возраженія и имъ читалъ. Одинъ атаманъ также подтвердилъ, что «отъ самого Котельникова слышалъ на счетъ подписки толкъ, что онъ проклиналъ религію ту, въ коей якобы былъ онъ занятъ діаволомъ 47 лѣтъ, т.-е. сколько онъ сыномъ православной церкви, нынѣ же почитаетъ себя получившимъ благодать св. Духа». Далѣе: *«о печатѣхъ на тѣлѣ не дознано»* (!). Наконецъ, еще показанія, что въ домѣ Евлампія бываютъ моленія и пѣніе псалмовъ, «а самъ онъ, какъ замѣчено раза два, *ѣхавши на лошади верхомъ, по домашнимъ дѣламъ* (!), пѣлъ псалмы по станицѣ съ открытою головою».

Вѣроятно въ это же время снято было находящееся при дѣлѣ показаніе другой дочери Котельникова, вдовы урядника, Прасковьи Дубовской. Она, повидимому, искренно (и довольно безграмотно) разсказала свою исторію: это была еще одна жертва библейской пропаганды. Дубовская разсказываетъ, что въ своемъ вдовствѣ она съ 1820 года искала спасенія, и «по увѣщанію книгъ, разсылаемыхъ тогда по церквамъ (для) христіанскаго чтенія, и (по) *отчетамъ библейскаго общества* приложила усердіе собирать согражданъ къ чтенію слова божія, такъ, какъ *въ отчетахъ описываютъ*, въ разныхъ городахъ и селеніяхъ учреждаются таковыя собранія. Между тѣмъ, отъ восторговъ чтенія и пѣнія священнаго писанія, многоразличныя почувствовали мы дѣйствія въ душѣ восторговъ, радости и восхищенія, до ослабленія жизненныхъ нервъ и *паденія въ обмерщвленіе*. Въ таковыхъ обмерщвленіяхъ случались созерцанія и разныя видѣнія»... Дубовская разсказываетъ, что не имѣя опытныхъ наставниковъ, они нашли въ разныхъ книгахъ — у Іеронима древняго писателя, у Макарія Великаго, въ «Добротолюбіи», въ «Воззваніи», во многихъ мѣстахъ Евангелія,—что такіе восторги

отъ чтенія св. писанія и проч. бываютъ отъ духа божія... Но когда затѣмъ правительство, «исполняя долгъ присмотра за собраніями разныхъ ересей», запретило ей собирать собранія и велѣло жить спокойно при дѣтяхъ, Дубовская, впавши въ сомнѣніе, отправилась въ Кіевъ. Тамъ она поучалась у одного схимника и одного іеромонаха, которые дали ей также нѣкоторыя наставленія для увѣщанія ея отца, но когдя она пришла съ этимъ къ отцу, онъ «поступилъ съ родительскою строгостью и билъ». Дубовская, «не знавши, которой стороны держаться», рѣшилась итти въ дѣвичій монастырь въ Харьковѣ, и тамъ ей объяснили, что «обмерщвленіе, бываемое отъ восхищеній внутреннихъ», есть истерика и посовѣтовали ей умѣрить свои подвиги, прекратить строгій постъ, который она держала, ѣсть рыбу и молочное. Она была въ этомъ монастырѣ на искусѣ съ ноября 1824-го до мая слѣдующаго года, когда съ радостію услыхала о покаяніи своего отца; но отправившись домой, поражена была извѣстіемъ объ арестѣ сестры; будучи къ ней допущена, она старалась объяснить ей заблужденіе ея, въ которомъ прежде находилась и сама, и наконецъ нашла ее вразумленною. Въ заключеніе она заявила, что отступила «отъ бывшихъ собраній и явленій духовъ» и обязывалась жить по установленію православной церкви.

Иловайскій, получивъ дознаніе, произведенное Грошевымъ, въ тотъ же день, 10-го іюля, отправилъ его вмѣстѣ съ доносомъ Ивана Котельникова къ Аракчееву.

Въ то самое время, когда шелъ къ Аракчееву этотъ рапортъ, кажется, переполнившій мѣру и доставившій «Антихристу» все нужное для новаго преслѣдованія, — несчастный есаулъ писалъ, кажется, послѣднее свое посланіе, адресованное имъ отъ 20-го іюля, изъ своей Верхне-Курмоярской станицы къ какому-то новому, не названному въ письмѣ, архипастырю. Содержаніе письма, въ сущности, то же, какъ въ изложенномъ выше письмѣ къ Милорадовичу. Котельниковъ видѣлъ, что и надъ нимъ собирается гроза и принималъ послѣднія средства, чтобы спастись отъ своихъ противниковъ и обличить обманъ. Онъ жалуется, что его гонятъ, что взяли у него дѣтей, боится, что не доходили до государя его письма, и обращается къ архипастырю, чтобы онъ, наконецъ, помогъ ему спасти государя отъ угрожающей ему опасности. «Мнѣ извѣстенъ,—пишетъ онъ, — заговоръ архимандрита Фотія, митрополита Серафима,

графа Аракчеева и статсъ-секретаря Муравьева противу изданія св. Библіи, заговоръ съ намѣреніемъ адскимъ, дабы народъ содержать безъ познанія живаго закона Божія», — и онъ опять, длиннымъ рядомъ цитатъ изъ Евангелія, псалмовъ, пророковъ, говоритъ о страшной опасности для истинной, духовной вѣры отъ лже-христіанъ и воображаемыхъ франк-масоновъ. Письмо повторяетъ его прежніе аргументы, и его отчаяніе было, кажется, искреннее. «Франк-масоны, посредствомъ подписокъ, посредствомъ сей сатанинской хитрости получившіе право остаться правителями народа, при помощи послѣдователей своихъ, вольнодумовъ и лицемѣровъ, жестоко гонятъ сыновъ божіихъ, называя ихъ своимъ именемъ: масонами, еретиками, духоборами и возмутителями. *Строго разыскиваютъ*: не читаютъ ли они св. Евангеліе? Не поучаютъ ли другъ друга? Не молятся ли въ духѣ и истинѣ? Не причащаются ли часто? Не соединяются ли въ любовь Христову?—по воззванію монарха, на основаніи Священнаго Союза трехъ государей. Берутъ таковыхъ, мучатъ, истязаютъ и содержатъ въ заточеніяхъ. Скорбь великая»,... и новыя цитаты изъ Евангелія и Апостола. «Не должно вѣрить, — говоритъ онъ дальше,—ни апостоламъ, ни ангелу съ неба, если не то благовѣтствуютъ, что они написали (Галат. I, 8. 9). Ибо на таковыхъ самъ апостолъ наложилъ анаѳему. Итакъ, всѣ противники распространенія Библіи и Фотіевъ ангелъ состоятъ подъ анаѳемою, понеже они не то благовѣтствуютъ, что написано. Чрезъ Библію обѣщается радость всему народу во Христѣ и миръ божій на землѣ, а они обѣщаютъ чрезъ нее революцію (—какъ это говорилъ Фотій, а также и Серафимъ). Слѣдовательно не Христосъ, гонимый въ меньшей братіи своей, но Антихристъ, который въ мірѣ, живущій въміролюбцахъ своихъ, гонящій Христа, есть бунтовщикъ, воюющій непримѣтнымъ для міра образомъ противу св. олтарей и царскихъ престоловъ, дабы обладать всею землею и допустить сильныхъ пожирать безсильныхъ невозбранно, безъ употребленія нынѣшняго труда на политику, подъ правленіемъ которой остатки отъ большихъ гусеницъ поядаетъ саранча, остатки отъ саранчи сосутъ мошки, а остальное отъ мошки грызутъ козявки (цитата изъ Іоиля, 1, 4). И долго ли адскій хаосъ сей продолжаться будетъ?».

Въ концѣ письма, довольно длиннаго, Котельниковъ не могъ не прибавить послѣ своей подписи: — «сочинялъ, писалъ и подписалъ по дѣйствію св. духа».

Когда пришли послѣднія донесенія Иловайскаго, дѣло было готово, и Аракчеевъ приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Въ письмѣ къ Серафиму отъ 26-го іюля изъ Грузина, Аракчеевъ извѣщаетъ его, что бумаги, полученныя отъ Серафима о новыхъ заблужденіяхъ Котельникова [1]), онъ представлялъ императору вмѣстѣ съ донесеніями донского атамана Иловайскаго о Котельниковѣ и его дочери; и что государь велѣлъ привезть Котельникова и дочь его въ Юрьевскій монастырь и тамъ содержать. Аракчеевъ прибавлялъ, что послалъ уже фельдъегеря, который доставитъ ихъ къ архим. Фотію и просилъ Серафима, съ своей стороны, сдѣлать нужныя распоряженія въ Юрьевскомъ монастырѣ. Въ тотъ же день Аракчеевъ послалъ въ военныя поселенія предписаніе генералу Угрюмову объ отправленіи шести человѣкъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, безъ ружей, для караула въ Юрьевскомъ монастырѣ, въ распоряженіе Фотія.

Митр. Серафимъ, отъ 28-го іюля, послалъ Фотію ордеръ объ исполненіи высочайшей воли относительно Котельникова и его дочери, т. е. объ увѣщаніи ихъ, и чтобы Фотій рапортовалъ, какая сумма понадобится на содержаніе ихъ въ монастырѣ.

Архим. Фотій, отъ 30-го іюля, рапортовалъ о полученіи ордера, о назначеніи для караула солдатъ, по предписанію отъ Аракчеева къ Угрюмову, и что денегъ, вѣроятно, достаточно будетъ по 15 рублей въ мѣсяцъ на человѣка.

Серафимъ, отъ 4-го августа, извѣщалъ Аракчеева о принятыхъ имъ мѣрахъ и объ отвѣтѣ Фотія относительно денегъ.

Отъ того же 4-го августа, Аракчеевъ препроводилъ къ митр. Серафиму, при описи, всѣ бумаги, заключающія свѣдѣнія о заблужденіяхъ Котельникова и его дочери, и кромѣ того книгу, написанную Котельниковымъ, подъ названіемъ «Острый Серпъ въ рукѣ».

Въ описи перечислены, кромѣ «Остраго Серпа», всѣ изложенныя нами писанія самого Котельникова и донесенія донского начальства; недостаетъ въ описи только письма къ Милорадовичу, которое, вѣроятно, было доставлено особо или послѣ.

Мы не имѣемъ въ нашихъ матеріалахъ дальнѣйшихъ указаній о доставленіи Котельникова съ дочерью въ Юрьевскій монастырь и объ увѣщаніяхъ Фотія. Изъ другихъ источниковъ

---

[1]) Вѣроятно, бумаги, присланныя въ синодъ Онисифоромъ вологодскимъ.

извѣстно, что увѣщаніе поручено было другому монаху, который, однако, самъ совратился въ секту Котельникова. Въ документахъ мы находимъ извѣстіе, взятое изъ отношенія гр. Аракчеева къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отъ 2-го сентября 1825 г., что есаулъ Евлампій Котельниковъ и дочь его Марья Кустова, «распространявшіе на Дону вредные толки о вѣрѣ, посажены въ Шлиссельбургскую крѣпость и содержатся тамъ, каждый въ особомъ казематѣ, не зная одинъ объ другомъ». Затѣмъ (въ какое именно время, не видно) состоялось высочайшее повелѣніе: Евлампія Котельникова отправить въ Соловецкій монастырь, а дочь его—въ хорошій женскій монастырь, на покаяніе. На этомъ основаніи Марья Кустова принята была 19-го марта 1826 г. въ Срѣтенскій дѣвичій монастырь, въ г. Кашинѣ.

Такъ закончилось поприще донского есаула. Его секта, по своимъ основнымъ чертамъ, имѣетъ много общаго съ духоборствомъ или духовнымъ христіанствомъ, но въ ней отразились также и исключительныя обстоятельства времени. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, никакихъ подробностей о первомъ началѣ секты, но едва ли сомнительно, что въ ея образованіи участвовала та или другая форма духоборства, вообще въ то время довольно распространеннаго въ тѣхъ краяхъ [1]). Котельниковъ не даромъ могъ такъ сойтись съ тѣмъ «начальникомъ молоканъ», о которомъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ посланій, и къ которому питалъ такое великое уваженіе. Въ своихъ представленіяхъ о «духовности» религіи и церкви, о схожденіи «духа» во время моленій, о пророчествѣ, о «Христовой любви» и т. п., секта Котельникова совершенно сходилась со многими ученіями и обычаями духоборцевъ, молоканъ, хлыстовъ и другихъ сектъ подобнаго рода.

Но главнѣйшую, исключительную особенность этой секты составляли отношенія ея къ Библіи и Библейскому Обществу. Въ разсказѣ нашемъ объ этомъ послѣднемъ мы приводили примѣры того, какъ библейская пропаганда, при своемъ тогдашнемъ способѣ дѣйствій, съ одной стороны, размножала лицемѣріе и ханжество, а съ другой производила искреннюю, но извращенную

---

[1]) См. объ особенномъ положеніи раскола въ землѣ Войска Донского, въ Исторіи Мин. Внутр. Дѣлъ, Н. Варадинова, 8-я дополнит. книга, стр. 113 и слѣд.

и мало разумную религіозную экзальтацію. Библейскіе дѣятели своими попытками религіозной терпимости, щедрой разсылкой мистическихъ трактатовъ въ родѣ «Воззванія къ человѣкамъ», наконецъ, личной наклонностью къ «внутренней церкви», съ которой они соединяли, наконецъ, даже часто хлыстовскіе нравы, во многихъ простодушныхъ людяхъ поселяли убѣжденіе, что дѣйствительно наступаетъ новое время, время спасенія, давали недвусмысленныя поощренія раскольнической враждѣ къ «внѣшней, наружной» церкви. Русская Библія распространялась между самими раскольниками, несмотря на ихъ антипатію ко всему, исходившему отъ предержащихъ властей, и получала у нихъ авторитетъ. Мистическая литература также нашла доступъ въ народныя массы, и даже долго послѣ паденія Библейскаго Общества давала поводы къ новымъ ересямъ [1]).

Въ такомъ же смыслѣ библейская пропаганда подѣйствовала и на тотъ кругъ, къ которому принадлежалъ Котельниковъ. Это былъ полуобразованный кругъ донского провинціальнаго захолустья, гдѣ эта пропаганда производила тѣмъ больше впечатлѣнія, что была дѣломъ, дотолѣ совершенно неслыханнымъ. Дѣло началось съ того, что благочестивые люди стали собираться для библейско-назидательныхъ чтеній; отсутствіе какого-нибудь просвѣщеннаго руководства предоставляло этихъ людей самимъ себѣ и вынуждало ихъ до всего «доходить своимъ умомъ». Разсказъ Дубовской очень просто объясняетъ, какъ эти совмѣстныя чтенія, съ постомъ и усиленными молитвами, доводили ихъ до истерическаго возбужденія: довольно было нѣсколькихъ намековъ и указаній, чтобы это возбужденіе перешло въ духоборство и хлыстовщину. Это и случилось въ кругѣ Котельникова. Любопытно замѣтить, что въ этомъ кругѣ, составлявшемъ мѣстную станичную интеллигенцію, оказался и священникъ Родіонъ, повидимому, ревностный послѣдователь Котельникова... Книжки Библейскаго Общества, его отчеты и т. д., произвели здѣсь свое полное дѣйствіе. Котельниковъ и его ученики увидѣли высочайшую мудрость въ «Воззваніи къ человѣкамъ», темная мистика котораго показалась имъ «божественной». Духоносцы стали говорить о религіи, о внутренней церкви, тѣмъ самымъ тономъ, какой они встрѣчали у своихъ библейскихъ наставниковъ.

---

[1]) Кромѣ фактовъ, указанныхъ нами въ статьяхъ о Библ. Обществѣ, ср. также Ист. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. 8, стр. 128, 152, 153, 278, 345—349.

Въ то же время, эта деревенская интеллигенція, какъ видно, интересовалась и политическими соображеніями. Котельниковъ не одинъ разъ ссылался на «Священный Союзъ трехъ государей», которому онъ приписывалъ такое великое значеніе. Это послѣднее было очень естественно. Эта мистическая прихоть императора Александра и въ Европѣ, и у насъ встрѣтила не мало услужливыхъ хвалителей, которые готовы были начинать съ Священнаго Союза новую эпоху человѣчества. Въ этомъ случаѣ Библейское Общество опять дало своимъ почитателямъ первый примѣръ. Оно само говорило о Священномъ Союзѣ въ тонѣ мистическаго ожиданія, и изображало борьбу противъ Наполеона, какъ борьбу съ духомъ тьмы, съ Антихристомъ. Котельниковъ, въ сущности, говорилъ то же, что говорилъ Магницкій въ періодъ своей библейской ревности, въ своей извѣстной рѣчи въ симбирскомъ комитетѣ.

Не было особенно новаго и въ томъ, что пророчилъ Котельниковъ о тысячелѣтнемъ царствѣ. Если разъ было принято, что на землѣ началась борьба съ Антихристомъ (въ комъ бы его ни видѣли), естественно было притти къ заключенію о предстоящемъ наступленіи тысячелѣтняго царства. Объ этомъ возвѣщала Крюднеръ; библейскіе дѣятели усердно распространяли Юнга-Штиллинга, который назначалъ даже годъ второго пришествія. Котельниковъ снова только повторяетъ, что онъ могъ вычитать въ печатныхъ книгахъ, распространяемыхъ съ правительственнымъ авторитетомъ.

По отзывамъ Иловайскаго, Котельниковъ руководился честолюбіемъ, желаніемъ пріобрѣсти извѣстность, и мы видѣли, дѣйствительно, изъ его посланій, что онъ питалъ надежду пріобрѣсти силу при самомъ государѣ. Но понятно, что подобная фантазія могла произойти у него только при увѣренности, что на свѣтѣ дѣйствительно совершается нѣчто необыкновенное, какъ напр., та ожесточенная борьба съ Антихристомъ, о которой въ то время вообще такъ много говорили. Его наивныя самообольщенія о будущемъ вліяніи были слѣдствіемъ, а не причиной его религіознаго фантазерства, и по времени, не были даже особенно странны, если припомнить вліяніе Крюднеръ, пріемъ, оказанный въ Петербургѣ квакерамъ, придворные успѣхи самого Фотія...

Разбирая дальше его секту, мы найдемъ, что библейскій кружокъ предварилъ Котельникова и въ хлыстовскихъ качествахъ его секты. Пребываніе «въ духѣ», пророчества и самое «дѣйст-

віе» пономаря Никиты съ дочерью Котельникова принадлежало къ тѣмъ же хлыстовскимъ обычаямъ, какіе завѣдомо приняты были (хотя, быть можетъ, не въ этой окончательной степени) въ обществѣ Татариновой, которое посѣщалъ и самъ министръ духовныхъ дѣлъ; другія подобныя секты, гдѣ религіозное возбужденіе граничило съ разнузданной чувственностью, были допускаемы или, по крайней мѣрѣ, не были сурово преслѣдуемы въ прежнее время [1]), и эта терпимость была, конечно, только поощреніемъ подобныхъ обычаевъ.

Мѣстныя власти, впрочемъ, обратили вниманіе на молитвенныя собранія у Котельникова; они, вѣроятно, мало заботились о «внутренней церкви», которую проповѣдовали библейскіе комитеты, и по старымъ порядкамъ нашли нужнымъ обуздать ревность Котельникова; очень могло быть, что и самъ Котельниковъ вызвалъ противъ себя строгія мѣры, потому что, по его собственнымъ словамъ, не хотѣлъ поклониться «образу звѣрину» и отвергнулъ «начертаніе звѣря» (въ чемъ именно состояли эти его подвиги—неизвѣстно). Но его держали въ Новочеркасскѣ, повидимому, довольно свободно; по крайней мѣрѣ родные и друзья могли посѣщать его, и онъ могъ отправлять изъ тюрьмы свои апокалиптическія посланія. Дѣятельность Библейскаго Общества продолжалась и онъ могъ надѣяться, что его дѣла еще поправятся; по тому, что онъ зналъ объ Обществѣ изъ его отчетовъ, изъ его книгъ, по слухамъ, онъ былъ увѣренъ, что дѣйствуетъ именно такъ, какъ Общество рекомендуетъ. Мы видѣли, что его увѣренность вовсе не была безосновательна.

Между тѣмъ обстоятельства совершенно перемѣнились, и само Общество подверглось гоненію. Котельниковъ такъ привыкъ считать его оружіемъ Христа противъ Антихриста, и его дѣйствія считать волей самого императора для духовнаго исправленія народовъ, что никакъ не могъ уложить въ своей головѣ этого гоненія. Съ этихъ поръ онъ еще больше связалъ свое дѣло съ дѣломъ Библейскаго Общества. Имѣя о себѣ высокое понятіе, онъ не усумнился поставить себя рядомъ съ Обществомъ, и считалъ, что ихъ преслѣдуетъ одинъ врагъ, съ одной цѣлью. Библія боролась противъ Антихриста, и потому для Котельникова было ясно, что ихъ преслѣдуетъ тотъ же Антихристъ. Въ Петербургѣ онъ, повидимому, кое что разузналъ о союзѣ, составившемся тогда

---

[1]) Ист. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. 8, стр. 79, 121 и др.

противъ кн. Голицына, и этотъ союзъ принялъ за олицетвореніе Антихриста. Въ своихъ крутыхъ обстоятельствахъ, онъ не задумался обмануть Фотія, и это совершенно удалось ему при той долѣ лукавства, которой нельзя у него не замѣтить. Но конецъ его первой исторіи въ Петербургѣ еще болѣе утвердилъ его и въ его апокалиптическихъ мнѣніяхъ и въ высокомъ понятіи о себѣ. Выдача ему денегъ на дорогу и тысячи рублей отъ имени государя увѣрили его, что имъ дорожатъ [1]), что преслѣдованіе его было возможно только потому, что слуги Антихристовы обманывали государя. Это послѣднее убѣжденіе онъ и высказывалъ потомъ въ своихъ новыхъ посланіяхъ, содержаніе которыхъ мы излагали.

Считая себя прежде совершенно солидарнымъ съ Библейскимъ Обществомъ, Котельниковъ, не безъ основанія, ратовалъ теперь и противъ его преслѣдованія. Онъ чувствовалъ, что здѣсь идетъ какая-то «политика», и по всей вѣроятности совершенно искренно не понималъ, какимъ образомъ можно было находить вреднымъ распространеніе Библіи и останавливать его. Онъ именно странно объяснялъ эту «политику» кознями Антихриста и дѣйствіемъ франк-масоновъ, какими онъ считалъ архимандрита Фотія и другихъ противниковъ Библіи, составившихъ противъ нея «заговоръ»; но нельзя не согласиться, что его объясненія были не болѣе странны, чѣмъ мнѣнія противной стороны, которая говорила, что послѣдователи Котельникова «тоже суть, что масоны, иллюминаты, якобинцы и карбонари», что секта его «не у насъ въ Россіи выдумана, но принесена къ намъ изъ-за морей» и «чрезъ истинно діавольскіе способы» поддерживается иностранцами, желающими испровергнуть престолъ и олтари и тѣмъ сокрушить страшное для Европы могущество Россіи. Съ обѣихъ сторонъ аргументы и вся фразеологія были совершенно одинаковы.

Вообще секта Котельникова была вполнѣ порожденіемъ своего времени, по тому направленію, какое получила въ ней религіозная возбужденность ея послѣдователей. Котельниковъ былъ вполнѣ

---

[1]) Императоромъ Александромъ руководили здѣсь, конечно, тѣ же побужденія, по которымъ онъ интересовался ходомъ дѣла о Поповѣ и, согласившись на судъ надъ нимъ, благодарилъ сенатора Муравьева-Апостола за мнѣніе, поданное имъ въ Сенатѣ въ защиту Попова. Вѣроятно, онъ не признавалъ за Котельниковымъ никакого особаго преступленія, и уступивъ Аракчееву и Серафиму, показалъ участіе и къ Котельникову.

убѣжденъ, что онъ исполнялъ то, къ чему призывала людей благочестивыхъ библейская пропаганда, и нельзя сказать, чтобы онъ много преувеличилъ въ своихъ понятіяхъ о томъ, къ чему она призывала: донскому есаулу естественно было спутаться на Антихристѣ, на «духовной» религіи, на новой церкви съ «Христовой любовью», когда на этихъ и подобныхъ вещахъ путалось много людей, гораздо болѣе образованныхъ, когда въ самой высшей сферѣ общества пріобрѣтала значеніе г-жа Крюднеръ, когда въ Петербургѣ входили въ моду квакеры, когда оказывалась терпимость не только къ духоборцамъ, но даже къ скопцамъ, когда библейскіе дѣятели собирались у Госнера и Татариновой и т. д. Котельниковъ никакъ не могъ уразумѣть перемѣны, вслѣдствіе которой Библейское Общество должно было уничтожиться, и сдѣлался жертвой «политики». Паденіе его секты также было въ духѣ времени, и мнѣнія его противниковъ доставляютъ весьма характеристическіе образчики тогдашняго положенія нашей духовной образованности.

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

I. РОССІЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Стр. 1—293).

Напечатавъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1868 года (№№ 8, 9, 11 и 12) свое изслѣдованіе о Библейскомъ Обществѣ, А. Н. Пыпинъ одно время думалъ издать эту работу отдѣльно. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его переписка съ Британскимъ Библейскимъ Обществомъ въ 1869 году, сохранившаяся въ семейномъ архивѣ. Приводимъ здѣсь его письмо (точнѣе, черновой отпускъ; посланный въ Общество текстъ письма былъ изложенъ на французскомъ языкѣ) и отвѣтъ представителя Британскаго Общества. Почему намѣреніе осталось неосуществленнымъ, намъ точно неизвѣстно; возможно, что А. Н. Пыпина расхолаживалъ и уклончивый, сухой отвѣтъ Британскаго Общества.

Письмо А. Н. Пыпина:

«Въ Британское и Иностранное Библ. Общ.

М. Г. При настоящемъ письмѣ я посылаю вамъ отдѣльные оттиски моего сочиненія о Р. Библ. Общ., напечатаннаго въ прошломъ году въ одномъ изъ нашихъ журналовъ (В. Евр. 1868, №...). Я позволяю себѣ думать, что Брит. Обществу не безынтересно будетъ взглянуть на трудъ, касающійся одного изъ любопытныхъ эпизодовъ исторіи Библ. Общества,—потому что Р. Общество имѣло свой непосредственный источникъ въ Британскомъ, и въ Русскомъ Обществѣ совершалась, между прочимъ, дѣятельность замѣчательныхъ и достойныхъ уваженія англійскихъ прозелитовъ Библейскаго дѣла и агентовъ Брит. Общ., каковы Патерсонъ, Пинкертонъ, Гендерсонъ.—Мнѣ хотѣлось, чтобы мой трудъ не отсутствовалъ въ библіотекѣ или историческомъ архивѣ Общества.

Но я имѣлъ при этой посылкѣ и другую цѣль.—Эта цѣль—просьба, нѣкоторое право на которую быть можетъ дастъ мнѣ эта книга, если вы возьмете на себя трудъ познакомиться съ ней,—черезъ кого-нибудь изъ вашихъ друзей, знающихъ русскій языкъ.—Дѣло въ томъ, что исторія Русскаго Библейскаго Общества до сихъ поръ представляетъ значительныя трудности при своей разработкѣ. Документы и бумаги самого Общества, запечатанныя при закрытіи Общества, недоступны для частныхъ лицъ. Я при своемъ трудѣ долженъ былъ ограничиться печатными отчетами Русскаго Общества, немногими русскими мемуарами, нѣсколь-

кими встрѣченными мной рукописными документами той эпохи, наконецъ, книгами Пинкертона и Гендерсона (указанными въ моемъ приложеніи)—и только. Я полагалъ, что архивъ Британскаго Общества долженъ заключать немало любопытныхъ свѣдѣній о предметѣ,—свѣдѣній, которыя могли бы много разъяснить развитіе библейскаго дѣла въ Россіи, а быть можетъ (что было бы также чрезвычайно любопытно), могли бы разъяснить и нѣкоторыя подробности его паденія. Я полагалъ далѣе, что если это дѣйствительно такъ (въ чемъ едва ли можно сомнѣваться), то быть можетъ почтенное Британское Общество найдетъ возможнымъ сдѣлать мнѣ тѣ или другія указанія;—сообщить нѣкоторые матеріалы,—вообще оказать мнѣ то или другое содѣйствіе для дополненія моего труда, какое мнѣ хотѣлось бы сдѣлать при слѣдующемъ, приготовляемомъ мною изданіи.

Я позволю себѣ надежду на это содѣйствіе между прочимъ и потому, что, какъ Общество можетъ увидѣть изъ прилагаемой книги, точка зрѣнія, съ которой я разсказываю эту исторію, представляетъ, сколько я полагаю, достаточно безпристрастія и справедливости,—такъ что въ этомъ Общ. могло бы имѣть нѣкоторое ручательство того, что оказываемое имъ содѣйствіе не будетъ напрасно.

Такъ или иначе, я просилъ бы уважаемое Общество почтить меня увѣдомленіемъ о томъ, возможно ли—въ той или другой степени—исполненіе вышеизложенной моей просьбы. Въ случаѣ удовлетворительнаго отвѣта, я прислалъ бы—еслибы это было для Общества нужно—нѣкоторое перечисленіе тѣхъ desiderata, которыя я предполагалъ бы найти въ архивѣ Общества; другія недостающія у меня вещи Общество могло бы само увидѣть изъ моей книги. Въ ней, на его глаза, должны быть пропуски: эти пропуски и могутъ показывать, какихъ матеріаловъ у меня недоставало.

Наконецъ, считаю неизлишнимъ прибавить, что мой трудъ объ исторіи Библейскаго Общества въ Россіи есть первый и единственный, какой существуетъ въ русской литературѣ,– и первый, который вспомнилъ о дѣятельности Россійскаго Библейскаго Общества со времени его закрытія въ 1824—26 году».

Отвѣтъ:

British & Foreign Bible Society.

London. Blackfriars E. C.

February 3-rd 1869.

Professor A. Pypine.

Dear Sir.

I have the pleasure to acknowledge Your letter of lanuary 12—24 intimating that You had forwarded to the Society a copy of Your recent work on the Russian Bible Society. The volume in question has reached us and is now in the hands of a member of the Commitee who has for many years resident in St.-Petersburg and is consequently familiar with the Russian language. The Commitee desire me to thank You for the work which will have a permanent place in the Societys library.

You desire to know whether the Commitee will furnish such information from the records of this Society as may enable You to fill up such portions of Your history as are at present deficient and incomplete in detail. We find it difficult to answer this question withaut some more definite statement as to the exact materials You wish us to furnish. The correspondence of the period relates circumstances wich assumed the character of confidential communications and wich we might not feel justified in disclosing even at this distance of time. Minute and lengthened research we could scarcely venture to promise as every person in this Establishment has ample occupation for his time. However You can tell us what and how much assistance You want and we will frankly say whether we can furnish it.

There is a History of this Society in two volumes brought doun to the year 1854. This enters of course into aur relations with the Russian Bible Society and may supply some of the missing links in Your historical chain. Have You seen the work? It was comiled at the time of aur Jubilee and if unknown to You the Commitee will readily present You with a copy.

I remain

Your very truly

I. B. Bergne.

Переводъ:

Британское и Иностранное Библейское Общество.

Лондонъ. Блэкфрайеръ Е. С. («Черные братья»).

3-го февраля 1869 года.

Г. Профессору А. Пыпину.

Милостивый Государь,

Имѣю удовольствіе довести до вашего свѣдѣнія, что письмо ваше отъ 12—24 января, гдѣ вы сообщаете, что препроводили нашему Обществу экземпляръ вашей новой работы о Русскомъ Библейскомъ Обществѣ, мною получено. Книга, о которой идетъ рѣчь, уже дошла до насъ и находится въ данный моментъ въ рукахъ одного изъ членовъ комитета, который въ теченіе многихъ лѣтъ проживалъ въ Петербургѣ и поэтому свободно владѣетъ русскимъ языкомъ. Комитетъ просилъ меня выразить вамъ свою благодарность за вашу работу, которая займетъ почетное и прочное мѣсто въ библіотекѣ нашего Общества.

Вы желаете знать, согласится ли Комитетъ доставить вамъ всѣ тѣ нужныя справки и свѣдѣнія изъ документовъ нашего Общества, которыя дали бы вамъ возможность пополнить тѣ части вашей работы, которыя теперь страдаютъ пробѣлами и не закончены въ подробностяхъ. Я затрудняюсь отвѣтить на этотъ вопросъ, безъ болѣе точнаго съ вашей стороны указанія, какіе именно матеріалы и свѣдѣнія вамъ желательно отъ насъ получить.

Переписка этого времени касается такихъ обстоятельствъ, которые носятъ характеръ конфиденціальныхъ сношеній и раскрывать которые мы, возможно, не сочли бы себя въ правѣ, не взирая даже на большую ихъ давность. Тщательныя же и пространныя изысканія по вопросу мы едва ли рѣшимся вамъ обѣщать, такъ какъ всѣ члены нашего Учрежденія заняты обширной работой, которая отнимаетъ все ихъ время. Во всякомъ случаѣ, благоволите указать, на какую именно помощь и въ какомъ размѣрѣ вы расчитываете отъ насъ—и мы охотно отвѣтимъ, можемъ ли мы исполнить Вашу просьбу.

Имѣется двухтомная «Исторія» нашего Общества, доведенная до 1854 года. Она, конечно, касается и вопроса объ отношеніяхъ съ Русскимъ Библейскимъ Обществомъ и, надо думать, пополнитъ нѣкоторыя изъ недостающихъ звеньевъ въ цѣпи разрабатываемыхъ вами историческихъ событій. Знакомы ли вы съ этой книгой? Она была составлена ко времени нашего юбилея, и, если еще неизвѣстна вамъ, Комитетъ съ удовольствіемъ преподнесетъ вамъ экземпляръ этой работы.

Остаюсь
искренно преданный Вамъ
I. B. Bergne.

Со времени обнародованія работы А. Н. Пыпина о Библейскомъ Обществѣ до нашихъ дней накопилась обширная литература, какъ о самомъ Обществѣ, такъ и о лицахъ и явленіяхъ, съ нимъ связанныхъ. Нѣкоторую долю этой литературы (по 1900 годъ) Пыпинъ отмѣтилъ въ третьемъ изданіи «Общественнаго движенія», въ дополнительномъ спискѣ, и здѣсь на первомъ мѣстѣ указанъ обширный трудъ Н. К. Шильдера: «Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе» (четыре тома, СПБ. 1897—1898; есть второе изданіе). Теперь рядомъ слѣдуетъ назвать аналогичное изслѣдованіе вел. князя Николая Михаиловича: «Императоръ Александръ I» (2-ое изданіе, Петроградъ, 1915), гдѣ встрѣчаемъ много новыхъ фактовъ и новую переоцѣнку явленій. Ср. его-же: Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ Дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 гг. Спб. 1913 г. (о кн. Голицынѣ, «Сіонскомъ Вѣстникѣ» и др.). Личности князя Голицына посвящена спеціальная монографія свящ. Н. Стеллецкаго: «Князь А. Н. Голицынъ и его церковно-государственная дѣятельность» (Кіевъ, 1901); здѣсь использована книга Goetze: «Fürst Alexander Nicolaewitsch Golitzin und seine Zeit» (1882) и довольно обширный кругъ другихъ сочиненій (списокъ коихъ напечатанъ на стр. 2-3); особая глава посвящена Библейскому Обществу. Объ Обществѣ, его дѣятеляхъ и врагахъ много говорится также въ книгѣ И. А. Чистовича: «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Комиссія Духовныхъ Училищъ» (СПБ. 1894). Біографическіе очерки лицъ, связанныхъ съ Обществомъ, напр., митр. Филарета, арх. Фотія, митр. Серафима и мн. др., см. въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ», изд. Импер. Русскаго Историческаго

Общества; ср. В. Я. Стоюнинъ. «А. С. Шишковъ». СПБ. 1880. Въ связи съ русскимъ переводомъ Библіи объ Обществѣ сообщается много свѣжихъ и цѣнныхъ фактовъ въ книгѣ того же И. А. Чистовича: «Исторія перевода Библіи на русскій языкъ» (2-ое изданіе 1899, СПБ.); ср. Н. А. Астафьевъ: «Опытъ исторіи Библіи въ Россіи» (СПБ. 1889); проф. И. Н. Корсунскій: «Участіе митрополита Филарета въ переводѣ Библіи на русскій языкъ» («Юбилейный Филаретовскій Сборникъ», М., 1883); «Странникъ» 1869, № 8 (ст. прот. Добронравова); «Исторія русской литературы XIX вѣка» подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, изд. т-ва «Міръ», вып. 11 (М. 1909), стр. 401—402 (библіографія).

Къ стр. 107. О княгинѣ С. С. Мещерской см. кн. Н. Н. Голицынъ. «Словарь русскихъ писательницъ». 2-ое изд. СПБ. 1889.

Къ стр. 110—111. Къ исторіи катехизиса см. «Русскій Архивъ» 1915, № 2, стр. 306—311: «Филаретъ подъ цензурою 1824» (два письма Филарета къ митрополиту Серафиму и отвѣтъ Серафима).

Къ стр. 114—115. Оцѣнку работъ по переводу Библіи на русскій языкъ см. въ упомянутой выше монографіи И. А. Чистовича.

Къ стр. 119 и сл. Къ характеристикѣ принудительныхъ пріемовъ библейской пропаганды см. «Русскую Старину» 1895, № 8, стр. 40: «Къ исторіи Библейскаго Общества» (формальное предписаніе полковника Скобелева отъ 5 октября 1816 года полковнику Полешкѣ—о сборѣ пожертвованій въ полкахъ на Библейское Общество).

Къ стр. 137. О масонствѣ александровскаго времени и его тенденціяхъ мистическихъ и политическихъ см. обильныя архивныя и литературныя данныя въ изслѣдованіи В. И. Семевскаго: «Декабристы-масоны», «Минувшіе Годы» 1908, №№ 2, 3 и 5 (перепечатано съ большими сокращеніями, въ его книгѣ: «Политическія и общественныя идеи декабристовъ». СПБ. 1909).

Къ стр. 144. О личности князя А. Н. Голицына см. названныя выше книги П. Гётце, Н. Стеллецкаго и И. А. Чистовича; ср. Ѳ. В. Благовидовъ: «Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и первой половинѣ XIX в.» (Казань, 1899). Рецензію А. Н. Пыпина на эту книгу см. въ «Вѣстникѣ Европы» 1899, № 9. Разсказы кн. Голицына въ запискахъ Ю. Н. Бартенева («Русская Старина» 1884 и «Русскій Архивъ» 1886) изложены самимъ А. Н. Пыпинымъ въ ст. «Новые мемуары объ александровской эпохѣ»—«Вѣстникъ Европы» 1887, декабрь, стр. 686—693 (перепеч. въ «Изслѣдованіяхъ и статьяхъ по эпохѣ Александра I», т. II). Въ 1908 г. въ Импер. Публич. Библіотеку поступила собственноручная рукопись кн. А. Н. Голицына: «Журналъ магнетическихъ кризисовъ, веденный К. А. Н. Г. съ 1830 по 1841 годъ. Санктъ-Петербургъ. Въ двухъ частяхъ». См. «Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки» за 1908 г. П. 1915, стр. 47—48; въ томъ же Отчетѣ (стр. 119) указаны 4-ре записки кн. Голицына къ В. П. Стасову (1824 и 1825 гг.). Переписку кн. Голицына съ попечителями учебныхъ округовъ и др. лицами см. въ «Сборникѣ историч. матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собств. Его Импер. Величества Канцельріи», вып. XII, СПБ., 1904. Письма Голицына къ А. Ѳ. Лабзину см. въ «Рус. Архивѣ» 1911, № 1, стр. 483—486;—къ кн. А. С. Голицыной ibid.

1905, № 8, стр. 403—426. Переписка Голицына продолжаетъ появляться въ историческихъ журналахъ; ср. ниже примѣчанія къ статьѣ о г-жѣ Крюднеръ.

Къ стр. 157. О «цензурныхъ порядкахъ» александровскаго времени см. А. М. Скабичевскій: «Очерки исторіи русской цензуры 1700—1863 г.г.» СПБ. 1892 (главы 6—10); объ этой книгѣ см. ст. А. Н. Пыпина (подписано: А. В—нъ): «Внѣшнія условія литературы». «Вѣстникъ Европы» 1892, № 11, стр. 280—327. А. Н. Котовичъ: «Духовная цензура въ Россіи». СПБ. 1909; В. И. Семевскій. «Политическія и общественныя идеи декабристовъ». СПБ. 1909.

Къ стр. 174. О митрополитѣ Михаилѣ и архимандритѣ Иннокентіи см. подробности въ кн. Чистовича «Руководящіе дѣятели» и проч., а также—у Стеллецкаго.

Къ стр. 180 и сл. Описаніе русскихъ переводовъ «Побѣдной повѣсти» см. въ ст. Н. М. Петровскаго, «Извѣстія II-го Отдѣл. Академіи Наукъ» 1909, кн. 4 (т. XIV), стр. 211—214. О Лабзинѣ и его литературной дѣятельности см. А. Д. Галаховъ: «Обзоръ мистической литературы въ царствованіе Императора Александра I». «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1875, № 11, стр. 87—175 (содержаніе «Сіонскаго Вѣстника»); Н. Ѳ. Дубровинъ: «Наши мистики—сектанты. А. Ѳ. Лабзинъ и его журналъ «Сіонскій Вѣстникъ». «Русская Старина» 1894, №№ 9, 10, 11 и 12; 1895, 1 и 2; Б. Л. Модзалевскій: А. Ѳ. Лабзинъ. «Русскій Біографическій Словарь» (СПБ. 1904; обширная библіографія); Воспоминанія А. Е. Лабзиной. Съ примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго и С. Ѳ. Ольденбурга. Петроградъ. 1914. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ А. Ѳ. Лабзину. «Рус. Старина» 1913, № 2, стр. 419—430 (сооб. Б. Л. Модзалевскій). Б. Л. Модзалевскій. Къ біографіи Новикова. «Русскій Библіофилъ» 1913, мартъ-апрѣль (письма къ Лабзину).

Къ стр. 196 и сл. Литература объ архимандритѣ Фотіи послѣ обнародованія статей о Библейскомъ Обществѣ сильно разрослась. Послѣ общихъ характеристикъ К. Д. Попова въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» 1875, Е. П. Карновича въ «Русской Старинѣ» 1875, (перепечатано въ кн. Карновича: «Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX вв.». СПБ. 1884), С. И. Миропольскаго въ «Вѣстникѣ Европы» 1878, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить публикацію полнаго текста огромной «Автобіографіи» Фотія въ «Русской Старинѣ» 1894, №№ 3, 4, 5, 7, 9, 10; 1895, №№ 2, 3, 7, 8, 11, 12; 1896, №№ 7 и 8,—съ обильными примѣчаніями свящ. В. Н. Жмакина. А. Н. Пыпину въ 1868 г. она была доступна только въ отрывкахъ. Обширная переписка Фотія отчасти указана у С. Р. Минцлова: «Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій», вып. II—III, стр. 58—59 (Новгородъ, 1912); сверхъ того см.: «Русская Старина» 1905, № 5, стр. 431—438 (письмо—«тайна» къ импер. Николаю I отъ 1826 г.); «Русскій Архивъ» 1905, № 12, стр. 490—493 (три письма къ кн. Голицыну отъ 1824 г.); 1908, № 3. стр. 350—361 (Записки Фотія); А. Слезкинскій. Фотій и гр. А. Орлова-Чесменская. (По неизданнымъ письмамъ). «Русская Старина» 1899, 1902 и 1903 г.г.; письма къ С. Н. Нечаеву. «Христіанское Чтеніе» 1896, кн. 1 (сообщ. С. Г. Рункевичъ). Отмѣтимъ

еще обычно ускользающую отъ вниманія историковъ работу проф. В. Ф. Чижа: «Психологія фанатизма. (Фотій Спасскій)». «Вопросы Философіи и Психологіи» 1905, январь—апрѣль (№№ 76—77); здѣсь предложенъ психіатрическій анализъ личности Фотія.

Къ стр. 202 и сл. Дѣло Госнера позднѣе пересказано въ полномъ отдѣльномъ изданіи «Записокъ» Н. И. Греча, СПБ., 1886, стр. 313—323; ср. А. М. Скабичевскій. Очерки исторіи русской цензуры, гл. десятая.

Къ стр. 256 и сл. Документы, относящіеся къ закрытію Библейскаго Общества, напечатаны въ «Сборникѣ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», выпускъ 12-ый, подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина, СПБ., 1904, стр. 325—401 («Краткое историческое обозрѣніе цѣли, хода и послѣдствій учрежденія Библейскихъ Обществъ въ Россіи», собственноручная записка А. С. Шишкова, «Разсужденіе о Библейскихъ обществахъ вообще и въ особенности о Россійскомъ Библейскомъ Обществѣ», мнѣніе митрополитовъ Серафима и Евгенія, Высочайшій рескриптъ митрополиту Серафиму отъ 12 апрѣля 1826 г., записка секретаря Общества Н. Сѣрова митр. Серафиму отъ 12 февраля 1826 г.).

Къ стр. 292. Упоминаемый въ письмѣ Невзорова Дубовицкій есть, очевидно, Ал. Петр. Дубовицкій; о немъ см. Н. Ѳ. Дубровинъ: «Наши мистики—сектанты. Е. Ф. Татаринова и А. П. Дубовицкій». «Русская Старина» 1895, №№ 10, 11 и 12; 1896, №№ 1 и 2.

Г-ЖА КРЮДНЕРЪ.

(Стр. 295—395).

Цѣнные документы о баронессѣ Крюднеръ сообщены въ монументальныхъ трудахъ объ императорѣ Александрѣ I вел. князя Николая Михайловича (письма г-жи Крюднеръ къ имп. Александру I и кн. А. Н. Голицыну за 1815—1822 гг.) и Н. К. Шильдера. О роли г-жи Крюднеръ въ исторіи возникновенія Священнаго союза см. въ монографіи проф. В. К. Надлера: «Императоръ Александръ I и идея Священнаго союза». Харьковъ, пять томовъ, 1886—1892 (passim). Изъ иноземныхъ работъ назовемъ: Lacroix. Madame de Krüdener, ses lettres et ses ouvrages inédits. Paris, 1880 (третье изданіе 1881); «Deutsche Rundschau» 1899, ноябрь и декабрь; Turquan. La baronne de Krudener. Paris 1900. С. А. Венгеровъ. Источники словаря русскихъ писателей. Т. III (СПБ. 1914), стр. 305—306. Ср.: Кн. Н. Н. Голицынъ. Словарь русскихъ писательницъ. 2-ое изданіе, СПБ. 1889 (библіографія сочиненій г-жи Крюднеръ); А. К-въ. Баронесса Крюднеръ. «Историческій Вѣстникъ» 1895, № 9, стр. 673—684 (приложено два рѣдкихъ портрета); «Баронесса Крюднеръ и ея переписка съ кн. А. Н. Голицынымъ». «Русскій Архивъ» 1885, I. «Русскій Біографическій Словарь», томъ Кнаппе—Кюхельбекеръ, 1903, стр. 435—441 (ст. Н. Мичатекъ, съ большой библіографіей).

Къ стр. 333. Къ характеристикѣ Р. С. Стурдза—Эдлингъ, кромѣ названнаго А. Н. Пыпинымъ, см. еще позднѣйшее: Графиня Р. С. Эдлингъ. Изъ записокъ. «Русскій Архивъ» 1887, т. 1 и 3 (и отд. изд. М. 1888); ср. ibidem 1888, т. 3; 1891, т. 3; «Еще воспоминанія о графинѣ Эдлингъ». «Одесскій Вѣстникъ» 1844, № 16; «Русскій Біографическій Словарь», т. Смѣловскій—Суворина, 1909, s. v. Стурдза (обширная библіографія). Письма В. А. Жуковскаго къ А. С. Стурдзѣ и графинѣ Р. С. Эдлингъ. «Русская Старина» 1902, апрѣль—май.—«Записки» гр. Эдлингъ-Стурдзы («Русскій Архивъ» 1887 г.) самъ А. Н. Пыпинъ изложилъ позднѣе въ ст. «Новые мемуары объ александровской эпохѣ». «Вѣстникъ Европы» 1887, декабрь, стр. 693—702 (перепеч. во второмъ томѣ «Изслѣдованій и статей по эпохѣ Александра I»).

Къ стр. 353 и сл. Мнѣніе А. Н. Пыпина о незначительности вліянія Крюднеръ на возникновеніе идеи Священнаго Союза у импер. Александра I подтверждается записками квакера Стефена Грелье, тогда еще недоступными Пыпину; см. «Русскую Старину» 1874, № 1, стр. 19 (перепечатано ниже, см. примѣчанія къ ст. «Имп. Александръ I и квакеры»).

Къ стр. 378 и сл. О русскихъ переводахъ сочиненій г-жи Гюйонъ см. И. А. Чистовичъ. Исторія перевода Библіи на русскій языкъ; ср. В. Н. Жмакинъ. Ересь есаула Котельникова. «Христіан. Чтеніе», 1882, № 11—12, стр. 741; Н. Н. Кашкинъ. Родословныя развѣдки, т. II, СПБ., 1913, стр. 508—509.

Къ стр. 385. О пребываніи Крюднеръ въ Крыму см. Кн. Н. Н. Голицынъ. По поводу статей [А. Н. Пыпина] о госпожѣ Крюднеръ. «Русскій Архивъ» 1871, столбцы 901—908; здѣсь разсказывается путешествіе Крюднеръ и княгини Анны Серг. Голицыной съ колоніей нѣмцевъ и грековъ изъ Петербурга въ Крымъ, дается характеристика, по личнымъ воспоминаніямъ дочери г-жи Крюднеръ, въ замужествѣ баронессы Беркгеймъ; здѣсь же вносится поправка относительно княгини Анны Серг. Голицыной, супруги камергера Ив. Александровича Голицына: она не была родственницей кн. А. Н. Голицына, какъ сказано у Пыпина. Ср. «Архивъ Раевскихъ», подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. II (СПБ. 1909), стр. 224—226.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И КВАКЕРЫ.

(Стр. 397—418).

Изъ сочиненій о пребываніи квакеровъ въ Россіи, не привлеченныхъ А. Н. Пыпинымъ къ изложенію, отмѣтимъ: Н. В. Сушковъ. Квакеры въ С.-Петербургѣ. Изъ записокъ. (1818—1819). «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1867, кн. 1, ср. ibidem, 1870, кн. 1, стр. 235—240; А. Д. Галаховъ въ «Ж. М. Н. Просв.» 1875, № 11, стр. 123, 125, указываетъ на статьи о квакерахъ въ «Покоящемся трудолюбцѣ» Новикова 1784—1785, ч. 3, и въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» Лабзина 1817, декабрь.

Къ стр. 407. Мемуары Грелье, которыхъ А. Н. Пыпинъ еще «не имѣлъ подъ руками» въ 1869 г., вскорѣ появились въ переводѣ И. Т. Осинина въ «Русской Старинѣ» 1874, № 1, стр. 1—36: «Записки квакера

о пребыванiи въ Россiи». 1818—1819. «Записки» Грелье де Мобилье во многомъ дополняютъ разсказъ Пыпина по Кеннингему. Приводимъ отрывки изъ его дневниковъ, непосредственно относящiеся къ встрѣчамъ съ императоромъ Александромъ I.

«10-го февраля 1819 года.

Возвратившись домой, мы нашли у себя посланнаго отъ государя съ извѣстiемъ, что мы должны явиться къ нему въ 6 часовъ вечера. Въ назначенный часъ насъ ввели въ его частные покои. Государь принялъ насъ наединѣ весьма привѣтливо и благосклонно, называя насъ своими «старыми друзьями»; онъ посадилъ насъ подлѣ себя на диванѣ и вспоминалъ съ внутреннимъ волненiемъ о нашемъ свиданiи съ нимъ въ Лондонѣ, говоря, что это свиданiе доставило ему бодрость и твердость духа среди тѣхъ трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ тогда находился. Государь предложилъ намъ потомъ нѣсколько вопросовъ о религiозныхъ предметахъ, обнаруживая при этомъ искреннюю заботливость о своемъ преуспѣянiи въ спасительномъ познанiи истины; онъ хорошо знакомъ съ Св. Писанiемъ и имѣетъ вѣрныя понятiя о возрожденiи и искупленiи, которое прiобрѣтается вѣрою въ Господа нашего Iисуса Христа и единственно на основанiи Его крестныхъ заслугъ. Государь любитъ въ особенности бесѣдовать о внутреннемъ дѣйствiи и влiянiи св. Духа, которое онъ называетъ краеугольнымъ камнемъ христiанской религiи, потому что аще кто Духа Христова не иметъ, сей нѣсть еговъ; и «если», говорилъ онъ, «предметы божественные только могутъ быть познаваемы Духомъ Божiимъ, то какую надежду на спасенiе можетъ имѣть тотъ, кто не стремится усильно къ принятiю сего Духа!» Государь далѣе спрашивалъ насъ о томъ, что мы видѣли и сдѣлали въ Россiи. Мы воспользовались случаемъ, чтобы разсказать ему о бѣдственномъ положенiи тюремныхъ заведенiй; въ особенности мы обратили его вниманiе на жалкое состоянiе тюрьмы въ Або и разсказали ему объ одномъ несчастномъ, который тамъ страдаетъ въ оковахъ въ теченiи 19-ти лѣтъ.

Государь былъ тронутъ нашимъ разсказомъ и сказалъ:

— Этого не должно бы быть; оно болѣе не повторится.

Такъ какъ государь очень занятъ новымъ военнымъ училищемъ, то мы нашли случай сообщить ему, какъ глубоко мы были огорчены, видя, что въ этомъ училищѣ воспитанникамъ даютъ читать книги, пагубныя для ихъ нравственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы показали ему образчики сдѣланныхъ нами извлеченiй изъ Св. Писанiя для употребленiя въ училищахъ. Государь на минуту погрузился въ размышленiе и затѣмъ, обращаясь къ намъ, замѣтилъ:

— Вы именно исполнили то, чего я желалъ. Я часто думалъ, что училища могли бы служить сильнымъ орудiемъ для царствiя Христова, приводя народъ къ познанiю Спасителя и къ правиламъ истиннаго благочестiя. Пришлите мнѣ поскорѣе все, что вы успѣли приготовить.

Съ особеннымъ уваженiемъ отзывался государь о Данiилѣ Вилерѣ, и сказалъ, что онъ смотритъ на его пребыванiе въ Россiи, какъ на благословенiе для народа.

— Не осушеніе болотъ, — говорилъ онъ, и не другая какая-либо матеріальная нужда была причиною того, что я вызвалъ сюда нѣкоторыхъ изъ вашихъ «друзей»; нѣтъ, мною руководило желаніе, чтобы ихъ истинное благочестіе, ихъ честность и другія добродѣтели послужили для моего народа примѣромъ къ подражанію.

Затѣмъ государь присовокупилъ:

— Прежде чѣмъ разстанемся на этотъ разъ, попытаемся провести нѣсколько времени въ общей духовной молитвѣ.

Мы охотно согласились, чувствуя, что Господь близъ насъ съ своею благодатною силою. Въ безмолвномъ внутреннемъ созерцаніи прошло нѣсколько времени; души наши смирились, и, немного спустя, я почувствовалъ въ себѣ небесное вѣяніе духа молитвы и сокрушенія; объятый духомъ, я преклонилъ колѣна свои предъ величіемъ Божіимъ; государь преклонилъ колѣна подлѣ меня. Среди внутренняго изліянія души, мы чувствовали, что Господь благоволилъ услышать наши молитвы. Затѣмъ мы провели еще нѣсколько времени въ безмолвіи и потомъ удалились. Прощаясь съ нами, государь выразилъ желаніе еще разъ увидѣться съ нами до нашего отъѣзда. Мы провели у него два часа.

4-го марта. Государь прислалъ сказать намъ, что онъ съ удовольствіемъ увидитъ насъ у себя вечеромъ; мы отправились въ назначенное имъ время—въ 8 часовъ. Онъ опять принялъ насъ въ своихъ частныхъ покояхъ, куда насъ ввели потаеннымъ ходомъ, минуя дворцовый караулъ и придворную прислугу. Никто не удивился, видя, что мы вошли съ покрытыми головами. Государь также, какъ прежде, принялъ насъ съ сердечнымъ привѣтомъ. Онъ сначала сообщилъ намъ, что съ заключенныхъ въ Або сняты цѣпи, въ которыхъ мы видѣли ихъ, что несчастный, о которомъ мы ему говорили, освобожденъ и что дано приказаніе лучше обращаться съ прочими заключенными. Онъ просилъ насъ затѣмъ откровенно разсказать ему все, что замѣчено нами въ тюрьмахъ во время нашего пребыванія въ Россіи. Военный генералъ-губернаторъ доложилъ ему объ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ, которыя мы считали полезными въ темницахъ, и государь вполнѣ одобрилъ произведенныя уже тамъ перемѣны. Онъ сказалъ намъ далѣе, что вдовствующая императрица съ удовольствіемъ говорила ему о сдѣланномъ нами визитѣ; что она приняла къ сердцу сказанное нами о крайнихъ опущеніяхъ по воспитанію дѣтей бѣднаго класса и что она занимается пріискиваніемъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ возможно-скорому исправленію этого недостатка. Государь къ этому присовокупилъ, что онъ назначилъ извѣстную сумму на учрежденіе шести училищъ для бѣдныхъ дѣтей въ столицѣ, съ тѣмъ, чтобы дѣти тамъ получали религіозно-нравственное воспитаніе. Онъ увѣдомилъ насъ далѣе о томъ, что онъ со вниманіемъ прочиталъ приготовленныя нами книги для дѣтскаго чтенія и былъ отъ нихъ въ восторгѣ,—что если бы мы для одного только этого дѣла прибыли въ Россію, мы уже совершили дѣло весьма важное, и что онъ намѣренъ ввести наши книжки въ употребленіе во всѣхъ школахъ своей имперіи.

«9-го марта. Мы, по обыкновенію, провели два часа у князя Александра (Голицына). Онъ разсказалъ намъ, что государь приказалъ немедленно

перевести на русскій языкъ наши книжки съ извлеченіями изъ Св. Писанія и отдать ихъ печатать. Новый Завѣтъ нынѣ напечатанъ здѣшнимъ библейскимъ обществомъ, но Ветхій—не весь еще переведенъ и потому не изданъ. Узнавъ, что мы намѣрены скоро оставить Петербургъ, государь велѣлъ приготовить для насъ рекомендательныя письма къ губернаторамъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя намъ придется проѣхать, и также къ посланникамъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ мы намѣрены остановиться по выѣздѣ изъ Россіи. Князь сказалъ намъ, что государь въ этихъ письмахъ рекомендуетъ насъ, какъ «людей, которыхъ онъ хорошо знаетъ».

13-го марта. Время нашего отъѣзда приближается; у насъ очень много хлопотъ. Нѣсколько разъ у насъ были общественныя и частныя молитвенныя собранія; такъ какъ намъ навсегда пришлось разстаться съ разными присутствовавшими тутъ лицами, то собранія эти имѣли характеръ торжественный. Мы вообще можемъ унести съ собою радостное сознаніе, что мы оставляемъ по себѣ здѣсь сѣмя, благословенное Богомъ. Нѣкоторыя изъ прощальныхъ свиданій нашихъ были весьма трогательны и плодотворны, въ особенности свиданіе наше нынѣ вечеромъ съ государемъ. Онъ разсказалъ намъ разныя подробности о томъ, какъ его воспитывали подъ надзоромъ бабки его—императрицы Екатерины.

— Приставленные ко мнѣ дядьки,—говорилъ онъ,—имѣли нѣкоторыя добрыя качества, но не были вѣрующими христіанами и потому первоначальное воспитаніе мое не было соединено съ какими-либо глубокими нравственными впечатлѣніями; сообразно съ обычаями нашей греческой церкви, меня пріучили формально повторять утромъ и вечеромъ извѣстныя заученныя молитвы; но этотъ обычай, нисколько не удовлетворявшій внутреннимъ потребностямъ моего религіознаго чувства, скоро надоѣлъ мнѣ. Случалось между тѣмъ не разъ, что я, ложась спать, живо чувствовалъ въ душѣ свои грѣхи и разные нравственные недостатки своего образа жизни; возникавшее при этомъ сердечное раскаяніе пробуждало во мнѣ потребность встать съ постели и среди ночной тишины броситься на колѣна, чтобы со слезами просить у Бога прощенія и силы для большей бдительности надъ собою на будущее время. Это сердечное сокрушеніе продолжалось нѣсколько времени; но мало-по-малу, при отсутствіи нравственной поддержки со стороны окружающихъ лицъ, я сталъ рѣже и слабѣе чувствовать въ себѣ эти спасительныя движенія благодати; вмѣстѣ съ мірскою разсѣянностью, грѣхъ сталъ болѣе и болѣе владычествовать въ моей душѣ. Наконецъ, въ 1812 году Господь снова призвалъ меня, по любви и милосердію своему, и прежнія движенія благодати возобновились въ сердцѣ моемъ съ новою силою. Въ это время одно благочестивое лицо посовѣтовало мнѣ приняться за чтеніе Св. Писанія и дало мнѣ въ руки Библію, которой до тѣхъ поръ я никогда еще не видалъ (это былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ). Я пожиралъ Библію, — присовокупилъ Государь, — находя, что слова ея вливаютъ новый, прежде никогда не испытанный, миръ въ мое сердце и удовлетворяютъ жаждѣ души моей. Господь, по благости своей, даровалъ мнѣ Духомъ своимъ разумѣть то, что я читалъ; этому-то внутреннему назиданію и озаренію я обязанъ всѣми духовными благами, пріобрѣтен-

ными мною при чтеніи божественнаго слова,—вотъ почему я смотрю на внутреннее озареніе или наставленіе отъ св. Духа, какъ на самую твердую опору спасительнаго богопознанія.

Государь говорилъ намъ съ глубокимъ чувствомъ еще много другого о томъ же предметѣ. Мало-по-малу мы перешли въ своей бесѣдѣ съ нимъ къ болѣе глубокому разбору вопроса о царствѣ Господа нашего, царствѣ мира и любви, и о томъ, куда Духъ нашего возлюбленнаго Спасителя, который самъ есть любовь, ведетъ тѣхъ, которые повинуются его заповѣдямъ. Затѣмъ Государь разсказалъ намъ, какъ сильно душа его была проникнута желаніемъ навсегда уничтожить на землѣ войны и пролитіе крови; онъ говорилъ, что много ночей проведено имъ безъ сна въ напряженныхъ размышленіяхъ о томъ, какъ бы осуществить это завѣтное желаніе, и въ глубокой скорби при мысли о безчисленныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, причиненныхъ войною. Въ то время, когда душа его, такимъ образомъ, смирилась въ пламенной молитвѣ къ Спасителю, у у него возникла идея пригласить всѣ коронованныя особы къ составленію одного священнаго союза, предъ судомъ котораго можно было бы на будущее время примирять всѣ вновь возникающія разногласія, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ мечу и пролитію крови; эта мысль такъ заняла его, что онъ всталъ съ постели, изложилъ письменно свои чувства и стремленія въ этомъ отношеніи съ такою живостію и съ такимъ жаромъ, что намѣренія его со стороны многихъ подверглись незаслуженнымъ подозрѣніямъ и перетолкованіямъ, «хотя,—прибавилъ онъ со вздохомъ,—теплая любовь къ Богу и людямъ было единственное побужденіе, руководившее мною». Мысли о составленіи священнаго союза возникли въ немъ во время пребыванія его въ Парижѣ. Послѣ того, какъ мы провели нѣсколько времени въ бесѣдѣ о такомъ важномъ предметѣ, государь сказалъ намъ:

— Итакъ, мы разстаемся въ этомъ мірѣ; но я имѣю твердое упованіе на то, что мы, будучи раздѣлены пространствомъ, останемся, однако, навсегда, по благости Духа Божія, соединенными внутреннимъ общеніемъ въ духѣ, ибо въ царствѣ Божіемъ нѣтъ предѣловъ пространства.

Государь далѣе просилъ насъ писать къ нему, какъ другу во Христѣ, чрезъ князя Александра Голицына, и потомъ присовокупилъ:

— «Теперь же, прежде чѣмъ разстанемся, у меня еще есть одна просьба къ вамъ: соединимся безмолвною молитвою и посмотримъ, не благоволитъ ли Господь даровать намъ проявленіе своего благодатнаго присутствія, какъ было въ прошедшій разъ.

Мы охотно согласились исполнить его желаніе, ибо мы чувствовали съ сердечною радостію, что крылья небесной любви осѣняли насъ. Наступило потомъ торжественное молчаніе, во время котораго мы чувствовали, что Господь посреди насъ; души наши съ благоговѣніемъ открылись предъ Нимъ, и самъ Онъ дѣйствовалъ въ насъ [illegible]ей благодатію. Немного спустя, я чувствовалъ въ себѣ, подъ вліяніемъ любви Христовой, живую потребность сказать нѣсколько ободрительныхъ словъ возлюбленному государю, дабы поощрить его итти твердымъ шагомъ по стезѣ Господней и до конца земного странствія возлагать всецѣло упованіе на дѣйственность Божественной благодати;—я чувствовалъ вообще по-

требность предостеречь его отъ зла и укрѣпить его въ благомъ намѣреніи— всегда шествовать путемъ правды и добра. Слова, произнесенныя мною, произвели на государя глубокое впечатлѣніе,—онъ проливалъ горячія слезы. Затѣмъ дорогой Алленъ вознесъ Господу на колѣняхъ теплую молитву за государя и его народъ. Государь самъ бросился на колѣни подлѣ него и долго оставался вмѣстѣ съ нами въ молитвенныхъ изліяніяхъ предъ Господомъ. Наконецъ, мы трогательно и торжественно разстались.

Душа моя была преисполнена смиреннымъ чувствомъ преданности волѣ Божіей при мысли о томъ, какъ самъ Господь уготовалъ намъ путь въ этой странѣ, которая прежде была для меня совершенно неизвѣстна. По истинѣ, можно было сказать, что обѣтованіе о всегдашнемъ попеченіи Божіемъ оправдалось надъ нами яснымъ и осязательнымъ образомъ».

Къ стр. 412. О ланкастерскихъ школахъ А. Н. Пыпинъ вскорѣ подробно писалъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1870, октябрь (вошло въ «Общественное движеніе при Александрѣ I», гдѣ приводится и нѣкоторая библіографія); ср. Записки И. Р. Мартоса въ «Кіевской Старинѣ» 1897, іюль—августъ, прилож., стр. 65—69; Н. Родзевичъ. «Заведеніе Ланкастерскихъ школъ въ Новороссіи». «Записки Импер. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», т. XXII (1900); И. Г. «Первая въ Россіи ланкастерская школа». «Историческій Вѣстникъ» 1887, № 9; В. И. Семевскій. «Политическія и общественныя идеи декабристовъ». СПБ., 1909, стр. 428—431 (здѣсь и новая библіографія); Записки И. Д. Якушкина изд. 1905, стр. 59—60; Л. Н. Модзалевскій. «Очеркъ исторіи воспитанія и обученія», изд. 3-е, ч. II, СПБ., 1899, стр. 365—372.

Къ стр. 413. О митр. Филаретѣ, въ связи съ вопросомъ, поставленнымъ Пыпинымъ, см. замѣтку Н. В. Сушкова въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. Россійскихъ» 1870, кн. I, стр. 235—240.

БИБЛЕЙСКАЯ СЕКТА ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

(Стр. 419—458).

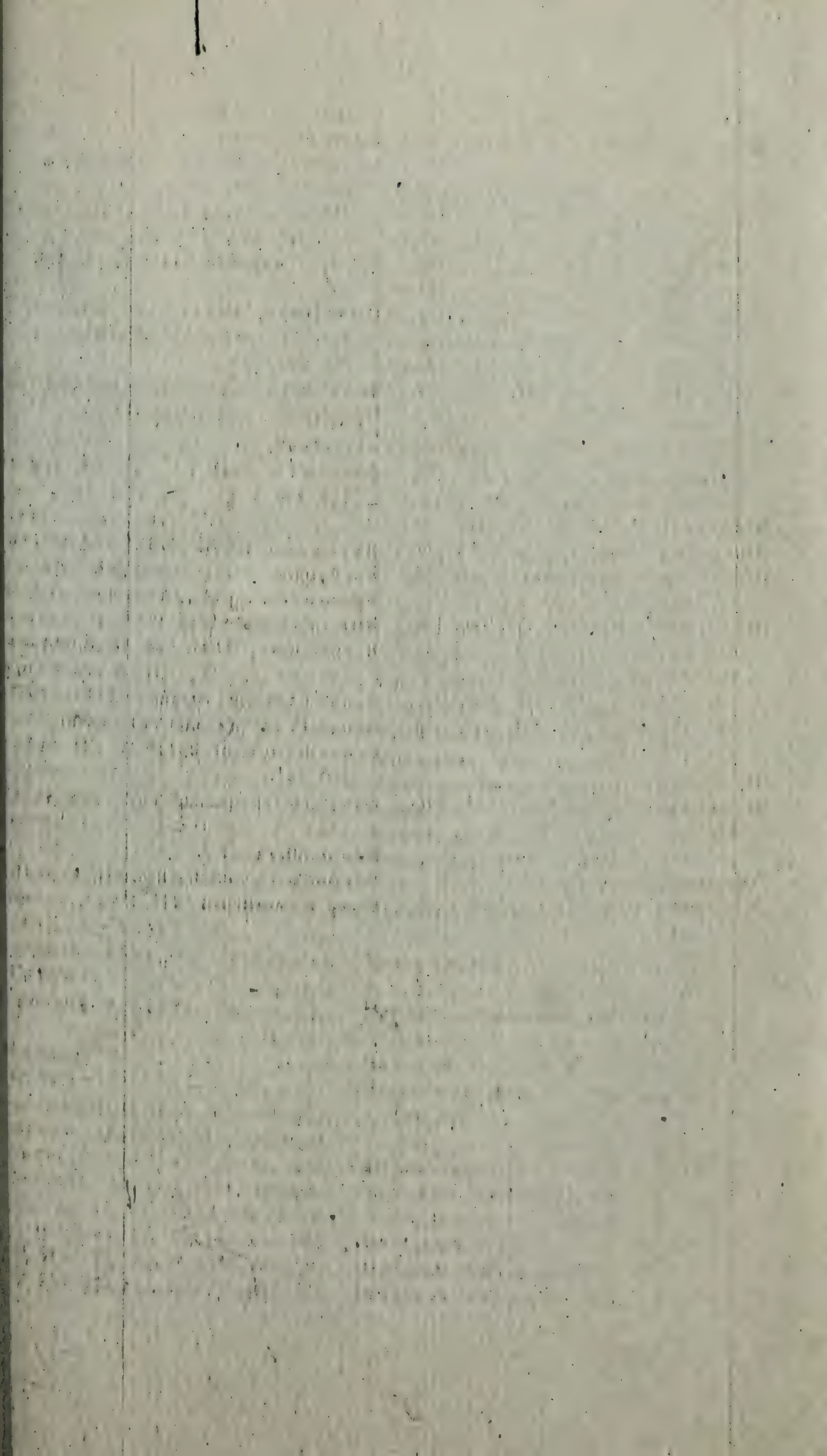
О Котельниковѣ и его ереси см.: «Донская Газета» 1875, №№ 76—79; «Древняя и Новая Россія» 1876, т. III, стр. 94—97; «Русская Старина» 1871, т. IV, стр. 92 (о содержаніи Котельникова въ Юрьевомъ монастырѣ, см. выше *стр. 452*). О немъ же см. полный текстъ автобіографіи Фотія и другіе матеріалы по исторіи Библейскаго Общества, перечисленные выше. По архивнымъ матеріаламъ о пребываніи Котельникова въ Соловецкомъ монастырѣ говорится въ книжкѣ М. Колчина: «Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв.». Съ предисловіемъ А. С. Пругавина. Изд. «Посредника», М. 1908, стр. 98—102 и 162; здѣсь приводятся отрывки изъ обращеній Котельникова къ начальству и изъ аттестацій его поведенія. Перу самого Котельникова принадлежитъ сочиненіе, посмертно изданное подъ ред. И. П. Попова въ Новочеркасскѣ въ 1886 году: «Историческое свѣдѣніе о Верхне-Кур-

моярской станицѣ» (приложена біографія К-ва). Архивные матеріалы о Котельниковѣ хранятся въ Архивѣ Управленія Казачьихъ Войскъ въ Петроградѣ.

Когда А. Н. Пыпинъ писалъ статью о «библейской сектѣ» Котельникова, ему были доступны далеко не всѣ архивные документы о ней. Позднѣе, въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1882 г., № 11—12, стр. 739—795, свящ. В. Н. Жмакинъ напечаталъ статью: «Ересь есаула Котельникова», гдѣ полностью и точно напечаталъ цѣлый рядъ новыхъ документовъ: 1) два письма Котельникова къ Фотію съ Дона, 1824 г.; 2) письмо Фотія къ Аракчееву отъ 10 мая 1825 г.; 3) письмо митрополита Серафима къ Аракчееву отъ 4 мая 1825 г.; 4) объясненіе Котельникова на имя настоятеля Соловецкаго монастыря, архимандрита Досиоея, отъ 29 октября 1826 г.; 5) второе объясненіе, ему же, отъ 7-го февраля 1827 г.; 6) письмо къ Котельникову въ Соловецкій монастырь его дочери, Маріи Кустовой, отъ 23 мая 1827 г. Эти документы являются необходимымъ дополненіемъ къ матеріаламъ статьи А. Н. Пыпина. Особенно важны объясненія» Котельникова, обширныя по объему и представляющія полную автобіографію его и изложеніе его религіозныхъ исканій. Весьма цѣнно и письмо дочери, написанное по освобожденіи ея изъ Кашинскаго монастыря, полное любви и преданности къ отцу и написанное очень литературно и съ большимъ душевнымъ подъемомъ. В. Н. Жмакину работа А. Н. Пыпина осталась неизвѣстна.

Нѣкоторыми библіографическими указаніями редакторъ обязанъ Б. Л. Модзалевскому, которому и приноситъ за это свою благодарность.

Указатель личныхъ именъ.

485

СОДЕРЖАНІЕ.

X|1901

СОЧИНЕНІЯ
А. Н. ПЫПИНА.

Для любителей книжной старины. Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка. Изданіе Общества любителей росс. словесности. М. 1888. 1 р.

Изъ исторіи народной повѣсти. Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ, и пр. Текстъ по рукописямъ XVIII вѣка и введеніе. Изданіе Импер. Общества любителей древней письменности. Пг. 1887. 75 к.

Дѣла о лѣсняхъ въ XVIII вѣкѣ (1704—1764). Пг. 1900. 80 к.

Сводный старообрядческій синодикъ. Второе изданіе синодика по четыремъ рукописямъ XVIII—XIX в. Изданіе Импер. Общества любителей древней письменности. П. 1883. 1 р.

Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 4-е. Пг. 1908. 3 р.

Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки. Изданіе четвертое, съ третьяго дополненнаго, безъ перемѣнъ. Пг. 1909. 3 р.

Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изданіе 2-е, съ дополненіями и примѣчаніями. Книгоизд. «Колосъ». Пг. 1908. 3 р. 50 к.

Н. А. Некрасовъ. Нѣсколько воспоминаній. Историко-литературныя справки.— Письма Некрасова къ И. С. Тургеневу. 1847—1861.—Новѣйшая литература о Некрасовѣ. Съ тремя портретами. Пг. 1905. 2 р.

М. Е. Салтыковъ.—Идеализмъ Салтыкова.—Журнальная дѣятельность 1863—1864.—Библіографическая замѣтка. Пг. 1899. 1 р. 50 к.

Исторія русской литературы. Четыре тома.—I. Древняя письменность.— II. Древняя письменность. Времена Московскаго царства. Канунъ преобразованій.—III. Судьбы народной поэзіи. Эпоха преобразованій Петра Великаго. Установленіе новой литературы. Ломоносовъ.—IV. Времена имп. Екатерины II. Девятнадцатый вѣкъ. Пушкинъ и Гоголь. Утвержденіе національнаго значенія литературы. Изд. 4-е. Пг. 1911—1913. Четыре тома 10 р. Каждый томъ отдѣльно 3 р.

Мои замѣтки. М. 1910. 2 р.

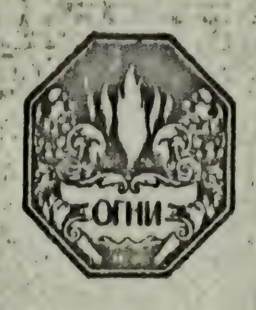
Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ. (1878). Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Водовозова. Пг. 1913 г. 1 р.

Продаются въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, Вас. Островъ, 5 линія, 28; выписывать можно также изъ книжн. склада **«Огни»**, Фонтанка, 80.

Русское масонство. XVIII и начало XIX в. Редакція и примѣчанія **Г. В. Вернадскаго.** (Заканчивается печатаніемъ).

Очерки литературы и общественности при Александрѣ I. Сборникъ статей. Редакція и примѣчанія **Н. К. Пиксанова.** (Готовится къ печати).

Изданіе Т-ва „ОГНИ“, Фонтанка, 80. Тел. 252—56.

Цѣна 4 руб.

Складъ изданія: Петроградъ, К-во „ОГНИ", Фонтанка, 80, тел. 252-56; Москва, К-во „ЗАДРУГА", М. Никитская, 29, тел. 4-50-61.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 29 07 09 018 9